ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

МЕМУАРЫ

SHOUT
SHARE
IT

- Джузеппе Гарибальди
  -
  - Предисловие к изданию
    -
  - Мои мемуары в пересмотренном. виде
    - Предисловие к моим мемуарам
    - Книга первая
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
      - Глава 6
      - Глава 7[40]
      - Глава 8
      - Глава 9
      - Глава 10
      - Глава 11
      - Глава 12
      - Глава 13
      - Глава 14
      - Глава 15
      - Глава 16
      - Глава 17
      - Глава 18
      - Глава 19
      - Глава 20
      - Глава 21
      - Глава 22
      - Глава 23
      - Глава 24
      - Глава 25
      - Глава 26
      - Глава 27
      - Глава 28
      - Глава 29
      - Глава 30
      - Глава 31
      - Глава 32
      - Глава 33
      - Глава 34
      - Глава 35
      - Глава 36

- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава. 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48

- Книга вторая
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
- Книга третья
  - Глава 1
  - Г лава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Продолжение главы: от Калатафими до Палермо
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Бронцетти у Кастель Морроне, 1 октября

        - 1860 г.
        - Глава 18
    - Книга четвертая
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
    - Книга пятая
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
  - Приложение к моим мемуарам
  - Приложения
    - Джузеппе Гарибальди и его эпоха
    - Указатель имен
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199

- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243

- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287

- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331

- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375

- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419

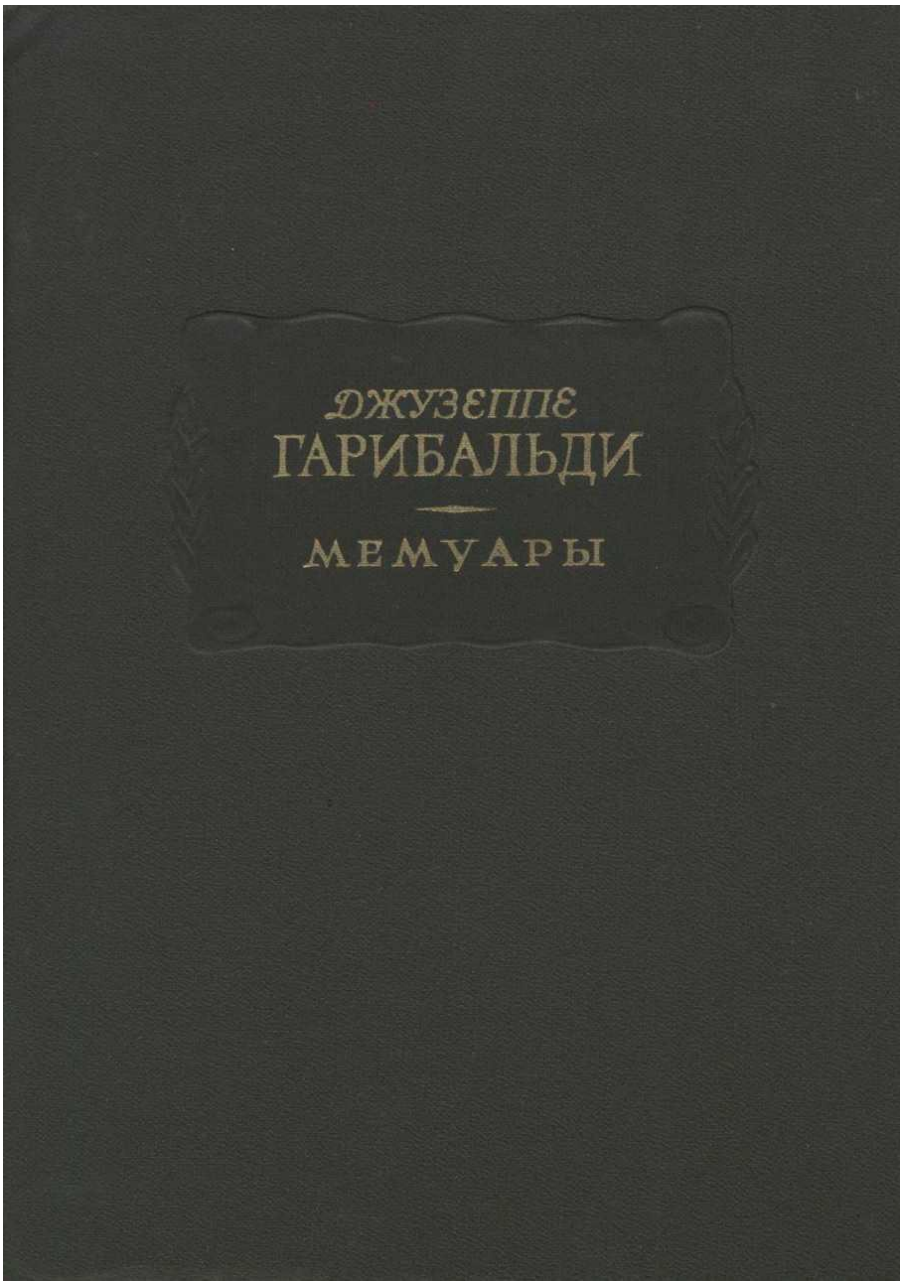
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463

- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507

- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551

- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577

Джузеппе Гарибальди
Мемуары



Джузеппе Гарибальди (1807–1882) Фотография 1860 г.

Предисловие к изданию

В 1907 г., в ответ на просьбу студенческой молодежи Римского университета, которая готовилась к чествованию 100-летнего юбилея со дня рождения Гарибальди, А. М. Горький, проживавший тогда на Капри, рассказал, при каких обстоятельствах он впервые услышал имя Гарибальди.

> «В первый раз я услышал это великое и светлое имя, — писал Горький, — когда мне было 13 лет. Я служил тогда кухонным мальчишкой на пассажирском пароходе… Когда выпадал свободный часок, я шел на ют. Там собирались пассажиры третьего класса: крестьяне и рабочие. Кто сидя, кто стоя, плотной кучкой слушали они тихий и спокойный рассказ одного пассажира. Я тоже стал слушать. — Звали его Джузеппе, по-нашему Осип, а фамилия его была Гарибальди, и он был простой рыбак. Великая у него была душа, и он видел горькую жизнь своего народа, которого одолели враги. И кликнул он клич по всей стране:,Братья, свобода выше и лучше жизни! Подымайтесь все на борьбу с врагом, и будем биться, пока не одолеем!“ И все послушались его, потому что видели, что он скорее трижды умрет, чем подастся. Все пошли за ним и победили…» [1].

Этот рассказ Горький услышал в 1881 г., за год до смерти Гарибальди. Но легенда о нем уже существовала в России задолго до того. Немецкий историк Макс Неттлау в написанной им биографии Михаила Бакунина приводит воспоминания русского революционера о Гарибальди, в которых сообщается, что в период знаменитой кампании Гарибальди в Сицилии и Неаполе Бакунин находился в сибирской столице — Иркутске и все население Иркутска, почти без исключения — торговцы, ремесленники, рабочие, даже служащие, — стало страстным сторонником свободы. Далее автор мемуаров сообщает, что в 1860–1861 и 1863 годах, когда сильные волнения охватили русское сельское население, немало крестьян России и Малороссии ожидали прихода Гарибальди.

Как и в других странах мира, в России бытовала легенда о Гарибальди. Русским крестьянам Гарибальди представлялся сверхчеловеческим героем, который сможет освободить все народы, находящиеся под гнетом притеснителей. В 1864 г. в России распространилась молва, не имевшая никаких оснований,

что Гарибальди якобы готовится к высадке в Одессе, чтобы там провозгласить республику. Абсурдный проект, который показывает, что живуче было и неправильное представление о Гарибальди.

В действительности Гарибальди был совсем иным человеком, чем некоторые рисовали его. Он не был сверхъестественным, но человеком, как и все другие, — со своими достоинствами и недостатками. Вся его сила заключалась в том, что он был человеком из народа, любил народ и знал, как выражать его стремления.

Первым, кто понял эту основную характеристику Гарибальди, был Александр Герцен. Сравнивая Гарибальди с Мадзини, он писал в «Былом и думах»:

> «Что Гарибальди лучше знал массы, в этом я совершенно убежден. Маццини… глубоко знал одну сторону жизни;…но с народом… с этой густой толщей, идущей до грунта, т. е. до полей и плуга…он никогда не был в сношениях; а Гарибальди не только в Италии, но везде он жил с ними, знал их силу и слабость, горе и радость; он их знал на поле битвы и средь бурного океана…» [2].

Для официальной итальянской историографии, зависимой от правящей буржуазии, Гарибальди был «детским» героем, наделенным моральными добродетелями, но наивным до смешного и совершенно лишенным политической проницательности. В этом мнении нет ничего верного. Напротив, политическая дальнозоркость у Гарибальди почти всегда была более ясной, чем у многих государственных деятелей его времени, и он действовал, стараясь прочно опираться на твердую почву, избегая опасных авантюр. У него была своя идеология — непоколебимая и точная, которая сформировалась под влиянием постоянного контакта с массами и с представителями революционного движения. Основные ее положения были те же, что и у наиболее передовых течений революционной буржуазии: принцип национальности; республиканская система; социальная справедливость; мир; прогресс и благополучие народа как конечная цель. Но человек дела, он в своей деятельности придерживался двух основных правил: превосходство действий над мыслями и подчинение принципов потребностям обстоятельств. Вот почему он, республиканец, стал под знамя монархии; демократ — допускал диктатуру; сторонник мира, он сражался на войне. Это не было противоречием в его поведении. Напротив, в этом строгая и последовательная логика всего

итальянского Рисорджименто.

Борец итальянского народа, Гарибальди любил и другие народы мира, в частности русский народ, в котором он предвидел политического и социального обновителя и звезду будущего.

В 1864 г., в Лондоне, он вместе с Мадзини поднимал бокал «за юную Россию, за новый народ, который, освободившись и одолев Россию царскую, призван играть великую роль в судьбах Европы». Предвидение, которое осуществилось; и если Европа пользуется независимостью и свободой, то, по большей части, благодаря героизму и жертвам новой России, граждан великого Советского Союза.

Чтобы познать истинного Гарибальди, лучший способ — чтение его «Мемуаров». В них советские люди увидят человека, идеи и чувства которого не отличаются от их собственных: любовь к родине, к своему народу, гуманность и мир. Нам, итальянцам, хорошо известны любовь и уважение, которые вызывало имя Гарибальди в России XIX в. и вызывает в Советском Союзе наших дней. И вместе с советскими читателями мы радуемся важному факту — первому комментированному изданию на русском языке в серии «Литературных памятников» мемуаров Гарибальди. Выход в свет этого издания, так скрупулезно подготовленного советскими учеными, является новым доказательством того, что традиции дружбы между народами наших стран, заложенные более века тому назад революционерами России и Италии, ныне живут и укрепляются на радость всем людям доброй воли на земле.

Стефано Канцио [3].

Мои мемуары в пересмотренном. виде Капрера, 7 декабря 1871 г.

Предисловие к моим мемуарам 3 июля 1872 г.

Я прожил бурную жизнь, в которой было и хорошее и плохое, как, наверное, у большинства людей. Я всегда стремился к добру — для себя и для себе подобных; если же мне случалось совершить нечто дурное, то это было сделано, конечно, ненамеренно. Я ненавижу тиранию и ложь и глубоко убежден, что в них главный источник всех зол и испорченности рода человеческого.

Поэтому я являюсь приверженцем республиканского устройства, достойного честных людей, устройства естественного, отвечающего желаниям большинства и потому не нуждающегося в том, чтобы его навязывали с помощью насилия или обмана.

Будучи терпимым и не фанатичным, я не стал бы навязывать силой свой республиканизм, например англичанам: если они довольны правлением королевы Виктории[4] — пусть так и будет, и в этом случае их правительство должно считаться республиканским. Оставаясь республиканцем, я все более убеждаюсь в необходимости временной справедливой диктатуры для тех народов, которые, подобно народам Франции, Испании и Италии, стали жертвами самого пагубного политиканства.

Все рассказанное мною в мемуарах может послужить истории, ибо я был непосредственным свидетелем большинства упоминаемых мною событий.

Я не поскупился на похвалы тем, кто пал в битвах за свободу. Большую сдержанность я проявил к живым, особенно к моим соратникам. Если же мне приходилось говорить о тех, кто нанес мне оскорбление, вызвавшее справедливое негодование, то я старался сначала умерить свой гнев.

Всем, что я написал, я особенно боролся с духовенством[5], ибо в нем я всегда видел основу всякого деспотизма, всякого порока, всякого несчастья. Священник — это олицетворение лжи, но от лжеца недалеко до вора, от вора — до убийцы, и я мог бы найти у духовенства и другие подобные качества. Многие, и я в том числе, полагают, что благодаря росту образования, человечество освободится от язвы духовенства. Но те привилегированные, которые правят миром, разве не образованны они? И однако они оставляют мир в порабощении.

Говорят: «свобода для всех»[6]. И такое мнение распространено даже среди народов с хорошим управлением. Но неужели свобода и для этих пиявок, шакалов, убийц — духовенства? Ведь оно — худшее порождение зла, зачумленная сорная трава человечества, ведь от него еще несет запахом сожженного человеческого мяса. Опора тронов, оно преуспевает там, где властвует тирания, подчиняя себе голодные толпы рабов. Но в свободных странах духовенство полагается лишь на свободу, не требуя ничего больше — ни привилегий перед законом, ни субсидий. Рептилиям достаточно свободы: ханжи и тупицы не видят недостатки современного мира, а мошенникам, заинтересованным в сохранении невежества и суеверий масс, всегда будет раздолье.

Быть может, меня обвинят в пессимизме. Но у кого хватит терпения прочесть то, что я написал, простят мне: я закончил ныне 65 год жизни, и после того, как в течение большей части моей жизни я верил в улучшение человеческого рода, теперь, когда я вижу столько страданий и испорченности в этом так называемом цивилизованном веке, меня охватывает глубокая горечь.

Из-за слабеющей памяти, я, возможно, забыл упомянуть кого-либо из заслуженных и близких мне людей. Среди хирургов, которые от Монтевидео до Дижона делили со мной тяготы военных кампаний, я назову следующих: Одичини, хирурга монтевидеоского легиона, который, благодаря своим незаурядным профессиональным способностям, оказал большую помощь воинам — нашим соотечественникам; моего дорогого друга Рипари, бывшего вместе со мной в 1849 г. в Риме, где он лечил мою рану. Главный хирург экспедиции «Тысячи», он со свойственным ему энтузиазмом и высоким умением выполнил трудную и благородную миссию. При Аспромонте[7], благодаря самоотверженным усилиям хирургов Рипари, Базиле и Альбанезе, мне была сохранена правая нога и, быть может, — спасена жизнь.

Бертани был главным хирургом отрядов, которыми я командовал в 1859 и 1866 гг. Его исключительные способности как руководителя и как хирурга неоспоримы. В 1867 г. он отличился также в несчастном сражении при Ментане. Выдающиеся профессора — Патридж, Нелатон и Пирогов[8] проявившие ко мне бескорыстное внимание, когда я был в опасном состоянии, доказали, что для добрых дел, для подлинной науки нет границ в семье человечества. Я должен принести благодарность дорогим докторам Прандина, Чиприани, Риболи и доктору Пасторе. Будучи во Франции, главный хирург Вогезской армии доктор Риболи страдал от тяжелой и изнурительной болезни, и все же он не прекращал своей полезной деятельности.

Воздавая должное личным заслугам моих товарищей, я не претендую, конечно, на непогрешимость, и если мною допущена неточность, то это сделано, повторяю, без всякого умысла.

Я предоставляю здравомыслящим людям судить о том, является ли нормальным современное состояние общества (4 июля 1872 г.). Ветры еще не очистили воздух, отравленный зловонием трупов, а уже начинают подумывать о реванше. Люди страдают от всевозможных бед: голода, наводнений, болезней. Но разве это важно? Все вооружаются до зубов, все становятся солдатами! А духовенство? Это подлинный бич божий! В Италии оно держит трусливое правительство в состоянии самого жалкого унижения и преуспевает из-за испорченности и нищеты низов! Во Франции оно подталкивает к войне несчастный народ этой страны. А в Испании дело обстоит еще хуже: подстрекая к гражданской войне, духовенство возглавляет банды фанатиков и сеет повсюду ненависть.

Мы преданы миру, праву и справедливости. И все же нам приходится в заключение вспомнить слова одного южноамериканского генерала: «La guerra es la verdadera vida del hombre!» [9].

Книга первая

Глава 1
Мои родители

Прежде чем начать рассказ о моей жизни, я должен упомянуть о моих добрых родителях, чьи душевные качества и любовное ко мне отношение имели большое влияние на мое воспитание и физическое развитие.

Отец мой[10], сын моряка и с раннего детства сам моряк, не обладал, конечно, теми познаниями, которые украшают в наше время людей его звания. В молодости он служил на кораблях моего деда, а потом стал водить собственные суда. Ему пришлось испытать немало превратностей судьбы, и мне нередко приходилось слышать рассказы отца о том, что он мог бы оставить нас более обеспеченными. Однако я глубоко благодарен ему и за то, что он оставил мне, ибо глубоко убежден, что отец не пожалел ничего для моего воспитания, даже в то время, когда он находился в стесненных обстоятельствах и когда воспитание детей при его весьма скромном достатке было, конечно, тяжелым бременем.

Если мой отец не дал мне более разностороннего воспитания, не обучал меня гимнастике, фехтованию и другим физическим

упражнениям, то в этом виновато само время: тогда под влиянием наставников из духовенства предпочитали делать из молодых людей скорей монахов и законников, чем достойных граждан, обученных полезному и мужественному делу и способных служить своей обездоленной стране.

Впрочем отец горячо любил своих детей и потому боялся, как бы их не привлекло к себе военное поприще.

Эти опасения моего дорогого отца, порожденные чрезмерной привязанностью, — единственное, что я могу поставить ему в упрек. Ибо из страха, что я слишком молодым столкнусь с трудностями и опасностями моря, он до пятнадцати лет, вопреки моим склонностям, не позволял мне заняться мореплаванием.

Это не было мудрым решением. Ныне я убежден, что моряк должен приобщаться к своему занятию с самого раннего возраста, если можно еще до восьми лет, руководствуясь в этом прежде всего примером лучших мореплавателей — генуэзцев и особенно англичан.

Нужно признать порочной систему, при которой молодых людей, решивших посвятить себя мореплаванию, обучают в Турине или Париже, а затем, когда им уже минет двадцать, посылают на корабли. Я считаю более разумным, чтобы они обучались на кораблях и одновременно практиковались бы на них в мореплавании.

А моя мать! Я с гордостью утверждаю, что она могла служить образцом для матерей, — думаю, что этим сказано все.

Одним из самых тяжких огорчений моей жизни было то, что я не смог скрасить последние дни моей доброй родительнице, которой моя скитальческая жизнь доставила столько горестных минут.

Быть может, она относилась ко мне с чрезмерной нежностью. Но не обязан ли я ее любви и ее ангельскому характеру тем немногим, что есть во мне хорошего? Не обязан ли я ее добросердечию и любви к ближнему, ее милосердию и искреннему состраданию к несчастным и страждущим той любовью к родине, быть может и недостаточной, которая привлекла ко мне симпатии и привязанность моих несчастных, но достойных соотечественников?

Я отнюдь не суеверен, но нередко в самые трудные минуты моей беспокойной жизни, когда я выходил невредимым из ожесточенных сражений или океанских бурь, мне являлась моя обожаемая мать — преклонившая колени перед ликом Спасителя и молящаяся за жизнь порожденного ею… И хотя я мало верю в силу молитвы, я бывал тронут ею, становился счастливым или менее удрученным!

Глава 2
Мои ранние годы

Я родился 4 июля 1807 г. в Ницце, в глубине гавани Олимпио, в доме над морем. Мое детство я провел, подобно другим детям, среди игр, смеха и слез, обнаружив большую склонность к забавам, чем к учению.

Я не воспользовался должным образом теми заботами и расходами, на которые пошли мои родители, чтобы воспитать меня. В моей юности не случилось ничего особенного. У меня было доброе сердце, и следующие случаи, как бы они ни были незначительны, подтвердят это.

Однажды я поймал кузнечика. Принеся его домой, я начал играть с ним и оторвал бедняге ногу. Я так опечалился, что, запершись в комнате, долго и горько плакал.

В другой раз мы были на охоте в Варо с моим двоюродным братом. Я остановился у края глубокой ямы, в которой обычно вымачивали коноплю и в которой какая-то бедная женщина тогда стирала белье. Не знаю, каким образам эта женщина упала головой в воду и стала тонуть. Хотя я был тогда еще ребенком и к тому же мне мешал ягдташ, я бросился в воду и спас ее. Впоследствии всякий раз, когда речь шла о чьей-либо жизни, я никогда не медлил с помощью, даже с риском для самого себя.

Моими первыми учителями были два священника. Я думаю, что своим низким культурным и физическим уровнем итальянцы обязаны главным образом этому вредному обычаю[11]. О моем третьем учителе, синьоре Арена, преподававшем мне итальянский язык, каллиграфию и математику, я сохранил теплые воспоминания.

Если бы я был более рассудительным и мог предположить, что в будущем мне придется общаться с англичанами, я старательнее изучал бы их язык, в чем мне мог помочь второй учитель, отец Джауме, свободный от предрассудков священник, великолепно знавший прекрасный язык Байрона.

Мне всегда было досадно, что я не изучил как следует английский язык, когда у меня была такая возможность; эту досаду я испытывал снова всякий раз, когда жизнь сталкивала меня с англичанами.

Своими немногими познаниями я обязан синьору Арена, человеку светскому; я навсегда сохранил к нему чувство благодарности, особенно за то, что он обучал меня родному языку и римской истории.

Отсутствие серьезного обучения, в том числе отечественной истории — порок, присущий всей Италии, но особенно он дает о

себе знать в Ницце, пограничном городе, который, к несчастью, столько раз оказывался под французским владычеством.

В моем родном городе, даже во времена, когда писались эти строки (1849), немногие сознавали себя итальянцами. Большой наплыв французов, распространение диалекта, весьма похожего на провансальское наречие, и бездействие правителей, для которых народ существует только для того, чтобы грабить его и брать его сыновей в солдаты, — таковы причины, делавшие жителей Ниццы совершенно безразличными к патриотическому движению и облегчившие духовенству и Бонапарту в 1860 г. возможность оторвать эту прекрасную ветвь от материнского ствола[12].

Итак, своими скромными познаниями в итальянском языке я отчасти обязан этому первому знакомству с отечественной историей, а также моему старшему брату Анджело, который, находясь в Америке, настойчиво советовал мне изучать этот прекраснейший из языков.

Повествование об этом первом периоде моей жизни я закончу коротким рассказом об эпизоде, явившемся предвестником будущих приключений.

Устав от школы, измученный постоянным пребыванием в четырех стенах, я предложил однажды нескольким моим сверстникам бежать в Геную без определенной цели, но в сущности для того, чтобы попытать счастья. Сказано — сделано. Мы берем лодку, запасаемся кой-какими припасами и рыболовной снастью, и вот — лодка плывет на восток. Мы были уже в море у Монако, когда нас настиг какой-то корсар, посланный вдогонку моим добрым отцом, и привел нас, совершенно пристыженных, домой.

Нас, беглецов, выдал аббат. Посмотрите, какое сочетание: аббат, будущий священник, помог, возможно, моему спасению, а я в своей неблагодарности поношу этих бедных священников. Как бы то ни было, духовенство — это обманщики, я же посвятил себя святому культу истины.

Вместе со мной в побеге участвовали Чезаре Пароди, Раффаэле Деандреис; остальных я не помню.

Здесь мне следовало бы рассказать о молодежи Ниццы, — находчивой, сильной, смелой, — которая могла бы прекрасно послужить на гражданском и военном поприще. К сожалению, ее увлекли на ошибочный путь сначала духовенство, а потом разврат, насаждавшийся иноземцами, которые превратили эту прекраснейшую «Чимеле деи романи»[13] в космополитический рассадник всякого порока.

Глава 3
Мои первые путешествия

Юности, жаждущей броситься в неведомые приключения, все рисуется в радужном свете. Как прекрасна была ты, «Костанца»[14], на которой мне суждено было впервые бороздить Средиземное, а затем Черное море! Твои крепкие борта, стройный рангоут, просторная палуба и женский бюст на носу навсегда врезались в мою память. Как грациозно гребли твои санремские моряки — истинный тип наших отважных лигурийцев![15] С каким восторгом я бросался на мостик, чтобы услышать их народные песни, их гармонические хоры. Они пели о любви, и я был тогда восхищен, растроган по ничтожному поводу. О, если бы они пели мне о родине, об Италии, о ее невыносимых страданиях! Внушил ли кто-нибудь им, что нужно быть патриотами, итальянцами, борцами за человеческое достоинство? Сказал ли кто-нибудь нам, юношам, что у нас есть родина, Италия, за свободу и возрождение которой нужно бороться? Это сделали, может быть, священники, наши единственные учителя? Нет, мы росли как торговцы, будучи убеждены, что золото — это единственная награда, единственная цель жизни.

И вот, опечаленная мать собирала мне вещи для плавания в Одессу на бригантине «Костанца», которой командовал Анджело Пезанте из Сан-Ремо — лучший морской капитан, которого мне приходилось встречать.

Если бы наш военный флот увеличился должным образом, капитану Анджело Пезанте[16] следовало бы поручить командование одним из первых военных судов, и вряд ли нашелся бы командир лучше его. Пезанте не приходилось командовать военным флотом, но я убежден, что на любом судне — от барки до боевого корабля — он сделал бы все необходимое, чтобы отстоять честь Италии.

Здесь я должен сказать, что в случае войны на море нашей стране следует положиться на свой торговый флот: он воспитывает не только мужественных моряков, но и доблестных офицеров, способных выполнить свой долг в сражениях.

Свое первое плавание я совершил в Одессу. Такие плавания стали настолько обычными, что нет надобности описывать их. Второе плавание я совершил в Рим вместе с моим отцом на борту его собственной тартаны «Санта Репарата».

Рим! Он представлялся мне столицей мира, а ныне — это столица самой отвратительной из сект![17]

Столица мира — о ней напоминают громадные, прекрасные руины — остатки великого прошлого! Город, бывший когда-то

пристанищем секты последователей Праведника, который разорвал узы рабства, утвердил и облагородил человеческое равенство. Его благословляли бесчисленные поколения, устами священников, апостолов народного права; ныне же они превратились в выродков, в трутней, в подлинный бич Италии, которую они продавали иноземцам бесчисленное количество раз!

Нет, тот Рим, рисовавшийся моему юношескому воображению, был Римом будущего[18], который я, заброшенный в дебри американских лесов, умиравший, терпевший кораблекрушение, уже отчаялся когда-нибудь увидеть!

Рим, с которым связана идея возрождения великого народа! Идея, на которую меня вдохновили прошлое и настоящее и которая стала главкой идеей всей моей жизни.

С того времени Рим стал для меня дороже всего на свете. Я восхищался им со всем пылом моей души — и не только его гордыми бастионами, свидетельством многовекового величия, но и последними его развалинами.

Мое сердце таило в себе ценнейший клад — мою любовь к Риму. Я давал ей выход лишь тогда, когда мог горячо восхвалять предмет моего поклонения. Изгнание и дальность расстояния не ослабили моей любви к Риму, но, напротив, укрепили ее. Часто, очень часто меня делала счастливым мысль о возможности увидеть его еще раз.

Наконец, Рим для меня — это вся Италия, а я представляю себе Италию не иначе, как в виде единого целого или союза, объединяющего ее разрозненные части. Рим — это символ единой Италии, в какой бы форме ни хотели видеть ее.

И самое преступное деяние папства состояло в том, что оно стремилось удержать Италию в состоянии территориальной и духовной разобщенности[19].

Глава 4
Другие плавания

Я совершил с отцом еще несколько плаваний, а затем отправился с капитаном Джузеппе Джервино в Кальяри на бригантине «Энеа». Во время этого плавания я был свидетелем ужасного кораблекрушения, которое оставило неизгладимый след в моей памяти.

Возвращаясь из Кальяри, мы достигли мыса Ноли, где оказались и другие суда, в том числе каталонская фелюга.

В течение нескольких дней дул грозный Ливийский ветер, и на море разыгрался шторм; ветер стал таким яростным, что принудил нас пристать в Вадо, ибо в такую бурю было опасно

заходить в генуэзский порт.

Сначала фелюга превосходно держалась на воде, так что наши более опытные моряки говорили даже, что они предпочли бы находиться на ее борту. Но очень скоро нашему взору представилось печальнейшее зрелище гибели несчастных людей. Огромный вал опрокинул их судно, и мы успели заметить на его вздыбившейся палубе лишь нескольких людей с простертыми к нам руками; через мгновение они исчезли под вторым, еще более громадным валом.

Катастрофа произошла справа от кормы нашего корабля, поэтому мы были не в состоянии оказать помощь несчастным. Барки, которые шли вслед за нами, также не могли приблизиться к тонувшим из-за ураганного ветра и высоких волн.

Как мы потом узнали, страшная гибель постигла девять человек из одного семейства. При этом трагическом зрелище у самых впечатлительных на глаза навернулись слезы, но мысль о грозившей нам самим опасности скоро осушила их.

Из Вадо мы направились в Геную, а оттуда — в Ниццу. Затем я начал плавать в Левант[20] и другие страны на судах компании Джоан.

Я побывал в Гибралтаре и на Канарских островах, плавая на корабле «Коромандель», принадлежавшем синьору Джакомо Галлеано, под началом его племянника капитана Джузеппе, носившего ту же фамилию; я вспоминаю о нем с благодарностью.

Потом я снова вернулся к плаваниям в Левант. Во время одного из них на бригантине «Кортезе», капитаном которой был Карло Семериа, я заболел и остался в Константинополе. Судно ушло, а моя болезнь неожиданно затянулась, и я оказался в стесненном материальном положении. Как бы ни были плохи обстоятельства, какая бы опасность ни грозила мне, я никогда не терял присутствия духа. Мне посчастливилось встретить благожелательных людей, принявших участие в моей судьбе. Среди них я никогда не забуду синьору Луизу Совего, родом из Ниццы. Она принадлежала к числу тех женщин, которые заставляли меня не раз утверждать, что женщина — самое совершенное создание, что бы о ней ни думали мужчины.

Она была счастьем и отрадой своего мужа, достойнейшего человека, образцовой матерью, с несравненной тонкостью воспитывавшей своих милых детей.

Война, начавшаяся между Россией и Портой[21], продлила мое пребывание в Константинополе. Из-за этого мне пришлось поступить на должность гувернера: я сделал это по предложению синьора Диего, доктора медицины, который представил меня вдове Тимони, искавшей учителя.

Войдя в этот дом как наставник трех мальчиков, я использовал это спокойное время, чтобы немного изучить греческий язык; впоследствии он забылся, так же как и латинский, которому меня обучали в детстве.

Потом я снова занялся мореплаванием. Вместе с капитаном Антонио Казабона мы ходили на бригантине «Ностра Синьора делла Грацие». На этом судне я впервые выполнял обязанности капитана: это было во время плавания в Маон и Гибралтар и на обратном пути в Константинополь. Я не стану рассказывать о других моих плаваниях в Левант, ибо в то время со мной не произошло ничего примечательного.

С ранних лет горячо любя свою страну и страдая из-за того, что она находится в состоянии рабства, я жаждал быть посвященным в тайну ее возрождения. Поэтому я повсюду искал книги и сочинения, в которых шла речь о борьбе за свободу Италии, и старался найти людей, посвятивших себя этой борьбе.

Во время одного плавания в Таганрог я повстречался с молодым лигурийцем, от которого впервые получил некоторые сведения об освободительной борьбе[22].

Колумб, наверное, не испытывал такой радости при открытии Америки, какую испытал я, когда столкнулся с человеком, посвятившим себя освобождению родины. Я душой и телом отдался этому делу, которое уже давно считал своим собственным, и 5 февраля 1834 г. в семь часов вечера я, переодетый крестьянином, вышел из ворот Лантерна и покинул Геную изгнанником[23].

Так я вступил на общественное поприще. Спустя несколько дней я впервые увидел свое имя в газете: то был смертный приговор, о котором сообщила марсельская газета — «Пополо Соврано»[24].

В Марселе я провел в бездействии несколько месяцев. Как-то вечером, в бытность мою помощником капитана Франческо Газана на французской торговой бригантине «Унионе», я, одетый по-праздничному, находился у себя в каюте, готовясь сойти на берег[25]. Услыхав какой-то шум за бортом, я и капитан выбежали на мостик. Между кормой и молом тонул человек. Я бросился в воду и мне удалось спасти тонувшего француза. Много людей, столпившихся на берегу, рукоплескали мне. Спасенным оказался четырнадцатилетний Жозеф Рамбо. Его мать рыдала у меня на груди слезами радости, я заслужил благословение целой семьи.

Несколькими годами раньше, на рейде в Смирне, мне также посчастливилось спасти моего друга и товарища детства Клаудио Терезе.

Я совершил в то время еще одно плавание по Черному морю

на «Унионе» и одно в Тунис на военном фрегате, построенном для бея в Марселе. Затем я отправился из Марселя в Рио-де-Жанейро[26] на бригантине из Нанта «Нотонье», которой командовал капитан Борегар.

Когда я последний раз был в Марселе, вернувшись из Туниса на принадлежавшем этой стране военном корабле, в городе свирепствовала холера, унесшая множество жизней. Были устроены госпитали, в которые стекались люди, добровольно предлагавшие свои услуги. Я явился в один из них и в течение нескольких дней, которые мне оставалось пробыть в Марселе, дежурил по ночам, ухаживая за холерными больными.

Глава 5
Россетти

По прибытии в Рио-де-Жанейро мне не пришлось потратить много времени, чтобы найти друзей. Россетти[27], которого я никогда раньше не видел и все же отличил бы в любой толпе благодаря взаимному и горячему влечению, встретил меня в Ларго-до-Пассо. Наши взгляды встретились, и нам показалось, что мы видим друг друга не в первый раз, как это было в действительности. Мы улыбнулись друг другу и сделались братьями на всю жизнь, на всю жизнь неразлучными!

Не было ли это одним из множества случаев проявления того бесконечного разума, который, возможно, одушевляет пространство, миры и существа, обитающие на них? Отчего я должен лишать себя дивного наслаждения, которое наполняет меня счастьем, и не верить в передачу материнских чувств, вернувшихся в лоно бесконечного, откуда они брали свое начало, и чувств моего незабвенного Россетти?

Я описал в другом месте прекрасные душевные качества этого человека[28]. Быть может, я умру неуспокоенным, так и не поставив крест на американской земле в том месте, где покоится прах достойнейшего среди верных сынов нашей прекрасной и несчастной родины. Останки доблестного лигурийца, павшего во время внезапного ночного нападения бразильцев на деревню, в которой он случайно оказался, должны покоиться на кладбище в Виамао[29].

Несколько месяцев прошли в бездействии, и вот Россетти и я занялись торговлей, но мы не были созданы для нее.

Во время войны между республикой Риу-Гранди и Бразильской империей были захвачены в плен Бенто Гонсалвис[30], президент, командующий армией республики и его генеральный штаб; в плену оказался также его секретарь

Дзамбеккари, сын знаменитого болонского воздухоплавателя.

Россетти получил разрешение от республики, и мы здесь же, в порту Рио-де-Жанейро, вооружили небольшое судно «Мадзини».

Глава 6
Корсар

Корсар! Выйдя в океан с двенадцатью товарищами на борту гароперы[31], мы бросили вызов империи! Впервые у этих южных берегов стало развеваться знамя свободы, республиканское знамя Риу-Гранди.

В море против острова Илья-Гранди мы повстречали шхуну с грузом кофе и захватили ее. «Мадзини» пришлось затопить, ибо у нас не было лоцмана, который мог бы вести его в открытом море.

Россетти был со мной, но не все мои товарищи были под стать ему, т. е. не все они были чисты душой так, как он. К тому же некоторые из них, чей вид не внушал слишком большого доверия, держали себя с чрезмерной свирепостью, чтобы запугать наших ни в чем не повинных противников. Я постарался, естественно, утихомирить их и рассеять испуг наших пленников, насколько это было возможно.

Когда я поднялся на шхуну, один из ее пассажиров-бразильцев подошел ко мне и с умоляющим видом предложил шкатулку с тремя великолепными бриллиантами. Я отказался их принять — ведь мною был отдан приказ, запрещавший посягать на личные вещи экипажа и пассажиров. Такого правила я придерживался во всех подобных обстоятельствах, и мои приказания никогда не нарушались, так как мои подчиненные твердо знали, что от меня нельзя было ждать здесь снисхождения.

Мы высадили пассажиров и экипаж «Луизы» (так называлась шхуна) к северу от мыса Итапекоройа, разрешив им взять в шлюпку помимо их личных вещей все необходимые припасы.

Наш корабль поплыл на юг, и через несколько дней мы вошли в гавань Мальдонадо, где население и местные власти тепло приняли нас, в чем мы увидели доброе предзнаменование.

Мальдонадо, лежащий в устье Ла-Платы, имеет важное значение благодаря своему положению и достаточно удобной гавани, в которой мы застали французское китобойное судно. В Мальдонадо мы, как корсары, весело провели несколько дней.

Россетти отправился в Монтевидео, чтобы урегулировать там наши дела. Я оставался здесь со шхуной примерно восемь дней, когда над нами стали собираться тучи. Дело могло бы иметь для нас плачевный исход, если бы наместник Мальдонадо был менее достойным человеком, а я — не столь удачливым. Он

предупредил меня, что права Риу-Грандийской республики не только не признаются (вопреки ранее данным инструкциям), но что даже пришел приказ задержать меня и мое судно. Это заставило нас поднять паруса и двинуться с северо-восточным ветром вверх по Ла-Плате, притом почти наугад; у меня едва хватило времени передать одному знакомому, что мы направляемся к мысу Хесус-Мария, у barrancas[32] Сан-Грегорио, севернее Монтевидео, где будем ожидать решений, которые примут Россетти и наши друзья в столице.

Мы достигли Хесус-Марии после трудного плавания, едва было не потерпев кораблекрушения у Пьедрас-Неграс из-за тех непредвиденных обстоятельств, от которых часто зависит жизнь многих людей.

В Мальдонадо, узнав об угрозе ареста и не слишком доверяя благожелательности наместника, я, находясь на берегу, чтобы закончить некоторые дела, передал на судно распоряжение подготовить оружие. Этот приказ был тотчас же выполнен. Но случилось так, что оружие, извлеченное из трюма, сложили — дабы оно всегда находилось под рукой — в отсеке, расположенном рядом с компасом.

Когда стали поднимать паруса, в спешке никому не пришло в голову, что оружие находится в таком месте, где оно может влиять на компас. К счастью, мне не особенно хотелось спать. Сильный ветер, доходивший до шквального, заставил меня встать с подветренной стороны, рядом с рулевым, т. е. на правом борту судна. По привычке я вглядывался в очертания берега, который между Мальдонадо и Монтевидео очень опасен из-за рифов, подступающих к его мысам.

Была первая вахта, т. е. время от восьми до полуночи. Ночь была темной и бурной. Все же глазу, привыкшему отыскивать во мраке землю, было не трудно различать берег, тем более, что он, как мне казалось, все более приближался к нам, хотя я скомандовал рулевому румб[33], который должен был отдалить нас от берега.

«Левее на кварту! Еще левее на кварту!»[34] Я приказал взять влево уже более, чем на целый ветер (т. е. от четырех до пяти кварт), а берег все больше приближался.

Около полуночи вахтенный на носу закричал «земля!» Какая там земля! Через несколько мгновений нас отнесло к бурунам, кипевшим среди черных страшных скал, которые угрюмо выглядывали из воды. Обойти их было невозможно. Нам угрожала неминуемая опасность. Не оставалось иного выхода, как устремиться в просветы между скалами и постараться найти там проход. Счастье, что я не растерялся. Взобравшись на самый верх

грот-мачты, я, напрягая голос, как только мог в свои двадцать восемь лет, стал направлять шхуну в такие места, которые казались мне менее опасными, одновременно приказывая рулевому совершать необходимые маневры.

Бедную «Луизу» захлестывали волны, которые разбивались о ее палубу с такой же яростью, как и о скалы.

Здесь передо мной открылось новое зрелище: множество морских волков[35], несмотря на бурю, сновали вокруг судна и играли, как дети на цветущем лугу. Однако их головы, такие же черные, как окружавшие нас скалы, и что-то угрожающее, что чудилось в их забавах, не внушали большого доверия. Кто знает — не таилась ли в этих черных, как сажа, башках мысль о том, что недурно было бы испробовать наше мясо.

Но грозившая нам опасность заставляла забыть обо всем остальном. То, что нам удалось выйти из этого лабиринта, не наскочив на рифы, было невероятной удачей. Малейший удар об эти страшные скалы превратил бы в щепы наше потрепанное бурей судно.

Как я сказал, мы достигли мыса Хесус-Мария в скалистой местности Сан-Грегорио примерно в сорока милях от Монтевидео, вверх по Ла-Плате.

Лишь в этот день я узнал, что оружие было извлечено из трюма и сложено в отсеке рядом с компасом.

В том месте, которого мы достигли, ничего нового не произошло. Это было вполне естественно, ибо Россетти, преследуемый властями Монтевидео, вынужден был скрываться, чтобы избежать ареста. Поэтому он и не смог заняться нами.

Припасы кончились, а у нас не было лодки, чтобы высадиться на берег. А между тем нужно было утолить голод двенадцати человек. Заметив примерно в четырех милях от берега какой-то дом, я решил добраться до суши на столе и во что бы то ни стало доставить на судно продовольствие. Между тем дул pampero[36], переходивший у берега в траверсию[37], так что высадиться на сушу было бы трудно даже с помощью шлюпки.

Мы бросили два якоря так близко к берегу, как это только представлялось возможным, на таком расстоянии от него, что в другое время это показалось бы неосторожным, но сейчас было необходимо, так как мне предстояло вернуться на шхуну, плывя на столе, поддерживаемом бочками.

И вот я и матрос Маурицио Гарибальди взобрались на этот стол, который держался на воде благодаря двум бочкам. Нашу одежду мы повесили, подобно трофею, на шест, водруженный на судне этой необычной конструкции. Мы не плыли, а кружились среди бурунов у этого негостеприимного берега.

Река Ла-Плата огибает государство Монтевидео (называемое также Банда Ориенталь)[38], которое лежит на ее левом берегу. Эта прекраснейшая страна покрыта более или менее высокими холмами, и река, подмыв берега, образовала почти однообразные скалы, которые тянутся на большом расстоянии, кое-где достигая огромной высоты.

На правом берегу, омываемом той же важнейшей рекой, раскинулось государство Буэнос-Айрес[39]. Река выносит сюда свои наносы, которые с течением веков образовали необозримые долины Пампы.

Нам посчастливилось добраться до берега и мы вытащили из воды потрепанный «корабль». Оставив Маурицио чинить его, я один двинулся к замеченному мною дому.

Глава 7 [40]

Зрелище, впервые открывшееся моему взору, когда я поднялся на вершину las barrancas, воистину достойно упоминания. Бескрайняя волнистая степь — это природа совершенно новая для европейца и особенно для итальянца, который родился и вырос там, где редко можно найти незастроенный, неогороженный или необработанный клочок земли. Здесь же все обстоит по-иному: креол сохраняет поверхность этой земли в том же самом виде, в каком она досталась ему от предков, истреблявшихся испанцами[41]. Степь, покрытая зеленым ковром, меняет свой вид только в долинах, у берегов небольших рек или в canada[42], где растет macieda[43].

Берега рек и ручьев покрыты обычно великолепными лесами, достигающими часто большой высоты. В этой избранной природой земле обитают лошади, рогатый скот, газели и страусы. Одинокий человек, истинный центавр, пересекает степь только для того, чтобы напомнить своим бесчисленным, но диким, рабам об их властелине.

Нередко огненный жеребец, ведущий за собой табун кобыл, или бык бросаются наперерез, явно и энергично выражая свое презрение к надменному человеку.

Я видал на своей несчастной родине австрийца, глумящегося над людьми и попирающего их достоинство. Рабы прятали взгляд, боясь выдать себя! О, потомки Кальви[44] и Манары[45], ради создателя, не допустите возврата к такому унижению!

Как прекрасен жеребец Пампы! Его губы никогда не знали отвратительного холода узды[46]; его лоснящаяся спина, которую человек никогда не осквернял своим прикосновением, блещет на солнце как бриллиант. Его роскошная, но спутанная грива бьет по

бокам, когда гордый конь, сгоняя в табун кобылиц и убегая от человека, мчится со скоростью ветра. Его копыта, никогда не загрязненные в конюшнях, блестят сильнее слоновой кости, а густой, роскошный хвост, который раздувает ветер, защищает благородное животное от назойливых насекомых. Подлинный султан степей, он выбирает себе самую грациозную из одалисок, без помощи рабских и гнусных услуг самого жалкого из существ — евнуха!

Как передать чувство, испытанное 25-летним корсаром[47], который оказался в этой девственной, впервые им увиденной стране!

Сегодня 20 декабря 1871 г., я, состарившийся, зябко съежившись у очага, с волнением вспоминаю эти сцены прошедшей жизни, когда все улыбалось при виде самого чудесного зрелища, которое мне довелось наблюдать.

Но что ожидает тех гордых коней, быков, газелей, страусов, которые так украшали и оживляли эти райские холмы? Конечно, их потомки будут пастись на этих тучных пастбищах, пока туда не придут пар и железо, чтобы приумножить богатства почвы, но в то же время обеднить красоту этих изумительных сцен природы.

Конь или бык, не привыкшие видеть идущих людей, на мгновение останавливаются, как вкопанные, и кажутся застывшими в странном оцепенении; затем, охваченные, быть может, презрением к этим тщедушным двуногим существам, которые держатся как владыки мира, они играючи бросаются на них; если бы они захотели сделать это всерьез, как того требует справедливость, они бы растоптали их.

Конь может играть, может угрожать, но он никогда не причинит вреда. Быку же доверять нельзя. Газель и страус при виде человека убегают с быстротой скаковой лошади; на возвышенном месте они останавливаются, чтобы посмотреть, не преследуют ли их.

В то время часть территории восточной провинции, о которой идет речь, находилась в стороне от театра военных действий; поэтому здесь было бесчисленное множество самых различных животных.

Глава 8

Любуясь этим восхитительным зрелищем, я прошел около четырех миль и достиг хижины, замеченной мною с судна. Там у меня произошла приятнейшая встреча: молодая, очень пригожая женщина приняла меня самым радушным образом. Быть может, она не отличалась красотой рафаэлевских дев, но она была

хороша собой, образованна и даже оказалась поэтессой.

Какое удивительное сочетание качеств! И в этой глуши, на таком расстоянии от столицы! Мне казалось, что я грежу наяву. Я узнал от нее, что она — жена capataz (управляющего) эстансией[48], находящейся за много миль отсюда; дом же, в котором она обитала, был простой сторожкой этой эстансии.

Она приняла меня с любезностью, о которой я сохранил благодарную память на всю жизнь. Мне было предложено классическое mate[49] и прекрасное жаркое, которое только и едят в этих краях, где мясо является единственной пищей.

Пока я подкреплял свои силы едой, она читала мне Данте, Петрарку и других великих итальянских поэтов. Она заставила меня принять на память книгу прекрасных стихов Кинтаны[50]. Наконец, она рассказала мне историю своей жизни. Она происходила из зажиточной монтевидеоской семьи. Некоторые обстоятельства, связанные с торговыми делами, забросили ее в деревню, где она познакомилась со своим нынешним мужем, с которым жила очень счастливо. Она, с ее романтическими наклонностями, даже во сне не пожелала бы сменить свое положение на шумную жизнь в столице.

Услышав, что мне нужна корова, чтобы обеспечить мясом экипаж, она обещала мне, что ее муж с радостью удовлетворит мою просьбу — нужно было лишь дождаться его. Между тем было уже поздно, и доставить животное к берегу было невозможно раньше следующего дня.

Ее муж долго не шел, я, тогда еще плохо знавший испанский язык, говорил мало. Поэтому у меня было время поразмыслить над превратностями судьбы. Передо мной было такое стечение жизненных обстоятельств, которое не может изгладиться из памяти.

В этой пустыне мне довелось встретить молодую, красивую женщину, хорошо образованную, с поэтическим даром; и она была женой человека, который, возможно, был полудикарем! В мое время любили повсюду находить поэзию, и подобная превратность судьбы могла показаться скорее плодом фантазии, чем действительностью.

Подарив мне книгу стихов Кинтаны, которая послужила темой для разговора, прекрасная хозяйка захотела прочесть мне несколько своих стихотворений, которые привели меня в восторг.

Могут спросить: как я мог восхищаться стихами, почти не зная испанского языка и мало разбираясь в поэзии? Конечно, я мало смыслю в ней, но красота стихов могла бы, пожалуй, тронуть и глухого. А испанский язык так близок к нашему, что я без особого труда понимал его с самого начала моего пребывания

в тех странах, где на нем говорят.

Я наслаждался обществом приветливой хозяйки дома до прихода ее мужа, человека не грубого, но сурового на вид. Мы договорились с ним, что на следующее утро он доставит к берегу rez[51].

На заре я распрощался с привлекательной поэтессой и вернулся к тому месту, где меня не без страха ожидал Маурицио, лучше меня знакомый с этой частью Америки. Он знал о том, что здесь водятся тигры, конечно менее сдержанные в своих повадках, нежели бык или конь.

Вскоре появился и капатас с быком на веревке, который очень скоро был заколот, ободран и разделан: такова сноровка этих людей в подобном занятии.

Теперь нужно было перевезти разрубленного на части быка с берега на судно, на расстояние, примерно, тысячи шагов, по бушующему морю — не очень-то большое утешение для того, кому предстояло совершить эту переправу. И вот мы с Маурицио приступили к этому трудному предприятию.

Две пустые бочки были уже прикреплены к краям «гастрономического корабля», куски мяса были тщательно привязаны к импровизированной мачте, так чтобы их не залило водой. В руках у каждого из нас было по шесту, служившему веслом и для отталкивания. Затем экипаж, освободившись от всякой лишней одежды, по пояс в воде, спустил «судно» в реку.

И вот с помощью весел наша барка двинулась вперед! Хохоча над этим новым способом плавания, трепеща от опасности, на глазах аплодировавшего нам американца и наших товарищей, молившихся, наверное, скорее о том, чтобы уцелело мясо, чем о нашем спасении, мы отважились двинуться навстречу стихии. Поначалу дело шло не плохо, но когда мы достигли более отдаленных и сильных бурунов, волны стали накрывать нас и отбрасывать к берегу, что было хуже всего.

С большим трудом мы преодолели все буруны, но здесь возникла не менее серьезная опасность, против которой мы были бессильны. За линией бурунов, где глубина равнялась четырем локтям[52], было очень сильное течение[53], которое понесло нас на юго-восток в сторону от «Луизы». Оставалось только одно средство спасти нас: поднять паруса на шхуне и догонять наш плот, с тем чтобы бросить нам конец. Так мы были спасены, а вместе с нами и мясо, которое наши изголодавшиеся товарищи уплели с невероятной быстротой. На другой день, проплывая мимо паландры (маленькой речной шхуны), я решил купить лодку, которую заметил у нее на палубе. Подняв паруса, мы подошли вплотную к паландре, на которой охотно согласились

продать нам лодку за тридцать скуди.

Мы провели этот день еще в виду мыса Хесус-Мария, тщетно ожидая вестей из Монтевидео.

Глава 9

На следующий день, когда наша шхуна стояла на якоре несколько южнее названного пункта, со стороны Монтевидео появились два судна, которые мы приняли за дружественные. Но так как на них не было установленного знака — красного флага, — я счел за благо в ожидании их поднять паруса. Мы снялись с якоря и легли в дрейф[54], держа оружие наготове. Эти меры предосторожности оказались не напрасными. К нам приближалось более крупное судно: на нем были видны только три человека. Когда же судно оказалось совсем рядом с нами, с него потребовали, от имени правительства Восточной провинции, чтобы мы сдались, и на палубе судна появилось до тридцати грозно вооруженных людей.

Так как наша шхуна лежала в дрейфе, я немедленно скомандовал: «поднять паруса!»[55] При этой команде они дали по нам залп и убили одного из лучших моих товарищей — итальянца по имени Фиорентино, уроженца острова Маддалена. Я тотчас же приказал разобрать ружья, ранее извлеченные из боевого отсека и сложенные на скамье вахтенного, и открыть ответный огонь.

Между двумя сторонами завязалась жаркая схватка. Неприятельское судно атаковало нашу шхуну с правой стороны кормы. Несколько человек неприятеля, карабкаясь на фальшборт[56], готовились уже спрыгнуть к нам на палубу, но несколько ружейных выстрелов и сабельных ударов заставили их поспешно вернуться на судно или броситься в воду.

Все это произошло в какие-то мгновения, и так как мои люди не были еще достаточно закалены, возникло замешательство. Мое приказание отдать паруса не было выполнено, так как несколько человек бросились травить брасы[57] с левой стороны, но никто не догадался сделать это-справа; поэтому люди без толку тянули за веревки. Увидев это, Фиорентино оставил штурвал, у которого он находился, и бросился осуществлять маневр, но в этот миг ему в голову попала пуля и он упал замертво. Я вел огонь как раз недалеко у оставленного штурвала. Поэтому я поспешил к нему и схватил колесо. В ту же минуту пуля поразила меня в шею и я без чувств рухнул на палубу. Всю тяжесть сражения, продолжавшегося еще около часа, приняли на себя главным образом боцман[58] Луиджи Карнилья, младший лоцман Паскуале

Лодола и матросы Джованни Ламберти, Маурицио Гарибальди, двое Мальтези и другие. Итальянцы, кроме одного, дрались на славу. Иностранцы и пятеро негров-вольноотпущенников спрятались в трюме.

В течение получаса я оставался лежать на палубе как труп, и хотя затем сознание стало постепенно возвращаться ко мне, я не мог двинуться и меня сочли убитым.

Отбросив неприятеля ружейным огнем, наши люди не намеревались больше уже ни с кем сражаться в этих широтах и поплыли вверх по Ла-Плате в поисках пристанища и продовольствия.

Мое положение было очень затруднительным. Я был тяжело ранен и не мог двигаться, а на шхуне не было никого, кто бы обладал малейшими географическими познаниями. Поэтому передо мной разложили судовую гидрографическую карту, чтобы я, напрягши слабеющий взор, показал на ней какой-нибудь пункт, к которому следовало повести судно. Я указал Санта-Фе, на реке Парана, название которого, нанесенное на карте большими буквами, мне удалось разобрать. Никто не плавал по этой реке, исключая Маурицио, который только один раз ходил вверх по Уругваю[59].

Матросы, напуганные случившимся (итальянцы, я должен сказать, не поддались испугу), т. е. тем, что на них напал флот правительства Монтевидео, единственного, которое считалось дружески расположенным к Риу-Грандийской республике, и тем, что их могли принять за пиратов, матросы, говорю я, совершенно пали духом. На их лицах был испуг, вызванный моим тяжелым состоянием, смертью Фиорентино и страхом, что их повсюду принимают за морских разбойников; в каждой лодке, в каждой птице этим трусам мерещился противник, бросившийся за нами в погоню. При первом же удобном случае они бежали с нашего судна.

Тело Фиорентино было погребено в волнах (обычная судьба моряков) с подобающими для такого случая церемониями, т. е. провожаемое сердечным «прости» соотечественников.

Должен сознаться, что этот род погребения мне вовсе не нравится, и так как подобная судьба, по всей вероятности, ожидала вскоре меня самого, то я, будучи не в состоянии помешать совершению такого обряда над моим товарищем, удовольствовался тем, что попросил моего дорогого друга Луиджи не подвергать меня в случае необходимости такому погребению.

Обращаясь к моему бесценному другу с кратким, но красноречивым призывом, я прочел ему между прочим эти

прекрасные стихи Уго Фосколо[60]:

> «Камень, Камень, который отмечает мои кости
> От костей, рассеянных смертью по земле и океану…».

Мой дорогой друг плакал и обещал, что в случае моей смерти он не даст бросить меня в воду. Но кто знает, смог ли бы он действительно выполнить свое обещание; быть может, мой труп стал бы добычей морских волков[61] или jakare[62] где-нибудь в Ла-Плате.

Да, мне не пришлось бы больше увидеть Италии — единственной цели всей моей жизни, не пришлось бы больше сражаться за нее. Но мне также не пришлось бы увидеть ее позор и бесчестье.

Кто бы мог тогда сказать моему смелому, доброму, ласковому Луиджи, что спустя год я увижу его тонущим в море, что буду напрасно искать в воде его тело, чтобы похоронить его в чужой земле и положить над ним камень, дабы о нем знал прохожий!

Бедный Луиджи! В течение всего плавания до Гуалегуая он заботился обо мне как родная мать и единственной поддержкой в моих страданиях было внимание и попечение этого, сколь великодушного, столь и мужественного, человека.

Глава 10
Луиджи Карнилья

Я хочу сказать несколько слов о Луиджи. А почему бы и нет? Потому что он родился среди тех простолюдинов, которые работают за всех? Потому что он не принадлежал к высшему классу, который вообще не работает, а потребляет за многих? К высшему классу, о котором только и говорят в исторических книгах, не утруждая себя упоминанием о низком плебсе, из которого, однако, вышли Колумбы, Вольта, Линнеи[63] и Франклины?[64] И разве Луиджи Карнилья не был человеком благородной души, способным в любом месте поддержать честь итальянского имени?! Он смело бросал вызов буре, он храбро шел навстречу любой опасности, чтобы творить добро! Он опекал и берег меня как попавшего в беду родного сына, когда силы мои иссякали и я лежал недвижимый, в таком состоянии, что все покидали меня. Когда я метался в смертельном бреду, рядом со мной самоотверженно, с ангельским терпением сидел Луиджи, и если оставлял меня на минуту, то для того только, чтобы поплакать.

О, Луиджи! Твои кости, рассеянные по просторам океана, заслуживают памятника, пред которым благодарный изгнанник мог бы в один прекрасный день вспомнить о тебе со слезами на священной земле Италии!

Луиджи Карнилья был родом из Деивы, небольшого селения в Ривьере, к востоку от Генуи. В стране, где по вине правительства и священников семнадцать миллионов человек остаются неграмотными, он не получил никакого образования; однако этот недостаток восполнялся замечательным умом. Не имея никаких специальных познаний, которые необходимы для лоцмана, он привел «Луизу» до Гуалегуая (где раньше никогда не был) с искусством и сметливостью опытного мореплавателя.

В сражении с двумя судами мы главным образом были обязаны ему тем, что не попали в руки неприятеля. Стоя на самом опасном месте с мушкетоном в руках, он наводил страх на осаждавшего нас неприятеля.

Карнилья был высокого роста и крепкого телосложения, необычайно силен и ловок, так что при виде его можно было сказать, не боясь впасть в преувеличение: «у этого хватит сил на десятерых!».

Отличаясь удивительной добротой в повседневной жизни, он обладал даром вызывать к себе любовь всех, кто имел с ним дело.

Еще один мученик, принесший себя в жертву свободе, из числа стольких итальянцев, вынужденных служить ей повсюду за пределами их несчастного отечества!

Глава 11
Пленник

Удивительно, что на протяжении моего долгого боевого пути я никогда не был в плену, несмотря на то, что столько раз мне приходилось попадать в крайне опасное положение. В создававшихся обстоятельствах, на какую бы землю мы ни вступили, нас могли взять в плен, ибо никто не признавал нашего флага — флага восставшей республики Риу-Гранди-ду-Сул.

Мы прибыли в Гуалегуай[65], селение в провинции Энтре-Риос, где нам оказал огромные услуги Лука Тартабул, капитан голеты «Пинтореска» из Буэнос-Айреса, а также его пассажиры, жители и уроженцы этих краев. Мы встретили шхуну в устье Ибикуи, небольшого притока реки Гуалегуай. Когда посланец от Луиджи попросил у них какую-нибудь провизию, эти великодушные люди взялись сопровождать нас до Гуалегуая — места назначения их судна. Больше того, они рекомендовали меня губернатору провинции дону Паскуале Эчагуэ, который был

столь любезен, что, собираясь уезжать, оставил со мной своего врача, молодого аргентинца дона Рамона дель Арка, который немедленно извлек пулю, засевшую в шее, и полностью вылечил меня.

Все шесть месяцев, проведенных мною в Гуалегуае, я жил в доме дона Хасинто Андреуса. Этот великодушный человек, как и все его семейство, был ко мне чрезвычайно добр и внимателен.

Но я не был свободен! Несмотря на доброе расположение ко мне Эчагуэ и сочувствие славных жителей Гуалегуая, я не мог уехать без позволения диктатора Буэнос-Айреса (ему подчинялся губернатор провинции Энтре-Риос), который никак не принимал решения.

После того, как моя рана зажила, я стал совершать прогулки: мне разрешили ездить верхом, но не дальше десяти — двенадцати миль.

Помимо стола, который предоставлял мне гостеприимный дон Хасинто, я получал ежедневно изрядную сумму, что позволяло жить в полном довольстве в этих краях, где расходы весьма незначительны.

Но все это была далеко не свобода, которой я был лишен. Кое-кто дал мне понять (из благих или из враждебных побуждений), что мое исчезновение не вызвало бы недовольства правительства. Поэтому я неосторожно замыслил побег, полагая, что совершить его будет не трудно и что по указанной мною выше причине этому побегу не придадут особого значения и не станут рассматривать его как преступление.

Комендантом Гуалегуайя был некий Миллан. Он относился ко мне не плохо, ибо таково было указание властей провинции, и до того момента я, действительно, не мог ни в чем на него пожаловаться, хотя он не обнаруживал ко мне особого сочувствия.

Итак, я решил бежать и сделал с этой целью некоторые приготовления. Однажды, в бурную ночь я отправился в дом одного доброго старика, у которого часто бывал и который жил в трех милях от Гуалегуая. Я открыл ему свое намерение и попросил его достать мне проводника, имеющего лошадей, который доставил бы меня к реке Ибикуи, где я надеялся сесть на судно и добраться инкогнито до Буэнос-Айреса или Монтевидео.

Старик нашел мне проводника и лошадей, и мы, чтобы не быть замеченными, отправились в путь через степи. Нам предстояло проехать пятьдесят четыре мили, которые мы преодолели за ночь, почти все время скача галопом. На рассвете мы были уже в виду эстансии Ибикуи, примерно в полумиле от нее.

Мой проводник попросил меня подождать его в роще, где мы

остановились, а сам решил отправиться к дому, чтобы обо всем разузнать. Так и сделали: он ушел, а я остался один, очень довольный тем, что можно дать короткий отдых онемевшим от такой быстрой скачки членам, ибо я, моряк, не привык к верховой езде.

Спрыгнув с коня, я привязал его к стволу акации, из которой целиком состоят эти рощи. Деревья росли здесь так редко, что всадники могли свободно проезжать под деревьями и между ними. Растянувшись на траве, я довольно долго дожидался моего проводника. Затем, видя, что он не возвращается, я встал и подошел к опушке рощи, надеясь его увидеть. Внезапно позади меня раздался стук копыт, и я увидел отряд всадников, которые с обнаженными саблями приближались ко мне. Они уже были между моим конем и мною. Бесполезно было поэтому от них бежать и тем более — сопротивляться. Мне скрутили за спиной руки, взвалили на клячу, и, связав ноги под брюхом лошади, повезли в таком виде в Гуалегуай, где меня ожидало еще нечто значительно худшее.

Дрожь пробегает по моему телу всякий раз, когда я вспоминаю этот ужаснейший момент моей жизни. Когда меня привели к Миллану, ожидавшему у дверей тюрьмы, он потребовал, чтобы я назвал тех, кто предоставил мне средства к побегу. Убедившись, что я ничего не намерен ему открыть, он начал зверски избивать меня хлыстом. Затем, когда я снова отказался отвечать, он приказал перекинуть веревку через балку и подвесить меня за руки.

Два часа подобной пытки, которую заставил меня вынести этот негодяй!

Меня, посвятившего всю жизнь облегчению участи несчастных, боровшегося с тиранией и священниками, поборниками и организаторами пыток!

Тело мое горело как раскаленная печь. Я все время глотал воду, которую давал мне солдат, но она мгновенно высыхала у меня в желудке, как если бы ее лили на раскаленное железо.

Страдания мои были невыносимы! Когда меня развязали, я не жаловался… Я упал без чувств, я был полутрупом. И, несмотря на это, меня заковали в кандалы, хотя я проехал до этого пятьдесят четыре мили по болотистой местности со связанными руками и ногами, мучимый заедавшими меня москитами, которые особенно злы в это время года, и не имел возможности защищаться от истязаний, которым подверг меня Миллан.

Я перенес жестокие мучения, а потом меня, закованного в кандалы, оставили вместе с одним убийцей.

Мой благодетель, Андреус, был брошен в тюрьму. Жители

этого селения были устрашены, и если бы не великодушная забота обо мне одной женщины, которая была моим ангелом-хранителем, я бы умер. Госпожа Аллеман, презрев страх, которым все были объяты, явилась на помощь несчастному мученику! Благодаря этой милой благодетельнице, я не знал ни в чем недостатка в тюрьме.

Спустя несколько дней меня перевезли в Бахаду, столицу провинции. Там я провел два месяца в тюрьме, после чего передали от губернатора, что я могу свободно уехать[66].

Хотя я придерживался иных убеждений, чем Эчагуэ, и сражался за иное дело, чем он, т. е. я отстаивал свободу республики Монтевидео, а он был наместником тирана Буэнос-Айреса, стремившегося поработить эту республику, — несмотря на это я должен признаться, что обязан ему очень многим; еще и теперь я хотел бы доказать ему мою благодарность за все сделанное им для меня и, особенно, за возвращение мне свободы, которую я никогда бы не смог обрести без его помощи.

Глава 12
Свободен!

Из Бахады я отправился на генуэзской бригантине, которой командовал капитан Вентура, человек, выделявшийся из массы наших соотечественников, посвятивших себя благородному делу мореплавания. В подавляющем большинстве они руководствуются самым низменным расчетом, ибо их воспитали на родине в духе стяжательства.

Этот расчет состоит, конечно, не в той необходимой экономии, которая позволяет при любых обстоятельствах вести достойный образ жизни, не в той экономии, говорю я, при которой человек, приноравливаясь к своему положению, старается соразмерить расходы с доходами и, будучи в состоянии тратить, к примеру, десять, тратит только восемь, создавая таким образом сбережения, которые не только делают его независимым от других, но и позволяют ему испытать ни с чем не сравнимую радость от благотворительности.

Что, как не роскошь, непомерные желания и неумение сообразоваться со своими возможностями, неумение вести умеренный и трудолюбивый образ жизни, заставляют толпы развращенных лентяев склонять спины перед сильными мира сего и порождают доносчиков, шпионов и разного рода преступников?

Капитан Вентура обходился со мной с рыцарским великодушием. Он довез меня до Гуасу, где Парана впадает в Ла-Плату. Отсюда я отправился в Монтевидео на баландре[67],

принадлежавшей генуэзцу Паскуале Корбоне; он тоже относился ко мне с большим уважением.

Счастье, как и несчастье, обычно не приходят к нам единожды; и вот в этих обстоятельствах удача стала неизменно сопутствовать мне.

В Монтевидео я встретил множество друзей, и среди них особенно дорогих мне Россетти, Кунео и Кастеллини. Первый вернулся из поездки в Риу-Гранди, где он был отлично принят отважными республиканцами.

В Монтевидео, однако, меня все еще считали вне закона из-за стычки с судами этой республики. Поэтому я вынужден был скрываться в доме моего друга Пезенте, где я пробыл целый месяц.

Мое затворничество скрашивали посещения многих известных итальянцев, которые в этот счастливый для Монтевидео период, как впрочем и всегда в мирное время, отличались щедростью и гостеприимством, достойными похвалы. Война и особенно вызванная ею осада города создали много трудностей для этих достойных людей, и их положение резко ухудшилось.

Спустя месяц я отправился с Россетти из Монтевидео в Риу-Гранди. Эта первая длительная поездка верхом доставила мне огромное удовольствие.

Мы приехали в Пиратини, где нам был оказан превосходный прием правительством республики Риу-Гранди, которое временно избрало это селение своей резиденцией, чтобы быть подальше от набегов неприятельских имперских войск. Во всяком случае это правительство было вынуждено, погрузив на повозки архивы, последовать в сельскую местность за республиканской армией, разделяя с воинами все тяготы и опасности сражений. Подобным же образом поступило и республиканское правительство Соединенных Штатов, когда их столица — Филадельфия — оказалась под угрозой захвата английской армии. И так должны поступать все нации, которые предпочитают любые жертвы, лишения, тяготы и опасности унижению покориться чужеземцам.

Я имел честь воспользоваться гостеприимством Алмейда, министра финансов, который принял меня просто, но очень любезно. Бенто Гонсалвис, президент республики и командующий армией, находился в походе; он выступил во главе кавалерийской бригады, чтобы дать бой генералу Бразильской империи Сильва Таваресу, который, перейдя канал Сан-Гонсалвис, опустошал восточную часть провинции.

Пиратини, служивший тогда местопребыванием республиканского правительства, представляет небольшое

селение, удачно расположенное в гористой местности. Центр департамента того же названия, Пиратини, окружен воинственным населением, глубоко преданным республике.

Не имея никакого занятия в Пиратини, я попросил разрешения присоединиться к войскам, действовавшим у Сан-Гонсалвиса, и получил согласие. Я был представлен Бенто Гонсалвису, очень хорошо встретившему меня. Я провел некоторое время в обществе этого замечательного человека, который был поистине баловнем природы, одарившей его самыми лучшими качествами; зато военное счастье почти никогда не сопутствовало ему, склоняясь на сторону Бразильской империи.

Бенто Гонсалвис был образцом благородного и блестящего воина, которым он и оставался в свои шестьдесят лет[68], когда я с ним познакомился.

Высокий и стройный, он ездил на горячем коне с легкостью и проворством своих молодых соплеменников; недаром риу-грандийцы считаются одними из лучших кавалеристов на земле.

Будучи бесстрашным, он готов был вступить в любой поединок и, наверно, победил бы любого противника, как бы тот ни был силен. По природе скромный и великодушный, он, я уверен в этом, побудил риу-грандийцев начать борьбу за освобождение против империи не из корыстных побуждений.

Будучи умеренным в потребностях, как всякий принадлежащий к этому мужественному народу, он, подобно простому воину, питался в походе agado (жареным мясом) — единственной пищей в этих изобилующих скотом степных краях, где участвующие в войне стороны не отягощают себя громоздкими обозами — главной помехой европейских армий. Я впервые разделил с ним тогда его походную трапезу, за которой чувствовал себя так непринужденно, как будто мы были товарищами с детства и равны между собой.

Так щедро одаренный природой Бенто был кумиром своих сограждан. И все же, несмотря на свои качества, он почти неизменно терпел неудачи в сражениях, и это всегда заставляло меня думать, что везение играет большую роль в превратностях войны.

Храброму республиканскому генералу не хватало в сражениях настойчивости. Я же считаю отсутствие этого качества огромным недостатком! Прежде чем начинать любой бой, нужно все хорошенько обдумать, но уж коли сражение началось, следует бороться за победу до конца, до последних резервов.

Я следовал за Бенто вплоть до Канудос, где была переправа через канал Сан-Гонсалвис, соединяющий озера Патус и Мирин. Туда отступил Сильва Таварес, опасаясь столкнуться с первой

бригадой республиканской армии, которая неотступно преследовала его.

Так как противника настигнуть не удалось, бригада повернула назад, и я последовал за президентам в Пиратини. Примерно в это время мы получили известие о сражении при Риу-Парду, где имперская армия была наголову разбита республиканцами.

Глава 13
Снова корсар

Мне поручили вооружить два судна, находившихся на реке Камакуано, которая впадает в озеро Патус. Я сделал приготовления, чтобы отправиться в этот поход с моими товарищами, прибывшими со мной из Монтевидео.

Россетти остался в Пиратини, где он был занят редактированием газеты «О Пово» («Народ»), так как никто лучше него не мог руководить республиканским периодическим органом.

Мы прибыли по реке Камакуан на эстансию Бенто Гонсалвиса, где находились суда, которые мы вооружили. Командование одним из них, названного нами «Республиканец», взял на себя североамериканец Джон Григг, встреченный мною в этом месте, где он участвовал в постройке этих судов. Я принял командование над «Риу-Парду». вторым, более крупным судном.

Мы начали плавание по озеру Патус; нам удалось захватить очень большую шхуну с богатым грузом. На западном берегу озера, недалеко от Камакуана, мы разгрузили шхуну, и, сняв с нее все, что могло быть полезным для нашего маленького арсенала, сожгли ее.

Эти первые трофеи несколько поддержали нашу крохотную команду. Люди, которые до сих пор почти не имели средств, получили солидную часть добычи. В то же время я позаботился о том, чтобы их обмундировать.

Имперские войска, которые доселе презирали нас, вынуждены были теперь считаться с нашим присутствием на озере и выделить немало военных судов для борьбы с нами.

Наша жизнь, проходившая в такого рода боевых операциях, была деятельной и полной опасностей из-за численного превосходства неприятеля, который был силен во всех родах войск; но в то же время эта жизнь была яркой и привлекательной, отвечавшей моим склонностям к приключениям.

Мы не ограничивались только морскими операциями. У нас на судах были седла; лошадей, которые в этих краях были в

избытке, мы находили повсюду; это позволяло нам в случае необходимости превратиться в кавалерийский отряд, внешне не особенно блестящий, но зато дерзкий и наводящий страх на противника.

На берегах озера находились эстансии, владельцы которых были вынуждены покинуть их из-за военных действий. Здесь мы находили лошадей и различный скот, обеспечивавший нас пищей. Кроме того, почти в каждой из этих ферм были rossas — возделанные земли, с которых мы в изобилии собирали кукурузу, буковые орехи, сладкий картофель и часто апельсины, превосходные в этой стране.

Люди, меня сопровождавшие, — истинная толпа космополитов — были всех национальностей и состояний и разного цвета кожи. Большинство американцев составляли вольноотпущенники — негры и мулаты; как правило это были самые лучшие и надежные люди. Среди европейцев были итальянцы, в том числе мой дорогой Луиджи, а также Эдоардо Мутру, мой товарищ детства; всего их было семь человек, на которых я мог всецело положиться. Остальные принадлежали к той категории моряков-авантюристов, которые известны на американском побережье Атлантики и Тихого океана под названием «freres de la cote» («братья с берега»), они обычно пополняли ряды флибустьеров и буканеров[69] и до сегодняшнего дня причастны к работорговле.

Я был добр с моими людьми, быть может даже излишне, не зная тогда еще человеческой природы, которая менее поддается тлетворному влиянию, когда человек образован, и особенно восприимчива к нему, когда он невежествен.

Конечно, мои недостаточно дисциплинированные товарищи не были лишены храбрости. Мне они подчинялись беспрекословно и давали мало причин обходиться с ними сурово. Поэтому я был ими доволен и должен сказать, что так было со мной всегда на протяжении всей моей жизни в самых различных обстоятельствах, в которых мне приходилось командовать подобными людьми.

На Камакуане, где находился наш маленький арсенал и откуда вышла республиканская флотилия, на большом протяжении вдоль реки жили, занимая огромные пространства земли, семейства Бенто Гонсалвиса и его братьев, а также многочисленные и состоятельные семейства их родственников. На этих обширных долинах и прекрасных пастбищах паслись бесчисленные стада, которых не затронула война, ибо они находились вне пределов ее досягаемости. Продукты земледелия были здесь также в изобилии.

Следует сказать, что нигде в мире нельзя найти гостеприимства более искреннего и чистосердечного, чем в провинции Риу-Гранди. В этих домах, где повсюду встречаешь благотворное влияние патриарха семьи и всеобщую приязнь, вызванную царящим здесь согласием во мнениях, нас принимали с неописуемым радушием. Эстансии, на которых мы чаще всего останавливались из-за их близости к озеру, а также благодаря радушному приему и удобствам, принадлежали донне Антонии и донне Анне, сестрам Бенто Гонсалвиса. Первая эстансия находилась у устья Камакуана, вторая — у устья Арройо-Гранде.

Не знаю, был ли тому причиной мой возраст, заставлявший меня, молодого и неопытного, видеть все в приукрашенном свете, но могу твердо сказать, что ни один период моей жизни не рисуется мне более прекрасным, не навевает на меня более сладостных воспоминаний, чем тот, который я провел в очаровательном обществе этих синьор и их милых родственников.

Дом донны Анны, в особенности, был для нас настоящим раем, Эта, уже не первой молодости, женщина обладала большим обаянием. У нее жило целое семейство, эмигрировавшее из Пелотаса (селения на берегу канала Сан-Гонсалвес), главой которого был дон Паоло Феррейра. Три молодые девушки, одна лучше другой, служили украшением этого счастливого дома. Одна из них, Мануэла, совершенно завладела моим сердцем. Я не переставал любить ее, хотя и без всякой надежды, ибо она была невестой сына президента. Я боготворил это ангельское создание как идеал красоты и в моей любви не было ничего низменного. Однажды, после того как меня сочли убитым в одном сражении, я узнал, что она неравнодушна ко мне, и это утешило меня, сознававшего, что она никогда не будет моею.

Вообще риу-грандийские женщины очень красивы, так же, как и все население. Нельзя было оставаться равнодушным и к цветным рабыням, которые были в этих замечательных поместьях.

Понятно поэтому, что всякий раз, когда встречный ветер, буря или какая-нибудь операция заставляли нас повернуть к Арройо-Гранде, это был для нас настоящий праздник. Когда перед нами открывалась роща высочайших пальм (tiriva), которая обозначала вход в эту небольшую речку, ее всегда радостно приветствовали громким криком.

Когда же нам случалось подвозить наших милых и любезных хозяек до Камакуана, куда они отправлялись навестить донну Антонию и ее приветливую компанию, какие начинались хлопоты, какой заботой и вниманием были окружены прекрасные путешественницы! Каждый старался перещеголять другого, — так все жаждали выразить привязанность, уважение, поклонение этим

дивным существам.

Между Арройо-Гранде и Камакуаном был ряд песчаных отмелей, называвшихся puntal. Начинаясь от западного берега, к которому они были расположены почти перпендикулярно, эти отмели тянулись почти во всю ширину озера, близко подходя к противоположному восточному берегу, где заканчивались каналом под названием Dos barcos. Чтобы обойти эти отмели, плывя от Арройо-Гранде к Камакуану, пришлось бы проделать очень длинный путь; но так как при некотором усилии можно было перевалить через эти отмели (все бросались в воду и перетаскивали суда волоком), то почти всегда прибегали к этому средству, в особенности же если наши суда были почтены присутствием драгоценных путешественниц.

Ловя парусами ветер, наши суда достигали края отмели и садились на мель. Вслед за тем, я командовал: all'agua, patos! (в воду, утки!) и тотчас же все мои смелые товарищи, подобно амфибиям, бросались вместе со мной в воду, и каждый занимал положенное место.

Когда на судах бывали наши хозяйки, приказание исполнялось с подлинным ликованием, хотя в других обстоятельствах оно выполнялось также с неизменным весельем. Этот маневр мы проделывали не раз, когда нас преследовал неприятель, всегда обладавший большими силами, или когда нас подгоняла гроза. В таких случаях нам приходилось иногда проводить в воде всю ночь среди волн, а часто и под ледяным дождем, не находя убежища, ибо мы находились далеко от берега. Тогда для нас начинались, настоящие мучения, и, конечно, только пылкая молодежь могла это выдержать и не погибнуть.

Глава 14
Четырнадцать против ста пятидесяти

После того как мы захватили шхуну (Brik Schooner), имперские торговые суда стали ходить только под конвоем военных кораблей, поэтому попытки захватить их стали трудным делом. Операции наших судов ограничивались теперь крейсированием по озеру, приносившим незначительный успех, так как имперские войска преследовали нас на море и на суше.

Нападение, совершенное на нас неприятельским полковником Франсиско де Абреус, чуть было не привело к полному уничтожению корсаров: и прекращению их вылазок.

Мы находились тогда у устья Камакуана; наши суда мы вытащили на берег у galpon da Charqueada — склада предприятия, служившего ранее для соления мяса, а теперь — для хранения

травы mate, употребляемой в Южной Америке вместо чая. Это предприятие принадлежало донне Антонии, сестре президента.

Из-за военных действий мясо тогда не солили, и склад был наполовину заполнен травой. Мы использовали весьма пространное помещение склада под арсенал, а наши суда вытащили на сушу, между складом и берегом, чтобы ремонтировать их.

В этом месте были плотники и кузнецы, работавшие на предприятии. Древесный уголь был в избытке, так как местность кругом была лесистая, встречались даже рощи мачтового леса.

Предприятие, хотя и бездействовавшее, сохранило тот же вид, что в период своего былого процветания, в нем было много различных заготовок из стали и железа, которые годились для нужд наших маленьких судов. Кроме того, дружески расположенные к нам владельцы эстансий, разбросанных на разном расстоянии, любезно предоставляли все необходимое для нашего арсенала. До этих эстансий можно было доскакать галопом. Для смелости, воли и настойчивости нет преград. Это доказал (за что следует воздать ему должное) мой товарищ и предшественник Джон Григг, который, столкнувшись при постройке двух судов со столькими трудностями и препятствиями, преодолел их. Это был молодой, не знавший страха человек, с превосходным характером и невероятным упорством. Происходя из богатой семьи, он посвятил жизнь делу республики. Письмо его родственников из Северной Америки, просивших его приехать на родину, чтобы получить огромное наследство, пришло тогда, когда он мужественно пал в борьбе за дело несчастного, но великодушного и сильного народа. Мне пришлось увидеть моего друга, разорванного надвое: тело его оставалось на палубе в прямом положении, удерживаемое бортом «Кассапава» (нашего вооруженного судна), с лицом, разгоряченным и бесстрашным, как у живого человека, а конечности, оторванные и раздробленные, были разбросаны вокруг него. Выстрел с близкого расстояния из пушки, заряженной картечью, разорвал тело моего славного товарища во время последней морской битвы в лагуне Санта-Катарина. Я увидел его в таком изуродованном виде в тот день, когда, поджигая по приказанию генерала Канабарро флотилию, поднялся на корабль Григга, все еще находившийся под яростным огнем неприятельской эскадры.

Итак, наши суда были на суше, и мы энергично занимались их починкой. Часть экипажа училась обращаться с парусами, другая отправилась в лес, чтобы заготовлять дрова для выжигания угля. Каждый был занят делом, а те, кто не работал,

стояли на страже или отправились в окрестности на разведку.

Однажды Франсиско де Абреус, по прозвищу Моринг (Куница), заявил о своем намерении напасть на нас врасплох, и хотя его попытка не удалась, он внушал нам некоторое опасение, ибо это был храбрый, предприимчивый человек, превосходно знавший Камакуан, на котором он родился. И вот на этот раз он действительно очень искусно и внезапно на нас напал.

Всю ночь наши пешие и конные дозоры патрулировали в долине, а остальные люди расположились в сарае, служившем складом, имея наготове заряженное оружие.

Утро выдалось туманное. Поэтому все оставались на месте, пока туман полностью не рассеялся. После этого были разосланы во все стороны люди, чтобы произвести самую тщательную разведку. Было около девяти часов утра, когда разведчики, ничего не обнаружив, вернулись назад. Люди приступили к своим обязанностям: большинство занялось заготовкой дров для угля, для чего должно было порядочно углубиться в лес.

В то время экипаж двух судов составлял пятьдесят человек, а в этот день, случайно, в связи с разными нуждами, у судов остались считанные люди.

Я присел у огня, на котором готовился наш завтрак, и принялся пить mate, поданный мне поваром, единственным человеком, находившимся рядом со мной. У нас была деревенская кухня, устроенная под открытым небом примерно в сорока метрах от двери склада.

Внезапно, и как мне показалось у меня над головой, раздался выстрел и послышались крики. Оглянувшись, я увидел, что на нас неслась вражеская кавалерия. Я едва успел вскочить и, кинувшись со всех ног, добежать до входа в склад, как вражеская пика проткнула мой панчо (род американского плаща или накидки) [70].

Наше счастье, что оставаясь всю ночь начеку, мы держали наши ружья заряженными, поставив их в козлы внутри помещения.

В это первое мгновение я один стал хватать ружья и стрелять в противника. Через минуту рядом со мной были бискаец Игнацио Бильбао и Лоренцо Н., генуэзец, — два смелых офицера, а затем Эдоардо Мутру, Раффаэле и Прокопио — мулат и негр (оба вольноотпущенники), а также наш боцман-мулат, которого звали Франсиско.

О, я хотел бы вспомнить имена всех тех четырнадцати храбрецов, которые несколько часов сражались со ста пятьюдесятью неприятельскими солдатами, убив и ранив немало из них и, наконец, заставив противника отступить.

У неприятеля было восемьдесят человек пехоты, состоявшей из австрийцев, которые обычно сопровождали Куницу в подобных операциях; эти солдаты хорошо действовали в пешем и в конном строю. Приблизившись, они спешились и окружили нас, используя неровности местности, кусты и хижины, раскинутые вокруг главного строения. Этот маневр неприятеля принес нам спасение.

Заняв позиции, солдаты противника открыли по нас ураганный огонь, сосредоточив его на главном входе в склад. Но как всегда бывает при внезапных нападениях, если атакующие замешкаются и не действуют решительно, им трудно добиться успеха. Если бы вместо того, чтобы укрепиться на позициях, противник бросился к складу и ворвался в него, все было бы кончено, ибо один или несколько человек не смогли бы, конечно, оказать сопротивление таким силам противника, тем более, что у склада были боковые двери (значительно более широкие, чем это требовалось для проезда груженых повозок), которые остались распахнутыми и которые мы не закрыли, чтобы не показать страха. Напрасно наши противники толпились у стен, напрасно они, взобравшись на крышу и разрушив ее, кидали на нас ее обломки и зажженные фашины. Выстрелами и ударами пик через сделанные нами отверстия мы согнали их с крыши, убив и ранив многих из них.

Чтобы противник подумал, что нас много, мы стали петь изо всех сил республиканской гимн Риу-Гранди: «Война, война! Против варваров-тиранов и против господ, не республиканцев!»

Двое наших людей из тех, кто посильней, размахивали копьями у каждой двери, выставив наружу их железные наконечники, что, конечно, отбивало охоту у нападающих атаковать нас. Около трех часов пополудни неприятель отступил, имея много убитых и раненых, среди которых был сам начальник с раздробленной рукой. У склада осталось семь трупов, еще несколько лежало на разном расстоянии.

У нас из четырнадцати человек было ранено восемь. Россетти, Луиджи и другие наши товарищи не смогли, к своему сожалению, помочь нам, ибо находились далеко или не были вооружены; одни, преследуемые противником, вынуждены были уйти через реку вплавь, другие скрылись в лесу. Один захваченный безоружным был убит.

Столь опасное и вместе с тем столь счастливо окончившееся сражение очень ободрило наших людей, а также жителей побережья, уже с давнего времени подверженного набегам этого смелого и хитрого противника.

Куница был, безусловно, лучшим из имперских

военачальников, особенно по части внезапных нападений, которые ему удавались благодаря тому, что прекрасное знание страны и людей сочеталось у него с хитростью и полной неустрашимостью. Будучи выходцем из Риу-Гранди, он причинил много вреда республиканцам, и Бразильская империя во многом обязана ему покорением этой провинции. Итак, мы праздновали нашу победу, радуясь спасению от грозной опасности.

На эстансии донны Антонии одна молодая девушка с живейшим интересом выспрашивала известия обо мне; это доставило мне величайшую радость.

О, прекрасная дочь Континенте[71], я был бы счастлив принадлежать тебе во что бы то ни стало. Ты была предназначена другому, а мне судьба даровала другую бразилианку, единственную для меня в мире, которую теперь оплакиваю и буду оплакивать всю жизнь. Ту, которая узнала меня во время ужасов кораблекрушения, и которую мои несчастья, быть может, больше, нежели мои заслуги, привязали ко мне навсегда!

Глава 15
Экспедиция в провинцию Санта-Катарина

После этого происшествия ничего особенно важного на озере Патус не случилось. Мы заложили два новых судна; то, что было необходимо для их постройки, мы взяли из остатков наших трофеев; кроме того, мы получили помощь от местного населения, которое всегда было по отношению к нам доброжелательно и отзывчиво. Когда два новых судна были построены и вооружены, нам предложили присоединиться у Итапуана к республиканской армии, которая осаждала тогда Порту-Алегри, главный город провинции.

Армия бездействовала из-за отсутствия артиллерии, да и мы не провели никаких операций за все время нашего пребывания в этой части озера.

Было решено направить экспедицию в провинцию Санта-Катарина. Я был приглашен принять в ней участие и должен был сопровождать генерала Канабарро, начальника всех отправлявшихся туда войск.

Два небольших судна остались на озере под командой Дзеффирино д'Утра, а я с двумя другими судами сопровождал дивизию Канабарро; ей предстояло действовать на суше, а мне — с моря. Со мной бы неразлучный Григг и отборная часть моих людей. Озеро Патус достигает в длину 135 миль при средней ширине от 15 до 20 миль. В том месте, где озеро впадает на востоке в океан, находится на правом берегу укрепленный город

Риу-Гранди-ду-Суд, не уступающий по значению столице. На противоположной стороне озера расположен также сильно укрепленный пункт — Рио-Гранди-ду-Норти; оба эти города, равно как и Порту-Аллегри, находились под властью имперских войск.

Поскольку противник контролировал единственный выход из озера в море, у нас не было возможности им воспользоваться. Поэтому нам пришлось построить повозки и взгромоздить на них суда. Из этого видно, каковы были размеры наших более крупных кораблей.

В северо-восточной части озера была глубокая бухта Капивари, название которой происходит от небольшой речки, впадающей в озеро в глубине бухты. Название же этой речки происходит от capivara — вида земноводной свиньи, водящейся в этих местах.

Эта-то речушка была избрана для того, чтобы причалить суда и установить их на повозки, что и было проделано на правом берегу.

Один житель этой части провинции, по имени Де Абреу, сделал восемь очень крепких колес, соединив каждые два осями, прочность которых была рассчитана на тяжесть судов. Затем, когда около двухсот волов были впряжены в упряжку, суда подошли к берегу, и мы разместили под ними в воде колеса на равном расстоянии друг от друга так, чтобы не нарушался центр тяжести. С боков под суда были подведены оси таким образом, чтобы они не мешали свободно вращаться колесам, и вот волы, впряженные с помощью крепких веревок, двинулись вперед, везя по полю республиканские суда. Приведенные затем в порядок с большой тщательностью, эти суда, к вящему изумлению редких в этих краях жителей, проехали без всякого затруднения на колесах пятьдесят четыре мили до берега озера Трамандай. Здесь они были сняты с повозок, оснащены всем необходимым и подготовлены к плаванию. Озеро Трамандай, образованное потоками, сбегающими с восточного склона гор Эспиньясу[72], имеет выход в Атлантический океан. Однако эта протока очень мелка, так что во время приливов уровень воды достигает в ней всего около четырех футов. К тому же у этого аллювиального берега, негостеприимного, как пески Сахары, море никогда не бывает спокойно из-за ветра, постоянно дующего в тропическом поясе. Шум от свирепых бурунов слышен на расстоянии многих миль внутри материка, походя на отдаленные раскаты грома, а тучи водяной пыли и песка, поднятого ветром, слепят глаза.

Глава 16

Кораблекрушение

Готовые к отплытию, мы, дождавшись начала прилива, решили отправиться в четыре часа пополудни.

В этих обстоятельствах нам очень пригодился наш опыт плавания среди бурунов, иначе не знаю, как бы удалось вывести наши суда в море. Хотя мы и выбрали время, когда прилив достигал наибольшей высоты, глубина воды была недостаточной. Как бы то ни было, с наступлением ночи наши усилия увенчались полным успехом и мы бросили якорь в океане по другую сторону от этих страшных бурунов, примерно в шестистах метрах от берега. Заметим, что ни одно судно никогда ранее не выходило из озера Трамандай.

Около восьми часов вечера мы подняли паруса и поплыли при легком южном ветре, который мало-помалу крепчал, пока не разыгралась буря. На другой день в три часа пополудни мы потерпели кораблекрушение близ устья реки Арарангуа. Шестнадцать моих товарищей утонули в океане, а находившийся под моей командой «Риу-Парду» разбился о страшные подводные скалы, находящиеся у этого берега.

С приближением вечера, когда мы отплыли из Трамандай, поднялся южный ветер, яростные порывы которого стали угрожать нам. Мы плыли параллельно берегу. «Риу-Парду», имевший на борту тридцать человек, двенадцатифунтовую пушку с вращающимся устройством, позволявшим вести огонь во всех направлениях, большое количество снаряжения и припасов для экипажа, взятых потому, что мы, конечно, не предвидели такого внезапного и страшного шторма и не знали, что нас ожидает в этой неприятельской земле, к которой мы собирались пристать, — «Риу-Парду», говорю я, оказался перегруженным; волны заливали его так, что несколько раз мы оказывались совершенно скрыты под водой. Маленькое судно оказалось в опасности: волны грозили с минуту на минуту опрокинуть и поглотить его. Поэтому я решил приблизиться к берегу и во что бы то ни стало пристать к нему. Но ветер и шторм, становившиеся все сильнее, не дали нам времени выбрать место: страшный вал опрокинул судно.

В тот момент я находился на верху фок-мачты[73], откуда надеялся выбрать место, где можно было бы с меньшей опасностью пристать к берегу. Судно повалилось на правый борт, вследствие чего меня отбросило в сторону на значительное расстояние. Я хорошо помню, что в этот страшный миг я не думал о смерти; меня мучила мысль, что многие мои товарищи, которые не были моряками, совсем лишились сил из-за морской болезни.

Поэтому я стал вылавливать весла и другие нетонущие предметы, собирать их и подгонять к лежавшему на борту судну, крича своим людям, чтобы они схватились за какой-нибудь из этих предметов и, удерживаясь таким образом на поверхности, плыли с их помощью к берегу.

Первый, кого я увидел, был мой товарищ детства Эдоардо Матру, уцепившийся за ванты[74] с той стороны судна, которая была погружена в воду и через которую мне удалось взобраться на борт. Я подтолкнул к Матру люк, которым закрывался трюм корабля, и посоветовал не отпускать его до тех пор, пока не удастся достичь где-нибудь берега.

Луиджи Карнилья, наш отважный боцман, находившийся в момент катастрофы у штурвала, крепко держался у борта с левой стороны кормы, которая находилась над водой. К несчастью, на нем была куртка из плотного сукна, которая стала очень тяжелой от пропитавшей ее воды и так стесняла его движения, что Луиджи, вынужденный крепко держаться, чтобы не быть сброшенным в море, оказался не в состоянии освободиться от нее. Карнилья крикнул мне об этом, и я поспешил на помощь своему Другу.

В кармане штанов у меня был маленький нож с белой рукояткой. Я выхватил его и, собрав все силы, стал разрезать воротник, который был из бархата. Окончив резать, я сделал еще одно усилие, чтобы распороть или разорвать эту проклятую куртку, как вдруг на нас обрушилась страшная волна, которая разбила наше судно и сбросила в море всех, кто находился на борту. Меня бросило в глубину моря как камень; когда же я выплыл на поверхность, оглушенный ударом и задохнувшийся в водовороте, мой несчастный друг исчез навсегда[75].

Оглядевшись, я увидел часть моих товарищей, рассеянных по морю и старающихся вплавь добраться до берега, — решение, которое и я должен был принять, как и другие, чтобы спасти свою шкуру. Будучи с детства хорошим пловцом, я одним из первых достиг берега. Вступив на землю, я тотчас же обернулся, чтобы увидеть, какова судьба моих товарищей. Невдалеке я заметил Эдоардо. Люк, за который я посоветовал ему держаться, он выпустил, или скорее всего его вырвало у него из рук волной. Он еще плыл, но его судорожные затрудненные движения говорили, что у него уже нет сил. Я любил Эдоардо, как брата, и меня ужаснуло его отчаянное положение. Да, мне казалось, что в те времена я был более отзывчивым и великодушным. Годы и болезни иссушают и делают черствым даже сердце!

Я бросился к моему дорогому другу, чтобы подтолкнуть к нему какой-то кусок дерева, с помощью которого мне удалось

спастись. Я уже был рядом с ним и, горя желанием спасти моего брата, добился бы своего. Каким бы счастьем это было для меня! Тщетная надежда! Волна накрыла нас обоих… Спустя минуту я вынырнул, позвал его, но Мутру не показывался, я звал его в отчаянии, но все было напрасно. Друг моего детства исчез в пучине того океана, который он не побоялся переплыть, чтобы присоединиться ко мне и служить делу народа. Еще один мученик за итальянскую свободу! И над ним не будет могильного камня, который бы указал место, где в песках Нового Света покоится его прах.

Шестнадцать наших товарищей постигла та же участь — они были поглощены морем. Их трупы были унесены течением за тридцать миль к северу и там погребены среди прибрежных песков. В числе шестнадцати погибших было шестеро итальянцев: Луиджи Карнилья, Эдоардо Мутру, Луиджи Стадерини, Джованни Д. и двое других, имен которых я не запомнил, все сильные и смелые молодые люди. Я был седьмым — единственным из итальянцев, кому удалось спастись!

Оставшиеся в живых четырнадцать человек один за другим выбрались на берег. Но тщетно я искал среди них кого-нибудь из итальянцев — все они погибли! Мне казалось, я остался один, в целом мире. Я терял рассудок, мне казалась почти обременительной сама жизнь, спасенная с таким трудом. Трудно найти объяснение тому, что многие из спасшихся не были моряками и даже плохо плавали.

Среди утонувших были и другие близкие мои товарищи: два вольноотпущенника, мулат и негр, Раффаэле и Прокопио, люди, не раз доказывавшие свою верность и отвагу.

Вместе с нами к берегу прибило бочонок водки. Мне показалось это милостью судьбы. Я сказал Мануэлю Родригесу, каталонскому офицеру, чтобы он открыл его и дал подкрепиться нам и тем, кто подплывал к берегу.

Занялись откупориванием бочонка, но тем временем мы совершенно окоченели от холода; к счастью, мы догадались, что нужно бегать. Если бы не это, мы, конечно, погибли бы от холода и изнеможения: дул резкий, пронизывающий ветер, и наша одежда была насквозь мокрой.

Мы бежали и бежали машинально вдоль берега в южном направлении, подбадривая друг друга. Берег моря стал круче и тем самым несколько заслонил нас от порывов ветра. По внутреннему склону сбегала к северу небольшая река Арарангуа; на значительном расстоянии она протекала параллельно берегу, а затем, недалеко от того места, где мы находились., впадала в океан.

Итак мы двигались по правому берегу реки; пройдя примерно четыре мили, мы наткнулись на обитаемый дом, где нам оказали щедрое гостеприимство. Дом находился на опушке великолепного огромного бразильского леса, одного из величайших в мире, о котором я уже говорил. На небольшой поляне стояла эта хижина, в которой жили отец, мать и ребенок. Кругом высились могучие старые деревья-великаны, а на одном конце поляны был маленький сад цитрусовых деревьев, самых прекрасных из тех, какие мне приходилось видеть, с апельсинами на ветвях — настоящее чудо! Для потерпевших кораблекрушение это был приятный сюрприз.

Глава 17
Нападение на город Лагуну и его захват

Нашему второму судну «Сейвал», которым командовал Григг, повезло больше. Он был ненамного крупнее «Риу-Парду», но, благодаря иной конструкции, мог выдержать бурю и благополучно продолжил свое плавание до назначенного места.

К нашему счастью, та часть провинции Санта-Катарина, в которой мы потерпели кораблекрушение, восстала против империи при известии о приближении республиканских войск, и поэтому мы нашли там друзей. Более того, нас встретили с радостью, и мы немедленно получили если не все необходимое, то во всяком случае все то, что эти щедрые люди были в состоянии предоставить нам.

Они тотчас же снабдили нас средствами транспорта, с помощью которых мы могли догнать авангард генерала Канабарро, находившийся под командованием полковника Тейксейра, который быстро двигался к Лагуне[76] с тем, чтобы захватить ее. И в самом деле, нам пришлось недолго задержаться у этого городка. Находившийся в нем гарнизон численностью около четырехсот человек отступил из города на север, а три небольших военных судна после непродолжительного сопротивления сдались.

Я перешел с моими людьми, спасшимися при кораблекрушении, на шхуну «Итапарика», вооруженную семью пушками. Судьба была так благосклонна к республиканцам в эти первые дни оккупации, что, казалось, ей доставляло удовольствие осыпать нас благодеяниями.

Имперские войска не знали об этом внезапном нападении и не допускали возможности его; но прослышав о планах этой экспедиции, они позаботились о том, чтобы направить в Лагуну оружие, военное снаряжение и солдат, которые прибыли уже после взятия нами города и потому попали к нам в руки.

Жители провинции отнеслись к нам как к братьям и освободителям, однако во время пребывания среди этого дружественного народа мы не смогли оправдать подобного отношения к нам.

Генерал Канабарро назначил свою ставку в городе Лагуна, который республиканцы назвали Вилла Джулиана, поскольку он был завоеван в июле месяце. Я говорю завоеван потому, что в этом крае, с населением которого нам следовало обращаться по-братски, мы вели себя как завоеватели.

При нашем вступлении в город было создано провинциальное

республиканское правительство, которое сначала возглавил священник, пользовавшийся высоким престижем у народа. Россетти, в качестве секретаря правительства, стал его подлинной душой: он был как будто создан для такой должности.

Все шло прекрасно: отважный офицер, полковник Тейксейра, со своим храбрым авангардом, преследуя бегущего противника, принудил его запереться в столице провинции и овладел затем большей частью ее территории и населенных пунктов.

Повсюду нас встречали с распростертыми объятиями; и мы принимали много дезертиров из имперской армии, которые переходили на службу республики.

Генерал Канабарро строил тысячи прекрасных планов. Это был честный и отважный воин-республиканец, немного грубый, но добрый человек, что он и доказал именно в это тревожное время.

Он любил говорить, что из Лагуны выйдет гидра, которая проглотит империю; и быть может так бы оно и было, если бы эта удачная экспедиция проводилась с большей мудростью и предусмотрительностью.

Но наше высокомерное обращение с добрыми жителями провинции, которые сначала были нашими друзьями, а затем превратились в заклятых врагов, недостаток сил и средств, использованных в столь важной экспедиции, а также недоброжелательное отношение и, возможно, зависть к нашему генералу со стороны тех, кто должен был оказывать ему всемерную поддержку и помощь, — все это явилось причиной того, что мы лишились плодов блистательной кампании, которая могла привести к падению империи и утверждению республики на всем американском континенте.

Глава 18
Влюбленный

Генерал Канабарро решил, чтобы я отправился из Лагуны с тремя вооруженными судами для нападения на имперские войска у берегов Бразилии. Я приготовился к выполнению этого задания, запасшись необходимым вооружением.

В этот период времени произошло одно из важнейших событий в моей жизни.

Я никогда не помышлял о браке и считал, что не создан для него из-за независимости своего характера и склонности к жизни, полной приключений. Иметь жену, детей казалось мне совершенно неуместным для человека, целиком посвятившего себя борьбе за осуществление своих идей, борьбе, которая (как бы

она ни была успешна), требуя от меня напряжения всех сил, делала невозможным душевное спокойствие, необходимое для отца семейства. Однако судьба решила иначе.

Потеряв Луиджи, Эдоардо[77] и других своих соотечественников, я остался совершенно одинок. Мне казалось, что я один в целом мире! У меня не осталось больше никого из друзей, которые в этих далеких краях как бы заменяли мне родину. Я не был близок ни с одним из моих новых товарищей, которых едва знал, и у меня не было друга, в котором я постоянно нуждался. К тому же случившееся было так внезапно и ужасно, что оно глубоко потрясло меня.

Россетти, единственный, кто мог заполнить образовавшуюся в моем сердце пустоту, был далеко, выполняя свои обязанности в правительстве нового республиканского государства, и потому я был лишен его братской поддержки. Следовательно, мне нужен был человек, который бы полюбил меня, и притом сразу, и был неразлучен со мною; без этого мое существование становилось невыносимым.

Не будучи старым, я все же достаточно хорошо знал людей, чтобы понять, как важно найти истинного друга.

Мне нужна была подруга, именно подруга, ибо я всегда считал, что женщина — совершеннейшее из созданий! И что бы ни говорили, среди них бесконечно легче найти любящее сердце.

Погруженный в эти печальные мысли, я ходил по корме «Итапарика». Обдумав все, я решил, наконец, найти себе подругу, которая помогла бы мне избавиться от невыносимой тоски.

Случайно мой взгляд привлекли к себе несколько простых домиков, живописно раскинувшихся у подножья довольно высокого холма Барра (на южном берегу у входа в лагуну). В подзорную трубу, которую я обычно имел при себе, когда находился на палубе, я заметил там молодую девушку. Я велел пристать к берегу и направился к домам, где должна была находиться та, ради которой я пришел, но мне не удалось сразу найти ее. Я повстречал местного жителя, с которым познакомился в первый момент нашего прибытия. Он пригласил меня зайти к нему в дом выпить кофе. Мы вошли, и первая, кого я увидел, была та, которая заставила меня сойти на берег. Это была Анита, впоследствии мать моих детей, верная подруга жизни, делившая со мной радость и горе. Женщина, чьей смелости я не раз завидовал! Несколько мгновений мы стояли неподвижно, молча вглядываясь друг в друга, как люди, которые видятся не в первый раз и стараются найти в облике друг друга какие-то черты, облегчающие воспоминание. Наконец, я приветствовал ее и сказал: «ты будешь моей!» Плохо зная португальский язык, я

произнес эти дерзкие слова по-итальянски. Как бы то ни было в моей дерзости было что-то притягательное. Я завязал узел, я скрепил союз, который могла разорвать одна только смерть! Итак, я нашел запретное сокровище, но как оно было драгоценно!

Если при этом был кто-то виноват, то вина целиком ложится на меня! Я был виноват в том, что два сердца оказались скрепленными горячей любовью, и это разбило жизнь невиновного! Она умерла! На меня обрушилось горе, а он отмщен! Да, отмщен![78] Я осознал великое зло, совершенное мною, в тот день, когда, надеясь еще отстоять ее жизнь, я искал пульс на хладеющей руке… и рыдал, рыдал в отчаянии! Я жестоко ошибся и ошибся один!

Глава 19
Опять корсар

В числе трех вооруженных судов, предназначенных для рейса в Атлантический океан, были два голета: «Риу-Парду», находившийся под моей командой (это был новый корабль, названный так в память погибшего при кораблекрушении), «Кассапара», капитаном которого был Григг, и шхуна «Сейвал», перевезенная на повозке из озера Патус[79] и находившаяся под командованием итальянца Лоренцо.

Выход из лагуны Санта-Катарина блокировали имперские военные суда. Мы вышли ночью и не были замечены ими. Наши суда взяли курс на север.

Достигнув мыса Сантос, мы встретили имперский корвет, который тщетно преследовал нас в течение двух дней. Бразильские военные суда имели явно худшее командование, чем во время кампании против Парагвая. Если бы у них был способный командир, три небольших республиканских судна были бы уничтожены за каких-нибудь несколько часов; ведь у нас были всего три маленькие пушки — две девятидюймовые и одна двенадцати. На корвете же было двадцать больших пушек, имевших укрытия; это был настоящий военный корабль.

В первый день мы стремились взять корвет на абордаж; после продолжительной орудийной перестрелки он обратился в бегство, и мы остались хозяевами положения.

На другой день мы находились ближе к берегу, чем накануне. Сильный сирокко положил конец сражению, которое было простой видимостью и не дало никакого результата, ибо суда находились на слишком большом расстоянии друг от друга из-за волнения на море.

После этих двух стычек мы подошли к острову ду-Абриго.

Здесь мы захватили две груженные рисом сумаки (так бразильцы называют особый вид бригантин). Продолжив свой путь, мы захватили еще несколько судов. Среди них была сумака, захваченная Григгом, который отдал ее под начало своих людей. Последние подверглись нападению бразильского судна, экипаж которого связал их, чтобы передать как пленных в руки неприятеля. Было истинным счастьем для этих людей, что они попались нам навстречу.

Спустя восемь дней после нашего отплытия мы вернулись в лагуну. У меня было зловещее предчувствие того, что нас там ожидало, потому что еще до нашего отплытия жители провинции Санта-Катарина стали относиться к нам враждебно. Кроме того, было известно о приближении с севера сильного отряда имперских войск под командованием генерала Андреа, прославившегося усмирением провинции Пара и примененными им там репрессиями. При нашем возвращении в лагуну мы встретили у мыса Санта-Катарина неприятельский военный корабль типа patacho[80]. С нами были тогда только два судна — «Риу-Парду» и «Сейвал», так как «Кассапара» вот уже несколько дней как отстала от нас в ночной темноте.

Это бразильское судно было замечено с носа нашего корабля, когда мы с сильным попутным ветром шли в лагуну Санта-Катарина. Противник, очевидно крейсировавший от острова того же названия на восток, был замечен нами слева по борту.

На патачо насчитывалось семь пушек, это был настоящий военный корабль, тогда как «Риу-Парду», имевший только одну девятидюймовую пушку, был маленьким торговым судном, лишенным всяких боевых приспособлений. Как бы то ни было, нужно было твердо держаться. Просигналив трем трофейным судам, чтобы они шли к Имбитуба, «Риу-Парду» приблизился к патахо на расстояние ружейного выстрела, взял курс налево и открыл огонь из орудия по неприятельскому кораблю. Патачо ответил энергичной пальбой. Однако сражение не дало почти никакого результата из-за того, что море было бурным. Вода не раз заливала нашу батарею на правом борту, а противнику, несмотря на интенсивный огонь, удалось лишь немного повредить наши паруса.

Однако эта стычка стоила нам потери двух шхун, одна из них выбросилась на берег, а на другой капитан, испуганный захватом судна, спустил флаг.

Было спасено лишь одно трофейное судно под командованием Игнацио Бильбао, отважного бискайского офицера, который пристал с ним в порту Имбитуба, находившемся тогда в наших руках. Маленький «Сейвал», у

которого во время стычки в бурном море было сбито орудие, направился в том же направлении. Поэтому я также вынужден был, пользуясь северо-восточным ветром, который ночью стал дуть на юг, пристать в Имбитуба. При таком ветре невозможно было войти в лагуну, и не вызывало сомнения, что имперские военные суда, стоявшие у острова Санта-Катарина, разузнав о нас у экипажа «Андуринья» (корабль, с которым мы вступили в бой), постараются атаковать нас. Поэтому мы должны были подготовиться к бою.

Орудие, сбитое на «Сейвале», было перенесено на мыс, который закрывал бухту Имбитуба с востока, и здесь мы построили укрепление, обнесенное турами. Эту работу мы проделали ночью, а едва забрезжил день, как появились три имперских корабля, которые шли в нашу сторону.

«Риу-Парду», встав на якоре в глубине бухты, начал весьма неравное сражение, ибо имперцы были несравненно сильнее нас. Неприятельские суда, пользуясь благоприятным ветром, который дул из бухты, держались на парусах, лавируя, и вели ураганный артиллерийский огонь. Так как противник мог стрелять из своих пушек под любым углом, то весь огонь сосредоточился исключительно на бедном «Риу-Парду», который находился под моим командованием. Однако мы со своей стороны сражались с отчаянной решимостью; и так как бой проходил на близком расстоянии, то обе стороны вели огонь также из карабинов.

Уступая в силе противнику, мы несли, конечно, большие потери: вся палуба у нас была покрыта трупами и изуродованными телами. Но хотя борта «Риу-Парду» были изрешечены ядрами, а снасти перебиты, мы решили сражаться насмерть. В этом решении нас поддерживало самообладание бразильской амазонки: Анита не только не пожелала сойти на берег, но и мужественно сражалась во время этого ожесточенного боя.

Нашей решимости сражаться во многом содействовал также храбрый Мануэль Родригес, который, командуя нашим орудием на берегу, весьма искусно вел огонь по неприятельским судам.

Противник яростно атаковал «Риу-Парду»; не раз его суда подходили совсем близко, и я ожидал, что неприятель собирается идти на абордаж. Мы были готовы на все, кроме капитуляции. Наконец, после нескольких часов ожесточенного боя, противник к нашему изумлению отступил. Впоследствии стало известно, что причиной отступления была смерть командира «Белла Американа», одного из самых крупных неприятельских судов.

Остаток дня мы посвятили погребению мертвых и исправлению тяжелых повреждений, причиненных бедному «Риу-

Парду». На другой день противник держался в отдалении, очевидно готовясь снова напасть на нас. Поэтому позднее, под покровом ночи, мы при попутном южном ветре поплыли в лагуну.

С наступлением темноты мы, стараясь не нарушать тишины, перевезли на судно находившееся на берегу оружие; когда неприятель заметил наше отплытие, мы были уже далеко. Лишь утром следующего дня он настиг нас и произвел несколько выстрелов, не причинивших никакого вреда.

Мы вошли в лагуну Санта-Катарина, радостно встреченные нашими товарищами, которые удивлялись тому, что нам удалось ускользнуть от значительно более сильного противника.

Глава 20
Отступление

В Лагуне нас ожидало известие об очень серьезных событиях. Приближение противника, обладавшего крупными сухопутными силами, а также грубое обращение с жителями провинции Санта-Катарина побудили часть населения, в том числе жителей селения Имириу (в глубине лагуны, на ее юго-восточном берегу), восстать против Республики.

Я получил от генерала Канабарро очень неприятный приказ — усмирить этот город и в наказание подвергнуть его разграблению. Я был вынужден выполнить приказание. И при республиканском правительстве обязанность беспрекословно подчиняться — отвратительная необходимость.

Гарнизон и жители приготовились защищаться со стороны лагуны. Я сделал высадку в трех милях к востоку и внезапно напал на них с тыла, со стороны горы. Гарнизон был разбит и обратился в бегство, и мы овладели Имириу.

Мне бы хотелось, чтобы ни я и никто другой, кто не[81] забыл о том, что он человек, не оказался вынужденным разрешить грабеж.

Хотя есть пространные донесения о таких преступлениях, но я думаю, что невозможно подробно рассказать о всех мерзостях и гнусностях, которые творятся в таких случаях. Ни один день моей жизни не оставил о себе такого горестного воспоминания, не вызвал такого отвращения к человеческому роду, как этот! В тот ужасный день мне стоило тяжкого и невероятного труда обуздать насилия над населением; мне пришлось для этого, пренебрегая жизнью, прибегнуть к оружию. Однако предотвратить ужасные беспорядки, вызванные разграблением имущества, я был не в состоянии. Не помогли ни авторитет начальника, ни удары, наносимые мною и несколькими офицерами, которые не

поддались необузданной жадности. Не помог и умышленно распущенный слух о том, что противник возвращается с более крупными силами, чтобы возобновить бой. Если бы неприятель действительно появился (а это не было лишено вероятности, так как его заметили на близлежащих холмах), то, застав врасплох этих опьяневших и распоясавшихся людей, он бы устроил кровавое побоище. Однако противник не решился атаковать нас. Ничто не могло сдержать разнузданных грабителей. К тому же в этом селении, хотя оно и было невелико, к несчастью имелось множество всяких припасов, и особенно спиртных напитков, так как Имириу обеспечивал провиантом немало обитателей гор. Поэтому началось повальное пьянство. К тому же, я почти не знал тех, которые высадились со мной на берег: в большинстве своем это были недавно набранные и совершенно недисциплинированные люди. Если бы в этот момент на нас напало полсотни неприятельских солдат, мы бы все погибли.

Наконец, с — помощью угроз, ударов и убийств удалось посадить на суда этих сорвавшихся с цепи зверей. Погрузив несколько бочонков водки и кое-какие припасы, предназначенные для дивизии, мы вернулись в Лагуну.

Представление о том, какого сорта люди находились под моим командованием в этой экспедиции, может дать следующий эпизод.

Один немецкий сержант, очень уважаемый солдатами, был убит в Имириу. Я приказал похоронить его, но так как люди были заняты другим, а также под тем предлогом, что этот храбрец заслужил, чтобы его тело была перевезено в Лагуну и там погребено с почестями, они перенесли тело убитого на корабль.

Проходя по корме судна и заметив свет в трюме, где во время плавания находилась большая часть экипажа, я увидел такую картину: тело немецкого сержанта, длинное и тучное, лежало посреди столпившихся людей, чьи пьяные физиономии отнюдь не свидетельствовали о благородстве. На этих рожах отражался свет сальных свечей, воткнутых в горлышки бутылок; они были поставлены на панчо, на котором лежал труп. Эти люди, которые походили на демонов, принявших обличье азартных игроков в тресет или брисколу и разыгрывавших на панчо, рядом с трупом их товарища, добытую грабежом добычу, снова напомнили мне о несчастных ограбленных жителях Имириу.

Тем временем наш авангард под командованием полковника Тейксейра отступал перед противником, который крупными силами быстро наступал с севера. Достигнув Лагуны, мы начали перевозить снаряжение дивизии на правый берег Барра, а вскоре пришлось подумать о переправе войск.

Глава 21
Сражение и пожар

В день нашего отступления вся дивизия с большим количеством снаряжения переправлялась на правый берег. У меня было много работы, потому что, хотя численность людей была не очень велика, у нас было много кавалерии, а место, избранное для переправы, оказалось очень широким и с сильным течением. Поэтому я был занят с самого утра и до полудня, используя для переправы все имевшиеся в моем распоряжении средства.

Затем я поднялся на холм, находившийся в устье лагуны, чтобы наблюдать за появившимися вражескими судами, на которых находилось много солдат; одновременно с флотом приближались сухопутные войска.

Прежде чем сойти с холма, я дал знать генералу Канабарро, что противник собирается форсировать пролив. О намерении противника осуществить эту операцию я уже догадался, наблюдая за его маневрами с того места, где происходила наша переправа. Теперь, поднявшись на холм, я окончательно убедился в этом. Неприятельских судов было двадцать два. Они были невелики, но хорошо приспособлены для плавания на глубоких местах в устье лагуны. Я тотчас же снова передал сообщение об увиденном генералу Канабарро, ибо нельзя было терять время.

Однако, то ли из-за нерешительности генерала, то ли потому, что нашим людям действительно было необходимо подкрепиться и отдохнуть, но остается фактом, что никто не пришел вовремя, чтобы помочь оборонять устье в том месте, где можно было разгромить противника, подоспей сюда наша пехота. Правда, батарея под командованием храброго капитана Капотто, находившаяся на восточном мысу, оказала сопротивление, однако оно было очень слабым из-за неопытности артиллеристов и плохого состояния орудий. То же самое произошло и на трех небольших республиканских судах, находившихся под моим командованием. Их экипаж очень сократился, ибо в тот день многие, в том числе лучшие матросы, были заняты переправой нашей дивизии; другие же задержались на берегу, чтобы быть подальше от жестокого и неравного сражения.

Сойдя с холма, я поспешил на свой пост — на борт «Риу-Парду», где моя несравненная Анита, со свойственной ей храбростью, уже открыла артиллерийский огонь, сама наводя орудие и воодушевляя оробевшую команду.

Бой был непродолжительным, но яростным. Если погибло не много людей, то только потому, что их было мало на кораблях. Однако из офицеров, находившихся на трех судах, один лишь я

остался в живых.

В бой вступила вся неприятельская эскадра, открыв адский огонь из пушек и ружей. Ветер и течение благоприятствовали ее действиям, удваивая ее подвижность, поэтому ей был причинен незначительный ущерб. Затем, бросив якорь на расстоянии пушечного выстрела, вражеские суда продолжали обстреливать нас из пушек, которые по своему калибру превосходили наши.

Я попросил у генерала Канабарро подкрепления, чтобы продолжать борьбу, однако он приказал мне сжечь наши суда и отступать с экипажем по суше.

С этой просьбой о подкреплении я отправил к генералу Аниту, заставив ее дать обещание, что она не вернется на корабль. Однако Анита, вместо того чтобы послать кого-нибудь с ответом, сама возвратилась на корабль. Благодаря удивительному хладнокровию молодой героини, нам удалось спасти военное снаряжение.

Под непрекращающимся огнем неприятельской артиллерии, я должен был почти в одиночку поджигать суда нашей флотилии, поэтому мне стоило немалого труда выполнить эту задачу.

Я не имел возможности похоронить погибших товарищей по оружию или воздать им заслуженные почести, и мне пришлось смириться с печальной необходимостью и увидеть, как тела погибших были погребены в огне.

Я переходил с одного нашего корабля на другой, чтобы поджечь их. Палубы судов были усеяны трупами и оторванными конечностями. Тело командира «Итапарика», Хуана Энрике, уроженца Лагуны, я нашел среди других трупов, с грудью, пробитой biscaino — круглой железной пулей. Командир «Кассапава», Джон Григг, был в упор поражен залпом картечи, оторвавшим ему ноги, но так как его туловище, поддерживаемое бортом, оставалось в вертикальном положении, а с лица еще не сошел румянец, он казался живым.

Спустя несколько минут останки этих отважных бойцов исчезли в пучине! И не стало этих крошечных, но грозных судов, которые были грозой для империи и, которые, как имел обыкновение говорить генерал Канабарро, должны были уничтожить ее.

Уже была ночь, когда я, собрав оставшихся в живых товарищей, двинулся в арьергарде нашей дивизии, отступавшей к Риу-Гранди, по той же самой дороге, по которой мы шли несколько месяцев тому назад с сердцами, переполненными надеждами, видя перед собой победу.

Глава 22

Боевые действия на суше
Победа и поражение

Среди бесчисленных превратностей моей бурной жизни случались у меня и приятные часы. Одним из них (хотя, казалось, ему следовало быть, напротив, печальным) был тот час, когда во главе горстки людей, которые уцелели во многих боях и которые с полным основанием заслужили называться храбрецами, я ехал на коне рядом с подругой моего сердца, достойной всеобщего восхищения. Передо мной открывалось поле деятельности, еще более заманчивой, чем морская служба.

Разве имело значение, что у меня не было другой одежды, кроме той, что была на мне? Что я служил бедной республике, которая не могла уплатить никому ни гроша? У меня были сабля и карабин, лежавший поперек седельной луки. Рядом со мной было мое сокровище, моя Анита, как и я горячо преданная священному делу народов и любившая жизнь, полную приключений. Сражения были для нее развлечением, а лагерная жизнь с ее тяготами — приятным времяпровождением. Чтобы то ни было, мне улыбалось счастливое будущее, и чем более дикими становились бескрайние американские степи, тем прекраснее и пленительнее казались они мне. К тому же я полагал, что, участвуя во многих опасных сражениях, я выполнил свой долг и заслужил уважение воинственных сынов провинции Континенте (Риу-Гранди). Итак, мы продолжали отступление до Лас-Торрес, границы двух провинций, где разбили лагерь. Неприятель удовольствовался тем, что овладел Лагуной и не стал преследовать нас. Однако дивизия Акунья, пришедшая из провинции Сан-Паолу, чтобы отрезать нам путь к отступлению, соединившись с отрядом Андреа в районе Серры, представлявшем собой покрытые лесом горы, двинулась затем в Сима-да-Серру — горную область в провинции Риу-Гранди.

Жители этой горной местности, подвергшиеся нападению превосходящих сил неприятеля, попросили помощи у генерала Канабарро, который направил к ним отряд под командованием полковника Тейксейра. Мы приняли участие в этой экспедиции. Соединившись с горцами Серры, которыми командовал полковник Аранья, мы наголову разбили при Санта-Витория дивизию Акуньи. Сам Акунья утонул в реке Пелотас, а большая часть его войск сдалась в плен.

Благодаря этой победе республиканский порядок был восстановлен в трех департаментах — Лажис, Вакариа и Сима-да-Серра. Спустя несколько дней мы с триумфом вошли в Лажис (январь 1840 г.).

Между тем вторжение имперских войск ободрило приверженцев Бразильской империи в провинции Мисьонес, и имперский полковник Мелло пополнил свой отряд почти пятьюстами всадников.

Генерал Бенто Мануэль, который должен был вступить с ним в сражение, решил послать туда полковника Портиньоса. Последний, не имея достаточных сил, ограничился только наблюдением за Мелло, который направился к Сан-Паолу. Занимаемые нами позиции и имевшиеся у нас силы позволяли не только воспрепятствовать походу Мелло, но и разбить его. Однако судьба не пожелала этого.

Полковник Тейксейра, не зная, пойдет ли противник через Вакарию или другим путем на Куритибанус, разделил свой отряд на две части: лучшую кавалерию, набранную из жителей Серры, он направил с полковником Аранья в Вакарию, сам же с пехотой и частью кавалерии, состоящей в основном из пленных, захваченных у Санта-Витории, двинулся к Куритибанусу.

Но именно сюда и шел неприятель. Это разделение сил оказалось гибельным для нас. Недавняя наша победа, пылкий характер нашего предводителя, как и вообще всех республиканцев, а также полученные нами сведения о неприятеле, преуменьшавшие его силы и представлявшие в неправильном свете его моральный дух, — все это побудило нас отнестись к противнику с полным пренебрежением.

Через три дня мы достигли Куритибануса и расположились лагерем на некотором расстоянии от перевала Маромба, через который, по нашим предположениям, должен был пройти неприятель. У перевала и в других местах, где сочли это необходимым, были поставлены часовые.

Около полуночи пост у перевала был с такой яростью атакован противником, что часовые едва успели отойти, произведя несколько выстрелов. С этого момента и до рассвета мы простояли со всеми нашими силами, готовые вступить в бой. Противник не заставил себя ждать: переправив через реку свои войска, он остановился недалеко от нас, готовясь к сражению. Всякий другой, кроме Тейксейры, видя превосходство сил противника, немедленно отправил бы гонца к Аранья с просьбой двигаться к нам и постарался бы задержать противника до подхода главных сил. Но этот отважный республиканец боялся, чтобы противник не отступил и не лишил его возможности встретиться с ним в бою. Поэтому — в атаку, какое бы выгодное положение ни занимал неприятель!

Используя неровности местности, Мелло устроил свои позиции на очень высоком холме, перед которым находилась

глубокая долина, изрезанная множеством оврагов. На флангах Мелло расположил в засаде несколько взводов кавалерии, которые были скрыты от нас.

Тейксейра отдал приказ атаковать противника пехотной цепью, используя имевшиеся в долине укрытия. Атака началась, и противник сделал вид, что отступает. Но когда наша цепь, преодолев долину, стала преследовать противника, ведя по нему ружейный огонь, она сама была атакована с фланга вражеским кавалерийским эскадроном, находившимся в засаде; это вынудило ее в беспорядке отступить и соединиться с главными силами В этом бою погиб один из самых храбрых наших офицеров, Мануэль Н., которого очень любил наш командующий.

Получив подкрепление, наша цепь с большей решимостью снова двинулась вперед, и неприятель наконец, не выдержав, стал отступать, оставив на поле боя одного убитого. Раненых с обеих сторон было мало, потому что в бою участвовало и с той и с другой стороны немного сил.

Между тем, противник продолжал поспешно отступать, и мы непрерывно преследовали его. Между обоими кавалерийскими отрядами — нашим, двигавшимся в авангарде, и неприятельским, составлявшим арьергард, происходили стычки, но так как преследование продолжалось около девяти миль, то наша пехота осталась далеко позади, ибо она, несмотря на все усилия, не могла, естественно, поспеть за кавалерией. Этим обстоятельством воспользовался неприятель, а, возможно, он сам постарался вызвать такое положение.

Когда наш авангард достиг вершины перевала Маромба, начальник авангарда, майор Джачинто, послал гонца к полковнику с уведомлением, что противник переходит реку вброд и что ganado[82] и cavallados[83] уже находятся на другом берегу, — свидетельство того, что неприятель продолжает отступать. Доблестный Тейксейра, не медля ни минуты, приказал нескольким взводам нашей кавалерии двинуться галопом, чтобы успеть атаковать противника во время переправы и обратить его в бегство. Мне он также приказал, чтобы пехота, не жалея сил, преследовала противника.

Однако коварный Мелло, чтобы ввести нас в заблуждение, прибегнул к хитрому маневру. Он приказал своим отрядам двигаться как можно быстрее с тем, чтобы мы потеряли их из виду; подойдя к реке Куритибану, он даже начал переправлять на другой берег быков и лошадей, войска же его, расположившись за холмами, которые находились слева от нас, оказались совершенно скрытыми от наших глаз.

Приняв эти меры и оставив взвод для прикрытия цепи своих

стрелков, неприятель, догадавшись, что наша пехота находится далеко, отступил под прикрытие высоких холмов, а затем, совершив этот фланговый марш, он внезапно появился и атаковал слева один за другим наши взводы и полностью рассеял их.

Наш кавалерийский взвод, который поддерживал стрелковую цепь и который преследовал с пиками наперевес неприятеля среди песчаных холмов, первый заметил ловушку, но у него не было времени избежать ее, поэтому его постигла участь других взводов, несмотря на храбрость и решительность Тейксейра и некоторых отважных риу-грандийских офицеров. Спустя несколько минут наша кавалерия являла собой позорное зрелище, уподобившись бегущему стаду овец.

Я был очень недоволен тем, что наша пехота осталась далеко позади, учитывая, что кавалерия состояла из ненадежных людей, в большинстве своем взятых в плен при Санта-Витория. Поэтому я заставлял моих пехотинцев двигаться как можно быстрей, чтобы вступить в бой, но все оказалось тщетным.

С высоты холма я увидел, что сражение проиграно и что уже поздно* думать о победе; следовало позаботиться о том, чтобы не дать всем погибнуть. Я громко позвал к себе человек двенадцать самых ловких и смелых моих товарищей-моряков (они немедленно явились на мой зов, хотя очень устали от долгого и быстрого марша), и приказал им занять выгодную для пехоты позицию, которая, господствуя над местностью, была к тому же защищена зарослями и скалами. Отсюда мы открыли огонь по неприятелю, заставив его почувствовать, что его победа не была еще окончательной.

К нам примкнул полковник с несколькими адъютантами после того, как он, презирая всякую опасность, сделал все возможное, чтобы остановить бегущих. Пехотинцы из моего отряда под командованием майора Пейксотто присоединились к нам на той же позиции; завязался ожесточенный бой, во время которого противнику был нанесен немалый урон.

Мы потеряли многих из тех пехотинцев, которые, оставшись позади, были затем увлечены бегущими кавалеристами и почти все перебиты.

Тем временем, закрепившись на выгодной позиции, мы, в количестве семидесяти трех человек, успешно дрались с неприятелем, который не имел пехоты и не привык с ней сражаться.

Однако, несмотря на успех, мы оставались на невыгодной позиции. Нужно было поискать более надежное укрытие, которое можно бы покинуть, не ставя себя под удар противника, а главное нужно было отступить, пока побеждавший противник не успел

собрать все свои силы и пока у наших людей не остыл боевой пыл.

Примерно в миле от нас виднелась густая роща (capon), к которой мы и начали отступать. Противник старался разгромить нас во время движения и атаковал нас эшелонами, всякий раз, когда это позволяла местность.

В этих обстоятельствах для нас было настоящим счастьем, что офицеры имели карабины; будучи закалены в боях, они стойко, с непоколебимым спокойствием отбивали атаки противника. Благодаря этому, нам удалось укрыться в роще, где неприятель уже не мог причинить нам вред.

Углубившись немного в лес, мы вышли на поляну; здесь, держась все вместе, имея оружие наготове, мы остановились на отдых и стали ожидать наступления ночи.

Противник не раз кричал нам издали, предлагая сдаться, но мы отвечали ему молчанием.

Глава 23
Возвращение в Лажис

Наступила ночь, мы приготовились к выступлению. Труднее всего пришлось с ранеными, среди которых был майор Пейксотто, раненный пулей в ногу. Около 10 часов вечера, устроив как можно удобнее раненых, мы выступили в поход: двигаясь опушкой рощи, которая оставалась справа, мы стремились достичь конца mato[84]. Этот лес, быть может величайший в мире, простирается от берегов Ла-Платы до Амазонки[85] покрывая горы Серра-ду-Эспиньясу, этого станового хребта Бразилии на протяжении почти тридцати четырех градусов широты. Я не знаю, какова его протяженность по долготе, но она, вероятно, огромна. Три департамента — Сима-да-Серра, Вакария и Лажис — представляют собой campestres посреди этого леса, т. е. окруженные лесом поля. Куритибанус, где происходили рассказанные мною события, расположен в департаменте Лажис, провинции Санта-Катарина; оно было названо так местными жителями — выходцами из Куритиба, селения в провинции Сан-Паолу.

Итак, мы двигались краем рощи, чтобы приблизиться к этому лесу, держась направления на Лажис и намереваясь соединиться с отрядом Аранья, так некстати ушедшим от нас. При выходе из рощи с нами случилось одно из тех происшествий, которые доказывают, насколько человек зависит от обстоятельств и насколько даже храбрейшие люди могут поддаваться паническому страху.

Мы шли в молчании, как того требовала обстановка, готовые сражаться, если бы нам встретился неприятель. Вдруг лошадь, которую, должно быть, потерял накануне какой-то всадник и которая, будучи взнузданной и оседланной, с трудом доставала траву, испугалась производимого нами шума и бросилась бежать.

Тотчас же раздался возглас «неприятель!», при котором все кинулись в чащу леса — те самые семьдесят три человека, которые на протяжении многих часов сражались против пятисот вражеских солдат! Они разбежались так далеко, что несмотря на поиски, продолжавшиеся несколько часов, нам.

Собрав всех, кого можно было собрать, мы снова двинулись в путь и к рассвету вышли к желанному краю огромного леса, держась направления на Лажис.

Неприятель искал нас на следующий день после боя, но тщетно, ибо мы были уже далеко.

День сражения был ужасным из-за опасностей, трудностей и усталости; но мы сражались и мысль об этом подчиняла все остальное. Однако в лесу, где не было ни обычной пищи — мяса, ни других продуктов пропитания, голод дал знать о себе. В течение четырех дней мы ничего не ели, кроме кореньев. Невозможно описать, какого труда стоило нам проложить себе дорогу в этом лесу, где не было даже тропинок и где могучая, изнемогающая от избытка сил природа вырастила под громадными соснами нескончаемого леса гигантский тростник taquara, чьи отмирающие стебли, падая на остатки других растений, образуют непроходимые топи, которые могут поглотить и похоронить человека, неосторожно ступившего на них. Многих из нашего отряда покинуло мужество, кое-кто дезертировал; пришлось собрать всех и твердо заявить, что будет лучше, если каждый открыто скажет — желает ли он следовать за нами; те же, кто хотят уйти, могут быть свободны.

Это решительное средство оказалось весьма действенным; с этого момента никто больше не дезертировал, люди обрели надежду на спасение.

На пятый день после сражения мы наткнулись на piccada, проложенную в лесу тропу, в начале которой находился дом, где мы утолили свой голод, заколов двух быков. В этом доме мы захватили двух людей, которые принадлежали к силам неприятеля, нанесшего нам поражение. Затем мы снова двинулись по тропе, которая вывела нас к Лажису, куда мы пришли под проливным дождем.

Глава 24
Пребывание в Лажисе

Спуск с Серры и сражение

Область Лажис, которая радостно встретила нас, когда мы явились туда после одержанной победы, при известии о нашем поражении у Куритибануса перешла на сторону неприятеля, и некоторые наиболее решительно настроенные люди восстановили имперские порядки. Впрочем, эти люди бежали при нашем появлении, и так как в большинстве своем это были торговцы и притом самые богатые, то они побросали свои лавки, где было все, чего только можно пожелать. Благодаря этому мы обеспечили себя всем необходимым и улучшили наше положение.

Между тем, Тейксейра отослал Аранье приказ идти на соединение с нами. Примерно тогда же Тейксейра получил известие о прибытии подполковника Портиньоса; последний был послан со своей колонной генералом Бенто Мануэлем[86] преследовать тот самый отряд Мелло, с которым у нас произошло такое неудачное столкновение у Куритибануса.

В Америке я служил народному делу и служил искренне, повсюду сражаясь против деспотизма. Будучи по своим убеждениям приверженцем республиканской системы, я отвергал вследствие этого противоположную систему. Люди вызывали у меня скорее сожаление, чем ненависть, ибо я сознавал причины зла, т. е. эгоизм нашей несчастной природы.

Ныне, в 1850 г., находясь вдали от тех мест, где совершились описываемые мною события, я могу рассказать о них спокойно и каждый может быть уверен в моем беспристрастии.

Итак я хочу сказать, что эти славные сыны Континенте[87] принадлежали к числу отважнейших людей, так что занятие нами Лажиса было очень дерзким шагом. Мы занимали Лажис немало дней, решив обороняться против победоносного, вдесятеро более сильного неприятеля, от которого нас отделяла лишь река Каноас; мы не смогли бы отстоять здесь свои позиции без подкрепления, которое было очень далеко. Прошло много дней, прежде чем к нам присоединились Аранья и Портиньос, и в течение всего времени мы сдерживали силы противника с горстью людей.

Как только к нам подошло подкрепление, мы атаковали неприятеля, который, не приняв боя, стал отступать, надеясь укрепиться в провинции Сан-Паолу, куда должны были подойти к нему на помощь значительные силы пехоты и кавалерии.

Тогда мы ощутили тот порок, которым вообще страдает республиканская армия и который состоит в том, что бойцы не желают оставаться постоянно в строю, если в скором времени не ожидается боев. Подобный порок был присущ также армии

Вашингтона и вообще любой армии, в которой не придается значения поддержанию подлинной дисциплины среди бойцов за свободу, той дисциплине, которая порождается чувством долга и глубоко отличается от принудительной дисциплины. В этом случае либо солдата насильственно отрывают от своего очага и вынуждают подчиняться начальнику, какое бы гнусное приказание он ни отдал; либо солдат является наемником, продающим тело и душу тому, кто ему платит за это, и склонным по своему характеру совершать то, чего постыдился бы и дикий зверь.

Воин-гражданин, принадлежащий к свободной нации, становится под знамена, когда его к этому призывают, когда родине грозит могущественный неприятель. Такой воин добровольно встает на защиту своей страны и своей семьи и остается в национальной армии до тех пор, пока не минует опасность и его не отпустят военачальники.

Республиканская армия Риу-Гранди состояла большей частью из смелых бойцов-добровольцев, которые, однако, не считали нужным оставаться в армии, если, по их мнению, опасность для родины миновала и не предвиделось больше сражений; в таком случае они покидали войска, не дожидаясь разрешения командира.

В создавшейся обстановке этот порок едва не послужил причиной нашей гибели: более предприимчивый противник смог бы разгромить нас, если бы воспользовался нашей слабостью, вызванной этим беспорядком.

Первыми стали уходить жители окрестных гор Серры; они покидали нас, уводя с собой не только собственных лошадей, но и тех, которые принадлежали дивизии. Их примеру последовали люди из отряда Портиньоса, жители провинции Мисьонес; вскоре наши силы уменьшились настолько, что мы вынуждены были оставить Лажис и отступить в провинцию Риу-Гранди, опасаясь приближения неприятеля, против которого мы не смогли бы устоять.

Резкое сокращение численности наших сил, отсутствие самого необходимого, особенно одежды в условиях горной местности, где холод становился невыносимым, — все это действовало деморализующим образом на наших людей, которые стали громко требовать возвращения домой, т. е. в низменную и теплую часть провинции.

Риу-Гранди делится на два района. Низменный — ограничен с востока Атлантическим океаном, а на западе и северо-западе — горами Серра-ду-Эспиньясу, с теплым, почти тропическим климатом. Кофе, сахар, цитрусовые и другие плоды обогащают

эту счастливую страну, которая получает к тому же выгоды от разведения огромного количества скота. Населяют ее люди замечательной красоты, к тому же, как истинные сыны провинции Ла-Плата, прекрасные наездники.

В высокогорном районе Серры, где значительно холоднее, растут плодовые деревья, приспособившиеся к более суровому климату; здесь созревают яблони, груши, персики и т. д. Южная оконечность этого района покрыта огромным лесом, о котором я раньше уже упоминал; могучие сосны напоминают колоны храмов.

Итак, полковник Тейксейра вынужден был уступить этим требованиям. Он приказал мне спуститься с Серры с пехотой и матросами и присоединиться к армии; сам он также готовился следовать за нами с кавалерией.

Это отступление было очень трудным из-за плохих дорог и открытой враждебности местных жителей, заклятых врагов республиканцев. Странно, но это действительно так: крестьяне, которые, казалось, больше чем кто бы то ни было, должны были любить строй, основанный на свободе, отвергают его и борются с ним!

Нас было около шестидесяти человек, спустившихся по лесной тропе у Пелуффо. Мы двигались навстречу коварным засадам, которые преодолели удивительно удачным образом, благодаря смелости моих людей, а также вследствие того, что противник оказался недостаточно опытным в военном отношении.

Тропа, по которой мы шли, была очень узкой, проложенной в густом лесу. Противник, на чьей стороне были горцы, превосходно знавшие местность, выбирал самые скрытые места для засад, откуда он яростно, с дикими криками бросался на нас или жестоко обстреливал из чащи леса. Однако мы держались хладнокровно, и это вселило такой страх в горцев, что они смогли лишь легко ранить нескольких человек; одна наша лошадь была убита.

Мы вернулись на главную квартиру в Малакара (в 12 милях от Порту-Алегри), где находился президент Бенто Гонсалвис, который тогда возглавлял армию.

Глава 25
Сражение пехоты

Республиканская армия, когда мы присоединились к ней, готовилась к походу. Неприятель, после проигранного сражения у Риу-Парду, собирался в Порту-Алегри; выступив оттуда под

командованием старого генерала Джорджио, он расположился лагерем на берегах реки Кай под прикрытием своих военных судов, с многочисленной артиллерией. Усиленный большим количеством пехоты, противник поджидал подхода генерала Кальдерона, который, двигаясь от Риу-Гранди, собрал в сельской местности значительный отряд кавалерии.

Используя все средства подкупа, империя добилась того, что в провинции Риу-Гранди на ее сторону переходило немало людей. Здесь, так же как и в долине Ла-Платы, люди, можно сказать, рождаются в седле, и сам кавалерийский дух делает жителей этих мест воинственными. Но не все люди, какими бы отличными кавалеристами они ни были, могут устоять перед позолотой, титулами, побрякушками и особенно всесильным металлом. Упомянутый мною порок, т. е. нежелание республиканцев оставаться в строю, когда им не угрожал неприятель, весьма облегчал действия последнего. И когда генерал Нетто, который командовал в этой кампании республиканскими войсками, собрал, наконец, достаточное число людей, чтобы разбить Кальдерона, последний уже соединился со своими главными силами у реки Кай, после того, как гуда было пригнано много лошадей, в которых так нуждались имперские войска. Вследствие этого, имея большое превосходство в силах, генерал Джорджио стал угрожать осаждавшим столицу республиканским войскам, вынуждая их к снятию осады.

Чтобы разбить неприятельские войска, президенту республики было необходимо соединиться с дивизией генерала Нетто; этот, успешно осуществленный маневр, делает честь военному таланту Бенто Гонсалвиса.

Европейская армия, отягощенная обозами, была бы не в состоянии осуществить подобный маневр. Мы вышли с армией из Малакара, взяв направление на Сан-Леопольду (немецкая колония); ночью мы прошли в двух милях от неприятельской армии. После перехода, продолжавшегося два дня и две ночи, в течение которых мы почти ничего не ели, наш отряд приблизился к окрестностям Такуари, где мы соединились с генералом Нетто, который выступил нам навстречу. Я сказал — почти ничего не ели — и это правда. Узнав о нашем марше, неприятель поспешно выступил, чтобы напасть на нас, и хотя ему было труднее двигаться, чем нам, ибо с ним была артиллерия и снаряжение, он несколько раз настигал нас, когда, отдыхая после длинных переходов, мы жарили мясо — единственную нашу пищу; и не раз неприятель вынуждал нас взваливать зажаренное мясо на спину[88] и поспешно уходить.

В Пиньейриньо, в шести милях от Такуари, мы устроили

привал и сделали все необходимые приготовления для боя.

Республиканская армия, насчитывавшая пять тысяч конницы и тысячу человек пехоты, занимала высоты Пиньейриньо, небольшую гору, наполовину покрытую лесом. Пехота, которой командовал старый полковник Крешенцио, заняла позицию в центре, правым крылом командовал генерал Нетто, а левым — генерал Канабарро. Оба крыла состояли из одной кавалерии, несомненно лучшей в мире, хотя и состоявшей из фаррапос[89].

Наша пехота, которая за исключением офицеров в большинстве своем состояла из цветных людей, также была превосходной, и желание сражаться было всеобщим.

Полковник Жоан Антонио возглавлял резерв, состоявший из кавалерийского отряда.

У неприятеля было четыре тысячи пехоты, три тысячи кавалерии и несколько орудий. Он занял весьма выгодную позицию на другом берегу небольшой реки, разделявшей обе армии. Не следовало относиться пренебрежительно к неприятелю: у него были отборные имперские войска, а старый генерал Джорджио, который командовал ими, считался весьма опытным.

До сих пор неприятельский командующий упорно преследовал нас, теперь он отдал все необходимые распоряжения для организации правильной атаки.

По его приказу два пехотных батальона перешли высохшее русло ручья и, построившись в каре, двинулись вперед. Два неприятельских орудия, удачно поставленные на другом берегу, открыли огонь по нашим кавалерийским цепям. Храбрецы из первой кавалерийской бригады генерала Нетто вынули сабли из ножен, ожидая лишь сигнала, чтобы броситься на два наступавших батальона неприятеля. Эти воинственные сыны провинции Континенте были уверены в победе: находясь под командованием генерала Нетто, они ни разу еще не знали поражения.

Наша пехота, которая с развернутыми знаменами расположилась цепями на самом высоком холме, будучи прикрыта его гребнем, горела желанием броситься в сражение. Уже страшные копейщики Канабарро, состоявшие поголовно из освобожденных рабов, занимавшихся укрощением диких коней, двинулись вперед, обходя правый фланг неприятеля, который в беспорядке вынужден был поэтому также повернуть свой фронт вправо.

Храбрые копейщики, гордые своим внушительным видом, двигались еще более сомкнутыми рядами; сплошному лесу пик был подобен этот превосходный отряд, состоявший из

освобожденных республикой рабов, набранных среди лучших в провинции укротителей диких лошадей; все всадники были черные за исключением высших офицеров. Никогда еще противнику не доводилось видеть спину этих подлинных сынов свободы, которые воистину сражались за нее. Их копья, превышавшие обычную длину этого оружия, их совершенно черные лица, их атлетические тела, закаленные в постоянном тяжелом труде, и их превосходная дисциплина наводили ужас на неприятеля.

Уже над рядами раздался призывный клич командующего: «Пусть сегодня каждый сражается за четверых!» — с этими скупыми словами обратился к нам предводитель, который был наделен всеми качествами великого полководца, кроме одного — везения!

Предчувствие битвы и вера в победу заставляли трепетать наши сердца. Никогда мне еще не доводилось быть свидетелем зрелища более великолепного[90]. Находясь в центре нашей пехоты на самом высоком месте, я мог обозревать войска обеих сторон. Расстилавшиеся внизу поля были покрыты редким и низким кустарником; ничто не мешало обзору, так что можно было видеть самые небольшие передвижения.

Вот там, внизу, через несколько минут должна решиться судьба самой большой части американского материка — Бразилии! Судьба целого народа! Пройдут мгновения, и эти, столь стройные, великолепные и блестящие отряды будут рассеяны, разгромлены, смешаются в ужасной свалке, движимые низкой страстью уничтожения! Через минуту кровь, изуродованные члены и мертвые тела этих прекрасных молодых людей осквернят девственные, чудесные поля! Однако все ждали, все жаждали сигнала к началу сражения.

Но нет, этой долине не суждено было стать местом кровавой сечи! Неприятельский командующий, устрашенный решимостью республиканцев и занимаемой нами сильной позицией, поколебался начать ранее задуманную атаку и приказал вернуться двум батальонам; вместо наступления, которое он вел до сих пор, неприятель, следовательно, перешел к обороне.

Во время рекогносцировки был убит генерал Кальдерон, и это, возможно, явилось одной из причин нерешительности, обнаруженной генералом Джорджио.

Если неприятель не атаковал нас, то нам самим следовало атаковать его — таково было мнение многих. Но было ли разумно поступить так? Если бы нас атаковали на наших отличных позициях у Пиньейриньо, мы имели бы очень большие шансы одержать победу. Но, оставив эти позиции и двинувшись на

сближение с неприятелем, мы вынуждены были бы перебираться через бугристое, хотя и высохшее русло реки; кроме того, неприятельская пехота по своей численности значительно превосходила нашу; к тому же у противника была артиллерия, а у нас — ни одного орудия.

В конце концов, сражение так и не началось: мы простояли весь день, и дело ограничилось небольшими стычками.

Слишком сильные позиции, а нередко также и крепости с их удобствами имеют ту отрицательную сторону, что они предрасполагают к отдыху и бездействию, в то время когда можно склонить чашу весов в свою сторону с помощью решительного сражения. В подтверждение этого можно было бы привести множество примеров, и потому заслуживает сожаления намерение итальянских военных специалистов в 1872 г. усеять крепостями полуостров — из-за боязни вооружить два миллиона граждан и послать священников осушать понтийские болота.

В нашем лагере не хватало провизии, и особенно плохо приходилось пехоте. Но еще более невыносимой была жажда, ибо там, где стояли наши войска, не оказалось воды. Но наши люди были закалены жизнью, полной лишений, и жаловались только на то, что им не пришлось сразиться с противником!

Мои соотечественники! В тот день, когда вы будете объединены (к несчастью, это произойдет не очень скоро) и станете столь же нетребовательными[91], как эти сыны Континенте, — иноземец не осмелится более попирать вашу землю, осквернять ваши брачные ложа! В этот день Италия вновь займет место среди первых наций мира!

Когда настала ночь, старый генерал Джорджио скрылся; утром мы нигде не могли обнаружить противника. До 10 часов, из-за утреннего тумана мы оставались в неведении о его новом расположении. Только к этому часу удалось, наконец, заметить, что неприятель занял сильные позиции у Такуари. Я уверен, что ловкий маневр противника причинил глубокое огорчение главе республики. Но поправить дело было уже невозможно. Он упустил блестящую возможность нанести сокрушительный удар империи и, быть может, обеспечить победу своей стране.

Вскоре мы узнали, что неприятельская кавалерия переправляется через Такуари при поддержке имперских судов. Итак, неприятель отступал, и следовало без промедления атаковать сзади. Наш генерал, не колеблясь, подал команду, и мы решительно ринулись в бой.

Неприятельская кавалерия уже переправилась через реку с помощью нескольких имперских судов, зато вся пехота оставалась на левом берегу, укрепившись на сильных позициях, под

прикрытием военных судов и высокого густого леса.

Нашей второй пехотной бригаде, в составе второго и третьего батальонов, был отдан приказ об атаке. Бригада начала ее самым энергичным натиском, однако у неприятеля был слишком большой перевес в силах, и наши бесстрашные воины, несмотря на проявленные ими чудеса храбрости, вынуждены были отступить, опираясь на поддержку первой бригады, состоявшей из первого батальона, моряков и артиллеристов без орудий.

Страшным было это пехотное сражение в лесу; в густом дыму раздавался треск ружейных выстрелов и шум ломающихся деревьев, так что сражение походило на какую-то адскую бурю. Каждая из сторон потеряла не менее пятисот человек убитыми и ранеными. Тела храбрых республиканцев устилали землю до самого берега реки, где они смело бросились в штыковую атаку на неприятеля. Однако этот отчаянный натиск, к сожалению, не принес никакого результата, ибо вторая бригада, под давлением превосходящих сил, вынуждена была отступить, и сражение прекратилось.

С наступлением ночи противнику удалось без помехи закончить переправу на правый берег Такуари.

По мнению многих, наряду с прекрасными качествами генералу Бенто Гонсалвису не хватало решительности, и это было причиной того, что проводимые им операции заканчивались неудачно. Полагали, что вводя в бой пехотную бригаду, резко уступавшую по своей численности противнику (соотношение сил было по крайней мере один к шести), следовало поддержать атаку, бросив в бой первую бригаду и всю имевшуюся у нас кавалерию, вооруженную карабинами.

Я придерживаюсь того же мнения, т. е. полагаю, что, подготавливая атаку, следует все тщательно обдумать, но приняв решение, нужно вводить в бой все наличные силы, вплоть до последних резервов. Исключением может служить разве что только рекогносцировка, когда делают вид, что атакуют противника всеми силами с тем, чтобы разведать, где находятся его позиции и какова численность его войск, которых заставляют обнаружить себя, после чего атакующие возвращаются на свои позиции. Но в таком случае наша задача состояла в том, чтобы провести обыкновенную рекогносцировку. Следует, однако, всегда быть готовым к отражению действительной атаки противника. В тех обстоятельствах атака всеми силами могла бы действительно увенчаться блестящей победой, если бы мы, опрокинув противника, загнали его в реку. Ведь неприятеля, несомненно, объял страх из-за того, что он подвергся нашему преследованию во время отступления; поэтому, бросив все силы в

атаку, мы, весьма вероятно, добились бы успеха. Однако командующий счел за благо не рисковать и не вступать в генеральное сражение, подвергая опасности всю ту пехоту, которая была, у республики. Он, без сомнения, сожалел о том, что не дал сражения накануне, когда его бойцы, находясь на открытой местности, могли бы творить чудеса.

Во всяком случае этот бой причинил нам невозвратимые потери, так как некем было заменить около половины наших храбрых пехотинцев, потерянных в этом бою; для неприятеля же потеря пятисот человек пехоты была малоощутимой.

Противник расположился на правом берегу Такуари, что обеспечило ему почти полное господство над окружающей местностью. Мы двинулись по дороге, ведущей к Порту-Алегри, с целью возобновить его осаду.

Положение республики несколько ухудшилось. Мы снова направились к Сан-Леопольду, к Сеттембрине, а затем пришли в Малакару, в наше старое место расположения. Отсюда через несколько дней мы перенесли наш лагерь в Белья-Виста, расположенную ближе к озеру Патус, на северо-восток от Малакары. В то же время генерал Бенто Гонсалвис задумал новую операцию, которая, в случае успешного исхода, могла бы значительно поправить наше положение.

Глава 26
Экспедиция на север

Противник, делая вылазки на открытом пространстве, несколько ослабил гарнизоны своих крепостей. В числе их оказался Риу-Гранди-ду-Норти. Эта крепость, расположенная на северном берегу у входа в озеро Патус, была одним из ключевых пунктов и захват ее мог бы изменить положение дел. Главная выгода состояла здесь в том, что в крепости было много различных съестных припасов, оружия и снаряжения.

Наши части находились тогда в самом жалком состоянии; в Риу-Гранди их можно было одеть и снабдить всем необходимым.

Чрезвычайно важное значение этого пункта определялось не только тем, что он контролировал вход в лагуну и являлся единственным портом провинции; но и тем, что в этом месте находилась atalaya, т. е. сигнальная мачта для судов, с которой им указывали уровень воды у места выхода из озера в море.

К несчастью, в этой экспедиции случилось то же, что и при Такуари. Хотя вылазка, осуществленная с чрезвычайной предусмотрительностью и в тайне, была близка к успешному завершению, мы не достигли никаких результатов, ибо не

нанесли решительного удара.

После восьмидневного похода, преодолевая не менее 25 миль в день, мы неожиданно подошли к траншеям, окружавшим крепость. Это было в одну из тех зимних ночей, когда тепло и приют кажутся счастьем; наши бедные воины свободы, оборванные и голодные, коченея от стужи, ибо в течение всего похода лил дождь и дул холодный ветер, в полном молчании бесстрашно приблизились к укреплениям, охранявшимся часовыми.

Лошади были оставлены невдалеке под присмотром кавалерийского эскадрона, и каждый, затянув потуже свои жалкие лохмотья, приготовился к штурму, который должен был начаться при первом возгласе часового — «кто идет?»

Республиканские воины овладели стенами крепости со стремительностью, которой могли бы позавидовать лучшие солдаты мира. Сопротивление противника на стенах было слабым, артиллерийский и ружейный огонь — незначительным, и наши люди, взобравшись на плечи друг другу, скоро сумели проникнуть внутрь крепости. Несколько более упорное сопротивление оказали четыре форта, которые господствовали над укреплениями. В час пополуночи началась атака, а к двум часам, без единого выстрела, мы уже овладели траншеями и тремя фортами, понеся при этом незначительные потери.

Захватив траншеи и три форта из четырех, мы не смогли удержать их за собой. Это кажется невероятным, но, увы, и на этот раз должно было случиться самое худшее. Звезда республики клонилась к закату, и военное счастье отвернулось от нашего предводителя.

Оказавшись внутри города, наши изголодавшиеся, оборванные воины решили, что дело сделано и что теперь не остается ничего другого, как хорошо поесть, еще лучше выпить, одеться и захватить добычу. Поэтому большинство их разбрелось в разные стороны с мыслью о грабеже.

Тем временем несколько тысяч имперских войск, оправившись от неожиданности, собрались в укрепленной части города.

Мы атаковали их, но были отброшены. Попытка собрать наших людей, чтобы возобновить атаку, оказалась бесполезной; те же, кого удалось встретить, были нагружены бутылками и пьяны; обремененные добычей, они не хотели больше рисковать жизнью. Некоторые из них сломали ружья, когда выламывали ими двери домов и лавок, которые они хотели грабить; другие потеряли кремни от ружей.

Неприятель со своей стороны не терял времени. Несколько

военных судов, оказавшихся в порту, заняли позицию напротив тех улиц, которые были заняты нами, ибо город раскинулся непосредственно на берегу лагуны.

Из Риу-Гранди-ду-Сул, расположенного за несколько миль на противоположном берегу, на помощь неприятелю прибыло подкрепление, а единственный форт, который мы по своей неосмотрительности не захватили, был занят неприятелем.

Самый же большой из всех четырех фортов (он был захвачен нами ночью штурмом), который занимал доминирующее положение в центре линии траншей и обладание которым имело наиболее важное значение, был выведен из строя ужасным пороховым взрывом, в результате чего было убито и ранено много наших людей.

Катастрофа произошла утром, когда еще не совсем рассвело, и я навсегда запомнил увиденное мною: наши люди, находившиеся в форту, подброшенные взрывом в воздух, напоминали светлячков из-за горевшей на них одежды; они падали на землю в страшно изуродованном виде.

Наконец к полудню самая славная из наших побед обратилась постыдным отступлением, почти бегством. Те немногие, которые стойко сражались до конца, плакали от ярости и унижения.

Мы потеряли, сравнительно с численностью нашего отряда, огромное количество людей, и от нашей славной пехоты, состоявшей из освобожденных рабов, уцелели жалкие остатки. Небольшой кавалерийский отряд, участвовавший в экспедиции, прикрывал отступление. Наша колонна двинулась к своему лагерю в Белья-Виста, а я остался с горстью моряков в Сен-Симоне, имении, расположенном на берегу озера Патус. Морской экипаж насчитывал теперь не более сорока человек, офицеров и рядовых.

Глава 27
Зима
Изготовление каноэ

В южном полушарии зима, как известно, приходится на те месяцы, когда у нас бывает лето. Даже местные жители находили наступившую зиму холодной, нам же она казалась еще более суровой из-за того, что ни у кого из нас не было достаточно одежды и не было возможности приобрести ее.

Мы остались в Сен-Симоне для того, чтобы изготовить несколько каноэ (особый вид лодок, выдолбленных из целого ствола) и установить сообщение с противоположной частью озера. Но в течение тех нескольких месяцев, пока я находился в этом пункте, каноэ так и не удалось сделать, поэтому ничего из задуманного нами не было осуществлено. Вместо постройки лодок мы занялись лошадьми, ибо в Сен-Симоне, уже несколько месяцев оставленном землевладельцами, которые принадлежали к имперской партии, было множество молодых лошадей. Они послужили для того, чтобы сделать из моих моряков кавалеристов; а некоторые, хотя и с грехом пополам, стали даже объезжать лошадей.

Сен-Симон представлял собой огромное прекрасное имение, которое в то время было заброшено и разорено; оно принадлежало, помнится, графу Сен-Симону; он сам или его наследники находились в изгнании, потому что были противниками Республики.

Так как хозяева, принадлежавшие к лагерю наших противников, отсутствовали, то мы завладели этим имением. Впрочем все свелось к тому, что мы использовали для пропитания находившийся там скот и занялись выездкой молодых лошадей.

В это время (16 сентября 1840 г.) моя Анита родила своего первенца, Менотти[92], появление которого на свет живым было истинным чудом, ибо во время беременности этой храбрейшей женщине пришлось участвовать во — многих боях и перенести множество лишений и тягот; из-за ее падения с коня ребенок родился с рубцом на голове.

Анита разрешилась от бремени в доме одного местного жителя, недалеко от деревушки под названием Мустарда. Семейство Коста, приютившее Аниту, проявило верх великодушия, окружив ее всеми возможными заботами. Я на всю жизнь сохраню признательность к этим добрым людям.

Моей прекрасной подруге очень повезло, что она оказалась в этом доме, ибо нехватка самых необходимых вещей, от которой

страдала наша армия, достигла таких размеров, что я смог подарить моей дорогой роженице и младенцу один лишь платок.

Чтобы достать какую-то одежду для дорогих мне существ, я решили совершить поездку в Сеттембрину[93], где несколько моих друзей, и особенно Блинджини, человек прекрасной души, помогли бы мне достать кой-какие вещи[94].

Итак, я отправился в путь через поля, которые в этой части провинции, где вся почва наносная, залиты водой; целыми днями моя лошадь шла по брюхо в воде. Добравшись до Ранчо-Вельо (старое обработанное поле), я повстречал капитана Массимо, который командовал освобожденными рабами-копейщиками; он принял меня как настоящий, верный друг. С отрядом своих воинов Массимо был приставлен стеречь на этих превосходных пастбищах cavallados (запасных лошадей). Я приехал в это место вечером, под проливным дождем, и провел там ночь; на рассвете, хотя дождь лил еще сильнее, я снова отправился в путь, несмотря на возражения славного капитана, который просил, чтобы я остался, пока погода не улучшится. Однако цель моей поездки была слишком важной, чтобы откладывать ее; поэтому я снова рискнул двинуться дальше под дождем, через затопленные поля.

Проехав несколько миль, я услышал выстрелы в той стороне, откуда я отправился; это было подозрительно, но мне не оставалось ничего иного, как продолжать путь.

Приехав в Сеттембрину, я купил несколько кусков материи и отправился назад в Сен-Симон.

Проезжая обратно через Ранчо-Вельо, я узнал о причинах услышанной мною стрельбы и о том несчастье, которое случилось с капитаном Массимо и его храбрыми людьми тотчас же после моего отъезда из этого дома.

Моринг, тот самый, который застал меня врасплох у Камакуана, внезапно напал на отряд капитана Массимо; после отчаянного сопротивления этот храбрый офицер и почти все его люди были убиты.

Лучшие лошади были погружены на суда и отправлены в Порту-Алегри, остальные — перебиты. Неприятель осуществил сбою вылазку с помощью военных судов и пехоты; затем, посадив пехоту на суда, Моринг двинулся с кавалерией к Риу-Гранди-ду-Сул, наводя страх на небольшие силы республиканцев, рассеянных на этой территории, и обращая их в бегство. В числе их оказались и мои моряки, которым пришлось оставить свои позиции и искать убежища в лесу, поскольку противник численно явно превосходил их.

Моя бедная Анита, спустя двенадцать дней после родов, также вынуждена была бежать в бурную непогоду, держа ребенка

на седле. Вернувшись в Сен-Симон, я не застал там ни моих людей, ни семьи; мне удалось разыскать их на опушке леса, где они все еще находились, не зная в точности о местонахождении неприятеля.

Мы возвратились в Сен-Симон, где оставались еще некоторое время. Затем мы перенесли наш лагерь на левый берег реки Капивари. Эта река образуется из стоков многих озер, которыми изобилует северная часть провинции Риу-Гранди — от берега океана до восточного склона гор ду-Эспиньясу. Название этой реки произошло от capivara, особого вида земноводных животных, которые широко распространены в реках Южной Америки.

По Капивари и Санградор-ду-Абреу (т. е. по каналу, который служит для сообщения между болотом и озером или рекой), где мы раздобыли и привели в порядок два каноэ, мы совершили несколько поездок на западный берег озера Патус, перевозя людей и корреспонденцию.

Глава 28
Мучительное отступление к Серре

Между тем положение республиканской армии ухудшалось с каждым днем, нужды ее росли, а удовлетворить их становилось все труднее. После двух сражений — при Такуари и Риу-Гранди-ду-Норти — численность пехоты сократилась настолько, что от батальонов остались жалкие остатки. Крайняя нужда порождала недовольство, а последнее вело к дезертирству. Население, как это обычно бывает во время продолжительной войны, стало уставать, а переход территории из рук в руки и постоянная смена требований со стороны воюющих сторон вселили в него равнодушие. При таком положении дел имперцы предложили условия перемирия. Хотя эти условия были выгодны для республиканцев (учитывая положение, в котором они оказались), последние не приняли их. Наиболее стойкая часть армии гордо отвергла предложение неприятеля. Однако этот отказ усилил недовольство среди наиболее усталой и склонной к уступкам части войск. Наконец было решено снять осаду столицы и начать отступление.

Дивизии Канабарро, в которую входили также моряки, приказано было выступить первой и очистить проходы через Серру, занятые неприятельским генералом Лабатту, французом, состоявшим на службе у империи. Бенто Гонсалвис с остальной частью армии должен был двигаться следом, прикрывая отступление.

В это время меня постигла невосполнимая утрата — гибель

Россетти. Он остался с гарнизоном Сеттембрины, который должен был выступить последним. Наши люди подверглись внезапному нападению знаменитого Моринга, ставшего подлинным кошмаром для республиканцев. В этой схватке с неприятелем погиб, храбро сражаясь, замечательный итальянец. Когда раненый Россетти упал с коня, ему предложили сдаться. Он ответил ударами сабли и дорого продал свою жизнь, которая была так нужна Италии.

Нет на земле угла, где бы ни белели кости достойных итальянцев? Италия же не помнит о них. Она занята покупкой островов, чтобы устроить на них исправительные тюрьмы[95]. Она вымаливает милость сильных мира сего, чтобы восстановить свои силы, чтобы «опоясаться чужим мечом»[96], аплодируя своим правителям, которые проституируют ее! Она заигрывает сегодня с гидрой папства, угождает ей, льстит и, преклонив колени, умоляет, чтобы та продолжала держать ее детей в состоянии невежества и отупения, называя — о позор! — акт самоубийства — гарантиями![97]

И в то же время она забывает о тех, кто прославил ее в Новом Свете и во всех углах земли! О, она почувствует их отсутствие в тот день, когда пожелает попрать этих воронов, которые терзали ее!

Отступление, начатое нами в зимнее время, через горные кряжи почти под непрекращающимся дождем, было самым трудным и ужасным, в каком мне приходилось когда-либо участвовать.

Несколько коров, которых вели на веревке, — вот весь имевшийся у нас провиант, ибо на тех тропах, ставших непроходимыми из-за дождей, по которым мы должны были двигаться, не встречалось никаких животных.

Многочисленные реки Серры, невероятно вздувшиеся от дождей, уносили людей, животных и вещи. Мы шли под дождем голодные, мы располагались на бивуак голодные и под дождем. У тех, кто оказывался между двумя разлившимися потоками вместе со скотом, было мясо, другие же оставались без пищи. Особенно плохо пришлось пехоте[98]: у нее не было даже конского мяса, которое, из-за отсутствия другого, употребляли в пищу кавалеристы.

Во время похода происходили ужасающие сцены. По обычаю этих стран армию сопровождало много женщин, приносивших большую пользу, ибо благодаря отличному умению ездить верхом им поручали вести запасных лошадей. С женщинами, разумеется, были дети разного возраста. Мало кому из малышей удалось выбраться из леса! Лишь нескольких могли взять с собой

кавалеристы, у которых осталось совсем мало лошадей. Многие матери погибли или отстали, умирая от голода, усталости и стужи.

В низменной части этой провинции, где климат почти тропический, в больших лесах встречаются деревья со съедобными и питательными плодами (такие, как guayaba, arassa и другие); в лесах же высокогорной Серры, через которые мы шли, не было таких деревьев; нам оставалось только рвать листву taquara[99]; она оказалась недостаточно питательной для животных и не могла спасти двух мулов, которые везли мои жалкие пожитки (имея жену и ребенка, мне пришлось обзавестись палаткой и кой-какими вещами).

Аниту приводила в ужас мысль потерять нашего Менотти; каким-то чудом удалось его спасти!

На самых опасных местах дороги и при переправе через реки я привязывал завернутого в платок трехмесячного сына к шее, стараясь согреть его теплом своего тела и дыханием.

Из дюжины принадлежавших мне животных, с которыми я вошел в лес (это были частью верховые, а частью вьючные лошади и мулы), у меня остались две лошади и два мула. Остальных, обессилевших, пришлось бросить.

К довершению несчастья, наши проводники сбились с piccada (проложенной в лесу тропы); это и явилось одной из причин того, что мы с таким трудом преодолели этот страшный лес las Antas[100].

Мы шли все дальше, а конца тропы не было видно; поэтому оставшись в лесу с двумя измученными мулами, я послал Аниту вперед вместе с ребенком и моим помощником для того, чтобы, меняя двух лошадей, которые у нас оставались, она отыскала выход из леса и раздобыла бы какую-нибудь пищу для себя и ребенка.

Имея двух лошадей, на которых она ехала попеременно, бесстрашная Анита смогла спасти то, что было мне дороже всего в жизни. Анита выбралась из леса и, к счастью, натолкнулась на нескольких моих солдат, гревшихся у огня, который не всегда удавалось развести как из-за непрерывного проливного дождя, так и потому, что мы были обессилены.

Мои товарищи, сумевшие высушить кой-какие лохмотья, закутали ребенка, которого все любили, согрели его и возвратили к жизни, тогда как бедная мать уже мало надеялась на то, что это слабое существо выживет.

Эти славные ребята с нежной заботливостью постарались найти пищу, которая подкрепила силы моей дорогой подруги и позволила ей накормить ребенка.

Напрасно я старался спасти моих мулов. Оставшись с этими измученными животными, я нарвал, насколько позволили мне силы, листьев тростника, чтобы накормить их; но из этого не вышло проку. Мулов пришлось бросить, и я вынужден был пробираться через лес пешком и голодный.

Только через девять дней после вступления в лес наша колонна достигла его конца; лошади уцелели лишь у нескольких офицеров.

Генерал Лабатту, который двигался впереди, бросил в том же лесу las Antas несколько пушек, но у нас не было возможности везти их с собой, и они остались похороненными в этих дебрях, кто знает, на сколько времени.

Казалось, только этому лесу досталось в удел ненастье, ибо, когда мы вышли на плоскогорье Сима-да-Серра, нас встретила прекрасная погода. Мы раздобыли там, что было очень кстати, несколько быков; это обеспечило нам пищу и несколько сгладило в памяти перенесенные нами тяготы.

Затем мы вступили в департамент Вакария, где пробыли несколько дней, поджидая подхода Бенто Гонсалвиса, поредевший корпус которого оказался в совершенно расстроенном виде. Неутомимый Моринг, узнав о нашем отступлении, бросился преследовать арьергард этого корпуса, всячески стараясь затруднить его движение, в чем ему помогали горцы, относившиеся с неизменной враждебностью к республиканцам.

Все это дало генералу Лабатту время, необходимое для того, чтобы отступить и присоединиться к основным силам имперской армии. Однако к тому времени у него почти не осталось солдат из-за постоянного дезертирства, вызванного усиленными маршами и теми же тяготами и лишениями, которые перенесли мы. Кроме того, с этим французским генералом случилось одно из тех происшествий, о котором нельзя не упомянуть из-за его необычности.

Лабатту, проходивший во время отступления через два леса, называвшихся Португез и Кастельяно, наткнулся в них на туземные племена под названием бугре, которые принадлежат к самым диким племенам Бразилии. Узнав о движении имперских войск, эти племена напали на них в нескольких местах из засад и причинили им большой урон; в то же время эти дикари дали знать генералу Канабарро, что они — друзья республиканцев. И в самом деле, когда мы проходили через их леса, нам не было причинено никакого вреда.

Однако мы видели их foge — глубокие, тщательно прикрытые дерном ямы, в которые проваливается неосторожный путник;

тогда дикари нападают на него. Впрочем, ради нас все эти ямы были открыты, а на огромных баррикадах из бревен, возведенных по сторонам тропы, из-за которых дикари поражают проходящих стрелами и копьями, никого не было.

В те же самые дни мы встретили вышедшую из леса женщину, которая была похищена в молодости дикарями из одного дома в Вакарии. Воспользовавшись тем, что мы оказались поблизости, она решила спастись. Эта несчастная была в самом жалком состоянии.

Так как нам не приходилось уже ни бежать от неприятеля, ни преследовать его в этих гористых местах, мы продвигались очень медленно, ибо у нас почти совсем не было лошадей; пришлось прямо в пути объездить несколько степных, которых удалось поймать на этом плоскогорье.

Чтобы пополнить кавалерию, освобожденные рабы из отряда копейщиков, которые шли теперь в пешем строю, стали объезжать лошадей. Это было прекрасное зрелище! Почти каждый день многие из этих молодых и крепких негров, умелых наездников, вскакивали на диких скакунов, которые приходили в неистовство: они брыкались, стараясь изо всех сил сбросить с себя седока и отшвырнуть его так, чтобы он летел вверх тормашками; но человек, восхищая своей ловкостью, силой, смелостью, сидит на коне, как клещ, стегает, понукает и в конце концов укрощает гордого сына степей, который, почувствовав превосходство сидящего на нем наездника, летит вперед как стрела, покрывая в какое-нибудь мгновение огромное расстояние, и возвращается так же стремительно, взмыленный и тяжело дышащий.

В этой части Америки дикую лошадь настигают в степи, ловят с помощью лассо, седлают, взнуздывают и без всяких других приготовлений объезжают в открытом поле. Обычно это повторяется много раз в неделю, так что через несколько дней лошадь уже привыкает брать удила. За несколько месяцев даже самые непокорные лошади становятся вполне послушными. Однако солдатам трудно бывает хорошо объездить лошадей во время похода, когда за ними нет нужного ухода, а главное они не получают отдыха, необходимого для того, чтобы быть в хорошем состоянии.

Пройдя леса Португез и Кастельяно, мы спустились в провинцию Мисьонес, держа путь на Крус-Альта — центр небольшой провинции того же названия, скромный аккуратный городок, очень красиво расположенный на плоскогорье; впрочем, вся эта часть государства Риу-Гранди весьма красива. Из Крус-Альта мы двинулись к Сан-Габриель, где расположилась главная квартира и были выстроены помещения для войск.

Я также построил себе там хижину, в которой прожил некоторое время с семьей.

Однако шесть лет жизни, полной трудностей и лишений, вдали от моих старых друзей, вдали от родителей, о судьбе которых я ничего не знал, так как будучи оторван от мира и от всех морских портов я не имел возможности получить от них известия, — шесть лет такой жизни, говорю я, породили во мне желание перебраться в такое место, где я мог бы разузнать что-нибудь о моих родителях, любовь к которым, хотя временами и приглушалась среди моих приключений, неизменно жила в моем сердце.

Кроме того, я должен был позаботиться о таких вещах, в которых я сам до сих пор не нуждался, но которые стали необходимыми для моей жены и ребенка.

Поэтому я решил переехать в Монтевидео, хотя бы на время. Я испросил разрешения у президента, давшего свое согласие на поездку; вместе с тем, мне было разрешено обзавестись небольшим стадом рогатого скота, чтобы иметь возможность покрыть дорожные расходы.

Глава 29
Монтевидео

И вот я стал truppiere, т. е. гуртовщиком. На одной эстансии, называвшейся Корраль-де-Педрас, я, с разрешения министра финансов, с огромным трудом собрал за двадцать дней около девятисот голов рогатого скота и с еще большим трудом погнал их в Монтевидео; однако мне не удалось довести их до этого города, туда я добрался, имея лишь около трехсот бычьих шкур.

В пути мне пришлось столкнуться с непреодолимыми препятствиями, самым серьезным из которых оказалась переправа через Риу-Негру, где я чуть было не потерял все мое состояние. Из-за моей неопытности в этом деле и из-за недобросовестности некоторых поденщиков, нанятых мною, чтобы гнать скот, через Риу-Негру удалось переправить лишь около пятисот животных, но и они, вследствие продолжительного пути, недостатка корма и усталости, вызванной переправами через реки, не смогли бы дойти до Монтевидео.

Вследствие этого было решено зарезать животных, снять с них шкуры, а мясо оставить на поживу воронам; так и пришлось сделать, поскольку не было другого способа что-нибудь спасти.

Замечу, что когда какое-либо из этих животных обнаруживало признаки усталости, я продавал его и бывал рад получить за него одно скудо.

Наконец, преодолев невероятные трудности, стужу и неудачи, я спустя пятьдесят дней прибыл в Монтевидео, имея при себе небольшое количество шкур — все, что осталось от стада в девятьсот голов скота. За эти шкуры мне удалось выручить несколько сот скудо, которых едва хватило на то, чтобы приобрести кое-какую одежду для семьи и двух моих товарищей.

В Монтевидео я нашел приют в доме моего друга Наполеоне Кастеллини; я многим обязан ему и его жене за доброе расположение ко мне. Я прожил у них некоторое время.

У меня была на руках семья, а наши средства истощались; приходилось поэтому позаботиться о том, чтобы обеспечить независимое существование трех людей. Чужой хлеб всегда казался мне горьким; и все же слишком часто в моей жизни, полной превратностей, я принужден был прибегать к услугам друга, которого, к счастью, я всегда мог найти.

Я испробовал два занятия, которые, правда, были мало прибыльными, но все же позволяли прокормиться: я стал торговым посредником и давал уроки математики в заведении уважаемого педагога синьора Паоло Семидеи[101].

Такой образ жизни я вел до моего поступления на службу в Восточную флотилию (т. е. флотилию Монтевидео).

Риу-Грандийский вопрос находился тогда на пути к урегулированию, и Анцани[102], оставленный мною командовать теми немногими силами, которые были подчинены мне в этой республике, уехал оттуда, сообщив в письме, что делать в этой стране больше нечего.

Республика Монтевидео не замедлила обратиться ко мне с предложением принять командование 18-пушечным корветом «Коститусьоне». Я принял это предложение. Восточной флотилией командовал американец полковник Коу, а флотилией, подчиненной Буэнос-Айресу[103],— англичанин, генерал Браун. Между кораблями двух флотилий произошло несколько сражений, но они не дали серьезных результатов.

В то время военным министром республики был назначен некто Видаль, оставивший о себе недобрую, позорную память.

Одно из первых и притом пагубных намерений этого человека состояло в том, чтобы ликвидировать флотилию, которая, по его словам, была бесполезна и слишком обременительна для республики; ту флотилию, которая во столько обошлась республике и которая, будь ее экипаж воодушевлен (что тогда было возможно) и подчинен умелому командованию, могла бы стать хозяином на реке Ла-Плата, — а без этого Монтевидео никогда бы не смог избавиться от подчинения Буэнос-Айресу и, что еще хуже, его тогдашнему тирану. Вместо этого,

монтевидеоская флотилия была полностью ликвидирована вследствие злостного умысла названного министра, ее суда проданы за бесценок, а снаряжение — расхищено.

Чтобы довести уничтожение флотилии до конца, меня послали в экспедицию, которая не могла окончиться иначе, как гибелью отданных под мое командование судов.

Глава 30
Командование эскадрой Монтевидео
Речные сражения

С 18-пушечным корветом «Коститусьоне», бригантиной «Перейра», снабженной 18-дюймовыми пушками, и грузовой шхуной «Просида» меня послали в союзную провинцию Корриентес, чтобы оказать ей поддержку в военных операциях против войск Росаса, тирана Буэнос-Айреса. Причиной или предлогом моей экспедиции была также необходимость доставить снаряжение в эту провинцию.

Коротко скажу о новой войне, в которой мне предстояло принять участие.

Восточная республика Уругвай (с главным городом Монтевидео), названная так потому, что она действительно расположена на левом берегу реки того же названия, оказалась (подобно большинству республик Южной Америки) ввергнутой в состояние почти непрерывной гражданской войны, представляющей главное препятствие для прогресса, к которому эта прекрасная часть мира, обладающая всевозможными естественными богатствами, способна, конечно, не меньше, чем всякая другая. Причиной же внутренней междоусобицы была тогда борьба за пост президента республики между двумя генералами — Фруттосо Рибера и Мануэлем Орибе.

Сначала счастье было на стороне Рибера, который, одержав ряд побед, изгнал Орибе и завладел властью, находившейся в руках последнего. Низвергнутый Орибе бежал в Буэнос-Айрес, где Росас принял его вместе с уругвайскими эмигрантами и использовал их в борьбе против собственных врагов, возглавлявшихся в то время генералом Лавалле и носивших название «унитариев», тогда как сторонники партии Росаса назывались «федералистами». Одержав верх над Лавалле, жестокий экс-президент Монтевидео приступил к борьбе за возвращение себе утраченной власти над своей страной. Росас увидел в этом самую заманчивую возможность осуществить собственные цели, т. е. окончательно уничтожить своих смертельных врагов — «унитариев», последним прибежищем

которых стал Монтевидео; больше того, он намеревался подчинить себе своего соперника — соседнюю республику (оспаривавшую господство на огромной реке), разжигая в ней пожар ожесточенной гражданской войны.

Во время моего отправления из Монтевидео в плавание по реке восточная армия находилась в Сан-Жозе в Уругвае, а армия Орибе — в главном городе провинции Энтре-Риос, Бахаде; обе они готовились к решающей битве.

Войска провинции Корриентес намеревались объединиться с восточной армией. Мне предстояло подняться вверх по Паране до Корриентеса, пройдя более шестисот миль по реке, берега которой находились в руках неприятеля, так что мы могли приставать только к островам или в пустынной местности.

После выхода из Монтевидео с тремя указанными кораблями, мне пришлось выдержать первое сражение с батареями острова Мартин Гарсиа, который занимает господствующее положение в месте слияния Уругвая с Параной — как потому, что этот остров достигает значительной высоты, так и потому, что обязательно приходится проплывать мимо него, ибо в других местах нет фарватера, достаточно глубокого для крупных судов. В этом первом столкновении я потерял несколько человек убитыми и ранеными[104].

Мы двинулись дальше, но в трех милях от Мартин Гарсиа «Коститусьоне» сел на мель и, к несчастью, во время отлива, так что нам стоило неимоверного труда снять его с отмели, но благодаря чрезвычайной решительности и энергии, проявленной в этих обстоятельствах всей командой, как офицерами, так и моряками, нашей флотилии удалось избежать беды.

В то время как мы были заняты переноской тяжелых вещей на «Просиду», с другой стороны острова показалась неприятельская эскадра в составе семи судов, которые при попутном ветре приближались к нам на всех парусах. «Коститусьоне» завяз в песке почти на три фута; с него были сняты наиболее крупные пушки и перенесены на маленькую «Просиду».

Создалось ужасное положение: «Просида» была совершенно бесполезна, от «Коститусьоне» пользы было еще меньше; оставалась одна бригантина «Перейра», храбрый капитан которой с большей частью своего экипажа находился рядом со мной, помогая нам в нашей работе.

Между тем противник подходил все ближе и ближе при восторженных криках находившихся на острове войск; имея семь хорошо вооруженных кораблей, он был полностью уверен в победе; у нас же оставалось боеспособно только одно небольшое судно.

Я не позволил себе впасть в отчаяние, ибо никогда не терял присутствия духа, но я предоставляю другим вообразить себе мое состояние. Дело шло не об одной жизни, которая мало что значит для меня в такие моменты; следовало ожидать непредвиденного, фатального развития событий, даже гибели; казалось трудным спасти честь, ибо в положении, в котором мы оказались, невозможно было сражаться. Однако и на этот раз судьба оказала мне свое могучее покровительство, и потребовался лишь один поворот ее колеса.

Адмиральский корабль неприятеля «Бельграно» сел на мель. И это случилось недалеко от острова, на расстоянии двух пушечных выстрелов от нас — мы были спасены!

Неожиданная помеха, с которой столкнулся неприятель, придала нам бодрость. Прошло немного времени, и «Коститусьоне» закачался на волнах; на него были перенесены обратно пушки и весь груз. «Удача, как и несчастье, не приходит один раз», — говорят в народе; именно так и случилось на этот раз. Густой туман как по волшебству окутал все вокруг, чем очень помог нам, скрыв от противника направление, в котором мы поплыли. Это обстоятельство оказалось как нельзя кстати, ибо после того как был снят с мели «Бельграно», неприятель, потеряв наши корабли из виду, бросился преследовать нас по Уругваю, где нас вовсе не было, и, таким образом, потерял напрасно много дней, прежде чем узнал о нашем действительном курсе.

Между тем под покровом тумана и при попутном ветре мы вошли на Парану. Я сознавал, конечно, что мне предстоит одно из труднейших дел в моей жизни.

Но в тот же самый день радость от того, что удалось избежать грозной опасности, и воодушевление, вызванное мыслью о важности предстоящей мне операции, были отравлены глупостью, страхом и непокорностью лоцманов, которые до этого момента думали, что мы направляемся на Уругвай, левый берег которого по крайней мере был в руках нашей стороны, между тем как на обоих берегах Параны господствовали страшные противники: на левом — Орибе, а на правом — Росас.

Все лоцманы принялись доказывать, что они не знают Параны. В самом деле, чтобы ввести в заблуждение неприятеля, я потребовал и нашел лоцманов с Уругвая. С этого момента они сняли с себя всякую ответственность. Меня мало беспокоили их слова об ответственности: нам нужен был лоцман, каким бы он ни был. После долгих расспросов выяснилось, что один из них немного знает реку, но скрывает это из страха. Вид моей сабли тотчас же устранил трудности — у нас появился лоцман.

Попутный ветер позволил нам ночью достичь окрестностей

Сан-Николаса, первого аргентинского селения, которое встретилось нам на правом берегу Параны. Здесь оказалось несколько торговых судов. Мы нуждались в транспортных средствах и в лоцманах. Благодаря ночной вылазке на шлюпках у нас оказались и лодки, и люди. Пришлось прибегнуть к силе: этого требовало затруднительное положение, в котором мы оказались. Среди захваченных в плен оказался некто Антонио, австриец, много лет плававший по Паране; он оказал нам большие услуги во время плавания.

Мы беспрепятственно двигались вверх по реке вплоть до Бахады, главного города провинции Энтре-Риос, где оказалась армия Орибе.

В пути, чтобы раздобыть свежего мяса, мы сделали несколько высадок для захвата рогатого скота, который у нас пытались отбить местные жители и кавалерийские отряды, караулившие на берегу. Вследствие этого произошло несколько стычек, имевших иногда удачный исход, а иногда нет. В одном из таких столкновений меня постигла жестокая утрата — погиб итальянский офицер Валлерга, из Лоано, юноша, обладавший удивительной отвагой и много обещавшими способностями. Он был замечательным математикам. И вот — еще один крест над могилой сына нашей несчастной родины, павшего, конечно, за правое дело, но, как и многие другие, надеявшегося отдать жизнь за родную страну!

В Бахаде, где находилась главная квартира Орибе, тщательно подготовились встретить нас. Завязался бой, который, как казалось по началу, должен был дать важные результаты; однако попутный ветер и возможность пройти на отдаленном расстоянии от вражеских батарей позволили нам и на этот раз избежать опасности и серьезных потерь. Обе стороны вели сильный артиллерийский огонь, причинивший, однако, незначительный урон.

В Лас-Кончас, в нескольких милях вверх от Бахады, мы сделали ночную вылазку и захватили, несмотря на упорное сопротивление неприятеля, четырнадцать голов скота. Наши люди отчаянно дрались в этой стычке; особенно отличились Валлерга, о котором я уже говорил, и Батталья, укротитель лошадей. Неприятельская артиллерия двигалась вдоль берега, и когда нам приходилось плыть против ветра или в узком месте, она успешно обстреливала наши корабли; там же, где это было возможно, артиллеристы стреляли в нас из мушкетов.

В Серрито, на левом берегу Параны, противник установил на выгодной позиции батарею из шести орудий. Ветер был попутный, но слабый, а в этом месте из-за изгиба реки он дул нам

навстречу, вследствие чего мы вынуждены были на расстоянии около двух миль буксировать корабли, т. е., перенося вперед небольшие якоря на длинной бечеве, мы тянули лямку под бой барабана, идя форсированным шагом, но так как в узких местах сильное течение, мы продвигались очень медленно.

К счастью для нас, неприятельская батарея оказалась установленной на очень близком расстоянии и так высоко, что она казалась как бы подвешенной над нашей головой. Начавшееся сражение было блестящим. Большая часть наших людей тянула бечеву и сопровождала лодки; остальные вели огонь из пушек и ружей. Они сражались и работали с величайшим подъемом; бой превратился как бы в игру для моих отважных товарищей. А ведь наш противник был частью армии, воодушевленной и гордой недавно одержанными победами, той армией, которая немного спустя разгромила наши войска у Арройо-Гранде, вместе с присоединившимся к ней отрядом из провинции Корриентес.

Возникавшие препятствия были преодолены с небольшими потерями, причиненными огнем из мушкетов, залпы же неприятельских орудий, расположенных слишком высоко, причиняли повреждения только мачтам. Подавив огонь противника и сбив несколько его орудий, все наши суда, оставшиеся целыми, вышли на простор, где они были вне всякой опасности.

Несколько торговых судов из провинции Корриентес и Парагвая стояли под защитой неприятельской батареи. Нам без особого труда удалось захватить их. Тем самым мы обеспечили себя одеждой и разного рода припасами.

Глава 31
Двухдневное сражение с Брауном

Мы продолжали наше трудное плавание по реке. Неприятель потерял охоту чинить нам препятствия. Наши корабли, особенно «Коститусьоне», несколько раз садились на мель, но все же мы достигли Кавалло Гуатья[105], где к нам присоединилась флотилия провинции Корриентес, состоявшая из двух шлюпов и баландры, приспособленных для боевых действий. Они доставили нам свежие припасы, что несколько улучшило наше положение. Мы имели теперь хороших и надежных лоцманов, а подкрепление, хотя и небольшое, было очень полезно; особенно оно подняло моральный дух экипажа.

Дойдя таким образом до мыса Брава, мы вынуждены были остановиться из-за того, что река здесь оказалась очень мелководной; разница между осадкой «Коститусьоне» и глубиной

фарватера составляла четыре пяди. Такое препятствие возбудило во мне некоторое беспокойство за исход экспедиции.

Я не мог не понимать, что противник попытается сделать все возможное, чтобы сорвать наше отчаянно смелое предприятие; ибо если бы нам удалось достичь Корриентеса и стать господствующей силой на такой реке, как верхняя Парана, позволяющей занимать промежуточные позиции между внутренними провинциями Аргентинской республики, Парагваем и его столицей, то противнику был бы нанесен ощутимый удар. Река оказалась бы во власти корсаров, которые стали бы захватывать и уничтожать большую часть торговых судов неприятеля.

Поэтому использовали все средства, чтобы уничтожить нашу флотилию, и этому помогло то обстоятельство, что река сильно обмелела; как говорили лоцманы (и это подтвердил мне сам Ферре, губернатор Корриентеса), вода не падала так низко пятьдесят лет.

Поскольку плыть дальше было невозможно, я решил привести флотилию в состояние максимальной обороноспособности, ожидая со дня на день появления адмирала Брауна, который не мог долго оставаться в неведении о нашем движении.

У левого берега Параны ниже отмели, которая преградила нам путь, в том месте, где недалеко от берега река была достаточно глубокой, я расположил в линию суда, начиная с торговой яхты, на которой я приказал установить четыре пушки; «Перейра» стал в центре, а «Костигусьоне» — на правом фланге; таким образом суда выстроились поперек русла реки, простреливавшейся с левого борта корвета, на котором было много пушек и притом большого калибра; так мы приготовились всеми имевшимися у нас силами дать отпор противнику, который должен был появиться с часу на час.

Разместить корабли подобным образом стоило немалого труда, ибо хотя течение в выбранном нами месте было не сильным, оно все же заставило нас пустить в ход все цепи, якоря и кабельтовы, чтобы закрепить суда, особенно «Коститусьоне», который отнесло на восемнадцать шагов.

Мы еще не успели закончить работу по установке судов, как появилось семь неприятельских кораблей.

Неприятель значительно превосходил нас в силе. Кроме того, в случае необходимости он мог получить в неограниченных размерах подкрепление и продовольствие. Мы же, находясь вдали от Корриентеса, единственного района, откуда могла прийти поддержка, ясно понимали, что у нас почти нет надежды на какую бы то ни было помощь, что и подтвердилось на деле. И все-таки,

даже под угрозой неизбежной гибели, нужно было сражаться по крайней мере во имя воинской чести. И мы стали сражаться!

Кораблями неприятеля командовал генерал Браун, самый знаменитый флотоводец Южной Америки; он по праву носил это звание, командуя аргентинской эскадрой со времени войны за независимость против испанского владычества. Итак, генерал Браун, в сознании своей силы, вел на нас корабли (кажется это было 15 июня 1842 г.[106]). Ветер в этот день не особенно благоприятствовал неприятелю, и это вынудило его, двигаясь вдоль левого берега реки, прибегнуть к буксировке судов. Плыть вдоль правого берега крупные суда не могли из-за того, что здесь было мелко. Господствуя над левым берегом, в который упирался левый фланг нашей боевой линии, мы высадили на сушу часть команды и солдат, без которых можно было обойтись на судах, с тем чтобы противник, вынужденный буксировать суда, не мог продвинуться ни на шаг вперед без сопротивления.

В этом сражении наши люди геройски бились на суше и приложили немало усилий для того, чтобы отсрочить развязку; однако противник, высадивший на этот берег пятьсот человек пехоты, имел явное численное превосходство, поэтому нашим людям пришлось отступить под защиту кораблей. Майор Педро Родригес, который командовал войсками, участвовавшими в вылазке, действовал чрезвычайно умело и с необыкновенным мужеством. К вечеру он установил на берегу аванпосты, которые оставались там всю ночь, пока обе стороны готовились к предстоящему сражению.

Шестнадцатого[107], еще не поднялось солнце, как противник открыл огонь из всех орудий, которые он сумел расположить по фронту истекшей ночью.

Мне хотелось, чтобы противник подошел как можно ближе, так как только те из наших орудий, которые находились в центре, были дальнобойными и могли поразить неприятельские суда; остальные же (а их было большинство) представляли собой короткоствольные орудия, и противник при той дистанции, которую он сохранял, был недосягаем для их огня, вследствие чего эти орудия оставались в бездействии.

Старый английский адмирал прекрасно определил дальнобойность нашей артиллерии, поняв, что она значительно уступает в этом отношении его собственной. Поэтому Браун, отказавшись от эффектного боя на ближней дистанции, позволявшего вести огонь картечью, избрал верный план, стремясь использовать превосходство в дальнобойности своих орудий; поэтому он приказал своим судам оставаться на значительной дистанции, что было очень невыгодно для нас. Бой

не прекращался до наступления темноты; обе стороны сражались с большим упорством. Первой жертвой на борту «Коститусьоне» стал храбрый итальянский офицер, подававший замечательные надежды, Джузеппе Борцоне. В пылу ожесточенного боя я не смог позаботиться о его останках.

Обе стороны несли немалый урон. У наших судов обнажились каркасы, и на корвете, несмотря на то, что пробитые ядрами отверстия все время затыкали, вода поднялась настолько, что уже трудно было откачивать ее, хотя все члены экипажа по очереди непрерывно были этим заняты.

Капитан «Перейра» погиб во время отчаянно смелого нападения с суши на неприятельские корабли. Я потерял в нем лучшего и храбрейшего из моих товарищей. Многие были убиты, еще больше — ранены; оставшиеся в живых члены экипажа, падавшие от усталости, не имели возможности отдохнуть из-за того, что вода заливала трюм.

Однако у нас был еще порох, были боеприпасы и нужно было сражаться, если не ради победы и собственного спасения, то во имя чести! Честь! Когда я думаю о воинской чести, мне хочется презрительно смеяться! Особенно, когда речь идет о «чести» бурбонских, испанских, австрийских и французских вояк, нападающих как бандиты на большой дороге на бедняков! Одни считают честью убивать сограждан, другие — политических единомышленников, а в это время в Неаполе, Вене, Мадриде и Париже тиран, проститутка, коронованный бездельник, подсмеиваясь исподтишка над теми и другими, живут в свое удовольствие, предаваясь гнусному разгулу.

Да, мы сражались лишь во имя чести, по крайней мере потому, что так нам велела совесть: мы боролись за народ против двух тиранов, боролись во имя чести, окруженные со всех сторон врагами, в шестистах милях от Монтевидео, после стольких сражений, перенеся столько трудностей и лишений, будучи почти уверены в ожидавшей всех нас гибели.

В это время Видаль, главнокомандующий республики, скопив дублоны[108], чтобы истратить их на роскошь и удовольствия, подвизался в европейских столицах. А народ? Может показаться, что он создан для того, чтобы его грабили подобные негодяи, чтобы им командовали Малатеста Бальони, императоры и короли, чтобы его одурачивали священники или доктринеры!

Вот, цена чести, свободы, справедливости, законов в этом мире! Вот, ради кого обливается потом и умирает от голода простой народ! Вот, ради кого отдало жизнь множество достойных итальянцев, которых забросили на чужбину несчастья нашей родины!

Закованный в цепи Колумб![109] Обезглавленный на площади в Буэнос-Айресе Кастелли![110] Расстрелянный в Испании Борсо ди Карминати![111] Какие люди! Они оказали столько услуг иноземцам, отплатившим им такой неблагодарностью! Иноземцам, которые только что выразили свои «симпатии» (1849 г.)[112].

О Рим! Когда же ты восстанешь из мерзкой грязи, в которой держат тебя твои неблагодарные воспитанники, вызволенные тобой из варварства и дикости… О отец, о великий основатель и покровитель наций!

И все же они страшатся, что ты расправишь плечи. Они нуждаются в обмане, в интригах, в бесстыдном шпионаже священников, этих исчадий ада, чтобы унизить тебя. Но ты все же сохраняешь свое величие, Италия! И придет день, когда могучий призыв к освобождению отзовется набатом в душе твоих сынов. В этот день исчезнут алчные и трусливые стервятники, терзающие твою плоть!

В ночь с 16 на 17 все были заняты тем, что набивали патроны, рубили цепи, чтобы восполнить израсходованные ядра, и непрерывно выкачивали прибывавшую воду.

Мануэль Родригес, тот самый офицер-каталонец, который спасся вместе со мной во время кораблекрушения на «Риу-Парду» у берегов Санта-Катарина, вместе с горсткой самых надежных людей занялся приспособлением нескольких торговых судов под брандеры, перенеся на них все имевшиеся горючие материалы. Когда все было готово, около полуночи эти суда отбуксировали в том направлении, где находился противник. Эти брандеры в течение всей ночи причиняли ему беспокойство, и все же результат, на который мы рассчитывали, не был достигнут; люди слишком устали, и это явилось главной причиной недостаточного успеха предприятия.

Среди событий этой злосчастной ночи самое большое огорчение причинило мне дезертирство корриентинской эскадры. Ее командующий, Виллегас, подобно многим другим знакомым мне людям, любившим похвастать в мирное время или во время разгула, был так напуган приближением опасности, что пошел на самое низкое и постыдное преступление — дезертировал во время сражения. Виллегас был мало полезен мне во время боя на длинной дистанции, поскольку его пушки были слишком малы; однако я рассчитывал, что он окажет мне большую поддержку в том случае, если придется отразить прямое нападение противника или самому идти на абордаж, ибо его экипаж состоял из смелой молодежи. Кроме того, он сам обладал навыками лоцмана, и у него на кораблях были опытные лоцманы, хорошо

знавшие реку, что могло быть очень полезно для меня. Наконец, его суда могли послужить ценным подспорьем для спасения раненых после поражения и помогли бы облегчить отступление.

С самого начала сражения я заметил, что Виллегас испуган, и поэтому приказал ему встать позади нашей боевой линии, чтобы его корабль находился вне досягаемости вражеских ядер; под его надзор было поставлено торговое судно, которое должно было служить госпиталем.

С наступлением вечера Виллегас сообщил мне, что он решил сменить позицию (не помню уж по какой причине или поводу). Ночью, когда потребовалась помощь для оборудования брандеров и я приказал позвать его, мне сообщили печальную весть, что Виллегаса не могут нигде найти. Не желая верить тому, что он способен на предательство, я отправился на легкой лодке, чтобы самому убедиться в том, что произошло. Не найдя его, я поднялся на несколько миль по направлению к Корриентесу, но тщетно его искал, предавший нас трус сбежал. Я вернулся крайне огорченный, и на то были веские основания: ведь большинство наших маленьких лодок было уничтожено во время сражения. Поэтому, предвидя неизбежное отступление, я рассчитывал на то, что с помощью корриентинских судов удастся спасти многих наших раненых и погрузить на эти суда необходимые для всех припасы, поскольку мы находились еще очень далеко от обитаемой части провинции Корриентес.

Последние надежды исчезли с подлой изменой этих наших союзников. Измена в час опасности — самое постыдное из всех преступлений!

Я вернулся на корабль незадолго до рассвета. Нужно было сражаться, но я видел вокруг себя только лежавших вповалку, сломленных усталостью людей и не слышал ничего, кроме душераздирающих стонов несчастных раненых, еще не перенесенных на госпитальное судно, которое было не в состоянии вместить стольких!

Дав сигнал к подъему, я приказал собрать людей и, взобравшись на один из насосов, сказал им несколько слов, стараясь ободрить и воодушевить их. Моя речь не была напрасной; мои обессиленные товарищи обнаружили такую решимость, которая ободрила и убедила меня, что можно спасти, по крайне мере, честь. Эти достойные люди снова единодушно решили сражаться, и каждый занял свое место.

Еще не совсем рассвело, когда битва возобновилась; но если накануне успех, казалось, склонялся на нашу сторону, то в этот день мы оказались явно в худшем положении. В наших новых патронах был плохой порох; ядра нужного калибра были

израсходованы и пришлось использовать другие, меньшего размера, что вызвало неточность огня, особенно дальнобойных 18-дюймовых пушек, помещавшихся в центре батареи на «Коститусьоне», и двух пушек на борту «Перейра». Ночью были разбиты цепи, чтобы заряжать ими орудия вместо ядер, однако их можно было использовать только при стрельбе на близкое расстояние; при стрельбе же на длинные дистанции они были непригодны.

Ослабление нашего артиллерийского огня не осталось незамеченным противником; к тому же он был информирован о нашем положении дезертирами, которые покидали наши ряды во время высадки на берег. Поэтому неприятель, становившийся все более дерзким, воспользовался этим обстоятельством и выстроил все свои корабли в линию, чего он не смог сделать накануне из-за точного огня нашей артиллерии.

Положение противника с каждой минутой улучшалось, а наше становилось все более трудным.

Наконец, пришлось подумать об отступлении, но не могло быть и речи об отводе судов, которые из-за низкого уровня воды в реке, а также потому, что они были совершенно разбиты и большая часть их снасти разорвана, не могли сдвинуться с места.

Мы, было, осмотрели «Перейра», чтобы выяснить, не может ли он идти на парусах, но оказалось, что это совершенно исключено. Спастись удалось только одному голету «Просида», который взял на борт часть раненых и некоторые материалы.

Итак, нам пришлось ограничиться спасением остатков экипажа, а затем поджечь флотилию. Поэтому я приказал посадить оставшихся на кораблях раненых на несколько уцелевших лодок, а также погрузить в них (насколько позволяла их вместимость) легкое оружие, боеприпасы и продовольствие. Между тем сражение продолжалось, хотя наше сопротивление ослабевало, а натиск противника становился все более грозным.

Тем временем были подготовлены горючие смеси и назначены люди, чтобы поджечь суда. В этой связи мне придется рассказать об очень печальном эпизоде, вызванном злоупотреблением спиртным.

Среди членов экипажа, которым я командовал, были представители разных национальностей. Большинство иностранцев были моряки, причем почти все они дезертировали с военных судов. Должен сказать, что эти люди были не слишком распущенны. Что же касается американцев, то, за очень небольшим исключением, они были изгнаны из сухопутных войск за преднамеренные преступления, в особенности за убийства. Это был совершенно разнузданный народ, и нужна была вся

строгость, допустимая на военном корабле, чтобы заставить их подчиняться порядку.

Только в день боя это разношерстное сборище становилось дисциплинированным, и люди дрались как львы.

Итак, чтобы легче было поджечь судно, в трюме собрали горючие материалы и вылили на них несколько бочонков водки, которая была среди нашего провианта. К несчастью, однако, когда у этих людей, привыкших получать небольшую порцию вина, оказалось в руках такое огромное количество спирта, они напились настолько, что были не в состоянии двигаться.

Это было поистине печальное обстоятельство, ибо мы оказались перед неизбежной необходимостью оставить этих смелых и несчастных людей в добычу огню! Я сделал все возможное в этих условиях, обязав их менее пьяных товарищей не покидать этих людей, а сам до последнего мгновения старался спасти этих бедняг, перетаскивая их на себе; к несчастью, однако, некоторые из них погибли среди обломков кораблей.

Во время этого сражения мне пришлось увидеть с отвращением также пьяных офицеров, которые, вероятно, прибегли к алкоголю, чтобы придать себе храбрости. И если такое недостойное состояние кого-нибудь из нижних чинов вызывает чувство гадливости, то для офицера оно попросту постыдно!

Когда все было приготовлено, и огонь взвился, я покинул корабль с теми немногими, которые оставались со мной до конца.

Противник, разумеется, заметил, что мы высадились с кораблей и начали отступление. Он бросил всю свою пехоту, в количестве около пятисот человек, преследовать нас. Мы приготовились сражаться изо всех сил, но бой сулил окончиться для нас плачевно из-за численного превосходства противника и большей опытности его пехоты, а также из-за нехватки у нас оружия и того тяжелого состояния, в котором находились наши люди. К тому же мы вскоре натолкнулись на серьезнейшее препятствие: путь нашего отступления перерезала большая река, приток Параны.

Нас спас взрыв пороховых погребов на судах; это внушительное, страшное зрелище испугало противника и заставило его прекратить преследование.

Было удивительно видеть, как взрывом подбросило в воздух суда, и в том месте, где они находились, осталась гладкая, как стекло, поверхность воды, а по обеим сторонам широкой реки с устрашающим грохотом падали обломки судов.

Глава 32
Отступление к Корриентесу и сражение при Арройо-Гранде

Ночью мы переправились через реку Эапинильо и расположились на привал на ее правом берегу.

Поход до Эскины, первого на нашем пути селения в провинции Корриентес, занял у нас три дня; мы продвигались с большим трудом, мимо островов и через болота, получая жалкий дневной рацион, состоявший из одного небольшого сухаря.

В Эскине наше положение несколько улучшилось: раненые были размещены под кровлей, у нас не было недостатка в мясе, доброе население этого городка оказало нам радушное гостеприимство.

За месяцы, проведенные мною в провинции Корриентес, не случилось ничего значительного. Правительство провинции строило планы снаряжения небольшой флотилии; однако оно преуспело только в том, что заставило меня напрасно потерять время.

Затем я получил приказ от правительства Монтевидео двинуться в направлении к Сан-Франсиску, в Уругвае, и поступить с моими людьми под командование генерала Рибера, стоявшего со своей армией лагерем неподалеку от этого места.

Поэтому мы пересекли всю территорию провинции Корриентес — от Санта-Люсия до перевала de Higos выше Уругвая; затем мы спустились к Сан-Франсиску, двигаясь частью по реке, частью по суше.

В Сальто я имел радость встретить Анцани; он был тогда торговцем или, вернее, приказчиком у выходца из Брешии Рини, который еще раньше обосновался в этом селении.

Дойдя до Сан-Франсиску, я нашел там несколько наших военных судов, которые взял под свое командование.

Генерал Рибера, президент республики Монтевидео, пришел в Энтре-Риос со всей республиканской армией; в этой провинции к нему должны были присоединиться войска из провинции Корриентес, чтобы всеми силами атаковать армию Орибе.

6 декабря 1842 г. при Арройо-Гранде произошла знаменитая битва, в которой были разгромлены наши войска, т. е. войска трех народов, сражавшихся за свои священные права против тирана.

Я не стану говорить о причинах неудачи: их слишком много и пришлось бы слишком долго их описывать. Несомненно однако, что раздоры, вызванные честолюбием и эгоизмом немногих, добивавшихся власти, стали источником неисчислимых бедствий и обрекли на истребление безжалостным победителем целые массы великодушного, беззащитного населения.

Впоследствии в Италии случилось то же, что и в ла-платских провинциях, и причиной тому были также внутренние неурядицы.

В Сан-Франсиску, где я застал генерала Агуйяра, оставшегося

здесь из-за болезни, мы пробыли недолго. Вскоре я получил от этого генерала приказ двинуться со всеми находившимися в моем распоряжении силами (к которым были присоединены несколько сот бойцов, называвшихся aguerridos, во главе с полковником Гуерра) к переправе у Виссиллака, с целью оказать поддержку нашей армии.

Приплыв на судах в Виссиллак, мы нашли здесь лишь кое-какие оставленные армией материалы, но не встретили ни души. Я выслал несколько разведчиков, но в степи не было никого.

День 6 декабря, когда вся армия до последнего человека была брошена в решающий бой на берегах Арройо-Гранде, в восемнадцати милях от нас, был фатальным.

В человеческом естестве есть нечто помимо разума, что не поддается определению и объяснению, но тем не менее существует; и его проявлением, хотя и неотчетливым, является предчувствие (в каком бы смысле ни понимали это слово); предчувствие, которое приносит вам радость или огорчение. Быть может — это крошечная искра, частица Бесконечного, прибежищем которой служит наша бренная плоть, но которая бессмертна, как Бесконечное, и в состоянии чувствовать острее и видеть дальше, чем это дано нам.

Ничего нельзя было заметить в этих пустых полях. И все же в этом дне было что-то торжественное, мрачное и тягостное, как на сердце у тех, кто испускает дух или изнемогает от страданий на поле брани, попранный дерзким солдатом или конем жестокого, неумолимого победителя, радующегося страданиям, пыткам, смерти побежденного!

Слава, героизм, победа — так называют эти бойни! И какой-нибудь наемный священник возносит благодарственные гимны — Te Deum! Лишь считанные люди уцелели в этом страшном побоище, так что в нашем предчувствии жестокого разгрома не было никакого преувеличения.

Не найдя никого, кто бы мог сообщить нам сведения об армии, не получив никакого приказа, который мне должен был передать (как уверял меня генерал Агуйяр) командующий, я решил, оставив на судах небольшой экипаж, высадить на берег всех остальных людей и двинуться на поиски наших войск.

Небольшой сплоченный отряд, оказавшись рядом с потерпевшей поражение армией, всегда может принести огромную пользу, в чем я имел возможность неоднократно убедиться. Такой отряд не в состоянии превратить поражение в победу, но он всегда может спасти снаряжение, а также отдельных солдат и раненых, которым без подобной поддержки грозит попасть в плен к противнику.

Нередко случается также, что, видя смелые и организованные действия небольшого отряда, противник, чьи войска, хотя и одержавшие победу, неизбежно оказываются после сражения в беспорядочном состоянии, бывает вынужден остановиться и тем самым дает возможность побежденным отступить более организованно и с меньшими потерями.

Именно таков был результат твердых действий добровольцев в битве при Кустоце во время кампании 1866 г. Занимая тогда позицию на самом краю левого фланга итальянской армии, они получили приказ прикрывать со стороны озера Гарда отступавшую после сражения армию. Небольшое количество добровольцев, расположившихся на западном берегу Гарды, бросилось вперед к Лонато и Ривертелла и тем самым облегчило спасение снаряжения, а также раненых и отставших.

Замечу, попутно, что следуя принятой мною в Риу-Гранди тактике, я никогда не совершал марша без кавалерийского отряда, набранного из числа моих бойцов-амфибий, среди которых были прекрасные всадники, удаленные из кавалерийских войск за недисциплинированность, а возможно — за преступления; однако эти люди сражались в общем превосходно; если же им случалось провиниться, они, естественно, подвергались заслуженному наказанию.

Хотя в этом месте не было ни души, мы поймали несколько брошенных лошадей; завладев ими, мои отчаянные воины тотчас же раздобыли в достаточном количестве все необходимое для разведки: обилие лошадей в этой местности весьма облегчало проведение такой операции.

Мы уже приготовились и выступили в поход, когда приказ генерала Агуйяра заставил нас вернуться в Сан-Франсиску. Конечно, мы были бы обречены, если бы столкнулись с неприятелем в бескрайней степи Энтре-Риос; ведь нашу армию, потерпевшую в тот день сокрушительное поражение, обнаружить было вряд ли возможно; вместо соединения с ней, нас ожидал разгром, которого трудно было бы избежать.

Итак, не зная о причинах приказа и не имея возможности получить достоверных сведений о событиях, мы снова сели на суда.

По прибытии в Сан-Франсиску я получил от полковника Эстебеса записку, начинавшуюся следующими печальными словами: «Наша армия потерпела неудачу». Генерал Агуйяр двинулся вдоль левого берега Уругвая, чтобы собрать бегущих. Меня он попросил остаться в Сан-Франсиску для охраны находившихся там в большом количестве материалов.

В период времени между битвой при Арройо-Гранде и

началом осады Монтевидео царило то замешательство (сопровождавшееся лихорадочным принятием планов, их отклонением и снова одобрением), которое случается в подобных обстоятельствах, т. е. после тяжелого поражения. И, в самом деле, нашу армию постигла почти полная катастрофа, ибо в течение длительного времени из ее остатков так и не удалось создать что-либо похожее на боеспособные войска. Однако, если принять во внимание, что монтевидеоские войска выступили против самой сильной армии, виденной когда-либо в Южной Америке, опьяненной многими недавними победами; если учесть, что наши войска атаковали эту армию с невыгодной позиции, имея у себя в тылу широкую реку Уругвай, — то станет понятно, почему остатки наших войск были уничтожены или захвачены в плен.

Многие наши люди были объяты страхом, обнаруживали нерешительность и дезертировали, что было совершенно неизбежно при такой войне, в которой обе воюющие стороны говорили на одном языке и большие группы людей происходили из одной и той же местности.

Однако народ с большой твердостью и героизмом откликнулся на энергичное обращение достойных людей, призывавших его к восстанию, объявлявших отечество в опасности и звавших всех под знамена. В короткое время была создана новая армия, не столь многочисленная и не очень дисциплинированная, но зато в большей мере проникнутая верой и энтузиазмом и глубже осознавшая священный долг, который призывал ее на борьбу. Отныне ею руководили не интересы одного человека, заставлявшие простолюдинов идти на поля сражения; звезда этого человека закатилась в последней битве, и тщетно он пытался впоследствии возвыситься вновь; отныне армия руководствовалась интересами нации, перед которыми отступали вражда, личные притязания, мелочные раздоры.

Иноземец приготовился вторгнуться на территорию республики. Каждый гражданин с оружием и лошадьми спешил встать под знамена, чтобы дать отпор врагу. Опасность возросла с приближением мощной армии Росаса, которой командовал его ужасный подручный Орибе. Однако укреплялся дух этого мужественного народа, росла его преданность своей родине. Ни один человек не предложил пойти на уступки, начать переговоры с — захватчиком! Уже тогда можно было предугадать, какие лишения способны перенести эти люди, какую стойкость и героизм может проявить эта нация, которая выдержала в своей столице девятилетнюю осаду, чтобы в конце концов победить!

Я краснею от стыда, когда вспоминаю о том, что было сделано в Италии после сражения при Новаре. Тогда вся Италия,

противившаяся подчинению иноземному господству, жаждала сражаться; и мне ли не знать, способен ли наш народ проявить упорство и самоотверженность! Но обстоятельства! О, сколько было обстоятельств, обусловивших наши несчастья! И сколько гнусных предателей самых разных мастей вскармливает наша прекрасная и глубоко несчастная родина!

Глава 33
Подготовка к обороне

Тем временем я получил приказ потопить самые крупные суда нашей флотилии в том месте фарватера[113], где мог пройти неприятельский флот; позже было приказано не топить, а сжигать суда.

Итак, мне пришлось в третий раз сжечь флот. В первых двух армиях мы, по крайней мере, смогли сражаться, как нам повелевал долг.

Мы снова превратились в сухопутный отряд и оставались еще несколько дней в Сан-Франсиску, чтобы дать возможность эвакуировать оставшиеся здесь армейские материалы в Монтевидео. После этого мы также двинулись к столице, в окрестностях которой должны были соединиться все формировавшиеся военные силы республики.

Во время нашего похода не произошло ничего особенно важного, за исключением знакомства с генералом Пачеко (в то время в чине полковника он находился в Мерседес). Этот славный воин в создавшейся опасной ситуации обнаружил незаурядные качества, действуя мужественно, энергично и умело. Он, безусловно, стал предводителем своей страны в той гигантской борьбе, которую развернул Монтевидео против иноземных захватчиков, борьбе, которая должна послужить примером грядущим поколениям всех народов, не желающих подчиниться насилию!

Я горд тем, что в течение нескольких лет участвовал с этим мужественным народом в его доблестной обороне.

Монтевидео представлял в эти дни удивительное зрелище. Одержав победу, неумолимый Орибе во главе своей армии прошел как вихрь, как гроза, по аргентинским провинциям, отколовшимся от правительства Росаса.

Мольба и унижения священников, жен и матерей не смогли бы заставить смилостивиться Кориолана[114] из Монтевидео. Мысль покарать дерзкий город, который изгнал его, чтобы затем превознести его заклятого соперника, видевшего его бегство и насмеявшегося над ним, — эта мысль была так же приятна

свирепому победителю генерала Лавалле[115], как ласка девушке.

Монтевидеоская армия потерпела такое поражение, которое, быть может, никогда не приходилось испытывать другой армии; от республиканских войск сохранились лишь мелкие и разобщенные группы, разбросанные по территории страны на большом расстоянии друг от друга.

Флот был уничтожен, оружия и боеприпасов оставалось ничтожное количество, казны не было никакой — и это неудивительно, если учесть, что ею распоряжались такие люди, как Видаль, помышлявший лишь о том, чтобы собрать такое количество золота, с которым было бы удобно совершить задуманный побег. И этот вор был главным министром!

Итак, все же надо было защищаться. Такова была воля всего этого замечательного народа!

В городе было много явных приверженцев партии Риберы, которые не могли рассчитывать на спасение в случае прихода Орибе, непримиримого противника первого; для этих людей оборона была самой настоятельной необходимостью, но они были бессильны и трусливы, так как большинство их было связано с государственной кормушкой.

Однако подлинный народ, составляющий нацию, видел в Орибе не антагониста Риберы, а главаря армии чужеземцев, солдат тирана, вторжение которых несет рабство и смерть. И народ поднялся на защиту с сознанием своих священных прав. В короткое время несколько кавалерийских отрядов было создано в сельской местности. Армия, состоявшая почти целиком из пехоты, формировалась в самом Монтевидео, оплоте свободы республики, под надзором прославившегося своими победами генерала Паса — одного из самых лучших и достойных военачальников Южной Америки.

Генерал Пас, отстраненный от командования завистливыми и ничтожными людьми, откликнулся на призыв отечества, оказавшегося в опасности; он возглавил бойцов, вставших на защиту столицы, и организовал из рекрутов и освобожденных тогда республикой рабов ту армию, которая в течение семи лет была оплотом страны и поныне мужественно противостоит самому сильному противнику, с которым когда-либо приходилось бороться этому народу (1849).

Многие выдающиеся военачальники — ранее позабытые или проявлявшие безразличие к войне, главной целью которой были интересы отдельной личности, — встали теперь в ряды бойцов, что еще больше укрепило уверенность и энтузиазм. Было решено построить укрепления вокруг города и в степи на перешейке. Множество народа энергично трудилось на постройке

укреплений, чтобы успеть возвести их до подхода противника.

Мастерские по производству оружия и боеприпасов, орудийные заводы, мастерские, выпускающие обмундирование и снаряжение для воинов, — все возникло, как будто по чудесному мановению. Пушки, которые со времени испанского господства считались ненужными и использовались в качестве ограждения тротуаров вдоль дорог, были извлечены из земли и установлены для целей обороны. Прибытие из Мерседес генерала Пачеко и его вступление на пост военного министра явилось завершающим моментом в подготовке обороны.

Мне была поручена организация флота, ибо от старого — стараниями уже названного выше министра-предателя — ничего не оставалось. Было арендовано несколько небольших торговых барок, которые мы вооружили, как смогли, а счастливый случай во многом помог нам успешно продолжить такое вооружение.

Неприятельский бриг «Оскар», плывя ночью недалеко от берега, сел на мель у Серро[116]; несмотря на отчаянные усилия снять корабль с мели, противнику пришлось покинуть его.

Мы постарались извлечь из этого кораблекрушения всю возможную для себя пользу. Сначала противник попытался помешать нам приблизиться к кораблю, выслав военную шхуну «Пальмар», чтобы обстрелять нас из пушек; но видя безрезультатность обстрела и наше намерение во что бы то ни стало овладеть трофеями с застрявшего корабля, он перестал нам чинить препятствия.

Среди большой добычи, взятой нами на бриге, было пять пушек, которые оказались для нас как нельзя более кстати: мы вооружили ими три небольших судна, положивших начало новому флоту; эти суда использовали также непосредственно для защиты левого крыла линии укреплений.

Потеря неприятелем брига «Оскар» показалась мне счастливым предзнаменованием в предстоявшей нам трудной борьбе; этот случай содействовал также укреплению боевого духа всех участников обороны.

Глава 34
Начало осады Монтевидео

16 февраля 1843 г., едва мы успели закончить сооружение городских укреплений, установив на них имевшиеся у нас немногие орудия, как на близлежащих высотах появились передовые отряды неприятеля. Наша кавалерия, возглавляемая генералом Рибера, слишком слабая для того, чтобы напасть на противника, пробила себе дорогу и, двигаясь степью, обошла

левый фланг противника, оказавшись у него в тылу.

Подобный маневр легко удается в стране, где каждый — превосходный всадник и где в походе единственной пищей служит мясо, что делает ненужным громоздкие обозы, без которых невозможно обойтись во время войн в Европе. Кроме того, Рибера, хотя он и действовал недостаточно умело в решающих сражениях, был мастером военных хитростей, которые характерны для небольших операций; в частности, этот маневр, выполненный им с большим искусством, вновь позволил ему сильно затруднять действия противника.

Генерал Пас сохранил за собой командование войсками, оборонявшими столицу. Эти войска были многочисленны, сравнительно с протяженностью стен, которые предстояло защищать, однако, если учесть, что они состояли целиком из новобранцев и что не все из них были цветом воинства, т. е. не все были воодушевлены подлинной любовью к родине, то нельзя не восхищаться мудростью, отвагой и упорством этого славного генерала, который, организовав эти войска и подчинив их дисциплине, выдержал с ними первые и самые опасные удары осаждавшего город противника.

Хотя население было охвачено патриотическим порывом, нашлось немало перебежчиков, трусов и предателей. Первый министр Видаль прихватил с собой казну и скрылся. Полковник Антунья, командир корпуса и глава полиции, перешел на сторону противника вместе со многими офицерами и чиновниками. Отряд, состоявший из «агерридос», т. е. из иностранцев, получавших плату от республики, в результате неоднократных дезертирств перешел почти полностью на сторону противника; более того, однажды ночью, когда этот отряд занимал передовые сторожевые посты, он своим предательством создал серьезную угрозу безопасности города. Этим примерам, естественно, следовали отдельные лица, которые, полагая, что все потеряно, под тем или иным предлогом покидали ряды защитников, чтобы перебежать к противнику.

Сначала наши дела были не очень блестящи, и я никогда не мог понять, почему Орибе, подробно информированный обо всем своими приверженцами внутри Монтевидео, не воспользовался царившим у нас беспорядком и недостаточной надежностью укреплений и не предпринял решающего штурма. Вместо этого он проводил лишь рекогносцировки и ложные ночные атаки, которые позволяли необстрелянным защитникам Монтевидео приобрести военный опыт.

Тем временем происходили вооружение и организация иностранных легионов, и как бы ни истолковывали причины

сформирования Французского и Итальянского легионов, нельзя отрицать, что оно явилось выражением благородного порыва, преддверием первого призыва к оружию и диктовалось стремлением защитить от вторжения гостеприимный край, ставший местом изгнания. То, что впоследствии к легионам примкнули липа, движимые корыстными, недостойными целями, также соответствует истине. Как бы то ни было, вооружение и организация этих легионов, не сыграв решающей роли, тем не менее позволили обеспечить безопасность города.

Французы, численно преобладавшие над итальянцами и в большей мере заботившиеся о поддержании воинского престижа, в скором времени имели под ружьем две тысячи шестьсот человек. Итальянцев набралось около пятисот, и хотя это число казалось незначительным в сравнении с численностью наших соплеменников в этой стране, я никак не мог надеяться, что их соберется столько, учитывая наши привычки и воспитание. В дальнейшем Итальянский легион увеличился, но его численность никогда не превышала шестисот человек.

Генерал Пас, воспользовавшись ростом наших сил, установил внешнюю линию обороны на расстоянии пушечного выстрела от стен.

С этого времени оборонительная система была упорядочена, и противнику больше не удавалось приблизиться к городу.

Будучи занят делами формировавшейся флотилии, я предложил поручить командование Итальянским легионом некоему Анджело Манчини, впоследствии оставившему о себе недобрую память. Это предложение было принято правительством.

Глава 35
Первые бои Итальянского легиона

Боевое крещение Легион получил во время вылазки, которая, как и следовало ожидать, оказалась малоуспешной, ибо в ней участвовали еще не обстрелянные в боях люди. В Монтевидео над нами насмехались, смелость итальянцев была поставлена под сомнение. Мне пришлось краснеть от стыда; было необходимо устранить повод для насмешек.

В следующий раз Легиону предстояло принять участие в экспедиции в Серро. Я должен был отправиться вместе с ними. В этот день экспедицией командовал генерал Бауза, хороший солдат, но уже сильно состарившийся. Стоя перед противником, он совершал марши и контрмарши, не приносившие никакого результата. Возможно, благоразумно было не атаковать

противника, который, не превосходя нас в численном отношении, был, конечно, значительно более закален в боях. Горя нетерпением испытать в бою своих соотечественников, я старался, хотя и тщетно, убедить старого генерала начать атаку, когда судьба послала нам из Монтевидео генерала Пачеко, в то время военного министра. Мне стало легче на душе при виде этого гене рала, которого я знал как предприимчивого и смелого воина.

Подойдя к нему, я, как только мог, уверенно и непринужденно попросил разрешения выбить неприятеля с его укрепленной насыпью позиции, которая доминировала над находившимся перед нами рвом; на этой позиции противник чувствовал себя в полной безопасности.

Министр не только дал согласие на мою просьбу, но и приказал генералу Бауза поддержать атаку Итальянского легиона.

Я выстроил Легион в колонну повзводно под прикрытием одного из многих полуразрушенных домов; две роты развернулись в колонну по фронту, и после того, как я сказал несколько слов, напомнив, что дело идет о чести нашего отечества, мы двинулись в атаку на левое крыло неприятеля, который, привыкнув не бояться нас, не дрогнул и встретил наступающих плотным ружейным огнем.

Но Итальянский легион должен был победить в этот день: он дал в том клятву и сдержал ее. Хотя многие из нас падали, раненные пулями, Легион продолжал смело наступать, и когда мы приблизились к противнику на расстояние штыкового удара, он обратился в бегство и продолжительное время должен был спасаться от преследования.

Наши действия в центре и на левом фланге также увенчались успехом, и в итоге мы захватили сорок два пленных.

Этот бой, несмотря на скромные размеры, имел громадное значение, ибо он поднял моральный дух наших войск и поколебал уверенность противника. С этого дня[117] начался славный боевой путь Итальянского легиона, заслужившего всеобщее восхищение. Этот день стал предвестником тысяч славных подвигов, совершенных нашими соотечественниками, которым никогда уже не приходилось быть побежденными! А спустя несколько месяцев, 28 марта (не помню точно года)[118], на том же самом поле у Серро, Итальянский легион с эскадроном кавалерии и небольшим отрядом местной пехоты одержал блестящую победу в сражении, в котором пал неприятельский генерал, пресловутый Нуньес.

На другой день после первого небольшого успеха Итальянский легион выстроился на главной площади Монтевидео — Матрис — и при огромном стечении народа удостоился похвал и поздравлений военного министра и горячих

приветствий всех собравшихся Проникновенные слова генерала Пачеко зажгли сердца простых людей. Никогда больше мне не приходилось слышать столь волнующей речи, способной в такой мере вдохновить народ.

В рядах Итальянского легиона в этот день впервые сражался и отличился Джакомо Минуто, прозванный Бруско; впоследствии, будучи капитаном кавалерии в Риме, в 1849 г., он был ранен пулей в грудь и умер от того, что сорвал повязку с раны, узнав о вступлении в город солдат Бонапарта.

Большое мужество проявил в бою также майор Педро Родригес из Монтевидео, офицер морской пехоты.

С этого дня и до появления в легионе Анцани я, хотя и был очень занят делами флота, редко оставлял наш отряд.

Анцани, находившийся в это время в Буэнос-Айресе, получил мое приглашение и поспешил в Монтевидео. Приход Анцани в Итальянский легион был очень кстати во всех отношениях, но особенно он был полезен для обучения и укрепления дисциплины. Это был человек опытный в военном деле, участник войн в Греции и Испании, и мне никогда не приходилось встречать офицера более смелого, хладнокровного и образованного, чем Анцани. Повторяю, он был подлинным сокровищем для Легиона, и мне, мало искушенному как организатору, чрезвычайно повезло, что рядом со мной был этот несравненный друг и боевой товарищ. Зная, что он возглавляет Легион, я мог быть уверен, что все пойдет превосходно; к тому же Анцани был воплощением скромности и благородства. Все это позволяло мне заняться делами флотилии.

Однако Анцани встретил сильное противодействие Манчини, имевшего звание полковника, и майора Дануса, оказавшихся, как показали последующие события, самыми низкими людьми. Они не могли примириться с тем, что Анцани превосходил их своими достоинствами; последний же, обладавший огромными военными знаниями и административными способностями, несмотря на тысячи помех, чинимых этими двумя людьми, сделал все возможное, чтобы превратить Легион в регулярную часть.

Глава 36
Флотилия и ее боевые дела

Флотилия, которой я командовал, хотя и не обладала достаточной силой, вносила полезный вклад в защиту крепости. Находясь на левом фланге укреплений, которые пересекали перешеек от одного берега к другому, она, благодаря своему превосходному расположению, не только прикрывала эти укрепления, как бы являясь их ударной силой, но и создавала угрозу для правого фланга неприятеля, в случае, если бы он попытался предпринимать атаки. Она служила связующим звеном между важными позициями у Серро и островом Свободы (именовавшимся ранее Островом крыс), прежде всего облегчая и поддерживая вылазки, которые наши войска постоянно совершали против правого крыла противника; осаждавшего Серро.

Остров Свободы стал целью противника, решившего им овладеть. Захватить остров намеревалась Буэнос-Айресская эскадра под командованием генерала Брауна. Поэтому наше правительство решило опередить противника и само захватить остров; в этой связи мне было поручено доставить на него два 18-дюймовых орудия и роту национальной гвардии.

Эта операция была проведена под покровом темноты: к десяти часам вечера войска высадились на острове, а я направился назад в Монтевидео, ведя на буксире шлюп, служивший для перевозки орудий.

На обратном пути случилось одно из тех происшествий, которые иной раз порождает на свет воображение романистов и которые, будучи придуманы, должны доставлять последним большое удовлетворение.

Остров Свободы, лежащий от берега у Серро на расстоянии выстрела из небольшого орудия, находится в трех милях от Монтевидео.

Ветер, дувший с юга, вызывал в этой гавани волнение, соответствовавшее силе ветра, причем оно было особенно сильным между островом и молом столицы. Я находился в одной из тех лодок, имеющихся на торговых судах, которые благодаря своей широкой корме служат главным образом для выбирания якорей; такая лодка и была куплена правительством.

Вместе со мной были моряки, достойные участвовать в подобной операции. Мы вели на буксире тот самый баркас, или шлюп, на котором были доставлены орудия на остров.

Из-за волнения на море, а также потому, что нелегко было

буксировать баркас, имевший почти кубическую форму и очень мелкую осадку, ибо на нем не было никакого груза, — мы двигались медленно, причем нас сильно сносило к северу, внутрь бухты. Неожиданно все одновременно заметили военные суда, шедшие с подветренной стороны на северо-запад. Они оказались так близко от нас, что вахтенный на носу одного из кораблей окликнул нас: «Кто здесь?» — «Молчите!», — приказал я своим людям, ибо это была, вне сомнения, неприятельская эскадра. Я попросил их шёпотом грести вдвое быстрее и производить как можно меньше шума веслами. Я ожидал, что после оповещения, сделанного вахтенным, на нас обрушится град пуль, но как это ни удивительно, мы смогли удалиться, пройдя почти под бушпритом[119] корабля «Бельграмо», который я узнал, и без всяких помех продолжали наш путь к Монтевидео.

Своим спасением мы были обязаны тому, что в этот самый час мелкие лодки неприятельской флотилии с посаженными на них войсками были посланы для захвата острова Свободы. Как выяснилось позже, именно этим обстоятельством было вызвано молчание противника, который, желая напасть на остров врасплох, старался соблюдать тишину; по тем же причинам он не послал свои лодки, чтобы захватить нас, хотя это не представляло труда.

Но какова судьба! В полной безопасности мы достигли мола, и здесь до нас донеслись звуки выстрелов со стороны острова, который в этот момент начал штурмовать противник.

Я немедленно дал знать о случившемся правительству, сам же отправился к флотилии, чтобы подготовить наши небольшие суда к отплытию и оказать помощь острову, если еще было не поздно.

На острове Свободы наших было около шестидесяти человек, плохо вооруженных, с ограниченным количеством боеприпасов. На рассвете я отплыл из Монтевидео с двумя судами из трех, имевшихся в нашем распоряжении; третье судно, не вполне вооруженное, не было еще приведено в состояние боевой готовности. С двумя суденышками, вооруженными каждое 12-дюймовыми пушками из числа тех, которые были сняты с севшего на мель «Оскара», мы достигли пролива между Серро и островом и стали здесь лавировать. Чтобы узнать, находится ли остров в наших руках или в руках противника, я вынужден был направить офицера Клавелли на маленькой шлюпке. Он привез счастливое известие, что остров в наших руках и что ночная атака противника была отбита.

Наши смелые национальные гвардейцы, хотя и не привыкли обращаться с оружием, сражались с большой отвагой. Они не

только отбросили противника, но и нанесли ему тяжелый урон, так что в течение нескольких дней трупы солдат Росаса плавали в гавани.

Я приказал тотчас же выгрузить на берег боеприпасы к 18-дюймовым орудиям, для обслуживания которых на остров высадился также офицер с несколькими артиллеристами.

Между тем стало рассветать, и едва мы закончили высадку, как неприятель открыл огонь, на который энергично отвечали с острова. С двумя нашими судами я двинулся с попутным ветром на неприятельскую эскадру и также атаковал ее продольным огнем из двух моих небольших пушек. Однако силы участвовавших в сражении сторон были слишком неравны. Мы имели против себя две бригантины и две шхуны, причем на одной из бригантин было шестнадцать тяжелых орудий.

Для имевшихся на острове орудий, чей огонь мог бы причинить большой урон, не нашлось платформы; к счастью, был найден старый полуразрушенный бруствер. Так как пушки устанавливали в спешке, они были очень плохо прилажены; но хуже всего было то, что не хватало боеприпасов.

Хотя море было не очень бурным, наш орудийный огонь из-за бортовой качки маленьких судов был неточен. В конце концов офицер Раффаэле, итальянец, которому я поручил командовать двумя орудиями на острове, после того как все боеприпасы были израсходованы, укрылся со своими артиллеристами и национальными гвардейцами за маленьким, разрушенным бруствером, на котором неприятель сосредоточил огонь из всех своих орудий.

Пушки на острове замолчали, огонь с наших судов был неэффективен, и неприятельские корабли начали поворачиваться к нам бортами и становиться на якоря. Выстрелом из дальнобойной пушки с «Пальмара» у меня ранило несколько человек на корме, в том числе моего помощника Франсиско; этот храбрый мулат был смертельно ранен в живот «бискаино», т. е. круглой железной пулей, картечью. И снова судьба позаботилась о нас! Комодор Пэрвис, командовавший тогда британскими силами в Монтевидео, послал лодку, aiola, или прибыл на ней сам, с одним из тех флагов, которые успокаивают бурю, т. е. с английским флагом. В результате вмешательства англичан бой был прекращен, как будто бы сражавшихся коснулась волшебная палочка! Для меня и для республики это была большая удача!

С этого момента начались переговоры, неприятельская эскадра покинула гавань, и остров так и остался в наших руках.

Какое прекрасное использование силы! Особенно, если сравнить эти действия с низким поведением некоторых сильных

мира сего, одного взмаха руки которых было бы достаточно, чтобы остановить реки крови, чтобы позволить подняться поверженным народам и отбить у наглецов жажду угнетения! Каковы бы ни были мотивы комодора Пэрвиса, нельзя отрицать, что он проявил подлинно рыцарское великодушие к несчастному, но мужественному народу, который, несомненно, вызвал глубокую симпатию у достойного и доброжелательного сына Альбиона![120]

С этого времени Монтевидео знал, что в лице английского комодора он имеет не только друга, но и покровителя.

Бой за остров Свободы, счастливый исход которого был больше обязан случаю, чем нашим заслугам, хотя мы сделали все возможное для его защиты, прославил республиканские войска и поднял их престиж, каким бы незначительным ни было это столкновение.

Таким образом, благодаря небольшим, но удачным сражениям положение республики, казавшееся многим безнадежным, стало поправляться. Это служит убедительным доказательством того, что никогда не следует терять надежды в вооруженной борьбе, а тем более в борьбе политической, если отстаиваешь правое дело.

Умелые действия патриотического правительства, возглавляемого Пачеко, переход руководства военными операциями в руки неподкупного, несравненного генерала Паса; мужество и стойкость, проявленные народом, освободившимся от немногих предателей и трусов; организация иностранных легионов — все это мало-помалу стало предвещать счастливый исход борьбы.

Глава 37
Доблестные дела Итальянского легиона

Итальянский легион, образование которого вызвало столько насмешек (особенно со стороны французов, издавна привыкших относиться к нам с пренебрежением из-за наших раздоров), покрыл себя такой славой, которой могли позавидовать лучшие войска. Он участвовал в самых трудных предприятиях, в самых ожесточенных сражениях и ни разу не испытал поражения. При Трес-Крусес, где бесстрашный полковник Нейра из-за своей безумной храбрости был убит в расположении неприятеля, Итальянский легион, находившийся в этот день под его командованием в авангарде, выдержал ожесточенную борьбу, сражаясь один на один и тесня солдат Орибе с занимаемой ими сильнейшей позиции до тех пор, пока не завладел телом убитого

командира[121].

Потери Легиона в этот день были велики в сравнении с небольшой численностью его бойцов, но не менее велика была его слава. Этот успех, который, казалось, должен был подорвать силы Легиона, напротив, необычайно ободрил его. Состав Легиона вырос за счет новобранцев, которые, едва став солдатами, сражались как ветераны. Таков итальянский солдат, таковы сыны прекрасной нации, когда их, не скованных разлагающим влиянием священников и трусливых правителей, вдохновляет прекрасная и возвышенная цель.

Переход у Бахады[122] (24 апреля 184.)[123] также сопровождался серьезным сражением. Отряд, которым командовал тот же генерал Пас, вышел из Монтевидео и, обойдя правый фланг неприятеля, продвинулся вдоль северного берега бухты вплоть до Пантаносо, небольшой илистой речушки, протекавшей на расстоянии двух выстрелов из Серро; отряд должен был соединиться с нашими силами в этой крепости, чтобы нанести, быть может, решающий удар по неприятельской армии, выманенной, таким образом, с сильных позиций у Серрито — главной квартиры Орибе, или по крайней мере должен был застать врасплох два батальона, находившихся на берегах названной топкой речушки.

Это предприятие, на которое возлагали большие надежды, не дало почти никаких результатов из-за отсутствия согласованности, что часто случается в задуманных операциях.

Итак, во время перехода через эту реку, мы оказались вовлечены в ожесточенное сражение. Из трех дивизий, входивших в состав нашего почти семитысячного корпуса, та, которая находилась в арьергарде, испытала столь ожесточенный натиск противника (оправившегося от внезапного нападения и сосредоточившего здесь свои силы), что ей, из-за труднейшей переправы через реку, с невероятным напряжением удалось спасти только часть своих сил.

Я командовал дивизией в центре, занимавшей позиции вдоль правого берега реки Пантаносо, которая вполне оправдывала свое название[124], ибо дно ее представляло собой топь, в которую проваливались люди и лошади, так что перейти через реку можно было только по гряде огромных неровных камней, находившихся на некотором расстоянии один от другого. Генерал приказал мне перейти обратно реку, чтобы оказать поддержку тем, кто попал в опасное положение. Разумеется, я подчинился приказу, хотя с неудовольствием, ибо при этом трудно было рассчитывать на успех и становилась неизбежной гибель многих людей.

Наш арьергард сражался с большим упорством, но

противнику, силы которого все время росли, удалось нас отбросить и захватить в тылу, т. е. на пути нашего отступления, очень прочное строение (солильню). Кроме того наш арьергард израсходовал все боеприпасы. Головная часть Итальянского легиона входила в солильню, тогда как передовая часть неприятельской колонны уже находилась в ней и столкнулась с нашими людьми. Завязался ожесточенный рукопашный бой, в котором итальянцы, благодаря своей отваге, в конце концов одержали верх.

Земля в этом месте была усеяна телами; в числе погибших был оплакиваемый нами храбрый лигуриец капитан Молинари; однако наши товарищи из арьергарда были спасены, и исход боя стал склоняться в нашу пользу. На помощь подошли другие отряды, и отступление прошло в полном порядке[125].

В тот же день Французский легион, который должен был одновременно действовать на линии городских укреплений, потерпел неудачу; мы же ответили достойным образом на насмешки наших товарищей по оружию.

28 марта также стало днем боевой славы для республиканского оружия и для Итальянского легиона[126].

В этот день операциями руководил генерал Пачеко. Неприятель, который осаждал Серро под командованием генерала Нуньеса, одного из военачальников, пользовавшихся самой дурной славой в этих краях (в самом начале осады он позорно перешел из наших войск на сторону осаждавших), неприятель, говорю я, действовал с большой отвагой и не раз подходил вплотную к бастионам крепости, угрожая перерезать ее коммуникации с городом и разрушить оружейным огнем маяк, построенный на самой верхней части строений.

Генерал Пачеко приказал некоторым отрядам, в том числе нашему легиону, отправиться к Серро. Совершив переход ночью, мы на рассвете укрылись примерно в миле к северу от крепости в старом пороховом складе, окруженном развалившимися строениями.

Эти строения, несмотря на большие разрушения, сохранили стены и были достаточно просторны, чтобы в них разместились, хотя и в тесноте, все итальянцы.

У Серро началась перестрелка и затем мало-помалу закипел бой. Неприятельский генерал, отличавшийся пылким характером, отважно атаковал наши войска до тех пор, пока ему не удалось завладеть сильной позицией под названием Куадрадо, находившейся от старого порохового склада на расстоянии выстрела из пушки малого калибра.

Мы уже насчитывали среди раненых двух лучших

начальников, полковников Тахеса и Эстибао, когда с высоты Серро[127] был подан сигнал нашему Легиону о вылазке. Завязался упорный бой. Полковник Касерес, принявший общее командование, приказал нам идти в атаку.

Я всегда буду гордиться тем, что принадлежал к горстке храбрецов, называвшейся Итальянским легионом Монтевидео, который я видел всегда лишь на пути к победе! Но в этот день наши итальянцы сражались особенно хладнокровно и мужественно! Они заслужили восхищение гордых американцев, которые по праву претендуют на самую отчаянную смелость.

Нам предстояло атаковать неприятеля, который закрепился на возвышенности, используя в качестве прикрытия насыпь над рвом. Местность, которую нужно было преодолеть, чтобы ударить по неприятелю, не имела никаких укрытий; это весьма затрудняло операцию, ибо нам предстояло двигаться по открытому пространству на хорошо защищенного противника. Но в этот день Легион мог бы вступить в борьбу с самим дьяволом!

Легионеры помнили, что именно здесь, на этой земле они дали доказательство своей храбрости. Воины еще слышали приветственные клики благодарного народа, рукоплескания столичных красавиц! Легион, не стреляя, ринулся на неприятеля и не останавливался до тех пор, пока не загнал его в топкую Пантаносо, в трех милях от поля сражения. Нуньес пал мертвым, было захвачено много пленных.

Отряды, состоявшие из наших товарищей, жителей Восточной провинции, сражались также с большой отвагой, и если бы наш натиск был несколько менее стремителен и наша правая колонна под командованием храброго полковника Диаса имела время вклиниться между рекой и противником, ни одному человеку из неприятельской пехоты, конечно, не удалось бы спастись.

Это сражение делает честь военному таланту генерала Пачеко; оно вынудило неприятельские отряды, действовавшие на правом фланге, держаться с большой осторожностью вдали от Серро, по ту сторону болотистой Пантаносо.

Глава 38
Экспедиция в Сальто

В первые годы осады Итальянский легион участвовал в бесчисленных боях, потерял много убитых и раненых, но ни в одном сражении его храбрые воины не покрыли себя позором. Италия может гордиться ими!

Правда, в эти тяжелые времена кое-кто совершил предательство: дезертировали уже названный мной Манчини,

Данус, Джованни Н. и еще несколько низких людей, увлеченных их примером. Это были печальные факты, но они скоро потонули в океане славы, по которому плыл прекрасный легион.

Генерал Рибера был разбит у Индиа-муэрта, однако это не ослабило оборону столицы. Наши военачальники, закаленные в бесконечных боях с осаждавшими, обрели чувство морального превосходства над неприятелем, которое крепло день ото дня. Когда же последовало англо-французское вмешательство, все стало предвещать счастливый для нас исход войны.

Любая страна на земле только выиграет без иностранного вмешательства, и так случится в будущем и с нашей бедной Италией, которой такое вмешательство принесло столько несчастий. В Монтевидео условия были иные, ибо эта столица представляла собой подлинную космополитическую ярмарку, где численность иностранцев, представлявших различные нации, была всегда по крайней мере равна числу местных жителей, а иностранные интересы почти всегда преобладали над местными.

Если бы дипломаты Италии пользовались бы каким-нибудь весом на Ла-Плате, они должны были бы принять участие в англо-французском вмешательстве, учитывая, что итальянцы в численном отношении не уступали ни одной из вмешавшихся наций. Но в 1842 г., когда началась осада, итальянский представитель в Монтевидео не пользовался почти никаким влиянием, и на этом рейде итальянский флаг развевался лишь на одном небольшом военном судне.

В планы, обсуждавшиеся республиканским правительством и адмиралами двух союзных наций, входила экспедиция на Уругвай; ее осуществление поручили мне.

За истекший период наша флотилия пополнилась новыми судами; одни из них (самые первые) были взяты в аренду, другие отчуждены у врагов республики, третьи — захвачены у противника, который направлял свои торговые суда в Бусео, порт, ближе всего расположенный к главной квартире Орибе, и в другие порты, находившиеся под его властью.

Итак, благодаря увеличению нашей флотилии за счет этих судов и двух других судов аргентинской эскадры, секвестрованных англичанами и французами и переданных в распоряжение правительства республики, в экспедиции на Уругвае приняло участие около пятнадцати судов, самым крупным из которых была «Каганча», шестнадцатипушечная бригантина, а также несколько меньших по размеру китоловных судов.

Экспедиционные войска состояли из Итальянского легиона, насчитывавшего двести человек, приблизительно из двухсот

национальных гвардейцев под командованием полковника Бэтла (являющегося ныне, в 1872 г., генералом и президентом республики) и почти из ста кавалеристов; кроме того, у нас было четыре пушки и всего шесть лошадей.

Близился к концу 1845 г.[128], когда корабли отправились из Монтевидео в экспедицию на реку Уругвай; эта славная кампания началась блестящими победами, которые, однако, оказались бесполезными для несчастной и гордой восточной нации[129].

Мы достигли Колонии, города, раскинувшегося на высоком мысу, на левом берегу Ла-Платы; здесь нас ожидала англо-французская эскадра, готовясь к захвату неприятельских позиций.

Операция, проходившая под прикрытием мощного орудийного огня с судов трех эскадр, не представляла трудностей.

Сначала высадился я с моими легионерами, а затем национальные гвардейцы. Неприятель не оказал сопротивления в самом селении, однако, когда мы вышли за линию укреплений, мы обнаружили, что он намерен сражаться с нами.

После нас высадились союзники. Я попросил адмиралов оказать мне поддержку, чтобы отогнать неприятеля. Отряды обеих наций подошли к нам на помощь но, вступив в бой на открытой местности с превосходящими силами противника и добившись некоторого успеха, союзники по неизвестной причине отошли назад за линию укреплений, что вынудило нас сделать то же самое, ибо одни мы значительно уступали в силе неприятелю.

Еще до нашей высадки противник, решивший ввиду подавляющего превосходства наших морских сил оставить город, принудил население покинуть его, а затем предал его огню. Вследствие этого перед нами открылось печальное зрелище города, пожираемого пламенем: чтобы быстрее осуществить свой замысел, неприятельские солдаты разломали мебель и разбивали все, что попадалось под руку.

После высадки Легиона и национальных гвардейцев во главе с Бэтлом мы немедленно стали преследовать отступавшего неприятеля; союзники же высадились позже и, заняв покинутый город, выслали, как я уже говорил, часть своих сил нам на помощь.

В самом городе, где царил беспорядок, вызванный разрушениями и пожарами, было трудно поддержать дисциплину, чтобы не допустить никакого грабежа, и несмотря на строгие приказания адмиралов, солдаты англо-французских войск брали то, что им нравилось из вещей, брошенных в домах и на улицах. Наши люди, вернувшись в город, отчасти последовали их примеру, несмотря на все усилия наших офицеров не допустить

грабежа. Было очень трудно пресечь беспорядки, так как в Колонии для обеспечения войск было собрано большое количество припасов, и особенно спиртных напитков, которые разжигали низменные страсти грабителей.

Впрочем, основное, что захватили наши люди, были съестные припасы и тюфяки (их перенесли в церковь, где мы устроили себе пристанище на ночь), а также предметы обихода, которые, естественно, были оставлены через несколько дней, когда мы ушли из города. Во всяком случае если бы не пример союзников, который, конечно, подтолкнул наших воинов, дело обошлось бы без подобных эксцессов.

Я остановился несколько более подробно на деталях этих событий и скрупулезно и правдиво обрисовал их с тем, чтобы опровергнуть кое-какие описания, сделанные одним шовинистом, неким господином Пажем, командовавшим тогда французским военным бригом «Дюкуадик»; человеком, которого его соплеменники считали креатурой Гизо, посланным этим министром Луи Филиппа в качестве тайного эмиссара.

Благодаря «открытому» галльскому характеру этого дипломатического шпиона, который, описывая события в Колонии, на чем свет ругает Brigands italiens[130], я вынужден был во время предпринятой по нашей инициативе высадки укрыть моих людей не от огня неприятеля, ибо последний при нашем приближении бежал, не отстреливаясь, а от выстрелов с «Дюкуадика», батареи которого, оказавшись как раз напротив моих людей, подвергли их возмутительному артиллерийскому обстрелу.

Некоторые из моих бойцов были контужены обломками домов и осколками, которые обрушились на нас в результате обстрела, начатого нашим «союзником».

Напомню, что среди прочих титулов, которых он удостоил нас в своих экстравагантных рассказах, было прозвище «кондотьеры»; таким образом этот господин стремился выразить презрение к людям, заслуживавшим значительно большего уважения, чем он сам.

Глава 39
Матреро

У Колонии мы должны были объединить свои силы при взятии этого города; однако нам предстояло следовать дальше и восстановить республиканскую власть на левом берегу реки Уругвай.

Остров Мартин Гарсия, куда я предварительно направил

Анцани с небольшой эскадрой, сдался без боя. Мы захватили там некоторое количество скота и лошадей.

Там же мы повстречали первого «матреро», некоего Виворинья, из числа тех, кто был на нашей стороне; я должен немного рассказать об этих храбрых скитальцах, оказавших нам ценные услуги во время нашей трудной и славной экспедиции.

Матреро — это тип истинно независимого человека. Да и зачем ему жить в испорченном обществе, в зависимости от священника, который морочит его, и от тирана, который живет среди роскоши и кутежей, пользуясь плодами его труда, — если он может проводить жизнь в бескрайних девственных степях Нового Света, свободный, как орел или лев? Положив свою взлохмаченную голову на колени подруги своего сердца, он отдыхает, если устал, или летит на диком скакуне среди бескрайних пампасов в поисках вкусной пищи для себя и своей подруги[131].

Матреро не признает правительства. Но разве более счастливы европейцы, обремененные узами управления? Сколько было сделано и делается в этой связи неудачных испытаний, которые крайне затрудняют разрешение этого вопроса!

Ни от кого не зависимый, матреро господствует на этих громадных пространствах, обладая авторитетом правительства. Он не устанавливает пошлин и налогов, не обирает бедняка; единственная его надежда — сын, из которого он хочет сделать сорви-голову. У местных жителей он просит в качестве добровольного дара лишь самое необходимое для его скитальческой жизни, а потребности матреро предельно ограниченны; тому, кто одарил его, он отплачивает тем, что производит на своей лошади работы, что весьма ценится в этих краях.

Хороший конь, важнее всего для матреро; его оружие составляют карабин, пистолет, сабля и неизменный нож, с помощью которого он добывает мясо и ест его.

Из бычьих шкур он выделывает седло и сбрую, mancador, которым он привязывает на пастбище своего товарища-коня, las mancas, нужные для того, чтобы приучить лошадь стоять на месте, а не бродить, las bolas, которые настигают дикого коня, когда он несется с быстротой ветра, и валят скакуна на землю, обвившись вокруг его ног.

Las bolas — это если и не главное, то самое страшное оружие гаучо[132]. С их помощью он ловит, кроме диких коней, страусов; эти птицы не летают, но они способны бежать с такой быстротой, что не уступят скакуну или человеку, который после проигранного сражения убегает от преследующего его

неприятеля.

Увы, если беглец скачет не на хорошем и свежем коне, то настигнутый болеадором, он вылетит из седла, а его конь рухнет на землю, и всадник не сможет освободить его, разве что только подползя в панчо он ловко сдернет аркан и, таким образом, освободит задние ноги своего коня.

Удивительное зрелище для нас, европейцев, видеть конницу, спасающуюся бегством от кавалерии победившей стороны. Туча bolas вздымается над отрядом преследователей и настигает бегущих; многих они убивают на скаку, остальных же продолжают преследовать.

Лассо служит неменьшую службу гауччо или матреро; они почти не отличаются друг от друга, разве что первый в отличие от матреро порой более зависим от тех, кого называют правительством и кто часто являют собой лишь сборище нескольких наглецов.

Лассо, которое, казалось бы, небрежно, а на самом деле очень аккуратно привязано всегда у правого бока коня, служит южноамериканцу для добывания пищи и чтобы зарабатывать на жизнь, когда обстоятельства заставляют его (что случается очень редко) работать ради пропитания. Мясо, главным образом говяжье, является единственной пищей матреро.

Итак, если учесть, что при изготовлении и постоянном использовании всех этих вещей необходим нож, то можно представить, как матреро должен ценить это оружие, которым он искусно пользуется также для того, чтобы нанести противнику удары в лицо или перерезать ему горло.

Матреро никогда не откажется разделить с вами свое açado (жаркое), но вы должны иметь всегда при себе нож, если не хотите получить с его стороны отказ одолжить вам нож, который ценится им превыше всего и в случае потери которого в пустынной степи ему было бы очень трудно найти другой, подобный.

Как уж было сказано, матреро — это то же, что и гауччо в пампасах, монарх cuchilla — долины Риу-Гранди. Однако он более свободен от закона, более независим. Он подчиняется, если правительство соответствует его требованиям и симпатиям, в противном случае большую часть времени его пристанищем, его домом служит для него степь и лес, а кровлей — небо. Правда, иногда он строит хижину в лесу. Редко случается, чтобы он без дела появлялся в селении; причиной его прихода чаще всего бывает возлюбленная. Ибо у матреро есть возлюбленная, которая по обыкновению обожает его и мужественно делит с ним невзгоды и опасности.

Женщина! Что это за необыкновенное создание! Она совершеннее мужчины и обладает даже более рыцарским, более склонным к приключениям нравом, чем он! Однако рабское воспитание, на которое она осуждена, приводит к тому, что нам редко приходится сталкиваться с проявлением этих качеств.

Итак, Виворинья был первым и, конечно, не лучшим из матреро, который присоединился к нам; его нашел на Мартин Гарсиа полковник Анцани. У берегов пролива Инферно, отделяющего Мартин Гарсиа от континента, Виворинья приметил лодку и, приставив пистолет к груди лодочника, заставил его перевезти себя на остров, куда он явился, чтобы представиться нам.

Ко мне пришли многие другие матреро, оказавшие нам, как я уже сказал, огромную помощь в дальнейших операциях.

Однако человеком, которого мне хотелось бы украсить самым высоким титулом, человеком, сочетавшим в себе отвагу и удаль матреро с мужеством, хладнокровием и безупречностью джентльмена, был капитан Хуан де ла Крус Ледесма, о котором мне придется не раз упоминать при рассказе об экспедиции в Сальто.

У этого человека с густыми черными волосами, с орлиным взглядом и благородной, прекрасной осанкой было сердце ангела и льва. Он был моим верным бесстрашным товарищем в течение всей уругвайской кампании, которую я считаю самой блестящей в моей жизни. Он и Хосе Мундель, сын шотландца, оказавшийся с детских лет среди этих мужественных и независимых сынов дикой природы, запечатлелись в моей душе на всю жизнь.

Мундель в меньшей мере, чем Хуан де ла Крус, походивший на матреро и представлявший иной тип, близкий к жителям Уэльса, не уступал ему в храбрости, он был более образован.

В Колонии остался полковник Бэтл (ныне президент Республики) с гарнизонам из своих национальных гвардейцев. Бэтл был человек, готовый к любому, самому трудному делу. Сражаясь бок о бок с самого начала осады, мы расстались с этим отважным и достойным офицером с истинным сожалением.

На Мартин Гарсиа мы оставили всего лишь несколько человек и подняли здесь флаг Восточного государства, после чего экспедиция продолжила свой путь по реке. Анцани, плывший впереди с небольшими судами, захватил несколько торговых шхун, на которых был неприятельский флаг. Таким образом мы достигли острова Жагуари у места слияния Риу-Негру с Уругваем.

Глава 40
Жагуари

Река Риу-Негру, впадающая в этом месте в Уругвай, образует ряд достаточно больших островов, покрытых в обычное время лесами и пастбищами. Зимой же, когда реки вздуваются от дождей, вода почти полностью заливает их. Поэтому здесь могут находиться лишь немногие животные; большая же часть их переплывает реку, чтобы попасть на материк, где они также находят тучные пастбища. Таким образом, мы нашли на этом острове достаточно скота, чтобы не испытывать недостатка в мясе, а также несколько диких кобыл с жеребятами. Было большой удачей, что мы могли высадить здесь на сушу несколько имевшихся у нас лошадей и дать им возможность восстановить силы после трудного плавания.

К востоку от этих островов находился омываемый с юга Риу-Негру, а с севера — Уругваем Rincon de las Gallinas (Куриный угол). Этот Ринкон представлял собой прекрасный и плодородный участок суши, соединенный перешейком с материком. Здесь водилось множество всевозможных животных, в том числе и лошадей; поэтому матреро облюбовали это место для своих стоянок.

Одна из первых принятых мною мер состояла в том, чтобы выступить с частью наших сил и закрепиться на берегу Ринкона; Виворинья со своим товарищем Миранда отправился отсюда верхом в разведку и вскоре возвратился в сопровождении многих местных матреро. Вслед за ними к нам присоединились другие матреро, и с этого времени мы смогли сформировать кавалерийский отряд, который увеличивался на глазах. Благодаря кавалерии мы получили в изобилии мясо и в ту же ночь совершили полностью удавшееся нападение на неприятельский отряд.

Командовал вылазкой лейтенант Галлегос, отправившийся вместе с нами из Монтевидео. Он напал врасплох на неприятельский отряд из двадцати человек, и лишь немногие из них остались в живых; было захвачено шесть пленных, некоторые из них были ранены. Этот наш офицер отличался замечательной храбростью, но, к сожалению, был чрезмерно жесток.

В результате вылазки мы захватили несколько отличных лошадей, в которых тогда крайне нуждались.

Система, применявшаяся противником и состоявшая в том, что местных жителей сгоняли с побережья внутрь материка, чтобы помешать им иметь с нами связь, заставила многих из этих несчастных бежать к нам. Мы предложили этим людям в качестве пристанища большой остров и, чтобы обеспечить их пищей, перевезли на него немалое количество скота, главным образом несколько отар овец.

Численность экспедиции и ее значение возрастали; ее состав особенно сильно пополнился с появлением среди нас Хуана де ла Круса — человека, который, наряду с Мунделем, заслуживал титула принца матреро и о встрече с которым следует упомянуть.

Матреро Ринкона оповестили меня, что Хуан де ла Крус во главе своих отрядов несколькими днями раньше вступил в бой с неприятельскими войсками, но из-за численного превосходства противника вынужден был распустить своих людей и скрыться в густом лесу; бросив затем коня, он на легком челне поплыл по Уругваю к самым скрытым островам, находившимся под неусыпным надзором неприятеля, который, особенно после сражения при Индиа-муэрта, пользуясь тем, что у нас больше не было кавалерии, прилагал все усилия для преследования матреро, не пожелавших признать неприятельское правительство.

В таких затруднительных обстоятельствах оказался наш друг в то время, когда мне посоветовали послать людей на его поиски.

Итак, назначив командиром Сольдана, старого друга Хуана де ла Круса, я предложил ему с несколькими матреро отправиться на лодке, чтобы найти убежище де ла Круса и привести его к нам.

Отряду удалось выполнить поручение: после нескольких дней поисков они обнаружили Хуана де ла Круса на одном из островов; сам он взобрался на дерево, а свою лодку-каноэ спрятал под ним в кустарнике, ибо островок был тогда затоплен. Они нашли его готовым снова скрыться, если бы те, кто его разыскивал, оказались бы врагами, так как со своего поста он мог разглядеть искавших его на расстоянии, достаточном для того, чтобы успеть спастись.

Пусть наши молодые итальянцы усвоят жизненный урок, которому мы должны следовать, если в самом деле хотим добиться освобождения нашей родины. Независимость и свободу можно завоевать, только преодолевая трудности, только благодаря смелости и самопожертвованию, — это фатально, но это так. Хуан де ла Крус был для нас ценным приобретением, и с этого момента на нашу сторону перешли все матреро из окрестностей. В результате этого мы приобрели прекрасных кавалеристов, без которых невозможно ничего предпринять в этих странах, являющихся краем кавалерии.

Глава. 41
Экспедиция в Гуалегуайчу
Эрвидеро. Анцани

Остров Бискаино, главный из группы островов Жагуари, очень скоро превратился в колонию, заселенную семьями,

искавшими спасения от вражеских зверств. Здесь обосновалось также немало семейств бедняков, которые из-за нужды последовали за нами из столицы в уверенности, что им удастся получить по крайней мере мясо. Мы переправили на этот остров много скота, оставили несколько лошадей и назначили ответственным за все высшего офицера.

Экспедиция двинулась дальше по реке; затем в одном месте, называвшемся Фрай-Бентос, на противоположном берегу реки в неприятельской провинции Энтре-Риос мы бросили якоря.

Примерно в восьми милях от Фрай-Бентоса, в пределах той же провинции, в Уругвай впадает его приток Гуалегуайчу. Приблизительно в шести милях от этого места находилось селение.

Мы нуждались в лошадях для наших операций, а в этих краях они были превосходны. К тому же селение Гуалегуайчу привлекало нас как богатейший торговый центр, где можно было одеть наших обносившихся воинов, обзавестись сбруей для лошадей и вообще всем необходимым. Было решено поэтому захватить его.

Чтобы не возбудить подозрений, мы нарочно прошли еще примерно шесть миль вверх по реке. Ночью, посадив на мелкие суда и лодки наших славных легионеров, а также кавалеристов с немногими лошадьми, мы поплыли к нашей цели.

У устья этой реки жила постоянно одна семья, и нам было известно, что там находятся несколько торговых барок и военный брандер. Мы намеревались внезапно захватить их, и это нам удалось.

Операция оказалась для нас успешной, мы захватили всех врасплох, вплоть до коменданта Гуалегуайчу, которого застали спящим в постели у себя дома. Этим военным комендантом селения был полковник Виллагра. Все представители власти и национальные гвардейцы оказались в наших руках.

Наши войска заняли самые важные пункты на некотором расстоянии от селения; на дорогах, где мог появиться неприятель, были выставлены аванпосты, после чего мы приступили к отбору лошадей и реквизиции всех тех вещей, которые представляли для нас первую необходимость. В Гуалегуайчу мы добыли много отличных коней, одежду, позволившую экипировать всех наших людей, снаряжение для кавалерии и некоторую сумму денег, которая была распределена среди наших совершенно обнищавших матросов и воинов, столько времени переносивших нужду и лишения.

Уходя, мы освободили всех пленных; жестокие палачи Росаса, окажись победа на их стороне, не стали бы подражать этому

великодушному поведению.

Неприятельский кавалерийский отряд, входивший в состав гарнизона, но отсутствовавший во время нашего нападения, возвращался в занятый нами Гуалегуайчу. Когда наши часовые дали знать о его приближении, я выслал вперед несколько хорошо экипированных всадников на лучших лошадях. В завязавшейся стычке наши кавалеристы обратили неприятеля в бегство. Этот небольшой успех сильно поднял дух наших людей и пробудил в них жажду к приключениям, тем более что они отважно сражались у всех на глазах. В бою один наш человек был тяжело ранен.

У места впадения Гуалегуайчу в Уругвай был полуостров, на котором проживала уже упомянутая семья. Этот полуостров сослужил нам прекрасную службу, позволив без всяких помех провести операцию, ибо в этих краях с воинственным населением местные жители очень быстро соединяются в кавалерийские отряды, действующие с удивительной подвижностью и отвагой.

Наши пехотинцы сели на мелкие суда, которые доставили их в это место. Кавалеристы двигались на отличных конях, захваченных у неприятеля, ведя за собой много других лошадей. Итак, наши силы соединились здесь.

Погрузка лошадей на суда и их выгрузка не были для нас чем-то новым, и в течение немногих дней все лошади были перевезены с материка частью на остров Бискаино, частью на другие острова в верховьях реки для того, чтобы их можно было использовать в последующих операциях.

Наши силы продвинулись дальше в глубь страны, вплоть до Пайсанду. За время этого похода не случилось почти ничего, заслуживающего упоминания. В Пайсанду находился весьма значительный гарнизон. Противник соорудил несколько батарей и в ряде мест фарватера затопил барки, чтобы преградить путь нашим судам. Однако все препятствия были преодолены, а в результате ожесточенного огня, открытого с вражеских батарей, в наши суда попало лишь несколько ядер и кое-кто был ранен.

Я хочу упомянуть о двух офицерах — французе и англичанине, которые, командуя двумя небольшими военными судами, плававшими под их национальными флагами, сопровождали нас в течение почти всей экспедиции и оказали мне очень большую поддержку, хотя имели инструкцию не принимать участия в боях. Имя английского лейтенанта, недолго остававшегося с нами, было Денч, а французской шхуной «Эклэр» командовал Ипполит Морье. С этим заслуженным офицером, находившимся вместе с нами на протяжении всей кампании, у меня установились самые дружеские отношения.

Мы прибыли в Эрвидеро, прекраснейшее селение, которое, однако, в ту пору было всеми покинуто и пустынно. Здесь оставалось еще множество скота, очень пригодившегося нам в течение всего того времени, которое мы пробыли там. Это селение, расположенное на левом берегу Уругвая, называлось Эрвидеро, от испанского слова hervir, что значит кипеть. И в самом деле, в этом месте, когда уровень воды понижался, река казалась кипящим котлом из-за водоворотов, возникавших от множества скрытых под водой скал, о которые непрерывно разбивалась стремительно несущаяся вода, что делало эту часть реки очень опасной.

Просторный дом с azotea, т. е. с плоской крышей, возвышался на вершине, господствовавшей на левом берегу реки, а рядом находилось множество ранчо (бараков с соломенными крышами), свидетельствовавшими о том, что в более спокойные времена хозяевам прекрасной эстансии принадлежала масса рабов.

Вокруг домов в поисках бежавших обитателей бродили ganados manso[133] и majada[134], которые достигали сорока тысяч голов. Эти нестриженные овцы волочили шерсть по земле, и когда они двигались по холмам, создавалось впечатление волнующегося моря. В неменьшем количестве был здесь, конечно, и рогатый скот, в том числе ganado chucro или alzado[135]. Добавьте к этому несметное число кобыл и жеребят, преимущественно диких, а также множество ослов, свиней, газелей и других четвероногих, и вы получите представление об этих громадных земельных владениях, называемых эстансиями, где могли бы жить в полном довольстве много семей и где не было ни единой души. Таковы были последствия междоусобных войн, на которые была обречена эта прекраснейшая и несчастная страна.

Эрвидеро в мирное время представляло собой saladero, т. е. хозяйство, где солили мясо, отправляя ежедневно на убой сотни животных. И не были ли страдания, обрушившиеся на местных жителей, расплатой за мучения, которым подвергались другие виды живых существ?

Я знаю, что смерть есть просто форма преобразования материи, к которой следует относиться спокойно, даже свыкнуться с ней. Но муки, которыми сопровождается переход из одного состояния в другое! Если природа может мстить, ее месть должна быть обращена на тех, кто прибегает к кострам, пыткам и иным средствам, причиняющим страдания любому живому существу!

Здесь имелись также строения, предназначенные для самых различных нужд этого громадного предприятия, так что оно

походило скорее на деревню с феодальным замком, чем на частное сельское владение.

В Эрвидеро экспедиция задержалась. Мы разместились в домах и возвели некоторые временные укрепления. Из-за того, что река здесь была мелководной, крупные суда не могли плыть дальше.

Анцани с Итальянским легионом, т. е. примерно с двумястами человек пехоты, разместился на эстансии, сделав указанные военные приготовления. Эти меры предосторожности оказались как нельзя более кстати и помогли отбить неожиданную атаку, предпринятую объединенными силами врагов провинции Энтре-Риос под командованием генерала Гарсона и Восточного государства под командованием полковника Лаваллеха. Нападение неприятеля произошло в то время, когда меня не было в Гервидеро, и сначала я расскажу о том, чем был вызван мой отъезд.

Среди прочих принятых им мер Хуан де ла Крус решил через некоторых своих людей предупредить всех матреро, находившихся в обширной степи на левом берегу Уругвая, и особенно матреро Кегуайя, где их было особенно много. Магалланес и Хосе Домингес, младшие командиры, были одними из самых известных матреро, добровольно подчинившихся главному командиру, Хосе Мунделю, о котором я уже говорил. Мундель был англичанин, но прибыв в эту страну ребенком, сжился с ее обитателями и перенял их обычаи; он управлял одной из лучших в округе эстансий. Это был один из тех немногих избранных людей, который явился на свет, чтобы без всякого принуждения повелевать всеми, кто бы ни оказался рядом с ним. Внешне ничем не примечательный, он отличался, однако, силой и ловкостью. Будучи человеком чрезвычайно великодушным и непринужденным в обращении, он покорял сердца всех и особенно матреро, при всякой возможности делая для них добро и стараясь умерить их чрезмерно авантюристические и порой жестокие нравы. Несмотря на то, что он провел большую часть жизни в пустынных степях, Мундель постарался развить свой ум и благодаря настойчивым занятиям приобрел недюжинные познания.

Он не вмешивался в политические дела до тех пор, пока их движущей силой было личное соперничество, вызванное притязаниями на власть президента и т. д.; но когда иноземцы под водительством Орибе вторглись на территорию республики, Мундель, считая преступлением оставаться безучастным, встал в ряды защитников страны, принявшей его ребенком и предоставившей ему приют.

Благодаря престижу, завоеванному им среди окрестных смельчаков, ему удалось в короткое время объединить несколько сот человек; как раз в эти дни он дал мне знать, что хочет присоединиться к нам со своими людьми. Славные ребята, посланные Хуаном де ла Крусом к Мунделю, прибыли в Эрвидеро с этой вестью, и я решил немедленно выступить навстречу Мунделю, чтобы, согласно его желанию, встретиться с ним в Арройо Мало, в тридцати милях ниже Сальто.

В ночь после моего выступления Эрвидеро подверглось нападению; когда в окрестностях Аррайо-Мало мы услышали канонаду, я оставался, разумеется, совершенно спокойным, ибо был уверен в мужестве и находчивости Анцани, на которого было возложено командование оставшимися силами.

Атака на Эрвидеро была задумана и подготовлена таким образом, что будь она осуществлена в соответствии с намеченным планом, ее исход мог бы оказаться для нас гибельным.

Гарсон, чьи силы достигали по меньшей мере двух тысяч человек, в основном пехоты, должен был приблизиться по правому берегу Уругвая, тогда как Лаваллеха с пятьюстами солдат намеревался атаковать Эрвидеро с левого берега.

Два брандера, построенные на небольшой реке Иуй, были одновременно направлены против нашей эскадры, чтобы помешать ей оказать помощь сухопутным войскам.

Однако смелость и хладнокровие Анцани в сочетании с отвагой двухсот бойцов свели на нет все усилия и хитрости противника. Гарсон, приказавший пехоте открыть плотный огонь, ничего не добился этим, так как правый берег находился слишком далеко и был совершенно не защищен от артиллерийского огня с наших судов, которые подвергли его обстрелу. Что касается брандеров, то, пущенные по течению, они проплыли в стороне от наших судов или были уничтожены орудийным огнем. Ничего не добился и Лаваллеха, бросивший своих пехотинцев против наших славных легионеров, которые заняли оборону в строениях; их молчание и суровость наводили испуг на неприятеля. Анцани приказал не стрелять до тех пор, пока неприятель был в азарте; и это оказалось весьма удачным решением, ибо противник, полагая, что наши солдаты покинули дома, подошел на очень близкое расстояние, и тогда наши открыли огонь со всех сторон; неприятель был обращен в бегство и потерял всякое желание возобновить приступ.

Договорившись с Мунделем о его вступлении в Сальто, когда он будет занят нами, я возвратился в Эрвидеро.

В это время я получил из Уругвая известие, что полковник Баэс намерен присоединиться ко мне с несколькими людьми.

Единственный военный корабль неприятеля, находившийся на Иуй, сдался нам с частью экипажа. Все это способствовало нашей операции.

Глава 42
Прибытие в Сальто
Победа при Тапеби[136]

Провинция Корриентес после сражения при Арройо-Гранде оказалась под властью Росаса; но достойное восхищения сопротивление Монтевидео и некоторые другие благоприятные обстоятельства побудили ее снова начать борьбу за независимость. Главные организаторы этой прекрасной революции, братья Мадарьяга, призвали из Монтевидео генерала Паса, возложив на него командование армией. Старому, заслуженному генералу, благодаря его славе и способностям, удалось склонить Парагвай к наступательному и оборонительному союзу, и это государство направило в Корриентес солидный контингент войск.

Таким образом, в этих краях события развивались превосходно и немаловажной целью нашей экспедиции было установить сообщение с внутренними провинциями и объединить в департаменте Сальто эмигрантов из Восточного государства, оказавшихся в Корриентесе и Бразилии.

В этой связи я послал из Эрвидеро балленеру[137] с поручением к генералу Пасу. Однако противник заметил судно и стал его преследовать, поэтому гребцы вынуждены были бросить барку и скрыться в лесу. Трижды нам пришлось повторять такую попытку, пока, наконец, один смельчак из числа наших офицеров-итальянцев, Джакомо Казелла, воспользовавшись резким подъемом воды в реке, сумел преодолеть все препятствия и пробраться в провинцию Корриентес. Благодаря этому подъему воды я прибыл с флотилией в Сальто. Этот город был занят тем самым Лаваллеха, который атаковал Эрвидеро; у него было до трехсот человек пехоты и кавалерии.

В течение нескольких дней он был занят тем, что эвакуировал из города жителей; примерно в 21 миле от Сальто, на левом берегу Тапеби он устроил для них (а также для своих войск) лагерь. Поэтому мы заняли город без сопротивления и приступили к постройке в нем некоторых укреплений, которые, как будет показано ниже, сослужили нам превосходную службу.

Заняв Сальто, мы оказались, естественно, отрезанными со стороны суши, поскольку вся местность к востоку находилась в руках неприятеля. И одной из наших главных трудностей была,

разумеется, нехватка мяса, так как весь скот был угнан в глубь страны. Нам долго приходилось испытывать вызванные этим трудности.

Мундель, собрав до ста пятидесяти человек, совершил нападение на неприятельский отряд, который преграждал ему путь, и присоединился к нам в Сальто[138]. С этого времени мы начали делать вылазки для захвата скота, который был нам необходим.

Благодаря кавалерии Мунделя и Хуана де ла Круса мы получали возможность начать боевые действия и в один прекрасный день выступить в поход, чтобы застигнуть Лаваллеха в его собственном лагере.

Несколько дезертиров подробно сообщили мне о позиции неприятеля и численности его сил, и я решил атаковать врага.

Однажды с наступлением темноты отряд из двухсот кавалеристов и ста легионеров выступил из Сальто с тем, чтобы еще до наступления дня внезапно напасть на противника.

Нашими проводниками были упомянутые дезертиры, и хотя они знали местность, мы все же сбились с пути, так как в избранном нами направлении не было торной дороги; поэтому рассвет застал нас на расстоянии трех миль от неприятельского лагеря.

Вероятно, было неосторожно атаковать противника, который, обладая? — по крайней мере такими же силами, как и мы, укрепился в своем лагере и вот-вот должен был получить вызванные им подкрепления. Но вернуться назад было бы не только позорно — это сильно поколебало бы дух недавно сформированных войск, которыми я командовал и которые высоко ставили мужество итальянцев.

В самом деле, меня мало занимали мысли об отступлении, и я решил, не останавливая движения вперед, атаковать неприятеля с тем, чтобы использовать момент внезапности. Поднявшись на холм, где находился неприятельский аванпост, который отступил при нашем приближении, я увидел лагерь противника и уяснил себе его позицию. Были видны группы всадников, которые с разных сторон стекались к лагерю. Это были отряды, высланные ночью в разных направлениях, чтобы выследить нас, ибо хотя все приготовления проводились с соблюдением секретности, неприятель все же пронюхал о нашей вылазке.

В лагерь сгонялись также табуны лошадей и стада быков, животных, которые имеют важнейшее значение, — первые в качестве ремонта для кавалерии, вторые — как единственное средство пропитания в этих степях.

Я немедленно приказал Мунделю, который составлял

авангард, бросить вперед половину своих сил, чтобы попытаться воспрепятствовать этому сосредоточению. Неприятель, заметив наш маневр, сделал то же самое, чтобы прикрыть свои силы, двигавшиеся к лагерю.

Мундель с большим умением выполнил этот маневр; поддерживая с остатком своих сил высланные вперед взводы, он настиг и рассеял несколько отрядов противника; но в пылу боя, не заметив большого расстояния, отделявшего его от нашей пехоты, Мундель выдвинулся чересчур далеко вперед, вследствие чего его отряд оказался в окружении всей неприятельской кавалерии, которая, оправившись от растерянности, бросилась на него с пиками наперевес, угрожая отрезать отряд Мунделя от наших основных сил, находившихся все еще далеко от места боя; сюда двигались наши пехотинцы, которые, будучи к счастью молодыми, бежали изо всех сил.

Я, конечно, видел все это, поскольку местность была открытой и мы спускались с холма. До этого, стремясь собрать воедино наши небольшие силы для нанесения решающего удара, я приказал ускорить движение пехоты, однако задержал отряд Хуана де ла Круса, который двигался в полном составе в арьергарде в качестве резерва.

Видя, что положение Мунделя не терпит никаких проволочек, я оставил пехоту позади под командой храброго Марроккетти и бросил вперед находившуюся в резерве кавалерию.

Первый ее эшелон под командованием лейтенанта Галлегоса отважно бросился на неприятеля и несколько поддержал наших кавалеристов. Под напором Хуана де ла Круса противник стал отступать, вернулся в лагерь и выстроился позади пехоты, укрывшейся за баррикадой из повозок.

Я приказал последним эшелонам нашей кавалерии двигаться в сомкнутом строю, сохраняя боевое построение; под их прикрытием мужественно сражавшиеся матреро Мунделя быстро восстановили порядок в своих рядах.

После этого мы двинулись к неприятельскому лагерю в настоящем боевом строю: в центре выступала повзводно пехота, получившая приказ не стрелять; на правом фланге — Мундель, на левом — Хуан де ла Крус, а резерв составляли несколько взводов кавалерии.

Как я уже сказал, неприятельская кавалерия после первой стычки расположилась позади пехоты, которая была прикрыта повозками. Но твердое поведение наших людей, двигавшихся в молчании в сомкнутом строю, настолько устрашили противника, что он оказал незначительное сопротивление. Спустя какое-то мгновение бой обернулся полным поражением противника,

который в совершенном беспорядке бросился бежать к переправе через Тапеби.

У этой переправы некоторые наиболее смелые из неприятельских солдат, после того как они перешли реку, решили организовать сопротивление (это было возможно, так как переправа была очень трудной) и им удалось остановить нашу кавалерию. Но наши легионеры по команде «патронташи на шею, вперед!» бросились в воду как демоны, после чего всякое сопротивление прекратилось.

Я никак не мог понять, почему полковник Лаваллеха разбил свой лагерь на левом берегу Тапеби, а не на правом, где, несомненно, можно было оказать значительно более упорное сопротивление, особенно соорудив несколько подвижных заграждений на самой переправе.

На левом берегу находился Сальто, и, возможно, старый и храбрый полковник не допускал того, что небольшое число моряков и неопытных солдат смогут пройти за ночь двадцать миль и затем вступить с ним в бой. Кроме того, зная о приближении победоносного войска Уркизы, Лаваллеха не предполагал, что мы будем способны покинуть Сальто. Остается фактом, что во время войны всегда уделяют недостаточное внимание мерам предосторожности.

Победа была полной. К нам в плен попала вся неприятельская пехота численностью до двухсот человек, а также несколько кавалеристов; кроме того у нас в руках оказались все семьи, которых оторвали от их очагов в Сальто, с обозом из 34 повозок с самыми различными припасами, также вывезенными из города, и, наконец, большое количество лошадей, представлявших для нас огромную ценность.

Среди захваченного самым редким и дорогим трофеем была бронзовая 6-дюймовая пушка, отлитая в средние века во Флоренции неким Ченни; вероятно, она попала на Ла-Плату вместе с появившимися здесь впервые испанцами или португальцами, во время открытия материка. Это была та самая пушка, которая вела по нам огонь из Эрвидеро и которая, после того как ее сбили во время ночного боя, ремонтировалась в лагере.

Наше возвращение в Сальто было триумфальным. Население, снова обретшее свои жилища, горячо благодарило нас. Этой победой мы заслужили высокую репутацию; наш небольшой десантный корпус, состоявший из трех родов войск, оказался способным одерживать победы.

Глава 43

Подход Уркизы

Дело при Тапеби было завершено с быстротой, которая только была возможна после боя; захватив столько лошадей, оружия и других полезных вещей, сколько позволяли наши возможности, мы двинулись обратно к Сальто. Такая поспешность оказалась очень своевременной, ибо неприятель, как я уже говорил, ожидал подкрепления, которое оказалось не чем иным, как победоносной армией генерала Уркизы, двигавшейся сюда после разгрома армии генерала Риберы при Индиа-муэрта. Уркиза направлялся в Корриентес, чтобы напасть на армию этой провинции. Вергара, составлявший авангард армии Уркизы, появился в виду Сальто на следующий день после нашего возвращения и захватил у нас несколько лошадей, которые паслись на окрестных пастбищах.

Предчувствуя, что над нами собирается гроза, мы сделали все возможное, чтобы встретить ее наготове. Батарея, возводившаяся Анцани в центре города, возникла, как по волшебству, на ее постройке, не щадя сил, работали солдаты и население.

Годные для обороны дома были укреплены, и все наши силы, солдаты, матросы, кавалеристы были расставлены вдоль оборонительного рубежа, каждый на подобающем ему месте. Сняв с судов несколько орудий, мы установили их на неподвижных лафетах на батарее.

В это время в Сальто прибыл полковник Баэс с шестьюдесятью кавалеристами.

Не заставил себя ждать и спесивый Уркиза, появившийся со своей армией, состоявшей из трех корпусов. Он пообещал своим друзьям, что переправится через Уругвай к Сальто, захватив суда нашей флотилии. Но его пророчество не оправдалось. Атака противника началась одновременно с подходом его главных сил. К востоку от Сальто, на расстоянии ружейного выстрела от первых домов, находился холм, который полностью доминировал над городом. Мы не смогли укрепить этот холм из-за нехватки сил, а также потому, что в таком случае линия обороны оказалась бы слишком растянутой. Поэтому вместо того, чтобы слабо укрепить этот холм, мы решили оставить его и сконцентрировать все наши силы на батарее и в крайних домах справа и слева от нее. Как и следовало ожидать, Уркиза занял позицию на этом холме и расположил там семь орудий. Двинув свою пехоту беглым шагом на наш правый фланг, неприятель одновременно открыл артиллерийский огонь.

Примерно в это время мы закончили установку двух орудий на батарее, но платформы и бруствера здесь не было, и орудия

после выстрелов погружались в земляную насыпь, которая не была еще утрамбована.

Наш правый фланг действительно был самым уязвимым местом, так как противник мог приблизиться сюда, используя в качестве прикрытия впадину в долине. Внезапное и стремительное появление значительных сил неприятеля ошеломило наши войска на правом фланге; бросив azoteas (дома с плоской крышей), они кинулись бежать к реке, намереваясь, по-видимому, укрыться на судах. Однако им не удалось сделать этого, потому что все наши лодки были предварительно отведены от берега, что оказалось чрезвычайно полезной мерой.

Я находился на батарее; в расположении наших сил я оставил в резерве роту Легиона, разместив ее позади. Половину этой роты во главе с храбрым лейтенантом Цаккарелло я немедленно двинул навстречу прорвавшемуся противнику. Затем в бой была послана и вторая половина роты. Наши люди сражались с таким мужеством, что неприятель, в свою очередь, был обращен в бегство.

Ротой, о которой идет речь, командовал капитан Кароне; в ней едва ли насчитывалось пятьдесят человек; командирами двух взводов роты были Раморино и Цаккарелло — храбрые офицеры и прекрасные воины.

Наш успех на правом фланге заставил неприятеля отказаться от всякой попытки предпринять штурм, и сражение ограничилось артиллерийской дуэлью, в которой мы не уступили неприятелю, хотя он застал нас неподготовленными, ибо мы не располагали для этого временем.

Я приказал снять с кораблей орудия, передав их под командование трех храбрых морских офицеров — Антонио Суцини и Леджеро Кольоло, уроженцев острова Мадалена, и Хосе Мариа. В результате, неприятельская артиллерия, превосходившая нашу в численном отношении и занимавшая более выгодную позицию, постоянно несла урон, что вынуждало ее время от времени укрываться за холмом.

Поскольку неприятель не предпринял общего штурма по всей линии обороны, потери с обеих сторон были незначительны. Мы потеряли большую часть рогатого скота, находившегося в загоне; скот был дикий, и когда неприятельские солдаты открыли решетку, все животные бросились наружу и разбежались по степи.

В течение трех дней Уркиза продолжал свои вылазки, и каждый день наталкивался на все более упорное сопротивление, ибо даже ночью мы не теряли времени, заканчивая работы на батарее, сооружая баррикады и поправляя причиненные за день повреждения. На батарее были установлены пять орудий,

закончено сооружение платформы, бруствера и порохового склада. Наконец, видя, что он ничего не может добиться с помощью атак и артиллерийского обстрела, неприятель прибегнул к блокаде, полностью изолировав нас со стороны суши. Но и эта мера принесла ему разочарование, так как мы были хозяевами на реке и могли получать водным путем необходимые нам съестные припасы. В течение восемнадцати дней, пока продолжалась осада, мы не оставались в бездействии. Вынужденные добывать сено для животных, мы ежедневно вступали в рукопашные бои с неприятелем. Поэтому, чтобы ограничить наши действия, он вынужден был окружить нас цепью постов, однако, пользуясь беспечностью неприятеля, мы совершали на эти посты внезапные нападения, нередко приносившие нам успех. Наконец, после восемнадцати дней осады, из-за усталости или из-за того, что в другую часть Уругвая его призывали более важные дела, Уркиза ушел от Сальто; ему пришлось переправиться через реку значительно выше этого селения и отнюдь не на судах нашей флотилии, как он обещал ранее.

Глава 44
Осада Сальто Ламосом и Вергара

Осаду продолжали вести две кавалерийские дивизии Ламоса и Вергара, насчитывавшие до семисот человек. С этого времени осаждавший нас неприятель держался лишь на значительном расстоянии, так что мы сделали несколько вылазок, захватывая то быков, то молодых лошадей, и пополняли ими нашу кавалерию, которая почти лишилась коней из-за бедствий, испытанных нами во время осады. Нужно сказать, что лошади в этих краях, когда они пасутся в степи, питаются в основном одной травой и лишь совсем немногие содержатся на зерне.

В эти дни наши войска провели замечательную операцию, необычную для нас, европейцев. Войсковой корпус Гарсона, расквартированный в Конкордии, что напротив Сальто, выступил на соединение с Уркизой, чтобы под его командованием двинуться на Корриентес. В Конкордии остался наблюдательный кавалерийский отряд. Из Сальто можно было видеть часовых этого отряда и cavallada[139], который днем приводили к берегу реки, потому что здесь были лучшие пастбища и удобное место для водопоя, а к ночи угоняли подальше от реки.

Полковник Баэс предложил мне завладеть этим табуном.

В один прекрасный день было подготовлено двадцать отборных всадников; они разделились, оставив при себе из

оружия только сабли; одновременно рота легионеров, распределенных по судам нашей флотилии, приготовилась сесть в лодки. Время приближалось к полудню, когда солнце особенно жаркое. Неприятельские часовые, устроив себе с помощью воткнутых в землю пик и панчо (плаща) укрытие, дремали или играли в карты. Река в том месте, где нашим предстояло переплыть ее, достигала пятисот метров в ширину, была очень глубокой и бурной.

По условленному сигналу кавалеристы вышли из-за кустов на берегу реки, где они прятались, и бросились в воду вместе со своими конями, без седел, с одними уздечками. Легионеры, которые один за другим уже сели в барки в таком месте, где их не мог обнаружить неприятель, изо всех сил налегли на весла. И когда неприятельские часовые заметили плывущие лодки, наши проворные ребята уже открыли по ним пальбу, а плавающие «центавры»[140] достигли берега и погнали неприятеля к холму.

Отважные американские кавалеристы — единственные, кто способен провести такую операцию. Прекрасно плавающие люди и кони, привыкшие переправляться через огромные реки, легко преодолевают большие расстояния; при этом люди держатся, как правило, одной рукой за гриву лошади, а другой гребут, а оружие и вещи плывут в pelota, сделанной из carona[141].

Часть раздетых кавалеристов осталась для наблюдения на холме, а другие тем временем стали собирать разбежавшихся лошадей и приводить или пригонять их к берегу; здесь, в месте, называвшемся гаванью, где животные привыкли сходиться на водопой, их загнали в реку, и большая часть лошадей самостоятельно переплыла ее, а более упрямых или особенно хороших лошадей привязали к баркам, которые тащили их за собой.

Между тем, легионеры обменялись несколькими выстрелами с неприятелем, который получил подкрепление, недостаточное, однако, для того, чтобы он осмелился напасть на нас; его люди держались на почтительном расстоянии из-за нескольких пушечных выстрелов, сделанных с наших судов.

Итак, не прошло и нескольких часов, как мы завладели более чем ста хорошими лошадьми; и никто из наших людей не был даже ранен.

Это было очень любопытное предприятие из-за его необычности, а также потому, что оно было осуществлено в открытом поле, вблизи города Сальто. К тому же, энтериосские лошади ценятся всеми весьма высоко, для чего есть достаточные основания. Захват этого табуна лошадей породил, естественно, желание прощупать осаждавшего нас неприятеля.

Вергара со своей дивизией располагался поблизости. Мы послали несколько человек, хорошо знавших местность, на разведку, и получили от них сведения о позиции противника. Совершить на него неожиданное нападение днем было невозможно. Нужно было атаковать его ночью.

Я поручил командование нашей кавалерией полковнику Баэсу; Анцани командовал пехотой. Мы вышли из Сальто с наступлением темноты и двинулись к неприятельскому лагерю, находившемуся на расстоянии примерно восьми миль. Как мы ни старались соблюдать тишину на марше, часовые на аванпостах услышали шум, поэтому Вергара успел вскочить на коня и начать отступление. Мы, не теряя времени, бросились вслед противнику. Удар нанесла наша кавалерия, ибо пехота, несмотря на все усилия, не смогла бы поспеть за ней на поле сражения.

Неприятель сражался с ожесточением, но раздался крик: «идет пехота!» и в рядах противника произошло замешательство, он дрогнул и обратился в бегство. Таков был престиж, завоеванный нашими немногочисленными, но героически сражавшимися пехотинцами.

Мы преследовали неприятеля на протяжении нескольких миль, однако из-за темноты нам не удалось извлечь выгоды из нашей победы. Было взято несколько пленных и захвачены лошади; число убитых и раненых с обеих сторон было незначительно.

Когда рассвело, мы едва узнали поле сражения, ибо ведя бой, все время продвигались вперед. Вдали виднелось лишь несколько групп противника. Полковник Баэс остался с кавалерией, чтобы преследовать их и собрать стадо скота. Мы же вернулись в Сальто.

Глава 45
Сант-Антонио

В это время (т. е. в начале 1846 г.) мы получили известие, что генерал Медина, назначенный правительством главнокомандующим регулярными войсками в отсутствие генерала Риберы, вместе с несколькими эмигрантами из Восточного государства, которые после поражения при Индиа-муэрта находились в Бразилии и в провинции Корриентес, должен присоединиться к нам в Сальто. Поражение, которое потерпел Вергара, хотя и дало нам преимущество, не принесло тех результатов, которых можно было ожидать, если бы мы напали на него внезапно. Ламос, находившийся не слишком далеко и занятый тем, что объезжал молодых лошадей, появился

при известии о поражении и помог Медине собрать людей. Оба они разбили лагерь в нескольких милях от Сальто и возобновили осаду, цель которой состояла главным образом в том, чтобы угонять подальше от нас скот, что удавалось им довольно успешно, учитывая их превосходство в кавалерии. Поскольку генерал Медина был назначен главнокомандующим, надлежало позаботиться о том, чтобы сделать безопасным его приезд в Сальто. Как я уже сказал, полковник Баэс принял командование нашей кавалерией и организовал ее как регулярную силу. Обладая незаурядным опытом в кавалерийском деле, он позаботился об увеличении числа лошадей и обеспечил город и войска мясом. Мундель и Хуан де ла Крус, находившиеся под его началом, в эти дни были откомандированы объезжать молодых лошадей.

Полковник Баэс, лучше известный генералу Медине, поддерживал с ним непосредственную связь. От Баэса я узнал, что Медина со своей небольшой группой должен появиться в виду Сальто 8 февраля. Мы условились, что я буду сопровождать его с пехотой.

На рассвете 8 февраля 1846 г. мы вышли из Сальто в направлении небольшой речки Сант-Антонио, на левом берегу которой мы должны были поджидать генерала Мединy и его эскорт. Анцани, который был немного нездоров, остался, к счастью, в Сальто.

Неприятель, как он обыкновенно делал, когда мы выходили в этом направлении, выдвинул на высоты справа от нас несколько кавалерийских групп, которые поочередно приближались, наблюдая за тем, не сгоняем ли мы скот, и стараясь тревожить нас. Против этих наблюдателей полковник Баэс выставил цепь стрелков из кавалеристов, которые в течение нескольких часов вольтижируя и ведя перестрелку, совершали налеты на неприятеля.

Наша пехота, поставив ружья в козлы, сделала привал невдалеке от речки, на возвышенности, называвшейся Навес дона Венансио, ибо здесь сохранились остатки одного из строений эстансии или солильни.

Я отделился от пехоты и наблюдал за кавалерийскими стычками. Мы привыкли к такого рода военным действиям, в которых опытность, ловкость и храбрость американского воина раскрываются с особым блеском, и для нас они стали развлечением. Но противник своими ложными атаками стремился скрыть приближение роя ос: его кавалеристы, участвовавшие в этой забаве, действовали вяло и неосмотрительно, чтобы тем самым полнее ввести нас в

заблуждение и дать время подходившим с тыла крупным силам приблизиться к полю боя.

Местность во всем департаменте Сальто холмистая, и долина Сант-Антонио также покрыта холмами, так что двигавшимся против нас главным силам неприятеля удалось — благодаря отвлекающим действиям кавалерии Ламоса и Вергара — подойти на очень близкое расстояние. Поднявшись на указанную позицию, я взглянул в другую сторону долины и увидел с изумлением, что прямо напротив нас из-за вершины ближнего холма, там, где до этого момента маячило лишь несколько неприятельских всадников, появился густой лес пик кавалерийских эскадронов, двигавшихся с развернутым знаменем, и отряд пехоты, по своей численности вдвое превосходивший нашу; приблизившись на расстояние двух ружейных выстрелов, пехотинцы спрыгнули с лошадей и, построившись для боя, под дробь барабана двинулись на нас беглым шагом в штыковую атаку.

Баэс, отряд которого был смят, крикнул мне: «Надо отступать!». Видя невозможность этого, я ответил ему: «У нас нет времени, нужно сражаться». Чтобы устранить или смягчить тяжелое впечатление, вызванное появлением столь внушительных сил противника, я сказал легионерам (и это было приятно слышать храбрым итальянцам): «Мы сразимся с кавалерией, ведь мы привыкли побеждать ее; сегодня против нас будет также немного пехоты».

Можно было обратиться в бегство и дать изрубить себя до последнего человека; но невозможно было отступать семь миль со 180 пехотинцами, если вас преследовали 300 человек отборной неприятельской пехоты, которая шла с примкнутыми штыками, и от 900 до 1200 лучших в мире кавалеристов. Призыв к отступлению в подобных обстоятельствах следует осудить как проявление трусости! Нужно было сражаться, и мы сражались как люди, которые предпочитают позору достойную смерть!

Навес, у которого мы расположились, сохранил несколько столбов, служивших для укрепления стен старого деревянного строения. У основания каждого из них встало по легионеру, а остальные, образовав три небольших взвода, выстроились в колонну позади навеса. Кирпичная стена в северной части этого строения, образовавшая нечто вроде комнаты, которая вмещала до тридцати человек, прикрывала почти полностью головную часть нашей маленькой колонны.

Справа от пехоты заняла позицию кавалерия Баэса. Вооруженные карабинами всадники спешились, передав коней тем, кто был вооружен копьями. Всего у нас было сто кавалеристов и сто восемьдесят шесть легионеров. У противника

было девятьсот всадников (кое-кто с уверенностью утверждал, что численность неприятельской кавалерии достигает 1200 человек) и триста пехотинцев.

У нас был единственный путь к спасению — отбросить и разгромить пехоту противника. Я был убежден в этом и постарался сосредоточить все наши усилия на достижении этой цели.

Если бы вместо того, чтобы атаковать растянутой боевой линией, неприятельская пехота двинулась бы на нас, не стреляя в атакующей колонне, имея впереди себя стрелков, ее натиск, я убежден в этом, оказался бы неотразимым. В штыковой атаке нас перебили бы всех до одного, ибо нельзя было ожидать пощады от такого противника; вступив же в схватку, мы погибли бы под копытами неприятельской кавалерии, которая как туча двигалась позади пехоты. В долине Сант-Антонио и по сей день белели бы кости итальянцев, и родине пришлось бы оплакивать гибель горстки своих доблестных сынов, ни одному из которых не было бы суждено рассказать об этом.

Однако неприятельская пехота смело двинулась вперед, растянувшись цепью; подойдя на близкое расстояние, солдаты остановились, чтобы дать залп. В этом было наше спасение! Легионеры получили приказ подпустить неприятеля вплотную; так они и сделали, и наш залп оказался убийственным. Правда, многие из наших также пали под пулями неприятеля, но зато почти никто из легионеров не потратил заряда впустую. И когда храбрый Марроккетти, командовавший тремя взводами резерва, вышел из-за укрытия и его бойцы бросились в атаку, неприятельская пехота, уже изрядно поредевшая, повернула фронт и обратилась в бегство, подгоняемая нашими штыками.

При виде такой массы неприятельских войск, в наших рядах на мгновение также возникло замешательство и беспорядок. Некоторые чернокожие, захваченные в плен при Тапеби и находившиеся среди нас, и, вероятно, еще кое-кто, не веря в возможность защиты, стали тщетно высматривать путь к спасению. Но те храбрецы, которые бросились на неприятеля как львы, были прекрасны в своей доблести и славе!

С того момента, когда я все свое внимание сосредоточил на неприятельской пехоте, я больше не замечал полковника Баэса и нашу кавалерию. Они обратились в бегство! Это обстоятельство также в немалой степени обескуражило слабых. С нами оставалось всего пять или шесть кавалеристов, которых я отдал под начало храброго риу-грандийского офицера Хосе Мариа.

Поражение неприятельской пехоты укрепило во мне надежду на спасение. Мы использовали передышку, которую предоставил

нам ошеломленный противник, чтобы навести порядок в своих рядах. Неприятель не без основания рассчитывал полностью уничтожить нас — но он просчитался.

На трупах неприятельских солдат, оставшихся в нашем расположении, и особенно на том рубеже, где они остановились, чтобы открыть по нам залповый огонь, мы нашли большое количество патронов. Много ружей лучшего качества, чем наши, оставшиеся от убитых или тяжелораненых, были использованы для вооружения наших солдат и офицеров.

Потерпев неудачу при первой попытке, неприятель снова возобновил свои атаки. Против нас было брошено большое число спешившихся драгун, остатки пехоты и такое количество кавалерии, что от топота копыт дрожала земля. Неприятель стремился во что бы то ни стало посеять среди нас смятение. Но это уже было невозможно. Наши воины осознали, что их святой долг состоит в том, чтобы отстаивать в сражении свою честь; они прониклись убеждением, что смелость и хладнокровие помогут разбить противника, как бы ни были велики его силы. Когда неприятель предпринимал атаку, я всегда держал наготове несколько лучших легионеров и тех немногих всадников, которые остались с нами; с этими людьми я, в свою очередь, каждый раз контратаковал неприятеля.

Несколько раз к нам пытался приблизиться парламентер с белым флагом, очевидно, чтобы узнать, не намерены ли мы сдаться. В таком случае я отбирал наших лучших стрелков и отдавал им приказ стрелять до тех пор, пока посланный не убирался восвояси.

Сражение, начавшееся в час пополудни, продолжалось таким образом до 9 часов вечера. Вокруг нас были горы трупов. Около 9 часов мы сделали приготовления к отступлению. Многие наши люди были ранены, их оказалось больше, чем оставшихся невредимыми. Ранены были почти все офицеры — Маррокжетти, Казана, Самки, Рамюрино, Роди, Берутти, Цаккарелло, Амеро и другие; лишь Кароне и Траверсо не получили ран.

Трудным и мучительным делом оказалась перевозка тяжелораненых; часть их везли на брошенных лошадях, другие, сохранившие способность передвигаться, шли поддерживаемые товарищами. После того, как все было сделано для удобства раненых, остальные разделились на четыре взвода, и в то время, как люди выстраивались в ряды, им приходилось ложиться на землю, чтобы оградить себя от непрерывного ружейного огня противника. Несколько указаний о порядке движения, и отступление началось.

Отступление этой горстки людей являло собой прекрасное

зрелище! Мы шли сомкнутой колонной, окруженной тучей лучших в мире кавалеристов. Был дан приказ, разрешавший стрелять только в упор, пока мы не достигнем опушки леса, покрывавшего левый берег реки Уругвай. Я приказал также, чтобы раненые были перемещены в авангард, ибо следовало ожидать, что противник будет атаковать наш арьергард и фланги. Но как заставить бедных страдальцев соблюдать строй? Они несколько нарушили порядок движения и, помнится, один или двое из них поплатились за это жизнью. Остальных, а их было немало, удалось спасти.

Я с гордостью вспоминаю маленькую колонну, которая заслуживала восхищения! Она двигалась вперед, ощетинившись штыками, и достигла назначенного пункта такой же сомкнутой, какой начала свой путь.

Напрасно противник, напрягая все свои усилия, атаковал колонну то с той, то с другой стороны, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть нас. Тщетно! Когда неприятельские кавалеристы, вооруженные пиками, приближались, чтобы поразить ими наших людей, мы отбивались только штыками и в еще более строгом строю продолжали движение.

Стой! И все несколько раз поворачивались кругом, когда неприятель наседал с особой силой, и отгоняли его несколькими выстрелами. Только достигнув опушки леса, мы смогли действовать более свободно и, обстреляв противника более плотным огнем, отбросили его.

В этот день одно из самых больших страданий нам причиняла жажда. Особенно плохо пришлось раненым, которые пили собственную урину. Можно себе представить, с каким нетерпением люди бросились к воде, когда мы достигли берега реки. Часть бойцов утоляла жажду, а другие старались не допустить приближения противника.

Блестящий успех нашего первого отступления позволил нам действовать в дальнейшем с большей уверенностью.

Мы развернули в цепь берсальеров для прикрытия левого фланга, которому вплоть до нашего вступления в Сальто постоянно угрожал неприятель, и таким образом двигались вдоль берега реки.

При нападениях неприятеля, который не прекращал своих атак, раздраженный тем, что от него ускользает добыча, которую он наверняка считал своею, следовала команда: «Стой!», после чего наши люди, совершенно воспрянув духом и возгордясь достигнутым успехом, кричали по-испански врагу: «Ah che по?»[142] и, обращая его в бегство залпами, насмехались над ним.

Ожидавший нас у входа в город Анцани, взволнованный до

слез, хотел обнять каждого. Этот несравненный, скромный воин не поддался отчаянию. Он сам уверил меня в этом. Но каким тяжелым был бой и какое превосходство в силах было у неприятеля! Анцани собрал в крепости немногих оставшихся, в большинстве своем выздоравливавших от ран; на предложения сдаться он отвечал как Пьетро Микка[143] при осаде Турина, и подобно Пьетро Микка он скорее взорвал бы себя, чем сдался!

Во время сражения, неприятель, полагаясь на явное превосходство своих сил, побуждал к сдаче и нас, и находившегося в Сальто Анцани. Я уже рассказал о том, как мы ответили неприятелю на поле сражения. Еще более внушительный ответ дал Анцани, стоявший наготове с фитилем в руке. Любой менее твердый человек, чем он, был бы смущен, услышав уверения не только неприятеля, но и самого Баэса и его людей о том, что на поле боя все потеряно и что видели, как я упал (так и было в действительности, но это произошло только потому, что подо мной была убита лошадь). Однако Анцани не поддался отчаянию! Я специально указываю на этот факт и призываю помнить о нем тех моих сограждан, которые не раз отчаивались спасти Италию. Конечно, таких, как Анцани, немного. Но тот, кто поддается отчаянию, — трус! И мы дали достаточные доказательства того, что никогда не теряем надежду на полное освобождение нашей родины, несмотря на черные дела предателей, постоянно готовых торговать ею, и на чванливых соседей, привыкших уже столько раз заключать с ними сделки![144]

Анцани своим героическим поведением спас все, и благодаря ему мы смогли с триумфом вернуться в Сальто.

Мы вступили в город около полуночи. Разумеется, никто из населения и гарнизона в этот час не спал, и великодушные жители Сальто вышли на улицы, чтобы разузнать о раненых, поспешить им навстречу и проводить к себе домой, чтобы оказать им всю необходимую помощь и окружить их заботой. Бедные люди! Сколько им пришлось перенести из-за непрекращающейся войны! Я всегда буду вспоминать вас с чувством глубокой благодарности.

В этом сражении мы понесли ощутимый урон; потери же противника были огромны. Генерал Сервандо Гомес, командующий неприятельскими войсками, который столь искусно совершил внезапное нападение на нас и чуть было не уничтожил, исчез в 9 часов, уводя потрепанную дивизию к Пайсанду, откуда она пришла. Неприятель уносил с собой большое число раненых, а покинутая им долина Сант-Антонио была покрыта трупами его солдат.

Весь день 9 февраля ушел на оказание помощи нашим раненым, а также раненым неприятеля, которые не смогли уйти. Два хирурга-француза оказали нам чрезвычайно большие услуги в лечении: врач с «Эклэра», молодой, старательный и способный человек (я забыл его имя), и другой молодой человек, принадлежавший к той же нации, Дерозо, который некоторое время был с нашим Легионом и в тот день сражался как воин; оба они усердно потрудились, оказывая помощь раненым.

Но больше всего нашим страдальцам помог нежный уход великодушных жителей Сальто.

Последующие дни были посвящены погребению мертвых. Я полагал, что похороны убитых должны быть торжественными из-за необычного характера сражения; мне вспомнились виденные мною могильные холмы на полях сражений в Риу-Гранди. И вот на холме, господствующем над Сальто и послужившем местом славных схваток, была выкопана могила, в которую поместили тела всех без различия; затем останки каждого, друга и неприятеля, были засыпаны корзиной земли, и над могилой поднялся холм, хорошо видный каждому; он увенчан крестом, на котором можно прочесть следующие слова: «Итальянский легион, флот и кавалерия Восточной республики»; на другой стороне: «8 февраля 1846 г.»[145]

Имена храбрых воинов, убитых и раненных в славной битве, записаны в журнале Легиона, который вел Анцани. Генерал Медина смог беспрепятственно вступить со своим эскортом в Сальто, где он взял на себя верховное командование, принадлежавшее ему до революции[146], совершенной в Монтевидео сторонниками Риберы. В течение всего этого периода ничего важного не произошло.

Глава 46
Революция в Монтевидео и Корриентесе
Сражение при Даймане (20 мая 1846 г.)

Переворот в Монтевидео, совершенный в пользу Риберы, нанес ужасный удар делу республики. Война перестала быть национальной и свелась к низкому соперничеству клик, возглавлявшихся, как правило, случайными людьми, выскочками, ибо достойный человек не станет из-за личных интересов ввергать свою страну в длительную и пагубную междоусобную войну.

Примерно в то же время братья Мадарьяга совершили переворот в Корриентесе, направленный против доблестного, заслуженного генерала Паса. Эти молодые военачальники, которые прославили себя изумительными делами, освободив свою родину от ненавистного господства Росаса, движимые честолюбием и жаждой власти, запятнали себя участием в самом гнусном заговоре, имевшем гибельные последствия для их страны.

Генерал Пас был вынужден оставить корриентинскую армию и удалиться в Бразилию. Парагвай отозвал свою армию после отъезда генерала, пользовавшегося его доверием, и братья Мадарьяга, которые располагали теперь только собственными силами, были наголову разбиты Уркизой, после чего Корриентес снова оказался под властью жестокого диктатора Буэнос-Айреса.

Положение дел в Монтевидео было ничуть не лучше. Снова поставленный у власти своими приверженцами Рибера устранял каждого, кто его не поддерживал. В изгнание отправилась большая часть тех, кто, движимый бескорыстной любовью к родине, проявил мужество, участвуя в замечательной обороне Монтевидео. Другие были смещены с должностей, которые они с честью занимали, и заменены неспособными, но преданными Рибере людьми. В Монтевидео, этом городе, творившем чудеса, Рибера, потерявший две армии, собрал новые войска, которые он перебросил к Лас Ваккас, на левом берегу Уругвая. Солдаты Монтевидео, привыкшие побеждать, доказали это в первых же боях с неприятелем. При Мерседес они совершили подлинные чудеса храбрости. Но злой гений, который привел Риберу к Арройо-Гранде и Индиа-муэрта, увлек его к Пайсанду, где после первоначального успеха армия Риберы была полностью разбита. Из Мальдонадо он снова отправился в изгнание в Бразилию — и не знаю, был ли он более несчастен или виновен.

Переход правительства Монтевидео в руки Риберы опечалил

меня, ибо я предвидел несчастье. Старый генерал Медина, в отсутствие Риберы назначенный правительством главнокомандующим, не только принял совершившееся; чтобы добиться большей милости нового хозяина, он начал ткать интриги против моей скромной личности — быть может, из зависти к тому немногому, что мы совершили благодаря сопутствовавшей нам удаче, и подготовил в самом нашем лагере мятеж против los gringos[147] с целью перебить всех нас до единого. Но он просчитался.

Итальянцы и риу-грандийцы, я говорю это с гордостью, любили меня, и я мог бы, не боясь никого, действовать независимо от новой незаконной власти; но для меня дело этого несчастного, но прекрасного и великодушного народа было слишком священно, чтобы я стал причинять ему еще огорчения внутренними раздорами.

В Монтевидео захват власти Риберой сопровождался кровопролитием. В Сальто был задуман тот же фарс, но он не удался. В виде наказания я ограничился тем, что принял на себя, как и раньше, командование войсками.

В то время у нас произошло замечательное сражение с дивизиями[148] Ламоса и Вергара, которые по-прежнему осаждали город, хотя и держались на значительном расстоянии. 20 мая 1846 г. мы, совершив по обыкновению ночной марш, внезапно напали на эти силы неприятеля на берегу Даймана, одного из притоков Уругвая. Неприятельские войска после сражения три Сант-Антонио, где они действовали под командованием Сервандо Гомеса, были переформированы, пополнены людьми и лошадьми, после чего вновь заняли прежние позиции, кольцом охватывавшие Сальто; при этом они меняли места расположения лагеря, но неизменно разбивали его приблизительно на расстоянии одного перехода пехоты, так как только она одна могла внушить им страх, поскольку наша кавалерия была слишком немногочисленной и не имела хороших лошадей. Неприятель не переставал тревожить нас, используя для этого каждый удобный случай, особенно когда мы делали вылазки для захвата скота, который противник старался отогнать как можно дальше.

Майор Домингес, посланный генералом Медина, чтобы пригнать стадо коров, был полностью разбит, потерял всех лошадей и несколько человек, а остальным пришлось спасаться в лесах на левом берегу реки.

Я приказал разведать позицию противника, и ночью 19 мая мы двинулись, чтобы напасть на него. У меня было триста человек кавалерии и около ста легионеров (священный батальон — бедные ребята потеряли столько товарищей!). Моей

целью было захватить врасплох неприятельский лагерь на рассвете, что нам полностью удалось на этот раз. Моим проводником (bagucano) был капитан Паоло, коренной американец, т. е. принадлежавший к той несчастной расе, которая до вторжения европейских разбойников была властительницей Нового Света; люди этой расы всегда сохраняют своеобразные обычаи своих родных степей. Наша пехота передвигалась верхом. Мы двигались всю ночь, пройдя двадцать с лишним миль, и перед рассветом перед нами возникли огни неприятельского лагеря на правом берегу Даймана. Пехота спешилась и, двигаясь колонной, не стреляя, решительно атаковала неприятеля.

Победа оказалась чрезвычайно легкой, и люди Вергара, в лагерь которого мы ворвались, кинулись в реку, побросав оружие и лошадей; несколько человек было захвачено в плен. Однако до полного успеха было еще далеко, и это стало ясно с наступлением дня.

Лагерь Ламоса отделяла от лагеря Вергара небольшая река, впадавшая в тот же Дайман; услышав, что на лагерь Вергара совершено нападение, Ламос приказал своим людям занять позицию на высотах, господствующих над долиной. Вергара с большой частью своих солдат удалось перейти реку и соединиться с Ламосом. Это были смелые, закаленные люди, готовые ко всем превратностям войны, ко всем изменениям в хорошую или дурную сторону. Взяв в брошенном противником лагере всех годных лошадей, мы начали преследование неприятеля, однако оно оказалось неудачным. Большая часть наших кавалеристов ехала на rodomons, лишь недавно объезженных лошадях. У неприятеля же лошади были значительно лучше и в большем количестве. Поэтому я решил не бросать нашу молодую кавалерию в рискованные предприятия без поддержки закаленных воинов — легионеров. Итак, пришлось прервать бесполезное преследование неприятеля и, ограничившись достигнутым, направиться в Сальто. Однако в этот день судьба решила обойтись с нами крайне милостиво.

Мы двигались к Сальто в следующем порядке: впереди повзводно эскадрон кавалерии, в центре, разбившись на четыре отряда, шла в колонне пехота, а в арьергарде, также в колонне, двигалась остальная кавалерия.

Авангардом командовал полковник Чентурионе, центром — майор Кароне, арьергардом — полковник Гарсиа.

Две сильные кавалерийские цепи под командованием майоров Карбалло и Н. Фаусто прикрывали наш правый фланг, со стороны которого находился неприятель. Слева двигались табун захваченных лошадей и кони пехотинцев.

Противник перегруппировал и сконцентрировал все свои весьма многочисленные подразделения, участвовавшие в осаде Сальто, хотя они и находились в отдалении; в результате численность его войск выросла до пятисот человек кавалерии. Зная нашу силу, неприятель следовал невдалеке на правом фланге, параллельно нашему движению, всем своим видом показывая, что он намерен отомстить за внезапное ночное нападение. Я поручил командовать кавалерией отважному полковнику Калисто Чентурионе. Пехотой командовал наш Кароне, которому я предложил любой ценой сохранить ее сплоченность, а в атаке всегда действовать сомкнутой колонной; я сказал также, чтобы перемены фронта производились не захождением, а поворотами — направо, налево или кругом. Для Чентурионе пехота должна была служить не только средством поддержки, но и прикрытием, с тем чтобы можно было всегда вмешаться в происходящее. По мере того, как с подходом подкреплений силы противника увеличивались, он все более смелел.

Мы шли через прекраснейшие холмы, примерно в двух милях от берега Даймана. Ярко-зеленая молодая трава, только что показавшаяся из земли, колыхалась как океан во всем его мирном величии, когда на нем не бушует буря. Ни единое деревцо или куст не нарушали покоя этих прекраснейших долин. Эта благословенная местность могла послужить для пикника, но в тот день здесь было побоище.

Мы достигли ручья, где maciega[149] достигала высоты человеческого роста; мне не хотелось переходить ручей, так как для этого пришлось бы развернуть нашу маленькую колонну и переправляться через него по одному, в то время как за холмом, что был справа от нас, укрылись крупные силы неприятеля, хотя на его вершине виднелась лишь цепь вольтижировщиков. Я правильно решил встретить атакующих в этом месте и отдал приказ остановиться здесь. Двум храбрым офицерам, майорам Карбалло и Фаусто, я приказал напасть на неприятельскую цепь, отбросить ее за холм и донести мне о расположении противника.

Смело атаковав неприятельскую цепь и оттеснив ее за вершину холма, наши люди остановились, после чего прискакавший галопом адъютант донес мне, что противник разворачивается влево и движется на нас на рыси со всеми своими силами в боевом строю.

Нельзя было терять время. Наши кавалерийские взводы, находившиеся на флангах, развернулись вправо и немедленно были усилены нашими вновь сосредоточившимися цепями. Пехота совершила поворот направо и в строгом строю двинулась

на неприятеля. Когда наши боевые порядки достигли вершины холма, в рядах неприятеля раздался пистолетный выстрел, и они двинулись на нас. Здесь я увидел, как неприятель совершает перестроение от центра к флангам, на которое, полагаю, способна только американская кавалерия; этот маневр показал, с каким опытным в военном деле противником нам предстояло иметь дело. Не желая входить в соприкосновение с нашей пехотой, которую он боялся, противник раскрыл свой центр, так что его взводы, двигавшиеся справа, стали поворачивать к правому флангу, а двигавшиеся слева — к левому, образовав, таким образом, полукруг; произведя этот маневр на галопе, они ринулись на оба наших фланга и смяли бы их, если бы наши взводы не произвели перемену фронта и одновременно не начали атаку.

Заметив неприятеля, я тотчас же, пока не ослабел порыв, отдал приказ о фронтальной атаке. Но в результате всех этих маневров первоначально столкнулась одна лишь кавалерия, и как и следовало ожидать, дело обернулось не в пользу наших кавалеристов, так как их было меньше, и кони у них были хуже.

Пехота оказалась на время изолированной и бесполезной. Однако, находясь в центре сражения и то застывая в сомкнутом строю, наподобие маленькой крепости, то двигаясь со всей возможной поспешностью туда, где кипела особенно жаркая схватка, она много раз служила как бы бастионом, под прикрытием которого могли перегруппироваться рассеянные силы наших кавалеристов, которые, хотя и были потрепаны неприятелем, сражались как львы, приводя себя затем в порядок под нашим прикрытием.

Наш маленький кавалерийский резерв, оставшийся охранять табун лошадей, сконцентрировавшись рядом с пехотой, также немало способствовал перегруппировке наших разбитых взводов.

Кавалерия обеих сторон предприняла много атак, имевших переменный успех. Взводы то двигались вперед в сомкнутом строю, то отступали в беспорядке. Не знаю, с чьей стороны было проявлено больше мужества.

Неприятель, у которого лошадей было больше и они были лучше, гнал наших всадников на пехоту и часто скрещивал свои пики с нашими штыками. Наши кавалеристы, выстраиваясь снова при поддержке пехотинцев, далеко отбрасывали неприятеля, сражаясь врукопашную.

Как прекрасны были в этот день молодые итальянцы! Действуя с необычайной стойкостью и проворством, они поспевали всюду, где требовалось их присутствие, находясь, естественно, всегда в самой гуще сражения, и каждый раз

обращали в бегство неприятеля, преследовавшего их товарищей-кавалеристов. Очень редкие, но точные выстрелы, поражая солдат противника, пробивали бреши в его рядах.

Наконец, из-за бесконечных атак, боевой порядок неприятеля оказался совершенно расстроенным, так что его войска превратились в бесформенную толпу. Напротив, нашим бойцам, благодаря поддержке пехоты, всякий раз удавалось легко производить перегруппировку.

Таким образом сражение продолжалось около получаса, после чего наши бойцы, не встречая больше организованных сил противника, соединились в несколько монолитных взводов и бросились в решительную атаку. Противник дрогнул, пришел в полное замешательство и обратился в бегство. Тогда в воздух поднялась туча «болас»[150] и начался занятный спектакль, если только занятным может быть какое бы то ни было побоище.

Я считаю, что американский солдат-кавалерист не уступает никому в любом виде боя. И я полагаю, что ему нет равных в умении преследовать разбитого неприятеля и захватывать его в плен. Американский кавалерист — это настоящий центавр, чье стремительное движение не может остановить ни одно препятствие. Если дерево мешает проехать прямо, он пригибается к спине своего скакуна и проскальзывает лежа на нем. Если на пути оказывается река, американец устремляется в воду, держа оружие в зубах, и поражает неприятеля посреди потока. Кроме болас при нем всегда страшный нож, неразлучный товарищ всей его жизни, с которым он обращается с исключительным проворством, быть может даже несколько чрезмерным.

Несчастная участь ожидает неприятеля, которому, из-за того, что его усталый конь оказался bolleado — заарканенным, не удастся ускользнуть от ножа преследователя. Тот соскакивает с коня, перерезает этим ножом горло упавшего и снова несется вперед, чтобы догнать других; мне нужно больше времени, чтобы описать все это. Причиной того, что с такой легкостью совершается убийство, служит, по всей вероятности, неизменный обычай употреблять в пищу только мясо и каждый день резать скот. Под влиянием таких привычек эти не знающие страха люди ввязываются даже после одержанной победы в такие стычки, которые вызывают ужас.

Один из таких боев разыгрался недалеко от меня между неприятельским солдатом, под которым убило коня, и нашими людьми. Упав с коня, он стоя стал сражаться с теми, кто вынудил его спешиться, и ему пришлось плохо, когда подошел другой из победителей, а затем еще один. В конце концов этот храбрец бился против шести человек и к тому же стоя на коленях, ибо он

был ранен в бедро; я подбежал, чтобы спасти жизнь такому человеку, но было уже слишком поздно.

Наша победа была полной; мы преследовали наголову разбитого противника на расстоянии нескольких миль. Однако эта победа не принесла тех реальных результатов, каких следовало ожидать, ибо из-за того, что у нас не было хороших лошадей, многим солдатам противника удалось спастись. И все-таки, за все время, проведенное нами в Сальто, для нас было большим удовлетворением видеть это отступление неприятеля.

Я рассказал несколько пространно о сражении 20 мая, так как оно было действительно замечательно и достойно того, чтобы им гордиться. Оно произошло в чудесной местности, на равнине, там, где климат и небо напоминали нам нашу прекрасную родину. Были отчетливо видны любое наше передвижение, любой наш маневр против воинственного противника, который имел значительно больше отличных лошадей — главного средства в этом виде войны. Происходили одиночные и массовые стычки в конном строю, в которых обе стороны соперничали друг с другом в храбрости. Хотя наша кавалерия значительно уступала неприятельской, она творила в этот день настоящие чудеса. Что касается пехоты, то я приведу слова майора Карбалло, который был вместе с нами при Сант-Антонио и Даймане. Сражаясь в обоих случаях как храбрец, каким он и был в действительности, Карбалло получил в каждом сражении по пулевому ранению в лицо совершенно симметрично — в правую и левую щеки, в двух пальцах ниже глаз. Карбалло был ранен в начале сражения и не захотел покинуть поле боя. К концу его он попросил у меня разрешения отправиться в Сальто, чтобы получить там медицинскую помощь.

Когда он проезжал мимо городской батареи и его спросили, чем закончилось сражение, он коротко ответил (так как не мог много говорить): «Итальянская пехота стоит тверже, чем ваша батарея».

Я горячо желаю, чтобы этот рассказ глубоко запал в душу наших молодых итальянцев, которым, надо полагать, предстоит еще, к несчастью, помериться силами с нашими спесивыми соседями; и чтобы там ни было и какими бы надеждами себя ни тешить, нужно помнить о том, что по вине правительства и священников мы еще очень далеки от обладания материальной и моральной силой, необходимой для того, чтобы должным образом сразиться с могущественными захватчиками.

«Кавалерия, кавалерия!», — пришлось мне слышать крик наших ребят, которые — стыдно сказать об этом — бросали оружие и обращались в бегство, устрашенные воображаемой

опасностью. Кавалерия! Но при Сант-Антонио и Даймане итальянцы смеялись над лучшей в мире кавалерией; и надо учесть, что у нас были плохие кремневые ружья! Как же можно сражаться сегодня, имея столь усовершенствованное оружие!

По части кавалерии мы уступаем всем соседним нациям, которые привыкли попирать наши права и которые все еще пытаются осуществить лелеемые ими против нас захватнические планы. Не принижая роли кавалерии, значение которой чрезвычайно важно в некоторые моменты войны, следует приучить наших молодых воинов к мысли (и заставить поверить в нее), что пехота никогда не должна бояться кавалерии.

Представим себе роту, подобную той, которая сражалась при Даймане: сто бойцов, стоящих вплотную друг к другу и занимающих десять квадратных метров. Как ни была многочисленна неприятельская кавалерия, едва лишь пять кавалеристов смогли бы атаковать по фронту каждую из сторон каре[151], при этом огонь могли бы вести две шеренги, т. е. двадцать солдат. Следует предположить, что там, где пехота не даст себя запугать, пяти или десяти атакующим кавалеристам никогда не удастся приблизиться настолько, чтобы скрестить свои сабли со штыками, — учитывая ту степень совершенства, которой достигло современное пехотное оружие.

Глава 47
Некоторые убитые и раненые из Итальянского легиона

Как я уже сказал, в журнал Итальянского легиона, который вел а Монтевидео Анцани, занесены имена убитых, раненых и отличившихся в различных сражениях, в которых пришлось участвовать Легиону. Тем не менее, нелишне будет упомянуть некоторых из моих отважных братьев по оружию, чьи имена я запомнил.

В боях, которые вел Итальянский легион во время кампании на Уругвае, были убиты:

Бадано (лигурийский сержант), самый прекрасный, самый отважный из воинов Легиона. Никто не отличился так, как он, во многих сражениях, и особенно при Сант-Антонио. При нашем возвращении в Монтевидео он испросил разрешения временно вернуться в Сальто, где его застало новое нападение на этот город, совершенное Сервандо Гомесом, генералом из армии Орибе. Бадано не мог остаться в стороне, когда шел бой. Сражаясь с подобающей ему храбростью, он погиб, дорого продав свою жизнь.

Санто Н., пьемонтский капрал, не уступавший в смелости Бадано. В начале сражения у Сант-Антонио он был поражен тремя пулями, пробившими ему обе ноги и изуродовавшими лицо. Я помог ему сесть на коня и отправил его с провожатым, но он не достиг Сальто. На следующий день его труп был обнаружен в Уругвае.

Алессандро, венецианец, отличный солдат и моряк, погиб при Сант-Антонио.

Ребелла Луиджи, отважный воин, убит у Сант-Антонио.

Аццалино, лигуриец, отважный сержант, умер в Сальто от ран, полученных при Сант-Антонио.

Берутти, храбрый сержант, умер в Сальто от ран, полученных у Сант-Антонио.

Луиджи Виченте, лигуриец (все они были храбрецы). Умер в Сальто от раны, полученной у Сант-Антонио.

Антонио, прозванный «тридцать один», лигуриец участвовал в сражении при Сант-Антонио. Имел несколько ранений, от которых его излечили. Был убит пулей за стенами Монтевидео.

Тортаролло, лигуриец, трубач, был рядом со мной при Сант-Антонио и 20 мая у Даймана. Сражения были для него праздником. Будучи ранен в правую руку (которую пришлось ампутировать), он перехватил трубу левой и продолжал трубить атаку. Он также умер в Монтевидео.

Тяжелораненые:

Витторио Рикьери, из Ниццы, сержант. Получил страшную рану в колено, из-за которой ему пришлось ампутировать ногу, и не менее серьезную сабельную рану в руку. Своим выздоровлением он обязан непоколебимой стойкости.

Коллегари, из Бергамо, сержант. У него было самое страшное ранение в живот, какое мне приходилось видеть. У него были пробиты кишки, и в течение четырнадцати дней он отправлял естественные потребности через дыры, образовавшиеся в кишках в результате ран. Поразительная выдержка Коллегари, конечно, в огромней степени содействовала его чудесному выздоровлению.

Марроккетти Джузеппе, капитан, получил пулевое ранение в бедро в начале сражения при Сант-Антонио.

Казанна, лигуриец, капитан, также был ранен пулей в бедро в начале этого сражения.

Сакки, из Павии, старший лейтенант, ныне генерал, получил пулевое ранение в начале того же сражения.

Раморино, пьемонтец, младший лейтенант, был ранен пулей в голову при Сант-Антонио.

Роди, пьемонтец, младший лейтенант, получил пулевое

ранение в голову в той же битве.

Амеро по прозвищу Граффинья, из Костильуоле д'Асти, младший лейтенант, получил пулевое ранение при Сант-Антонио.

Цаккарелло, младший из братьев, лигуриец, был ранен пулей при Сант-Антонио.

Берутти Дж. Батт, лигуриец, капитан, ранен пулей у Сант-Антонио.

Паджи Натале, офицер, лигуриец, был ранен пулей в бою у реки Уругвай.

Патета, лигуриец, был ранен пулей и саблей при Сант-Антонио.

Джисмонди, лигуриец, ранен саблей и пикой при Сант-Антонио.

Феррандин, лигуриец, четырнадцатилетний мальчик, которому пуля пробила грудь под Монтевидео.

Хуансито Отеро Галлега, был адъютантом в бою при Сант-Антонио, геройски погиб в морском сражении на реке Ла-Плата.

Хосе Мариа Виллегас командовал небольшим кавалерийским отрядом, который остался с нами в бою при Сант-Антонио после бегства Баэса; он сражался как герой.

Я бы считал своим священным долгом напомнить имена всех тех отважных итальянцев, благодаря которым нашу родину стали так почитать в этих далеких краях, вследствие чего в каждом итальянце, который прибывает сегодня в эту важнейшую часть Нового Света, доброжелатели видят чуть ли ни одного из сограждан, а те, кто обычно усматривают врага в каждом иностранце, относятся к нему с уважением.

В журнале Итальянского легиона, который вел Анцани и который я вряд ли мог бы обнаружить сегодня, значатся, конечно, имена и подвиги этих героев. Моя же слабая память подсказывает мне имена лишь некоторых легионеров; большинство же их я, конечно, не могу вспомнить.

Глава 48
Возвращение в Монтевидео

После сражения 20 мая 1846 г. при Даймане в нашей кампании на Уругвае не произошло ничего значительного.

Я получил приказ от правительства возвратиться в Монтевидео с судами флотилии и Итальянским легионом. В Сальто осталось несколько наших мелких судов. Командование гарнизоном перешло к коменданту Артигасу, храброму офицеру, отличившемуся в сражении 20 мая.

Спустя несколько дней после моего отъезда из Сальто туда

прибыл полковник Бланко, который по приказу генерала Рибера взял на себя командование войсками в Сальто. Из-за ошибок, совершенных в Корриентесе и Монтевидео, сторонники Росаса очень усилились, тогда как положение народа Ла-Платы становилось чрезвычайно тяжелым. Армия Корриентеса была разбита в сражении Уркизой, и этому несчастному народу после того, как он пролил потоки крови, пришлось изнывать под игом ненавистного деспотизма.

Рибера, не извлекший уроков из неудач, кончил тем, с чего начал: он удалял с должностей людей, которые с достоинством и успехом выполняли свои обязанности, заменяя их своими приверженцами; он разрушал действующую армию, созданную благодаря смелости и упорству народа, который с непревзойденным героизмом старался поддерживать ее; он принес в жертву остатки этой армии, и в конце концов всеобщее негодование и презрение вынудили его покинуть родину. Такой конец ожидает и будет ожидать всякого, кто считает, что нации существуют в этом мире для того, чтобы удовлетворять жажду сладострастия, богатства и власти, подчиняющую себе ничтожных людей, которые называются монархами, а также некоторых республиканских президентов, еще более подлых, чем первые.

Оказывавшие нам поддержку англичане и французы, у которых наши неудачи и достойные сожаления события вызвали разочарование и недоверие, покинули нас. Англия отказалась от всякого вмешательства, а Францию скорее удерживало чувство ответственности за потерю многих своих граждан, чем сочувствие к гибнувшему делу.

Итак, наши позиции на материке одна за другой переходили в руки неприятеля. Сальто, который мы так славно захватили и удерживали, был взят штурмом Сервандо Гомесом; во время обороны этого города погибли полковник Бланко, старый и храбрый солдат, и многие другие из защитников города, среди которых был упомянутый мной лейтенант Галлегос, человек отважный, но кровожадный; поэтому, когда он попал в руки неприятеля, его прикончили.

Наконец, только Монтевидео, последний оплот славного риограндийского народа, еще продолжал оказывать сопротивление. В этом городе собрались все те, кого сблизили, как братьев, шесть лет лишений, опасностей, славы и несчастий! Эти бесстрашные люди вновь стали возводить строение, которое злодейство разрушило почти до основания.

Среди них был полковник Виллаграм, ветеран, сорок лет участвовавший в войнах, самый бесстрашный и мужественный воин, молодевший в боях, и полковники Диас и Тахес,

отважнейшие военачальники, подло устраненные Риберой, потому что они служили не ему, а родине; здесь были многие другие командиры, смещенные Риберой и теперь снова занявшие свой пост с сознанием справедливости и подчинившись ей: и вместе с ними к защитникам вернулись решимость и вера.

Во имя общественного спасения риу-грандийцы, французы, итальянцы с прежним энтузиазмом стали снова стекаться на защиту общей родины, которой для нас стал гостеприимный город, великодушно предоставивший нам пристанище. Никто уже не поддавался чувству уныния. Оборона Монтевидео, когда станут лучше известны ее подробности, будет оценена очень высоко за блестящую защиту его населения, которое, борясь за независимость, проявило храбрость, упорство и готовность к любым жертвам. Эта оборона доказывает, на что способна нация, не пожелавшая пасть на колени перед могущественным тираном; и какова бы ни была ее дальнейшая судьба, она заслуживает всеобщего одобрения и восхищения.

Период от нашего возвращения с Уругвая и до отъезда в Италию принес скромные успехи. Итальянский легион, пользовавшийся заслуженным уважением за свои славные подвиги, вновь начал нести обычную сторожевую службу на аванпостах, чередуясь с другими войсками, сосредоточенными в столице. Анцани выходил вместе с Легионом. И хотя больше не было крупных сражений, в каждой стычке, в которой участвовал Легион, он оставался достойным своей славы.

Я больше занимался флотом, позаботившись о ремонте нескольких судов, особенно нуждавшихся в этом; на шхуне «Майпу» мы крейсировали по Ла-Плате. В это время я удостоился чести быть призванным командовать республиканской армией; ничего важного не произошло за время моего командования, которое я передал старому храброму генералу Виллаграму.

Между тем вмешательство французов с каждым днем ослабевало. Отказываясь от применения военных мер, они хотели разрешить проблему с помощью дипломатических методов, что вызывало насмешки Росаса. Несколько уполномоченных, посланных вести переговоры, добились от диктатора лишь мало что значивших перемирий, которые только вынуждали несчастный осажденный город расходовать те скудные запасы, которые были собраны с таким трудом.

Изменив политику, Франция сменила также своих агентов. Такие люди, как послы Деффоди и Ауслей, адмиралы Лэнэ и Инглфильд, которым выпала честь проводить великодушную политику и которые заслужили симпатии населения, были заменены сторонниками компромиссов и политики, ставившей

целью любой ценой прекратить борьбу.

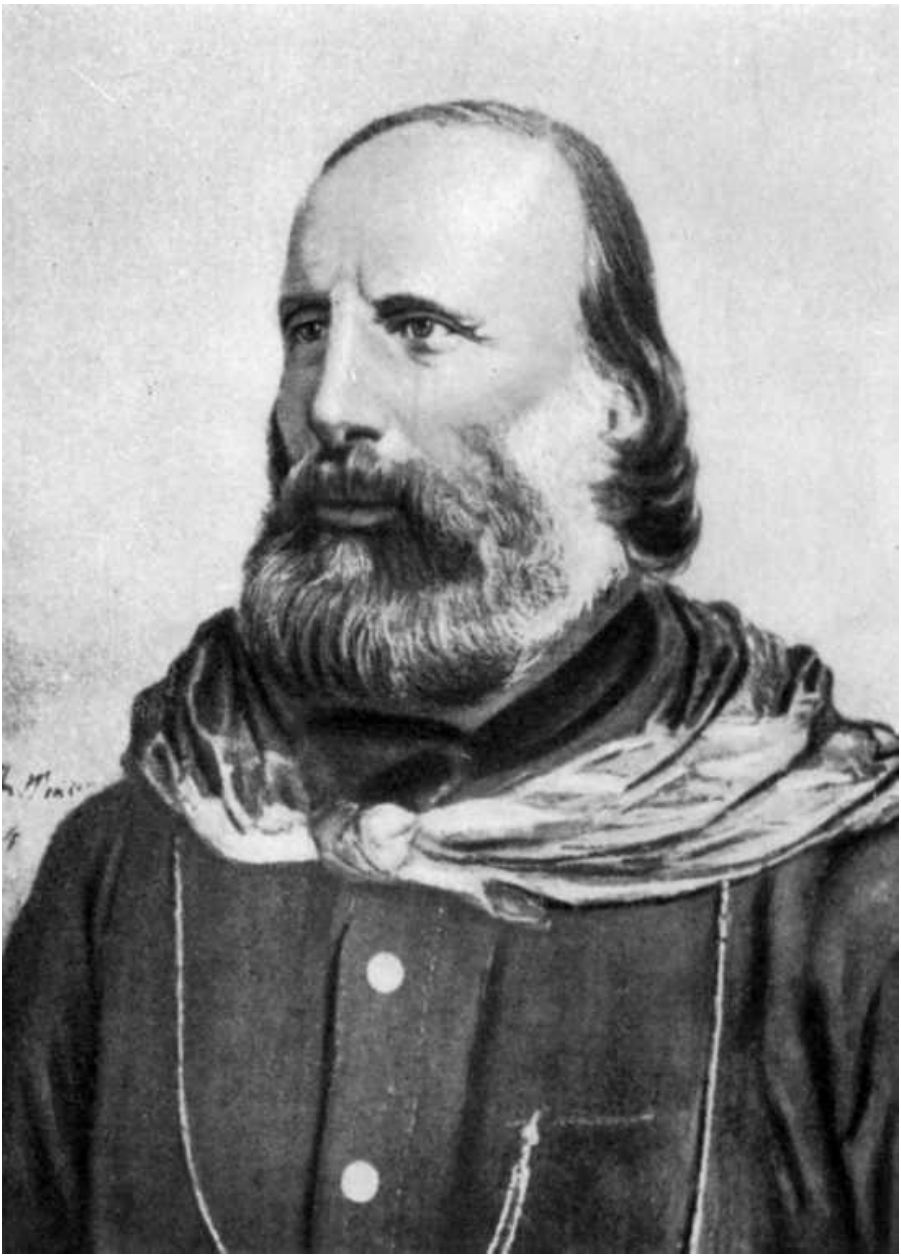
Правительство Восточного государства, бессильное из-за отсутствия средств, вынуждено было подчиниться диктату вмешавшейся стороны.

Плачевное положение! Несчастны те народы, которые надеются, что им удастся достичь благополучия из рук чужеземцев! И всякий раз, когда нужно привести доказательство этой печальной истины, мысль с тоской обращается к нашей бедной Италии.

В те дни, полагаю, что это было в начале 1848 г., до нас дошло известие о папских реформах. Отвращение итальянской нации к чужеземному владычеству достигло своей вершины, что явствовало уже давно из всех писем, получаемых на Ла-Плате. Мысль о возвращении на родину и надежда, что мы сможем своими руками участвовать в ее освобождении, заставляла наши сердца биться сильнее. Грустно было, конечно, покидать братьев по оружию и страну, которая дала нам приют и стала для нас второй родиной. Но монтевидеоский вопрос сделался только предметом дипломатической игры. Для нас не оставалось ничего, кроме неприятностей и унижения, если не что-нибудь еще хуже, что было весьма возможно, ибо нам пришлось бы иметь дело с французским правительством, всегда враждебным итальянской нации.

Поэтому мы решили собрать группу единомышленников, раздобыть средства для переезда и направить свой парус к Италии.

Анита Гарибальди, рожд. Рибейра да Сильва — жена героя. Иллюстрация из кн.: G. Sacerdoto. La vita di Giuseppe Garibaldi. Milano, 1933



Джузеппе Гарибальди.

Портрет работы Делла Монье. Масло. 1864 г.

Книга вторая

Глава 1
Путешествие в Италию

Нас было шестьдесят три человека, покинувших берег Ла-Платы и отправившихся к итальянским берегам, чтобы сражаться за освобождение родины. Признаки повстанческого движения на полуострове были повсюду. В случае же неблагоприятного положения вещей мы решили попытать счастья и самим поднять восстание. Мы думали пристать к лесистым берегам Тосканы или где-нибудь, где наше присутствие было бы особенно желательно и нужно.

Итак, мы взошли на бригантину «Сперанца». Благодаря высокому патриотизму некоторых соотечественников, отдавших свои последние сбережения, мы могли ее зафрахтовать[152]. Среди наших соратников отличились Дж. Баттиста Капурро, Джанелло, Деллацоппа, Массера, Джузеппе Авеньо и особенно наш друг Стефано Антонини, взявший на себя большую часть фрахта корабля и доставку всех нужных в пути припасов. Так вступили мы на путь исполнения нашего пламенного желания, обуревавшего нас всю жизнь. Свое славное оружие, защищавшее чужие страны, мы спешили предоставить в распоряжение своей родины. О, эта мысль была огромной наградой за все труды, страдания и лишения на нашем нелегком жизненном пути!

Наши сердца бились в нетерпеливом ожидании. Наши мозолистые руки были достаточно сильны, чтобы защищать чужие страны. Чего же не сумеют сделать они для родины! Перед нашим воображением открывался рай. Если бы не печальная мысль о том, что мы оставили, наша радость была бы безгранична. Позади оставался народ, завоевавший наши симпатии, чудесный народ Восточной страны! Мы долгие годы делили его немногие радости и многочисленные горести. Теперь мы оставляли его, правда непобежденным, несломленным, но в путах французской дипломатии — самого ужасного, что могли придумать люди.

Мы покинули наших братьев по оружию до наступления последней и решительной битвы. Это причиняло нам боль, какова бы ни была тому причина.

Этот народ, с радостью встречавший нас, веривший в мужество наших воинов и полагавшийся на них, при всякой

возможности выражал нам симпатию и признательность. А эта земля, которую мы полюбили, как дети, хранила в себе прах стольких итальянцев, героически павших за ее свободу!

Отъезд пришелся на 15 апреля 1848 г. В бурную погоду мы вышли утром из монтевидеоской гавани и при попутном ветре очутились вечером между мальдонадским берегом и островом Лобос. На другое утро вершины Серра-де-Лас-анимас еще вырисовывались в уплывающей дали, потом они исчезли совсем. Перед нашим взором расстилался только необозримый простор океана. Прекрасная и возвышенная задача — освобождение родины — ждала нас. Нас было шестьдесят три, молодых, возмужавших на полях сражений. Двое были больны: изнуренный чахоткой Ачцани, потерявший свое здоровье в борьбе за святое народное дело, и тяжелораненый в колено Сакки. Состояние его ноги внушало опасение, но благодаря братской заботе его удалось доставить если и не здоровым, то все же невредимым на итальянский берег. Анцани нашел в Италии только свою могилу, рядом с могилой своих родных[153].

Наша поездка была непродолжительной[154] и счастливой. Свой досуг мы коротали полезными беседами. Более образованные учили менее осведомленных. Мы не пренебрегали и физическими упражнениями. Патриотический гимн, сочиненный и положенный на музыку нашим товарищем Коччелли, стал нашей ежедневной молитвой. Мы собирались в круг на верхней палубе «Сперанцы», Коччелли запевал, а хор из шестидесяти голосов вторил ему с воодушевлением.

Так переплыли мы океан. Относительно судьбы Италии мы были в полном неведении. Мы знали только о реформах, обещанных Пием IX. Местом нашей предполагаемой высадки была Тоскана. Мы хотели пристать там независимо от положения политических дел, независимо от того, пришлось бы нам встретиться с друзьями или вступить в бой с противником. Но, подходя к испанскому берегу у Санта-Пола, мы принуждены были изменить свое решение и наметить целью своего путешествия Ниццу. Болезнь Анцани усилилась, а наши скромные запасы истощились. Поэтому необходимо было выйти на берег, чтобы запастись свежими припасами. Мы пристали у Санта-Пола, и командир «Сперанцы», капитан Гаццоло, сошел на берег. Он скоро принес на борт вести, которые могли свести с ума от радости и менее пылких людей, чем мы: Палермо, Милан, Венеция и сто городов-сестер[155] совершили чудесную революцию. Пьемонтская армия разбила и преследовала австрийскую; вся Италия, как один человек, откликнулась на призыв к оружию и послала своих гордых сынов на священную войну. Я предоставляю читателям

представить себе впечатление, произведенное на нас подобным известием! Мы бегали по палубе «Сперанцы», обнимая друг друга, и проливали слезы радости. Даже Анцани забыл свои страшные мученья и встал, а Сакки во что бы то ни стало хотел, чтобы его перенесли из каюты на палубу.

«Поднять паруса! Поднять паруса!» — стоял крик. На палубе началось бы восстание, если бы это желание не было немедленно удовлетворено. Якоря были моментально подняты, и бригантина была поставлена под паруса. Даже ветер, казалось, сочувствовал нашей тоске и нетерпению. В короткое время наш путь привел нас мимо берегов Испании и Франции в обетованную землю — Италию!

И мы пришли уже не как изгнанники! Нам не нужно было отвоевывать право вступить на родную землю. Мы оставили намерение высадиться в Тоскане и выбрали Ниццу[156], первый итальянский порт, достигнутый нами, где мы высадились 23 июня 1848 г.[157]

В приключениях моей бурной жизни меня всегда поддерживала надежда на лучшее будущее. Ничего не могло быть выше счастья, обрушившегося на меня в Ницце. Поистине это счастье было слишком велико, и у меня было предчувствие близкой беды. Моя Анита с детьми, покинувшая Америку несколькими месяцами раньше, жила у моей старой матери, которую я сердечно любил и которую не видал 14 лет. Дорогие родственники и друзья юности обнимали меня снова и радовались свиданию со мной при столь счастливых обстоятельствах. Мои земляки, одушевленные счастливыми предзнаменованиями, гордились тем немногим, что я сделал в Новом Свете. Мое положение было достойно зависти. С тихой болью вызываю я воспоминания об этих сладких мгновениях, пролетевших так скоро.

Мы еще не вошли в порт, как я увидел свою дорогую спутницу жизни, сиявшую радостью. Она приближалась на барке к нашему кораблю. На берегу виднелась необозримая толпа народа. Люди устремились со всех сторон приветствовать храбрецов, которые, презирая расстояние и опасности, переплыли океан, чтобы пожертвовать своей кровью для родины. Мужественные, храбрые товарищи! Многим из нас было суждено пасть на родной земле, с отчаянием в сердце, не увидев ее свободной! Великолепны были мои юные соратники своей мужественностью, храбростью, славными делами. Они были достойны взятой на себя задачи. Об этом свидетельствуют поля битвы, где, может быть, без могилы и креста белеют их кости и нет надгробного камня, который напомнил бы нынешнему

поколению о тех, кто с такой храбростью и самопожертвованием освободил его от чужеземного ига! На том месте, где пали вы, Монтальди, Раморино, Перальта, Минуто, Карбоне[158], и ваши братья по славе, духовенство воздвигло монумент тем головорезам Бонапарта, которых вы обратили в бегство и которые, собрав затем превосходящие силы, погубили вас с благословения предателей Италии!

В Ницце нам надлежало выполнить некоторые формальности, связанные с карантином и т. д. Однако все они были отменены по требованию народа, осознавшего тогда свою силу.

Чтобы судить о состоянии наших финансов, я напомню, что нам нечем было заплатить лоцману Чеваско, приведшему нас в порт. После того как бригантина отшвартовалась и мы позаботились о высадке Анцани и Сакки, на берег сошли все наши люди, жаждущие ступить на итальянскую землю.

Я спешил обнять моих детей и ту, которой моя приключенческая жизнь причинила столько боли. Бедная мать! Самым заветным моим желанием было скрасить и успокоить ее последние дни, а она больше всего хотела видеть меня, утихомирившегося, рядом с собой. Но в этой стране священников и воров разве можно было рассчитывать на успокоение ее тяжелой старости.

Короткое пребывание в Ницце прошло для нас как непрерывный праздник. Но у Минчо[159] шли бои. Было преступлением сидеть сложа руки в то время, когда наши братья сражались с чужеземцами.

Мы поехали в Геную. Ее храброе население жаждало приветствовать нас. Чтобы ускорить наш приезд, нам навстречу был послан пароход; не найдя нас в Ницце, этот пароход напрасно искал нас вдоль лигурийского побережья. Течением и неблагоприятным ветром нас отнесло к Корсике. Наконец мы прибыли в Геную, а вместе с нами — несколько молодых жителей Ниццы, пожелавших сопровождать нас. Они были охвачены юношеским энтузиазмом и воодушевлением всего населения полуострова. Население встретило нас с изъявлениями радости, а власти — с холодом, указывающим на не совсем чистую совесть. Это было прелюдией к длинному ряду препятствий и придирок, которые мы встречали на нашем пути всюду, где у власти стояли сторонники компромиссов, политики золотой середины, которые придерживались либерализма больше из страха перед народом, чем из внутреннего побуждения и стремления к прогрессу.

Анцани, которого я оставил у моей матери, не мог усидеть на месте, несмотря на слабость и истощение, вызванные смертельной болезнью. Увлекаемый своей огненной натурой, он

на пароходе прибыл раньше нас в Геную.

Начиная с этого времени (1848 г.) сторонники Мадзини обрушились на меня с нападками, которые продолжаются и поныне, в 1872 г., приняв особенно ожесточенный характер. Причиной или предлогом для этих нападок явилось, несомненно, мое решение принять вместе с моими соратниками участие в боях, которые королевская армия вела тогда с австрийцами на Минчо и в Тироле[160]. А ведь тогдашние вожаки, которые мучили бедного умирающего Анцани, заставляя его увещевать меня, ныне принадлежат к самым верным слугам монархии!

Признаться, когда мой дорогой собрат по оружию, с которым мы были вместе в стольких славных сражениях, посоветовал мне «не отрекаться от народного дела», меня охватила глубокая горечь — быть может даже более острая, чем испытанная в эти дни, когда мне приходится слышать требование «открыто провозгласить себя республиканцем»[161].

Прошло несколько дней, и в доме Гаэтано Галлино угасла жизнь этого подлинно великого итальянца. Он заслуживал того, чтобы вся Италия облеклась в траур по случаю его кончины. Возглавляй Анцани нашу армию, полуостров давно был бы освобожден от всякого иностранного гнета. Я не знал никогда человека более совершенного, более благородного и более одаренного военным талантом, чем Анцани.

Останки славного воина были неприметно перевезены через Лигурию и Ломбардию и погребены на родине Анцани, в Альцате, в его фамильном склепе.

Глава 2
В Милане

При отъезде из Америки мы решили служить Италии и побеждать ее врагов, независимо от цвета флага, под которым нам придется сражаться в освободительной войне.

Большинство наших соотечественников выражало ту же волю, и я должен был присоединить наш небольшой отряд к тому, кто вел священную войну. Карл Альберт был военачальником тех, кто сражался за Италию. Поэтому я направился в Ровербеллу, где находилась тогда верховная ставка, и, предав забвению прошлое, предложил свою шпагу и шпаги своих соратников тому, кто в 1834 году приговорил меня к смертной казни. Я увидал его и осознал, почему он относится ко мне с таким недоверием. Колебания и нерешительность этого человека заставили меня сожалеть о том, что судьба нашей несчастной родины оказалась в столь ненадежных руках. И все же я готов был служить Италии

при этом короле с тем же рвением, с каким служил бы республике. Я намеревался увлечь на этот путь самоотречения ту молодежь, которая питала ко мне доверие. Объединить Италию и освободить ее от проклятых чужеземцев — такова была моя цель и большинства моих соотечественников в то время. Италия возблагодарила бы тех, кто освобождал ее.

Я не собираюсь тревожить сон покойного и судить его действия — предоставляю истории вынести ему приговор. Скажу только, что, будучи призван своим положением, требованием момента и единодушным желанием итальянцев возглавить войну за независимость, Карл Альберт не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он не только не сумел повести за собой бесчисленные массы людей, готовых предоставить себя в его распоряжение, — он стал главной причиной итальянского поражения.

Под тягостным впечатлением от господствовавшей всюду вредной идеи, поданной несомненно теми, кто считал, что добровольческие отряды не нужны и даже могут иметь пагубное влияние, мои товарищи отправились из Генуи в Милан, я же поспешил в Ровербеллу, потом в Турин, а оттуда в Милан, без всякой пользы для своей страны. Один только Казати, представлявший временное правительство Ломбардии, думал воспользоваться нашей помощью и присоединить нас к ломбардской армии. С прибытием в Милан кончилось мое неопределенное положение. Временное правительство уполномочило меня собрать воедино остатки различных воинских частей, для чего были привлечены и мои американские товарищи. Дело могло бы удаться, если бы, к несчастью, не вмешался королевский министр Собреро[162]. Чинившиеся им препятствия и козни до сих пор вызывают у меня негодование. Члены временного правительства были порядочные люди, и я ценил их несмотря на то, что наши политические взгляды расходились. Но они заняли свои места под давлением обстоятельств. Я полагаю, что им недоставало опыта, они не доросли до требований той бурной эпохи. Собреро использовал их слабость и полностью подчинил своему влиянию; оказавшись на поводу у Собреро, эти достойные, но недостаточно опытные люди, не замечая того, шли к пропасти.

Меня изводили лихорадка, схваченная мною на пути в Ровербеллу, и беседы с Собреро, который, между прочим, не выносил наших красных рубашек[163], уверяя, что они служат прекрасной мишенью для врага. Пребывание в этом прекрасном городе «пяти дней»[164] стало для меня невыносимым. Я радостно приветствовал день, когда смог оставить столицу Ломбардии и с

кучкой кое-как обмундированных и плохо вооруженных бойцов отправиться в Бергамо. Там я опять должен был заняться организацией, что мало отвечало моим склонностям и не соответствовало моим недостаточным теоретическим познаниям в военном деле.

Наше пребывание в Бергамо было очень коротким. Были приняты некоторые меры к укреплению обороны. Я всеми способами старался призвать храброе население этой местности к оружию, посылал своих людей в долины и горы, чтобы собрать могучих горцев. Этим были заняты главным образом наши несравненные соратники Давиде и Камоцци, которым удалось добиться больших успехов. Однако все их усилия были сведены на нет из-за того, что нам пришлось внезапно покинуть Бергамо, ибо пришел строгий приказ из Милана о возвращении обратно и присоединении к пьемонтской армии, отступавшей перед австрийцами.

Нам предстояло принять участие в генеральном сражении, которое должно было произойти под стенами Милана.

Итак, каковы бы ни были перспективы, появилась, наконец, возможность сражаться, и нельзя было терять время. Мы спешно выступили в поход, чтобы принять участие в решении судьбы нашей родины.

Всего мы насчитывали приблизительно три тысячи человек: различные отряды пьемонтских батальонов, отряды под предводительством доблестного Габриэле Камоцци, находившиеся еще в периоде формирования (им были приданы две небольшие пушки), и, наконец, маленькая колонна, известная как Итальянский легион и предводительствуемая ветеранами Монтевидео.

В Мерате мы оставили поклажу, чтобы быстрее продвигаться вперед. Вблизи Монцы пришел приказ начать операции на правом фланге неприятеля. Я сейчас же принял меры и отправил конных разведчиков узнать о движении и диспозиции австрийцев. Однако в Монце нас настигла весть о капитуляции и прекращении военных действий[165]. Нам навстречу уже валили толпы беженцев.

Я видел незадолго до того пьемонтскую армию у Минчо. Мое сердце ликовало тогда в гордой уверенности при виде этих блестящих молодцов, снедаемых нетерпением ударить по врагу. Несколько дней провел я с офицерами этой армии, которые созрели в тяготах военной службы и с радостной уверенностью ожидали битвы. О, я сам с радостью встал бы в ряды доблестных бойцов, чтобы пожертвовать своей жизнью, случись тогда сражение с противником.

Теперь оказалось, что эта армия разбита без поражений, голодает, находясь в богатой Ломбардии, имея позади себя Пьемонт и Лигурию, нуждается в боеприпасах и не знает, что делать, в то время как Турин, Милан, Алессандрия и Генуя еще были полны сил и готовы к любой жертве вместе со своей нацией. И все-таки истерзанная Италия снова очутилась в рабстве, и не было руки, которая могла бы собрать ее силы и обратить их против врагов и предателей. Если бы эти силы были сплочены и имели энергичных руководителей, их оказалось бы достаточно, чтобы разгромить всех недругов Италии.

Перемирие, капитуляция, бегство — эти вести поразили нас, как гром среди ясного неба. С ними вместе в население прокрались страх и деморализация, проникшие и в наши ряды. Некоторые трусы, затесавшиеся, к сожалению, среди моих людей, тут же на площади в Монце побросали ружья и стали разбегаться. Их позорное поведение вызвало негодование остальных бойцов, которые стали целиться в них из ружей. К счастью, мое и моих офицеров вмешательство предотвратило кровопролитие и помешало возникновению беспорядков. Некоторые из струсивших подверглись наказанию других разжаловали и изгнали.

При таких обстоятельствах я решил покинуть место печальных происшествий и направиться в Комо с намерением остановиться в этой гористой местности и выждать исхода событий.

Я решил организовать партизанскую войну, если не представятся другие возможности.

По дороге из Монцы в Комо к нам присоединился Мадзини[166], верный своему девизу «бог и народ», и сопровождал нас до Комо. Оттуда он отправился в Швейцарию, я же готовился к походу в горы Комо. С Мадзини шло немало его действительных или предполагаемых сторонников, которые перешли с ним границу. Это, естественно, побудило кое-кого покинуть нас, поэтому численность нашего отряда уменьшилась.

В Милане я совершил ошибку, которую Мадзини никогда не мог мне простить. Я обратил его внимание на то, что нехорошо сдерживать порывы стольких молодых людей (под тем предлогом, что возможно удастся провозгласить республику) в то время, как армия и добровольцы сражаются с австрийцами[167].

В Комо было спокойнее, однако и здесь царила растерянность, вызванная печальными известиями о сдаче Милана и поражении армии.

Глава 3
В Комо, Сесто-Календе, Кастеллетто

По прибытии в Комо мы были дружественно встречены его храбрым населением, которое уже раньше проявило свои симпатии к нам: со времени нашего первого приезда в Милан оно страстно желало, чтобы мы избрали именно Комо местом формирования нашего отряда. Муниципальные власти также приняли нас хорошо и снабдили всем, чем могли, особенно одеждой, в которой очень нуждались мои люди. Что же касается планов обороны города и борьбы с австрийцами, то они не выразили на этот счет своего — согласия. И впрямь, потребовались бы большие усилия для сооружения внешних укреплений и много людей для его защиты от превосходящих сил противника. Город лежит в долине, на берегу озера, окруженный со всех сторон горными вершинами.

На второй день после нашего приезда в Комо, проездом в Швейцарию, прибыл в карете генерал Цукки[168]. Когда горожане узнали о его приезде и о его намерении покинуть Италию, они рассвирепели и бросились к гостинице, где он остановился; толпа намеревалась вытащить Цукки и расправиться с ним. Меня вовремя предупредили, и, подоспев к месту происшествия, я успокоил народ, указав на возраст и прошлые заслуги престарелого генерала.

В тот же вечер мы покинули Комо и после короткого перехода расположились к востоку от города на дороге, ведущей в Сан-Фермо.

В Комо многие из наших дезертировали в соседнюю Швейцарию, и я полагаю, что многие другие не поступили так же только из чувства стыда перед этим смелым народом, который всегда горячо относился к делу родины; однако они ожидали момента, когда окажутся за пределами города, чтобы покинуть ряды храбрецов, которые были готовы защищать последнюю пядь итальянской земли.

Во время первой нашей ночевки под открытым небом многие дезертировали, и, когда рассвело, в поле стали видны груды брошенных ружей.

Из уважения к истине и ради того, чтобы мои соотечественники усвоили урок прошлого и не стали бы так легкомысленно отдавать свою прекрасную страну алчному чужеземцу, я не скрываю этого позора. Однако ради истины я должен также сказать, что мои бойцы, особенно из батальона города Виченцы, были одеты большей частью в полотняные

рубашки и не имели теплой одежды, несмотря на щедрость жителей Комо, которые сделали для нас все, что могли. Королевские комиссары в Милане, полагавшие, что красная рубашка слишком заметна для неприятеля, не позаботились, однако, о том, чтобы снабдить нас хоть одной шинелью; такое же отношение ожидало моих волонтеров еще не раз. Кроме того, близость Швейцарии усиливала тягу к дезертирству, и, конечно, очень многие предпочитали расписывать свои славные подвиги в кафе и в гостиницах Лугано, чем по-прежнему подвергать себя опасностям и лишениям походов.

Несколько дней бродили мы по этим горам, собирая оружие, брошенное дезертирами, и складывая его на реквизированные телеги, которые двигались вместе с колонной. Но этот обременительный обоз непрерывно разрастался и стал больше походить на караван бедуинов, чем на людей, призванных сражаться за отечество; поэтому я решил временно покинуть Ломбардию и перейти в Пьемонт. Мы направились к Варесе, а оттуда в Сесто-Календе, где перешли Тичино. Здесь нас стал уже преследовать по пятам отряд австрийцев.

В Кастеллетто, на правом берегу Тичино, я решил остановиться и справился у властей этого небольшого, но прекрасного селения — согласны ли они оказать сопротивление в случае нападения на нас врага. Как власти, так и население охотно согласились, и началось сооружение шанцев[169], которые выполнили бы, конечно, свое назначение, так как это место было очень удобно для обороны.

Настроение отряда снова поднялось. Капитан Раморино, посланный на другой берег реки, где появился противник, обратил в бегство его аванпост, ранил нескольких человек и вернулся, захватив трофеи — пики и кавалерийское снаряжение.

Мы провели в Кастеллетто несколько дней; затем противник сообщил мне о перемирии, которому я подчинился, но отклонил предложение обмена обоюдными визитами между лагерями. Когда стало известно о перемирии, подписанном Саласко, все были взбешены его унизительными условиями[170]. Оно снова обрекало на рабство несчастную Ломбардию. И мы, пришедшие ей на помощь, провозглашенные защитниками ее угнетенного народа, не смогли даже обнажить за него шпагу. Можно было умереть от стыда!

Глава 4
Возвращение в Ломбардию

Сейчас же была выпущена прокламация о неподчинении

постыдному договору. У меня была единственная мысль — вновь вступить на землю Ломбардии, чтобы всеми возможными средствами бороться против ее поработителей. Из Лугано, получив известие о перемирии, к нам прибыл Даверио, гонец от Мадзини, и обещал поддержку людьми и припасами в случае возобновления войны. Это было как нельзя кстати. На Лаго-Маджоре находились два парохода, служившие для перевозки грузов и людей между Италией и Швейцарией. Нашей первой мыслью было, естественно, завладеть ими для облегчения нашего переезда. Пароходы приходили в Арону, ближайший от нас пункт, через определенные промежутки времени. В один ночной переход мы достигли Ароны и захватили один из этих пароходов; другой пришел днем, и его постигла та же участь. Соответствующее число барок забрало наших лошадей, военное снаряжение и часть пехоты, две небольшие пушки были погружены на пароходы. Деньги и провиант выдал по нашему требованию муниципалитет Анконы. Мы направились в Луино; наши пароходы тащили за собой тяжело нагруженные барки.

Трогательное зрелище представляла собой наша поездка вдоль западного берега прекрасного озера. На этом живописном берегу, одном из красивейших побережий мира, обосновалось большое количество ломбардских семей, покинувших свою родину. Осведомленные о нашем предприятии, они приветствовали нас радостными криками, размахивая флагами, платками и полотнищами. С балконов домов свешивались прекрасные женщины с очаровательными лицами. Они были так воодушевлены, что, казалось, хотели полететь навстречу храбрецам, готовым освободить их очаги из-под пяты угнетателя. Мы отвечали на приветствия наших пылких соотечественников, гордые их сочувствием и нашей решимостью.

Мы переплыли озеро и около восьмисот пехотинцев с небольшим отрядом конницы сошли на берег в Луино. Обе пушки остались на палубах пароходов, находившихся под командой Томмазо Риссо. На другой день, когда мы хотели покинуть Бекакча (наш приют в Луино) и направиться в Варезотто, пришло известие, что по большой дороге с юга на нас идет австрийский отряд. Наша колонна уже направилась кратчайшим путем по горной тропинке в Варесе. Я немедленно вернул конец колонны и приказал одной роте арьергарда вновь занять позиции у Бекакча и прикрыть прилегающую местность, чтобы помешать врагу захватить ее. Но было поздно. Значительные силы австрийцев уже достигли этого пункта и без труда отбросили наш маленький отряд. Наши небольшие силы, разделенные на три роты, были зажаты на узкой тропинке между двумя утесами, на которой они

могли двигаться только в одном направлении, не имея возможности развернуться. Но если бы они повернули к Бекакча, где местность расширяется, то из второй и третьей рот могла быть сформирована колонна. Я считал, что эта гостиница является ключом ко всей позиции и представляет наиболее выгодный пункт на территории сражения. Им нужно было овладеть, если мы не хотели покинуть поле боя, потерпев поражение.

Бекакча представляла собой массивный дом, обнесенный оградой и окруженный изгородями и деревянными заборами. Все это находилось во власти врага и должно было быть взято силой. Итак, нужно было решительно атаковать неприятеля, и цепи третьей роты бросились на штурм. Однако он был отбит, несмотря на все старания командира роты майора Марроккетти.

Тогда было приказано атаковать второй роте берсальеров из Павии, которыми командовал майор Анджело Пегурини. В то же время рота капитана Коччелли, вскарабкавшись на стену, что была слева от нас, вышла справа во фланг неприятеля. Павийцы сражались с неустрашимостью старых солдат, несмотря на то, что это был их первый бой. И хотя некоторые из них пали, отряд павийцев бросился на австрийцев в штыки, и те, устрашенные такой отвагой и появлением на правом фланге Коччелли, обратились в беспорядочное бегство.

Если бы у нас было пятьдесят кавалеристов для погони, мало кто спасся бы из этих врагов Италии. Но те несколько всадников, которые были у меня, в том числе отважные офицеры Буэно и Джакомо Минуто, использовались в разведке и охранении. Много австрийцев было убито, а тридцать семь взяты в плен, среди них медик[171].

Эта победа сделала нас господами Варезотто. Мы могли пройти эту местность без всяких препятствий. Население оправилось, воспрянуло духом, и мы вступили в Варесе при восторженных криках его славных жителей.

Под этим впечатлением во мне воскресла надежда, лелеянная долгие годы, — поднять моих земляков на партизанскую войну. Она могла быть первым толчком к освобождению страны, у которой не было регулярного войска. За оружие взялась бы вся нация, которая твердо и неуклонно стремилась к освобождению.

С этой целью я отрядил роту, составленную из отборных молодых воинов капитана Медичи и некоторых других, с поручением действовать самостоятельно. Но в Луино начавшаяся было успешно кампания прекратилась. Капитуляция Милана, отступление пьемонтской армии и уход из Ломбардии многочисленных добровольческих отрядов Дурандо, Гриффини и

других обескуражили население. Правда, воодушевление вспыхнуло еще раз при нашем появлении после победы при Луино. Но когда всем стало ясно, что наша группа мала и что бойцы дезертируют, подстрекаемые к этому теми в Лугано, кто обещал оказать нам помощь людьми и материалами, подавленное настроение вновь взяло верх.

Медичи сделал все, что было в его силах, и после упорного сражения с превосходящими силами неприятеля вынужден был отступить в Швейцарию. Действия других отрядов не заслуживают упоминания.

Между тем австрийцы повсюду накопляли свои силы. Они не постыдились послать огромный отряд против горсти итальянских добровольцев. Мы находились несколько дней в Варесе и его окрестностях, маневрируя, чтобы не столкнуться с противником, который всегда превосходил нас в численности и чьи силы увеличивались день ото дня.

В окрестностях Сесто-Календе к нам присоединился неаполитанский капитан из отряда Дурандо с несколькими людьми и двумя орудиями большого калибра, которые в других обстоятельствах очень пригодились бы, но тогда они оказались настоящей обузой, ибо мы не могли принять бой с превосходящими силами противника на открытой местности. Я предложил капитану двигаться с орудиями дальше к Тичино, с нами же осталось немного бойцов, но это были надежные люди. Нам приходилось все время передвигаться и почти каждую ночь переходить на новое место, чтобы обмануть врага, который, к несчастью Италии, всегда, и особенно в те дни, находил достаточно предателей и шпионов, в то время как мы редко могли получить верные известия о противнике даже за бешеные деньги. Здесь я впервые узнал на опыте, что деревенское население мало сочувствует национальному делу; возможно, это вызывалось тем, что крестьяне находятся всецело под влиянием духовенства, или же тем, что они вообще враждебно относятся к своим господам, которые при нашествии чужеземцев большей частью покидают страну, предоставляя, таким образом, крестьянам возможность поживиться за их счет.

Итак, мы делали остановки только тогда, когда людям нужно было отдохнуть или когда необходимо было запастись припасами.

Так прошло некоторое время. Днем мы ожидали врага на прочных позициях, где он не решался нападать на нас; если же, получив подкрепление, он пытался нас окружить, мы переходили ночью на другие столь же прочные позиции, где обычно происходило то же самое. В этих переходах, требовавших

основательного знания местности, неоценимую помощь оказал мне Даверио, «второй Анцани»[172]. Уроженец этих мест, он пользовался общей любовью всех слоев общества и умел непоколебимо и бесстрашно облегчить для нас любое трудное дело. Даже физически Даверио походил на моего несравненного брата по оружию из Монтевидео и обладал железным здоровьем.

Скопление большого количества австрийских войск напугало население. Ни один житель этой местности, к какому бы классу он ни принадлежал, не присоединился к нам, и мы с трудом находили проводников. Я надеялся на Швейцарию, рассчитывая, что находящаяся там в эмиграции молодежь присоединится ко мне и что нас, по возможности, снабдят средствами; но никто не явился оттуда, чтобы увеличить наш маленький отряд. Более того, оттуда стали доходить слухи о важном предприятии, готовящемся в главной квартире Мадзини; эти слухи вызывали дезертирство из наших рядов и лишали мужества тех немногих, кто еще сохранял его.

У Тернате нас окружили вражеские отряды, и мы смогли уйти только с большим трудом. На равнине спасение было бы невозможно, но гористая местность нам благоприятствовала и спасла отряд от верной гибели. Здесь нам оказал неоценимые услуги Даверио, с несколькими найденными им проводниками. Мы решительно двинулись к той неприятельской колонне, которая, казалось, была ближе. Нас отделяла от нее только глубокая долина. Когда наш авангард спустился в низину, и враг стал ожидать нападения, мы резко свернули влево и с поспешностью, я должен признаться, напоминающей бегство, двинулись к Мораццоне, оставив противника в нескольких милях позади. По дороге, не прекращая движения, мы реквизировали весь хлеб, который можно было найти в соседних деревнях. Носильщики несли его за нами в корзинах.

В пять часов пополудни мы пришли в Мораццоне. Мы выстроили наш отряд на главной улице вдоль домов, так как улица была очень узка. Всем выдали провизию и причитающееся жалование, причем никому не было разрешено выйти из строя или сложить оружие.

Раздача кончилась, и диспозиция похода была объявлена. Со скамьи, на которой происходила раздача, я взял для себя стакан вина и ломоть хлеба, но несколько моих офицеров, приготовивших себе немного бульона, подошли ко мне и попросили разделить с ними трапезу. Мы направились в подвал одного дома, недалеко от ворот Варесе, как вдруг снаружи раздались крики, как раз у этих ворот. Это были австрийцы, ворвавшиеся сюда и смявшие стражу, которая не то от голода, не

то от усталости дала захватить себя врасплох. Я до сих пор не знаю, кто нас предал и кто несет ответственность за это нападение. Если здесь не было предательства, то вина лежит на тех, кто стоял на страже. Как бы то ни было, враги были в городе, менее чем в пятидесяти шагах от того дома, в котором находился я с несколькими пригласившими меня офицерами. К тому же наступила ночь, и я предоставлю воображению каждого нарисовать себе, как велико было замешательство среди нашего отряда, который сражался всего несколько дней и боевой дух которого был не очень высок. Что касается меня, то обнажить саблю и, не теряя времени, в сопровождении немногих неустрашимых офицеров броситься отражать врага было для меня делом одного мгновения. Среди офицеров были Даверио, Фабрици, Буэно, Кольоло, Джусти, молодой миланец, мой адъютант, смертельно раненный в бою и потом скончавшийся, юноша несравненной отваги; я прошу моих соотечественников сохранить о нем память. При звуке наших голосов бегущие остановились и повернулись к своим преследователям. Началась схватка грудь с грудью. Некоторое время исход сражения был неясен, склоняясь в пользу то одной, то другой стороны. Наконец мужество итальянцев взяло верх, и противник был отброшен от Мораццоне. Мы приняли меры обороны, забаррикадировав подступы к деревне, и разместились в нескольких домах на окраине, пригодных для отражения атакующих. Я должен упомянуть здесь одного польского капитана, который находился при нас с несколькими своими соотечественниками, совершавшими чудеса храбрости. Сожалею, что не помню имен этих отважных товарищей, которые столь блестяще поддержали общее мнение о бесстрашии своей нации.

В то время враг, изгнанный из Мораццоне, прибег к постыдным действиям, которые он обыкновенно практиковал, особенно в Италии, этой стране, несшей крест искупления и мученичества. Он без пощады предал огню все строения, окружавшие деревню, и стал беспорядочно обстреливать последнюю из орудий. Огонь с ужасающим треском распространялся от дома к дому, а стрельба с обеих сторон еще усиливала сумятицу. Но после того, как австрийцы были отбиты, они не возобновляли больше атаки. Мы, со своей стороны, не могли и думать напасть на врага, занимавшего выгодную позицию. Принимая во внимание обстановку, нам не оставалось ничего другого, как уйти, чего бы это ни стоило; мы были уверены, что утром нас окружат огромные силы австрийцев.

Неприятельские силы, уже многочисленные, постепенно получали подкрепления. Подавленные зрелищем пожара, который

шаг за шагом опустошал деревню, наши немногочисленные бойцы, находившиеся в угнетенном состоянии духа[173], походили на саламандр, окруженных огнем[174]. Единственным путем к спасению было отступление, которое мы начали в 11 часов вечера. Выстроив людей, сделав кое-как перевязки раненым и усадив некоторых на коней, мы начали, незаметно для противника, пробираться по одной из забаррикадированных нами улочек. Проводников не удалось найти, и мы вынуждены были принудить священника указать нам дорогу, но он делал это с явной неохотой. Да оно и понятно: эти вампиры существуют в Италии только для того, чтобы быть агентами и лакеями иноземцев! Этот священник, который шел в сопровождении приставленных к нему двух наших людей, принес нам мало пользы и вскоре сумел сбежать, несмотря на конвой.

Ночь была темной, и окрестности освещались только заревом пожара. Сначала передвижение шло в порядке, и так продолжалось некоторое время. Вдоль колонны часто передавался вопрос: «Следуют ли за нами отставшие?». Несколько раз приходил ответ: «Идут, идут». Но затем крикнули: «Их нет!». Мы сделали продолжительную остановку, и я выслал на поиски всех адъютантов, которые находились при мне, в том числе Арольди и Кольоло, а затем сам дошел почти до Мораццоне; но собрать людей так и не удалось. Нас осталось около шестидесяти человек.

Я был крайне огорчен случившимся, тем более что среди отставших находились наши бедные раненые: Коччелли, один храбрый боец-поляк, Демаэстри, у которого затем была ампутирована правая рука, и другие, чьи имена не сохранились у меня в памяти.

Увечье не помешало храброму Демаэстри по обыкновению мужественно сражаться во время обороны Рима, при Палестрине, у Веллетри и уйти в числе последних после славного похода итальянцев к Сан-Марино; здесь, отпущенный, он был арестован австрийцами, подвергшими его жестокому избиению. Разве подвергались когда-нибудь пленные австрийцы подобному обращению со стороны наших людей? Да, итальянцам следует хорошо помнить о разорении и позоре, причиненных им врагами, которые так долго обременяли наш прекрасный полуостров и сейчас еще бесчестят его границы. После некоторой задержки нужно было продолжать движение и в течение ночи оторваться от основных сил противника. Во время этого утомительного ночного марша по почти непроходимым тропам около половины товарищей снова от нас отстали, и до швейцарской границы к вечеру следующего дня добрались лишь тридцать человек.

Остальные пришли в Швейцарию, разбившись на маленькие группы.

Граф Камилло Бензо Кавур

Портрет работы Джераломо Индуно. Масло.

Музей Рисорджнменто. Бергамо

Король Пьемонта и Италии Виктор-Эммануил II

Портрет работы Джераломо Индуно.

Музей Рисорджнменто. Бергамо

Глава 5
Досадное бездействие

Лихорадка, схваченная мною в Ровербелле, не оставляла меня. Я страдал от нее весь поход и пришел обессиленный в Швейцарию. Все же меня не покидала надежда, что на ломбардской территории удастся снова как-нибудь начать действовать. В Швейцарии находилось множество молодежи, испытавшей жизнь в изгнании. Они были готовы поэтому организовать новый поход любой ценой. Правда, швейцарское правительство было не слишком расположено навлечь на себя недовольство Австрии в связи с восстанием в Италии. Но, с другой стороны, итальянское население кантона Тичино, конечно, симпатизировало нам. Можно было ожидать поддержки, по меньшей мере со стороны некоторых, в той части Швейцарии, где собралось большинство итальянских эмигрантов.

Я был прикован к постели в Лугано, когда один полковник швейцарских войск сделал мне предложение: если мы готовы попытать счастье в войне еще раз, то он — не в качестве швейцарского подданного, а как Луини (это было его имя) — будет нас по мере сил поощрять и поддерживать со всеми друзьями. Я поделился этим предложением с Медичи, бывшим тогда влиятельным членом генерального штаба Мадзини. Он мне ответил: «Мы предпримем что-нибудь получше». Я понял, что этот ответ исходит свыше[175], и заключил отсюда, что мое пребывание в Лугано бесполезно.

Тогда я уехал с тремя товарищами из Швейцарии во Францию, а оттуда в Ниццу, чтобы полечиться дома от терзавшей меня лихорадки. В Ницце я пробыл несколько дней в кругу своей семьи. Но так как я страдал духовно еще больше, чем физически, то спокойное пребывание дома не шло мне на пользу. Я отправился в Геную, где возмущение по поводу унижения, испытываемого родиной, проявлялось ярче. Там я закончил свое лечение.

Течение событий в Италии тогда еще не заставляло ожидать самого худшего, но вызывало опасения, имевшие достаточно

оснований.

Ломбардия была снова под властью тирана. Пьемонтская армия, взявшая на себя защиту Ломбардии, исчезла. Она не была уничтожена, но ее вожди убедились в своем бессилии. Над этой армией, с ее славными традициями, с ее доблестными бойцами, тяготел какой-то кошмар, какой-то необъяснимый ужасный рок! Дух обмана сделался ее проклятием, дух нашего несчастья управлял ее судьбой и сковал ее энергию. Пьемонтская армия не проигрывала битв, но она отступала (кто скажет почему?) перед разбитым врагом — под тем предлогом, что нужно было оградить войска от агитации крайних, влияние которых в Италии тогда возрастало. Из-за равнодушия и двурушничества государей в армии, естественно, угасал энтузиазм, и это парализовало ее. Та самая армия, которая пользовалась поддержкой всей нации и могла бы творить чудеса, — находясь под командой человека, способного искоренить в ней страх и недоверие, — превратилась в ничто и, рассеянная, но не побежденная, отступала из Ломбардии. Так же обстояло дело с военным флотом, побежденным в еще меньшей степени и уходившим из Адриатического моря. Народ, с таким самопожертвованием и геройством сбросивший с себя позорное ярмо, был отдан на милость варвара-притеснителя, — народ, которой один, без всякой помощи, в пять вечно памятных дней прогнал привычных к войне австрийских солдат, как стадо скота.

В герцогствах[176], которые были еще во власти нашей армии, опять расцвела реакция. То же случилось и в Тоскане, где правил диктатор[177], которому история вынесет свой приговор. В этих герцогствах вооружали крестьянство, которое при подстрекательстве священников, шпионов и чужеземных наемников готово в любое время обрушиться на демократические порядки. В Римском государстве к руководству политическими делами и армией были призваны Росси и Цукки[178]. Этими известными именами хотели прикрыть ретроградные устремления, ставшие уже преобладающими.

Обманутое население, узревшее было зарю освобождения, скрежетало зубами от ярости. В вечно памятный день 8 августа[179] жители Болоньи встретили призванных священниками австрийцев ружейными залпами и заставили их, устрашенных, бежать за реку По.

Неаполитанцы также вели самоотверженную борьбу со своим палачом, однако их усилия оказались менее успешными. Сицилия, являвшаяся бастионом и опорой итальянской свободы, после героической борьбы стала колебаться в выборе политических учреждений из-за слабости человека, который

распоряжался ее судьбой[180].

Короче говоря, Италия, исполненная воодушевления и активности, способная не только защищаться, но и атаковать врага на его территории, была обречена из-за глупости и предательства своих вождей, короля, ученых и священников на бездействие и покорность.

Во время моего пребывания в Генуе явился Паоло Фабрици и от имени сицилийского правительства пригласил меня отправиться в Сицилию. Я с радостью согласился и с семьюдесятью двумя — частью старыми, частью новыми соратниками, в большинстве храбрыми офицерами — взошел на палубу французского парохода. Мы прибыли в Ливорно. Я не собирался высаживаться здесь, но когда этот великодушный и пылкий народ узнал о нашем прибытии, мне пришлось изменить намерения. Уступая пламенным просьбам ливорнцев, огорченных тем, что мы удаляемся слишком далеко от главной арены борьбы, я согласился остаться в Ливорно, чего, быть может, и не следовало делать. Меня уверили, что в Тоскане формируются большие силы, пригодные для борьбы, которые в дальнейшем, в походе, будут еще увеличены за счет добровольцев, и, таким образом, можно будет достигнуть неаполитанского государства сухопутным путем и прийти на помощь Италии и Сицилии. Я принял это предложение, но скоро я убедился в моей ошибке. Мы телеграфировали во Флоренцию, но ответы относительно упомянутого плана были уклончивы. Открыто никто не осмеливался оспаривать волю, выраженную народом, ибо боялись его, однако тот, кто разбирался в положении дел, мог догадаться о недовольстве правительства. Как бы то ни было, наша остановка была заранее решена, и наш пароход ушел без нас.

Все же в Ливорно мы оставались только короткое время. Мы получили там несколько ружей, больше благодаря доброй воле Петракки, народного вожака, и других друзей, чем правительства. Численность нашего отряда увеличилась незначительно. Было решено отправиться во Флоренцию, где мы надеялись поправить положение. Однако здесь дело обернулось еще хуже.

Во Флоренции нам был оказан великолепный прием со стороны населения. Правительство держалось холодно и заставило нас голодать. Я был вынужден воспользоваться кредитом некоторых моих друзей, чтобы прокормить отряд. В то время герцог был в столице Тосканы. Говорили, однако, что бразды правления находятся в руках Гуеррацци[181]. Я думаю, что я не обижу великого итальянца, говоря истину: ведь я пишу историю.

Монтанелли[182], который заслуженно пользовался всеобщим

уважением, я нашел таким, как представлял себе: искренним, честным, сдержанным, болеющим за дело Италии, человеком с горячим сердцем, готовым на самопожертвование. Однако противодействие некоторых других лиц сводило на нет любой хороший замысел. Поэтому короткое пребывание у власти доблестного воина, отличившегося у Куртатоне[183], не принесло ощутимых результатов.

Увидев, что дальнейшее пребывание во Флоренции бессмысленно и обременительно, я решил идти в Романью, где надеялся достичь большего. В крайнем случае, оттуда было легче перебраться в Венецию через Равенну. Но в Апеннинах нас ожидали новые, более тяжелые испытания. По дороге, на которой, по уверениям тосканского правительства, мы должны были достать провиант, не нашлось ничего, кроме благих пожеланий населения, настроенного, правда, сочувственно, но не имевшего никаких средств удовлетворить наши потребности. Наконец, письменный приказ правительства даже запретил бургомистру одного пограничного городка предоставить нам средства к существованию и предписывал непрошеным искателям приключений оставить страну. Вот при каких обстоятельствах дошли мы до Филигари, где узнали о запрещении правительства Папского государства переходить границу. По крайней мере священники поступали последовательно: открыто обращались с нами как с врагами. Цукки, тот самый, которого мы спасли в Комо и который был тогда военным министром, поспешил из Рима, чтобы заставить выполнить приказы. А из Болоньи двигался отряд папских наемников-швейцарцев с двумя орудиями, чтобы помешать нам вступить в государство.

Тем временем в горных местностях наступило суровое время года, и снег на дорогах доходил нам до колен. Был ноябрь. Действительно стоило труда приехать из Южной Америки, чтобы сражаться со снегом в Апеннинах! А те правительства, которым я имел честь служить и через владения которых мы проходили, не могли предоставить моим бедным героическим товарищам даже пальто. Было больно смотреть, как мужественные юноши пробирались через горы, одетые в это суровое время года в бумажные одежды, иногда просто в лохмотья. На своей родине, дававшей широкий приют разбойникам и отбросам всего мира, они терпели нужду в самом необходимом! Все деньги, которые имело большинство офицеров, были отданы в общую кассу, и с помощью гостеприимного хозяина гостиницы в Филигари мы кое-как просуществовали несколько дней.

Между тем папские швейцарцы заняли позиции по ту сторону границы и на всякий случай приготовились воспрепятствовать

нашей попытке к переходу ее. Втайне они стыдились позорного дела, порученного им их жалким правительством. Мы не могли продержаться на наших позициях в Филигари долгое время. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как снова отступить в Тоскану. Я прочел предписание тосканского правительства бургомистру, которому было приказано спровадить нас возможно скорее. Перед нами был выбор: или смириться, или начать борьбу с правительством. Точно так же и в Папском государстве мы вынуждены были бы прибегнуть к оружию против тех, которые помешали бы нашему продвижению. И эти преступления совершали правительства, от которых итальянцы ожидали освобождения! А ведь мы переплыли океан, правда, бедные, без сокровищ[184], но движимые желанием подарить свою жизнь Италии, свободные от всякой корысти, готовые пожертвовать ради родины даже нашими политическим убеждениями и ради нее служить тем, кто своим позорным прошлым не заслуживал нашего доверия! В то время мы почитали в глубине души имена Гуеррацци и Пия. А ведь тогда они заставили мучиться горстку голодных, увязавших в снегу молодых ветеранов, тех, которые должны были вскоре усеять своими телами несчастную землю, защищая Рим от чужеземцев, тех, которые умирали в отчаянии от того, что не удается отстоять его свободу!

Жители Болоньи услыхали о нас и возмутились преступным к нам отношением. Когда болонцы возмущаются — это без последствий не проходит, о чем хорошо знают австрийцы. Папское правительство испугалось, и поэтому мне было разрешено войти в Болонью и вступить в переговоры с начальником папских швейцарцев, генералом Латуром. Когда генерал Латур появился на балконе своего дворца, болонцы стали кричать: «Наши братья войдут сюда, или вы полетите с этого балкона». Так вступил я в Болонью, восторженно приветствуемый ее великодушными жителями, которых я должен был успокаивать, так как они готовы были немедленно прогнать чужеземцев и предателей. Я условился с Латуром, что мы пройдем через Романью и Равенну и оттуда отплывем в Венецию. Затем я потребовал от него спешно оказать поддержку мантуанскому отряду, который вышел из Генуи, чтобы присоединиться к нам. Далее, в разговоре с Цукки я добился разрешения пополнить наши ряды добровольцами из Романьи; и маленький отряд вышел под началом капитана Баццани, моденца, чтобы соединиться с нами в Равенне.

Тут я в первый раз увидел в Болонье храброго Анджело Мазина[185]. Достаточно было увидеть его раз, чтобы начать уважать и любить. После отступления римской дивизии из

Ломбардии, где он сражался как герой, Мазина оставался в Болонье или в ее окрестностях. Теперь он стоял во главе болонских простолюдинов, которые 8 августа героически освободили свой город от австрийцев. Он сдерживал безумное возбуждение этих людей, вызванное трусостью и предательством священников и отступников. В это же время Мазина, побуждаемый пламенной любовью к родине, собрал и организовал (частью на свои средства) кавалерийский отряд, который своей выправкой, прекрасной формой и мужеством мог возбудить зависть любой регулярной части. Пользуясь своим влиянием, Мазина то разжигал, то сдерживал страсти населения. Несомненно, он и падре Гавацци[186] существенно влияли тогда на болонцев и способствовали нашему освобождению из Филигари. Мазина решил также отправиться в Венецию, устав от бездействия и отчасти побуждаемый к тому пособниками иноземцев и папистами. В Комаккьо он занялся подготовкой перехода к властительнице Адриатики[187].

Тем временем я с моим отрядом примерно в 150 человек добрался до Равенны, где к нам присоединился Бацциани с пятьюдесятью рекрутами, В Равенне нам пришлось опять ссориться с папским правительством. В Болонье мы договорились с Цукки, что в Равенне мы дождемся прибытия мантуанцев, чтобы вместе отплыть в Венецию. Однако подозрение и страх, внушаемые моими немногочисленными, плохо вооруженными и еще хуже одетыми товарищами, были столь велики, что вызвали настойчивое желание у духовенства избавиться от нас возможно скорее. После некоторых недомолвок Латур предложил мне отплыть, не теряя времени. Я ответил, что выйду в море только тогда, когда придет ожидаемый отряд. Со стороны папистов дело дошло до угроз. Однако равеннцы так же мало боятся угроз, как и болонцы. Мужественное население запаслось оружием и снаряжением, чтобы в случае нападения на нас оказать нам помощь.

«Взаимный страх управляет миром», — сказал очень кстати один из моих друзей. Во всяком случае, те, которые меньше боятся, подвергаются, как правило, меньшим притеснениям. Так случилось и в Равенне, где могущественные военачальники, громыхавшие саблями и грозившие пушками, не осмеливались с тысячью закаленных солдат померяться силами с горсткой утомленных и почти безоружных итальянских патриотов.

Положение Мазина в Комаккьо немногим отличалось от нашего. Папский гарнизон принуждал его отплыть как можно скорее, но Мазина воспротивился этому, желая привести дела в порядок и согласовать свое продвижение с нашим. При поддержке

жителей, возглавляемых храбрым Нино Боннэ, он нашел средства защиты. Таким образом и в Комаккьо восторжествовала справедливая справедливость[188].

«Помогай себе, если хочешь, чтобы тебе помог бог». Если я частенько прибегаю к поговоркам, да простят мне это те, у кого хватит терпения прочесть то, что я написал. Здесь долг человека, пишущего историю, обязывает меня упомянуть одного из тех людей, которым Италия монархистов и священников воздвигает монументы. В то время события приняли другой оборот: удар римского кинжала[189], в корне изменив наше положение и намерения, обеспечил нам, опальным, права гражданства и дал нам пристанище на континенте.

Как поборник идей Беккариа[190], я являюсь противником смертной казни и потому отношусь отрицательно к удару кинжала Брута[191], к виселице, на которой, вместо министра-карлика[192] Луи Филиппа, вполне заслуживающего такой участи, раскачивается тело какого-нибудь из сынов Парижа, стремившегося отстоять свои права; наконец, к костру, который сам по себе служит точным доказательством того, что священник — это исчадие ада. Во всяком случае античная история не изображает Гармодийев[193], Пелопидов[194], Брутов, освободивших родину от тиранов, в непривлекательном виде, в котором современные угнетатели народов хотят представить тех, кто добрался до ребер герцога Пармы, неаполитанского Бурбона и других.

Итак, наше положение, уже описанное мною, было жалким, но удар римского кинжала снял с нас опалу, и мы получили возможность стать частью римской армии.

Древняя столица мира, достойная в этот день своей античной славы, освободилась от самого опасного приспешника тирании; его (кровью были омыты мраморные ступени Капитолия. Один молодой римлянин вновь взялся за оружие Марка Брута!

Ужас, навеянный убийством Росси[195], обескуражил наших преследователей, и о нашем отъезде не было больше речи. Правда, со смертью папского министра в Риме и Италии еще не создалось желаемого нами положения, но, во всяком случае, улучшилось положение Рима, поскольку облегчилось дело освобождения Италии, смертельным врагом которого было и всегда останется папство, лишенное своей маски реформатора. Что касается нас, вызывавших отвращение и страх у римской курии, то наше пребывание на полуострове стало терпимым для тех, объятых испугом людей, которые остались после смерти Росси. Этот удар кинжала разъяснил сообщникам чужеземцев, что народ понимает их и не желает быть снова отданным ими в

рабство, которое они стремятся утвердить при помощи лжи и предательства.

Глава 6
В римском государстве
Прибытие в Рим

Гибель Росси показала римскому правительству, что нельзя попирать безнаказанно права и желания народа. В министерство были призваны более популярные люди, и нам было разрешено длительное пребывание в Папском государстве. Тем не менее к нам относились по-прежнему с недоверием; хотя мы были присоединены к военным силам Рима, к нам относились небрежно, задерживали выплату жалования и особенно плохо заботились о снабжении нас оружием и теплым обмундированием, необходимым в суровую пору зимы, которая была уже очень близка.

Тем временем в Равенну пришли ожидавшиеся мантуанцы. Мазина во главе своей небольшой, но превосходной конницы присоединился к нам, и мы образовали отряд из 400 человек, правда недостаточно вооруженный, причем большинство людей было вовсе без обмундирования и плохо одеты.

Муниципалитет Равенны, содержавший нас, дал мне, наконец, понять, что было бы лучше, если бы он мог делить эту тяжесть с другими городами, которые мы выбирали бы по очереди местом пребывания. Так мы и сделали и после, примерно, двадцати дней, проведенных в Равенне, мы простились с его великодушными жителями. В Равенне, во время короткого пребывания в ней, я стал свидетелем единственного в своем роде утешительного зрелища, не виданного ни в одном из городов, через которые нам ранее пришлось пройти. В древней столице Экзархата[196] царило поистине прекрасное согласие между различными сословиями граждан. Совершенное согласие между различными сословиями итальянского города — вот условие, вот источник свободы и независимости родины, если это согласие становится повсеместным, а его отсутствие безусловно является причиной наших несчастий и унижения.

Мне казалось, что это согласие, к счастью равеннцев, обосновалось под сенью гробницы Данте, величайшего из наших великих людей. Не существовало обособленных клубов: одного — народного, другого — итальянского, национального или обособленных обществ, каждое из которых имело бы свою церковку, своих руководителей и стремилось бы главенствовать, а не сотрудничать с другими. Нет! Здесь было единое общество,

состоявшее из всех граждан, здесь господствовало единодушие во взглядах — от дворянина до плебея, от богача до бедняка. Все жаждали освобождения родины от чужеземца, не стремясь к немедленному решению вопроса о форме правления, который в те дни мог лишь усложнить положение и отвлечь общее внимание от главной задачи.

Я убедился, что немногословные равеннцы — люди дела, и вполне верю в подлинность следующего случая, о котором мне рассказали в городе. Среди бела дня, в толпе равеннцев появился шпион. Он был сражен выстрелом, и тот, кто стрелял, удалился не бегством, а спокойным шагом, ибо другого шпиона здесь уже не могло оказаться, и труп презренного человека остался лежать, напоминая горожанам о том, как надо действовать.

Итак, мы покинули Равенну и двинулись дальше, останавливаясь по дороге в различных городах Романьи. Нас хорошо принимало население, а муниципалитеты обеспечивали необходимым. В Чезене я оставил свой отряд и отправился в Рим для переговоров с военным министром, с целью уточнить наш маршрут и выяснить наше положение. Там я узнал о бегстве папы[197]. С министром Кампелло мы решили, что Итальянский легион (так назывался отряд, которым я командовал как в Америке, так и в Италии) составит часть римской армии, будет обеспечен всем необходимым и отправится в Рим, чтобы завершить там свое комплектование и организацию. Я тотчас же написал майору Марроккетти, на которого оставил командование отрядом, чтобы он двинулся к Риму. Сам я направился навстречу отряду.

Во время моей отлучки из Чезены в отряде произошел печальный случай — был убит на дуэли Томмазо Риссо. Это была для нас очень ощутимая потеря, тем более что она явилась следствием раздора между двумя храбрыми соплеменниками, и смертельный удар был нанесен рукой товарища.

Во время ссоры Риссо ударил Раморино хлыстом, что сделало дуэль неизбежной. Я изгнал бы, конечно, из Легиона офицера, позволившего себя ударить кому бы то ни было, а Раморино не был мальчиком, способным снести оскорбление, подобное тому, которое ему было нанесено. Узнав о происшедшем, я стал держаться холодно с обоими, хотя и предчувствовал несчастье. Я готов был заплатить собственной кровью за позор храброго товарища, но это было невозможно! Когда я уезжал из Чезены в Рим, Томмазо Риссо, с которым я, против обыкновения, стал держаться холодно, подошел к экипажу и крепко пожал мне руку. Мне показалось, будто я пожал руку покойника. Предчувствие смерти моего друга не покидало меня во время всей поездки, и

известие о ней не удивило меня, хотя и причинило боль. На дуэли, состоявшейся за пределами Чезены, Раморино убил Риссо.

Томмазо Риссо был одной из избранных натур, «огненной натурой», как сказала одна влюбленная в него итальянка. В детстве он избрал карьеру моряка. Добравшись до Ла-Платы, он высадился затем в Монтевидео и, отправившись в сельскую местность, нашел себе занятие в одном из имений, которые в тех краях называются эстансиями. На них занимаются исключительно скотоводством, и люди всю жизнь проводят в седле. Риссо полностью свыкся с обычаями этого рыцарского народа. Будучи человеком сильным и ловким, он не уступал гауччо в искусстве укрощать необъезженных лошадей и мог драться на ножах с любым из аборигенов как первый среди них. Его имя произносилось с уважением мужественными сынами Пампы.

В длительных войнах между народами Ла-Платы Риссо сражался на стороне монтевидеосцев. Произведенный за свою храбрость в офицеры, он доблестно служил в Итальянском легионе. Участвуя во многих сражениях, Риссо в одном из них получил такую рану в шею, которая могла прикончить и носорога. Он чудом поправился, но из-за этой раны и многих других, оставивших рубцы на его теле, у Риссо оказалась почти парализованной рука.

Томмазо не получил почти никакого образования, но он был наделен от природы таким умом, который делал его способным к любому занятию. Он командовал пароходами на Лаго-Маджоре и превосходно справлялся с трудными заданиями. Ревностно заботясь о чести итальянского имени, он вступил бы в борьбу с самим дьяволом, попытайся тот запятнать его. Он был наделен всеми качествами, отличающими народного вожака; сильный, отзывчивый, великодушный. Среди простого люда Риссо был в своей стихии: он умел успокоить людей, когда они были взбудоражены, и пробудить в них энергию и героизм с помощью жеста или своего могучего голоса.

Смерть Риссо опечалила его товарищей, но особенно она была горестной потому, что помешала ему пролить кровь на полях сражений за Италию, за родину, которую он боготворил. Пусть же Чезена сохранит останки мужественного борца за свободу отчизны и пусть сограждане иногда вспоминают о нем с благодарностью и уважением, которые он заслужил!

Я добрался до Фолиньо, где находился Легион, но сейчас же получил приказ от правительства отправиться с Легионом в Фермо и занять этот пункт, которому никто не угрожал. Это доказывало, что и новые правители нам не доверяли и намеревались держать нас вдали от Рима. Мои замечания о том,

что у людей нет шинелей, необходимых для перехода через покрытые снегом Апеннины, остались без внимания. Поэтому нам пришлось вернуться назад, пройти через Кольфьерито и оттуда направиться к Фермо.

Я разгадал, разумеется, намерение правительства. Единственной причиной того, что нас направили в вышеназначенный пункт, было намерение услать нас подальше от столицы, где опасались общения людей из моего отряда, считавшегося слишком революционным, с населением Рима, которое тогда стремилось заставить уважать свои права. В этом убеждении нас еще больше укрепил приказ военного министра о том, что в моем Легионе не должно быть более пятисот человек.

В Риме господствовал тот же дух, что и в Милане и во Флоренции. Италия, оказывается, нуждалась не в бойцах, а в говорунах и торгашах, о которых можно было сказать то, что Альфьери[198] говорил об аристократах: «Либо высокомерны, либо унижены, но всегда подлы». Подобными краснобаями никогда не оскудевала именно наша бедная страна. Чтобы перехитрить и усыпить народ, деспотизм передал на некоторое время бразды правления болтунам, зная почти наверняка, что эти попугаи расчистят путь ужаснейшей реакции, назревавшей на всем полуострове.

Итак, в третий раз нужно было переходить Апеннины. Это было в середине зимы, в декабре 1848 г., а мои бедные товарищи были лишены теплой одежды. Среди тех зол, с которыми нам пришлось столкнуться в нашей бедной стране и которые причинили нам немало страданий, не последнее место занимала клевета духовенства. Яд этой клеветы, столь же затаенный и столь же смертельный, как и яд змей, распространялся среди невежественного населения, перед которым нас расписывали самыми страшными красками. Эти чернокнижники изображали нас как людей, способных на любое преступление против собственности и семьи, как разбойников без тени дисциплины, которых следовало остерегаться, как волков и душегубов. Правда, впечатление всегда менялось при виде красивых, воспитанных молодых воинов, окружавших меня. Почти все они были горожанами и культурными людьми. Хорошо известно, что в добровольческих отрядах, которыми я имел честь командовать в Италии, всегда отсутствовал крестьянский элемент вследствие усилий достопочтенных прислужников лжи. Мои солдаты принадлежали почти исключительно к выдающимся семьям различных итальянских провинций. Конечно, среди моих добровольцев было и несколько бандитов, без которых не обходится ни одна эпоха. Они незаметно затесались в наш отряд,

либо были засланы в него полицией или священниками, чтобы вызвать беспорядки и преступления и, таким образом, дискредитировать нас. Однако им трудно было творить свое дело и избежать кары, которая немедленно постигала их. Этих злодеев разоблачали сами добровольцы, которые ревностно заботились о поддержании чести Легиона.

При переходе Легиона из Романьи в Умбрию мы узнали, что жители Мачераты, боясь нашего продвижения через их город, намерены закрыть перед нами ворота. Но на обратном пути, когда мы двигались к Фермо, они, будучи лучше осведомлены и раскаиваясь в своей несправедливости, известили меня о горячем желании видеть нас в городе, дабы доказать, что они в первый раз были введены в заблуждение.

Во время нашего перехода через Апеннины погода была исключительно суровой, и мои люди очень настрадались; но прием в Мачерате был праздником, сгладившим все перенесенные муки. Население этого города не только встретило нас как братьев, но и упросило нас остаться у них в городе до получения нового правительственного распоряжения. И так как единственной целью нашего назначения в Фермо было услать нас подальше от Рима, то теперь, когда между нами и столицей пролегали Апеннины, населению Мачераты не трудно было добиться того, чтобы мы постоянно находились в этом городе. В Мачерате нужно было экипировать наших людей и, благодаря доброжелательству горожан и снабжению министерства, это удалось почти вполне.

В это самое время в Италии начались выборы депутатов в Учредительное собрание, и наши бойцы также должны были принять в них участие.

Выборы в Учредительное собрание! Это было величественное зрелище.

Сыны Рима после стольких веков рабства и позорной покорности под гнусным игом империи и еще более отвратительным игом папской теократии вновь были призваны в избирательные комиссии! Никаких беспорядков, никакого проявления страстей, кроме одной — страсти к свободе, к возрождению Родины! Не было торговли голосами, вмешательства властей или полиции, препятствующих свободному выражению народной воли; совершался священный обряд голосования. Не было ни единого случая покупки голоса или унижения горожанина в угоду власть имущему.

Потомки великого народа проявили при выборах своих представителей здравый смысл своих предков. Они выбрали мужей, могущих оказать честь человечеству любой части земного

шара, мужей, стойкость которых не уступала доблести сенаторов древности, или избранников в современной Швейцарии и в стране Вашингтона. Но ненависть, зависть и страх наших ничтожных властителей и духовенства не дремали. Напуганные возрождением революции, они тотчас же объединились, чтобы отсечь ее ростки, пока она еще не могла оказать серьезного сопротивления.

Не теряй надежды, Италия! Даже в печальное время, когда иностранные властители и твои собственные недоброжелатели трусливо стараются задушить тебя, не теряй веры! Еще не истреблено могучее юношество, защищавшее тебя на баррикадах Брешии, Милана, Казале, на мосту Минчо, на бастионах Венеции Болоньи, Анконы, Палермо, на улицах Неаполя, Мессины, Ливорно, наконец, на холме Джаниколо[199] и на Форуме[200] в древней столице мира. Рассеянное по всему свету, в обоих полушариях, оно еще пылает к тебе самой горячей любовью и жаждет твоего возрождения. Этого не понять равнодушным спекулянтам и дельцам, торгующим твоей плотью и кровью, не понять до тех пор, пока не наступит день, когда будет смыта вся грязь, которой они запятнали тебя. Не теряй веры, Италия! Люди, поседевшие в пламени битв, встанут во главе нового поколения, выросшего в ненависти к духовенству и чужеземцам и готового расправиться с ними. Они будут черпать силу в воспоминаниях о бесчисленных оскорблениях, в жажде мести за ужасные муки, испытанные в темницах и изгнании.

Итальянца нельзя соблазнить прекрасным климатом чужой страны, и ласки обходительной иностранки не смогут заставить его, подобно сынам севера, навсегда порвать с родиной. Он прозябает, он бродит задумчивый по чужой земле, но никогда не ослабеет у него жажда вновь увидеть свою прекрасную страну и вступить в борьбу за ее освобождение!

О Италия! Никто не знает, как долго продлится твое унижение. Но все уверены, что великий час твоего возрождения близок!

Глава 7
Провозглашение республики и поход на Рим

До конца января мы пробыли в Мачерате, потом направились в Риети с приказом занять этот город. Легион продвигался на этот раз по дороге через Кольфьерито, я же с тремя товарищами поехал по дороге на Асколи, а затем через долину Тронто, чтобы осмотреть неаполитанскую границу. В страшную метель мы перешли Апеннины по обрывистым кручам Сибиллы. У меня

начался приступ ревматических болей, которые помешали мне наслаждаться живописностью нашей дороги.

Я видел могучих горных жителей, нас всюду радостно встречали и с восторгом сопровождали. Горные склоны дрожали от кликов за свободу Италии. И все же, всего несколькими днями позже, это сильное и энергичное население, испорченное и обманутое священниками, восстало против Римской республики и взялось за оружие, доставленное ему черными предателями, чтобы бороться с ней.

Мы пришли в Риети, где Легион был окончательно экипирован. Но оказалось невозможным раздобыть ружья, чтобы вооружить всех бойцов. Видя бесполезность всех наших просьб, я приказал сделать пики и раздать их тем, у кого не было другого оружия.

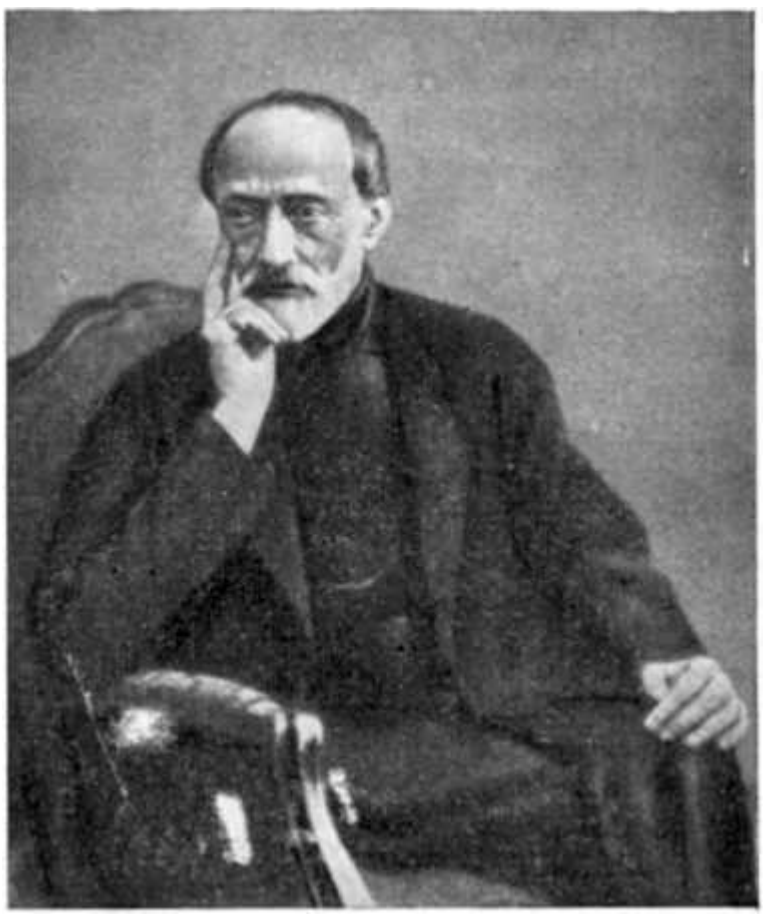
В Риети к нам примкнули Даверио[201], Уго Басси[202] и несколько закаленных бойцов, среди них братья Молина, а также Руджеро, проявившие себя как прекрасные офицеры в боях, в которых участвовал Легион.

Численность нашего отряда росла и улучшалась его организация. Однако римское правительство не нуждалось в настоящих бойцах, и подобно тому как раньше оно ограничило численность Легиона пятьюстами бойцами, так теперь оно требовало от меня, чтобы в нем было не более тысячи человек. Так как я уже набрал несколько большее количество, то для того, чтобы всех удержать, мне приходилось урезывать даже офицерам и без того их скромное жалование. Но ни одного слова неудовольствия не раздалось в рядах моих великодушных товарищей по оружию. Пребывание в Риети я использовал для обучения моих легионеров; кроме того, были приняты меры для защиты границы против попыток Бурбона, который уже сбросил с себя маску и выступил открытым противником свободы Италии[203]. Избранный в Мачерате в Учредительное собрание, я отправился в Рим для участия в его работе[204]. 8 февраля 1849 г. в 11 часов вечера я имел счастье одним из первых подать свой голос за республику, провозглашенную почти единогласно, за славной памяти республику, которая так скоро должна была пасть жертвой иезуитизма, связанного, как всегда, с европейской автократией.

Это было 8 февраля 1849 г. Меня, страдавшего от ревматизма, внес на своих плечах в зал римского собрания мой адъютант Буэно. 8 февраля 1846 г. я почти в тот же час вынес на своих плечах немалое количество моих стойких легионеров со славного поля битвы в Сант-Антонио; затем мы усадили их на лошадей, чтобы проделать трудный, но славный переход в

Сальто.

Теперь я присутствовал при возрождении величайшей из республик — римской — на арене величайших событий в мире — в Риме! Сколько надежд, какие перспективы! Итак, не были пустой фантазией мои ранние мечты — этот вихрь идей и пророчеств, воспламенявших мое юношеское воображение, когда я, тогда еще восемнадцатилетний, впервые бродил среди развалин великолепных памятников Вечного города. Не были фантазией эти надежды на возрождение родины, заставлявшие меня трепетать в дебрях американских лесов, среди бурь океана и побуждавшие меня выполнить свой долг в отношении угнетенных, страдающих народов!



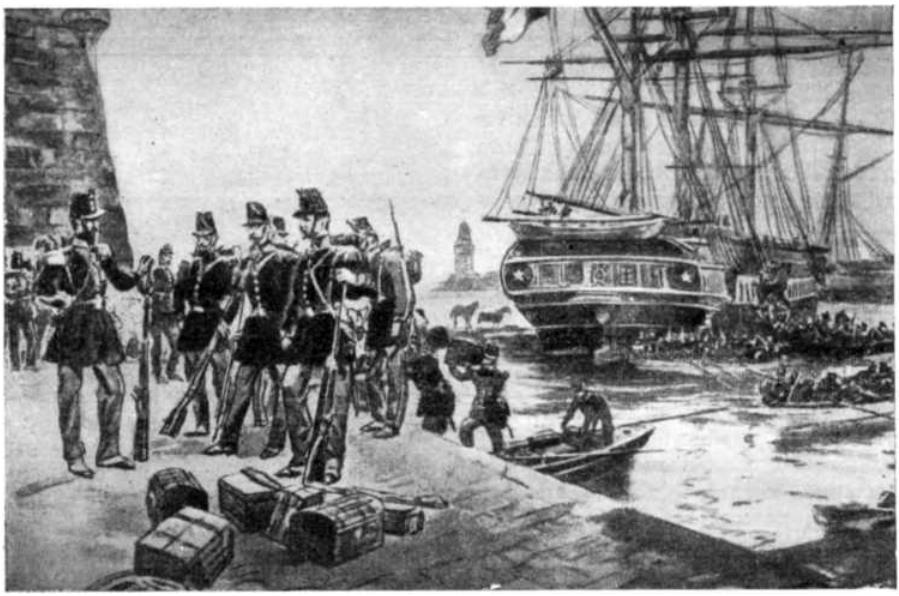
Джузеппе Мадзини Фотография 1870 г.

В том самом зале, в котором некогда, во времена величия Рима собирались старые трибуны, свободно собрались мы, быть может не совсем недостойные наших праотцов, если нас вдохновлял гений, которого они имели счастье знать и восторженно приветствовать[205]. И вещее слово Республика вновь раздалось в священном зале, как в тот день, когда из него навсегда были изгнаны цари!

Итак, завтра в Капитолии, на форуме будет провозглашена республика — народом, который страдал столько веков, но не забыл, что он потомок величайшего народа в мире.

Тем временем по ту сторону Альп хвастливые шовинисты[206] уверяли, что итальянцы не умеют сражаться, что они не заслуживают быть свободными. Предводительствуемые священниками, они двинулись на Римскую республику, чтобы обмануть и уничтожить ее[207].

Единение Италии напугало автократическую и иезуитскую Европу, особенно наших западных соседей, политики которых объявили господство в Средиземном море своим законным и неоспоримым правом, не принимая в расчет многочисленных наций, имевших больше прав, чем они.



Интервенция французских войск против Римской республики.

Рисунок неизвестного художника

Музей К. Маркса и Ф. Энгельса. Москва

Из-за наших злополучных внутренних раздоров они сумели разложить нашу среду и с лицемерием иезуитов, с которыми они связаны, расточить наше добро. Но никто не лишит нас права бросить им в лицо правду об их лживых приемах и заставить их признаться по крайней мере в том, что они страшатся увидеть нас снова сплотившимися в древнем и могучем союзе.

Ныне, подобно нам, они являются вассалами этого шутовского императора[208], который правит ими, который хочет добиться уважения всех наших мелких деспотов и преступное господство которого будет в конце концов ниспровергнуто в прах мечом вечной справедливости.

После провозглашения Римской республики я вернулся из Рима в Риети. В конце марта пришел приказ выступить с Легионом в Ананьи. В апреле стало известно, что французы находятся в Чивита-Веккье. После занятия ими этого приморского города, который мог бы защищать себя, если бы не обман одних и глупость других, стало очевидным, что французы намереваются идти на Рим[209].

В это время генерал Авеццана[210] прибыл в Рим, где занял пост военного министра. Я не был знаком с Авеццана лично, но то, что мне было известно о его качествах и его военной деятельности в Испании и Америке, заставляло меня питать к нему глубокое уважение. Его появление во главе военного министерства исполнило меня большими надеждами, которые не обманули меня. Первое, что он сделал, — это прислал мне пятьдесят новых ружей, а ведь до этого момента я не мог получить ни одного, несмотря на частые просьбы. Вскоре пришел приказ двигаться к Риму, которому угрожали солдаты Бонапарта.

Не нужно говорить, с какой готовностью мы поспешили на защиту города великих воспоминаний. Легион, состоявший, когда я выступил из Генуи, из шестидесяти человек, насчитывал теперь около тысячи двухсот. Правда, мы прошли немалую часть Италии, но если учесть, что от нас повсюду отворачивались

правительства, что на нас клеветали так, как только могут клеветать священники, что мы нуждались в самом необходимом и большую часть времени не имели оружия, если учесть все лишения, которые расхолаживали добровольцев и затрудняли их организацию, если учесть все эти трудности, то численность бойцов Легиона могла внушать удовлетворение. Мы пришли в Рим и разместились в покинутом монахинями монастыре Сан-Сильвестро.

Глава 8
Оборона Рима

Пребывание Легиона в монастыре Сан-Сильвестро было кратковременным. Уже на другой день пришел приказ расположиться бивуаком на площади в Ватикане и занять часть городской стены от ворот Сан-Панкрацио до ворот Портезе. Предстояло наступление французов, и нужно было приготовиться к их встрече.

День 30 апреля должен был озарить славой юных и неопытных защитников Рима и стать свидетелем позорного бегства наемников, священников и реакции. План обороны, выработанный генералом Авеццана, был достоин этого ветерана свободы. С неутомимой энергией он вникал во все дела и появлялся повсюду, где могло потребоваться его присутствие. Получив поручение защищать стену между воротами Сан-Панкрацио и Портезе, я занял сильные передовые позиции перед этими воротами, использовав с этой целью господствующие над местностью дворцы Вилла Корсини (Куаттро Венти), Вашелло и другие пункты, пригодные для обороны.

Учитывая ключевое положение этих позиций, нетрудно было понять, что ни в коем случае нельзя было допустить их перехода в руки неприятеля, ибо в случае их потери оборона Рима стала бы крайне трудной, или вовсе невозможной.

В ночь на 30 апреля я выслал лазутчиков на обе дороги, ведущие к оборонявшимся нами воротам. Двум небольшим патрулям было поручено устроить у дороги засаду в таком месте, чтобы поймать хоть несколько неприятельских разведчиков.

Утром передо мной стоял на коленях солдат неприятельской кавалерии и молил о сохранении жизни. Признаюсь, как бы ни был сам по себе незначителен факт захвата пленного, он поднял у меня настроение и вселил надежду на то, что день будет удачным. Передо мной была коленопреклоненная Франция, приносившая повинную за недостойное, позорное поведение ее правителей. Захват пленного был осуществлен очень смело и

хладнокровно патрулем под командованием молодого ниццардца Риккьери. Наши люди обратили в бегство отряд вражеских разведчиков, хотя он превосходил по численности наш патруль. Противник бросил часть оружия.

Так как было известно о приближении врага, то представлялось очень полезным расположить несколько засад у дорог, по которым должны были двигаться силы неприятеля. Это обеспечило две почти верные выгоды: во-первых, позволяло узнать о месте появления передовых частей противника, а во-вторых, давало возможность захватить несколько пленных.

Тем временем с господствующих над Римом высот стала видна вражеская армия, медленно и с предосторожностями приближавшаяся к городу. Она стягивалась по дороге из Чивита-Веккьи к воротам Кавалледжьери и двигалась колонной. Приблизившись на расстояние пушечного выстрела, неприятель установил на высотах артиллерию и выслал несколько отрядов, которые двинулись прямо на штурм стен.

Способ неприятельского генерала вести атаку был воистину жалок: настоящий Дон Кихот, атакующий ветряные мельницы. Он действовал так, точно перед ним не было никаких укреплений, точно их защищали маленькие дети. В самом деле генерал Удино, отпрыск маршала первой империи, не счел даже нужным раздобыть себе карту Рима, чтобы разогнать несколько «итальянских разбойников». Однако он скоро должен был убедиться, что эти люди защитят свой город от наемников, являющихся республиканцами только по имени. Бесстрашные сыны Италии, хладнокровно подпустив противника поближе, обрушили на него огонь из мушкетов и орудий, скосивший немало вырвавшихся вперед неприятельских солдат.

С высоты Куаттро Венти я наблюдал атаку неприятеля и прекрасный прием, оказанный ему нашими у ворот Кавалледжьери и на прилегающих стенах. Нападение на правый фланг неприятеля казалось мне вполне возможным. Две роты, посланные мною с этой целью, привели его в расстройство. Однако затем наши отряды были отбиты превосходящими силами неприятеля и вынуждены были отступить на исходные позиции, т. е. до последних строений этой части Рима. В этой первой стычке мы потеряли доблестного капитана Монтальди. Тот, кто был знаком с Гоффре-до Мамели[211] и капитаном Де Кристофорисом[212], может составить себе представление о Монтальди. Он был подобен им душой и внешностью. Монтальди во время сражения командовал своими бойцами с таким спокойствием, как будто он находился на маневрах или беседовал в кругу друзей. Он, вероятно, не получил такого образования, как

два других упомянутых мною доблестных борца за свободу Италии, но ему были присущи та же неустрашимость, та же доблесть, тот же гений. Какой бы из него вышел генерал! Италия всегда помнила бы о нем и доверила бы ему своих сынов в день суда над некоторыми сильными мира сего, в день, когда потребовалось бы смыть оскорбления.

Монтальди состоял в Итальянском легионе Монтевидео с самого начала его организации. Он был тогда еще очень молод, но принимал участие в бесконечных стычках, обнаруживая неизменную храбрость. Он был одним из первых, кто заявил о своем желании покинуть Монтевидео и переплыть океан, чтобы послужить делу освобождения родины. Генуя может с гордостью начертать на своих скрижалях имя Монтальди рядом с именем своего поэта-воина — Мамели.

Штаб Легиона Гарибальди в Риме.

Иллюстрация из журн.: «The Illustrated London News», 1849

Французы, приблизившись вплотную к нашим позициям в районе Казини, попали под перекрестный огонь. Они

остановились и постарались воспользоваться для прикрытия всеми преимуществами местности, а также стенами разбросанных повсюду многочисленных вилл; из-за этих прикрытий они вели усиленный огонь. Бой продолжался таким образом некоторое время, но, получив подкрепление из тыла, мы так нажали на противника, что он стал отступать все дальше и дальше, пока, наконец, не обратился в бегство. Орудийный огонь, открытый со стен, и наша вылазка из ворот Кавалледжьери довершили победу. Потеряв много убитых и оставив в наших руках несколько сот пленных, неприятель отступал в беспорядке и безостановочно до Кастель-Гуидо.

Доблестному генералу Авеццана, организатору обороны, принадлежит главная заслуга в успехе, достигнутом в этот день. Во время сражения он неизменно появлялся там, где бой был особенно жарким, и своим голосом и мужественным видом подбадривал наших молодых воинов.

Генерал Бартоломео Галлетти со своим Римским легионом сражался бок о бок с нами и внес огромный вклад в победу. Хотя отряд под командованием генерала Арчони присоединился к нам позже, он также помог нанести поражение противнику и захватил большое число пленных. Батальон университетской молодежи и части других отрядов, присоединившиеся к Легиону во время сражения, также дрались превосходно. Прусский полковник Хауг, тот самый, который в 1866 г. сражался вместе с нами в чине генерала, в течение всего боя исполнял обязанности моего адъютанта с большой смелостью и хладнокровием. Марроккетти, Раморино, Франки, Коччелли, Бруско (Минуто), Перальта и все мои товарищи по Монтевидео доказали, что их репутация храбрецов приобретена по праву.

Отважные Мазина, Даверио, Нино Боннэ[213] и другие смельчаки, чьи имена я хотел бы вспомнить, держались блестяще.

Это первое сражение с опытными войсками высоко подняло боевой дух наших легионеров, доказавших это в последующих боях.

Еще в день атаки я получил приказ наблюдать за французами и отправился с Легионом и небольшим отрядом конницы к Кастель-Гуидо, где мы провели часть дня в виду неприятеля. Около полудня в (качестве парламентера появился французский врач, которого я направил к правительству. Генерал Удино, не чувствуя себя в силах совершить нападение, хотел с помощью переговоров выиграть время, чтобы дождаться подкрепления из Франции. Используя слабость и страх Удино, мы могли бы гнать противника до моря, а затем добить его.

В мае произошли сражения три Палестрине и Веллетри, в

которых Легион покрыл себя славой. Солдаты неаполитанского Бурбона, которые вместе с французами, австрийцами и испанцами еще раньше вторглись в пределы Римского государства, придя в Палестрину, атаковали нас и получили решительный отпор. В сражении отличились Манара со своими храбрыми берсальерами, Дзамбьянки, Марроккетти, Мазина, Биксио, Даверио, Сажки, Коччелли и др. Сражение при Веллетри, где войсками руководил наш главнокомандующий генерал Росселли, было несколько серьезнее. Здесь находился король Неаполя собственной персоной со всей своей армией; у нас было около восьми тысяч человек, принадлежавших к различным родам войск.

Мы выступили из Рима по дороге из Цагароло в Монте-Фортино, чтобы зайти в тыл неаполитанской армии. Генерал Росселли приказал мне командовать ударными силами. В авангард был назначен полковник Марроккетти с Итальянским легионом, особенно преданным мне с самого начала его формирования. Он состоял большей частью из моих старых братьев по оружию. Поэтому я двигался вместе с авангардом, собирая среди местных жителей сведения о противнике и пересылая их в главную квартиру. Из этих тщательно собранных сведений я заключил, что противник отходит, и не ошибся.

Достигнув с авангардом высот, которые господствуют на Веллетри со стороны Монте-Фортино, мы сделали привал. С целью разведки местности я приказал развернуть Легион справа и слева от дороги, которая вела в Веллетри. Часть третьего линейного полка, также входившего в состав авангарда, осталась в качестве резервной колонны на дороге, а несколько рот были развернуты справа и слева в виноградниках, вплотную прилегавших к этой дороге. Два орудия были установлены позади третьего полка на возвышенном месте, с которого простреливалась дорога; часть конницы Мазина была выдвинута вперед для разведки, а часть оставалась в резерве. Противник заранее отослал поклажу и тяжелую артиллерию в Неаполь по Аппиевой дороге, но в Веллетри находилась еще большая часть его сил. Зная о небольшой численности наших войск, противник хотел попытаться предпринять, по крайней мере, рекогносцировку. Поэтому он направил против нас колонну под защитой и при поддержке сильных стрелковых цепей на флангах, в виноградниках, энергично атаковал и опрокинул наши форпосты, отбросив их к нашим главным силам. В то же время авангард неприятельской конницы напал на немногочисленных всадников нашего отряда, высланных в качестве разведчиков вперед по дороге.

Чтобы помочь им, я приказал атаковать неприятельскую конницу нашему маленькому кавалерийскому резерву, который мужественно отбросил врага. Но достигнув вершины холма, наши столкнулись на той же дороге с головой главной колонны противника, направлявшейся в нашу сторону.

Естественно, наши сразу же отступили, преследуемые теперь, в свою очередь, кавалерией Бурбона. Так как (кони в нашем отряде были большей частью молодые, еще не привыкшие к войне, они понеслись назад во весь дух. Стыдясь этого позора на глазах такого количества врагов и друзей, я поступил неблагоразумно: чтобы удержать бегущих, я стал со своей лошадью поперек дороги. Так же поступили и некоторые мои адъютанты, и мой храбрый чернокожий помощник Андреа Агуяр[214]. Мгновение спустя на том месте, где я остановился, образовался беспорядочный клубок из упавших людей и лошадей. Всадники, будучи не в силах удержать коней, налетели на нас с такой силой, что опрокинули нас и грохнулись сами. Таким образом образовалась бесформенная груда тел и эта узкая дорога оказалась настолько загроможденной, что по ней невозможно было пройти даже пехотинцу. Тем временем подоспели враги с саблями наголо. Все же нам удалось справиться с суматохой, в которую мы попали. Спустя мгновение, наши легионеры, расставленные в виноградниках справа и слева от дороги, по команде своих офицеров энергичными ударами по неприятелю отбросили его и, таким образом, позволили нам выкарабкаться из этой неописуемой свалки. Кроме того, справа от меня находился отряд юношей. Увидев, что я упал, они, как бешеные, бросились на врага. Думаю, что своим спасением я обязан главным образом этим храбрым ребятам, ибо рухнувшие на меня лошади и люди придавили меня так, что я не мог шевельнуться. Высвободившись, наконец, с большим трудом, я ощупал себя, чтобы убедиться нет ли где-нибудь переломов.

На правом фланге, который был главным и являлся ключом к позиции, наступление наших под предводительством Манара и Даверио шло так стремительно, что еще немного и они настигли бы неприятеля в Веллетри. Приблизившись к этому городу, я убедился еще больше в том, что неприятель отступает. Узнав по дороге о передвижении тяжелой артиллерии и обоза неприятеля, я теперь увидел неприятельскую кавалерию, построенную в эскадроны по ту сторону Веллетри, со стороны Виа Аппиа, т. е. на дороге, по которой должно было происходить отступление.

Я направил подробный доклад обо всем главнокомандующему. Но, к несчастью, наши главные силы были еще далеко, у Цагароло, где они ждали провианта, прибытие

которого из Рима задерживалось. Я же, напротив, кормил своих людей по ходу марша, используя рогатый скот, имевшийся в изобилии на больших фермах, принадлежавших кардиналам[215].

Наконец, около четырех часов пополудни (наша стычка произошла рано утром) подошел главнокомандующий с авангардом основных сил. Я долго пытался убедить вновь прибывших, что противник готов к отступлению, но напрасно. По прибытии генерал Росселли тотчас же приказал провести рекогносцировку, а войскам сделать все приготовления к атаке на следующее утро. Но противник предпочел не предоставлять нам благоприятной возможности и ночью очистил Веллетри, чтобы провести отступление по возможности бесшумно, солдатам было приказано снять сапоги и обернуть соломой колеса орудий.

На рассвете было доложено, что город оставлен, и с высот мы увидели противника, поспешно отступающего по Виа Аппиа к Террачине и Неаполю. Главнокомандующий с нашим основным корпусом снова отправился из Веллетри в Рим, я же получил от него приказ вступить в пределы Неаполитанского королевства и двигаться по маршруту Ананьи, Фрозиноне, Чепрано и Рокка д'Арче, где мне предстояло соединиться с берсальерами Манара, которые шли в авангарде. В походе участвовали полк Мази, Итальянский легион и небольшое количество конницы.

Храбрый полковник Манара, двигавшийся в авангарде со своими берсальерами, неотступно преследовал генерала Виале, командовавшего неприятельским отрядом, который ни на минуту не замедлил отступления, хотя бы для того, чтобы узнать, кто его преследует. В Рокка д'Арче к нам явились различные депутации из окрестных селений, чтобы приветствовать нас как освободителей. Они просили нас продвинуться в глубь королевства, где, как они уверяли, нам обеспечены сочувствие и поддержка всего населения.

В жизни народов, как и в жизни отдельных людей, бывают решающие моменты. Таков был и данный момент — решающий и торжественный. Чтобы не упустить его, нужно было действовать умело и энергично.

Я сознавал это и приготовился к броску в Сан-Джермано. В таком случае мы легко и без всяких затруднений проникли бы в сердце бурбонского государства, имея позади себя Абруццы, суровые жители которых готовы были встать на нашу сторону. Расположение населения, деморализация разбитого в двух сражениях вражеского войска, которое, как стало известно, было в состоянии разложения, ибо солдаты стремились вернуться по домам; пыл моих молодых воинов, до сих пор выходивших победителями из всех сражений и потому готовых и дальше

биться как львы, сколько бы ни было перед ними вражеских солдат; еще не укрощенная Сицилия, воодушевленная поражениями своих угнетателей, — все это предвещало большой успех в случае смелого наступления. Но приказ римского правительства отозвал меня обратно в Рим, которому снова угрожали французы. Чтобы прикрыть этот акт неуместной слабости, эту тяжелую ошибку, мне позволяли, возвращаясь в Рим, совершить путь вдоль Абруцц.

Если бы тот, кто после капитуляции Милана в 1848 г. призывал меня снова перейти Тичино и не только удерживал в Швейцарии добровольцев, стремившихся присоединиться ко мне, но и побуждал моих людей дезертировать[216] даже после победы при Луино, предложив Медичи заявить мне, что они потребуются для лучшего дела; если бы тот, кто, смирясь с моим желанием, позволил мне выступить и победить при Палестрине, тот, кто затем, не знаю уже по каким соображениям, предложил мне двигаться к Веллетри под началом главнокомандующего Росселли; словом, если бы Мадзини, воля которого была абсолютно решающей в триумвирате, понял, что я тоже кое-что смыслю в военном деле, он мог бы оставить главнокомандующего в Риме, доверить лично мне второе предприятие так же, как доверил первое, и позволить вторгнуться в Неаполитанское королевство, разгромленная армия которого была не в состоянии оправиться, а население готово было встретить нас с распростертыми объятиями. Как бы все изменилось! Какое будущее открывалось перед Италией, еще не сломленной чужеземным нашествием![217] Вместо этого он отзывает все республиканские войска — от бурбонской границы до Болоньи — и стягивает их снова к Риму, преподнося их, как на блюде, тирану с берегов Сены[218], который вместо сорока тысяч готов послать, если понадобится, сто тысяч, чтобы истребить наше войско одним ударом. Тот, кто знает Рим и его линию стен, протянувшуюся на 18 миль, прекрасно поймет, что невозможно было защитить город с набольшими силами против огромной и превосходно оснащенной неприятельской армии, которая была у французов в 1849 г.

Поэтому нельзя было стягивать для защиты столицы все силы римской армии. Большую часть их следовало перебросить на неприступные позиции, в изобилии имеющиеся на территории государства, призвать к оружию все население, а мне дать возможность продолжать победоносное продвижение в глубь страны. Наконец, после того как были оттянуты все возможные оборонительные средства, само правительство покинуло бы столицу и обосновалось в каком-либо центральном и хорошо

защищенном районе.

Конечно, в то же время следовало бы принять некоторые меры общественной безопасности против духовенства, которое, поскольку эти меры не были приняты, имело полную возможность участвовать в заговорах и интриговать, словам способствовать падению республики и несчастьям Италии.

К каким результатам могли привести эти меры спасения? Если нам и было суждено потерпеть поражение, то это произошло бы по крайней мере после того как было сделано все возможное, и мы выполнили бы свой долг; и уж, конечно, это случилось бы после поражения революции в Венгрии и Венеции.

Вернувшись в Рим из Рокка д'Арче и узнав в каком положении находится национальное дело, я, предвидя неминуемую гибель, потребовал диктатуры[219] — так же, как в некоторых случаях моей жизни я требовал передать мне в руки управление судном, которое шторм бросал на скалы.

Мадзини и его сторонники были возмущены этим. Однако спустя несколько дней, 3 июня, когда противник, обманув их, завладел господствующими позициями, которые мы потом напрасно старались вернуть ценой драгоценной крови, — тогда глава триумвиров написал мне и предложил пост главнокомандующего. Я был занят на почетном посту, поэтому, сочтя своим долгом поблагодарить его, продолжал кровавое дело этого злосчастного дня[220].

Удино, усыпив республиканское правительство Рима переговорами, получил тем временем нужное ему подкрепление и приготовился перейти к атаке. Он известил Рим, что вновь откроет военные действия 4 июня, и правительство положилось на слово вероломного наемника Бонапарта[221]. С апреля, когда создалась угроза для города, и до июня не подумали ни о каких мерах защиты, особенно в отношении важнейших опорных пунктов, являвшихся ключом к обороне Рима. Я припоминаю, что после победы 30 апреля генерал Авеццана и я на совещании, состоявшемся на высоте Куаттро Венти, решили укрепить эту передовую, а также некоторые другие менее важные боковые позиции. Но генерал Авеццана был послан в Анкону, а я был поглощен другими делами. Несколько рот были выдвинуты в качестве аванпостов перед воротами Сан-Панкрацио и Кавалледжьери, поскольку неприятель находился с этой стороны у Кастель-Гуидо и Чивита-Веккии.

Я вернулся из Веллетри, находясь, признаюсь, в мрачном настроении из-за скверного оборота, который приняло дело моей бедной родины. Легион расположился у Сан-Сильвестро, и мы думали только о том, чтобы дать бойцам возможность отдохнуть

после трудного похода. Однако Удино, объявивший о возобновлении военных действий 4 июня, счел за лучшее неожиданно начать атаку в ночь со второго на третье. Рано утром нас разбудили ружейные выстрелы и гром канонады, доносившийся со стороны ворот Сан-Панкрацио. Забили тревогу. Несмотря на усталость, легионеры мгновенно вооружились и направились к месту, откуда слышался шум боя. Наши люди, занимавшие передовые позиции, были предательски застигнуты врасплох, часть их была перебита, другая — захвачена в плен. Когда мы подошли к воротам Сан-Панкрацио, враг уже овладел высотой Куаттро Венти и другими господствующими позициями. В надежде, что враг еще не успел прочно укрепиться на захваченных позициях, я приказал немедленно атаковать Казино Куаттро Венти. Я чувствовал, что Рим будет спасен, если эти позиции снова перейдут в наши руки, и погибнет, если враг утвердится на них. Поэтому это место было атаковано не просто энергично, но с настоящим героизмом, сначала первым Итальянским легионом, потом берсальерами Манара, и, наконец, различными другими отрядами. До глубокой ночи, сменяя один другого, они атаковали, все время поддерживаемые нашей артиллерией. Но враг, который также понимал важность упомянутых позиций, занял их отрядом своих отборных войск. Все попытки наших лучших бойцов отвоевать их оказались напрасными.

Итальянцы, предводительствуемые доблестным Мазина, ворвались в это Казино и бросились в рукопашную на французов, много раз заставляя отступать этих закаленных в африканской войне солдат. Закипел ожесточенный бой, но численный перевес противника был слишком велик. Он постоянно вводил в бой крупные свежие силы, и это делало бесполезным все героические усилия наших бойцов.

Я направил в поддержку Итальянского легиона отряд Манары, нашего товарища по славе во всех битвах. Небольшой его отряд состоял из храбрейших бойцов и был самым дисциплинированным в Риме. Сражение продолжалось еще некоторое время, но в конце концов под давлением численно превосходящего противника, силы которого непрерывно возрастали, наши вынуждены были отступить.

Это сражение 3 июня 1849 г., одно из самых славных для итальянского оружия, длилось с рассвета до ночи. Попытки отбить Казино Куаттро Венти были многочисленны и кровопролитны. С наступлением сумерек я с несколькими свежими ротами полка «Унионе» и при поддержке других отрядов предпринял попытку штурма. С поразительной отвагой они

бросились в атаку на Казино, где завязалась ожесточеннейшая схватка, но численное превосходство противника было слишком велико, и эти бесстрашные воины, потеряв своего командира и многих товарищей, также принуждены были отступить. Мазина, Даверио, Перальта, Мамели, Дандоло, Раморино, Морозини, Паницци, Давиде, Мелара, Минуто — какие имена! — и многие другие герои, имен которых не припомню, пали жертвами духовенства и солдат республики, развязавшей братоубийственную войну.

Воздвигнет ли Рим, избавившийся от некромантов[222] и воров, памятник этим гордым сынам Италии на развалинах мавзолея, возведенного духовенством для иноземного захватчика и убийцы?

Первый Итальянский легион, насчитывавший едва ли тысячу человек, потерял двадцать три офицера (почти все они были убиты), много офицеров потеряли отряд Манары и полк «Унионе», сражавшиеся столь же мужественно; другие части также лишились множества офицеров, имен которых я не запомнил.

3-е июня решило участь Рима. Лучшие офицеры и унтер-офицеры были убиты или ранены. Неприятель овладел ключом ко всем доминирующим позициям. Используя громадное преимущество в людской силе и артиллерии, он прочно укрепился на них так же, как и на сильных фланговых позициях, захваченных в результате внезапного нападения и предательства. Вслед за тем неприятель приступил к регулярной осаде, словно перед ним была первоклассная крепость. Это доказывает, что он столкнулся с итальянцами, умевшими сражаться.

Я не буду касаться осадных работ, сооружения параллельных траншей, установки осадных батарей, бомбардировки из мортир и других оборонительных мер. Обо всем этом, полагаю, самым подробным образом рассказано многими другими; я же не смог бы сообщить об этом достаточно четко, поскольку не располагаю в данный момент сведениями и документами, которые потребовались бы мне для подобного рассказа. Однако я могу с твердой уверенностью сказать, что с апреля до июня наши юные бойцы сказывали опытному, далеко превосходившему их в численном отношении, лучше организованному и обеспеченному врагу доблестное сопротивление, защищая повсюду каждую пядь земли; не было ни одного случая бегства от столь могучего неприятеля, ни одной стычки, в которой наши уступили бы превосходящим в силе и в численности войскам без яростной борьбы.

Как я уже сказал, наши части лишились своих лучших

офицеров и бойцов. В линейных, т. е. бывших папских, войсках некоторые держались вначале превосходно. Теперь, поняв, что события принимают плохой оборот, они стали проявлять бездеятельность и упрямство, являющиеся преддверием недоверия и предательства. Пройдя выучку у духовенства, они действовали по-иезуитски, уклоняясь от порученных им обязанностей. В особенности высшее офицерство, которое рассчитывало на восстановление папской власти и от которого республиканское правительство не хотело или не смогло избавиться, не только оказывало сопротивление приказаниям, но и подстрекало к неповиновению все чины своего войска. Это вызывало бесконечные разлады между ними и отважным Манарой — начальником моего Генерального штаба — и служило в то же время очевидным предвестником приближавшегося краха.

Была сделана попытка ночной вылазки, но паника, охватившая тех, кто шел впереди, передалась всей колонне, что привело к полному срыву всего предприятия. Мы удерживали совсем немногие позиции за чертой города, так как у нас не было достаточно сил, чтобы оборонять их. Один лишь Вашелло удалось удержать до конца благодаря доблести Медичи и его людей. Когда же наши оставили его, от этого обширного строения осталась лишь груда развалин.

Положение со дня на день ухудшалось. Нашему самоотверженному Манаре приходилось преодолевать все больше трудностей, чтобы добиться несения службы постами и сторожевым охранением, необходимой для общей безопасности, но изъяны в ее организации облегчали, конечно, проникновение неприятеля в бреши, пробитые в стенах орудиями наемников Бонапарта. Через них проходили ночью, притом с ничтожными потерями, ибо эти бреши плохо охранялись.

Если бы Мадзини — не следует перекладывать вину на других — обладал практическими навыками в такой же степени, в какой он был красноречив, строя планы различных предприятий и восстаний; если бы он обладал на самом деле — на что всегда претендовал — способностями руководить военными операциями; если бы он, кроме того, согласился выслушать некоторых из своих сторонников, прошлое которых позволяло предполагать, что они разбираются кое в чем[223], — в таком случае он избежал бы многих ошибок, и в тех обстоятельствах, о которых идет речь, мог бы, если и не спасти Италию, то хотя бы отсрочить развязку римской трагедии на неопределенно долгое время. В таком случае, повторяю, перед Римом открывалась возможность покрыть себя славой благодаря тому, что он пал бы последним, т. е. после Венеции и Венгрии. За день до героической

смерти Манара я послал его к Мадзини, чтобы убедить его покинуть Рим и двинуться со всеми имевшимися в нашем распоряжении силами, материалами и средствами (кстати, отнюдь не малыми) к Апеннинам и занять там прочные позиции. Не знаю, почему это не было сделано? Истории известны такие решительные акции, обеспечившие спасение. Свидетелем одной из них был я сам в республике Риу-Гранди; другая была в недалеком прошлом предпринята Соединенными Штатами Америки.

Неверно, что подобный шаг был невозможен: ведь спустя несколько дней я беспрепятственно вышел из Рима с почти четырьмя тысячами людей. Избранные народом депутаты, в большинстве своем юные, энергичные патриоты, пользующиеся любовью в своих округах, могли бы отправиться в них, пробудить патриотические чувства населения и, таким образом, попытаться изменить ход событий. Вместо этого ограничились разговорами о том, что оборона становится невозможной, а депутаты оставались на своем посту.

Эта мужественная решимость делала честь отдельным индивидуумам. Если же говорить о славе и интересах родины, то она стоила немногого и не могла считаться похвальной в тот момент, когда было еще много готовых к борьбе вооруженных людей и когда Венгрия и Венеция продолжали сражаться с врагами Италии. Между тем, ожидали вступления в Рим французов, чтобы сдать им оружие, которое должно было послужить для того, чтобы увековечить печальное и позорное состояние рабства[224].

Я с горстью моих товарищей решил не сдаваться, продолжать борьбу и попытаться еще что-то сделать. Г-н Кэсс, американский посланник, зная о положении вещей, прислал ко мне 2 июля гонца, чтобы сказать, что он желает со мной поговорить. Я отправился и встретился с ним на улице. Он сделал мне любезное предложение: если я с теми из моих товарищей, которые могли подвергнуться риску, пожелаю отплыть, то в Чивита-Веккия к моим услугам находится американский корвет.

Я выразил великодушному представителю великой республики свою благодарность, но изъявил желание покинуть Рим с теми, кто решит ко мне присоединиться, дабы попытаться еще раз изменить судьбу моей родины, что я не считал еще безнадежным. Я направился затем к воротам Сан-Джованни, навстречу моим бойцам, которым я велел собраться у этих ворот и приготовиться к уходу. Большую часть моих людей я нашел уже на месте, остальные подходили. Много отдельных лиц из различных частей, догадавшихся о нашем замысле, и другие,

заранее оповещенные о нем, также явились, чтобы присоединиться к нам, не желая подчиниться унизительным условиям и сложить оружие к ногам солдат Бонапарта, руководимых священниками.

Глава 9
Отступление

Несмотря на все мои усилия убедить ее остаться, моя славная Анита[225] решила сопровождать меня. Объяснения, что мне придется вести жизнь, полную тягот, лишений и опасностей, в окружении полчищ врагов, лишь подбодрили мужественную женщину. Напрасны были мои ссылки на ее беременность. В первом попавшемся доме она попросила какую-то женщину обрезать ей волосы, надела мужское платье и вскочила на коня.

Осмотрев с городских стен окрестности, чтобы убедиться, не находится ли вражеская часть на дороге, по которой мы должны были двинуться, я отдал приказ начать поход к Тиволи, приготовившись сражаться с любым врагом, который попытался бы остановить нас. Поход прошел без помех, и утром 3 июля мы достигли Тиволи. Я надеялся привести здесь в порядок остатки различных частей, составлявших мой небольшой отряд[226].

До сих пор дело шло не так уж плохо. Хотя я лишился большей части моих лучших офицеров, убитых или раненых: Мазины, Даверио, Манары, Мамели, Биксио, Перальта, Монтальди, Раморино и многих других, Но некоторые были еще со мною — Марроккетти, Сакки, Ченни, Коччелли, Иснарди. И если бы народ и бойцы не находились в таком подавленном настроении, я мог бы в течение длительного времени вести успешную борьбу, предоставив возможность итальянцам, оправившимся от неожиданности и уныния, сбросить иго захватчиков-иноземцев. К несчастью, однако, этого не произошло!

Я очень скоро убедился, что впереди у меня мало надежды довести до конца казалось уготованное для нас самой судьбой славное и великое предприятие. Выступив из Тиволи, я продвинулся на север, чтобы проникнуть к энергичным жителям этой области и попытаться пробудить в них любовь к родине. Однако мне не только не удалось привлечь к нам хоть одного человека, но каждую ночь, словно испытывая потребность скрыть в темноте позорное дело, дезертировал то один, то другой из последовавших за мной из Рима. Если бы мы обладали стойкостью и самоотверженностью тех американцев, среди которых я жил когда-то! Лишенные всех жизненных удобств, удовлетворяясь любой пищей, а часто просто голодая, они все же продержались много лет подряд в пустынях и девственных лесах, готовые скорее выдержать истребительную войну, чем склониться перед произволом деспота и чужеземца. Когда я сравнивал этих сильных сынов Колумба с моими слабыми, изнеженными

земляками, я стыдился того, что принадлежу к этим выродившимся потомкам величайшего народа, неспособным выдержать месяц походной жизни без привычной для городского обихода еды три раза в день.

В Терни к нам присоединился доблестный и благородный воин полковник Форбес, англичанин, воодушевленный нашим делом, как истый итальянец. Он примкнул к нам с несколькими сотнями хорошо организованных людей.

Из Терни мы продвинулись еще дальше на север, прошли Апеннины сначала с одной, потом с другой стороны, но нигде население не откликнулось на наш призыв.

Анита Гарибальди

Портрет работы художника-гарибальдийца Джероламо Индуно. 1849 г.

Из-за частых дезертирств у нас оставалось много брошенного оружия, которое мы везли на мулах; однако возраставшее количество этого оружия и трудности, связанные с его перевозкой, вынудили нас оставить его вместе с амуницией на усмотрение тех жителей, которые казались надежными, чтобы они спрятали его и приберегли до того дня, когда кончится их терпение и они не смогут дальше выносить позор и издевательства.

В нашем малозавидном положении мы все же имели повод для гордости; мы выбрались из окрестностей Рима и оторвались от французских частей, которые тщетно преследовали нас часть пути. Теперь мы находились среди австрийских, испанских и неаполитанских войск; эти последние, впрочем, также остались позади. Австрийцы всюду нас разыскивали, несомненно зная о нашем незавидном положении. Они жаждали умножить свою славу, завоеванную кое-как на севере, и завидовали славе французов. О том, что наш отряд тает с каждым днем, австрийцы были превосходно осведомлены через многочисленных шпионов, т. е. священников — этих неутомимых предателей страны, терпевшей их на свое несчастье. Священники, а также хозяева крестьян и весь деревенский люд, наиболее привычный и пригодный к совершению ночных переходов, подробно информировали врага обо всем, что касалось нас, о нашем расположении и о любом предпринятом нами передвижении. Я же, напротив, мало знал о враге. Большая часть жителей была деморализована, напугана и боялась навлечь на себя опасность; поэтому даже за большие деньги я не мог достать проводников.

Неприятель, следуя за людьми, хорошо знающими местность (я видел тех же священников с крестом в руке, которые вели против нас врагов моей родины), без труда обнаруживал нас днем (мы совершали все передвижения ночью), однако он заставал нас всегда на сильных позициях и не решался атаковать нас. Но противник утомлял нас и содействовал дезертирству в наших рядах. Так продолжалось некоторое время, и неприятель, неизмеримо более могущественный, так и не осмелился напасть на наш маленький отряд и разгромить его. Это доказывает, как много мы могли бы сделать для нашей страны, если бы духовенство и, следовательно, крестьяне, вместо того, чтобы относиться всегда враждебно к национальному делу, поддерживали его и, движимые патриотическим чувством, выступали бы против иноземных поработителей и разбойников. И все же отряды таких войск, как австрийские, украшенные свежими лаврами Новары и одного появления которых оказалось

достаточно, чтобы отвоевать всю северную часть полуострова, отряды, численно значительно превосходившие нас, мы держали в отдалении, и они не осмеливались на нас напасть.

Наши сограждане не должны обольщать себя надеждами относительно деревенского населения. Пока над ними будут властвовать священники, пока на них будет опираться безнравственное правительство, крестьяне, как и священники, будут неизменно склоняться к предательству дела нации.

Итальянское правительство, обремененное всевозможными грехами, более практичное, чем доктринеры, предчувствуя неустойчивое положение в стране, которой оно скверно управляет и подвергает грабежу и которая могла бы предоставить достаточно людей и средств, чтобы разбить любого деспота, — итальянское правительство, говорю я, вместо того, чтобы опираться на страну, унижается в поисках союзников за ее пределами, хотя последние никогда не бывают бескорыстными[227].

Из-за угнетенного настроения горожан и откровенно враждебного отношения деревенского населения, находившегося в руках священников, наше положение стало критическим. Мы скоро почувствовали влияние реакции, воскресающей вновь во всех провинциях Италии. Я был вынужден менять позиции каждую ночь, так как если я оставался на одном месте дольше одного дня, то неприятель, прекрасно обо всем осведомленный, окружал меня и затруднял движение. И я не мог найти себе проводника в Италии, тогда как у австрийцев их было сколько угодно! Пусть это послужит назиданием тем итальянцам, которые посещают мессу и исповедуются людям в роскошном черном платье, получившим прозвище тараканов!

Вследствие этого вплоть до Сан-Марино не произошло почти ничего значительного, кроме отдельных небольших стычек с австрийцами. Два наших всадника, посланных разведчиками, были схвачены крестьянами епископа Кьюзи, епископа, заметьте это; и если я не ошибаюсь, сейчас, в 1872 г., епископ все еще находится там. Я попытался выкупить пленных, так как не обманывался относительно опасности, которой они подвергались в когтях последователей Торквемады[228]. Мне отказали. В качестве возмездия я заставил монахов монастыря маршировать во главе моей колонны, угрожая их расстрелять. Однако жестокосердный прелат передал, что в Италии имеется достаточно человеческого материала, чтобы пополнить ряды монахов, и упрямо отказался выдать пленников. Я же думаю, что он просто желал смерти своих поборников, чтобы объявить их потом мучениками перед глупым и невежественным народом. Но

я все же освободил монахов.

Одной из самых мучительных вещей в этом отступлении было дезертирство, особенно среди офицеров, иногда даже моих старых боевых товарищей. Дезертиры собирались группами, бродили по деревням и совершали всевозможные насилия. И это были солдаты Гарибальди!.. Трусливо и подло отказавшись от борьбы за святое дело родины, они, естественно, пали до гнусного и жестокого обращения с жителями. Эти акты произвола, унижавшие нас и причинявшие мне страдание, ухудшали наше и без того печальное положение. Как я мог бороться с этими разнузданными бандами, если мы были постоянно окружены врагами! Некоторые из них, пойманные на месте преступления, были расстреляны, но это мало помогало, и большинство ушло безнаказанными.

Когда наше положение стало отчаянным, я постарался достигнуть Сан-Марино[229]. При приближении к столице этой прекрасной республики, оттуда явилась депутация. Узнав об этом, я вышел ей навстречу. Но пока я вел переговоры, у нас в тылу появился отряд австрийцев и вызвал в арьергарде такое замешательство, что все обратились в бегство, хотя большинство даже не видело врага.

Оповещенный об этом, я отправился к месту происшествия и застал войско бегущим; моя храбрая Анита вместе с полковником Форбесом стремилась всеми способами приостановить бегство. Но на лице несравненной женщины, недоступной чувству страха, проступало отчаяние. Она не могла успокоиться, видя трусость мужчин, так недавно проявлявших свою храбрость.

Я должен здесь упомянуть о нашем маленьком орудии, которое несколько наших храбрых артиллеристов, столь отличившихся при защите Рима, везли с собой с самого начала нашего отступления. Не имея лошадей и снарядов, они, проявляя несравненную стойкость, с трудом тащили его по непроезжим тропам и по горам. В этот день, когда случилось постыдное бегство, они некоторое время защищали это орудие одни, ибо все их покинули, и не оставляли его до тех пор, пока большая часть их не погибла.

Австрийцы, привыкшие запугивать итальянцев, использовали также знаменитые ракеты, их излюбленное боевое средство. Они метали их в нас в огромном количестве, но я не видел, чтобы они ранили хотя бы одного человека. Надеюсь, что мои юные сограждане отнесутся к этим хлопушкам с пренебрежением, которого они заслуживают, в тот, быть может, недалекий день, когда мы преподадим такой урок нынешним хозяевам Тироля, который убедит их, что воздух южных Альп является для них

смертельным.

Достигнув Сан-Марино, я написал на ступенях церкви у входа в город примерно следующий приказ: «Солдаты, я освобождаю вас от обязанности следовать за мной дальше. Возвращайтесь по домам, но помните, что Италия не должна пребывать в рабстве и позоре!»

Правительство республики Сан-Марино получило от австрийского генерала ультиматум с неприемлемыми для нас требованиями. Это вызвало здоровую реакцию у наших бойцов, которые решили скорее бороться до последней крайности, чем снизойти до унизительных условий. Тогда мы пришли к соглашению с правительством республики, по которому оружие должно было быть сложено на этой нейтральной территории, и каждый мог беспрепятственно вернуться к себе на родину. Это соглашение было заключено с правительством Сан-Марино; с врагами же Италии мы не хотели вести никаких переговоров.

Я лично не намеревался сложить оружие. С горстью спутников я надеялся пробиться в Венецию. Так мы и решили. Бесконечно дорогой, но в то же время обременительной тяжестью была для меня моя Анита, которой вскоре предстояло родить и здоровье которой все ухудшалось. Я настоятельно просил ее остаться в этом спокойном месте, где жители отнеслись к нам с большим доброжелательством. Можно было быть твердо уверенным, что здесь ей будет предоставлен приют. Но все было напрасно. Ее мужественное, благородное сердце воспротивилось всем моим предостережениям. Она заставила меня молчать, крикнув: «Ты хочешь меня покинуть!»

Я решил выйти из Сан-Марино около полуночи и найти какую-нибудь бухту на Адриатике, из которой можно было бы отплыть в Венецию.

Так как многие мои товарищи решили сопровождать меня во что бы то ни стало, особенно несколько храбрых ломбардцев и венецианцев, перебежчиков из австрийской армии, я вышел из города с немногими и стал дожидаться других в условном месте. Такой план вызвал задержку: мне пришлось выжидать некоторое время, пока остальные присоединились ко мне. Днем мы бродили по окрестностям, чтобы разузнать о более доступных местах на берегу.

Судьба, в которую я никогда не терял веры, послала мне человека, оказавшего мне в таких трудных обстоятельствах неоценимые услуги. Галапини, отважный юноша из Форли, добравшийся до меня в одноколке, послужил мне проводником, разведчиком. Он с быстротой молнии появлялся оттуда, где находились австрийцы, собирая сведения среди жителей и

оповещая меня обо всем узнанном. Опираясь на добытые им сведения, я решил двигаться в Чезенатико, и Галапини раздобыл мне проводников, которые сопровождали нас на этот раз.

Мы достигли Чезенатико в полночь. При входе в селение мы натолкнулись на австрийскую стражу, немало удивленную нашим внезапным появлением. Я воспользовался этим мигом замешательства и крикнул моим товарищам, находившимся на конях вблизи меня: «Слезьте и обезоружьте их!» Это было делом одного мгновения. Мы вошли в селение и стали господами положения, арестовав несколько жандармов, которые никак не ожидали нашего появления в эту ночь.

Одним из моих первых мероприятий было поручение членам муниципалитета предоставить мне нужное количество лодок для перевозки моих людей.

Но счастье перестало мне благоприятствовать. Ночью на море началось волнение, разыгрался шторм. При выходе из гавани волнение было так сильно, что отплыть было почти невозможно. Вот тут-то мне помогли мои познания в навигации. Покинуть гавань было совершенно необходимо. Уже рассветало, враги были близко, и для отступления нам оставалось только море.

Я направился к «брагоцци», рыболовным баркам, велел связать несколько корабельных канатов, имевших по два скрепленных друг с другом небольших якоря, и попробовал на лодке выйти из гавани, чтобы бросить якоря в море и, тем самым, попытаться при помощи канатов продвинуть лодки вперед.

Первые попытки были безуспешны. Напрасно прыгал я в море, чтобы направить лодку против прибоя, напрасно ободрял я лодочников и сулил щедрые обещания. Только после многократных и напряженных усилии удалось, наконец, бросить и закрепить якоря на нужном расстоянии.

Мы возвращались в гавань, разматывая канаты, которые были привязаны к закрепленным якорям. Когда настала очередь последнего каната, оказавшегося тонким и ветхим, он оборвался, и вся работа пошла насмарку. Пришлось все начинать сначала. Можно было взбеситься от такой неудачи.

Мне пришлось вернуться к рыбачьим баркам, искать другие канаты и другие якоря. При этом приходилось подгонять сонных и апатичных людей, чтобы заставить их двигаться и выполнять необходимое. Наконец, мы предприняли новую попытку, на этот раз более удачную, и установили якоря так, как было нужно.

Отряд отплыл на тринадцати барках[230]. Последним отплыл полковник Форбес. Во время приготовления к отъезду он оставался позади, на краю селения, сооружая баррикады, чтобы отбить неприятеля в случае его появления.

После того как с помощью канатов все лодки с отрядом вышли из гавани, каждый получил свою долю продовольствия, которое было реквизировано у муниципальных властей. Затем я сделал всем несколько наставлений, посоветовав держаться возможно ближе друг к другу, и мы поплыли по направлению к Венеции.

Уже наступил день, когда мы покинули Чезенатико. Буря улеглась, и дул благоприятный ветер. Если бы я не был опечален положением моей Аниты, которая находилась в самом жалком состоянии и ужасно страдала, я бы считал нашу судьбу счастливой: ведь нам удалось преодолеть столько трудностей и оказаться на пути к спасению. Но страдания моей дорогой подруги были слишком сильны, и еще сильней было мое огорчение из-за того, что я не мог спасти ее.

Вследствие нехватки времени и тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться при отплытии из Чезенатико, я не мог заняться продовольствием, возложив обязанность позаботиться о нем на одного офицера, который достал то, что было возможно. При всем том ночью в неизвестной деревушке, захваченной нами врасплох, удалось раздобыть только немного продовольствия, которое и было распределено между всеми барками.

Ощутительнее всего был недостаток воды, а моя бедная больная спутница испытывала жгучую жажду, что явно свидетельствовало о подтачивавшей ее тяжелой болезни. Утомившись в хлопотах, я также испытывал жажду, а запас питьевой воды был у нас ничтожным.

Весь этот день мы шли вдоль итальянского берега Адриатики в некотором отдалении от него. Ночь была великолепна. Было время полнолуния, и я с неудовольствием смотрел, как поднимается на небе спутница мореплавателей, которой я столько раз любовался с таким восхищением. Прекрасная, как никогда, она была, к несчастью, слишком прекрасна. В ту ночь луна оказалась для нас роковой!

К востоку от мыса Горо оказался австрийский флот. «Патриотические» правительства Сардинии и Бурбонов предоставили ему без боя господство на Адриатике. Из объяснений рыбаков я знал о существовании австрийской эскадры и о том, что она, возможно, находится за этим мысом, однако, мои сведения были неопределенны.

На нашем пути в Венецию первое австрийское судно, которое мы заметили, была бригантина, кажется «Оресте». Неприятельское судно, также заметившее нас при лунном свете, постаралось приблизиться к нам. Я приказал сопровождавшим меня баркам держаться левее, ближе к берегу, чтобы таким

образом выйти, по возможности, из полосы лунного света, который облегчал неприятелю возможность увидеть наши маленькие суденышки. Но эта предосторожность оказалась напрасной. Ночь была ясной, как никогда, и враг не только держал нас в поле зрения, но и открыл издалека орудийный огонь и стал пускать ракеты, чтобы привлечь к нам внимание своей эскадры и оповестить ее о нашем приближении. Я попробовал, не обращая внимания на артиллерийский обстрел, проскользнуть между неприятельскими кораблями и берегом. Но экипажи остальных барок, испуганные орудийным огнем и увеличивающимся количеством врагов, повернули обратно. Не желая покинуть их, я последовал за ними.

День наступил, а мы находились в бухте у мыса Горо, окруженные неприятельскими судами, которые продолжали нас обстреливать. К своему огорчению, я заметил, что некоторые из наших барок уже сдались. Для нас было так же невозможно проехать вперед, как и назад, так как неприятельские суда были гораздо быстроходнее наших. Не оставалось ничего другого, как направиться к берегу. Под артиллерийским обстрелом, преследуемые вражескими лодками и шлюпками, мы всего на четырех лодках пристали к берегу. Все остальные уже находились в руках неприятеля.

Я предлагаю читателю представить себе мое состояние в эти ужасные часы. Моя несчастная жена умирает, враг с моря преследует нас с необычайной быстротой, которая сулит легкую победу, перед нами же перспектива высадиться на берег, где, по всей вероятности, находятся другие многочисленные вражеские отряды, не только австрийские, но и папские, которые чинили тогда дикие злодеяния.

Как бы там ни было, мы пристали к берегу. Я взял на руки мою дорогую жену, спрыгнул на берег и положил ее на землю. Своим спутникам, которые взглядом вопрошали меня о том, что им делать, я велел разделиться и поодиночке отправиться искать убежища, все равно какого и где. Во всяком случае, им следовало удалиться от того места, где мы находились, так как сюда неминуемо должны были пристать вражеские лодки. Для меня же было невозможно уйти отсюда, ибо я не мог оставить умирающую жену.

Но люди, которым я отдал это приказание, были также очень дороги моему сердцу — это были Уго Басси и Чичеруаккьо со своими двумя сыновьями[231]. Басси сказал мне: «Я пойду поищу какой-нибудь дом, где можно найти пару брюк для обмена, так как мои вызывают подозрение». Он носил красные штаны, снятые несколько дней до того с трупа французского солдата в Риме

одним из наших и подаренные им несколько дней назад Уго Басси, чтобы заменить его чересчур износившиеся. Чичеруаккьо сказал мне сердечное прости и также удалился со своими сыновьями.

Так мы расстались с этими доблестнейшими итальянцами, чтобы больше никогда не увидеться. Австрийцы и священники утолили через несколько дней свою дикую кровожадность и жажду мести за пережитый страх расстрелом этих благородных людей. С Чичеруаккьо было девять человек, включая его самого и двоих его сыновей: капитан Пароди, один из моих храбрых товарищей по Монтевидео, Раморино, генуэзский священник; имен других я не помню.

— «Выкопайте девять ям», — приказал австрийский капитан, согласно повелению австрийского властителя, командовавшего этой областью Италии и схватившего девять моих товарищей. — «Выкопайте девять ям», — грубо приказал австрийский капитан крестьянам, которые под влиянием священников боялись не австрийских солдат, а итальянских патриотов, представленных им как разбойники. И в несколько минут было выкопано девять ям в этой мягкой, песчаной почве.

Бедный старый Чичеруаккьо! Это был истинный тип благородного простолюдина! Перед ним было девять свежевыкопанных ям, в которые должны были лечь он, его товарищи и сыновья. Младшему из сыновей было всего 13 лет! Все были расстреляны и зарыты, увы, итальянскими руками. Чужой солдат был хозяином в стране: он командовал своими рабами, и слушаться нужно было безоговорочно, иначе их били. Уго Басси также был схвачен и расстрелян вместе с Леврe, также моим товарищем по Монтевидео, смелым и симпатичным миланцем. Перед казнью священники подвергли Уго Басси пытке. Их ярость против него была особенно велика — ведь он сам был священником.

Я остался на гречишном поле вблизи моря с моей Анитой и лейтенантом Леджеро, моим неразлучным спутником, который остался со мной также в Швейцарии, годом раньше, после боя при Мораццоне. Последние слова супруги моего сердца были о ее детях. Она предчувствовала, что больше не увидит их.

Мы провели некоторое время на этом поле, не зная, что нам делать. Наконец, я попросил Леджеро пойти поискать поблизости какой-нибудь дом. Со своей всегдашней готовностью он тотчас же отправился на поиски. После недолгого ожидания я услышал приближение людей. Выйдя из своего убежища, я увидел возвращавшегося Леджеро в сопровождении человека, которого я тотчас же узнал, и встреча с которым меня обрадовала. Это был

полковник Нино Боннэ, один из моих лучших офицеров, раненный во время защиты Рима[232], где он потерял своего отважного брата. Боннэ вернулся лечиться домой. Для меня не могло быть большей удачи, чем встретить этого брата по оружию. Здесь, в окрестностях, у него был свой дом. Услышав орудийный гром, он заключил, что мы высадились на берег, и поспешил к морю, чтобы разыскать нас и оказать нам поддержку. Смелый и находчивый, Боннэ, подвергая себя большой опасности, искал и нашел того, кого он искал. Встретив такого помощника, я положился на него совершенно, и это было моим спасением. Он предложил сейчас же отправиться в соседний крестьянский дом, чтобы оказать помощь моей несчастной спутнице. Мы вдвоем подняли Аниту и с трудом достигли дома этих бедных людей, где могли по крайней мере достать воды и что-то еще для больной, так страдавшей от жажды. Оттуда мы пошли к сестре Боннэ, которая была очень внимательна к нам.

Затем мы пересекли часть долины Коммаккьо и достигли Мандриолы, где должен был жить врач.

Мы приехали в Мандриолу в телеге, в которой на матраце лежала Анита. Я сказал доктору Дзаннини, подошедшему к нам: «Постарайтесь спасти эту женщину!» Врач ответил: «Давайте перенесем ее на кровать». Подняв матрац за четыре угла, мы внесли Аниту в дом и уложили ее в комнате, в которую пришлось подняться по небольшой лестнице. Но когда мы положили мою жену на постель, мне почудилось в ее лице выражение смерти. Я пощупал ее пульс: сердце больше не билось! Передо мной лежал труп… Это была мать моих детей, которую я так любил! Что я отвечу детям, когда они при встрече со мной спросят о ней?.. Горько оплакивал я потерю Аниты, неразлучного товарища во многих приключениях моей бурной жизни. Попечение о ее погребении я возложил на окружавших меня славных людей и по их настоянию удалился. Им повредило бы мое дальнейшее пребывание.

Анита Гарибальди

Портрет работы Гаэтано Галлино 1845 г. с автографом сына героя — Риччотти Гарибальди

С трудом держась на ногах, я отправился в Сан-Альберто в сопровождении проводника, приведшего меня в дом бедного, но великодушного портного.

Боннэ, которому — прямо заявляю — я обязан жизнью, был первым из моих спасителей. Без них я не смог бы пройти в 37 дней от устья По до залива Стербино, откуда я отплыл в Лигурию.

Из окна дома, в котором я находился в Сан-Альберто, были видны проходившие австрийские солдаты, которые держались по обыкновению с наглым видом хозяев. В этом небольшом, но прекрасном селении, я жил в двух домах, и в обоих славные люди охраняли меня, скрывали и заботились обо мне с щедростью, превосходившей их материальные возможности. Из Сан-Альберто мои друзья сочли нужным перевезти меня в близлежащую сосновую рощу, где я провел некоторое время, меняя для большей безопасности свое местопребывание.

Многие были посвящены в тайну, окутавшую меня словно облаком, и скрывавшую меня от поисков преследователей как австрийцев, так и папистов, которые были еще хуже, чем первые. Большинство этих отважных жителей Романьи были юноши. Нужно было видеть, с какой преданностью они заботились о моем спасении. Если они считали, что я нахожусь в опасном месте, они появлялись ночью с повозкой, чтобы отвезти меня за много миль в другое, более надежное место.

С другой стороны, австрийцы и паписты старались сделать все, чтобы найти и схватить меня. Первые, разбив батальон на группы, стали прочесывать лес во всех направлениях. Священники же старались с кафедры и в исповедальне обратить невежественных крестьянок в шпионок — к вящей славе бога!

Мои юные спасители с удивительным искусством пользовались своими ночными сигналами для того, чтобы перевозить меня из одного пункта в другой или подать знак тревоги в случае опасности. Если становилось известно, что враг находится близко, они зажигали в обусловленном месте огонь и уезжали дальше; если же огня не было, они возвращались назад или двигались в ином направлении. Несколько раз, опасаясь западни, проводник останавливал тележку, спрыгивал на землю и сам отправлялся все разузнать, или же, не сходя с повозки, находил тотчас же человека, сообщавшего ему все необходимое.

Эти меры были согласованы с такой точностью, что вызывали

восхищение. Ведь надо учесть, что, если бы что-нибудь обнаружилось, если бы мои преследователи хотя бы мельком узнали о происходившем, они без суда безжалостно расстреляли бы даже детей тех, кто заботился обо мне с такой преданностью.

Я горько сожалею о том, что не могу сделать достоянием истории имена этих великодушных романьольцев, которым я, несомненно, обязан жизнью. Если бы я не посвятил себя священному делу моей родины, то одно это обстоятельство заставило бы меня избрать этот путь.

Я провел много дней в прекрасной роще у Равенны, некоторое время скрываясь в хижине одного честного и великодушного крестьянина по имени Савини, а остальное время в густых зарослях в чаще леса. Однажды, когда я со своим товарищем Леджеро лежал в роще, по ней проезжали австрийцы. Их голоса, малоприятные для нас, нарушили безмолвный покой леса и наши размышления. Они проехали в нескольких шагах от нас, и предметом их оживленного разговора были, конечно, мы.

Из этого леса нас перевезли в Равенну и поместили в дом, находившийся перед городскими воротами, названия которых я не помню. К нам отнеслись здесь с такой же заботой и доброжелательностью, как и повсюду.

Из Равенны нас увезли в Червию, на ферму одного милого человека. Я отлично помню его исполненный благожелательности облик, но забыл его имя. Пробыв здесь пару дней, мы отправились в Форли.

Из Форли, проведя ночь в доме гостеприимно встретивших нас славных людей, мы в сопровождении проводника двинулись в Апеннины.

Укажу мимоходом, что ни один человек среди благородного населения этой местности не унизился до предательства. Принимая изгнанника, они охраняли его как нечто священное; они заботились о нем, скрывали и провожали его с несравненным доброжелательством.

Долгое господство самого развращающего, самого испорченного из правительств[233] не смогло разложить и подорвать моральные устои этого мужественного и великодушного населения. Правительство воров (1872 г.), пришедшее на смену худшему правительству священников, еще не знает этого народа, к несчастью подпавшего под его власть; поэтому оно бесцеремонно мучит его. Оно узнает характер этого народа в тот день, когда повсеместно — от Сицилии и Романьи до Альп — народ потребует эго правительство к ответу за его управление.

Вскоре мы перешли границу Романьи и вступили в Тоскану.

То же внимание, то же расположение встретили нас и в этой части Италии, расколотой духовенством и долгими несчастиями, но предназначенной составлять единый народ. Среди других нас принял и приютил в своей горной хижине Анастазио, а потом — пришла очередь священника! Подлинный ангел-хранитель изгнанников искал нас, нашел и привел в свой дом в Модильяне.

Тем, кто имеет терпение читать эти воспоминания, напомню здесь то, о чем я говорил уже много раз: я ненавижу вообще фальшивый, развращенный характер священника, но если отвлечься от присущего ему лицемерия и видеть в нем простого человека, то к нему следует относиться, как и ко всякому иному.

Падре Джованни Верита из Модильяны был истинным последователем Христа — не того Христа, из которого духовенство сделало бога и имя которого оно использует для того, чтобы прикрыть свое лживое и непристойное существование, а добродетельного человека и законодателя, каким для меня является Христос. Когда человек, преследуемый священниками за любовь к Италии, появлялся в этих краях, падре Джованни Верита почитал своим долгом защитить его, накормить и позаботиться о том, чтобы его проводили в безопасное место, или провожал его сам. Таким образом он спас сотни романьольских изгнанников, которые укрывались на тосканской территории. Обрушившаяся на них ярость духовенства заставляла их переходить в Тоскану, правительство которой, хотя и не было достойным, все же не совершало таких злодейств, как правительство паписто.

Среди храброго и несчастного населения Романьи было немало людей, объявленных вне закона; в моих странствиях я повсюду встречал многих романьольских изгнанников, и все они с благословением произносили имя этого подлинно благочестивого священника.

Мы провели пару дней в доме дона Джованни, в его деревне Модильяна, где всеобщее уважение и любовь, которыми он пользовался, служили оплотом его гостеприимного жилища. Затем дон Джованни сам повел нас через Апеннины, намереваясь двигаться высоко в горах, чтобы выйти в Сардинское государство.

Однажды вечером мы оказались в окрестностях Филигари. Наш великодушный проводник, оставив нас в уединенном месте, пошел в селение, чтобы найти человека, знающего дорогу. При этом произошло недоразумение, лишившее нас столь приятного общества нашего покровителя. Посланный доном Джованни проводник, видимо разбуженный им (дело происходило среди ночи), заблудился и добрался до нас с запозданием. Когда мы вошли в деревушку, дона Джованни уже не было в ней;

обеспокоенный нашим отсутствием (в котором был виноват проводник), он вышел нам навстречу, но пошел не по той дороге. Рассветало, а мы оказались на большой дороге, которая вела из Болоньи во Флоренцию. Оставаться на таком открытом месте было невозможно. Мы решили тогда найти повозку, и направиться по этой дороге к Флоренции. С величайшим сожалением мы разлучились с великодушным человеком, который сопровождал и оберегал нас все это время.

Итак мы шли по дороге, ведущей в столицу Тосканы. Среди бела дня мы наткнулись на австрийскую часть, шедшую из Флоренции в Болонью. Мы насильно сделали приятную улыбку и продолжали наш путь по направлению к западным склонам Апеннин.

Достигнув остерии[234] на левой стороне дороги, по которой мы ехали, проводник посоветовал нам остановиться здесь. Мы отпустили возчика, вошли в остерию и спросили кофе. Покуда мы дожидались его, я сел слева от входа на скамью около длинного стола, которые обычно бывают в таких заведениях. Меня одолела усталость. Я положил руки на стол, опустил на них голову и погрузился в легкую дремоту. Вдруг Леджеро коснулся пальцем моего плеча. Я встрепенулся и увидел малоприятное зрелище — несколько хорватов, ввалившихся в остерию. Это были солдаты другой, а может быть той же самой вражеской части, которую мы повстречали раньше. Я вновь опустил голову на руки и сделал вид, что ничего не заметил. Когда остерия, наконец, опустела, мы выпили кофе и вышли на дорогу. Справа от нее мы отыскали крестьянский дом, в котором нам предоставили приют.

Отдохнув немного и собрав нужные сведения, мы отправились в Прато, намереваясь достичь границы Лигурии. Пройдя большую часть дня, мы достигли долины, где имелось нечто вроде постоялого двора, в котором мы спросили помещение на ночь.

В этом доме находился молодой охотник из Прато, который, казалось, хорошо знал местность и был в коротких отношениях с владельцами дома. Это был юноша располагающего вида, со свободной манерой обращения и с одним из тех лиц, в которых трудно обмануться. Я наблюдал за ним некоторое время с явно выраженным намерением переговорить с ним и подошел к нему. Перебросившись несколькими фразами, я назвал свое имя и сейчас же увидел, что не ошибся. Юноша из Прато встрепенулся при моем имени, в его глазах вспыхнула благородная решимость сделать доброе дело. Он сказал мне: «Я иду в Прато, до которого несколько миль, переговорю с моими друзьями и быстро вернусь к вам».

Этот прекрасный юноша оказался очень точным. Он скоро вернулся, и мы отправились в Прато, где его друзья, во главе с адвокатом Мартини, приготовили коляску, в которой нас должны были повезти по дороге на Эмполи, Колле и т. д., вплоть до тосканской Мареммы. Здесь, будучи рекомендованы другим славным итальянцам, мы, по всей вероятности, смогли бы найти лодку, в которой добрались бы до какого-нибудь пункта на территории Лигурии.

Решение славных патриотов Прато отправить нас к Маремме было вызвано строгими мерами, принятыми правительством на границе с Сардинским государством, чтобы воспрепятствовать переходу через нее массе политически скомпрометированных людей, искавших спасения по ту сторону границы, на той части итальянской территории, где произвол австрийцев не смог бы найти почвы для удовлетворения их низменной страсти к убийству и грабежу.

Среди всех наших покровителей и освободителей нашей безграничной благодарности заслуживает адвокат Мартини из Прато. Он не только позаботился об облегчении нашей поездки, но и горячо рекомендовал нас своим друзьям и родственникам в Маремме, оказавшим нам неоценимые услуги. Но мне очень горько, что я не могу вспомнить имя смелого юноши, который первый откликнулся на мою просьбу и так много сделал для нашего спасения. Я подарил ему на память маленькое дешевое кольцо в знак глубокой признательности.

Наша поездка от Прато до Мареммы была действительно необыкновенной. Мы проехали большое расстояние в закрытой коляске, останавливаясь время от времени, чтобы только переменить лошадей. Наши остановки в селениях были чрезмерно продолжительными, ибо наши кучера не в пример нам вовсе не спешили. Вследствие этого любопытные успевали собраться вокруг коляски. Несколько раз мы выходили из коляски, чтобы подкрепиться и т. д., поэтому нам приходилось что-нибудь измышлять для объяснения своего странного положения. В маленьких селениях мы оказывались, естественно, в центре внимания любопытных, которые занимались пересудами и терялись в тысяче предположений относительно нас, неизвестных им людей, которых время тяжелой реакции окутывало покровом тайны. В частности, в Колле, где население ныне отличается развитостью и патриотизмом, нас окружила толпа, которая не скрывала своего подозрительного и враждебного отношения к нам — ведь наши лица отнюдь не походили на спокойные и безразличные лица путешественников. Впрочем дело не пошло дальше нескольких бранных слов. Мы, разумеется, сделали вид,

что не услышали их. К сожалению, это происходило еще в то время (1849 г.), когда священники внушали людям, что либералы — это банда разбойников. Спустя же несколько лет меня приняли в том же самом селении с такими изъявлениями расположения и энтузиазма, что эта встреча останется у меня в памяти навсегда.

Мы проехали под стенами Вольтерры, где тогда находился Гуеррацци и некоторые другие подвергшиеся преследованиям политические деятели Тосканы. Мы ограничились тем, что натянули шляпы на глаза, проезжая мимо.

Первым селением в окрестностях Мареммы, где мы почувствовали себя в безопасности, было Сан-Далмацио, Мы остановились в доме доктора Камилло Серафини, великодушного человека, истинно итальянского патриота, отличавшегося незаурядной смелостью и выдержкой. Будучи депутатом от Тосканы в парламенте 1859 г. после освобождения его прекрасной страны, он, как и отважный Джованни Верита, участвовал, конечно, в любом смелом предприятии этого парламента, и я полагаю, что он, подобно многим, отступил в отвращении, чтобы не быть связанным с людьми, недостойными представлять Италию.

Мы провели несколько дней в доме Серафини, а затем нас поместили в купальное заведение, принадлежавшее другому Мартини, родственнику первого и такому же щедрому, как и он. Отсюда мы перешли в дом Гуэльфи, расположенный ближе к морю. Повсюду нам оказывали гостеприимство, обязывавшее нас к величайшей благодарности.

Тем временем наши великодушные друзья вели переговоры с генуэзским рыбаком, который должен был доставить нас в Лигурию. Однажды из области Мареммы за нами явилось множество молодых людей, вооруженных, как равеннские охотники, двуствольными ружьями и столь же ловкими, сильными и смелыми. Разыскав меня в доме мужественного Гуэльфи, они дали каждому из нас оружие, подобное своему, и вывели нас лесом на морской берег, в нескольких милях восточнее Фоллоники, гавани, где в устье Стербино грузился к отправке уголь. Здесь нас уже ждала рыбачья лодка, и мы сели в нее, тронутые доказательствами любви наших юных освободителей.

Какую я испытывал гордость, что родился в Италии! В этом «краю мертвых», в краю людей, которые, по утверждению наших соседей, не умеют сражаться. Пользуясь тем, что трон, с которого наши предки господствовали над миром, рухнул, но помня о духе итальянцев, эти дерзкие чужеземцы в течение многих веков

старались подчинить нас черной гадине теократии, чтобы унизить и развратить нас, чтобы растлить нас духовно и физически, дабы мы, усмиренные и впавшие в идиотизм, привыкли не замечать больше свиста лозы, к которой они хотели приучить нас навечно, как будто этому царству пигмеев не суждено было узнать конца, хотя время ударами своих «хладных крыльев» низвергло даже гиганта, воплощавшего человеческое величие всех времен в прошлом[235], настоящем и будущем, чьи руины ныне вновь восстают на семи холмах[236]. Я испытывал гордость от того, что родился в Италии, говорю я, где, несмотря на владычество духовенства и воров, выросла молодежь, которая, презирая опасности, пытки и смерть, бесстрашно выполняет свой долг — долг освобождения от рабства!

Сев у устья Стербино в рыбачью лодку лигурийца, мы направили парус на остров Эльбу, где нужно было запастись снаряжением и продовольствием. Мы плыли часть дня и ночь до Порто-Лонгоне, а оттуда двинулись вдоль берегов Тосканы.

Достигнув рейда Ливорно и миновав его, мы продолжали плыть на запад.

У меня не было иллюзий относительно холодного приема, ожидавшего меня со стороны сардинских властей. На рейде в Ливорно мне пришла мысль попросить убежища на борту английского корабля, стоявшего там на якоре. Но желание повидать моих детей прежде, чем я покину Италию, в которой, как я видел, мне не удастся остаться, взяло верх. В начале сентября мы благополучно высадились в Порто-Венере.

По пути от Порто-Венере до Кьявари не случилось ничего особенного. В этом городе мы расположились в доме моего кузена Бартоломео Пуччи, о котором я храню нежную память. Мы были радостно встречены радушной семьей моего родственника, так же как и славными жителями Кьявари и множеством беженцев из Ломбардии, которые стекались сюда после сражения при Новаре. Но когда генерал Ламармора, тогдашний королевский комиссар в Генуе, узнал о моем приезде, он приказал доставить меня в этот город под конвоем переодетого капитана карабинеров. Меня отнюдь не удивил этот поступок генерала Ламармора: он был только проводником политики, господствовавшей тогда в нашей стране, и притом усердным, ибо по своему образу мыслей он был врагом всякого, кто, как я, являлся сторонником республиканских идей.

Я был заключен в отдаленную часть герцогского дворца в Генуе и оттуда ночью перевезен на борт военного фрегата «Сан-Микеле». Впрочем, в обоих местах со мной обращались вежливо — как Ламармора, так и державшийся по-рыцарски

командор Персано. Я попросил себе только двадцать четыре часа, чтобы успеть побывать в Ницце и обнять своих детей, а затем вернуться в место моего заключения. Под честное слово генерал Ламармора разрешил мне это.

Не знаю, были ли на борту парохода «Сан-Джорджо», который доставил меня в Ниццу, переодетые полицейские агенты, во всяком случае явно, в связи с моим прибытием в Ниццу, там появились предостерегающие объявления и стоящие наготове карабинеры. В соответствии с заведенным королевскими властями порядком, меня заставили прождать несколько часов, прежде чем сойти на берег. Поэтому у меня осталось время только на то, чтобы добраться до Караса, где находились мои дети, провести там ночь и немедленно вернуться назад.

Свидание с детьми, которых я должен был покинуть, кто знает на сколько времени, заставило меня страдать до глубины сердца. Хорошо, что они оставались в дружеских руках — два мальчика у моего кузена Аугусто Гарибальди, а дочь Тереза — у супругов Дейдери, обращавшихся с ней, как с родным ребенком.

Я должен был покинуть страну на неопределенное время, именно неопределенное, так как мне предложили выбрать место изгнания. Я не могу здесь умолчать о мужественном поведении депутатов Левой в пьемонтском парламенте, выступивших на мою защиту. Баралис, Борелла, Валерио, Брофферио возвысили голос в мою поддержку и, если им не удалось избавить меня от изгнания, то они, несомненно, избавили меня от чего-то худшего. Ведь тогда австро-папистская партия, испытывавшая неутомимую жажду крови, торжествовала повсюду на полуострове.

Место изгнания мне было разрешено выбрать самому. Я выбрал Тунис. Надежда на лучшее будущее для моей родины заставила меня предпочесть место, находящееся неподалеку. В Тунисе проживали выходец из Ниццы Кастелли, мой друг детства, и Федриани, с которым мы подружились еще в 1834 г. и были вместе в первом изгнании.

Итак, я отплыл в Тунис на «Триполи», пароходе военного флота. Однако тунисское правительство, по наущению Франции, не захотело меня принять. Я был отправлен обратно и высажен на остров Маддалена, где пробыл около двадцати дней.

Смешно сказать, но нашелся человек, который обвинил меня перед сардинскими властями (либо сами власти состряпали обвинение) в том, что я замышлял совершить революцию на этом острове, где в то время половину населения составляли лица, находившиеся на королевской службе или пенсионеры. Впрочем, жители острова были славными людьми, относившимися ко мне очень хорошо.

С острова Маддалена я был доставлен на военном корабле «Коломбо» в Гибралтар, но английский губернатор этой местности дал мне шесть дней сроку, чтобы убраться оттуда. Любовь и заслуженное уважение, которое я неизменно испытывал к этой великодушной нации, заставили меня почувствовать особенно остро грубость, мелочность и недостойность такого поступка.

Глава 10
В изгнании

Если бы этот удар по лежачему был нанесен подлым и слабым, тут уж никуда не денешься! Но когда его наносит представитель Англии, страны политического убежища для всех, разве это не особенно горько!

Я должен был исчезнуть, даже если бы мне пришлось броситься в море. По совету друзей я решился, наконец, перебраться через пролив и искать убежища в Африке у синьора Джан Баттиста Карпенето, консула Сардинии в Танжере. Он меня радушно принял и приютил вместе с двумя моими товарищами, офицерами Леджеро и Коччелли. В течение шести месяцев мы жили в его доме. В Модильяне я встретил добрейшего священника, а в Танжере благородного и весьма уважаемого королевского консула. Я чрезвычайно признателен и благодарен им обоим; это, впрочем, подтверждает мудрость старой поговорки: «Не суди человека по одежде».

Это также доказывает, что нетерпимость, проявляемая некоторыми людьми, — ошибка, ибо трудно найти совершенство среди рода человеческого. Мы стараемся быть добрыми, по мере возможности внушаем народу принципы справедливости и добра, боремся до последних сил с теократией и тиранией, в каких бы она формах ни выражалась, так как они олицетворяют собой ложь и зло, но мы снисходительны к нашей жестокой человеческой породе, к заслугам которой принадлежит также умение порождать среди себе подобных императоров, королей, сбиров[237] всевозможных наименований и священников, наделенных, кажется, всеми наиболее свойственными живодерам атрибутами, видимо для большего прославления и блага остального человечества.

В Танжере я жил у моего благородного и гостеприимного Карпенето спокойно и счастливо, насколько это возможно для итальянца-изгнанника, вдали от своих близких и родины. По меньшей мере два раза в неделю мы ходили на охоту и помногу охотились. Позднее один друг отдал в мое распоряжение

небольшую лодку и мы занимались также рыбной ловлей, а улов в этих местах богатейший.

Любезное гостеприимство, оказанное мне в доме Мюррей, английского вице-консула, заставляло меня порой забыть о моей обычной необщительности и одиночестве.

Итак, шесть месяцев я жил жизнью, казавшейся мне тем счастливее, чем ужаснее был весь предшествующий период.

Однако мои итальянские друзья не забыли меня, изгнанника. Франческо Карпанетто, которому с самого моего приезда в Италию в 1848 г. я многим обязан за бесконечные любезности и услуги, оказанные мне, задумал с помощью своих, а также моих знакомых собрать нужную сумму для приобретения судна, чтобы я мог, став его капитаном, зарабатывать себе на жизнь.

Такой проект мне улыбался. Будучи бессилен осуществить свою политическую миссию, я смог бы по крайней мере, занимаясь торговыми перевозками, жить самостоятельно и независимо, а не сидеть на шее этого благородного человека, приютившего меня. Я немедленно согласился на предложение моего друга Франческо и стал готовиться к отъезду в Соединенные Штаты, где должна была состояться покупка корабля.

Примерно в июне 1850 г. я отплыл в Гибралтар, оттуда в Ливерпуль, а из Ливерпуля в Нью-Йорк. При переезде в Америку у меня был приступ ревматических болей, мучивших меня большую часть пути; наконец, меня вынесли на берег, как сундук, в Нью-Йоркском порту, на остров Статен. Боли продолжались еще месяца два, которые я провел частично на острове Статен, частью в самом Нью-Йорке в доме моего драгоценного и дорогого друга Микеле Пастакальди, где я наслаждался обществом славного Форести, одного из мучеников Шпильберга[238].

Тем временем выяснилось, что проект Карпанетто не может осуществиться из-за отсутствия лиц, которые бы пожелали стать пайщиками в этом деле. Он собрал лишь три пая по 10000 лир, которые внесли братья Камоцци из Бергамо и Пьяццони. Но разве на 30 000 лир купишь в Америке судно? В лучшем случае небольшую барку для каботажного плавания. И так как я не был американским гражданином, то пришлось бы нанять капитана-американца, а это было невыгодно.

Однако, в (конце (концов, надо было что-то предпринять. Один мой друг, славный флорентиец Антонио Меуччи, решил организовать фабрику свечей и предложил мне стать его помощником в этом деле. Сказано — сделано. Заниматься коммерческими операциями я не мог, так как у меня не было денег (собранные 30 000 лир на покупку судна остались в

Италии). Я поэтому согласился работать, но с условием делать то, что смогу. Хотя я проработал у Меуччи несколько месяцев и числился его рабочим, он обращался со мной исключительно любезно, как с членом своей семьи.

Однако, устав однажды от этой скучной работы и гонимый, пожалуй, моей обычной неусидчивостью, я вышел из дому с намерением менять профессию. Я вспомнил, что был когда-то моряком, знал несколько английских слов, и поэтому направился к берегу острова, где я видел несколько каботажных судов, разгружавшихся и грузивших товары. Я подошел к первому попавшемуся мне на глаза и попросил принять меня матросом. Люди на судне почти не взглянули на меня и продолжали свою работу. Тогда я приблизился ко второму судну и повторил свое предложение — с тем же успехом. Наконец, я поднялся на третье, где все были заняты разгрузкой, и спросил, не позволят ли мне помочь им. В ответ я услышал, что в этом нет надобности. «Но я не требую вознаграждения», — продолжал я настаивать, — никакого ответа. «Хочу немного поработать, чтобы чуточку согреться». — Тогда действительно выпал снег. Полное молчание. Не передать, как я был удручен.

Мысленно я вернулся к тем временам, когда мне выпала честь командовать эскадрой в Монтевидео, этой бессмертной и воинственной армией! К чему все это привело? Никому я не был нужен!

Пришлось мириться со своим унижением и вернуться к производству сальных свечей. Еще счастье, что я не поделился своим намерением с Меуччи, этим замечательным человеком. Поэтому, когда я замкнулся в себе, моя обида стала не такой острой. Однако должен признаться, что не плохое отношение ко мне со стороны моего хозяина толкнуло меня на такое скоропалительное решение. Он проявлял ко мне доброжелательство и дружеские чувства, так же как и его супруга, синьора Эстер. Поэтому мое положение в доме Меуччи совсем не было унизительным, и лишь приступ жгучей тоски побудил меня покинуть этот дом. В нем я чувствовал себя свободным в своих действиях — мог работать, если хотел и, естественно, я предпочитал полезную работу всякому другому занятию. Я мог иногда пойти на охоту, и частенько отправлялся вместе с моим хозяином и другими навещавшими нас друзьями с острова Статен и Нью-Йорка на рыбную ловлю.

Дом Меуччи не блистал роскошью, но в нем было все необходимое для жизни как в смысле жилья, так и питания. Здесь я должен упомянуть майора Бови, искалеченного при обороне Рима; он был моим товарищем по оружию во многих походах. Он

присоединился ко мне в Танжере в те дни, когда меня приютил в своем доме синьор Карпенето. А когда я принял решение отправиться в Америку и отсутствие средств не позволило мне взять с собой всех сопровождавших меня товарищей и пришлось оставить Леджеро и Коччелли на месте, я выбрал своим спутником в Америку нетрудоспособного Бови, которому ампутировали правую руку.

Коччелли! Почему мне не рассказать об одном памятном случае, происшедшем с моим молодым, прекрасным и мужественным товарищем?

Коччелли поступил в наш Легион в Монтевидео, а так как у него была склонность к музыке, он сделался трубачом в великолепном духовом оркестре, и его горн звучал в прославленных боях, благодаря которым этот доблестный отряд вызвал в Америке уважение к итальянцам.

Коччелли принимал участие во всех походах Легиона и последовал за нами во время экспедиции в 1848 г. в Италию. Как офицер он с честью провел всю кампанию в Ломбардии и Риме и последовал за мной в 1849 г. в Танжер, когда сардинское правительство выслало меня.

Уезжая из Танжера в Америку, я ему оставил мое ружье и весь мой охотничий инвентарь. Он умер еще в молодом возрасте от солнечного удара в знойной Африке. В Танжере мне пришлось также оставить мою охотничью собаку «Касторе», которую я подарил моему другу, синьору Мюррей; мой верный пес околел от тоски!

Наконец в Нью-Йорк прибыл мой друг Франческо Карпанетто. В Генуе он начал крупные дела со странами Центральной Америки. Принадлежавшее ему судно «Сан-Джорджо» вышло из Генуи с частью груза, а он сам направился в Англию подготовить остальной груз для пересылки его в Гибралтар, где «Сан-Джорджо» должен был взять его. Было решено, что я буду сопровождать груз в Центральную Америку, и мы немедленно начали готовиться к отплытию. Итак, в 1851 г. мы с Карпанетто на американском пароходе, где капитаном был Джонсон, отправились в Чагрес. Оттуда мы на американской яхте поплыли в Сан-Хуан дель Норд[239]. Там мы взяли пирогу, на которой поднялись вверх по реке Сан-Хуан до озера Никарагуа, переплыли озеро и прибыли, наконец, в Гранаду — один из крупных торговых городов и портов на озере.

В Гранаде мы пробыли несколько дней. Нас дружественно приняли несколько обосновавшихся там итальянских семей.

В Гранаде мой друг Карпанетто приступил к своим торговым операциям; оттуда мы с этой же целью посетили различные части

Центральной Америки и неоднократно пересекали Панамский перешеек.

В этих поездках я сопровождал моего друга скорее в качестве спутника, чем сотрудника по торговым делам, в которых я, признаюсь, был новичком. Но им не был Карпанетто — я восхищался его энергией, умением вести торговые дела и заключать любые сделки, которые могли принести прибыль. В те дни я разъезжал под именем Джузеппе Пане, принятым мною еще в 1834 г., чтобы не возбуждать любопытства людей и назойливости полиции. Все коммерческие сделки Карпанетто были основаны на доставке его пароходом «Сан-Джорджо» груза в Лиму, куда он намеревался отправиться, чтобы встретить пароход. Поэтому мы вернулись в Сан-Хуан дель Норд, снова попали в Чагрес, а оттуда поднялись по реке Крус, чтобы добраться до Панамы. В этой последней поездке я схватил жестокую лихорадку, весьма распространенную в здешних болотистых краях. Она меня молниеносно свалила и сильно истощила. Никогда еще я не был столь изнурен болезнью, как тогда. И если бы мне не посчастливилось встретить замечательных итальянцев, в том числе братьев Монти в Панаме, и многих славных американцев, пожалуй, я не избавился бы от этой болезни.

В этот опасный для меня момент мой дорогой друг Карпанетто по-братски ухаживал за мной.

В Панаме я сел на английский пароход, который должен был доставить меня в Лиму. Морской воздух был для меня чистым бальзамом, и я воспрянул духом.

Во время путешествия мы ходили мимо Гуякиль, откуда я безуспешно пытался рассмотреть вершину Чимбарасо, скрытого почти всегда за облаками. В Пайте мы сошли на берег и остановились там на один день. Я нашел гостеприимный приют в доме одной великодушной местной синьоры, много лет прикованной к постели параличом ног. Часть этого дня я провел у постели этой синьоры, лежа на диване. Хотя состояние моего здоровья улучшилось, я был все же вынужден лежать, не двигаясь. Донна Мануэлита де Саенс была самой любезной и прелестной синьорой, какую я когда-либо встречал. Она была дружна с Боливаром[240] и знала мельчайшие подробности из жизни великого освободителя Центральной Америки, который всю свою жизнь посвятил освобождению своей родины. Впрочем, его высокие достоинства не спасли его от яда завистников и иезуитов, омрачивших его последние дни. Повторение того, что случилось с Сократом, Христом, Колумбом! Мир всегда остается жертвой жалких ничтожеств, умеющих его обмануть!

После стольких треволнений, после восхитительного дня, проведенного в чудесном обществе этой интересной женщины-инвалида, я покинул ее крайне взволнованный, у обоих на глазах были слезы; мы предчувствовали, что это, несомненно, наша последняя встреча на этой земле.

Я снова сел на пароход и прибыл в Лиму, проплывая вдоль прекрасного побережья Тихого океана. Говоря о западном побережье Америки, от Панамы до Лимы, я сказал, что оно прекрасно, пожалуй следовало бы сказать — живописно: ибо это побережье, если не считать такие места, как Панама, Гуякиль, Пайти и Лима, представляет собой почти на всем протяжении пространства, похожие на засушливые пространства Африки, часто покрытые зеленой растительностью, напоминающие оазисы. И вот что удивительно — в этой стране, где редко выпадают дожди, пресная вода сочится поблизости от океана, достаточно вскопать землю на несколько ладоней, чтобы получить в избытке влагу. Анды, эти гигантские горы, расположенные вблизи побережья, являются хранилищем этой чистой воды — сокровища, быть может, еще более ценного, чем благородные металлы, которыми изобилуют недра этой страны.

Я рассчитывал найти на склонах этой великой горной цепи Америки более богатую растительность и менее печальные песчаные пустыни; я представлял себе эту сторону у подножия высочайших Кордильеров куда более красивой. Рожденный сам у подножия Альп, безуспешно искал я, глядя с моря, какую-нибудь очаровательную долину, чтобы сравнить ее с моей красавицей Ниццей. Это любопытное побережье все же весьма живописно, правда, не повсюду оно отличается красотой, но зато попадаются поистине изумительные места, как, например, Лима и «райская долина» Вальпарайзо[241].

В Лиме, где мы обнаружили пароход «Сан-Джорджо», богатая и благородная итальянская колония устроила мне чудесную и сердечную встречу, особенно семьи Шутто, Денегри и Малагрида. Синьор Пьетро Денегри назначил меня капитаном судна «Кармен» водоизмещением в 400 тонн, и я стал готовиться к отплытию в Китай.

Мой друг Карпанетто отправился из Лимы на «Сан-Джорджо» в Центральную Америку, чтобы принять на борт приготовленный там груз. Мне не суждено было увидеть более этого дорогого мне человека, который проявил ко мне столько привязанности, столько любезности; может быть, ему я обязан даже своей жизнью. Спустя несколько лет он скончался от холеры, так и не закончив начатую им с такой надеждой и с такой проницательностью экспедицию, принесшую ему много

разочарований и смерть в стране, далекой от боготворимой им Италии.

В Лиме перед моим отъездом у меня произошла неприятность. В начале моего пребывания в Лиме я проживал в доме Малагрида, где выздоравливал после лихорадки; за мной ухаживали и проявили исключительную заботу хозяин дома и его милейшая супруга. В этот дом иногда заходил француз, ярый шовинист. Малообщительный человек по своей натуре, я, заметив, что этот француз горазд поболтать, избегал, насколько возможно, затевать с ним беседу. Однажды ему все же удалось затеять со мной, против моей воли, разговор о римской экспедиции бонапартистской армии. Я, естественно, считал неудобным касаться этой темы и пытался переменить разговор, но безуспешно. Мой собеседник не только упорно разглагольствовал на эту тему, но обрушился на итальянцев в несколько неприличных выражениях. Я отвечал ему в довольно резком тоне, держась, однако, в границах приличия и уважения к дому, в котором жил, и на этом инцидент кончился. Но спустя несколько дней, когда я находился на борту «Кармен» в Каллао, гавани Лимы, и занимался подготовкой к отплытию, мне попалась лимская газета, в которой этот шовинист меня оскорблял. Я не сказал никому ни слова, но в субботу вечером, закончив свою работу, отправился в Лиму, разыскал местонахождение этого субъекта — это был большой магазин. Я вошел туда, спросил его, узнает ли он меня и, услышав утвердительный ответ, нанес ему моей легкой тростью, с которой не расставался, четыре удара. Но так как в пылу возмущения я не интересовался, один ли он или тут есть еще кто-нибудь, то мне пришлось иметь дело с двумя противниками, более крепкими, чем я. Зашедший в магазин незнакомец, увидев, что я схватился с его приятелем, ударил в свою очередь меня по голове так сильно, что лицо мое залилось кровью, пытаясь в то же время всадить мне в спину кинжал. Оглушенный, я пошатнулся и чуть было не упал. Упади, я умер бы на месте. А мои противники были бы оправданы тем, что я напал на них в их собственном доме. К счастью, я не упал. Возбужденный кровью, обильно стекавшей по моему лицу, я пришел в бешенство, обезоружил более сильного противника; другой пустился стремглав внутрь дома, испугавшись, конечно, более моего приподнятого состояния, чем моей силы; следом за ним убежал и второй. Я остался победителем на поле боя, в большом магазине с товарами, которые мне не принадлежали, и я не преминул искать убежища в другом месте.

Считаю своим долгом упомянуть о любви ко мне, проявленной моими соотечественниками в связи с этим

инцидентом. Полиция Лимы, встревоженная разъяренным французским консулом, хотела силой арестовать меня, но поведение итальянской колонии отбило у нее к этому охоту. Все итальянцы вели себя достойно, а их в Лиме были тысячи, все крепкие люди и готовые на все. Поднялись они все как один и убедительно просили комиссара полиции не подвергать меня аресту. Комиссар сильно шумел, однако, оказавшись в окружении толпы, хоть и спокойной, но готовой на все, он меня не арестовал. Вначале французский консул потребовал от перуанских властей удовлетворения, которое должно было выражаться в уплате мною штрафа и извинении. Посредничал в этих переговорах консул Сардинии Каневарро и он, конечно, был на моей стороне. В конце концов дело уладилось без уплаты штрафа и извинений.

Когда я думаю о наших итальянских колониях в Америке, есть от чего, действительно, испытывать гордость. Эти наши соотечественники, проживающие на земле свободных республик, кажутся мне во сто крат достойнее, чем итальянцы в наших краях. Под здешним благодатным небом священники, как и повсюду, стараются всем угодить и подлизаться, но они не имеют влияния на наших соотечественников, а лишь в ничтожной степени — на сынов этой чудесной страны. Правительства же, правда, не всегда хорошие, но заинтересованные в иммиграции чужестранцев, покровительствуют вновь прибывшим, особенно итальянцам, у которых столь много общего с испанской расой.

В Южной Америке итальянцы обычно отличаются трудолюбием и честностью.

Когда появляется человек плохой, внимательно следят за ним, а если он оступится, то не успокоятся, пока не изгонят его из своих рядов. Что касается эмигрантов-моряков, то их мало знают, особенно наше итальянское правительство; но, конечно, в эмиграцию попадает наиболее энергичная часть огромной армии моряков национального флота, особенно из лигурийцев; наше правительство не сумело до сей поры по настоящему использовать все возможности этого огромного национального флота, который не должен уступать торговому и военному флоту наших соседей.

Вскоре паруса «Кармен» понесли меня к островам Чинча, к югу от Лимы, где мы погрузили гуано, предназначенное для Китая, после чего я вернулся в Каллао, чтобы сделать последние приготовления к дальнему путешествию. 10 января 1852 г. я снялся с якоря в Каллао и направился в Кантон. Мы плыли все время при попутном ветре приблизительно девяносто три дня. Прошли мимо Сандвичевых островов и вошли в Восточно-Китайское море между Формозой и Лусоном в Филиппинах.

По прибытии в Кантон владелец груза распорядился отправить меня в Амой, так как в Кантоне не удалось продать гуано. Из Амоя я вернулся в Кантон. Поскольку груз для перевозки в Америку еще не был готов, я погрузил на судно разнородный товар для Манилы. Из Манилы я снова вернулся в Кантон, где мы на «Кармен» сменили негодные мачты и медную обшивку. Как только груз был готов, мы отчалили из Кантона в Лиму. Изучив ветры, господствующие на обоих путях, ведущих к Лиме, — северном, где дуют изменчивые ветры полушария, и южном, огибающем Австралию, я выбрал последний. В этом тропическом поясе, примерно 46°56′ широты с экватором посередине, который, можно считать, доходит до 60°, ибо бризы[242] больше всего дуют с обеих сторон экватора до 30 широты; в этом тропическом поясе, повторяю, где бризы с неизменным постоянством дуют с востока на запад, тот, кто хотел бы следовать прямым курсом из Кантона в Лиму, не довел бы свое путешествие до конца, даже будь он обеспечен достаточным количеством продовольствия, так как ему все время пришлось бы плыть против течения и встречных ветров. Если же отдаляться от этого тропического пояса в сторону полюсов, можно быть почти уверенным, что встретишь переменные ветры, дующие обычно с запада на восток, особенно когда плывешь выше 50° широты в том или другом полушарии. Мы направили свои паруса в сторону Индийского океана, пройдя через пролив Ломбок, и вышли из индийского архипелага, с трудом лавируя в этих проливах, так как наткнулись на дующий с юго-запада муссон[243].

Пройдя пролив, в Индийском океане мы вошли в область устойчивых восточных бризов. Чтобы воспользоваться ими, мы взяли такой курс, чтобы ветер дул слева. Итак, плыли мы вплоть до 40° южной широты, где нас встретили западные ветры, и зашли в пролив Басс между Австралией и Землей Ван-Димена. Здесь же сделали остановку у острова Хантер, чтобы запастись водой.

На острове мы нашли поселение, покинутое незадолго до нашего приезда супругами-англичанами, так как здесь скончался их товарищ: об этом гласила доска, воздвигнутая на его могиле, на которой была вкратце описана история этого поселения. «Супруги, — извещала надпись, — боясь остаться в одиночестве на этом уединенном острове, покинули его и направились на Землю Ван-Димена».

Самым ценным в этом поселении был искусно сколоченный, простой, но очень удобный одноэтажный домик, в котором находились столы, кровати, стулья, и т. д.; в нем не было, конечно, роскоши, но зато на всем лежал отпечаток комфорта,

столь свойственный англичанам. При доме оказался огород, что явилось для нас полезной находкой, так как там мы обнаружили свежий картофель, разные овощи и фрукты, которыми мы в изобилии пополнили наши запасы.

О, остров Хантер, сколько раз ты пленял мое воображение, когда, пресытившись цивилизованным обществом с его священниками и сбирами, я мысленно переносился в те дни, когда впервые я причалил к твоим ласковым берегам и стая прекрасных куропаток вылетела мне навстречу, а среди вековых высоченных деревьев журчал прозрачный, поэтичный ручеек, в котором мы с удовольствием утолили жажду и обильно запаслись водой на все наше путешествие.

Выйдя из пролива Басс между Новой Зеландией и Землей лорда Окленда, мы легли на курс 52° южной широты и, подгоняемые сильным западным ветром, направились к западному побережью Америки. Поэтому, приблизившись к этому побережью после долгого удачного плавания, мы повернули налево в направлении тропического пояса в поисках ветров, дующих всегда с юго-востока, и, подгоняемые ими, мы после, примерно, стодневного путешествия прибыли в Лиму.

В последние дни пути у нас остро ощущался недостаток в продовольствии, и пришлось ввести строгий рацион. В Лиме мы разгрузились и отправились с балластом в Вальпарайзо. Там «Кармен» зафрахтовали для рейса с медью из Чили в Бостон. Мы заходили в разные порты чилийского побережья: Кокимбо, Гуаско, Геррадура; в Перу мы погрузили дополнительно шерсть.

Отчалив от Айслей в полдень, мы под парусами поплыли к мысу Горн и после бурного пересечения северных широт прибыли в Бостон. В Бостоне я получил предписание отбыть в Нью-Йорк, где получил от владельца «Кармен» письмо с упреками, показавшимися мне незаслуженными, почему я и решил уйти с поста капитана судна. Говоря о дон Педро Денегри, владельце «Кармен», я должен отметить, что за все время моей службы у него он был со мной исключительно любезен. Но какой-то паразит Терсите, проникший к нему в дом, своими нашептываниями возбудил у хозяина подозрения на мой счет. В Нью-Йорке я пробыл еще несколько дней, наслаждаясь обществом моих дорогих друзей Форести, Авеццана и Пастакальди.

Как раз в эго время в порт прибыл капитан Фигари с намерением приобрести судно. Капитан Фигари предложил мне взять на себя команду над судном и доставить его в Европу. Я согласился, и мы отправились с ним в Балтимору, где он и купил судно «Комменуэлс». Погрузив на него муку, я поплыл в Лондон, прибыв туда в феврале 1854 г. Из Лондона я направился в

Ньюкастль, где мы погрузили каменный уголь для Генуи, куда и причалили 10 мая этого же года.

Я прибыл в Геную мучимый ревматизмом; меня перевезли в дом моего друга капитана Паоло Ожие, где я нашел любезный приют в течение пятнадцати дней. Из Генуи я переехал в Ниццу. Тут, наконец, после пятилетнего пребывания в изгнании, мне улыбнулось счастье и я прижал к груди своих детей.

Период моей жизни с момента прибытия в Геную в мае 1854 г. до отъезда с острова Капрера в феврале 1859 г. не представляет никакого интереса. Я его провел то плавая по морю, то обрабатывая маленький кусочек земли, приобретенный мною на острове Капрера.

Глава 11
Возвращение к политической жизни

В феврале 1859 г. я был вызван в Турин графом Кавуром[244], чему содействовал Лафарина. Пьемонтский кабинет, который вел тогда переговоры с Францией и был готов начать войну с Австрией, стремился пойти навстречу интересам итальянского народа. Манин[245], Паллавичино[246] и другие выдающиеся деятели Италии пытались сблизить нашу демократию с Савойской династией, чтобы добиться с помощью большей части национальных сил того объединения Италии, о котором много веков мечтали лучшие умы страны.

Всемогущий тогда граф Кавур вызвал меня в столицу, полагая, что мой престиж в народе еще достаточно велик. Разумеется, я приветствовал его идею воевать с исконным врагом Италии. Правда, я не особенно доверял его союзнику[247], но что было делать, приходилось мириться.

Над Италией, как кошмар, тяготело страшное ощущение бессилия, что, несомненно, являлось результатом распрей и клерикального воспитания. Оно сказывается даже и теперь, в эти последние дни 1859 г., на множестве изнеженных сынов Италии. Как ни прискорбно, но следует признать, что эти выродившиеся сынки величайшего народа рассуждали так: если Франция будет нашей союзницей, то воевать мы будем с радостью, без Франции — ни за что на свете! А все потому, что мы не умеем или не хотим использовать наши национальные силы. Наше бедное отечество — игрушка в руках злодеев или касты доктринеров, привыкших разглагольствовать, а не отважно действовать.

Народ, который не становится на колени перед чужеземцем, непобедим. Нам не надо далеко ходить за примерами. Рим после

трех проигранных битв, когда у его порога стоял дерзкий победитель, пропустил торжественным маршем свои легионы под носом Ганнибала и направил их в Испанию[248]. Попробуйте найти во всей истории человечества аналогичный пример! И если ты рожден на земле, имеющей таких сынов, то можешь с высокоподнятой головой презирать надменных чужеземцев.

Из членов правительства я видел в Турине лишь Кавура. Мысль о совместной войне с Пьемонтом против Австрии не была новой для меня. Я привык подчинять любые свои принципы цели объединения Италии, каким бы путем это ни происходило. Это была та же программа, которой мы придерживались, уезжая из Монтевидео в Италию. И когда прекрасное решение Манина и Паллавичино объединить Италию, нашу отчизну, под эгидой Виктора Эммануила было сообщено на Капреру, оно соответствовало моему политическому кредо. Разве не так думали Данте, Макиавелли, Петрарка и множество других наших великих мужей?

Я могу с гордостью сказать: я был и остаюсь республиканцем, но в то же время я никогда не считал, что народовластие — единственно возможная система, которую следует силой навязать большинству нации. В свободной стране, где доблестная большая часть народа добровольно высказывается за республику, там, разумеется, республика является лучшей формой правления. Если мне придется вновь подать свой голос за эту систему, как это было в Риме в 1849 г., я, разумеется, это сделаю; и буду стараться, чтобы большинство нации присоединилось к моему мнению. Но поскольку в настоящих условиях, по крайней мере ныне (1859 г.), республика невозможна — как по причине царящей в обществе коррупции, так и вследствие связывающей современные монархии солидарности, — то раз представилась возможность объединить полуостров путем сочетания интересов династических сил с национальными, я безоговорочно к этому присоединился.

После моего непродолжительного пребывания в Турине, где я служил приманкой для итальянских волонтеров, я скоро понял, с кем имею дело и чего от меня хотят. Я был опечален, но что я мог предпринять? Пришлось выбирать меньшее зло. Невозможно было достичь всего, хотелось добиться того немногого для нашей несчастной страны, что было возможно.

Гарибальди пришлось играть в прятки, появляться и тут же исчезать. Волонтеры должны были знать, что он в Турине, чтобы их объединить вокруг себя, но в то же время Гарибальди просили оставаться в тени, чтобы не давать повода дипломатам для обвинений. Ну, и положение!

Призвать возможно больше волонтеров для того, чтобы потом командовать немногими, да к тому же теми, которые наименее пригодны стать под ружье. Волонтеры сбегались толпами, но видеть меня им не полагалось.

Было организовано два сборных пункта: в Кунео и Савильяно, а я был направлен в Риволи, близ Сузы.

Организация корпуса и командование им были поручены генералу Чальдини. В Кунео командовал Козенц, в Савильяно — Медичи, оба выдающиеся офицеры, которые сформировали первый и второй полки, костяк и гордость альпийских стрелков. Третий полк тоже был сформирован в Савильяно во главе с Ардуино. В состав его входили те же стрелки, но он не пользовался славой первых двух полков по вине своего командира.

Вербовочная комиссия, организованная в Турине, отобрала для частей передовых линий сильнейших и наиболее боеспособных юношей от восемнадцати до двадцати шести лет. А более пожилых или слишком юных, а также малопригодных направила в волонтерские отряды.

С офицерством дело было проще: хватило здравого смысла зачислить большую часть выдвинутых мною офицеров. Правда, не все из них были знатоками военного дела, но зато почти все оправдали мои надежды и были достойны того святого дела, которое они готовились защищать.

Я сформировал свой главный штаб. В него вошли: Каррано, Корте, Ченни и другие. Как я уже сказал, вся организационная работа лежала на генерале Чальдини.

PROCLAMA

Tutti i giovani che possono prendere un fucile sono chiamati intorno alla bandiera tricolore.

Nessuno di voi vorrà assistere inerte ed imbelle alla guerra santa; nessuno vorrà un giorno confessare, arrossendo, di non avervi preso parte.

Ora è il tempo di mostrare che non si mentiva quando dicevamo d'odiare l'Austria.

All'armi dunque!

Nessun sacrificio ci sembri grave, perchè noi siamo quella generazione che avrà compito l'impresa dell' Idipendenza Italiana.

Bergamo, li 8 Giugno 1859.

G. GARIBALDI.

Il Commissario di S. M. Sarda

EMILIO VISCONTI VENOSTA.

Tipografia Pagnoncelli

Прокламация Гарибальди 1859 г.

Музей Рисорджименто. Бергамо

В самом начале правительство выдвинуло много разнообразных проектов. Первый — мне направиться к границам герцогств и там действовать. Это могло бы дать огромные результаты. Но проект быстро изменили, без сомнения из боязни послать меня туда, где мое непосредственное общение с населением могло привести к резкому пополнению волонтерских отрядов. Поэтому предпочли назначить меня на крайний левый фланг пьемонтской армии. Я был бесконечно счастлив снова увидеть землю Ломбардии и прекрасный ее народ, так страдающий под чужеземным игом.

Поначалу правительство собиралось прислать мне таможенные отряды. Хорошо, что не додумалось еще до охранников! Потом мне обещали несколько батальонов берсальеров. Словом обещано было много, но на деле не дали ни тех, ни других. Наоборот, поскольку приток волонтеров был бесконечен, то из опасения, что их будет слишком много, призвали генерала Уллоа, чтобы сформировать части апеннинских стрелков, которые должны были присоединиться ко мне, но до конца войны я их и в глаза не видел.

Генерал Ламармора, военный министр, который всегда противился организации волонтеров, отказался признать звание моих офицеров, поэтому мне пришлось, чтобы как-то легализовать этих отверженных, выпросить для них удостоверения за подписью министра внутренних дел, а не его превосходительства — военного.

Во всяком случае все молча терпели: дело шло о войне за Италию и надо было сражаться с угнетателями наших братьев.

Политическое положение становилось критическим. Заносчивость Австрии давала желанный повод к войне. Это ускорило до некоторой степени вооружение волонтеров, и генерал Чальдини энергично взялся за их организацию.

Вторжение австрийцев на территорию Пьемонта застало нас не совсем подготовленными, однако мы все горели желанием маршировать куда нужно. Нас назначили на правый берег По, в Брузаско, на крайний правый фланг дивизии Чальдини, которая должна была защищать линию Дора Балтеа и таким образом прикрывать дорогу из Брузаско в Турин. Министерство послало несколько пушек в старую крепость в Варенне, чтобы, как гласил приказ, держать под обстрелом дорогу из Верчелли в Турин. Я получил приказ занять и защищать эту позицию. Однако в случае наступления врага мое продвижение было бы парализовано. Как бы там ни было, но мы бросились в бой за освобождение нашей Италии, за мечту всей жизни!.. Я и мои юные соратники, затаив

дыхание, ждали часа битвы. Так жених ждет соединения с той, которую он боготворит.

Нас не коснулась грязь золота, побрякушек, роскоши, мы шли вперед, благословляя опасности, трудности, лишения… и даже глумление всяких ничтожеств, которые из вражды или зависти строили нам козни, усыпая шипами наш путь; строили козни вплоть до того, что порочили наши мундиры, наше славное имя, завоеванное на полях сотен сражений! Да! Да! Мы были готовы терпеть все их издевательства, лишь бы нам позволили сражаться с врагами нашего кумира!

Мы провели несколько дней в Брузаско, в Броцоло, в Понтестуре. Эти первые походы ко многому приучили солдат. Мы использовали остановки в разных местностях, чтобы обучить новичков военному делу, патрулированию, службе на передовой и т. д. Когда генералу Чальдини была поручена оборона Казале, мы стали под его командование. Для рекогносцировки была сделана вылазка из крепости, и мы здесь впервые столкнулись с австрийцами.

Когда враг предпринял ложную атаку на наши наружные укрепления, второй полк под командой Медичи показал, на что способны альпийские стрелки. Они смело напали на австрийцев и преследовали их по пятам. В этом деле отличились капитан Де Кристофорис и сержант Гуерцони, впоследствии лейтенант. В тот же день я был вызван к королю в его главную квартиру в Сан-Сальваторе. Он милостиво меня принял, дал инструкции и широкие полномочия на случай внезапного вражеского нападения на столицу, куда я должен был поспешить на помощь. Если же эта опасность нас минует, мне было приказано двинуться на правый фланг австрийцев и не оставлять его в покое.

Я повернул в направлении Турина к Кивассо. Там меня ждал приказ поступить со своей бригадой в распоряжение генерала Соннац. Вот здесь мне посчастливилось восхищаться доблестью и хладнокровием этого бравого старого генерала в рекогносцировке, произведенной вплоть до самых окрестностей Верчелли. Многочисленный враг, выйдя из этого города, бесчинствовал, безжалостно истребляя все, что попадалось на пути, вызывая страх и отчаяние у окрестного населения.

В письменном приказе, полученном мной от короля, заключалось предписание стянуть ко мне всех волонтеров, оставшихся на сборных пунктах, а также присоединить полк апеннинских стрелков, сформированный из юношей, прибывших со всех провинций, чтобы стать под мои знамена.

О присылке апеннинских стрелков я писал Кавуру. То под одним, то под другим предлогом он мне отказывал, несмотря на

приказ. Я понял: он не хотел увеличивать количество моих солдат. Старая канитель, начатая в Милане в 1848 г. Собреро, продолжил ее в Риме Кампелло, предписавший, чтобы отряд под моей командой не превышал пятисот человек, а сейчас затеял ее Кавур, ограничивший меня тремя тысячами солдат.

Три полка состояли из шести батальонов, каждый насчитывал по шестьсот человек, что составляло в целом 3600 человек; но непривычка моих юных солдат к трудным маршам уменьшили их число до трех тысяч еще до переправы через Тичино.

Король — а он имел несчастье быть им — был втянут во многие сомнительные дела. Он был, конечно, не хуже тех, кто окружал его в 1859 г. Так вот король прислал второй приказ: мы должны были двинуться к Лаго Маджоре и действовать на правам фланге австрийцев. Быть может, это не понравилось придворной камарилье, ну, а мне весьма пришлось по душе. Таким образом я мог совершенно самостоятельно маневрировать, что было для меня крайне ценно.

Итак я простился с моим смельчаком, старым генералом, к которому уже успел искренне привязаться, и двинулся к Кивассо, а оттуда в Биелла.

Радушный и восторженный прием, оказанный моим солдатам из Биелла, был хорошим предзнаменованием; мы остановились на день, другой в этом милом городе и потом поспешили в Гаттинару.

Услышав, что я двигаюсь в этом направлении, враги выслали из Новары два десятка солдат, чтобы перерезать трос для парома в Порто[249] делла Сезиа, но наша охрана, находившаяся в здешних местах, помешала, открыв огонь.

Здесь кстати будет указать на один постыдный для нас, итальянцев, факт, который население не должно себе позволять, ибо он позорен для тех мест, где происходит. Правда, система террора, применяемая австрийцами в Италии, нагнала крайний страх на население, а приказ Кавура о разоружении национальной гвардии, стоящей на границе, был совершенно недопустим. Поэтому нет ничего удивительного, если наши крестьяне проявляют малодушие, а эти господа с той стороны гор насильничают; ведь столько времени они считали себя хозяевами наших домов, нашего имущества и нас самих.

Используя внушенный ими страх, властители Италии добивались от населения всего, чего хотели; весьма прискорбно — я это признаю — и удивительно, что подобное обстоятельство имеет место среди бравого субальпийского населения, где живучи богатые военные традиции и уже с давних пор существовало замечательное войско.

Двадцати австрийцам, посланным перерезать трос в Порто, никак это не удавалось. Им пришлось вернуться в Новару, не солоно хлебавши. Желая вознаградить себя за труды, они реквизировали у населения сколько было возможно продовольствия и повозок с намерением все увезти; так вот, взобравшись на повозки, они направились в свои казармы. Им надо было проехать по крайней мере пятнадцать миль по вражеской территории, где многочисленные жилища тесно примыкают друг к другу, а люди отличаются силой и воинственным пылом, как нигде на свете. Однако ни одному итальянцу не пришло даже в голову запустить камнем в эту пьяную ватагу. Нет, такое не должно более случаться в нашей стране. Слишком уж это унизительно!

А все произошло потому, что священники вбили крестьянам в голову, что не австрияки враги Италии, а мы, преданные анафеме либералы[250]! А наше правительство, во имя божье, еще покровительствует священникам! Меж тем десять юнцов из окрестных деревень, решившись напасть с палками на этих победителей, могли бы их разоружить или убить. Вот такой обман и уныние распространяли среди населения, которое совсем пало духом, хотя отличалось силой и воинственностью. Впрочем потом эти же самые люди, зная за что они борются, при правильном руководстве прославились на весь мир.

Мы прошли Сезию и двинулись к Боргоманеро. Здесь я отдал распоряжение готовиться к переправе через Тичино. В Биелла я уже условился с доблестным капитаном Франческо Симонетта о способе форсирования реки и отправил его с несколькими кавалеристами вперед, чтобы сделать нужные приготовления для такой операции[251]. Этот отважный и умный офицер был владельцем предприятия в Варалло Помбиа, поэтому он хорошо знал места, расположенные неподалеку от берегов Тичино, население которых к нему прекрасно относилось. С предусмотрительностью поистине необыкновенной он подготовил все для нашего перехода. Я посоветовался со своими самыми выдающимися офицерами и дал им понять, что я твердо решил совершить переправу. Откровенно говоря, я боялся быть отозванным или получить какой-нибудь контрприказ.

Из Боргоманеро я распорядился приготовить провиант и квартиры в Арона, чтобы вести в заблуждение врага, ибо был убежден, что здесь немало австрийских шпионов, доносящих обо всем неприятелю. С наступлением ночи я со своей бригадой подошел к Арона, с несколькими всадниками вступил туда, создавая видимость, что собираюсь здесь расположиться и занять квартиры. Сопровождавшие меня квартирмейстеры, комиссары и

фуражиры также вели себя соответственно. Однако втайне я приказал предупредить по всем дорогам, чтобы полк не входил в город, а направился прямо в Кастеллетто.

Прибыв в Кастеллетто, я нашел стоявшие наготове лодки, так что второй полк Медичи смог переправиться на другую сторону реки. Остальные части покуда оставались на правом берегу. Переправа прошла в полном порядке. Однако, поскольку лодки были весьма тяжелые и натружены сверх меры, управлять ими было нелегко, поэтому мы не могли причалить к одному и тому же месту. Некоторые лодки были унесены вниз по течению реки. Таким образом сбор полка на ломбардском берегу несколько запоздал.

В конце концов мы выступили к Сесто-Календе, где взяли в плен несколько часовых и жандармов. Мы немедленно соорудили паром для переправы остальных бригад. Кажется, что это было 17 мая 1859 г. И вот мы на земле Ломбардии! Мы перед лицом могучей повелительницы[252], которая десять лет готовила свое несокрушимое войско, теперь она считала его непобедимым, собираясь завершить то, что ей не удалось сделать в Новаре. Пожалуй, она мечтала с радостью вонзить свои орлиные когти в землю всего полуострова!

Нас было три тысячи, поклажи немного, так как солдатские вещевые ранцы мы оставили в Биелле. Согласно отданному приказу, все повозки, кроме немногих, на которых везли оружие, оставались в пределах Пьемонта. Несколько мулов для них и полевого госпиталя были доставлены неутомимым выдающимся главным хирургом Бертани. Из Сесто Календе ночью я с бригадой двинулся в Варезе. Биксио со своим батальоном направился на берег Лаго Маджоре по направлению к Лавено, получив приказ остановиться на дороге, ведущей оттуда в Варезе. Де Кристофорис со своей частью остался в Сесто, чтобы держать связь с Пьемонтом. Этот доблестный офицер, как и в Казале, первым сразился с врагом. Австрийцы, зная, что мы находимся в Сесто Календе, послали туда на разведку сильный отряд, но застали там лишь часть Де Кристофориса. Этот храбрец не стал считать сил врага, он решительно вступил в бой и после героического сопротивления отступил к отряду Биксио. Таков был согласованный план, ибо я отлично понимал, что с такими ничтожными силами невозможна удержать столь важный пункт, как Сесто Календе. Однако австрийцы со свойственной им осторожностью даже не закрепились в Сесто Календе и отошли к Милану.

Меж тем среди населения Ломбардии начались волнения. Конечно, нельзя было надеяться, что этот славный народ

поднимется на решительное восстание. Уж слишком много было разочарований, слишком много страданий.

Самая боеспособная молодежь находилась в австрийской или нашей армии, или была в изгнании, или присоединилась к волонтерам. Я был тронут радушным приемом ломбардцев. Не щадя сил, они старались снабдить нас всем необходимым, сообщали нам о передвижении врага и служили проводниками там, где это было нужно. Добросердечные женщины Ломбардии самоотверженно ухаживали за нашими ранеными.

Трудно описать встречу, оказанную нам в Варезе в ночь после переправы через Тичино. Дождь лил, как из ведра. Но мне кажется не было ни одного мужчины, женщины или подростка, которые не вышли бы на улицу. Это было волнующее зрелище! Смущенные солдаты и горожане в бурном восторге обнимали друг друга! Женщины и девушки, позабыв о своей обычной сдержанности, в лихорадочном возбуждении бросались на шею суровым бойцам. Правда не все мои соратники были людьми неотесанными, многие из них принадлежали к лучшим семьям Ломбардии и других провинций. Но все итальянцы были связаны святым делом освобождения родины, как в Понтиде[253].

Выражение любви со стороны славных жителей Варезе — это первые почести, оказанные нам в этом походе. Они были тем радостнее, что здесь не могло быть подкупленных лиц, официальных чиновников или полицейских ищеек! Что стоят все невзгоды, лишения, опасности, когда ты вознагражден горячей благодарностью народа, который освобождаешь! Пусть полюбуются на это зрелище холодные эгоисты, ненасытные торгаши честью народа. Если сердца их не дрогнут, пусть откажутся принадлежать к великой семье человечества, они этого недостойны.

В Варезе еще до нашего прибытия были сорваны императорские знамена, их заменили национальным флагом и обезоружили затем нескольких жандармов и часовых.

Мы оказались в дружественном городе, полном энтузиазма, и, раз он навлек на себя гнев австрияков, наш долг был его защищать. Но с тремя тысячами солдат немного сделаешь, когда имеешь перед собой несметные полчища австрийцев. Кроме того, взявшись за оборону города, обязательно теряешь возможность свободно и незаметно передвигаться, что являлось главной целью наших маневров — беспрестанно висеть на неприятельских флангах.

Положение Варезе довольно выгодное, учитывая высоту Биума, но для обороны, при превосходящих силах противника, надо иметь укрепления, а их не было. Мы воздвигли баррикады

на главных подступах к городу; небольшое число горожан вооружилось оружием, которое они сами отобрали у противника.

Австрийскому генералу Урбану предстояло быть разгромленному нашими частями. Из первых известий об этом свирепом полководце, двигавшемся из Брешии, я узнал, что под его командованием находится ни более, ни менее, как сорок тысяч человек. Кроме того, вражеские батальоны находились в Лавено и из Милана направлялся еще корпус. Было от чего содрогнуться!

Решение, принятое из чувства долга, защищать Варезе, чтобы не дать город разгромить беспощадному генералу, крайне меня смущало. Будь у меня возможность свободно маневрировать за пределами города, я бы нисколько не побоялся многочисленного врага. Но поджидать его в определенном месте, в неукрепленном городе, без единой пушки, почти или совсем неподготовленном к обороне, — положение малоутешительное. По многим соображениям Варезе нельзя было оставить. Приходилось ждать врага, чего бы это ни стоило. Иного выхода не было. Когда я окончательно принял решение, страха как ни бывало.

Полковник Медичи со вторым полком занял выход дороги на Комо, т. е. наше левое крыло; полковник Ардуино с третьим — центр, а полковник Козенц с первым — правое крыло, иначе говоря дорогу из Милана. Я расположился с резервом на высотах Биум. Мы узнали о появлении Урбана в Комо и о продвижении других полков из Милана, несомненно для совместных действий с частями Урбана. Медичи, у которого мужество соединялось с необыкновенной военной смекалкой, укрепил, насколько было возможно, в несколько дней свое крыло. Хорошо сделал, ибо именно сюда Урбан обрушился со всеми своими силами.

25 мая на рассвете показалась неприятельская колонна. Она двигалась из Комо по дороге в Варезе. Капитан Никола Суцини, засевший со своим отрядом в крестьянских домиках, примерно в миле от города, первый принял удар врага и храбро сопротивлялся. Обстреляв на короткой дистанции противника, он отступил к нашему правому крылу.

Преодолев это первое препятствие, Урбан выслал свою наступательную колонну на большую дорогу и двинул ее против нашего левого крыла. Впереди шли стрелки. С заранее укрепленных нами позиций солдаты встретили удар с хладнокровием испытанных ветеранов. Я приказал защищать это крыло двум ротам из батальона Марроккетти первого полка. Бой был коротким. Встретив врага градом пуль, отважные стрелки второго полка, воодушевленные доблестными Медичи и Сакки, выскочили из своих укрытий и в штыковой атаке отбросили

австрийцев, заставив их уйти по той же дороге, но уже гораздо быстрее.

Я думал, что дело не ограничится штыковой атакой нашего левого крыла, ибо по всем военным правилам при взятии такой позиции как Варезе надо было произвести ложное наступление по главной дороге слева, а основные силы сосредоточить с тыла, т. е. на севере Биума, на господствующей высоте. Урбан же наоборот взял быка за рога. Тем лучше для нас; ведь сил у нас было мало и нам нежелательно было их рассеивать, а надо было предпринимать атаки в различных пунктах, особенно со стороны Милана, где враг сосредоточил значительные силы.

С высот Биума, очень важной и удобной позиции для наблюдения за ходом сражения, где был расположен мой главный штаб, я видел каждое движение наших войск и неприятеля; северную сторону, находившуюся позади меня, я не мог разглядеть, я приказал разведать капитану Симонетта с его лазутчиками. В его исполнительности я был совершенно уверен.

Убедившись, что дело идет лишь о фронтальной атаке на наше левое крыло, я спустился с Биума, приказав преследовать неприятеля, а остальной бригаде отдал распоряжение продолжать в полном порядке дальнейшее продвижение. Австрийцы с двумя артиллерийскими орудиями, использованными при атаке Варезе, и взводом кавалерии, их охраняющей, делали остановки на каждой удобной позиции, однако продолжали отступать при первом нашем появлении, несмотря на то, что преследователи обладали лишь тремя полками, без пушек и кавалерии. Только у Сан-Сальваторе за Мальнате австрийцы, наконец, остановились. Здесь произошло ожесточенное огнестрельное сражение, в котором особенно отличились храбрые генуэзские карабинеры. Враг засел в лощине с одной стороны дороги, мы — с другой. На этот раз у нас оказалось больше раненых, чем в первой схватке, поскольку враг занимал теперь господствующие позиции под прикрытием густой рощи. Обнаглевший от своего выигрышного положения, противник при поддержке пушек и винтовок, качеством превосходящих наши, приказал своей пехоте наступать на наше левое крыло. Австрийцы энергично атаковали и потеснили нас. Но когда наши укрылись в сыроварне, занимающей господствующее положение над этой частью поля, и получили подкрепление резервами, они открыли такой ожесточенный огонь по врагу, что тот поспешил спрятаться в лощине и больше уже не показывался.

Позиция, занятая австрийцами на другой стороне вышеупомянутой лощины, была для них весьма выгодной — она господствовала над дорогой. Предпринять лобовую атаку было

опасно, и я все раздумывал, как бы обойти их позицию. Особых трудностей это не представляло. Оставаясь хозяевами сыроварни, господствовавшей позицией на нашем левом фланге, мы, пользуясь таким укрытием, могли пройти оттуда через верхнюю часть лощины и фланкировать правое крыло неприятеля незаметно для него. Я уже решился на последний план, когда меня, как молния, поразила весть, что сильная неприятельская колонна двигается на Варезе, угрожая нашему левому флангу. Я был совершенно подавлен. Подумать только, значит бегство Урбана было лишь военной хитростью! Расстроился я ужасно. Немедленно отдал приказ полковнику Козенцу направиться с его резервом к Варезе, занять его и защищать до последней капли крови. Я же со своей бригадой предпринял фланговый обход высот слева, чтобы обмануть врага, не подозревающего о нашем намерении обойти его таким путем. Когда я добрался до укрытия на горе, я взял влево и направился по тропе, ведущей в Мальнате, где уже, не теряя времени, собрались наши солдаты, идущие в Варезе.

Весть о неприятельской колонне, двигающейся якобы к Варезе, все еще была притчей во языцех. Узнав об этом, я был крайне удивлен. Ведь эту колонну видели не только крестьяне и солдаты, но и высшие офицеры. Наконец мы прибыли в Варезе, и слухи о колонне прекратились. Эта весть улетучилась среди восторженных криков славного народа. Она казалась черной тучей, рассеянной горячим приемом жителей. Все же мне кажется, что такая колонна существовала, и вот почему. Когда Урбан атаковал своими главными силами наш левый фланг в Варезе, он, видимо, чтобы произвести обходное движение для совместных действий, послал колонну, которую видели и весть о которой я получил из Сан-Сальваторе. Вероятно она просто заблудилась. Это часто случается во время ночных операций и даже днем в незнакомых местах, где трудно ориентироваться.

Для успеха ночной атаки при участии многих колонн необходимо множество благоприятствующих условий: прекрасное знание местности при наличии хорошего проводника; опытный начальник колонны; войско, состоящее не из новичков и, наконец, дорога, более легкая, чем ведущая из Варезе в Комо и Альпы. Здесь, свернув влево или вправо от дороги, вы попадаете на тропинки, где легко заблудиться. Такова по-моему причина появления этой странной колонны. Посланная обойти наше левое крыло и сбившаяся с пути колонна эта, видя, что попала в незнакомую лощину, пыталась выбраться, блуждая вокруг да около, и в конце концов забрела в какую-то отдаленную долину, чтобы там отдохнуть. Таково было мое заключение по поводу

происхождения вражеской колонны, сделанное на основании многих донесений. Не будь мои солдаты такими усталыми, я наверняка погнался бы за этой заблудившейся колонной и по всей вероятности забрал бы ее в плен.

Да, такие факты случаются в нашей стране, где пастыри внушают крестьянам, что не Италия их родина, а небо; внушают ненавидеть отчизну, проклинать либералов, как еретиков, и благословлять французов и австрияков как освободителей. С горьким чувством я говорю: к несчастью, даже сегодня произойдет то же самое, ибо священник не знает своего долга. Сегодня, как всегда, он будет учить любить чужеземца и ненавидеть Италию! Будь эта австрийская орда в стране, где крестьянину прививают любовь к родине, которая его пестует, конечно, она была бы обезоружена и уничтожена.

Мы собрали всех раненых, своих и австрийцев, и отправили их в Варезе. Там пленным австрийцам, которые страданием и кровью должны были заплатить за драгоценную жизнь ими убитых, Чичеруаккьо, Уго Басси и многих других, была тем не менее оказана всемерная помощь; за ними, пожалуй, ухаживали даже лучше, чем за своими ранеными. Ну, что ж! Хорошо делает Италия, что гуманно обращается со своими палачами. Прощение — дар великих. А наша прекрасная отчизна будет великой, когда избавится наконец от тяжелых ран, нанесенных ей бездушным отродьем — иезуитами и иезуитствующими.

Итак, мы направились в Варезе со своей бригадой, чтобы дать людям, которые в этом нуждались, немного отдохнуть. Ведь это было первое сражение для наших альпийских стрелков. Они проявили больше мужества и храбрости, чем можно было от них ожидать. Юные воины, новички в бою, они сражались с регулярными частями, воспитанными в презрении к итальянцам. При каждом столкновении юнцы обращали врага в бегство. Я поздравил их с этой первой победой.

Численно наши потери были сравнительно невелики, но значительны и для нас чувствительны, если принять во внимание достоинства тех, кого мы потеряли. Ведь большинство тех, кто был под моим началом, не только принадлежали к лучшим и образованным семействам, — это как раз менее важно, ибо образованные и благородные тоже обязаны, подобно пролетариям, отдать долг своей родине, — но в рядах армии сражались, как простые бойцы, прославленные выдающиеся артисты. Прекрасная, дорогая молодежь, надежда Италии, которая в будущей эпопее своего Рисорджименто даст людей, которые завершат дело у Калатафими, Монтерогондо и Дижона.

От раненых не было слышно ни одной жалобы, и если иногда

под ножом хирурга и раздавался крик, то это был только возглас: «Вива Италия!» Когда народ достигает такого величия, насильники-чужеземцы и отечественные тираны могут укладывать свои пожитки.

Среди мертвых был сын женщины, которая потеряла первого из трех, посланных ею, женщины, чьи скорбные дни потомки будут сравнивать с самыми славными днями Спарты и Рима. Сын несравненной матери Кайроли, матроны из Павии[254], он был самым юным из трех посланных ею. Его звали Эрнесто[255]. Он упал, сраженный в грудь австрийской пулей, на труп неприятельского барабанщика, пронзенного им штыком. Я подумал о неизбывной скорби этой матери, такой доброй, полной любви к своим и к тем, кто имел счастье быть около нее! В тот день я встретился взглядом со старшим сыном — Бенедетто. Доблестный, скромный, бесстрашный офицер… Он был дорог мне, как и вся его семья[256]. Его глаза пристально глядели на меня, но… ни одного слова не сорвалось с наших уст. Я прочел лишь в его грустном взгляде: «Моя мать!» И у меня мелькнула мысль — сколько горя ждет еще эту великодушную женщину!

А сколько еще других, чьих матерей я не знал, лежали на этом кровавом поле искалеченные или умирающие, жаждущие увидеть хотя бы еще раз свою безутешную мать! Бедные, или вернее, счастливые юноши! Их кровь пролита за освобождение Италии от долгого рабства.

Великодушные жительницы Варезе заменяли родителей. Женщины Италии! Вы видите, я пишу растроганный: вы мне поверите, я плакал, рассказывая вам о Кайроли. Это слабость с моей стороны. Отнеситесь к этому как хотите. Я много видел на полях сражений и трупов, и раненых, и умирающих. Простите меня за самонадеянность, но я чувствую еще и сейчас, может не с той силой, как в двадцать лет, жар в моей душе, словно в былые дни, если дело идет о борьбе за нашу священную землю! Да дарует мне бог счастье закрыть глаза, шепча последние слова: «Она вся освобождена!»

Да, женщины Варезе заменяли матерей нашим раненым и надо признаться, что эти святые женщины не оставляли без внимания и раненых врагов.

Не помню, 25 или 26 мая произошла битва при Варезе. Однако мне хорошо запомнилось, что в поход на Комо мы выступили 27-го. Я знаю, как важно напасть на врага сразу же после нанесенного ему поражения, как бы силен он ни был, и я не хотел упускать такого случая. Итак, мы двинулись на Комо из Варезе утром 27 мая по дороге на Кавалласка и добрались туда после полудня. Переход был долгим, и солдаты утомились.

Однако время для нас было самое подходящее: ночь приближалась, и значит с меньшим риском можно наносить удары противнику, даже с превосходящими силами, особенно в гористой местности, где предстояло разыграться нашему сражению и где действия неприятельской кавалерии и артиллерии сильно затруднены. Солдаты прилегли отдохнуть, а я стал собирать всевозможные сведения относительно позиций врага, его численности и т. д. Узнав, что враг в большом количестве занял сильную позицию в Сан-Фермо, я тут же сообразил, что это ключевая позиция, и послал несколько отрядов под командой отважного капитана Ченни обойти противника справа. Второй полк должен был начать лобовую атаку в тот момент, когда фланговые отряды теснили бы врага с боков. Когда наступило условленное время, полковник Медичи атаковал позиции противника со своей обычной отвагой с фронта, а Ченни со своим отрядом — с фланга.

Противник непоколебимо отражал нашу атаку, сражался упорно и мужественно. Его позиция была господствующей, весьма выгодной и имела сильнейшие укрепления. Ожесточенный бой длился около часа. Наконец австрийцы, окруженные со всех сторон, начали отступать, обратились в бегство и частично стали сдаваться в плен.

Благодаря этому быстрому успеху мы овладели всеми господствующими позициями. Это было кстати, ибо австрийцы в большом количестве двигались из Камерлата и Комо на подмогу своим отрядам, находившимся на высотках. Медичи с правого фланга, Козенц с левого, поддержанные несколькими отрядами из третьего полка под начальством отважных майоров Биксио и Квинтини, отбросили противника со всех позиций. Меткая стрельба отважных генуэзских карабинеров способствовала нашему успеху в этот день.

Силы противника были многочисленны; у наших доблестных стрелков было лишь единственное преимущество — плацдарм, выигранный энергичным броском. Они заставили австрийцев отступить. Но так как сражение происходило в гористой местности, противнику все же удавалось занять ту или иную выгодную позицию и даже кое-где потеснить наши отряды, когда они слишком наседали на них. Такая гористая местность мешала обозревать более широкое поле боя, и, лишь слыша отдаленные выстрелы, можно было догадаться о происходящей где-то ружейной схватке. С высоты можно было видеть внизу, на равнине, сильные резервы противника, построенные в полном порядке, а также его артиллерию, двенадцать орудий, которыми, в общем, он не пользовался. После описанных сражений,

поскольку близилась ночь, я приказал сосредоточить наши рассеянные отряды, разобщенные из-за неровной местности и бесконечных стычек.

Собрав бригаду, мы направились по извилистой дороге в Комо. Враг отступал перед нами. В пригороде Сан-Вито мы сделали остановку, чтобы собрать нужные сведения, однако было трудно найти кого-нибудь из жителей. Все попрятались, боясь, что их не пощадят. Наконец, мы решились вступить в город. Испуганное население вначале не знало, чьи войска вошли, так как ночь была темная. Люди поспешно прятались за закрытыми окнами и дверями. Не было видно ни одной живой души. Но потом, услышав родной говор, они поняли, что мы — итальянцы, что мы — братья, и разыгрались сцены, которые невозможно описать. Это было похоже на взрыв мины. С молниеносной быстротой город был освещен. На окнах гроздьями висели люди, на улицах толпился народ. Все колокола били в набат, что в немалой степени способствовало устрашению убегающего врага. Кто в состоянии описать волнующую сцену в ту ночь в Комо? Кто может вспомнить о ней и не растрогаться?

Население неистовствовало! Мужчины, женщины, дети завладели моими бойцами. Объятия, плач, крики ура! Восторгам не было конца! Всю ночь не прекращалось это безумие. Несколько всадников, ехавших вместе со мной во главе колонны, с трудом могли удержаться на лошадях. Их тащили за ноги, особенно девушки, красота которых давала им, пожалуй, право по-хозяйски распоряжаться со своими соотечественниками-освободителями!

О неприятеле не знали ничего определенного. Кто говорил — он находится в одном месте, кто указывал на другое. Некоторые утверждали, что он двигается в направлении Камерлаты. Факт тот, что, когда мы (входили в одни ворота, враг вышел из других и, вероятно, не чувствуя себя в безопасности в Камерлате, он беспорядочно проследовал к Милану, оставляя за собой в складах Камерлаты много оружия и провианта.

Бедные храбрые альпийские стрелки расположились на улицах и площадях города. Им было от чего устать. Выйдя утром из Варезе, они были на марше весь день, потом сражались и снова полночи безостановочно двигались. Разве это не чудо для юнцов, не привыкших к тяжелым переходам? Только святая любовь к родине дала силу этой великолепной молодежи Италии крепко держаться на ногах.

Я же поступил, как истый ветеран: после того, как приказал построить несколько баррикад у выхода дороги на Камерлату и, растроганный, увидел моих измученных бойцов, распростертых на улицах и площадях города, я принял на минутку

предложенное мне пристанище, кажется в доме Ровелли.

Враг получил жестокий удар. Принимая во внимание характер местности, бесконечные стычки, наступившую ночь, можно было предположить, что у противника много солдат разбежалось и он деморализован. Так и было на самом деле.

Однако, убедившись, что враг насчитывал примерно 9000 солдат, 12 артиллерийских орудий, достаточное количество кавалерии, а у нас меньше 3000 людей, всего несколько конных проводников и нет ни единой пушки, да еще местоположение Комо в лощине, окруженной со всех сторон высокой грядой гор, я с тревогой подумал, что же будет, если перед нами на следующий день вдруг окажется предприимчивый враг.

Такие мысли нарушали мой короткий отдых, и рассвет я встретил верхом на лошади, направляясь прямо в Камерлату, чтобы разузнать о противнике. Он оставил этот важный пункт. Таков был итог полученных мною сведений, что меня крайне обрадовало. Мои храбрые бойцы были до того обессилены, что думать о сражении в этот день было совершенно невозможно. Мы заняли Камерлату быстрым натиском. Стрелки отдыхали весь день к своему величайшему удовольствию.

Победа стоила нам довольно чувствительных потерь. Потеряли мы, правда, не много убитыми и ранеными, но зато каких людей? Де Кристофорис в благородном порыве неустрашимо бросил свой отряд в лобовую атаку позиции Сан-Фермо, заплатив за одержанную победу своей жизнью. Тяжелая потеря для нас. Молодой, красивый, скромный, как девушка, он обладал всеми достоинствами героя и великого полководца. Родина Де Кристофориса была родиной Анцани, Даверио, Манары[257]. Подобно им, он был рожден на земле рабов, но понял, как и они, что народ, давший миру таких людей, не должен быть никому слугой! Да, как они: храбрость, личное мужество Де Кристофориса бледнели рядом с другими драгоценными качествами его души, столь украшавшими его. Родина Сципионов[258], Гракхов[259], нация, у которой на счету Веспри[260] и Леньяно[261], могут быть временно опустошены, раздавлены, растоптаны чужеземным сапогом или ослаблены от разлагающего влияния самозванцев, но никогда не переведутся в ней сыны, приводящие в изумление мир!

Педотти! Ростом он отличался от Де Кристофориса. Он был маленький, зато обладал той же храбростью и отдал свой долг отчизне. Тело его покоится среди тех, кто погиб в этой лобовой атаке. Педотти также принадлежал к избранной молодежи из лучших ломбардских семей, что пришли, когда началась вербовка волонтеров, и умножили их ряды. Он щедро раздавал свое золото

на покупку оружия и умер за свою родину!

Картелльери, храбрый, как и оба первые, из той же шеренги. Он с 1848 г. был всюду, где кипел бой за Италию. О, отважные юноши! Ваши кости будут фундаментом для вечного здания нашей отчизны, столь вами любимой. Женщины грядущих поколений Италии будут учить своих детей на примере ваших славных поступков и благословлять ваши святые имена!

Я не помню имен многих моих братьев по оружию, павших в этой грандиозной битве, где кучка неопытных юношей в патриотическом порыве обратила в бегство многочисленные полчища Урбана, который бежал до самой Монцы, не оглядываясь, чтобы узнать, кто нанес ему поражение.

Обладание Комо улучшило наше положение, обеспечило всевозможными средствами, подняло доверие к нам, дало подкрепление людьми и оружием. Пароходы, по доброй воле администрации и их капитанов, принадлежали теперь нам, таким образом мы оказались хозяевами Вербано. Все местности, лежащие у озера Комо, Вальтеллина, Лекко и т. д., переходили на нашу сторону. Всюду население требовало оружия, чтобы участвовать в отечественной войне. Но у нас не хватало оружия, особенно боеприпасов, истраченных в предыдущих сражениях. Мы не только находились далеко от Пьемонта, нашей базы, но и всякая связь с ним была нарушена. Патриотизм некоторых лиц возмещал иногда отсутствие связи с Пьемонтом, и с их помощью мы все же получали оттуда сообщения, но добыть оружие и боеприпасы было трудно или совершенно невозможно. Это внушило мне мысль снова приблизиться к Лаго Маджоре и в то же самое время внезапно нанести удар по Лавено. Поэтому на дороге из Комо в Варезе опять появились альпийские стрелки.

Майора Биксио[262], выдающегося и очень энергичного человека из породы Козенца[263] и Медичи[264], которому можно было поручить любую операцию с уверенностью, что он ее выполнит, я и направил на рекогносцировку в Лавено. Однако ему не пришлось осуществить задуманную операцию, ибо, приблизившись к месту, я увидел, что атаку можно произвести с озера, и кому как не Биксио можно было поручить ее, так как он обладал не только качествами храброго военного, но и был опытным морским капитаном.

В Варезе была сделана короткая остановка, затем мы двинулись на Гавирату; оттуда бригада проследовала в Лавено. Я смог бы попытаться произвести ночную атаку на Лавено со всей моей бригадой. Однако, (получив донесение, что Урбан с большим подкреплением спешит за нами вслед, я не хотел рисковать всеми своими силами, имея (поблизости за спиной

столь грозного противника. Итак, я решил пустить, в ход для атаки лишь две роты первого полка под командой капитанов Бронцетти и Ланди. Майор Марроккетти должен был их поддержать с остатками батальона, а полковник Козенн с оставшейся частью своего полка.

Тем временем подоспели две маленькие горные гаубицы и две мелкокалиберные пушки с боеприпасами под командой отважного капитана Грициотти.

Операция у Лавено не удалась: капитан Ланди атаковал первым — он в час ночи вошел в форт с двадцатью солдатами но, так как за ним не последовали остальные, ему пришлось отступить. Сам же он был тяжело ранен. Капитан Бронцетти по вине сбившихся с пути проводников не пришел вовремя, чтобы поддержать атаку. Наши были отброшены, и им пришлось занять открытые позиции, так что врагу под защитой укреплений удалось ранить нескольких наших людей. Если бы с капитаном Ланди вошел бы весь батальон и его поддержал бы Бронцетти, то форт, где засели 80 вражеских солдат, безусловно остался бы в наших руках. А захвати я форт, господствующий над другими позициями, и пароходы, мне легко удалось бы занять Лавено и связь с Пьемонтом была бы восстановлена.

Но атака форта не удалась. Сорвалась также операция на озере с пароходами, так как майору Биксио не удалось заставить таможенные суда пьемонтского побережья примкнуть к нему. Надо было подумывать об отступлении. Однако, когда чуть забрезжил рассвет и враг убедился, что наше наступление провалилось, он открыл ожесточенный огонь по нашим отходящим частям и резервам. Форты и пароходы отчаянно отстреливались, словно хотели отомстить за страх, испытанный ими ночью. Несметное количество ракет взлетало в воздух — любимая забава австрийцев. Поистине забава, ибо я никогда не видел ни одного человека или животного, раненного этим своеобразным пугалом.

Австрия хотела мерами устрашения держать Италию в своих руках. Она с большой охотой пускала в ход эти ракеты, которые запугивали, но не причиняли вреда, а также прибегала к пожарам, которые устрашали и приносили ущерб. Пусть мои соотечественники этого не забывают. Надеюсь, что народ, который на свое несчастье еще находится под пятой австрияков, скоро освободится и не будет больше видеть ни ракет, ни пожаров. Но если случится, что дело обернется иначе, мы не забудем ни ракет, ни пожаров, ни убийств!

К югу от Лавено поднимается покрытый лесами холм, господствующий над подступами к Лавено и гаванью. Я отправил

туда нашу небольшую артиллерию. Таким путем можно было держать в отдалении пароходы, и наш отход прошел довольно успешно. Капитан Ланди проявил много мужества.

Он вошел в крепость со своим головным отрядом. Вероятно, темная ночь была причиной того, что остальные заблудились. Он был тяжело ранен. Если бы мужественному Бронцетти повезло, успех нашей экспедиции был бы обеспечен. Лейтенанты Спегаццини и Спарвьери тоже получили ранения. Они храбро сражались. В тот же день вечером я узнал, что Урбан занял Варезе. Это меня крайне озадачило. Мы были отрезаны от Комо. Нельзя было терять ни минуты. С бригадой мы бросились в Валь Кувиа и пересекли Валь Гана. Затем то долине спустились к Варезе, и наш авангард добрался до самой высшей точки Биума. Близилась ночь. Можно было напасть на противника с небольшим риском, ибо в случае неудачи отход на укрепленные позиции Валь Ганы был обеспечен. С высоты, поднимающейся над Варезе с севера, я великолепно видел занятые врагом позиции. Насколько я смог разглядеть, враг показался многочисленным, хотя не до такой степени, как об этом говорили жители, но не менее двенадцати-пятнадцати тысяч человек. Я видел артиллерию и занятые врагом господствующие позиции, что было вполне естественно.

Нужно ли говорить, как страстно я желал напасть на Урбана и освободить Варезе? Но я понимал, что австрийский генерал захочет отомстить бедным жителям за свои поражения и что он безнаказанно может сделать это. Взвесив все обстоятельства, я решил отказаться от атаки и вернуться с бригадой в Комо.

В Мальнате также стоял австрийский корпус, и нельзя было двигаться по дороге, ведущей из Варезе на Комо. Пришлось воспользоваться горными тропинками. Однако благодаря хорошим проводникам, предоставленным мэром Арчизате, нам удалось совершить этот переход, хотя дождь лил как из ведра, ни на минуту не прекращаясь. Новое испытание для выносливости и мужества моих бедных бойцов. Наш путь проходил неподалеку от Мальнаты, но непогода так разыгралась, что мы не боялись натолкнуться на австрийских дозорных. Наша колонна растянулась. Правда, я пытался остановить передовые части, но безуспешно. Только на марше бедные солдаты могли устоять против холода и ненастной погоды. Поход был утомительный и тяжелый. Взбухшие ручьи и потоки воды затрудняли наш переход через них. Особенно туго приходилось обозу и хвосту колонны.

Наконец мы достигли Комо. Добрейшее население встретило наших стрелков с обычным радушием. Мы скоро позабыли о наших мытарствах в пути. Наше появление в Комо было как раз

вовремя, ибо окрестное население уже начало беспокоиться о нашем отсутствии. Австрийцы и их прихвостни священники, мастаки лгать, уже распустили нелепые слухи и с особенным искусством внушали населению, что по всем направлениям двигаются вражеские полки. Власти перекочевали на озеро, а некоторые оставленные мною перед отбытием в Лавено отряды также отступили. Раненых эвакуировали в Менаджо, что было крайне неудобно. Все это напугало население, если бы за время нашего отсутствия в Комо подошел хотя бы незначительный вражеский отряд, все снова перешло бы в руки австрийцев.

Храбрая и миловидная девушка, появившаяся передо мной, как видение, на дороге из Рубароло в Варезе, когда я направлялся со своей бригадой в этот город, чтобы атаковать Урбана, сообщила мне о происходящем. Это прелестное создание убежало из Комо, чтобы рассказать мне о создавшемся там ужасном положении и поторопить с возвращением в Комо. Там мы подумали об организации в окрестностях защиты всех наших важных и опорных позиций. Население живо откликнулось. Сражение при Мадженте в те дни резко изменило положение вещей[265]. Эта битва — в этом нет ничего удивительного — подняла общее настроение и облегчила наши действия, меж тем как положение нашего противника Урбана в Варезе стало критическим. Будь у нас на несколько тысяч человек больше, мы бы заставили его сложить оружие. В это время моя бригада насчитывала примерно две тысячи боеспособных человек. Я, разумеется, не мог рискнуть и броситься, чтобы преградить дорогу врагу, численно нас превосходящему.

Однажды утром я решил занять позицию над дорогой, по которой Урбан должен был двигаться на Монцу. Впрочем я быстро отказался от этого намерения по многим соображениям, главным образом потому, что Урбан, узнав, что нам известно о его передвижении к Монца, повернул бы на Комо, а эта дорога была для нас со всех точек зрения гораздо важнее и безопаснее.

После того, как мы стали хозяевами озера Комо, не было ни одного местечка на озере, где не был бы спущен ненавистный австрийский флаг и не поднят наш трехцветный. Важный город Лекко открывал нам дорогу на Вальтелину, а также на восток — в Бергамо и Брешию — города, с которыми наш мужественный Габриэле Камоцци наладил уже тесную связь. Он обладал тем чудесным характером, которыми так богата Италия эпохи Рисорджименто.

Встретиться с таким характером — всегда счастье. В торжественный час он проявляется совершенно особым образом. В первый раз я встретился с Камоцци в Бергамо. Я полюбил его

лицо, симпатичное, открытое и решительное. Наше тяготение друг к другу было взаимным, ибо позднее именно Камоцци предложил мне десять тысяч лир, чтобы улучшить мое положение.

Ко времени битвы при Новаре Камоцци собрал у Бергамо триста или четыреста бойцов, среди них было много местных крестьян. Он повел их на помощь Брешии, городу-герою, жители (которого, имея лишь ножи, бились против многочисленных вооруженных до зубов австрийских солдат и продержались несколько дней.

Разве это не высокий пример? Если бы ему последовали все города Италии, то мы проучили бы дерзких соседей и доказали, что наша земля перестала быть местом их отдыха и что нет на свете силы, которая могла бы покорить Италию, имеющую таких сыновей!

О, да! Камоцци двигался один со своими бойцами на помощь мужественному населению Брешии. Как прекрасен был этот порыв, это отважное стремление ободрить, защитить погибающих и сражающихся братьев или в крайнем случае разделить их злосчастную судьбу! Я был вдалеке, когда узнал все о Камоции и, растроганный, проникся к нему восхищением и уважением.

Ныне (1872 г.) Италия может не бояться нашествия чужеземцев. Нацию, которая может вооружить более двух миллионов граждан, никакая сила не одолеет! Однако надо брать пример с отважных бергамазцев. Габриэле Камоцци, как я уже говорил, поддерживал связь с Бергамо и со всей округой. Излишне говорить, сколь ценным было для меня содействие этого доблестного соратника.

Выше я уже указывал на причины, мешавшие мне броситься наперерез отступающим войскам Урбана. Отказавшись от этой мысли и не желая оставаться без дела, я решил действовать на линии Лекко, Бергамо и Брешиа.

Линия эта была нам более удобна по характеру наших операций и малочисленности моей бригады.

В этих городах и важных населенных пунктах мы продолжали призывать к восстанию, сохраняя за собой повсюду свободу действий. Итак, приняв это последнее решение, я начал погрузку части моей бригады на пароходы, направив их в Лекко. В это время я получил эстафету от генерала Фанти, в которой он запрашивал меня, не считаю ли я возможным действовать совместно с отрядами под его командой против генерала Урбана. Я не знаю, кто мне привез эту эстафету, и поскольку гонца я не видел и он не просил у меня ответа, я продолжал свой поход на Бергамо, оставив союзникам заботу преследовать Урбана,

отступающего к Монца и Адда.

Из Лекко мы продолжали наш путь на Бергамо, где находились австрийцы. Мы захватили в плен неприятельского офицера, который бродил в окрестностях, требуя от населения контрибуцию в 12 тысяч крейцеров под угрозой, в случае отказа, разрушить все кругом; обычный прием этих «благородных» хозяев, привыкших немедленно приводить в исполнение свои угрозы. На этот раз им заплатили той же монетой, что Камилл в Риме заплатил галлам[266], т. е. железом.

Когда рано поутру мы подошли к Бергамо, жители нам сообщили, что неприятель эвакуировал город, и, как мы ни ускоряли наш марш, нам не удалось его догнать. Мы заняли Бергамо, где нашли большое количество пушек и снарядов, хотя враг и старался все уничтожить.

В Бергамо произошло весьма любопытное событие. В начале нашей оккупации пришло известие со станции железной дороги, что отряд в тысячу человек отбыл из Милана на подмогу гарнизону города. Я собрал бригаду на вышеуказанной станции, разместил людей в канавах, в домах, словом занял вокруг те пункты, которые были нам выгодны. И вот действительно — к нам приближался поезд с австрийскими войсками. Но путевой обходчик австрийской национальности, находившийся в Сериате приблизительно на расстоянии двух миль от нас, сообщил противнику о нашем пребывании в Бергамо. Предупрежденный неприятель остановился в Сериате, вероятно, в полной нерешительности — что ему делать дальше.

Направленный туда для разведки капитан Бронцетти со своим отрядом энергично атаковал в десять раз численно превосходящего врага и обратил его в бегство. Когда я с небольшими силами прибыл на поддержку Бронцетти, неприятель уже исчез. Прекрасный пример нашим соотечественникам, что таким хозяевам, конечно, нечего рассчитывать иметь их слугами. Линь нее доказательство, сколь сильно были деморализованы те, кто расстрелял Уго Басси и Чичеруаккьо.

У нас было несколько раненых в этой поистине необыкновенной схватке. Наш доблестный лейтенант Гуальди был тяжело ранен в ногу, которую пришлось ампутировать. В Бергамо мы не надолго задержались. Узнав, что неприятель наложил контрибуцию на жителей долины, я отправился с бригадой туда, и мы спасли многих бедных поселян от разграбления. Затем мы повернули к Паладзоло, куда ранее был послан Козенц со своим полком. Прибыв в Паладзоло и узнав, что враг движется по дороге к Брешии, я решил форсированным

маршем идти на этот прекрасный город, который австрийцы уже эвакуировали. Однако я опасался нового появления находящегося поблизости врага. Несколько гонцов, прибывших оттуда, поставили меня «обо всем в известность и от имени населения Брешии просили поспешить к ним на помощь.

Мои бедные стрелки пришли в Паладзоло утомленные ускоренным маршем; однако я положился на воодушевление сопровождавших меня храбрых юнцов и не ошибся! Я приказал командирам отрядов узнать, способны ли бойцы в эту же ночь проследовать в Брешию. В ответ раздался единый клич этих доблестных борцов за Италию: В Брешию! В Брешию! В 11 часов ночи мы направились в этот город, веселые и беззаботные, как всегда, забыв об усталости и лишениях.

Альпийские стрелки! Мои юные и отважные боевые товарищи! В эту минуту, когда я рассказываю о вас, — а это сейчас единственный дар моей любви к вам — вас преследует мелкая зависть тех, кто ничего или мало сделал для Италии, меж тем как вы совершили все, что только может совершить патриот во имя своей отчизны!

В этот момент ваших храбрых офицеров вытеснили терситы[267] итальянской Илиады. Они роскошно пируют, а большая часть наших лучших людей, отвергнуты — словно они враги. Они скитаются, нищенствуя, по тем же дорогам, где вместе с вами наносили удары грабителям нашей земли. Альпийские стрелки, бедные и великодушные мои братья по оружию! Наша родина не посмеет отказать вам в рукоплесканиях за столько героически перенесенных вами невзгод. Она верит, что в час опасности, хотя и отверженные, истерзанные злодеями, вы с тем же воодушевлением и бодростью будете вновь сражаться с врагами вашего отечества. Те, кто хочет вас унизить и снять с вас славный мундир, что слепил им глаза и так мало украшал вас в Варезе, в Комо, в Сериате, не смогут отказаться от чувства восторга перед вашими подвигами и особенно вашей стойкостью во время трудного, утомительного и небывалого перехода из Варезе в Комо, из Паладзоло в Брешию!

На полпути между Паладзоло и Брешией в местности, название которой я запамятовал, находился враг. Мы должны были не атаковать его, а обойти, так как имелось мало шансов, чтобы нападение на противника с превосходящими силами могло быть успешным. Поэтому мы повернули на дорогу влево, оказавшуюся довольно хорошей и не особенно длинной.

Извещенные брешианцы выслали нам навстречу повозки для тех, кто устал. На следующее утро мы пришли в Брешию. Так же, как и в Бергамо, нас вышло встречать все население. Это было

нечто большее, чем энтузиазм, единственное в своем роде, неповторимое, что можно назвать „брешианским“!

Палермо, Генуя, Милан, Брешиа, Мессина, Болонья, Казале! Когда все итальянские города решатся поступать с врагами нашего отечества, как сделали это вы, — о! — тогда не будет на нашей земле больше господ и рабов, а лишь свободные, всеми уважаемые люди!

В крепости Брешии, как и в Бергамо, было много пушек и снарядов. Мы оставались в Брешии несколько дней, чтобы дать людям отдохнуть, затем пошли по направлению к Редзате и реке Кьезе, через которую, по нашим расчетам, враг, отступая, должен был пройти. Однако противник со значительными силами находился в Кастенедоло, на что указывали патрули, в большом количестве приближавшиеся по главной дороге, что вела от Брешии к мосту Сан-Марко, уже нами пройденному. Находясь в Редзате, я получил из главного королевского штаба приказ занять Лонато, причем сообщалось, что мне на подмогу будут высланы два полка конницы и одна батарея под командой генерала Самби. Ввиду того, что значительные силы противника стояли в Кастенедоло, я, разумеется, не мог пройти через Кьезе по мосту Сан-Марко. Я пытался навести справки, нельзя ли перейти реку выше. На основании полученных данных я решил восстановить мост в Беттолетто, разрушенный австрийцами несколько дней назад. Приказ короля, сначала принятый мной с радостью, поверг меня потом в смущение из-за конных полков и артиллерии, которые должны были к нам присоединиться и совместно действовать. Если бы я отправился со своей бригадой к Кьезе, главная дорога оказалась бы открытой, а конница и артиллерия несомненно подверглись бы опасности. Поэтому я решил оставить для наблюдений первый и второй полки, расположив их небольшими эшелонами на дороге против находящегося в Кастенедоло врага. Сам же я с частью третьего полка, отрядом берсальеров, четырьмя орудиями и проводниками занял позиции у Кьезе, чтобы восстановить мост в Беттолетто. Мост был почти готов, когда пришло известие: неприятель атаковал оба наши полка, находившиеся на дороге. Я бросил работы по наведению моста и галопом поскакал на поле боя.

Первый полк, который был атакован, под командой храбрых полковников Козенца и Тюрра[268] отбросил противника с необыкновенным искусством на исходные позиции к Кастенедоло, где были сосредоточены его основные силы. Однако, теснимые численно превосходящим неприятелем, наши вынуждены были отступить. Когда я прибыл на поле боя, полк был уже далеко не в блестящем состоянии.

Тяжело раненного полковника Тюрра, находившегося на левом фланге, куда я прибыл, унесли с поля битвы. Я и мои отважные адъютанты Ченни, Трекки, Мериуэзер перегруппировали наших доблестных стрелков, и они снова пытались дать отпор врагу. Но им пришлось отступить перед превосходящими силами противника, который не только атаковал с фронта, но старался окружить наших и взять их в кольцо. В общем наше отступление под прикрытием второго полка, заранее предупрежденного майором Каррано, начальником моего главного штаба, проходило в полном порядке.

Среди храбрых офицеров, погибших в сражении, мы оплакивали гибель майора Бронцетти, который отличался во всех наших схватках и заслужил названия „смельчака из смельчаков“. Его вынесли с поля боя с тремя пулевыми ранениями. Через несколько дней он скончался.

Градениго из знаменитой семьи венецианских патрициев, офицер необыкновенной храбрости и поразительного хладнокровия, тоже принял смерть, сражаясь с врагом, когда шел во главе своих бойцов.

Апорти, мой старый друг по Риму и Ломбардии, столь же отважный в бою, сколь приветливый и милый в обычной жизни, очутился в окружении неприятеля и, при отступлении, не мог двигаться, ибо у него было сломано бедро, и его оставили на поле боя. Позже ему произвели ампутацию.

Не знаю, смогу ли я со временем назвать имена многих моих собратьев по оружию, мучеников Италии, которых я не помню. Они блестяще сражались и пали на поле боя в те хорошо памятные для альпийских стрелков дни. Это сражение, названное Трепонтским, было самым ожесточенным и кровавым для нашего первого полка, который с честью провел этот бой. Второй полк поддержал свою славу, завоеванную в предыдущих боях. А воины третьего, под командой мужественного майора Кроче, показали, что достойны сражаться рядом со своими доблестными товарищами.

Лейтенант Спекки, раненный в руку, проявил чудеса храбрости и, как всегда, помогал при отступлении. Часть генуэзской роты, которую я привел к Кьезе, поспела вовремя, чтобы поддержать наших и убедиться в стойкости этих исключительных людей. Сталло, Бурландо, Канцио, Мосто, Розагути, Липари отличились как всегда. Австрийцы прекратили свое наступление. Отряды альпийских стрелков, принимавших участие в сражении, собрались на большой дороге близ Трепонти, донельзя утомленные походом и битвой, и подбирали раненых. Это сражение произошло при неблагоприятных условиях по той

причине, что нам была оказана честь находиться в непосредственном распоряжении Главного генерального штаба, почему мы были вынуждены разбить нашу бригаду, оставив две трети на защиту конницы и артиллерии, которые должны были прибыть к нам на подмогу, но их никто никогда так и не увидел.

Впервые во время похода я столкнулся с королевским штабом, и у меня, право, было мало основания для удовольствия. Было ли известно, что верховная ставка императора Австрии находилась в Лонато, центре двухсоттысячной армии? А если знали, то зачем послали меня с 1800 человек в Лонато? Предположение, что не знали, малолестно для Генерального штаба короля Сардинии, которого если и можно было бы в чем-нибудь обвинить, но только не в недостатке разведчиков. Зачем мне было обещано прислать два полка конницы и одну батарею, во имя защиты которых моя небольшая бригада едва избежала уничтожения, меж тем никакой конницы и артиллерии не только не прислали, о них вообще никто ничего не слышал. Значит это была западня, чтобы погубить горсть храбрецов, действовавших на нервы некоторым стоящим у власти воякам!

В конце концов я убедился, что Генеральный штаб короля хотел подшутить над нами, но — увы! — слишком трагически. Я понял, что идея занять Лонато не была серьезной и что мне надлежало действовать, не ожидая приказов высших оракулов. Тем более, что, рассказывая Чальдини о дневных происшествиях, я услышал от него ответ: „Вы влипнете, если будете полагаться на этих людей“. Итак, в дальнейших действиях я должен был рассчитывать лишь на себя и на своих товарищей, чтобы не попасть в когти вражеской армии, еще несломленной и находящейся неподалеку от нас, как это показали последующие события.

Во время вышеописанного сражения я заметил, что противник продвигается на своем правом фланге. Тут я решил не без основания, что враг намеревается отрезать наши силы, находящиеся еще у Кьезе. Поэтому я послал приказ полковнику Ардуино оставить вновь отстроенный мост и отступить в горы в окрестности Нуволенто. Однако полковник зашел слишком далеко в исполнении моего приказа, он не только отошел к Нуволенто, но отправил артиллерию в Гавардо, у Брешии, а сам вместе с пехотой по горным тропинкам проследовал туда же.

Передав полковникам Козенцу и Медичи диспозиции с указанием сконцентрироваться в определенном месте, я поскакал к Ардуино, чтобы связать его с другими частями, находящимися у подножья гор, на позициях, удобных для отпора превосходящих сил неприятеля. Я ехал один без адъютантов, ибо у Ченни лошадь

сдохла, а у других лошади были утомлены или в разгоне, и собирал сведения у всех, кого встречал по дороге. Окрестные жители либо разбежались, либо прятались, спасаясь от насилий и грабежа, на которые их обрекли солдаты, друзья или недруги. К тому же „славные битвы“ мало интересовали людей безучастных, а деревенские обитатели, по крайней мере до сей поры, всегда были равнодушны к битвам за Италию, если не становились открыто нашими врагами.

Однако все, что я узнал, подтверждало, что отряд, который я ищу, находится далеко. Только выносливости моей лошади, скакавшей галопом весь день, обязан я тем, что смог, наконец, добраться до Ардуино. Не будь этой лошади, мне пришлось бы на следующий день искать часть бригады в горах по направлению Брешии или даже в самом городе, что было бы нелегко. Бригада была эшелонирована вечером из Редзате в Нуволера, Нуволенто и т. д. Меж тем королевское войско двигалось по дороге в Брешию. Генерал Чальдини, с которым я был в личной дружбе, узнав о нашем сражении у Трепомти, сделал все возможное, чтобы продвинуться вперед. Он составлял авангард королевской армии и заявил, что послал нам на помощь несколько своих легких отрядов, не прибывших вовсе, ибо бойцы выбились из сил от долгого перехода, или прибывших уже после боя.

Несколько дней подряд мы находились на этих позициях. Наше присутствие и продвижение нашей армии способствовало хорошему настроению жителей Гавардо, Сало и др. Более того, гвардейцы опять навели мост через Кьезе, разрушенный австрийцами, и я решил перейти его и пробраться в Сало.

Итак, моя бригада собралась в Гавардо и ночью мы переправились через Кьезе и направились в Сало. Майор Биксио получил приказ ночью занять этот город на озере Гарда со своим батальоном; бригада расположилась на ночь на высотах, господствующих над дорогой, которая тянется к северу, и на следующее утро вступила в Сало. Одновременно с планом идти к озеру Гарда я заказал в Комо и Изео несколько лодок, которые прибыли с нами в Сало. Я обзавелся лодками, думая, что враг, оставляя западное побережье озера, захватит или уничтожит находившиеся там лодки. Однако он не сделал ни того, ни другого.

Заняв Сало, мы пробыли там несколько дней. Самым важным событием нашего пребывания в этом городе было уничтожение неприятельского парохода. Когда мы находились в Сало, австрийский пароход ежедневно появлялся для слежки за нами и поэтому входил в самую глубь гавани кормой вперед, а носом ко входу в гавань[269] на тот случай, если придется спасаться.

Наблюдая его ежедневные маневры, я попросил командующего сильным отрядом королевской армии, находившегося в Гавардо, подбросить мне половину полевой батареи с двумя гаубицами. Получив батарею, я расположил ее у входа в гавань направо, на позиции, наиболее подходящей для этой цели. Орудия были установлены на берегу озера, покрыты растительностью и спрятаны так хорошо, что их нельзя было рассмотреть, однако стрелять по озеру они могли в любом направлении. На левую сторону при входе в гавань, я послал генуэзских берсальеров во главе с капитаном Паджи, которые залегли в густой зелени. Пароход, как обычно, маневрировал в гавани и подошел к берсальерам на расстояние выстрела. Те открыли огонь из своих карабинов, метко стреляя. Стрельба берсальеров заставила пароход отойти отсюда и приблизиться к противоположной стороне, где была спрятана батарея. Несколько сильных артиллерийских выстрелов, и на пароходе вспыхнул пожар, который никак нельзя было затушить. Пароход пытался на полной скорости достигнуть противоположного берега озера, но ему это не удалось, и он пошел ко дну. Я очень сожалею, что не запомнил имени храброго офицера, командующего батареей. Как мне хочется воздать должную хвалу нашей итальянской артиллерии, не уступающей ни одной другой на свете.

Генерал Чальдини, в распоряжении которого по приказу короля я находился, направил меня с моей бригадой в Вальтеллину. В свою очередь я поджидал полковника Медичи, который соединил все наши отряды, находившиеся в пределах этой долины, и отбросил австрийцев к Стельвио.

Я направился со своей бригадой в Вальтеллину, переправившись через озеро Комо от Лекко до Колико на пароходах. Мы заняли долину вплоть до самого Бормио; оттуда Медичи, тесня вражеские отряды к Стельвио, принудил врага очистить Ломбардию.

Наши юные альпийские стрелки под начальством Медичи, Биксио, Сакки и других командиров показали новые чудеса храбрости и выносливости. Они сражались в незнакомых условиях среди горных ущелий и скал, покрытых вечным снегом, где противник отлично знал местность и чувствовал себя как дома, ибо почти все они были тирольцами. Итак мы были хозяевами Вальтеллины, а генерал Чальдини занял с четвертой дивизией армии Валь Камонику, Валь Тромпиа, словом всю территорию до озера Гарда. Полковник Бриньоне из этой же дивизии занял Валь Камонику.

Мне кажется, что здесь будет уместно сказать несколько слов о судьбе этой четвертой дивизии, несомненно одной из лучших в

итальянской армии, которой командовали выдающиеся офицеры. Была ли она выделена из нашей армии, потому что действительно боялись появления большого отряда австрийцев в той части Тироля? Или хотели ослабить наше войско, чтобы оно так не прославилось в решительной битве, которая неизбежно должна была произойти у Минчо? Или же намеревались присматривать за отрядами альпийских стрелков, которые с чудовищной быстротой в эти дни увеличивались, и лишить их той самостоятельности, которой как будто сочувствовал король, но которая не нравилась некоторым высокопоставленным лицам? Думаю, что эта лисица Бонапарт не прочь был присоединиться к мнению, что нам грозят австрийцы именно в Тироле: отличный предлог, чтобы удалить из армии нашу четвертую дивизию, лишив ее доблестного командира и прекрасной дивизии.

Далее, альпийские стрелки. Ведь их, после Трепонтского сражения, осталось всего 1800 человек, однако немногим больше чем в месяц, как по волшебству, число их увеличилось примерно до двенадцати тысяч, и с каждым днем их становилось все больше. Эти альпийские стрелки внушали подозрение людям с нечистой совестью, которые считали, что волонтеры вообще не нужны, ибо они вызывали в них ужас.

Впрочем, эти люди, виновные во многом, не без основания содрогаются от страха перед нами. Они называют нас революционерами, но мы гордимся этим почетным званием и не откажемся от него, пока на земле существуют негодяи, которые, чтобы самим утопать в роскоши, угнетают лучшую часть нации, насаждая всюду нищету. Нелепый план военных действий мог родиться только в извращенном уме Наполеона III и найти отклик в душе короля и его ничтожных приспешников. Словом, надо сказать, что битва при Сан-Мартино все же произошла, причем итальянское войско состояло из пяти дивизий, из которых четвертая была отозвана, а ведь она могла быть блестящей подмогой нашим и участвовать в предстоящем жарком сражении.

Розалино Пило. Руководитель повстанцев Сицилии. Иллюстрация из кн.: G. M. Trevelyan. Garibaldi e i Mille. Bologna, 1910, p. 209

Страх перед австрийскими частями, реально существующими, или якобы спускавшимися из Тироля, мне бросился в глаза с момента моего прибытия в Лекко, где я нашел отряд французских саперов под начальством старшего офицера, минировавших главную дорогу от Лекко до Вальтеллины.

У этого офицера, правда, был приказ согласовать свои действия со мной, и я, не имея сведений о продвижении в этом направлении неприятельских частей, попросил его прекратить эту разрушительную работу.

Я думаю, что генерал Чальдини получил приказ, идущий из того же источника, разрушать в верхних долинах дороги и мосты. Такой же приказ был передан полковнику Бриньону, который занял Валь Камонику, и мне в Вальтеллине. Полковник, скрепя сердце, заставил кое-что разрушить, а я предложил выяснить саперам, какие пункты придется уничтожить в случае крайней необходимости, но пока что не велел ничего трогать, ибо мне казалось проявлением преждевременного страха превращать в руины мосты и дороги, столь нужные бедным жителям, если у нас нет сведений о том, что противник двигается в большом количестве.

Нино Биксио. Командир гарибальдийской дивизии. Фотография 1860 г.

Музей Рисорджнменто. Болонья

Тем временем произошли генеральные сражения при Сольферино и в Сан-Мартино[270]. После чего был заключен Виллафранкский мир[271]. Многим он казался несчастьем, мне

же — благом[272]. Ко времени предварительного перемирия и потом заключения мира в Виллафранке альпийские стрелки насчитывали 12 тысяч человек, разбитых на пять полков, которые заняли четыре долины: Вальтеллину, Камонику, Саббия и Тромпиа — вплоть до самой границы Тироля. Генерал Чальдини со своей дивизией отошел к Брешии. В конце концов к моим пяти отрядам альпийских стрелков прибавился еще один: апеннинские стрелки, которых Кавур с начала кампании, вопреки приказу короля, под разными предлогами не хотел посылать нам, а теперь, когда война закончилась, они появились. Вместе с апеннинскими стрелками прибыл также полковник Маленкини, тот самый, который в начале массового притока молодежи Италии в ряды пьемонтской армии привел из Тосканы 900 юных бойцов. Маленкини был для меня чистой находкой, потому что его очень любили солдаты, а отчасти также из-за его дружеского и милого отношения ко мне.

Вскоре появился и Монтанелли, человек, к которому я питал любовь с того самого момента, когда я познакомился с ним во Флоренции в 48 году. Да, он заслуживает уважения за свою самоотверженность, поистине удивительную! Он был простым воином в отряде апеннинских стрелков. Этот человек вместе с Филопанти и Массимо д'Адзельо[273] вызывал всегда во мне чувство глубочайшего уважения. Величайшие люди! Мужественные и ума исключительного. В них я вижу идеал настоящего гражданина! Двое из этой плеяды людей могли прославиться как ученые, но они поплатились своей кровью в роковой день.

Два знаменитых государственных мужа были ранены в Куртатоне и в Виченце, сражаясь как простые солдаты в рядах итальянских патриотов! Филопанти — великий астроном, бессменный депутат римского Учредительного собрания. Я видел его с карабином, защищающим Рим. Италия может гордиться, что родила таких гигантов! Монтанелли среди тосканской молодежи в Куртатоне и Массимо в рядах сражающихся в Виченце — это фигуры поистине героические: почетные шрамы, полученные ими на полях битв, украшают ореолом славы авторов итальянского Учредительного собрания[274] и „Николо дей Лапи“[275].

Когда Маленкини маршировал в Пьемонте с тосканской молодежью, он уже пренебрег постом военного министра во Флоренции, на который его выдвинуло общественное мнение, всемогущее в те дни. Но час битвы в Ломбардии приближался, и он бросил свой пост и пошел туда, где надо было сражаться. Такое самоотречение часто заслуга скромных патриотов, ибо высокие посты, от которых они великодушно отказываются,

обыкновенно заняты интриганами, приносящими вред родине.

В результате перемирия в Виллафранка, в котором все видели вестника мира, альпийские стрелки были поставлены в положение, мало отвечающее их нраву. Эти великодушные юноши, оставив удобства и мирную жизнь» чтобы поспешить туда, где идет бой за Италию, конечно, были неприспособлены к тихой гарнизонной жизни, к однообразному существованию в казармах и особенно к суровой дисциплине, господствующей в королевской армии в мирное время. С начала перемирия стало ясно: альпийские стрелки будут каким-то чужеродным телом в регулярной армии под беспрестанным и неприятным контролем со стороны военного министерства Ламармора.

В то же время вести из Центральной Италии побуждали к военным действиям. Шел слух, что герцог Моденский готовился вторгнуться в пределы герцогства, а папские отряды швейцарцев после резни в Перудже горят желанием броситься на Романью[276].

Глава 12
В центральной Италии

В Центральной Италии, кипевшей ненавистью к своим властелинам, явилось вполне понятное желание иметь у себя альпийских стрелков. Эти отряды заслуженно пользовались уважением страны. При независимом образе мыслей стрелков, можно было предположить с большой степенью вероятности, что они не будут бесконечно подчиняться приказам монархистов. Поэтому они особенно не нуждались в том, чтобы их побуждать на борьбу с тиранами и священниками.

Об этом беседовали со мной Монтанелли и Маленкини. Оба они предприняли поездку по Центральной Италии и, вернувшись обратно, передали мне желание правительства Флоренции, Модены и Болоньи, чтобы я направился туда и принял бы на себя командование над находящимися там отрядами[277]. Когда я ответил Монтанелли, что оставлю свой пост и без промедления поеду туда, он растроганный обнял меня. Затем появился Маленкини с письмом от Риказоли[278], звавшим меня в Центральную Италию, чтобы командовать армией «или частью ее». Из этого выражения я понял, что ко мне питают какое-то недоверие, но так как я никогда не ставил условия, служа народному делу, а в особенности, когда шел вопрос о моей родине, я не стал возражать. Впрочем добряк Маленкини сказал мне, что Фарини[279], с которым он говорил в Модене, и Пеполи, при встрече с ним в Турине, заверили его, что мне будет поручено

командование всеми войсковыми частями, находящимися в Центральной Италии.

Итак, я подал в отставку и через Геную отправился во Флоренцию. В столице Тосканы мои сомнения подтвердились. Я убедился, что имею дело с теми же людьми, с которыми мне пришлось вести переговоры, при первом моем приезде в Италию. Тогда в Монтевидео я сложил с себя командование войском, героически сражавшимся шесть лет, и прибыл в Италию с моими семьюдесятью тремя[280] бедными и храбрыми товарищами. После долгих скитаний из Ниццы в Турин, из Турина в Милан, оттуда в Ровербеллу, потом опять в Турин, незадолго до капитуляции Милана я получил, наконец, в чине полковника командование над несколькими расквартированными там отрядами. Это командование я получил, когда война шла уже к полному проигрышу и именно в связи с этим.

Я приехал из Америки, чтобы служить своему отечеству хотя бы в качестве рядового солдата, а все остальное меня мало беспокоило. Главное для меня было честно помочь Италии, чтобы страна не сделалась добычей кучки негодяев. В Риме[281] министр Кампелло держал нас тогда подальше от столицы, из-за своей низкой подозрительности, и приказал, чтобы мой отряд не превышал пятисот человек.

В Пьемонте, в начале 1859 г., меня выставляли как знамя для приманки волонтеров, которые стекались ко мне, но всех в возрасте от восемнадцати до двадцати шести лет направляли прямо в линейные войска. Мне же оставляли самых молодых, самых пожилых и мало пригодных, которым было приказано не появляться публично, чтобы, как говорилось, не пугать дипломатов. Когда же, наконец, я прибыл на поле сражения, где я мог кое-что совершить, мне не дали волонтеров, откликнувшихся на мой призыв.

Во Флоренции я отлично понял, что имею дело с теми же людьми. Пошли разговоры о передаче главного командования генералу Фанти[282]. Надеялись, что я буду этим прельщен. Жалкие хитрецы!

Быть может, мне не нужно было идти ни на какие уступки и вернуться к частной жизни. Но, как я уже сказал, страна находилась в опасности. А потом? Разве в моем характере ставить какие-нибудь условия, когда речь идет о таком высоком деле! Итак, я принял командование над одной тосканской дивизией. Радушные жители Флоренции приветствовали меня, когда я вступил в Палаццо Веккьо. Само собой понятно, правителям не очень нравился этот восторг, и они попросили меня успокоить народ и как можно скорее отправиться в Модену, где находился

главный штаб дивизии. В Модене я встретился с Фарини. Он принял меня довольно хорошо и предоставил в мое распоряжение организованные в Модене и Парме военные силы. Фарини, как человек большого ума и достаточно ловкий, подобно всем правителям Центральной Италии, отлично себя чувствовал в диктаторском кресле этих прекрасных провинций. Ему не очень-то хотелось видеть рядом с собой человека популярного. Риказоли вначале показался мне более искренним, чем Фарини, не таким коварным, но к великому сожалению относился ко мне столь же отрицательно, что, однако, объяснялось моей слишком большой дерзостью.

Губернатор Болоньи Чиприани был откровенным приверженцем Наполеона и, как таковой, не мог установить со мной хороших отношений. С первого момента моего появления в Центральной Италии между нами возникла обоюдная антипатия. Мне не угрожала опасность, что он поставит меня во главе отрядов Романьи, которой он управлял. Значит эти господа призвали меня из-за моей популярности, которую они хотели использовать, чтобы самим приобрести популярность. Другой цели у них не было, как мы в этом скоро убедимся.

Фарини однажды так, «ради шутки» (это было его выражение), напирал Фанти и предложил ему главное командование воинскими частями Центральной Италии. Фанти по своей обычной нерешительности окончательного согласия не дал, но намекнул, что примет предложение, когда будут отрегулированы его отношения с Сардинским правительством.

Дело в том, что мое присутствие в Центральной Италии было весьма желательно населению и войску. Чем сильнее это проявлялось, тем невыносимей казалось для правителей. Поэтому они делали все возможное, чтобы ускорить приезд Фанти, который, будучи моим начальником, мог бы затормозить мое горячее желание приносить пользу — и успокоить новых правителей, (которые, как и прежние, завидовали моей популярности.

Почему же человек, рожденный революционером, не может быть спокойным и уравновешенным, а должен страдать? А кто не страдает, видя свою родину опустошенной, в рабстве? И все же, когда было необходимо, я подчинялся дисциплине, столь нужной для успеха всякого военного дела. С тех пор как я убедился, что для того, чтобы освободиться от чужеземного ига, Италия должна идти по одной стезе с Виктором Эммануилом, я считал своим долгом подчиниться его приказам, чего бы мне это ни стоило, даже заставив молчать свою республиканскую совесть. Более того, я был того мнения, что Италия должна предоставить ему

диктатуру, пригоден он или нет, покуда страна не будет окончательно очищена от чужеземцев. Таковы были мои убеждения в 1859 г. Теперь они несколько изменились, ибо велики грехи монархии. В то время, когда мы могли бы стать хозяевами у себя дома, у нас предпочиталось преклонять колени у ног то одного, то другого чужеземного владыки, позорно выпрашивая жалкими мольбами то, что принадлежало нам по праву.

После этой предпосылки я могу сказать, что в последние месяцы 1859 г. я без особого труда мог бы собрать вокруг себя в Центральной Италии сто тысяч молодежи, что заставило бы европейскую дипломатию занять благосклонную ко мне позицию. Либо с тридцатью тысячами волонтеров, которые были сосредоточены тогда в герцогствах и Романье, в течение пятнадцати дней решить судьбу Южной Италии, словом сделать то, что мне удалось через год с «Тысячью».

Тем временем правители оставались бы на своих постах. Они управляли бы своими провинциями. Правда, роль их была бы второстепенной, но зато достойной, ибо они помогали бы нашим операциям. Но такое положение их не устраивало; они предпочитали соединиться, чтобы унизить меня и свести на нет мои действия; двое из них по низменным побуждениям, а Чиприани подчинялся приказам того, кто хотел — возможно я ошибаюсь — совсем другого, а не единства Италии (1859 г.). Итак я много месяцев влачил жалкое существование, делая мало или совсем ничего в стране, где можно и должно было сделать многое!

Надо было организовать отряды, скучнейшее занятие, ибо у меня врожденная неприязнь к службе солдата! Правда, мне пришлось несколько раз быть солдатом, ибо я рожден в рабской стране, но это всегда вызывало у меня отвращение, так как я был убежден, что убивать друг друга для достижения взаимопонимания — преступление.

Вынужденный ограничиться тосканской дивизией, я старался улучшить ее положение. Прибыл Фанти. Ко времени его приезда начались недостойные проделки. Вот к примеру: Фарини меня убеждал, что Фанти будет военным министром, а я — командующим войсками. Приехал Валерио, посланный пьемонтским кабинетом, и говорит мне: «Помни, если ты недоволен, Фанти откажется». Я ответил Валерио: «Да, я недоволен». И все же Фанти принял этот паст. В конце концов важнее всего для этих господ было освободиться от моей персоны, но не от моего имени, которое им нужно было, чтобы заигрывать с плебсом. Им казалось, что они нашли уловку, чтобы выйти из

затруднительного положения, назначив меня вторым командующим отрядов Лиги. В эту Лигу входили всего три провинции полуострова[283], чьи сильные правительства, чтобы не раздражать некоторых своих хозяев, не посмели назвать себя Италией. Вот каким образом создавалась наша униженная, опозоренная страна!

Тут начались мелкие интриги, чтобы причинить мне неприятность. Фанти отказался зачислить на службу моих храбрых офицеров, которых я призвал к себе с согласия Моденского правительства, и взял других. Моими бедными стрелками, толпами стекавшимися ко мне, узнав, что я нахожусь в Центральной Италии, я хотел пополнить существующие отряды и образовать новые. Однако с ними обращались весьма плохо. Так, например, когда они прибывали из отдаленных областей Ломбардии, разутыми, в полотняных курточках, измученными, обессиленными долгим переходом, их отвергали из-за какого-нибудь пустяка: возраста, сложения, малого роста и т. д. Может быть, вы думаете, что у них спрашивали: сыты ли они, есть ли у них деньги, чтобы поесть и вернуться на родину? Ничего подобного!

Губернатор Чиприани[284], договорившись с Фанти, послал меня в Римини, чтобы вооружить два торговых парохода. Туда меня сопровождал его брат, которого он снабдил шифром, чтобы за моей спиной вести тайную переписку. И вот я в Римини. Все приказы, распоряжения давались непосредственно генералу Медзакапо, который считался моим подчиненным. Я отлично сознавал всю трудность своего положения, но готов был проглотить кажется яд, надеясь, что это принесет пользу моей многострадальной родине. К счастью, любовь и привязанность населения и моих бойцов вознаграждали меня за те обиды, что наносила мне эта трусливая клика.

Одно время я даже тешил себя иллюзией, что мне удастся изменить свое двусмысленное положение и, желая иметь возможность сделать что-либо полезное, пытался завоевать расположение Фанти дружбой. Я прилагал для этого много старания, но вскоре станет ясно, как я ошибался и как играли на моей доверчивости.

Области Марке и Умбрия не могли уже более терпеть папское иго. Еще до моего приезда представители этих областей вошли в соглашение с Чиприани по поводу восстания. Вооружение двух судов в Римини мотивировалось именно этой целью, и я получил инструкции оказывать всемерное содействие движению в этих провинциях. Мое присутствие в Римини оживило надежды доблестного населения. Но говоря откровенно, что касается

Чиприани, он лишь делал вид, что какие-то меры предпринимаются, а на самом деле не только ничего не делал, но даже тормозил движение и не допускал его развития. Меж тем со мной пускались на всякие уловки. Не знаю уж кому, Чиприани или Фанти, принадлежала мысль обязать волонтеров дать присягу служить восемнадцать месяцев. Волонтеры с самого начала событий твердо держались одного: служить лишь шесть месяцев после окончания войны. Вся эта храбрая молодежь пошла в армию добровольно и словом не обмолвилась бы, если бы пришлось служить и десять лет во время войны. А эти восемнадцать месяцев обязательной службы волонтерам очень не нравились, и я это знал. Я предупредил об этом Чиприани, потом главнокомандующего. Но на мои предупреждения никто не обратил внимания, и мы были на волоске от того, чтобы лишиться всей дивизии Медзакапо из-за столь необдуманной меры.

Когда я был в Болонье, меня вызвали к себе интендант Майер из Форли и полковник Маленкини, испуганные дезертирством и просьбами об отпусках в частях, расположенных на линии Каттолика. Я поторопился принять меры и частично приостановить развал этих частей. Пока я выбивался из сил, Медзакапо делал все возможное, чтобы добиться противоположного, т. е. обязать дать присягу на восемнадцать месяцев службы по приказу самого Фанти. Медзакапо делал это с особым удовольствием наперекор мне, желая, видимо, бросить на меня тень в глазах тех людей, которые меня не знали. Напрасно я просил временно отложить присягу.

Гем временем в Марке и Умбрии волнение среди населения все нарастало. Старый доблестный бригадир Пики, ветеран борьбы за освобождение Италии, уроженец Анконы, поддерживал постоянную связь с угнетенным населением. Также наладилась связь с Неаполитанским королевством и Сицилией.

При меньшем сопротивлении со стороны правителей и их генералов — даже плати им враги, — они не могли действовать гибельнее, — а мы могли бы рискнуть и пожалуй легче и с более блестящими результатами, чем это произошло год спустя, совершить триумфальный поход на юг Италии. Все же я получил инструкции от генерала Фанти примерно в таких выражениях: «В случае нападения со стороны папской армии, отбросить ее и занять территорию. В случае же восстания города, например Анконы, или целой области прийти на помощь восставшим». Первая гипотеза была совершенно невозможна, ибо, разумеется, папские войска и не думали на нас нападать. Вторая тоже была трудно осуществима; ибо наши противники не дремали и

усилили гарнизон в Анконе, Пезаро и т. д. Тем не менее в Анкону и Марке тайком ввозилось оружие, и настроение у населения поддерживалось бодрое и боевое. Молодые бойцы, составлявшие авангард, встретили бы приказ двигаться вперед восторженными криками, столь велико было всеобщее стремление поспешить на помощь и освободить своих братьев. Но над нашей несчастной отчизной тяготеет злой рок, который уже на протяжении многих веков держит ее в цепях: в той или иной форме в ней самой таится проклятое зерно междоусобиц, мешающих прогрессу. Всегда существовали раздоры, терзавшие ее. Теперь к этому прибавилось множество всяких доктринеров, которые, захватив кормило правления и пользуясь поддержкой тех, кто не хочет видеть Италию великой (1859 г.), всячески ослабляют каждый благородный порыв. Покуда я подготовлял все, чтобы перейти к активным действиям, тайно от меня рассылались приказы моим подчиненным не повиноваться мне.

Генерал Медзакапо, к примеру, получил депешу, в которой генерал Фанти приказывал: «Никто не смеет двигаться без моего распоряжения, передайте об этом генералу Розелли». Не только моим подчиненным — генералам Медзакапо и Розелли — было приказано не повиноваться мне, но моему собственному Главному штабу было велено поступить в распоряжение полковника Стефанелли, поставленного командующим тосканской дивизией.

Таково было мое положение в Центральной Италии, когда генерал Сэнфронт по распоряжению короля[285] прибыл в Римини. Он нашел меня очень удрученным и расстроенным нелояльным поведением моих противников. Не знаю уж какое отчаянное решение я принял бы, если бы не его приезд. Я проводил генерала Санфронта обратно в Турин и имел там разговор с Виктором Эммануилом, результатом которого было следующее: король посоветует генералу Фанти принять отставку, предложенную ему правительством Флоренции и Болоньи; присутствие Чиприани в Романье было признано вредным, я же во главе армии Центральной Италии для блага общего дела должен буду предпринимать все, что найду в данный момент нужным, однако согласия на вторжение в Папское государство король мне не дал. Вполне понятная с его стороны осмотрительность — обычная в отношении революционеров, — ведь так же год спустя он не согласился на экспедицию в Сицилию, на переправу через Мессинский пролив и наконец на поход на Рим, закончившийся у Аспромонте[286].

Я уехал из Турина довольный и, не теряя времени, отправился в Модену, где поделился с Фарини и Фанти, ничего

не скрывая, результатами своей миссии.

Однако мои противники не дремали. Телеграмма военного министерства предписывала Фанти не принимать отставки, и в то же время на Виктора Эммануила оказывали давление, чтобы побудить его отменить сделанные в мою пользу распоряжения.

Первая мера, которую надлежало провести в Центральной Италии — убрать Чиприани от управления Болоньей. Добром или злом его надо было сместить. Я объявил об этом милейшим синьорам. В случае наших действий в Папском государстве, нельзя было оставлять в тылу правителя, возражавшего против такой операции, — человека, который только и думал, как бы помешать национальному вооружению. Намеченные против Чиприани меры были всеми приняты одобрительно. Все были заинтересованы в удалении этого человека, особенно Фарини и Фанти.

Фанти, которому я сообщил о решении короля, не был тем человеком, который мог противиться такой мере, но Наполеон, Кавур, Мингетти[287] и другие были явно заинтересованы, чтобы удержать Чиприани. Раттацци[288] был единственным среди этих политиканов, который должен был бы меня поддержать, но он был слишком слабовольный и нерешительный человек, да к тому же, возможно, в какой-то мере — большой сторонник Наполеона. Таким образом похвальные намерения Виктора Эммануила (если вообще это не была западня) так и не осуществились, и он еще раз должен был уступить всесильному Кавуру, как это и произошло во время войны, когда он приказал усилить мой отряд апеннинскими стрелками, посланными мне лишь после окончания военных действий.

Старая лиса Фарини лавировал. Когда Мингетти у меня спросил: «Кто будет на месте Чиприани?» Я ответил: «Фарини». Действительно, этим достигались две цели: первая — союз Романьи с герцогствами Парма и Модена, имеющими одно правительство; и вторая — от Фарини, человека исключительного ума и подлинного итальянца, можно было добиться того, чего нельзя было от другого — ускорить вооружение и объединение Италии.

С первых дней моего пребывания в Центральной Италии я раскусил Фарини, и если он не вызывал у меня подозрений как итальянец, зато я совершенно не доверял ему как личному другу. В конце концов я убедился, что он нечестно со мной поступил. Мои последние слова, адресованные Фарини во дворце в Болонье, были: «Вы не искренни со мной», и так как он довольно резко возразил мне, я добавил: «Да, вы главный виновник всей этой неразберихи». Однако я должен признать, что в Модене Фарини

во время своей диктатуры сделал много хорошего и в Болонье продолжал действовать в том же духе. В Модене, в смысле энергичных мероприятий по части вооружения, организации отрядов и т. д. Фраполли и Фарини сделали больше, чем было сделано в какой-либо другой области Италии. Все это, однако, не мешало диктатору быть со мной не очень искренним, и если у нас с ним не было разногласий в деле управления Болоньей, где он ведал административной частью, а я военной, все же нередко я замечал по его бледному лицу, что он получал извне противоположные указания и готов был действовать, куда дунет ветер в духе указаний из Пьемонта. Однако ветер из Турина перестал быть для меня благоприятным. Мои противники одержали верх над королем, который, видимо, находился и под влиянием Парижа, где уход Чиприани с его поста в Болонье и мое появление в качестве командующего войсками центра, конечно, не очень пришлись по вкусу.

Будь я на месте моих противников, то сказал бы: «Гарибальди, убирайся!» Но эти люди не способны выступать открыто, а пытались избавиться от меня, пуская в ход всякие подножки и низкие уловки. Мой авторитет в отрядах и среди населения (так мне по крайней мере казалось) открывал мне возможности действовать наперекор моим противникам. Я не задумываясь опять бросился бы в водоворот революции, и не исключено, что я добился бы успеха. Но ведь к этой революции я должен был бы подать сигнал и ослабить дисциплину в отрядах и среди населения. Впереди и позади меня находились войска французов-интервентов: в Риме, в Пьяченце и т. д. В конце концов священное дело моей родины, которое я мог бы подвергнуть опасности, удерживало меня. Я ждал вестей от короля в духе условленного: дать согласие если не на свободу действий, то хотя бы не возражать против них, возложив на меня всю ответственность за содеянное и даже обуздать меня, если что случится. Я был готов ко всему и на все. Но увы, полное молчание!

Наконец я послал майора Корте к Виктору Эммануилу и был затем сам вызван в Турин. Прибыв в столицу, я отправился к королю и тут же заметил разницу, происшедшую в нем по отношению ко мне, с момента нашего последнего разговора. Он принял меня со своей обычной любезностью, но дал понять, что внешние обстоятельства принуждают его сохранить «статус кво» и что он считает более благоразумным, чтобы я некоторое время был в тени.

Король хотел, чтобы я принял какой-либо чин в регулярной армии. Я поблагодарил его и отказался, но принял прекрасное

охотничье ружье, которое он соблаговолил мне подарить и послал через капитана Трекки, моего штабного офицера, когда я был уже в вагоне поезда, отправлявшегося в Геную. Оттуда я проехал в Ниццу, где пробыл три дня с моими детьми, и снова вернулся в Геную, чтобы поспеть на пароход, отходивший 28 ноября 1859 г. на Маддалену.

Я приготовился в отъезду, мой багаж был уже на борту, и, когда я находился в доме своего друга Колтеллетти, ко мне явилась делегация именитых генуэзцев во главе с мэром города синьором Моро, заверившая меня, что при данных обстоятельствах мой отъезд был бы несчастьем. Я решил остаться и принял радушное приглашение моего друга Леонардо Кастальди, проведя на его вилле в Сестри несколько дней. В то время обсуждался вопрос о подвижной национальной гвардии, и полковник Тюрр передал мне о желании короля меня видеть, чтобы побеседовать по этому поводу.

Я отправился в Турин, видел короля, ласкового ко мне, как прежде, видел министра Раттацци, и, откровенно говоря, я ему не доверял. Договорился с обоими, что мне будет поручена организация подвижной национальной гвардии в Ломбардии. Я вполне удовлетворился таким поручением по двум причинам: первая — я получил возможность подготовить хороший контингент для армии в неминуемой будущей войне, которую Италия бесспорно предпримет; вторая — мне представлялась возможность в эту национальную гвардию взять многих моих бедных братьев по оружию, в большинстве скитающихся без куска хлеба.

Покуда в Турине я дожидался официального назначения, меня посетили именитые патриоты Брофферио, Синео, Аспрони и другие депутаты-либералы. Они заявили мне, что хотят воспользоваться моим пребыванием в столице, чтобы снова объединить различные течения прогрессивной партии, с некоторых пор расколовшейся, враждующие меж собой, что наносит вред делу объединения Италии. Обычный порок нашей несчастной страны! С самого начала я сомневался, что смогу содействовать такому намерению, ибо не признавал никаких обществ, которые не представляли собой всю нацию, и я отказался. Лучше бы я не изменял своему первому решению. Но меня все уговаривали и доказывали, что если это дело удастся, оно может принести много хорошего. В конце концов я согласился. Было решено организовать общество под названием «Вооруженная нация», которое должно было объединить все остальные[289]. Сначала все шло отлично. Члены различных обществ объявили себя сторонниками слияния и были очень

довольны. Собрание общества «Свободное объединение» должно было одобрить этот акт примирения, но как раз именно те, кто как будто выражал удовлетворение предполагаемым сближением, высказывали противоречащие взгляды, и под тем или иным предлогом заявляли, что примирение невозможно.

Я все больше убеждался в правоте моей старой мысли: для того, чтобы добиться согласия между итальянцами, необходима хорошая палка. Все было напрасно, более того, иностранные послы, сильные слабостью нашего правительства и, как говорили, подстрекаемые Кавуром и всесильным тогда Бонапартом, потребовали объяснений, и, как неизбежное следствие этого, весь кабинет, кроме Раттацци, подал в отставку.

Предлогом послужило общество «Вооруженная нация», мобилизация национальной гвардии и, если дозволено мне быть столь самонадеянным, моя скромная персона, замешанная в эти дела. «Вооруженная нация» ошеломила эту жалкую дипломатию, которая хотела видеть Италию слабой: дипломатией шовинистов, бонапартистов, последователем которой был маленький монарх Французской республики[290].

Все это послужит уроком моим соотечественникам. Пусть они помнят и знают: надо покончить с положением кроликов, которое мы занимали по сей день, и сделаться сильными как львы, чтобы устрашить наших соседей, всесильных деспотов, для чего нам необходима «Вооруженная нация», т. е. два миллиона бойцов; ну, а священники пусть честно занимаются осушением Понтийских болот.

Король вызвал меня к себе и сказал, что от всех этих планов приходится отказаться.

P. S. По забывчивости я, кажется, не упомянул полковника Пирда, которого просто называли «англичанин Гарибальди». Этот достойный сын Британии появился в 1859 г. среди наших волонтеров с замечательным карабином, вооруженный с ног до головы. Все восхищались его меткой стрельбой и необыкновенным хладнокровием, проявленным в самые опасные минуты. Скромный, без всяких претензий, полковник Пирд отказывался от денежных вознаграждений и появлялся всякий раз, когда наши волонтеры вступали в бой. Он весьма отличался в 1859 г., а в 1860 г. в значительной степени способствовал прибытию к нам, хотя и с опозданием, чудесного контингента англичан, отличнейшим образом показавшим себя в сражениях на равнине Капуи.

Если бы Бонапарт и Савойская монархия не запретили поход на Рим после битвы у Вольтурно, контингент англичан,

увеличивавшийся с каждым днем, был бы нам большой подмогой для взятия бессмертной итальянской столицы.

Майор артиллерии Даулинг и капитан Форбес, оба англичанина, храбро сражались в рядах волонтеров. Я хочу принести благодарность моей родины всем тем храбрым и достойным людям, которые отдали за нее свою жизнь.

Дефлотт, которого мы должны считать мучеником за наше дело, и Бордоне, теперь — генерал, также заслуживают нашей великой благодарности.

Книга третья

Глава 1
Поход в Сицилию. Май 1860 г.

Сицилия! Страна чудес и замечательных людей. С сыновней любовью посвящаю я тебе первые слова о славной эпохе!

Ты — прародительница Архимедов, и твоя блистательная история отмечена двумя печатями, которые напрасно искать в истории величайших народов мира: доблестью и гением, доказывающих, первая — что нет тирании, как бы сильна она ни была, которую нельзя сбросить и обратить в прах героическим порывом такого народа, как твой, не терпящий посрамления, чему свидетельство — твои бессмертные прекрасные Вечери[291]; вторая — принадлежит гению твоих двух мальчиков, которые сделали возможным полет человеческого ума в беспредельные просторы вечности[292]. И вот тебе, Сицилия, однажды выпало на долю разбудить дремлющих, вырвать из летаргии усыпленных дипломатией и доктринами тех, у которых нет собственного оружия и которые поручают другим спасение родины и этим держат ее в унижении и рабстве.

Австрия могущественна: войска ее многочисленны; а некоторые наши мощные соседи из жалких династических побуждений противятся возрождению Италии. У Бурбона 100 000 солдат. Но какое это имеет значение! Сердца двадцати пяти миллионов бьются, трепещущие от любви к отечеству. Сицилия, которая вновь привлекает к себе их всех, не хочет больше выносить рабства, она бросила перчатку тиранам. Она повсюду бросает им вызов; она сражается против них среди стен монастырей и на вершинах потухших вулканов. Но патриотов мало, а ряды тиранов многочисленны! Патриоты разбиты, изгнаны из столицы и вынуждены скрываться в горах. Но разве горы не служат прибежищем и святыней свободы для народов? Американцы, швейцарцы, греки уходили в горы, побежденные

когортами тиранов.

«Свобода не предает тех, кто за нее сражается!» Это доказали гордые островитяне; изгнанные из городов, они поддерживали священный огонь в горах! Усталость, лишения, трудности — какие пустяки, когда сражаешься за святое дело своей родины и всего человечества!

О, моя «Тысяча»! В эти дни позора память о вас — счастье! Обращенная к вам, моя душа чувствует, как уносится из этой тлетворной атмосферы грабителей и торгашей. Я думаю, что не все такие, как они, ибо большинство из вас усеяло костями поля битв за свободу. Остались еще славные, чудесные шеренги, вызывающие зависть, готовые в любую минуту доказать вашим чванливым клеветникам, что не все трусы и предатели, не все бесстыдные служители своей утробы на этой рабской земле господ!

«Туда, где наши братья сражаются за свободу, за Италию, туда поспешим и мы», — сказали вы, и отправились, не спрашивая, много ли врагов, с которыми надо сражаться, достаточно ли число желающих, хватит ли средств для отчаянной кампании. Вы поспешили, не взирая на опасности и тяготы, которыми враги и мнимые друзья усеивали ваш путь. Напрасно Бурбон со своим большим флотом крейсировал, стараясь окружить железным кольцом Тринакрию[293], не терпящую ига, и избороздил вдоль и поперек Тирренское море, чтобы утопить вас в его глубине. Напрасно! Плывите! Плывите же, аргонавты свободы! Там, на южном краю горизонта горит звезда, она не даст вам заблудиться. Она приведет вас к исполнению вашего великого замысла: та звезда, которая манила величайшего певца Беатриче[294] и светила героям, застигнутым во мраке ночи бурей, звезда Италии! Где же пароходы, забравшие вас в Вилла Спинола[295] и пересекшие Тирренское море, чтобы доставить в маленькую гавань Марсалу? Где они? Быть может, их ревниво сохранили и выставили для восхищения чужеземцев и потомков — память о самой великой и почетной из всех итальянских эпопей? О, нет, совсем другое: пароходы исчезли! Зависть и бездарность тех, кто правит Италией, позаботились, чтобы сгинули эти свидетели их позора!

Одни говорят: они погибли в предумышленном кораблекрушении; кто предполагает, что они гниют в потайном арсенале, а некоторые считают, что их продали евреям, как рваную одежду.

И все же плывите! Плывите бесстрашно, «Пьемонт» и «Ломбардия» благородные суда благороднейшего войска! История сохранит ваши славные имена назло клеветникам! И когда подвиг

«Тысячи» быстротекущее время сохранит для потомства, и деды, сидя у домашнего камелька, будут рассказывать внукам об этой легендарной эпопее, в которой они имели честь участвовать, изумленная молодежь запомнит навсегда доблестные имена этой бесстрашной экспедиции.

Плывите! Плывите! Вы везете «Тысячу», к которой присоединится миллион в тот день, когда обманутые массы поймут, что священник — лгун, а тирания — чудовищный анахронизм.

Как прекрасна была твоя «Тысяча», о, Италия! Когда она сражалась с разукрашенными в перья и золотые позументы прислужниками тирании и прогнала их словно стадо! Да, прекрасна! Прекрасны были вы, одетые во что попало, как работали в своих мастерских, когда, подобно звуку трубы, призвал вас долг. Прекрасны были вы в куртке и фуражке студента, в скромном платье каменщика, плотника и кузнеца![296]

Я находился в Капрере, когда пришли первые известия о волнениях в Палермо. Вести были недостоверные: то о вспыхнувшем восстании, то о его подавлении сразу же, как оно началось. Все же слухи о восстании продолжали циркулировать: подавлено ли оно или нет — восстание имело место.

От друзей на континенте я узнал о том, что произошло. Меня просили об оружии и боеприпасах из фонда на «Миллион ружей»; под таким названием шла подписка на покупку оружия. Розалино Пило[297] и Коррао[298] вызвались отправиться в Сицилию. Зная настроения тех, кто решал судьбы северной Италии, и поскольку еще не изгладились сомнения, вызванные событиями последних месяцев 1859 г., я посоветовал им подождать, покуда не будут получены новые, более определенные вести о восстании. Ледяной трезвостью моих пятидесяти лет я охлаждал могучую и пылкую решимость 25-летних умов. Но было написано в книге судеб, что равнодушие, доктринерство, педантизм напрасно чинили препятствия неуклонному продвижению Италии по начертанному ей пути. Я советовал им не ехать, но, чёрт возьми! — они все же отправились. Многочисленные сообщения подтверждали, что сицилийское восстание не подавлено. Я советовал не ехать, но разве итальянец не должен быть там, где его собрат сражается за национальное дело против тирании?

Я покинул Капреру и отправился в Геную. В доме моих друзей Оджие и Колтеллетти велись разговоры о Сицилии и наших делах. Затем в Вилле Спинола, в доме Аугусто Векки, начались приготовления к экспедиции. Биксио[299] был, конечно, главным действующим лицом в предстоящей кампании. Его мужество, энергия, опыт в морском деле, а особенно связи в его

родном городе Генуе очень нам помогли. Криспи, Ламаза, Орсини, Кальвино, Кастилья, Орландо, Карини и другие сицилийцы были горячими сторонниками экспедиции, так же как калабрийцы Стокко, Плутино и Другие. Было решено, что раз сицилийцы сражаются, надо поспешить к ним на помощь, независимо от того, имеются ли шансы на успех или нет. Однако тревожные слухи едва не погубили прекрасный замысел. Телеграмма из Мальты, присланная заслуживающим доверия другом, извещала, что все потеряно и что на острове укрылись уцелевшие сицилийские революционеры.

Почти полностью прекратилась подготовка к экспедиции. Должен, однако, признать, что это нисколько не поколебало нашего доверия к упомянутым выше сицилийцам, которые под руководством храброго Биксио все же решили искусить судьбу хотя бы для того, чтобы на месте в самой Сицилии проверить правильность этих слухов. Тем временем правительство Кавура чинило нам всякие препятствия, опутало нас сетью интриг, которые преследовали нашу экспедицию до последнего момента. Приспешники Кавура не могли сказать: «Мы не желаем экспедиции в Сицилию». Общественное мнение нашего народа заклеймило бы их, и дутая популярность, приобретенная ими на деньги нации, подкупом людей и газет, вероятно пострадала бы. Поэтому я мог кое-что предпринять для сражающихся братьев, не боясь, что эти господа меня арестуют. Ведь я опирался на сочувствие народа, сильно взволнованного (мужественной решимостью храбрых островитян. Только отчаяние и твердое решение людей Веспро могло поднять такое восстание. Лафарина[300], посланный Кавуром для наблюдения, видимо, не верил в успех этого дела и убеждал меня, якобы на основании своего знания сицилийцев, ибо он родился в Сицилии, что как бы там ни было, но раз повстанцы потеряли Палермо, значит потеряно все. Однако правительственное известие, сообщенное самим Лафарина, подкрепило наше решение действовать.

В Милане находились пятнадцать тысяч хороших ружей; более того, денежные средства, которыми можно было располагать. Во главе фонда «Миллион ружей» стояли Безана и Финци, на которых также можно было положиться. Вызванный мною Безана приехал в Геную с деньгами, оставив в Милане приказ переслать нам оружие, боеприпасы и прочее находящееся там снаряжение. В то же время Биксио вел переговоры с администрацией пароходного общества Рубаттино, в лице Фоше, о пароходах, для доставки нас в Сицилию. Дело налаживалось: благодаря энергии Фоше, Биксио и героизму итальянского юношества, стекавшегося к нам со всех сторон, мы могли бы через

несколько дней отплыть. Но вдруг неожиданное препятствие не только задержало, но едва не погубило все наше дело. Посланные мною за оружием в Милан встретили у арсенала королевских карабинеров, запретивших взять хотя бы одно ружье! Такое распоряжение отдал Кавур. Это препятствие, конечно, расстроило и раздосадовало нас, но все же не могло заставить отказаться от нашего намерения. И так как оружия у нас теперь не было, мы пытались купить его в другом месте. Не сомневаюсь, что это нам удалось бы. Тогда Лафарина предложил тысячу ружей и 8000 лир, которые я принял, забыв о прошлом. Корыстная щедрость высокопоставленных лисиц! Получилось так, что мы были лишены хорошего оружия, оставшегося в Милане, и нам пришлось пользоваться дрянным оружием Лафарины.

Иштван (Стефано) Тюрр. Венгерский революционер, командир гарибальдийской дивизии.

Портрет из кн. «L'Unità d'Italià», a cura di P. Alatri, vol. 2. Roma, 1959.

Джакомо Медичи. Командир гарибальдийской дивизии.

Фотография 1860 г.

Мои товарищи по Калатафими могут рассказать, с каким жалким оружием нам пришлось сражаться в этой славной битве против бурбонцев, вооруженных отличнейшими карабинами! Все это затягивало наш отъезд. Поэтому мы были вынуждены отправить по домам многих волонтеров, которые из-за недостатка транснортных средств были теперь не нужны, а также из боязни вызвать излишние подозрения у полиции, не исключая французской и сардинской. Однако твердое намерение сделать хотя бы что-нибудь и нежелание покинуть в беде наших братьев сицилийцев побороли все препятствия. Мы созвали волонтеров, подготовленных для экспедиции, которые немедленно явились, особенно ломбардцы. Генуэзцы тоже были наготове. Оружие, боеприпасы, провиант и наша небольшая поклажа были погружены на борт маленьких шлюпок.

Два парохода — «Ломбардия» и «Пьемонт», первый под управлением Биксио, второй — Кастилья — были зафрахтованы; в ночь с пятого на шестое мая эти суда покинули порт Генуи, чтобы забрать людей, ожидавших частью в Ла Фоче, частью в Вилла Спинола. Неизбежные трудности в такого рода предприятиях повстречались и нам. Погрузиться на борт двух пароходов в гавани Генуи, сняться с якоря у дока, овладеть командой, заставив ее помогать «пиратам»[301], развести пары, взять на буксир «Пьемонта», «Ломбарию» — пароход, который еще не был готов, — и все проделать при чудесном свете луны — это легче, пожалуй, описать, чем выполнить Для этого нужно много хладнокровия, способностей и везенья.

Два сицилийца Орландо и Кампо, участвующие в экспедиции, оба механики, были для нас хорошими помощниками в этих обстоятельствах. На заре все были на борту. Веселое оживление при мысли о предстоящих опасностях, риске и сознание, что они служат святому делу отчизны, светились на лицах «Тысячи». Почти все были альпийские стрелки, те самые, которых несколько месяцев тому назад Кавур покинул в глубине Ломбардии — в тылу австрияков, отказавшись послать им по приказу короля подкрепления; те самые альпийские стрелки, которых Туринское правительство принимало словно зачумленных, когда они, к несчастью, обращались к нему за помощью. Та самая «Тысяча», которая дважды появлялась в Генуе, подвергаясь заведомой опасности; «Тысяча», которая всегда была в первой шеренге там,

где шла борьба за спасение Италии, не ожидая другой награды, кроме той, что дает чистая совесть.

Как прекрасны были мои юные ветераны, бойцы за свободу Италии. Гордый их доверием ко мне, я чувствовал, что способен взяться за любое дело.

Г лава 2
5 мая 1860 г.

О, ночь 5 мая, освещенная светом тысячи звезд, которыми всемогущий украсил безграничный небосвод! Прекрасная, спокойно-торжественная ночь, исполненная того величия, которое заставляет трепетать благородные сердца героев, идущих на освобождение порабощенных. Вот такой была «Тысяча», молча, разбившись на кучки, собравшаяся на берегу восточной Лигурии. Гордые выпавшим на их долю жребием, бойцы были проникнуты мыслью о нашем великом деле. Никакие лишения, трудности, ни даже мученническая смерть не могли их устранить.

О, как прекрасна ночь великого свершения! Она пронизывает сердца этих гордых людей той высокой извечной гармонией, что дает блаженство избранным, лицезреющим беспредельные просторы Вселенной. Я ощущал эту гармонию в те ночи, что напоминали эту — в ночь у Куарто, Реджо. Палермо, Вольтурно. И кто может сомневаться в победе, когда долг и совесть, словно крылья, несут тебя, и ты опешишь навстречу опасности и смерти, как будто тебя ждет сладкий поцелуй возлюбленной.

Солдаты «Тысячи», стоя на скалах, ударяли ружьями о землю, нетерпеливо топтались на месте, словно боевой конь, чуя битву. Куда спешат они сражаться? Они — их так мало — с многочисленной закаленной солдатней? Быть может они получили приказ монарха захватить, поставить на колени бедный несчастный народ, разоренный налогами, которые он отказался платить? О, нет. Они спешат в Тринакрию, где «пиччиотти»[302] не в силах больше переносить иго тирана, поднялись и поклялись скорее умереть, чем остаться рабами. А кто же эти «пиччиотти»? Это скромное название носят потомки величайшего народа Веспри, который за один час разбил наголову целую армию разбойников, не оставив от них даже следа!

Оба парохода прибыли на рейд в Куарто. Посадка «Тысячи» прошла быстро, так как заранее были приготовлены необходимые «гоцци»[303].

Глава 3
От Куарто до Марсалы

Когда все были уже на борту и готовы для отправки в Сицилию, снова произошел случай, поколебавший нашу решимость и чуть не погубивший все дело. Две лодки, принадлежавшие контрабандистам, были нагружены мелким оружием, боеприпасами и должны были находиться близ мыса Портофино у генуэзского маяка. Несколько часов мы искали их в этом направлении и не могли найти. Какая огромная потеря! Лишиться военного снаряжения! Кто рискнул бы на такое дело — сражаться без оружия? И тем не менее, после того как целое утро ушло на поиски во всех направлениях, мы взяли в Камольи масла для машин и оба парохода поплыли на юго-восток, вверив свою судьбу счастливой звезде Италии. Чтобы запастись боеприпасами, надо было зайти в один из тосканских портов. Мы выбрали Таламона.

Я должен принести благодарность властям Таламоне и Орбителло за их радушный и сердечный прием, особенно полковнику Джорджини, главному военному коменданту порта, без помощи которого мы конечно не получили бы необходимого. Там нас снабдили не только боеприпасами, но и углем и пушками, что немало облегчило и ускорило нашу экспедицию.

Так как нам предстояло действовать в Сицилии, то казалось не лишним произвести диверсию в Папском государстве, создавая ему угрозу, так же, как и Бурбонскому, с севера. Таким образом мы могли бы привлечь внимание противника хотя бы на несколько дней к этой стороне и ввести его в заблуждение относительно истинной цели нашей операции. Я подал эту мысль Дзамбьанки, и он ее охотно принял. Безусловно он мог бы сделать гораздо больше, если бы я мог предоставить в его распоряжение больше снаряжения и людей, а ему пришлось провести столь трудную задачу с 60 людьми. Наконец 9 мая после обеда мы вышли из Сан Стефано, где взяли еще угля, и направились прямиком в Сицилию, поплыв носом к Мареттимо[304].

Плавание наше было счастливым. Однако произошли два неприятных инцидента, вызванные одним и тем же человеком, которого преследовало желание во чтобы то ни стало утопиться. Оба раза он причинил нам беспокойство, но цели своей не добился. Он бросился в море с «Пьемонта», и мы спасли его, несмотря на быстрый ход судна, очень искусно, как на это способны моряки. Столь же быстро, как об этом пишется, был остановлен пароход, спущена на воду шлюпка и с необыкновенной скоростью, на которую только способен моряк, не думающий об опасности, стали грести по направлению к утопающему, указанному с борта. Итальянскому моряку нет равного в тот момент, когда надо проявить мужество и быстроту.

Однако этот человек, который, казалось, так решительно хотел умереть, совершенно изменил свое решение, вероятно, от холодной воды и близости смерти: оказавшись в море, он плыл как рыба и приложил все усилия, чтобы как можно скорее добраться до своих спасителей. То же самое случилось и на «Ломбардии», но на этот раз безумие пресловутого самоубийцы чуть не оказалось роковым для нашей экспедиции. Этот человек впервые намеревался совершить такую попытку с «Пьемонта» еще в Таламоне. В этом порту, где мы высадили людей на берег, чтобы они могли расположиться удобней, чем на пароходе, на котором они были неизбежно очень стеснены, он контрабандой пробрался на «Ломбардию». Его считали сумасшедшим и поэтому высадили первым, чтобы передать в распоряжение коменданта Таламоне. Неизвестно, каким путем он снова очутился на «Пьемонте», но на шлюпке, которая его спасла, он снова попал на «Ломбардию». Отсюда он и предпринял последнюю попытку утопиться вечером 10-го, накануне нашего десанта в Сицилии.

Вечером 10 мая в надежде увидеть Мареттимо я велел «Пьемонту» ускорить ход, как пароходу, обладающему большей скоростью. Менее быстроходная «Ломбардия» — по этой причине, а также потому, что вышеупомянутый субъект бросился в море с ее борта, — отстала и скрылась из виду. Мареттимо так и не удалось увидеть, и я тут же подумал о нашем сотоварище-пароходе, который, как я полагал, находился на севере и сейчас легким облаком вырисовывался на далеком горизонте. Раскаяние и страх тут же овладели мной, тем более, что близилась ночь. Мне было досадно, что по моей вине мы разлучились с «Ломбардией». Это еще более затрудняло наше и без того рискованное предприятие.

Я немедленно отдал приказ повернуть наше судно по направлению к «Ломбардии». Ночь становилась все темней, и с ней усиливалась и моя тревога. Минуты казались мне часами. Я не знал, что случай с человеком, бросившимся в море, послужил причиной этой задержки. Я сомневался, что «Ломбардия» сбилась с пути. Трудно описать, что я выстрадал за это короткое время и как я упрекал себя за свое безумное нетерпение — скорее доплыть к Мареттимо.

Наконец «Ломбардия» появилась. Теперь мы плыли рядом, чтобы больше не потерять друг друга из виду. Но все же будь проклят страх, пережитый мною!

К концу поездки случилось еще худшее испытание. С того места, на котором при наступлении ночи находился «Пьемонт», было видно несколько неизвестных судов. Биксио заметил их, но на таком большом расстоянии не мог распознать. Поэтому,

увидев, что мы, вместо того, чтобы дожидаться его, как было условлено, на большой скорости приближались к нему, он принял нас за неприятельское судно и, развив величайшую быстроту, стал удаляться от нас к юго-западу. Было от чего прийти в отчаяние! Я понял его ошибку и стал подавать ему все условленные и неусловленные сигналы, пустил в ход даже световые, которые мы сговорились не употреблять, чтобы не вызывать подозрений врага. Но все было тщетно, и мы, что есть мочи, мчались за нашим сотоварищем, чтобы не потерять его в темноте из виду. К счастью, мы его догнали; несмотря на шум колес, голос мой был услышан, и все пришло в порядок. Весь остаток ночи мы плыли близехонько друг от друга и к утру видели Мареттимо и с юга подошли к острову.

Во время переезда были сформированы восемь отрядов и поставлены во главе каждого наиболее выдающиеся офицеры экспедиции. Сиртори[305] был назначен начальником главного штаба, Ачерби — интендантом, Тюрр — адъютантом. Было также распределено оружие и кое-какая экипировка, которую мы достали перед отъездом. Сначала мы намеревались высадиться в Шьякка. Но так как день уже наступил и мы боялись наткнуться на неприятельские крейсера, мы решили сойти на берег в ближайшей гавани, в Марсале. Это было 11 мая 1860 г.

Приближаясь к западному берегу Сицилии, мы увидели парусные суда и пароходы. На рейде в Марсале стояли два военных корабля, оказавшиеся английскими. Решив высадиться в Марсале, мы направились к гавани и в полдень были уже там. Торговые суда различных флагов стояли в порту. Поистине судьба нам благоприятствовала и руководила нашей экспедицией. Нам очень повезло. Именно в это утро бурбонские крейсера оставили гавань и направились к востоку, в то время как мы приближались с запада, а когда мы вошли в порт, их можно было еще видеть у мыса Сан-Марко. Поэтому, когда они находились от нас на расстоянии пушечного выстрела, мы уже успели высадить всех людей с «Пьемонта» и приступили к разгрузке «Ломбардии».

Присутствие двух английских кораблей помешало капитанам неприятельских судов нас обстрелять и уничтожить, чего они так жаждали. Это позволило нам закончить разгрузку. Благородное знамя Альбиона и на сей раз помешало кровопролитию, и я, любимчик этих властителей морей и океанов, в сотый раз оказался под их защитой. Пущенный нашими врагами слух, что англичане при высадке в Марсале откровенно содействовали нам не соответствовал, однако, действительности. Страх и уважение, которое внушали цвета национального флага Великобритании, развевающегося на двух военных кораблях могущественного

флота и на заводе Ингхэма, привели бурбонских наемников в смущение, и, должен сказать, даже — к их позору: их долг был немедленно стрелять из своих сильнейших батарей по кучке людей, вооруженных тем оружием, с которым монархия обычно посылает итальянских волонтеров в бой. Но когда бурбонцы стали осыпать нас железным дождем — гранатами и снарядами, — три четверти волонтеров находились еще на молу, но, к счастью, никто из них не был ранен. Оставленный нами «Пьемонт» был захвачен врагом. «Ломбардию», севшую на мель, бурбонцы оставили в покое.

Жители Марсалы, застигнутые врасплох неожиданным происшествием, приняли нас довольно радушно. Народ ликовал. Толстосумы держались в стороне. Я находил это вполне естественным. Тот, кто привык все исчислять в процентах, не может, конечно, спокойно видеть отчаявшихся людей, стремящихся уничтожить язву привилегий и лжи, разъедающую развращенное общество, чтобы облагородить его. Особенно, когда горстка смельчаков без пушек и бронебойного оружия идет против такой силы, как Бурбоны, считавшейся непобедимой.

Магнаты, иначе говоря привилегированные классы, прежде чем рискнуть на какое-нибудь предприятие, хотят сначала убедиться, откуда дует ветер фортуны и на чьей стороне находится больше боевых сил, и тогда победители могут не сомневаться, что найдут в них покорных, любезных и, если понадобится, даже восторженных помощников. Разве не такова история человеческого эгоизма во всех странах?

Бедный народ встретил нас ликуя и с нескрываемой любовью. Он думал только о святости жертвы, о благородном порыве кучки отважных юношей, пришедших издалека на помощь своим братьям. Остальную часть дня 11 мая и ночь мы провели в Марсале. Здесь я начал пользоваться услугами Криспи[306], честного и способного сицилийца, который очень помог мне в деле управления и в установлении необходимых контактов с краем, которого я не знал.

Пошли разговоры о диктатуре. Я принял ее без возражений, ибо в известных случаях и при затруднительных обстоятельствах, в которых могут находиться народы, всегда считал ее якорем спасения.

Утром 12-го «Тысяча» выступила в поход на Салеми, но так как переход был слишком долгим, мы сделали привал у усадьбы Мистретта, где и провели ночь. Хозяина не было на месте, но юноша, его брат, оказал нам радушный и гостеприимный прием. В Мистретте был образован новый отряд под командой Гриciотти. 13-го мы подошли к Салеми, где население сердечно

встретило нас. Тут к нам стали стекаться отряды из Сант-Анна д'Алькамо и некоторые другие волонтеры с острова. 14-го мая мы заняли Вита или Сан-Вита. 15-го мы в первый раз увидели врага, занявшего Калатафими и при вести о нашем приближении расположившего большую часть своих сил на высотах, которые называются «Пьянто дей Романи» («Плач римлян»)[307].

Глава 4
Калатафими
15 мая 1860 г.

Заря 15 мая застала нас в полном порядке на высотах Вита. Вскоре враг, пребывание которого в Калатафими было мне уже известно, выстроившись в колонны, выступил из города по направлению к нам.

Против холмов Виты поднимаются вышеназванные высоты «Плач римлян», на которых враг расположил свои отряды. Со стороны Калатафими эти возвышенности имеют пологий склон. Поэтому враг поднялся на них без труда и занял все вершины, исключительно крутые для подъема на них со стороны Виты. Заняв, наконец, высоты к северу от врага, я оттуда смог подробно рассмотреть позиции бурбонцев, меж тем как они могли лишь видеть цепь генуэзских карабинеров под командой Мосто, прикрывавших наш фронт. Все же остальные наши полки, размещенные эшелонами, стояли позади. Нашей жалкой артиллерии, установленной на главной дороге на левом фланге под командой Орсини, все же удалось дать несколько хороших залпов по врагу. Таким образом, мы, как и враги, занимали очень сильные позиции, стоя лицам друг к другу. Нас разделяло обширное пространство; на нем раскинулась волнистая равнина и несколько деревенских сыроварен. В нашем положении было самым выгодным дожидаться врага на своих позициях.

Бурбонцы, насчитывавшие примерно две тысячи человек и имевшие хорошую артиллерию, видя на нашей стороне лишь кучки людей не в форме, похожих на крестьян, смело выслали вперед отряд берсальеров под прикрытием двух артиллерийских орудий. Подойдя к нам на расстояние ружейного выстрела, они открыли огонь из карабинов и пушек, продолжая к нам приближаться. С нашей стороны был дан приказ «Тысяче» не стрелять, пока враг не подойдет совсем близко. Однако, когда храбрые лигурийцы, имея уже одного мертвого и несколыких раненых, дали сигнал горном, протрубившим американскую зорю, неприятель остановился, как по волшебству. Он понял, что имеет дело не только с отрядами пиччиоттов, и его части с

артиллерией стали отступать. Впервые страх перед «флибустьерами»[308] охватил солдат деспотии. Теперь «Тысяча» пошла в атаку. Впереди — генуэзские карабинеры и с ними отряд избранной молодежи, жаждущей поскорей сразиться с врагом. Целью нашей атаки было обратить неприятельский авангард в бегство и овладеть двумя пушками; это было исполнено с усердием, достойным лучших борцов за свободу Италии. В наше намерение совсем не входило атаковать сильнейшие — позиции бурбонцев, занятые большими силами. Однако кто мог остановить горячих и отважных волонтеров, когда они бросились в атаку на врага? Напрасно горнисты трубили сигнал «стой». Наши его не слышали или поступили так, как Нельсон в битве при Копенгагене[309]. Итак, наши были глухи к сигналу и продолжали наступление на авангард неприятеля со штыками наперевес, пока тот не соединился со своими главными силами. Нельзя было терять ни минуты, иначе наша кучка храбрецов была бы обречена на гибель. Немедленно было начато всеобщее наступление. Весь корпус «Тысячи», к которому примкнули отважные сицилийцы и калабрийцы, ускоренным маршем двинулся на разгром врага. Неприятель оставил равнину и сгруппировался на высотах, где находились его резервы. Он стойко держался и защищал свои позиции с упорством и смелостью, достойными лучшего применения.

Самым опасным был наш переход по открытому месту через волнистую равнину, отделяющую нас от врага. Здесь на нас дождем сыпались артиллерийские снаряды и пули. Многие мои люди были ранены. Но когда наконец мы достигли подножья Римской горы, то оказались почти в безопасности. Здесь «Тысяча», несколько уменьшившаяся численно, соединилась со своим авангардом. Положение наше было критическим: мы должны были победить. С этим твердым намерением мы под градом пуль стали подниматься на первый уступ горы. Не припомню, сколько было таких уступов, но прежде чем добраться до вершины, пришлось преодолеть немало таких террас и идти в гору почти без всякого прикрытия под убийственным огнем. Приказ — как можно меньше стрелять — был вызван плохим качеством затворов наших ружей, которыми нас снабдило сардинское правительство. Они почти не стреляли. В этих условиях нам оказали неоценимую услугу мужественные сыны Генуи. Вооруженные отличными карабинами и опытные в стрельбе, они поддержали честь нашего оружия. Пусть это послужит хорошим уроком итальянской молодежи; пусть она убедится, что ныне на поле брани недостаточно одной храбрости, а надо уметь хорошо владеть оружием и знать еще многое другое.

Калатафими! Когда я, переживший сотню сражений, буду при последнем вздохе и мои друзья увидят на моем лице гордую улыбку — то знайте, что, умирая, я вспомнил тебя, ибо не было битвы славнее. «Тысяча» — эти достойные представители народа в простом гражданском платье — с героическим хладнокровием атаковала одну за другой чудовищные позиции врага, солдат тирании в блестящей форме с аксельбантами и галунами и обратила их в бегство! Не забыть мне никогда эту горсточку юношей, которые, боясь, что меня ранят, окружили меня непроницаемой стеной, теснясь друг к другу, чтобы защитить своими драгоценными телами. Если я пишу сейчас, взволнованный до глубины души этими воспоминаниями, то имею полное основание! Разве не мой долг напомнить Италии хотя бы имена погибших отважных бойцов? Монтанари, Скиаффино, Серторио, Нулло, Виго, Тюкери, Тадеи и еще много других, имена которых я, к своей скорби, забыл.

Как я уже отмечал, южный склон Римской горы, на которую нам нужно было подняться, состоял из террас, земля которых используется в этой горной местности земледельцами. Мы быстро поднимались по обрывистому краю террас, тесня врага и останавливаясь, чтобы перевести дух и приготовиться к атаке под прикрытием этой естественной защиты. Так мы двигались, завоевывая одну террасу за другой, до вершины горы, где бурбонцы неустрашимо в последний раз попытались защитить свои позиции. Многие вражеские стрелки, когда снаряды у них кончились, бросали в нас камнями.

Наконец мы перешли к решительной атаке. Храбрейшие из «Тысячи», сомкнув свои ряды на последнем переходе, перевели дух и, измерив на глаз расстояние, которое им еще оставалось пройти, чтобы скрестить шпаги с врагом, словно львы бросились вперед с сознанием, что они сражаются за великое дело и должны победить. Бурбонцы не могли устоять перед бурным натиском мужественных борцов за свободу и обратились в бегство. Отступающий противник остановился лишь в городе Калатафими, находящемся на расстоянии нескольких миль от поля битвы. Мы перестали преследовать неприятеля лишь у самого входа в город, представлявшего выгодные и сильные позиции. Когда сражаешься, нужно побеждать: эта аксиома поистине верна во всех обстоятельствах, особенно на войне.

Победа у Калатафими, хотя и не принесла нам больших трофеев — мы отвоевали пушку, немного оружия и взяли несколько пленных, — имела огромное моральное значение, воодушевив население и деморализовав вражеское войско. Небольшой отряд «флибустьеров», о которых всегда

пренебрежительно отзывались, без позументов и эполет обратил в бегство многочисленные отборные полки Бурбонов с артиллерией и прочим снаряжением, которыми командовал генерал, привыкший, подобно Лукуллу[310], съедать за одним ужином то, что добывала целая провинция. Таким образом, отряд горожан, пусть даже «флибустьеров», без золотых позументов, воодушевленный лишь любовью к родине, может победить врага. Первым существенным результатом был отход неприятеля из Калатафими, который мы заняли на следующее утро, 16 мая 1860 г.

Вторым весьма значительным последствием было нападение населения Партинико, Борджетто, Монтелепре и других местностей на отступающего врага. Повсюду образовались вооруженные отряды, которые присоединялись к нам, и энтузиазм в окрестных пунктах достиг своего апогея. Разбитый враг остановился только в Палермо, где он внес смятение в ряды бурбонцев и уверенность в сердца патриотов.

Наши и вражеские раненые были размещены в Вите и Калатафими. Среди наших были незаменимые потери. Монтанари, мой товарищ по Риму и Ломбардии, получил тяжелые ранения и скончался через несколько дней. Он был одним из тех, кого доктринеры именовали демагогами, ибо они не выносили рабства, любили родину и не хотели склонять колени перед капризами вельмож и льстить им. Монтанари был из Модены.

Скиаффино, юный лигуриец из Камольи, тоже альпийский стрелок и проводник, один из первых умер на поле брани — и Италия лишилась одного из лучших и храбрых своих бойцов. Он очень много работал в ночь нашего отъезда из Генуи и помогал Биксио в этом щекотливом деле. Де Амичи, тоже альпийский стрелок и проводник, один из первых умер славной смертью на поле сражения. Немало выдающихся бойцов из «Тысячи» пали при Калатафими, пали как наши предки римляне, скрестив свои мечи с вражескими, без единой жалобы, без единого крика, кроме возгласа: «Вива Италия!» Я пережил много битв и более тяжких и кровопролитных, но я не видел бойцов столь великолепных, как эти горожане-«флибустьеры» у Калатафими.

Победа при Калатафими была бесспорно решающей в блистательной кампании 1860 г. Надо было именно начать экспедицию с шумным военным успехом. Он деморализовал наших противников, которые со свойственной южанам пылкостью воображения рассказывали чудеса о храбрости «Тысячи». Были среди них такие, которые уверяли, что якобы видели, как пули их карабинов отскакивали от груди бойцов за свободу, словно они

ударялись о бронзовую плиту, — эти рассказы подбодряли отважных сицилийцев, которые были совершенно подавлены внушительностью оружия бурбонцев и численностью их войска. Палермо, Милаццо, Вольтурно видели гораздо больше раненых и трупов. Но, с моей точки зрения, решающей была именно битва при Калатафими. После такого сражения наши уверились в победе. А когда начинаешь воевать с таким предзнаменованием, с такой верой в себя, ты должен победить! Бои у Новары, Кустоцы, Лиссе и может быть даже у Ментаны, хотя и проигранные в силу превосходства сил и средств врага, стали бедствием Италии, и не столько потому, что мы понесли потери людьми и оружием, сколько потому, что враги наши могли чваниться. Конечно, вражеские солдаты не превосходят итальянцев, но, готовясь воевать с нами, они будут считать нас легкой добычей, людьми, которых можно гнать вперед прикладом ружья. Для будущего торжественного испытания Италии нужен Фабий[311], который сумеет выжидать, если понадобится: наша страна такова, что может воевать как следует, принимать или нет битвы, а когда позиция и обстоятельства под стать, бросать в бой итальянцев, жаждущих сразиться и по природе своей способных на большие порывы. Наступит время и для Замы[312], где новый Сципион, пренебрегая числом врагов, сам на них нападет и обратит в бегство. И здесь меня неотступно преследует мысль о священниках, которые хотят превратить итальянцев в святош. Дело серьезное, если Италия этого не предотвратит. Иезуиты только и могут, что воспитать лжецов, ханжей и трусов! Пусть об этом подумает тот, кому полагается. Особенно пусть помнят, что воевать и идти в штыковую атаку могут лишь люди сильные.

Глава 5
От Калатафими до Палермо

16 мая мы заняли оставленный неприятелем Калатафими. Преобладающая часть наших раненых была перевезена в Вита. В Калатафими мы нашли тяжелораненых неприятелей и обращались с ними как с братьями.

Может быть угрызения совести терзали эти царствующие в Италии династии, натравливавшие наш несчастный народ, как собак, друг на друга? Угрызения совести?! Какие там угрызения совести! Разве все их усердие не было направлено именно на то, чтобы сеять вражду между итальянцами во имя личных и династических интересов? Но разве в Риме, в сердце Италии, не обосновалась «кучка помета и крови», как называл Гуеррацци[313] папство, которое существует для того, чтобы держать Италию

разделенной навеки и продавать ее тому, кто больше даст?

Скучная и долгая история рассказывать обо всех этих господах, ныне, к счастью для нашей страны, нищенствующих или же ставших изменниками и развратителями наций.

Отплытие «Тысячи» из Кварто. Картина работы Джероламо Индуно.

Музей Рнсорджименто. Милан

Прибытие «Тысячи» в Марсалу. Иллюстрация из кн.: G. C. Abba. Da Quarto al Volturno. Bologna, 1960

17-го мы пришли в Алькамо, важный пункт, где нас восторженно встретили. В Партинико жители совершенно обезумели от радости. Бурбонские солдаты до битвы при Калатафими дурно обращались с ними, и, когда разгромленное войско врага обратилось в бегство, население Партинико преследовало его по пятам, стараясь нанести как можно больше потерь, наседая на него вплоть до самого Палермо. Мы находили трупы бурбонских солдат на дорогах, растерзанные собаками. Ужасное зрелище! Ведь это же были итальянцы, убитые итальянцами, и если бы они росли свободными гражданами, то хорошо послужили бы делу своей угнетенной родины. Теперь же по причине ненависти, порожденной жестокими хозяевами, они лежали растерзанные, разорванные на куски собственными братьями, разъяренными до такой степени, что кровь стынет в жилах!

Из прекрасных долин Алькамо и Партинико нашей колонне предстояло подняться через Борджетто на высокое плато Ренне, господствующее над Конка д'оро[314] и грациозным городом народа Веспри. Если бы в Италии среди сотни ее городов было бы хотя полдюжины таких, как Палермо, уже давно чужеземец не топтал бы нашу землю, и тогда, конечно, правительства сбиров или шпиков либо вели бы себя должным образом, либо дьявол давно унес бы их в преисподнюю.

Ренне явился бы для нас неприступной позицией, если бы, господствуя над дорогой Палермо — Партинико, он в свою очередь не был бы окружен со всех сторон высотами неправильных горных цепей, опоясывающих богатую долину столицы. Ренне запечатлелся в памяти во время похода «Тысячи». Два дня там не переставая лил дождь, и у нас не было надежного укрытия от ненастья. Людям было очень трудно, и кучка храбрецов доказала, что она способна переносить любые лишения, равно как и кровопролитные сражения.

Глава 6
Розалино Пило и Коррао

Еще до 5 мая выехали из Генуи два молодых сицилийца, направленных в Тринакрию. Один из них, необыкновенно красивый, принадлежал к князьям Капаче и отличался изяществом сложения, характерным для людей, живущих в довольстве. Другой с черными как смоль волосами и правильными чертами загорелого лица, коренастый и крепкий с виду, отличался красотой южного простолюдина. Он был, можно безошибочно сказать, из той породы людей, которым суждено собственными силами поддерживать свое существование. Однако порой случается, что такие люди, движимые честолюбием, вырываются за пределы своей орбиты и если они одарены талантом, то возносятся с низших ступеней человеческого бытия до самых высоких. Таковы были Марий[315], Цинцинат[316], Колумб.

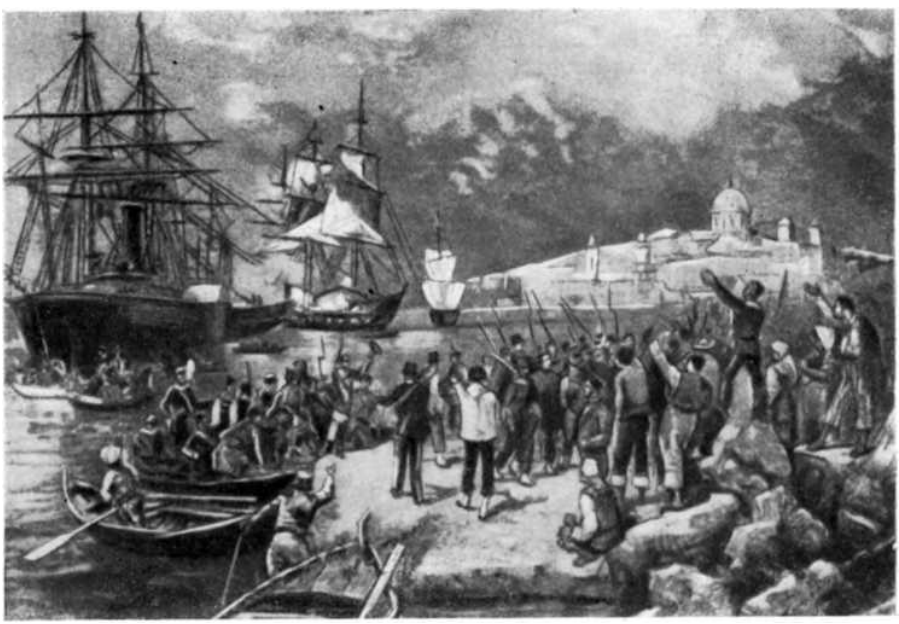
Оба, и Розалино Пило и Коррао, обладали сердцем львов. «Тысяча» повстречала этих смельчаков, которые, едва высадившись в Сицилии после необыкновенной переправы, сразу же стали призывать отважных сынов Этны к восстанию, рассчитывая при этом на скорую помощь с континента. Их было только двое. Они высадились на своей земле, изгнанные, приговоренные к смерти; они обошли весь остров, исполняя свою святую миссию с такой уверенностью — я скажу, не раздумывая, — словно пришли на землю, где им обеспечен безмятежный приют. Знай об этом, тирания! И знай еще, что это не край доносчиков! Ты только потеряла зря время, проповедуя подкуп и совращение. Здесь, где течет лава отца всех вулканов, твоя грубая власть, созданная на крови и позоре, эфемерна! Сбрось с себя эту маску блюстителя конституции, которой никто уж не верит, и покажи свою обезображенную рожу Гелиогабала[317] или Каракаллы[318].

Ведь дело лишь во времени, может быть сочтены уже года, а

то и дни.

Пусть договорятся эти рычащие, грызущиеся потомки распрей и былого величия и, как при Вечпри, за несколько часов не останется следа от всяких Манискалько[319] и их низостей.

Розолино Пило в схватке с бурбонцами, когда «Тысяча» вела перестрелку в окрестностях Ренне, был сражен вражеской пулей. В тот момент он собирался написать мне с высот Сан-Мартино и мертвым упал на землю Италия потеряла одного из той блестящей плеяды людей, которые своим благородным поведением заставляли ее забывать или менее чувствовать свое унижение, свои лишения. Коррао был менее счастлив, чем Розалино. После того, как он доблестно сражался в каждой битве 1860 г., он умер от пули итальянца, сводившего с ним личные счеты. Сицилия, конечно, никогда не забудет этих двух героических своих сыновей, истинных предшестренников «Тысячи».



Высадка «Тысячи» в Марсале. Иллюстрация из издания того времени

Продолжение главы: от Калатафими до Палермо

Без убежища к почти без топлива, после двух дней, проведенных в Ренне под проливным дождем, вынужденные жечь телеграфные столбы, мы добрались до деревни Пьоппо, расположенной выше Монреале. Но позиция эта мало подходила для наших небольших боевых сил. Примерно 21 мая вражеская разведка, с которой мы обменялись несколькими выстрелами, навела меня на мысль занять более укрепленные позиции над перекрестком дорог, сливающихся у Ренне, оставив таким образом свободными коммуникации на дороге в Партинико, по которой мы пришли, и на дороге к югу от Сан-Джузеппе. Тактически означенная позиция была хорошо приспособлена, и мы могли бы в выгодном положении ожидать там врага. Однако дорога из Палермо в Корлеоне казалась мне более подходящей по двум соображениям: там открывался гораздо более обширный плацдарм для военных операций, и, кроме того, мы приходили в соприкосновение с многочисленными повстанческим отрядами, находившимися в Мизильмери, Медзоюзо и Корлеоне, куда я послал Ламаза, чтобы собрать их воедино. Потому я решил ночью перейти с дороги, ведущей в Парко, которую мы занимали, на дорогу из Корлеоне в Палермо.

Наш переход начался еще до наступления ночи; трудный путь через ущелье, с пушками и снаряжением на плечах людей, проливной дождь, длившийся всю ночь, и густой туман сделали этот поход самым тяжелым из всех проделанных мной. Был уже день, когда голова колонны вступила в Парко. Пушки же только вечером с большим трудом могли быть доставлены туда. Но этот ливень и густой туман способствовали тому, что противник узнал о нашем продвижении спустя много времени после нашего прибытия в Парко. Там мы заняли очень сильные позиции, соорудив несколько оборонительных пунктов, на которые мы водрузили пушки. Эти позиции к тому же окружены высокими горами, что делало их малодоступными.

24 мая неприятель со значительными силами, разделенными на две колонны, выступил из Палермо. Одна колонна направилась по большой дороге, ведущей из столицы в Корлеоне и внутрь острова, она лежит через Парко. Другая, пройдя небольшой отрезок дороги в Монреале, пересекла долину и угрожала нашему тылу, двигаясь вдоль левого фланга по направлению Пьяна деи Гречи. Я не побоялся бы фронтальной атаки, несмотря на то, что враг количественно превосходил нас, но обходное его движение по горам, которые господствовали над нашей позицией, заставило меня начать отступление, прежде чем появится враг. Я немедленно отдал приказ вместе с пушками и обозом двинуться по главной дороге, сам же вместе с горсткой

своих «пиччиоттов» и с отрядом Кайроли направился навстречу другой колонне, угрожавшей отрезать нам отступление. Наш маневр удался как нельзя лучше. Я достиг высот, прежде чем враг овладел ими, и несколькими залпами заставил его остановиться. Таким образом, я находился со всеми своими силами в Пьяна и, пользуясь дорогой в Корлеоне, мог свободно двигаться внутрь полуострова по своему усмотрению. Население Пьяны и Парко оказало нам большую поддержку и практически помогало, особенно барон Пета из Пьяны.

В Пьяна деи Гречи мы провели весь остаток дня, чтобы дать людям отдохнуть. В этот день мы оплакивали смерть отважного юноши Мосто, брата майора, командующего отрядом генуэзских стрелков, который с обычной доблестью задержал продвижение бурбонцев. В Пьяна я решил освободиться от пушек и обоза, чтобы можно было действовать более свободно против Палермо. Там я соединился с группой Ламаза, стоявшей тогда в Джибильросса.

Когда наступила ночь, я отправил пушки и обоз под командой Орсини по дороге в Корлеоне. Сам же я со своими людьми, пройдя небольшой кусок этой дороги, свернул влево в направлении Мизильмери и пошел по лесистой, но вполне проходимой дорожке. Как я и ожидал, движение пушек по дороге Корлеоне обмануло врага. 25 мая неприятель продолжал идти на Корлеоне, уверенный, что он преследует все наши силы, а на самом деле он двигался лишь за отрядом Орсини, почти без людей. Я с колонной пересек лес Чьянето, где мы провели ночь. На следующий день мы пришли в Мизильмери. Тамошние жители встретили нас восторженно, а 26-го мы были уже в Джибильросса, где находился наш Ламаза с различными войсковыми частями.

После совещания с Ламаза и другими вождями сицилийцев вне и внутри Палермо было решено атаковать врага в столице Сицилии. 26-го в наш лагерь пришли иностранцы, главным образом американцы и англичане, выражая глубокие симпатии великому делу Италии. Молодой американский офицер вынул из-за пояса свой револьвер и любезно предложил мне его как залог дружелюбного отношения к нам. Фон Мекель и Боско командовали колонной бурбонцев, следовавшей за нашей артиллерией, не подозревая о нашем повороте на Джибильросса. К чести славного сицилийского народа следует признать, что лишь в Сицилии такое возможно, когда только через два дня после нашего вступления в Палермо эти неприятельские командиры узнали, что мы их обманули и вошли в столицу, в то время как они считали, что мы находимся в Корлеоне.

Вечером 26-го с наступлением ночи началось наше движение

к Палермо; мы спустились по открытой трудной тропе, что ведет из Джибильросса на дорогу к Порта Термини. Ряд ночных инцидентов несколько задержал наше движение. Так, наша колонна, состоявшая примерно из трех тысяч человек, должна была двигаться по неудобной, узкой дорожке и естественно бесконечно растянулась. Из-за этого было невозможно пойти вперед или назад, чтобы выравнять ее. Потом один конь вырвался из упряжи, услышав выстрелы, растревожившие его. Наконец головная часть колонны пошла по плохой дороге и нам пришлось остановиться, чтобы повернуть ее на хорошую. Поэтому, когда мы подошли к неприятельским форпостам у Порта Термини, уже наступил день.

Глава 8
Штурм Палермо 27 мая 1860 г.

Храбрейшие бойцы под командованием Тюкери и Миссори шли в авангарде. Среди них были: Нулло, Энрико Кайроли, Виго Пелиццари, Тадеи, Поджи, Скопини, Уциель, Перла, Ньекко и другие отважные герои, имена которых, к сожалению, я запамятовал[320]. Этот избранный отряд «Тысячи» ставил ни во что численное превосходство неприятеля, баррикады, пушки, которые бурбонские наемники нагромоздили перед Порта Термини. Отряд ринулся вперед, разметал неприятельские сторожевые посты у Адмиральского моста и проследовал дальше.

Баррикады у Порта Термини были взяты на ходу и колонны «Тысячи», соревнуясь в героизме с отрядом пиччиоттов, преследовали по пятам надменный авангард врага. Упорное сопротивление многочисленного войска неприятеля не помогло, так же как орудийные залпы с суши и моря и даже батальон стрелков, расположенный в монастыре Сант-Антонио, господствующем над городом, откуда, находясь на левом фланге, можно было обстреливать из карабинов нападающих. Ничего не помогло; победа была наградой мужеству и правому делу. И вскоре в центр Палермо вторглись бойцы за свободу Италии.

Поскольку население города было совершенно безоружным, оно не могло вначале бессмысленно подвергать себя ужасающему обстрелу, происходящему на улицах. Стреляла не только полковая и крепостная артиллерия, но и бурбонский флот, взявший на прицел главные улицы, сметая все своими мощными снарядами. А всякому известно, что когда бомбардирующие могут безнаказанно обстреливать несчастный город, то их каннибальская храбрость все возрастает.

Однако уже скоро жители Палермо сбежались, чтобы

сооружать защитные баррикады, от которых побледнели наемники тирании. Здесь отличился, как руководитель, полковник «Тысячи» Ачерби, доблестный участник всех битв за Италию. Жители вооружились чем попало — от ножа до топора — и в последующие дни стали внушительной, непобедимой массой, которой не может противостоять ни один отряд, как бы хорошо он ни был организован.

Из Порта (ворот) Термини я отправился в Фьера Веккиа, а оттуда на Пьяцца Болонья, где, видя, что очень трудно сосредоточить в одном месте сильное ядро наших, рассеявшихся по большой столице, я слез с лошади и устроился в одном из подъездов. Когда я снял седло с моей лошадки Марсалы и положил его вместе с кобурой на землю, пистолет, ударившись о землю, выстрелил. Пуля попала мне в правую ногу и оторвала кусок нижней части штанины. «Ну, удача никогда не приходит в одиночку», — подумал я.

С революционным комитетом Палермо, состоявшим из пылких патриотов, договорились, чтобы мой главный штаб расположить во Дворце Преторио, в центре города. Палермо не дал нам много вооруженных людей, так как бурбонцы всячески старались лишить население оружия. Однако надо заметить, что энтузиазм этих храбрых горожан нельзя было ничем умерить: ни кровопролитными схватками на улицах, ни жестокой бомбардировкой со стороны неприятельского флота, форта Кастелламмаре и королевского дворца. Наоборот, многие за неимением оружия появлялись с кинжалами, ножами, пиками и всевозможными железными предметами. Отряды «пиччиоттов»[321] мужественно сражались и шли на смену убывающим из «Тысячи». Даже женщины были охвачены патриотическим порывом. Среди адской бомбардировки и стрельбы они подбадривали наших бойцов рукоплесканиями, жестами, криками «ура». Они бросали из окон стулья, матрацы, всевозможную утварь для сооружения баррикад. Многие выходили на улицу, чтобы помогать нам в этой работе. Население было сначала смущено нашим смелым вторжением, но когда первые минуты изумления прошли, их отвага и мужество возрастали с каждым днем. Баррикады вырастали словно по мановению волшебной палочки, и Палермо был сплошь ими загроможден. Быть может такое большое количество баррикад было излишне, но, нет сомнения, что они подбодряли жителей и вселяли страх в бурбонское войско. К тому же эта работа заставляла жителей все время быть в движении и подогревала их энтузиазм.

Самая большая трудность нашего положения заключалась в

недостатке боеприпасов. Нашлись все же фабрики, изготовлявшие порох. День и ночь заготовляли патроны, картечь; но все же их было недостаточно, при беспрерывно продолжавшихся военных действиях против многочисленных бурбонских отрядов, занимающих главнейшие пункты города. Бойцы и особенно пиччиотти, которые много стреляли, не оставляли меня в покое, желая получить боеприпасы, которых им не хватало. Все же, несмотря на это, бурбонцы были оттеснены к форту Кастелламмаре, ко Дворцу финансов и королевскому с прилегающими к ним домами. Мы стали хозяевами всего города.

Главные силы неприятеля со своим главнокомандующим генералом Ланца засели в королевском дворце, отрезанные от моря и от других своих частей. Несколько наших отрядов занимали все выходы, ведущие в окрестности, таким образом бурбонские войска, находившиеся в королевском Дворце вместе с генералом, оказались в полной изоляции и уже через несколько дней стали ощущать недостаток в провианте и не знали также, куда деть раненых. Это заставило Ланца обратиться к нам с предложением: разрешить погребение трупов, которые начали уже разлагаться, и транспортировку раненых на кораблях в Неаполь. Для всего этого потребовалось 24-часовое перемирие. Один бог ведает, как мы в этом нуждались, ибо нам приходилось изготовлять порох и патроны, которые тут же расходовались. Тут следует вспомнить, что в эти знаменательные дни, когда Мы кровью готовы были заплатить за каждый патрон, мы никакой помощи ни оружием, ни боеприпасами не получали от военных кораблей, стоящих в гавани и на рейде, не исключая и итальянского фрегата. Если не ошибаюсь, мы приобрели даже старую железную пушку с греческого парохода. Появление бурбонских колонн фон Мекеля и Боско, которые шли по нашим следам до Корлеоне, а потом повернули к столице, чуть не заставило неприятельского генерала пересмотреть свое решение. Действительно появление этих двух командиров во главе пяти-шеститысячного отборного войска было важным фактом и могло стать для нас роковым. Извещенные о нашем вступлении в столицу, обманутые в своей надежде застигнуть нас врасплох и уничтожить, они, разгневанные, начали энергично штурмовать Порта Термини. Небольших моих сил, да к тому же разбросанных по всему городу, было недостаточно для сопротивления рвущемуся в бой противнику. Все же кучка людей, находившихся у Порта Термини, мужественно защищалась до самой Фиера Веккьа, борясь за каждую пядь земли. Оповещенный о продвижении неприятеля в этом районе, я собрал несколько отрядов и бросился туда. По дороге я узнал, что генерал Ланца

желает продолжить переговоры на борту «Ганнибала», военного корабля англичан, стоящего на рейде в Палермо под командой адмирала Манди. Я оставил командование городом генералу Сиртори, начальнику моего главного штаба, и отправился на вышепоименованный корабль, где застал генералов Летиция и Кретьена, которые явились для переговоров со мной от имени главнокомандующего неприятельской армией.

Сейчас я не помню точно предложений, сделанных мне генералом Летиция. Припоминаю, что разговор шел об обмене пленными, эвакуации раненых на военные корабли, о разрешении подвезти провиант отрядам, находившимся в королевском дворце, о стягивании вражеских сил к Куаттро Венти, пункту связанному с морем, и наконец о том, чтобы город Палермо выказал уважение и повиновение его величеству Франческо II.

Я торжественно выслушал чтение первых пунктов предложения, но когда дошло до требований, унизительных для Палермо, я поднялся, полный негодования, и сказал генералу Летиция, что ему хорошо известно, что он имеет дело с людьми, которые умеют биться, и что другого ответа дать не могу. Генерал попросил у меня перемирия на 24 часа, чтобы эвакуировать раненых, на что я согласился. Так наше совещание и закончилось. Кстати я должен здесь заметить, что предводителя «Тысячи», с которым до сей поры обращались как с флибустьером, стали именовать «превосходительством», титул, всегда мне ненавистный, которым меня наделяли при всех последующих переговорах. Так велика низость сильных мира сего, когда они попадают в беду.

Как бы там ни было, но положение наше было не из блестящих. В Палермо не хватало ни оружия, ни боеприпасов. Бомбы разрушили часть города. Враг все еще находился со своими отборными частями внутри города, а остальными занял сильнейшие позиции. Корабельная артиллерия обстреливала улицы, а пушки королевского дворца и Кастелламмаре помогали разрушению.

Я вернулся во Дворец Претории, где меня поджидали влиятельнейшие граждане и зорким взглядом южан пытались прочесть в моих глазах, какое впечатление произвели на меня происшедшие разговоры. Без утайки я передал им требования врага и не встретил с их стороны никакого уныния. Мне предложили обратиться с балкона к собравшемуся народу, что я и сделал.

Должен признаться, что я не был обескуражен, да этого со мной не случалось и в более тяжелых обстоятельствах. Однако, учитывая силы и численность врага и ничтожность наших, я не

знал, какое принять решение, т. е. продолжать ли защиту города или собрать все наши отряды и оставить его. Эта последняя мысль давила меня как кошмар и я с презрением отверг ее: ведь речь шла о том, чтобы оставить Палермо на растерзание озверевших солдат! Борясь сам с собой, я выступил перед славным сицилийским народом и объявил, что согласен на все выставленные врагом условия. Все же, когда я дошел до последнего пункта, то сказал, что отверг его с презрением. Страстный крик негодования и одобрения вырвался из груди этой толпы благородных людей! Это решило судьбу миллионов, свободу двух народов и предопределило падение тирана! Я снова укрепился в своем решении: с этого момента исчезли все сомнения, робость, моя нерешительность. Солдаты и горожане снова стали состязаться в деятельности и твердой решимости. Баррикады умножались; каждый балкон, каждая терраска были защищены матрацами. Камни, всевозможное оружие были приготовлены, чтобы истреблять врага. Изготовление пороха и картечи производилось с лихорадочной поспешностью. Несколько старых пушек, извлеченных на свет неизвестно откуда и наспех отремонтированных, были поставлены в подходящих местах. Другие были куплены у торговых пароходов. Женщины всех слоев появлялись на улицах, чтобы воодушевлять работающих и готовящихся к бою мужчин. Американские и английские офицеры с кораблей, стоящих на рейде, дарили нам револьверы и охотничьи ружья. Некоторые сардинские офицеры тоже выражали симпатии к святому народному делу, а матросы с итальянского фрегата жаждали разделить участь своих братьев и угрожали дезертировать. Только тот, кто подчинялся холодным и расчетливым приказам Туринского правительства, равнодушно взирал на подобные сцены и оставался безучастным наблюдателем разрушения одного из благороднейших итальянских городов. Они ждали приказа! О, приказ уже был дан: нанести нам последний удар, если мы окажемся побежденными, и выражать нам дружеское расположение, если мы выйдем победителями![322]

Один южный сицилиец из приличной семьи, посланный мною за оружием на сардинский фрегат и с опасностью для жизни проникший туда, вместо того, чтобы получить просимое оружие, услышал язвительное: «Вы, ненароком, не шпион ли?»

Итак, враг быстро догадался, на что решились город и его защитники, и понял, что нельзя безнаказанно измываться над народом, когда он твердо решил победить, сражаясь не на жизнь, а на смерть. Деспотизм, кстати, допускает большую ошибку, разрешая своим проконсулам обрастать жиром, ибо потом они не

решаются подвергать свое «брюшко» опасности на баррикадах этих «каналий».

Еще до истечения 24-часового перемирия у меня появился новый парламентер генерала Летиция. Теперь он просил о трехдневном перемирии, ввиду того, что 24 часа перемирия недостаточно, чтобы доставить раненых на борт корабля. Я согласился и на это. Тем временем мы не теряли ни одной секунды, спешно изготовляли порох и картечь, продолжали сооружать баррикады. В окрестностях города образовались вооруженные отряды, умножавшие наши силы и угрожавшие врагу с тыла. Присоединился к нам и Орсини со своими пушками, а с ним и другие войсковые части. С каждым днем наше положение улучшалось, и у бурбонцев все меньше становилось желания нападать на нас.

При возобновлении переговоров с генералом Летиция было условлено, что его отряды оставят королевский дворец и Порта Термини и соберутся на молу и у Куаттро Венти. Для нас это было большим выигрышем. Прекращение военных действий и отступление бурбонцев к морю дало населению уверенность в победе и усилило его отвагу до такой степени, что мы были вынуждены расставить краснорубашечников[323] на аванпостах, чтобы предотвратить стычки между сицилийцами и бурбонскими отрядами, так велика была ненависть к Бурбонам. Наконец начались переговоры об удалении вражеских полчищ, которые не могли дольше держаться на неудобных позициях и об окончательном очищении города и фортов. Отвага «Тысячи» и вообще защитников Палермо была достойна удивления! Выдержка их и всего населения не обманула наших надежд ни на секунду. Действительно, словно все были готовы похоронить себя под развалинами прекрасного города. Должен признаться, результат получился великолепный, на большее нельзя было надеяться. Казалось просто чудом, что двадцать тысяч приспешников деспотизма, отборное войско, умеющее отлично сражаться, капитулировало перед горстью горожан, готовых на всякие жертвы, вплоть до мученичества. Ликуйте же мужчины, женщины, дети! Вы все внесли свою лепту в освобождение родины. Вы можете гордиться и ликовать. Палермо свободен и тираны изгнаны! Далеко слышны сильные взрывы гнева гордой столицы народа Веспри, как и ее вулканов, и рушатся шаткие престолы лжи и тирании!

В Палермо мы потеряли храброго венгерца Тюкери. Я упомяну и о других неоценимых наших утратах, когда узнаю о них. Среди наших раненых смельчаков были: Биксио, оба Кайроли — Бенедетто и Энрико, Кукки, Канцио, Карини, Бецци.

Глава 9
Милаццо

Отступление бурбонцев из Палермо поистине превратилось в настоящий национальный праздник, тем более, что по условиям соглашения враг обязался освободить всех политических заключенных из Кастелламмаре. Появление дорогих узников, которые так много выстрадали в ужасных казематах Бурбонов, наполнило ликованием сердца всех жителей. Прием, оказанный им, был трогательным.

Я расположил свой главный штаб в одном из павильонов королевского дворца, откуда открывалась вся Виа Толедо, тянувшаяся вплоть до Монреале. Отсюда я мог наслаждаться трогательным зрелищем и лицезреть радостно возбужденный, великий пылкий народ. Необозримая восторженная толпа с триумфом несла к моему местопребыванию освобожденных из тюрьмы, ликуя за своих дорогих сердцу людей. Они осыпали меня благодарностями и слеза покатилась по моей щеке.

Теперь наступило время отдыха, в котором нуждались все, особенно «Тысяча». Бедные юноши! Избранная часть населения Италии, не привыкшая к нужде, лишениям, в большинстве своем студенты, получившие уже дипломы; они все, за малым исключением, отдали себя геройскому делу и мукам во имя освобождения нашей земли, которую чужеземец ненавидел (и, пожалуй, отчасти заслуженно порабощенной), потому что некогда она была владычицей мира[324]. Ибо покорение увиденного мира было большой ошибкой, это неизбежно повлекло за собой грабеж и рабство и, как следствие, повсеместную ненависть.

Солдаты «Тысячи», в большинстве своем — не моряки, переплыли моря, чтобы участвовать в кровопролитных сражениях, и почти непроходимыми дорогами пришли в Палермо, изгнав оттуда с помощью населения двадцатитысячную отборную армию и в двадцать дней освободили всю Сицилию. Враг отступил для того, чтобы готовиться к новым битвам и мы должны были принять меры для новой встречи с ним. В Палермо и во всех частях острова открылись вербовочные пункты. Заключались сделки на покупку оружия извне. В столице была спешно организована литейная: работали без передышки, заготовляя порох, патроны и картечь. Палермо, цитадель деспотизма, стал кузницей бойцов за свободу. Какое чудесное зрелище, когда ранним свежим утром эти резвые юные сыны Тринакрии с огромным воодушевлением, исполненные твердой решимости, обучаются военному делу. Разве это не утешало душу ветерана, для которого освобождение Италии — мечта всей жизни? Италия

могла бы полностью раскрепоститься, не будь равнодушия одних и коварства других, попирающих национальный героизм в те славные дни.

Наша передышка в Палермо после эвакуации неприятеля была всецело посвящена полезным делам. Множество мальчиков, имеющих обыкновение болтаться на улицах, становившихся для них школой разврата, мы собрали и разместили по приютам, чтобы воспитать их честными гражданами, защитниками родины. Было улучшено положение благотворительных заведений. Мы позаботились о снабжении продовольствием всего неимущего населения, а также пострадавших от бомбардировок и войны. Затем было сформировано диктаторское правительство при участии многих видных патриотов Сицилии, среди которых первенствовал знаменитый адвокат Франческо Криспи, один из «Тысячи»[325]. Национальные боевые силы были реорганизованы в три дивизии и получили название Южной армии, которая вскоре двинулась на восток для завершения дела освобождения.

Во время боев в Палермо пришел маленький итальянский пароход «Утиле» с сотней наших с континента, которые из Марсалы, где счастливо произошла их высадка, прибыли в столицу как раз вовремя, чтобы принять участие в последней битве. Затем на трех пароходах, примерно с двумя тысячами человек, прибыла экспедиция Медичи в Кастелламмаре, что находится в нескольких милях на запад от Палермо, в то время, когда еще некоторые бурбонские военные части не покинули город. Вслед за ними появились другие контингенты волонтеров из всех итальянских провинций. В короткое время у нас образовалось прекраснейшее войско, и мы были в состоянии разослать экспедиционные отряды в различные части острова, чтобы способствовать утверждению нового правительства. Это не представляло трудности, так как оно было повсюду провозглашено. Кроме того, этим отрядам было поручено разыскивать неприятеля там, где он еще находился.

Дивизия генерала Тюрра отправилась в глубь острова. Дивизия с правого фланга, под командой генерала Биксио, направилась на южный берег Сицилии, с левого — под начальством генерала Медичи — на северный, с приказом объединить возможно больше волонтеров. Затем все должны были сосредоточиться у Мессинского пролива. Потом в Палермо прибыл генерал Козенц с двумя тысячами человек; за ним последовали новые отряды волонтеров, посланные всевозможными комитетами помощи Сицилии, образовавшимися в различных провинциях под руководством центра в Генуе, который возглавлял Бертани[326]. Колонна Козенца тоже

отправилась в Мессину на подкрепление Медичи, которому угрожал сильный отряд врага под командой Боско, двигавшийся через Спадафора, разыскивая наших. Боско во главе примерно четырех тысяч отличных солдат с артиллерией вышел из Мессины, пытаясь сохранить коммуникации между этим городом и Милаццо и внезапно напасть на отряд Медичи, занимавший Барчеллону, Санта Лючию и другие окрестные деревни. Он действительно атаковал Медичи, но был отброшен и, отступив обратно к Милаццо, занял южную равнину, подвергая ее опустошению. Необходимо было покончить с этой неприятельской частью, единственной еще удерживавшей эти места.

Извещенный генералом Медичи о передвижении и силах неприятеля, я использовал прибытие в Палермо полковника Корте с двумя тысячами человек. Не разрешая им высадиться, я велел им частично погрузиться на пароход «Сити оф Эбер дин», на который сел и я. На следующий день мы прибыли в Патти. Соединившись с генералам Медичи и Козенцом, к которым еще не примкнула бригада, шедшая по берегу, мы приняли решение атаковать бурбонцев на заре следующего дня после моего прибытия.

Глава 10
Битва при Милаццо

Только злоба и ложь могут утверждать, что победа свободных итальянцев над отрядами бурбонцев в 1860 г. далась легко. Я видел немало сражений в своей жизни, но должен сказать, что битвы при Калатафими, Палермо, Милаццо и Вольтурно делают честь принимавшим в них участие офицерам и солдатам. Когда из пяти-шести тысяч наших людей, которые сражались под Милаццо, почти тысяча выбыла из строя — это доказательство, что победа оказалась не из легких.

Как мы уже упоминали, генерал Медичи со своей дивизией двигался к северному побережью Сицилии в направлении к Мессинскому проливу, а бурбонский генерал Боско с отборнейшим корпусом, превосходящим нас численностью, перехватил главную дорогу на Мессину, опираясь на крепость и город Милаццо. Уже ранее происходили незначительные стычки между нашими отрядами и вражескими, и наши, как всегда, показали свое мужество, хотя имели дело с отличными стрелками Боско, вооруженными превосходными карабинами. Поскольку уже подошли две тысячи человек Корте и вот-вот должен был прибыть отряд Козенца, было принято решение атаковать врага.

Раннее утро 20 июля застало сынов свободной Италии сражающимися с бурбонцами к югу от Милаццо, причем на стороне наймитов были все преимущества, ибо они занимали выгодные позиции. Враг, хорошо знакомый с местностью, весьма умело воспользовался всеми ее естественными и искусственными преградами. Его правое крыло, шеренгами стоявшее перед грозной крепостью Милаццо, было защищено тяжелой артиллерией, а с фронта — прикрыто насаждениями кактуса, образовавшими неплохие траншеи, из-за которых стрелки Боско, пользуясь своими прекрасными карабинами, могли бить по нашим плохо вооруженным солдатам. Центр бурбонской армии и резерв находились на прибрежной дороге, ведущей к Милаццо. Их фронт был защищен сильнейшей каменной стеной со множеством бойниц. Стена была скрыта густейшим тростником, что делало невозможной фронтальную атаку. Таким образом хорошо защищенный, превосходно вооруженный враг мог прекрасно наблюдать и обстреливать наших бедных солдат, лишь слегка прикрытых этим самым тростником. Левое крыло врага заняло дома, примыкавшие к восточной части Милаццо, и потому могло открыть убийственный огонь по нападающим на центр.

Главной причиной наших значительных потерь было незнание местности, на которой мы сражались. Мы могли бы избежать многих потерь, понесенных при нападении на вражеский центр. Моей первой мыслью было атаковать врага еще до наступления дня. Сильной колонной прорвать центр с тем, чтобы разъединить вражескую армию, отколоть левый фланг, по возможности взять его в плен и таким образом легко нейтрализовать его превосходство в артиллерии и кавалерии. Однако такой план было трудно привести в исполнение, так как мы слишком поздно начали собирать наши отряды, разбросанные на разных позициях и было уже совсем светло, когда разгорелось генеральное сражение. Поскольку моей главной задачей было запереть центр и правое крыло врага в Милаццо, где такое количество людей и гарнизон не могли бы долго продержаться, я приказал направить большую часть наших боевых сил на центр и левый фланг противника, где произошла жесточайшая атака. Так как поле битвы было сплошной равниной, покрытой деревьями, виноградниками и тростником, трудно было обнаружить неприятельские позиции. Напрасно я влезал на крыши домов, чтобы что-нибудь разглядеть; напрасно я приказал обстреливать дорогу, чтобы обнаружить неприятеля. Результатом нашего обстрела центра было много убитых и раненых. Наше бедное молодое войско было отброшено, не обнаружив даже врага, который обстреливал нас из бойниц, будучи защищенным стеной.

Такой неравный и ожесточенный бой длился до после полудня. К этому времени наше левое крыло отступило на несколько миль, оставаясь без прикрытия. Наше правое крыло и центр, соединившись вместе против общей опасности, еще держались, но с большим трудом и значительными потерями.

Однако мы должны были победить! Столь сильным было всеобщее воодушевление в этом, достойном удивления, походе, что, терпя поражение в течение большей части дня в ожесточеннейших схватках при Милаццо и у Вольтурно, мы затем, благодаря стойкости и уверенности в успехе, в конце концов разбивали наголову превосходящего нас во всех отношениях врага. Пусть эти «легкие победы» послужат примером нашим сыновьям, которым после нас придется защищать честь Италии на полях сражений. Мы должны были победить! Наши потери здесь были больше, чем во всех других битвах в южной Италии. Люди устали. Враг, в сравнении с нами, почти не понес потерь. Его солдаты были бодры, силы их не иссякли, их позиции были крепкими. И все же мы должны были победить!

Да, итальянцы должны победить, пока под чужеземным игом находится, хоть и маленькая, часть той земли, что дала жизнь Бронцетти[327] и Монти[328].

Как я уже сказал, весь ход битвы до полудня был во всех отношениях выгодным для врага. Наши доблестные бойцы не только не продвинулись ни на одну пядь, но потеряли свою территорию, особенно на левом крыле. «Постарайся продержаться сколько можешь, — сказал я генералу Медичи, командующему центром. — Я соберу несколько частей и попытаюсь атаковать левый фланг врага». Это решение определило исход дня.

Враг, атакованный по флангу, под прикрытием начал отступать. Теперь мы могли открыто его обстреливать и нам удалось отбить пушку, которая наносила нам большой урон, стреляя картечью, рикошетом вдоль дороги. Однако неприятельский эскадрон кавалерии, служивший прикрытием отвоеванной нами пушки, блестяще провел атаку и отбросил нас на некоторое расстояние. Я сам был настигнут вражескими всадниками и мне пришлось спасаться в канаве на краю дороги, где я защищался с саблей в руках. Но это длилось недолго. Полковник Миссори, смелый как всегда, появился во главе нескольких наших отрядов, отбивших только что пушку, и при помощи револьвера освободил меня от вражеских кавалеристов. В вышеуказанной операции участвовали: отряд Бронцетти и сицилийцы новой вербовки под командой храброго Дюнне. Остальных не помню. Атакованный этими смельчаками, неприятель наконец отступил и спешно отошел к Милаццо,

энергично теснимый всей нашей наступающей линией.

Победа была полной. Напрасно тяжелая артиллерия прикрывала отход бурбонцев. Наши воины, несмотря на ураганный артиллерийский и ружейный огонь, атаковали Милаццо и еще до наступления ночи стали хозяевами города, окружив со всех сторон форт и соорудив баррикады на тех улицах, которым угрожал обстрел из крепости.

Триумф при Милаццо был куплен дорогой ценой. Число наших убитых и раненых значительно превышало потери врага. И тут опять к месту вспомнить о том из рук вон плохом оружии, с которым должны были сражаться наши бедняги волонтеры[329]. Эта битва была, если и не из самых блестящих, то из самых кровавых. В течение многих часов бурбонцы стойко сражались и держали свои позиции. Так или иначе, участь Бурбона была решена. Результаты нашей победы были просто удивительны. Враг, запертый в Милаццо, отступил к цитадели, где стесненный баррикадами, сооруженными нами, и недостатком места для такого количества людей, вынужден был капитулировать 23 июля 1860 г., сдав нам крепость и множество мулов для перевозки пушек. Овладев Милаццо и всем островом, за исключением крепостей Мессины, Агосты и Сиракуз, мы быстро двинули наши силы к проливу. Генерал Медичи без сопротивления занял Мессину. Мы укрепили мыс Фаро и наши пароходы могли беспрепятственно плавать из Палермо к занятым нами береговым позициям. Со времени занятия Палермо мы завладели некоторыми пароходами торгового флота, а когда взяли «Велоче»[330] — военный корабль бурбонцев под началом храброго командира Ангуиссола — у нас уже образовался маленький флот, который отлично служил нам в дальнейшем. Итак, мы завладели проливом от Фаро до города Мессина.

Колонны Биксио и Эбера[331] присоединились к нам на дорогах Джирдженти и Кальтаниссетты; так была сформирована четвертая дивизия Козенца. Таким образам мы очутились с крупными силами, которые мы хорошо использовали, о чем пойдет речь ниже.

Глава 11
В Мессинском проливе

Мы достигли пролива и надо было его пересечь. Сицилия, включенная в большую семью итальянских государств, была конечно прекраснейшим приобретением.

Ну, а что дальше? Неужели в угоду дипломатии мы должны оставить нашу родину необъединенной и искалеченной? А

Калабрия и Неаполь, которые ждали нас с распростертыми объятиями? А остальная часть Италии, которая все еще пребывает в рабстве у чужеземца или священника? Необходимо было, вопреки архибдительности Бурбонов и их приспешников, перейти пролив. В один прекрасный день при помощи нашего сторонника калабрийца нам удалось войти в сношения с некоторыми гарнизонными офицерами крепости Альта Фиумара, одного из важнейших пунктов на восточном берегу пролива. Я приказал полковникам Миссори и Муссолино с отрядом в двести человек пересечь ночью пролив и попытаться овладеть крепостью. Однако, то ли из-за робости вожаков или по какой-либо другой причине, попытка эта потерпела неудачу. При высадке солдаты столкнулись с вражеским патрулем, который разбили, но часовые подняли тревогу, так что наши вынуждены были бежать в горы. Прелюдия к переправе оказалась малоудачной и нам пришлось отказаться от мысли перейти пролив у Фаро и осуществить переход в другом месте.

В эти дни из Генуи прибыл Бертани и сообщил, что у залива Аранчи на восточном берегу Сардинии должны собраться около пяти тысяч человек, набранных им и отправленных туда еще до его отъезда из Генуи. План организации войска у Аранчи исходил от Мадзини, Бертани, Никотера[332]и других руководителей, которые, не возражая против наших операций в южной Италии, настаивали на вторжении в Папское государство или в Неаполь, а возможно и просто не желали подчиниться диктатуре[333]. Чтобы полностью не сорвать стратегический план этих господ, мне пришла мысль самому добраться до Сардинии и с пятью тысячами, о которых говорил Бертани, попытаться захватить Неаполь. Итак, я сел вместе с Бертани на корабль «Вашингтон» и отплыл к заливу Аранчи. В порту мы застали только часть экспедиции, так как большинство было уже на пути в Палермо. Это обстоятельство заставило меня отказаться от плана идти на Неаполь. Для удобства мы погрузили часть людей на «Вашингтон» и отправились к Маддалена, чтобы запастись углем и затем — дальше: в Кальяри, Палермо, Милаццо и вернулись к мысу Фаро, где генерал Сир-тори уже распорядился, чтобы два наших парохода «Турин» и «Франклин» совершали рейсы вокруг Сицилии от северного до западного и южного побережья, вплоть до восточной конечности острова — Таормина.

Это было разумное и удачное решение. Оба названных парохода прибыли в Джиардини, порт Таормина, погрузили дивизию Биксио и благополучно высадили ее на калабрийскую землю в Мелито. Так как оба парохода с дивизией Бертани должны были отплыть из Джиардини как раз в день моего

прибытия в Фаро, я отправился в Мессину, взял там коляску и прибыл вовремя, чтобы сесть на борт «Франклина» и отбыть в Калабрию. Здесь я хочу рассказать о любопытном случае, происшедшем в Джиардини перед нашим отъездом в Калабрию. Когда я прибыл на восточное побережье Сицилии, то застал там генерала Биксио, занятого погрузкой части своих солдат и бригады Эберарда[334] на пароходы «Турин» и «Франклин». Великолепный «Турин» имел уже много людей на борту и был в блестящем состоянии. «Франклину» же, наоборот, грозила опасность пойти ко дну, он был почти весь наполнен водой и механик заявил, что пароход в таком состоянии отплыть не может. Биксио был очень раздосадован и решил отправиться с пароходом «Турин». Но я, находясь на «Франклине», приказал своим офицерам броситься в море, нырнуть и посмотреть, нет ли в пароходе «фаллы»[335], а тем временем послал на берег за навозом, чтобы заделать пробоину[336]. Таким образом нам удалось до некоторой степени остановить течь, умилостивить механика, и так как все знали, что я сам поеду на «Франклине», то и начали грузить остаток войска на пароход. Около 10 часов вечера мы взяли курс на калабрийское побережье и счастливо туда добрались.

Глава 12
На Неаполитанском континенте

Приблизительно в конце августа в один прекрасный день мы пристали к побережью Мелито. На рассвете все войско с оружием и поклажей было на берегу. Если бы «Турин» не сел на мель, с которой, несмотря на все усилия «Франклина», сдвинуть его не удалось, мы могли бы в тот же день двинуться на Реджо. В три часа пополудни появились три бурбонских парохода во главе с «Фульминанте» и начали обстрел нашего войска, пароходов и вообще всего вокруг. Они пытались увезти с собой «Турин», но так как это им не удалось, они подожгли его. «Франклин» уже отбыл и таким образом спасся.

На другой день после высадки, около 3 часов утра, мы двинулись в сторону Реджо. Мы прошли по большой дороге мимо мыса Арми и расположились на отдых неподалеку от деревни, находящейся между этим мысом и своей прекрасной сестрой Мессиной. Неприятельская эскадра следила за нашими передвижениями. К вечеру мы возобновили наш поход на Реджо. Подойдя на известное расстояние к городу, мы свернули направо и пошли по отдаленным тропам, чтобы избежать неприятельских форпостов, поджидавших нас на большой дороге. Полковник

Антонио Плутино и другие патриоты из Реджо шли с нами, так что нас вели превосходные проводники. Ночью мы несколько раз останавливались, чтобы собрать отряды и дать людям передохнуть. Утром 2 сентября мы атаковали Реджо.

Глава 13
Штурм Реджо

Штурм Реджо начался с холмов, т. е. с востока. Нас с этой стороны не ожидали и сопротивление было слабым. Бурбонские отряды заперлись в фортах, после того, как обстреляли нас и ранили генерала Биксио, полковника Плутино и много других офицеров и бойцов. Неприятельские форпосты были нами отрезаны и солдаты частично взяты в плен. В эту ночь произошел один из тех случаев, которые могут послужить уроком и которых надо тщательно избегать. Я всегда твердил и предупреждал: во время ночных операций не стрелять и в эту ночь тоже без конца это повторял как во время нашего похода, так еще и до него. Но несмотря на мои предостережения, в момент, когда мои юные соратники собрались на площади в Реджо, загнав противника в форты, раздался, возможно, случайный выстрел, не то из рядов колонны, не то из какого-то окна, и примерно две тысячи человек бойцов открыли огонь, не видя ни одного неприятеля. Я был на лошади в середине квадрата, где шла стрельба, — диспозиция людей была квадратом, как и сама площадь, — и бросился вперед, отделавшись к счастью лишь простреленной шляпой.

Не в первый раз вижу я такое смятение, действительно постыдное для бойцов, которые с мужеством должны всегда соединять хладнокровие; если такое смятение не сопровождается бегством, оно поправимо, как и произошло в данном случае. Но если паника вызывает бегство, а порой даже у некоторых трусов чувство — «спасайся кто может», то тогда это уже становится позорнейшим поступком и заслуживает не расстрела, а хорошей дубинки и головомойки! «Кавалерия! Кавалерия!» — не раз слышал я, как кричал какой-нибудь каналья. Такой крик вызывает бегство не только юных, еще неопытных бойцов, но и закаленных в боях. И люди, с которыми случаются такие постыдные вещи, конечно, предпочитают, чтобы их трусость прикрывал мрак ночи, ибо произойди это днем — даже обитатели домов терпимости и те будут презрительно поднимать их на смех и издеваться. Но до чего ж они глупы! Если бы это поистине была кавалерия, которая обычно не вызывает паники, происходящей почти всегда из-за всякой ерунды, разве не лучше выло бы встретить ее штыком винтовки, а не повернуться к ней спиной, ибо кавалерия

действительно страшна для тех, кто опасается бегством. Эскадрон кавалерии, двадцать конных на площадях и улицах города могут рассеять многие тысячи. Но пехотинец с ружьем на площади, на улице, у двери, или за колонной может прогнать любого всадника, если почему-либо не захочет его уничтожить. Во всяком случае паника, которой главным образом подвержены южане, позорна для всякого военного звания, и единственное средство против нее — позаботиться, чтобы такие бойцы не прибегали к оружию, т. е. мало стреляли днем, а еще меньше ночью.

Овладев городом на рассвете, я сказал генералу Биксио: «Я поднимусь на высоту, чтобы осмотреть местность, а вас оставлю здесь». Я преследовал при этом двойную цель. Во-первых, проверить, нет ли по ту сторону Реджо неприятельских сил; во-вторых, поглядеть, не приближается ли оставшаяся позади колонна Эберарда, которая должна была появиться рано утром. Едва я взобрался на высоту, поднимающуюся над Реджо, как увидел неприятельскую колонну примерно в две тысячи человек, идущую с запада по направлению к тому холму, на котором я находился. Выезжая из Реджо, я взял с собой небольшой отряд пехоты; со мной были также три моих адъютанта: Бецци, Бассо и Канцио. В этот день силы каждого из нас должны были возрасти во много раз ввиду нашей малочисленности по сравнению с врагом.

Я расположил свои небольшие силы на самой высшей точке холма, где находился дом одного крестьянина, которого я попросил удалиться, предвидя бой. Мое предвидение оправдалось: колонна генерала Гио, главнокомандующего военными силами Реджо, действительно наступала и находилась уже поблизости от нас. Я привел мой отряд в оборонительное состояние и послал за подкреплением в город. Положение становилось критическим. Враги были многочисленны, нас же было мало. Если бы бурбонцы, вместо своего излюбленного метода палить при наступлении, сразу же атаковали мой маленький отряд, он не смог бы оказать сопротивления и исход сражения был бы сомнителен. Ведь город Реджо расположен на берегу моря, со всех сторон, кроме пролива, над ним возвышаются холмы Поскольку враг овладел этими господствующими высотами, да к тому же в его распоряжении были и форты, дело могло принять плохой оборот для нас. Но и на этот раз победа нам улыбнулась. Вскоре нам на помощь подоспело подкрепление, посланное генералом Биксио, и мы смогли утвердиться на занятых ранее позициях. Теперь мы очутились в достаточном количестве и ринулись на врага, который покинул поле боя и отступил к северу.

Адольфо Луиджи Биффи — самый юный гарибальдиец (13 лет) среди убитых у Калатафими. Портрет из кн.: Le 180 biografia dei bergamaschi dei Mille, a cura di Agazzi. Bergamo, 1960

Баррикадные бои на улицах Палермо. Картина неизвестного художника того времени.

Результаты боев под Реджо имели величайшее значение. Форты вскоре сдались без всякого сопротивления. Мы завладели колоссальными военными запасами, провиантом и чрезвычайно важной базой для наземных операций. На другое утро мы преследовали корпус Гио, который через день сдался, оставив в наших руках много мелкого оружия и несколько полевых батарей. Затем сдались все форты, господствующие над Мессинским проливом, включая Шилла, близ которого высадилась дивизия Козенца и в соединении с дивизией Биксио способствовала капитуляции Гио.

Здесь я должен упомянуть о тяжелой потере для мировой демократии. Дефлотт[337], народный трибун Парижа во времена Республики, изгнанный Бонапартом, в Сицилии присоединился к «Тысяче» и пересек пролив вместе с дивизией Козенца. Бурбонцы при известии о высадке этой дивизии бросились к берегу, чтобы ее атаковать, но ограничились тем, что досаждали ей бесконечными стычками. В одной из таких стычек Дефлотт дрался с изумительной отвагой и был смертельно ранен вражеской пулей.

Наш поход через Калабрию был поистине блестящим триумфальным шествием. Мы шли меж рядов воинственных, воодушевленных жителей. Большинство из них уже подняли оружие против ига Бурбонов. В Соверия сложила оружие дивизия Виала — примерно восемь тысяч человек, — передав нам огромное количество военного снаряжения: пушки, карабины и боеприпасы. Бригада Кальдарелли сдалась Козенцу вместе с калабрийской колонной Морелли. Наконец, после ускоренного марша в течение нескольких дней, из Реджо в Неаполь, обогнав наши колонны, которые не могли поспеть за мной, хоть и шли форсированным маршем, я добрался до прекрасной Партенопеи[338].

Глава 14
Вступление в Неаполь, 7 сентября 1860 г.

Вступление в эту великую столицу казалось скорее чудом, чем реальностью. В сопровождении нескольких адъютантов я

прошел мимо рядов бурбонских войск, еще владевших городом, взявших при моем появлении «на караул» с большим, несомненно, уважением, нежели они это делали тогда перед своими генералами.

7 сентября 1860 года! Кто из сынов Партенопеи не вспомнит об этом славном дне? 7 сентября пала ненавистная династия, которую великий государственный деятель Англии назвал «божьим проклятием», и на обломках ее трона возник суверенитет народа, который по злому року обычно длится недолго. 7 сентября сын народа[339] в сопровождении своих друзей, именуемых адъютантами[340], вступил в гордую столицу «огненного всадника»[341], приветствуемый полмиллионом жителей. Их пылкая и непреклонная воля парализовала целое войско, толкнула на уничтожение тирании, на утверждение своих законных прав. Их грозный голос смог бы укротить ненасытных и наглых правителей по всей Италии и повергнуть их я прах, а гневное восстание заставило бы всю Италию пойти по пути, который указывает ей долг.

Так восторг и внушающее уважение поведение великого народа 7 сентября 1860 г. обезвредило бурбонскую армию, владевшую еще фортами и решающими позициями в городе, откуда она смогла бы подвергнуть разрушению весь город. Я вошел в Неаполь, когда вся южная армия находилась еще далеко от Мессинского пролива, куда она направлялась. Неаполитанский король накануне покинул свой дворец и отступил в Капую. Монархическое гнездо, еще теплое, было занято освободителями народа, и грубые сапоги пролетариев топтали роскошные королевские ковры.

Это — пример, который должен кое-чему научить и правителей, лицемерно именующих себя защитниками народа. Пусть подумают, как улучшить человеческое существование, а не служат эгоизму, высокомерию, упрямству привилегированных классов, которые не исправляются даже тогда, когда доведенный до отчаяния народ, подобно льву, рычит у их дверей и готов смести их с дикой яростью, вполне оправданной, ибо это следствие той ненависти, что посеяли сами тираны.

Битва при Милаццо. Иллюстрация из кн.: G. Sarcedote. La vita di Giuseppe Garibaldi.

Milano, 1933

В Неаполе, как и повсюду вдоль Мессинского пролива, население было охвачено воодушевлением и высоким чувством патриотизма и его благородное поведение не в малой степени содействовало нашим блестящим успехам. Другим весьма благоприятным обстоятельством для национального дела было молчаливое одобрение военного бурбонского флота, который мог бы задержать наше продвижение, если бы полностью к нам враждебно относился. Действительно, наши пароходы совершенно свободно перевозили части южного войска и беспрепятственно двигались вдоль всего неаполитанского побережья, что было бы невозможно при абсолютной враждебности неприятельского флота.

Сторонники Кавура[342] действовали в Неаполе еще усиленнее, чем в Палермо, и ставили на нашем пути немало препятствий. Как только распространилась весть о вступлении пьемонтских войск в Папское государство, они стали вести себя самым вызывающим образом. Эта партия, опирающаяся на коррупцию, всячески старалась вредить нам. Сначала она льстила себя надеждой удержать нас по ту сторону пролива и ограничить нашу кампанию одной Сицилией. В этих целях она призвала на

помощь своего великодушного хозяина[343], и французское военное судно уже появилось в Фаро. Однако здесь нам было на руку вето лорда Джона Расселла[344], который именем Альбиона заставил государя Франции не вмешиваться в наши дела. Меня больше всего задело в махинациях этой партии то, что следы ее влияния я заметил у некоторых дорогих мне людей, никогда раньше не вызывавших у меня сомнений[345]. Неподкупные люди подпали под власть лицемерного, но ужасного предлога, пресловутой необходимости! Необходимости быть трусами! Необходимости валяться в грязи перед призраком эфемерной власти и не чувствовать, не понимать огромного, мощного желания народа, который любой ценой хочет стать нацией и готов для этого уничтожить это подобие вредных насекомых и отправить их в навозные кучи, откуда они появились.

Эта партия, состоящая из подкупленных газет, жирных проконсулов и всякого рода паразитов, готовых подхалимничать и идти на любые мерзости, чтобы ублажить того, кто им платит, и предать своего господина, если тому грозит беда; эта партия, говорю я, напоминает мне червей на трупе; их количество знаменует степень разложения! Вы можете судить об испорченности народа по численности этих червей!

Сколько мне пришлось терпеть унижений от этих господ, которые после наших побед разыгрывали покровителей и не постеснялись бы лягнуть нас, как Франческо II[346], если бы мы были разбиты; эти унижения я, разумеется, не стал бы терпеть, если бы речь шла не о святом деле Италии. Вот, кстати, пример: ко мне прибыли два пьемонтских отряда, которых я и не просил. Их подлинной целью было не дать улизнуть из Партенопеи богатой добыче и оберегать ее под предлогом предоставить в мое распоряжение, если я потребую. Я так и сделал, но мне заявили, что необходимо согласие посла[347]. Когда я обратился к последнему, он мне ответил, что для этого надо получить разрешение из Турина!..

Мои храбрые товарищи сражались и победили у Вольтурно[348] без помощи хотя бы одного-единственного солдата из регулярной армии и лишенные даже контингентов, которых благородная молодежь со всей Италии хотела направить ко мне, а Кавур и Фарини всячески задерживали или интернировали.

Немногие дни, проведенные в Неаполе после радушного приема, оказанного нам благородными жителями, вызывали чувство отвращения из-за происков и стараний прихвостней монархии, которые в конце концов лишь жрецы своего брюха: безнравственные и смешные людишки, стремившиеся самыми низкими средствами свергнуть этого бедняжку Франческо[349],

виноватого лишь в том, что он родился у подножия трона: свергнуть, чтобы заменить его, и всем хорошо известно каким способом.

Все знают их интриги в связи с попыткой организовать восстание еще до прибытия «Тысячи», чтобы лишить нас заслуги изгнания Бурбонов и приписать ее себе, а потом похваляться перед лицом всей Италии, не приложив к этому никаких усилий. Безусловно все это могло бы произойти, если бы монархия вместе с хорошими окладами вселила бы в своих агентов хоть немного мужества и чуточку меньше любви к собственной персоне. У этих приверженцев Савойской династии не хватало мужества свершить революцию, а так легко было воспользоваться плодами трудов других и присвоить себе заслугу, тем более, что эти люди мастера в такого рода делах. Зато как много у них было мужества, чтобы интриговать, строить козни, подрывать общественный порядок. Не сделав ни шага для успеха славной экспедиции, они теперь, когда все главное было совершено и не стоило большого труда окончательно выполнить задачу, стали повсюду бахвалиться, что были нашими защитниками и союзниками, высадив в Неаполе отряды пьемонтского войска (понятно, для того, чтобы обеспечить себе добычу); они решили проявить свое расположение к нам, послав две роты своего войска через день после битвы на Вольтурно, 20 октября[350].

Всегда черная неблагодарность!

Обсуждали вопрос о свержении одной монархии и замене ее другой, не проявляя никакого желания и уменья улучшить жизнь бедного народа. Надо было видеть, как эти прислужники всяких деспотий пускали в ход свое пагубное влияние, вносили разложение в армию, во флот, в министерства, в придворные круги, прибегая к самым беззастенчивым коварным средствам, чтобы достигнуть своей низкой цели.

Да, было противно это лавирование всех сателлитов, ставших союзниками неаполитанского короля, дававших ему советы, старавшихся уговорить его на «братские» переговоры и окружавших его предательством и кознями. Не дрожи они так за свою мерзкую шкуру, они могли бы в глазах Италии стать освободителями страны. Как хорошо, что им удалось утереть нос «Тысяче», а заодно — и всей итальянской демократии — думали они. Да, хватать лучшие куски очень любят эти освободители Италии в богатых ливреях.

Вполне понятно, что и в Палермо сеяли смуту сторонники Кавура, возбуждая у населения недоверие к «Тысяче» и настаивая на немедленном присоединении[351]. Они вынудили меня покинуть армию у Вольтурно накануне битвы и поспешить в

Палермо, чтобы успокоить славных жителей, возбужденных ими. Мое отсутствие принесло Южной армии поражение при Каяццо — единственное в этом славном походе.

Глава 15
Прелюдия к битве на Вольтурно, 1 октября 1860 г.

Вынужденный покинуть армию на реке Вольтурно и отправиться в Палермо, я дал указание генералу Сиртори, достойному начальнику генштаба, бросить наши части на коммуникации неприятеля. Это было исполнено. Но, по-видимому, Сиртори решил пойти на более серьезный шаг, будучи уверен, что успехи, достигнутые нашими отважными солдатами в предыдущих битвах, позволяют столь же успешно выполнить любое задание. Поэтому он решил занять Каяццо — деревню к востоку от Капуи на правом берегу Вольтурно. Но эта легко обороняемая позиция находилась, однако, всего в нескольких милях от главных сил бурбонской армии, расположенной к востоку от Капуи, насчитывавшей примерно 40 000 человек и с каждым днем все усиливающейся. Чтобы отвлечь внимание противника от нашей основной цели — занятия Каяццо, — была предпринята демонстрация на левом берегу Вольтурно, стоившая нам потери отличных бойцов, сраженных пулями из превосходных бурбонских карабинов, ибо наши находились на незащищенных позициях. 19 сентября произошло сражение: Каяццо было взято. Вернувшись в этот же день из Палермо, я стал свидетелем прискорбного зрелища: наши бойцы, жертвуя собой, порывисто ринулись, как это было в обычае у волонтеров, к берегу реки, но, не найдя там укрытия от сыпавшихся градом неприятельских пуль, вынуждены были повернуть и в беспорядке отступать под пулями, разившими их в спину. Таков был итог этой демонстрации на реке, чтобы отвлечь внимание неприятеля и облегчить занятие Каяццо. Но уже на следующий день превосходящие бурбонские силы атаковали Каяццо и наши немногочисленные части вынуждены были эвакуироваться и поспешно отступить к Вольтурно, потеряв при этом немало бойцов, павших под вражескими пулями или утонувших при переходе реки. Пожалуй, операция Каяццо была более чем простая опрометчивость — это отсутствие у командующего нужной военной смекалки.

Среди выбывших у нас из строя были: отважный полковник Тита Каттабене, тяжело раненный и взятый в плен, и доблестный Бови, сын майора Паоло Бови, тоже раненым попавший в плен, а

имена других я запамятовал. Итак, злосчастная операция Каяццо — новая Изерния[352], оживление и все возраставшие в деревнях к северу от Вольтурно происки гидры духовенства, чему очень способствовали концентрация и усиление бурбонских войск у Капуи; наконец, интриги сторонников Кавура, всячески старавшихся нас дискредитировать, — все это вместе взятое в какой-то мере деморализовало наших бойцов и подняло дух бурбонских частей. Для неприятеля все это было счастливой прелюдией к задуманному генеральному сражению, последовавшему вскоре — 1 и 2 октября.

Бурбонская армия, обессиленная большими потерями в Сицилии, Неаполе и Калабрии, отступила за Вольтурно и сосредоточилась в Капуе, которую она сильно укрепила и снабдила всем необходимым. Передовые колонны нашей Южной армии, едва подойдя к Неаполю, были направлены в Авеллино и Ариано для подавления реакционных восстаний, поднятых священниками и бурбонцами. Миссия эта была возложена на генерала Тюрра, и он ее блестяще выполнил. Покончив с волнениями в Авеллино, Тюрр получил новый приказ — занять своей дивизией Казерту и Санта-Мария. Другие наши отряды по мере вступления в Неаполь и после непродолжительного пребывания в столице, также направлялись в сторону Казерты и Санта-Мария. Дивизия Биксио заняла Маддалони, прикрывая главную дорогу в Кампобассо и Абруццы и образуя правый фланг нашей маленькой армии. Дивизия Медичи заняла гору Сант-Анджело, господствующую над Капуей и Вольтурно, и получила потом подкрепление, состоявшее из вновь организованных отрядов под командой генерала Авеццана. Одна из бригад дивизии Медичи под командой генерала Сакки заняла северный склон горы Тифате[353], обращенный к Вольтурно. Все эти боевые силы образовали центр нашей армии. Дивизия Тюрра заняла Санта-Мария, образовав наш левый фланг. Наконец резервы под командой начальника генштаба, генерала Сиртори, разместились в Казерте.

Глава 16
Битва при Вольтурно

1 октября утренняя заря осветила на равнинах древней столицы Кампаньи жестокую схватку, братоубийственную бойню. На стороне бурбонских войск находились, правда, многочисленные чужеземные наемники: баварцы, швейцарцы и другие, привыкшие в течение многих столетий рассматривать нашу Италию как место для отдыха и разврата. А это отребье,

благословляемое священниками и под их руководством, грабило предпочтительно итальянцев, которых наши пастыри приучили стоять на коленях. Но к великому сожалению, большинство сражавшихся у подножья Гифате, подстрекаемое к взаимному убийству, состояло из сыновей несчастной земли. Только одних вел молодой король — отродье преступника[354] а другие защищали святое дело своей родины. Со времен Ганнибала, победителя гордых легионов, до наших дней равнины Кампаньи не видели битвы более ожесточенной. И долго еще будет поселянин, взрыхляющий своим плугом плодородную землю, задевать кости, рассеянные там человеческой враждой.

Вернувшись из Палермо и обходя ежедневно наши позиции, господствующие над Сант-Анджело (откуда был ясно виден вражеский лагерь, расположенный к востоку от города Капуи и на правом берегу Вольтурно), я понял, что неприятель готовится к решительной битве. Увеличив насколько возможно численность своих войск, ободренные частичным успехом, враги готовились перейти в наступление.

Со своей стороны мы предприняли кое-какие оборонительные меры которые очень пригодились у Маддалони, на Сант-Анджело и особенно у Санта-Мария, где это было крайне необходимо, так как наши позиции находились на открытой равнине, лишенной естественной защиты. Наша боевая линия имела свои недостатки, она была слишком растянута — от Маддалони до Санта-Мария.

В Капуе были сосредоточены главные вражеские силы, образовавшие центр его армии. Оттуда неприятель мог в любой час ночи двинуться на наш левый фланг, отстоящий от города всего на 3 мили, и опрокинуть его прежде, чем наши другие части или резервы успели бы подойти на помощь. Сант-Анджело, центр нашей боевой линии, был естественной укрепленной позицией, но нам нужно было располагать гораздо большим временем и большим числом людей, чтобы соорудить оборонительные укрепления, удержать эту обширную площадь; но над Сант-Анджело возвышается высочайшая гора Тифате, господствующая над всей местностью, и, окажись она в руках неприятеля, нам пришлось бы туго. Важнейшие позиции у Маддалони должна была удерживать дивизия Биксио, иначе враг, перейдя Вольтурно в верховьях и направившись с большими силами по дороге Маддалони — Неаполь, через несколько часов очутился бы уже в столице, оставив нас у Капуи в низовьях Вольтурно.

Резервы оставались в Казерте; они, конечно, были немногочисленны, если учесть, что нам приходилось занимать столь растянутую линию фронта. Вдобавок нам пришлось выделить отряды для постоянной связи между воинскими

частями, расположенными между Сант-Анджело и Казертой, а также на Вольтурно и Сан-Леучио, чтобы помешать неприятелю вклиниться в наши фланги. Самой уязвимой была наша позиция у Санта-Мария, находящаяся на равнине, с немногими оборонными укреплениями, сооруженными нами в несколько дней. Они были легко доступны для многочисленной неприятельской кавалерии, а также артиллерии, более многочисленной и лучше оснащенной, чем наша.

Мы заняли Санта-Мария из уважения к ее славному населению, проявившему некоторые либеральные устремления при отступлении бурбонцев, а теперь трепетавшему при мысли увидеть вновь своих старых властелинов.

Наши силы у Санта-Мария, находящиеся в качестве резерва для высоты Сант-Анджело и подножия Тифате, могли бы значительно укрепить всю нашу линию. Заняв Санта-Мария, надлежало занять и расположенный слева от этих позиций Сан-Таммаро и держать отряд на дороге из Санта-Мария в Сант-Анджело, чтобы обеспечить связь между этими двумя пунктами. Все это составляло слабую сторону нашего положения; я советую моим молодым соратникам на случай, если они попадут в такое же положение, не рисковать безопасностью армии, когда под угрозой находится территория, население которой может быть увезено в надежное место. Это сознание слабости наших позиций и приготовление к неминуемой битве с более многочисленной и во всех отношениях лучше оснащенной армии, чем наша, меня крайне беспокоило.

1 октября в 3 часа утра с частью моего штаба я выехал поездом из Казерты, где находилась моя главная ставка, и еще до рассвета прибыл в Санта-Мария. Не успел я сесть в коляску, чтобы отправиться в Сант-Анджело, как на нашем левом фланге раздалась стрельба. Генерал Мильбитц, командующий здешними силами, подошел ко мне и сказал: «Нас атакуют у Сан-Таммаро, пойду-ка разузнаю, что там происходит». Я приказал вовсю гнать лошадей. Грохот пальбы все усиливался и постепенно распространился по всему фронту до Сант-Анджело. Когда забрезжил рассвет, я очутился на том месте дороги, где слева находились наши силы, у Сант-Анджело. Бой был в разгаре, и меня осыпал град неприятельских пуль. Мой кучер был убит, коляска изрешечена пулями, а я и мои адъютанты должны были, выйдя из коляски с саблями наголо, прокладывать себе дорогу. Вскоре я очутился среди генуэзцев майора Мосто и ломбардцев капитана Симонетта: теперь нам не нужно было больше самим защищаться. Увидев нас в опасности, эти доблестные бойцы с такой яростью напали на бурбонцев, что отбросили их на

значительное расстояние и освободили нам дорогу к Сант-Анджело. Проникновение неприятеля в наши боевые линии и в наш тыл, да еще ночью, — операция, выполненная блестяще, — доказывало, как хорошо была ему знакома местность.

Среди путей, ведущих с вершин Тифате и Сант-Анджело в Капую, имеются различные дороги, врезавшиеся на глубину многих метров в почву, образованную вулканической лавой. Вероятно, в древние времена эти дороги были проложены как стратегические коммуникации на поле сражения. Дождевые воды, стекавшие с окрестных гор, несомненно, способствовали еще большему углублению почвы. Дело в том, что в таких проходах могут совершенно незаметно передвигаться боевые силы всех трех видов оружия. В своем тщательно разработанном плане битвы бурбонские генералы очень умело воспользовались этими переходами и провели через них, в тылу наших позиций, несколько батальонов, заняв ночью грозные высоты Тифате.

Вырвавшись наконец из свалки, в которую попал, я отправился со своими адъютантами в Сант-Анджело, так как полагал, что враг находится только на нашем левом фланге. Но двигаясь к высотам, я вскоре убедился, что неприятель завладел ими и находится у нас в тылу. Это были, несомненно, те самые бурбонские батальоны, которые ночью прошли через упомянутые переходы, перерезав наши боевые линии, и заняли позиции на высотах у нас в тылу.

Не теряя времени, я собрал всех, кто оказался у меня под рукой, и, двигаясь по дорогам, ведущим в горы, попытался обойти неприятеля. Одновременно я послал роту миланцев занять вершину Тифате или Сан-Никола, господствующую над всей холмистой цепью Сант-Анджело.

Эта рота вместе с двумя другими ротами бригады Сакки, мною затребованными и вовремя прибывшими на поле боя, остановили врага, который рассеялся; мы захватили немало пленных. Теперь я мог взобраться на гору Сант-Анджело, откуда увидел, что битва разгоралась по всей линии с переменным успехом: она то складывалась благоприятно для нас, то наши отступали под натиском неприятельских войск.

Находясь на протяжении нескольких дней на горе Сант-Анджело, я мог наблюдать за всем неприятельским лагерем и заметил множество признаков предстоящей атаки. Поэтому различные демонстрации врага на нашем правом и левом флангах не ввели меня в заблуждение. Мне стало ясно, что это делается с целью оттянуть наши силы от центра, на который неприятель собирался бросить свои главные силы.

Я оказался прав, ибо 1 октября враг направил против нас все

силы, которые у него оставались в лагере и в крепостях, и, к нашему счастью, одновременно атаковал наши позиции по всей линии. Повсюду, от Маддалони до Санта-Мария, сражение было очень упорным.

В Маддалони, после переменных успехов, генералу Биксио удалось победоносно отразить врага, В Санта-Мария, где был ранен генерал Мильпбитц, неприятель был также отбит, и в обоих пунктах нам достались пушки и пленные.

В Сант-Анджело, после длившейся более шести часов битвы, произошло то же самое; но так как враг располагал здесь очень внушительным войском, то он, имея сильную колонну, удержал коммуникации между этим пунктом и Санта-Мария. Таким образом, чтобы пробраться к затребованным мною у генерала Сиртори резервам, которые должны были по железной дороге прибыть из Казерты в Санта-Мария, мне пришлось обойти дорогу слева, и лишь в два часа пополудни я смог добраться до Санта-Мария. Как раз в этот момент подошли резервные части из Казерты. Я приказал им построиться в колонны и приготовиться к атаке на дороге, ведущей в Сант-Анджело, в авангарде была бригада миланцев, поддержанная бригадой Эберарда, а в резерве находилась бригада Ассанти. Я приказал также быть наготове к атаке храбрым калабрийцам из Паче, которых я обнаружил справа от меня среди кустов. Они умели прекрасно сражаться.

Едва наш головной отряд около 3 часов пополудни показался из густой чащи, скрывающей дорогу по соседству с Санта-Мария, как неприятель заметил нас и стал осыпать гранатами. Это вызвало минутное замешательство в наших рядах, но едва прозвучал сигнал к наступлению, как молодые миланские берсальеры, шедшие впереди, бросились на врага. За цепью миланских берсальеров сразу же последовал другой батальон той же бригады, бесстрашно атаковавший врага без единого выстрела, согласно моему приказу.

Дорога из Санта-Мария в Сант-Анджело и справа от нее дорога из Санта-Мария в Капую, пересекаясь, образуют угол в 40 градусов; таким образом, наша колонна, двигаясь по этой дороге, должна была повернуть влево, где за естественными укрытиями расположилось многочисленное войско противника. Так как миланцы и калабрийцы уже ввязались в бой, я бросил на неприятеля бригаду Эберарда, находившуюся с правой стороны наших сражавшихся частей.

Нужно было видеть это замечательное зрелище! Ветераны Венгрии[355] вместе со своими товарищами из «Тысячи» шли под огнем спокойные, хладнокровные, в образцовом порядке, словно на маневрах. Бригада Ассанти также ринулась вперед, и враг не

замедлил начать отступление к Капуе.

Почти одновременно с атакой этой колонны на вражеский центр справа атаковали дивизии Медичи и Авеццана, а слева — остатки дивизии Тюрра по дороге в Капую. После упорного сопротивления враг был разгромлен по всему фронту и около 5 часов дня под прикрытием пушек, расположенных на городской площади, в беспорядке отступил к Капуе. Примерно в этот же час генерал Биксио известил меня о победе на правом фланге, и я мог телеграфировать в Неаполь: «Победа по всему фронту».

Операция 1 октября у Вольтурно была настоящим генеральным сражением. Я уже упомянул, что наши позиции страдали большими недостатками из-за слишком большой растянутости и нерегулярности частей. Но на наше счастье, план сражения, составленный бурбонскими генералами, также не был без изъянов. Они атаковали нас в лоб, хотя могли прибегнуть к обходному движению и тем свели бы на нет все проделанные нами оборонительные работы и извлекли бы из этого огромную выгоду. Они атаковали нас значительными силами по всему фронту в шести разных пунктах: в Маддалони, Кастель Морроне, Сант-Анджело, Санта-Мария. Сан-Гамроро и Сан-Леучио[356].

Итак, они ударили в лоб и натолкнулись на сильные позиции и воинские части, хорошо подготовившиеся к их встрече. Наоборот, они вполне могли бы предпринять обходное движение, ибо в своих руках они держали инициативу, имея сильную позицию Капуи. Использование кавалерии и мостов через Вольтурно значительно облегчило бы им подобную операцию, которая с наступлением сумерек угрожала бы пяти из вышеперечисленных пунктов. Если бы они в ту ночь перебросили сорок тысяч человек на наш левый фланг у Сан-Таммаро, я вполне уверен, что им удалось бы добраться до Неаполя с малыми потерями. В этом случае, правда, мы не лишились бы нашей Южной армии, но это вызвало бы в наших рядах большое смятение, особенно среди восприимчивого населения Партенопеи.

Другой причиной слабости бурбонской армии была их излюбленная система «стрелять на ходу», что всегда приводило к роковым для них последствиям при схватках с нашими волонтерами, которые побеждали их штыковыми атаками без единого выстрела.

Мне могут возразить, что наша система, может быть, вредна, если противник имеет оружие нового типа, метко стреляющее. Но я все же с полным убеждением утверждаю, что именно при наличии такого оружия наша система еще более необходима.

Предположим, что перед нами открытое поле битвы,

лишенное каких-либо преград. Две цепи берсальеров стоят друг против друга, причем одна, двигаясь, стреляет в другую, которая как вкопанная стоит на месте, отвечая на пальбу противника. По-моему, все преимущества на стороне цепи, стоящей на месте, ибо она может заряжать винтовки и стрелять спокойно, сохраняя хладнокровие и с меньшей затратой сил. Боец может наклонить корпус, чтобы уменьшить площадь для попадания вражеских пуль. Меж тем как двигаясь, боец более возбужден, значит его выстрелы не столь метки, а главное, шагая вперед, он обязательно невольно выставит вперед свое туловище больше, чем это положено.

При современном оружии цепь берсальеров, которая хладнокровно выжидает приближения неприятеля, стреляющего на ходу, несомненно понесет большие потери людьми, но бесспорно, что ни один из вражеских солдат не останется невредимым. Впрочем, мало таких местностей и совсем редки случаи, когда цепь берсальеров, выжидающая приближения противника на заранее приготовленных позициях, не нашла бы возможности для частичного или даже полного укрытия своих бойцов.

В таком случае, при одинаковой численности бойцов с обеих сторон, ни один солдат из наступающей цепи не дойдет целым до цепи, залегшей на позиции. Также не следует атаковать врага на его позициях, или же надо атаковать его вплоть до рукопашного боя, без чего будут лишь большие потери, а цели достигнуто не будет.

Одним из наших огромных преимуществ в сражении у Вольтурно было также искусство наших офицеров. Когда имеешь такую плеяду военачальников, как Авеццана, Медичи, Биксио, Сиртори, Тюрр, Эберард, Сакки, Мильбитц, Симонетта, Миссори, Нулло и другие, то трудно допустить, чтобы победа не увенчала знамя борьбы во имя свободы и справедливости.

Бронцетти у Кастель Морроне, 1 октября 1860 г.

Рядом с бессмертными именами Кайроли, Дебенедетти и многими другими, по которым Италия облачилась в траур, стоит семья Бронцетти, достойная, чтобы ее почтить. Старший брат пал в битве против австрийцев у Сериате; второй принял не менее героическую смерть у Кастель Морроне.

У престарелых родителей остался третий сын, но и он с согласия несравненных стариков готов был в любой момент отдать свою жизнь за Италию. Пусть будущие поколения подражают этим примерам героизма. В то время как на равнинах

Капуи кипела битва, майор Бронцетти во главе примерно двухсот человек отбивал натиск четырех тысяч бурбонцев, несколько раз отражая их атаки на занимаемые его отрядом позиции. Напрасно враг, ошеломленный таким героизмом, вновь и вновь предлагал ему сдаться на любых условиях. Напрасно! Отважный ломбардец решил умереть со своими боевыми соратниками, но не сдаваться. После десятой атаки из его маленького батальона немного осталось в живых. Большая часть его людей лежали мертвыми или умирающими на поле кровопролитного боя. Несколько человек оставшихся в живых укрепились на верху разрушенной крепости и, воодушевленные примером своего храброго командира, не хотели слышать о сдаче. «Сдавайтесь же, молодцы! — кричали им бурбонские офицеры. — Сдавайтесь, ни один волос не упадет с вашей головы, вы уже достаточно сделали, чтобы заслужить честь и уважение!»— «Сдаваться! Никогда! — отвечали гордые, славные сыны Италии. — Наступайте, если у вас хватит смелости!»

Так они продержались до последнего патрона, и в последней штыковой атаке пали все до одного! Только несколько тяжело раненых перевезли в Капую. Где покоятся теперь кости героев и нашего доблестного Бронцетти? О, Италия, страна памятников, будешь ли помнить о них?

Глава 18
Битва у Казерта Веккья, 2 октября 1860 г.

Мне посчастливилось, вернувшись вечером 1 октября в Сант-Анджело усталым и голодным, застать в доме священника моих славных генуэзских карабинеров. Это был приятный для меня сюрприз. Меня прекрасно накормили, дали после ужина кофе, а потом я спокойно расположился ко сну, не помню даже где. Однако и в эту ночь мне не суждено было отдохнуть. Едва я лег, как поступило известие, что неприятельская колонна в четыре-пять тысяч человек находится в Казерта Веккья и готовится спуститься в Казерту. Этим известием нельзя было пренебречь: я приказал генуэзским карабинерам быть готовыми к двум часам утра вместе с трехстами пятьюдесятью бойцами из отряда Спангаро и шестьюдесятью горцами с Везувия. С этими силами я в назначенный час двинулся в направлении Казерты по горной дороге к Сан-Леучио. Еще до нашего прибытия в Казерту полковник Миссори, которому я поручил обнаружить врага с помощью своих доблестных проводников, предупредил меня, что враг находится в боевой готовности на высотах Казерта Веккья,

намереваясь спуститься в Казерту, в чем я смог вскоре убедиться. Я отправился в Казерту, чтобы согласовать с генералом Сиртори план атаки на врага, не предполагая, что у него хватит дерзости напасть на нашу штаб-квартиру, но, как вскоре стало известно, мои расчеты оказались ошибочными. Мы договорились с генералом объединить все силы, находившиеся у нас под руками, и двинуться на правый фланг неприятеля, т. е. напасть на него через высоты над парком Казерты, взяв его тем самым в клещи между бригадой Сакки у Сан-Леучио и дивизией Биксио, которой я приказал атаковать врага из Маддалони. Бурбонцы, обнаружив с высот, что в Казерте находится лишь незначительное число людей, и не зная, очевидно, результатов сражения предыдущего дня, бросили почти половину своих сил в решительную атаку на этот город. Получилось так, что, пока я незаметно обходил со своим отрядом их правый фланг, намереваясь на них напасть, две тысячи бурбонцев обрушились с высот на нашу штаб-квартиру, и они захватили бы ее, если бы генерал Сиртори со свойственным ему искусством во главе горсточки храбрецов, находившихся в городе, не отразил бы их. Тем временем я с калабрийцами генерала Стокко, четырьмя ротами нашей регулярной армии[357] и небольшими частями других отрядов двигался в сторону правого вражеского фланга, который в боевом порядке расположился на высотах, являясь резервом для войска, атаковавшего Казерту, и не ожидал, конечно, нашего внезапного появления.

Застигнутые врасплох, бурбонцы оказали нам слабое сопротивление; наши отважные калабрийцы принудили их спасаться бегством и преследовали противника до самой Казерта Веккья. В этой деревне некоторые из убегавших задержались на короткое время и обстреляли нас из окон и развалин, служивших им укрытием, но вскоре были окружены и взяты в плен. Бежавшие на юг попали в руки отрядов Биксио, который после победоносной битвы у Маддалони 1 октября молниеносно очутился на новом поле боя.

Бежавшие же на север капитулировали перед генералом Сакки, которому я приказал последовать за моей колонной. Таким образом, из всего вражеского корпуса, столь основательно пугавшего нас, лишь немногим удалось спастись. Это был тот самый корпус, который напал на немногочисленный батальон майора Бронцетти и уничтожил его у Кастель Морроне; героическое сопротивление этого доблестного офицера и горстки его бойцов задержало врагов в продолжении почти всего 1 октября и помешало их нападению на нас с тыла в этом тяжелом бою. Кто знает, не послужила ли жертва этих двухсот мучеников

для спасения всей нашей армии!

Как это показало сражение у Вольтурно, его исход решили резервы, прибывшие на поле битвы к трем часам пополудни. А если бы их задержал, вражеский отряд, неизвестно, как все кончилось бы. Отсюда следует, что бурбонские генералы неплохо руководили своими военными операциями и что на войне нужно везенье либо же недюжинный талант полководца.

Отряд Сакки немало способствовал задержке 1 октября вышеупомянутой вражеской колонны по ту сторону парка Казерты и мужественно отбил ее натиск. Победой у Казерта Веккья — 2 октября 1860 г. — завершается славный период наших битв в походе 1860 г. Итальянская армия, которую Фарини и компания прислали сюда с севера для борьбы с нами, — солдатами революции[358],— нашла в нас братьев, на ее долю выпала задача завершить ликвидацию «бурбонизма» в королевстве Обеих Сицилий. Желая создать лучшие условия для многих доблестных соратников, я потребовал признать Южную армию частью национальной армии, но произошла несправедливость — мне было отказано. Захотели пожинать плоды завоеваний, но самих завоевателей прогнать.

В связи с этим я передал в руки Виктора Эммануила[359] диктаторские полномочия, которые мне предоставил народ, и провозгласил его королем Италии. Ему вверил я судьбу моих храбрых соратников, и это было единственным обстоятельством, причинившим мне боль при расставании. Вообще же я стремился вернуться к своей уединенной жизни. Так я расстался с моими доблестными юношами, которые, доверившись мне, ринулись через Средиземное море, преодолевая всевозможные препятствия, лишения и опасности, рискуя своей жизнью, чтобы участвовать в десяти ожесточенных сражениях с единственной надеждой получить — как это было в Ломбардии и Центральной Италии — одобрение своей собственной чистой совести и рукоплескания всего мира, свидетеля их изумительных свершений.

С такими соратниками, чьей беззаветной храбрости я обязан почти всеми моими успехами, я с удовольствием взялся бы за самое трудное дело!

Книга четвертая

Глава 1
Поход в Аспромонте, 1862 г.

Ценность зерна определяется его урожайностью, ценность же человека — той пользой, которую он может принести себе

подобным. А родиться, чтобы жить, есть, пить и, наконец, умереть — это удел насекомых.

В такую эпоху, как 1860 год на юге Италии, человек жил жизнью полезной для множества людей. Вот это и есть подлинная духовная жизнь! «Пусть действует тот, кого это касается», — говорили обычно люди, залезшие в государственную кормушку, и склонные ничего не делать или делать плохо.

Руководствуясь этим принципом, Савойская монархия трижды накладывала свое «вето» на экспедицию «Тысячи»: сперва она возражала против отправки в Сицилию, затем — против переправы через Мессинский пролив; и в третий раз требовала, чтобы мы не перешли на другую сторону Вольтурно.

Мы отправились в Сицилию, переплыли пролив, перешли на другой берег Вольтурно — и дело освобождения Италии от этого ничуть не пострадало.

«Вы должны были провозгласить республику», — кричали и продолжают ныне кричать мадзинисты, точно эти всезнайки, привыкшие диктовать законы всему миру, сидя за письменным столом, лучше знают моральное и экономическое положение нашего народа, чем мы, на долю которых выпало счастье руководить этим народом и вести его к победе.

С каждым днем становится все яснее, что от монархий, как и от наших пастырей, нельзя ожидать ничего хорошего. Но говорить, что нам надлежало в 1860 г. провозгласить республику от Палермо до Неаполя, — это чепуха! А те, кто желают доказать обратное, делают это из ненависти, которую они с 1848 г. и поныне проявляли при каждом удобном случае, а вовсе не потому, что убеждены в правоте своих заверений.

«Мемуары» Гарибальди. Начало главы о сражении на горе Аспромонте. Факсимиле.

Центральный музей Рнсорджименто. Рим

Монархия наложила свое вето на наши действия в 1860 и в 1862 годах. Думается, что папство столь же — если не в еще большей степени — заслуживает быть свергнутым, как свергли Бурбонов. А в 1862 г.[360] эти обыкновенные красные рубахи как раз стремились свергнуть папство — врага Италии, бесспорно самого хищного и жестокого, и овладеть нашей природной

столицей, не преследуя никакой иной цели, никаких честолюбивых замыслов, кроме блага своей родины.

Миссия, которую мы взяли на себя, была священной, условия для ее осуществления — те же, и благородная Сицилия, за исключением тех, кто удобно расположились за трапезой, приготовленной нами в 1860 г., ответила с присущим ей порывом на провозглашенный нами в Марсала призыв: «Рим или смерть!». И здесь уместно повторить сказанное мною ранее: «Если бы Италия имела два таких города, как Палермо, мы бы беспрепятственно достигли Рима».

Достославный мученик Шпильберга[361], Паллавичино, управлял Палермо. Мне было, (конечно, неприятно досаждать моему старому другу. Но я был убежден, что лозунг «Пусть действует тот, кого это касается» — это опасная ошибка, ибо никто ничего не предпримет, если не будет давления со стороны тех, кто не хочет оставаться пассивным существом. Отсюда брошенный в Марсала клич — «Рим или смерть», собравший моих доблестных товарищей в Фикуцца, в глухом поместье в нескольких милях от Палермо. Здесь собралась избранная группа молодежи из Палермо и провинций: Коррао, мужественный товарищ Розалино Пило, и некоторые видные деятели снабдили нас оружием. Баньяско, Капелло вместе с другими славными патриотами образовали Комитет снабжения. Таким образом я с моими неразлучными братьями по оружию на континенте: Нулло, Миссори, Кайроли, Манчи, Пиччинини и другими вскоре образовали новую «Тысячу»[362], готовые бороться за свержение тирании духовенства, несомненно еще более вредной, чем бурбонская. Но в глазах монархии мы ведь преступники, на нашем счету десять побед, и мы нанесли ей оскорбление, расширив ее владения; разве короли прощают такие дела?

Значительная часть тех, кто в 1860 г. восторженно разглагольствовал об объединении родины, ныне, добившись теплых мест и вполне довольные своей судьбой, осуждают нашу инициативу, или держатся в стороне, чтобы, не дай бог, не соприкоснуться с беспокойными и неудовлетворяющимися лишь частичными результатами революционерами.

Однако, благодаря твердой позиции, занятой Палермо, и горячей симпатии всей Сицилии, мы смогли без серьезных затруднений пройти остров вплоть до Катании. Славное население Катании не отставало от жителей других городов и его поведение заставило тех, кто бесспорно хотел затормозить наши действия, не предпринимать никаких шагов против нас.

Прибывшие в Катанию два парохода, один французский, а другой «общества Флорио», были использованы для нашей

переброски на континент. Несколько фрегатов итальянского военного флота крейсировали у гавани и могли помешать нашей посадке и переброске на континент. У них, несомненно, был соответствующий приказ, но к чести их командиров следует отметить, что не последовало никаких враждебных действий. Я рукоплещу этим командирам. Думаю, что и мне знакомо понятие воинского долга, и поэтому скажу с чистой совестью: в аналогичных случаях человек чести должен разломать на куски свою саблю.

Условия, при которых нам пришлось переплыть Мессинский пролив, были связаны с огромным риском. Наши пароходы были так сильно перегружены людьми, что из-за нехватки места многие наши бойцы не смогли подняться на борт. Я, старый моряк, видел в своей жизни сильно перегруженные пароходы, но таких мне еще не довелось встречать. Большинство наших бойцов только что впервые прибыли к нам: они еще не были распределены по ротам и поэтому офицеры их не знали в лицо; они до такой степени заполнили палубы этих злосчастных пароходов, что возникла опасность погрузиться в воду. Бесполезно было убеждать их сойти на берег. Они и слышать об этом не хотели, а ведь нависла серьезная опасность, возможно даже смертельная. Весь пароход мог пойти ко дну. Я некоторое время колебался, следует ли двинуться в путь. Я был в полной растерянности. Такая ответственность лежала на мне! От моего быстрого решения зависела, быть может, судьба моей родины.

Как отдавать приказы? Ведь каждый, находившийся на пароходах, не был в состоянии даже двинуться с места или повернуться. Надвигалась ночь и спускался мрак, надо было на что-то решиться: или двинуться в путь, или остаться, теснясь как сардины, в невыносимом положении, и ждать наступления рассвета, когда неудача станет явной.

Мы двинулись в путь, и счастье вновь оказалось на стороне права и справедливости. Ветер и море благоприятствовали нашим пароходам. Погода была как и при первом переезде через пролив в 1860 г., дул слабый ветер у Фаро и на наше счастье море не волновалось. На рассвете мы удачно подошли к побережью Мелито, где высадили всех.

Как и в 1860 г., мы двинулись вдоль берега к мысу Дель-Арма, по направлению к Реджо. Тогда нашими противниками были бурбонцы, и мы их искали, чтобы разгромить. Теперь перед нами стояла итальянская армия, столкновения с которой мы любой ценой старались избежать, меж тем как она стремилась во что бы то ни стало нас уничтожить. Первые враждебные действия против нас открыл итальянский броненосец, который шел вдоль

побережья курсом, параллельным нашему направлению, и дал по нашему отряду несколько артиллерийских залпов, что принудило нас увести бойцов в глубь страны, укрыв их от обстрела.

Несколько отрядов правительственных войск, высланных из Реджо, имея явно враждебные нам приказы, напали на наш авангард; напрасно мы убеждали их, что не собираемся сражаться с ними, все было напрасно: они требовали одного — чтобы мы сдались. И так как мы, естественно, были далеки от этого, то нам пришлось уйти от братоубийственной бойни. Учитывая создавшееся положение и чтобы избежать бессмысленного кровопролития, я приказал свернуть вправо и пойти по дороге к Аспромонте. Эта враждебность к нам со стороны итальянской армии привела к тому, что население, естественно, оказалось запуганным, что в свою очередь крайне затруднило нам получение продовольствия. Мои бедные волонтеры терпели недостаток во всем, даже в самом необходимом, а когда нам и удавалось чудом повстречать пастуха со стадом, так он даже не желал с нами разговаривать, сторонясь, будто мы настоящие разбойники. Словом, нас считали преданными анафеме и объявленными вне закона; клерикалам и реакционерам нетрудно было убедить в этом этих славных, но невежественных людей. Но ведь мы были теми же людьми, что и в 1860 г., а наша цель была столь же возвышенной, как и тогда. Конечно, нам теперь меньше благоволила фортуна, и не впервые видел я, как население Италии безразлично и равнодушно относится к тем, кто добивался его освобождения. Только не Сицилия. Я должен признать, что ее благородный народ был столь же полон энтузиазма в 1862 г., как и в прежние дни. Этот народ дал нам лучшую часть своей молодежи, а среди пожилых людей — достопочтенного барона Авиццани ди Кастроджованни, который переносил невзгоды и тяжелые лишения похода как юноша. А лишений и трудностей, увы, было множество. Я сам страдал от голода и прекрасно понимаю, что многие мои соратники еще пуще меня терпели голод. Наконец, после ужасных переходов по почти непроходимым тропинкам, заря 29 августа 1862 г. застала нас усталыми и голодными на плато Аспромонте. Нашим единственным питанием был в небольшом количестве незрелый картофель, собранный нами. Вначале мы ели картофель в сыром виде, а затем, утолив первый приступ голода, мы уже стали его поджаривать. Тут я хочу воздать должное славным горцам этой части Калабрии. Тропинки в этих местах трудно проходимы и вообще связь держать нелегко; поэтому горцы не сразу появились у нас, но после полудня местные благородные жители пришли с богатыми запасами фруктов, хлеба и разным продовольствием.

Однако надвигавшаяся катастрофа лишила нас возможности долго пользоваться таким расположением. Около трех часов пополудни, на расстоянии нескольких миль от нас, с запада показался авангард колонны Паллавичини, посланный нас атаковать. Считая, что ровная местность, где мы только что отдыхали, — позиция слишком невыгодная и нас легко окружить, я приказал перейти на новую позицию в гористой части. Мы заняли великолепнейший сосновый лес, увенчивающий Аспромонте, и расположились лицом к наступающим, а спиной к лесу.

Правда, еще в 1860 г. нам угрожала атака пьемонтских войск и лишь большая любовь к отечеству помогла избежать братоубийственной войны. Однако в 1862 г. итальянская армия, будучи значительно сильнее прежней (а мы гораздо слабее), решила с нами покончить и устремилась на нас с такой яростью, словно на разбойников, а может даже с большей охотой. Не прибегая к каким-либо попыткам вступить в переговоры с нами, наши противники обрушились на нас с необыкновенной дерзостью. Таков был, разумеется, полученный ими приказ: нас надо уничтожить, а поскольку начальство, видимо, опасалось, что сыны одной и той же родины могут проявить нерешительность, то приказ предусматривал молниеносное наступление, чтобы не дать времени для размышлений.

Ранение Гарибальди на горе Аспромонте. Литография 60-х годов XIX в.

Подойдя к нам на расстояние выстрела, отряд Паллавичини развернул свою атакующую цепь и решительно двинулся на нас. Началась обычная «стрельба на ходу», метод, применявшийся и бурбонцами, недостатки которого я описал выше.

Мы не отвечали на стрельбу. Как ужасен был для меня этот миг! Мне предстояло решить: сдаться как овцы, бросив оружие, или обагрить себя братской кровью. Таких терзаний не знали, конечно, солдаты монархии, или, вернее, их командиры. Может они рассчитывали на мой ужас перед гражданской войной? Может это и было так, ибо уверенность, с которой они действительно продвигались вперед, делала такое предположение вполне допустимым.

Я приказал не стрелять и этому повиновались все, за исключением некоторых горячих голов — юношей с правого фланга, под командованием Менотти[363], которые, видя наглое наступление, начали стрелять, перешли в атаку и отбросили самоуверенного врага. Наша позиция на вершине, позади которой находился лес, была такова, что ее мог оборонять один против десяти наступающих. Но к чему все это? Раз мы не защищались — было ясно, что враг вскоре нас настигнет. И как это почти всегда бывает, атака становится тем безудержнее, чем меньше сопротивления оказывает атакуемый. Огонь наступавших на нас берсальеров, к несчастью, все более учащался и я, находившийся между двумя цепями, чтобы не допустить кровопролития, был «вознагражден» за это двумя пулями — одной в левое бедро, другой в лодыжку правой ноги.

Одновременно был ранен и Менотти. Приказ не стрелять заставил почти всех наших отступить в лес; около меня остались все мои доблестные офицеры, в том числе уважаемые наши хирурги Рипари, Базиле и Альбанезе, неустанные заботы которых спасли мне, конечно, жизнь.

Мне противно рассказывать о подлых делах! Но столько мерзости проявили тогда мои современники, что это может вызвать отвращение даже у завсегдатаев клоак. Чего только не было: одни при известии о моем ранении радостно потирали себе руки, ибо считали, что мне нанесли смертельные раны; другие отрекались от дружбы со мной, а третьи клялись, что заблуждались, когда восхваляли кое-какие мои заслуги. Но к чести человеческого рода должен признать, что были и славные люди, которые с чисто материнской заботливостью ухаживали за мной, с сыновней любовью оберегали меня. Первым в памяти встает мой дорогой Ченчо Каттабене, преждевременно отнятый у

Италии.

Савойская монархия захватила большую «дичь», она получила то, чего так жаждала, и в том виде, в каком она мечтала ее получить, т. е. в таком состоянии, когда «дичь» долго не протянет.

Ко мне проявили банальную любезность, (которую пускают в ход по отношению к опаснейшим преступникам, когда ведут их на эшафот. Вот к примеру: вместо того, чтобы оставить в госпитале Реджо или Мессины, меня погрузили на борт фрегата и повезли в Вариньяно и мне пришлось проехать через все Тирренское море, испытывая страшнейшие мучения в правой ноге, где рана, хотя и не была смертельной, но все же причиняла адскую боль.

Главное — добычу надо было держать поблизости и в полной безопасности. Повторяю: мне противно говорить о мерзостях и докучать читателям, рассказывая о ранах, госпиталях, тюрьмах, о всех злоключениях, прикрытых королевскими ласками. Итак, меня повезли в Вариньяно, Специю, Пизу, а затем на Капреру. Велики были мои страдания, но столь же велик был и заботливый уход моих друзей. Старшине итальянских хирургов, выдающемуся профессору Дзанетти выпала доля извлечь пулю, сделав мне операцию[364]. Наконец, через тринадцать месяцев рана на правой ноге зажила, но и до 1866 г. мне пришлось влачить бездеятельное и бесполезное существование.

Глава 2
Поход в Тироль,
1866 г.

Прошло около четырех лет со дня моего ранения в Аспромонте. Я человек не злопамятный и быстро забываю нанесенные мне оскорбления, это знали соглашатели, единственный жизненный компас которых — выгода, для чего все средства хороши.

Уже некоторое время поговаривали о союзе с Пруссией против Австрии[365], в связи с чем 10 июня 1866 г. на Капреру прибыл мой друг, генерал Фабрици[366], который по поручению правительства и наших единомышленников предложил мне взять на себя командование многочисленными волонтерами, собиравшимися во всех частях Италии. В тот же день мы с ним сели на пароход, направлявшийся на материк, и поспешили в Комо, где должна была собраться большая часть волонтеров.

Сюда действительно прибыло очень много волонтеров, этой прекрасной пылкой молодежи, всегда готовой сражаться за

Италию, не требуя никакой награды. Вместе с ней были блестяще представлены ветераны ста сражений, готовые вести эти отряды в бой. Но пушек им не дали, — ведь волонтеры могли бы их растерять, — а, как обычно, лишь дрянное оружие, недоброкачественные карабины, которыми снабжали регулярную армию; из экономии одели волонтеров в жалкое тряпье и многим бойцам пришлось идти в бой в штатской одежде. Словом, обычная подлость, к которой наших волонтеров приучили приспешники монархии.

Начало похода 1866 г. предвещало Италии блестящий результат; но, увы, он оказался жалким и постыдным. Система, при помощи которой управляют нашей страной, необыкновенно гнусна; государственные средства используются для подкупа той части нации, которая должна быть неподкупной: депутатов парламента, военных и чиновников всех видов. Это те люди, которые легко становятся на колени перед божеством, имя которому собственная утроба.

Разложение, которое принес Бонапарт, усилилось во Франции, и началась раздача колбас и вин войскам, чтобы склонить их к перевороту 2 декабря[367]; это разложение широко распространилось в нашей несчастной стране, которой суждено подражать нашим соседям.

Конечно и в Италии было немало коррупции, а ловких развратителей у нас найдешь, как и повсюду. Все это тесно связано с роковыми успехами империи[368]. Империя лжет и обманывает с момента своего возникновения; хотя и родилась она под мирной звездой, все же беспрестанно подстрекает к войне, без которой немыслимо ее существование; во все времена она направляла свои усилия на подавление свободы, желая повсюду заменить ее деспотизмом. Я утверждаю, что имея перед глазами такой образец коррупции, итальянское общество все больше развращается и заражает нашу армию, призванную стать одной из лучших в мире. Разложение проникает и в ряды крестьянства, составляющего самую многочисленную и сильную часть нашей армии, крестьянства, которое священники держат в невежестве и прививают ненависть к интересам нации. Вот почему в Италии (как и во Франции) мы были свидетелями пресловутого позора у Новары и Кустоцы[369].

Был момент, когда мы освободились от постыдного покровительства Бонапарта, но не умея никогда быть самостоятельными, бросились в объятия другого союзника, по крайней мере, не столь отталкивающего: бросились в союз с Пруссией, достоинства которой превышали, конечно, наши.

Как бы там ни было, поход 1866 г. открывал перед нами

широкие горизонты. Нация, хотя и истощенная уже грабительским управлением, была полна энтузиазма и готова на жертвы. Многочисленному флоту предстояло сразиться с более слабым неприятелем, не сомневавшимся в своем поражении. Наша армия, которая впервые почти вдвое численно превосходила австрийские силы в Италии, собрала под свои знамена всех сынов полуострова, от Лилибео до Ченизио, соперничавших друг с другом в желании разгромить векового врага; только чванливое невежество и бездарность того, кто ею командовал, могли привести эту армию к Кустоце[370]. Число волонтеров, которое при посредственном правительстве легко могло дойти до 100 000, было, из-за обычной трусливости, лимитировано примерно до трети этого количества; как всегда, волонтеров снабдили плохим оружием и экипировкой. А когда произошла катастрофа при Кустоце, всего лишь несколько тысяч волонтеров находились в Сало, Лонато и у озера Гарда, меж тем как арьергардные полки все еще оставались в южной Италии в ожидании обуви, оружия и прочих необходимых вещей.

Несмотря на чинимые препятствия, все обещало блестящий исход этой компании, которая должна была выдвинуть нашу нацию в первые ряды европейских народов, омолодить эту старую матрону и вернуть ей славу былых времен римского величия. Но все произошло иначе. Руководимая иезуитами, облаченными в одежду воинов, Италия была вовлечена в клоаку унижений.

Под давлением общественного мнения правительство, всегда враждебное и со страхом относившееся к волонтерам, считая их борцами за права и свободу Италии, вооружило лишь незначительную их часть; причем оружие, формирование волонтеров и удовлетворение их нужд — все носило на себе печать неприязни, недоброжелательства и отрицательного отношения, которое вообще проявлялось к волонтерам. И вот в таком виде их всех отправили за границу, где через два дня должна была разыграться битва. Поспешность, с какой передвигалось войско, и последовавшие немедленно за этим неудачи — все это содействовало концентрации волонтеров; ибо в силу обычных иезуитских интриг, высшие сферы не хотели допустить, чтобы в одном месте было сосредоточено слишком много волонтеров. Поэтому было решено разделить их на две части, оставив половину на юге Италии под каким-нибудь вымышленным предлогом, чтобы скрыть подлинные причины.

Здесь я хочу отдать должное королю. В тот момент, когда через доктора Альбанезе мне было сообщено о его желании поручить мне командование волонтерами, мне было также передано о намерении короля направить нас на Далматинское

побережье, о чем я должен был договориться с адмиралом Персано; однако против этого плана категорически возражали генералы и, в особенности, генерал Ламармора. Решение направить нас на побережье Адриатического моря мне настолько пришлось по душе, что я попросил передать Виктору Эммануилу мои поздравления по поводу принятия столь грандиозного плана, сулящего большие выгоды.

Замысел этот был действительно блистательный. Как только могли его переварить некоторые головы членов придворного Совета Италии! Однако вскоре я смог убедиться, что задержка на юге пяти полков была не чем иным, как выражением мне недоверия; их просто хотели изъять из-под моего командования, т. е. поступить примерно так же, как с полком Апеннинских стрелков в 1859 г.

Итак, мне предложили как театр военных действий побережье озера Гарда вместо обещанной по первому плану полной свободы действий.

Какие блестящие перспективы открывал перед нами восток! Будь мы — 30 000 человек — на берегах Далмации, как легко было бы свергнуть австрийскую монархию; сколько дружественно расположенных и сочувствующих нам людей нашли бы мы в этой части Восточной Европы, от Греции до Венгрии! Всем воинственно настроенным народам этих стран, ненавидевшим Австрию и Турцию, нужен был только слабый толчок, чтобы восстать против своих угнетателей. Мы бы, несомненно, заставили врага настолько ввязаться в войну с нами, что ему пришлось бы мобилизовать для этой борьбы сильную армию, что значительно уменьшило и ослабило бы войска, сражавшиеся на западе и севере; в противном случае мы бы врезались в самое сердце Австрии и зажгли пламя восстания среди десятка национальностей, входивших в состав этой разноплеменной, чудовищной империи.

Поскольку нам пришлось вести военные действия в районе озера Гарда, я попросил дать мне командование флотилией, находившейся в Сало, что было сразу же сделано. Но если принять во внимание плачевное состояние этой флотилии, то не трудно будет догадаться, что она причиняла мне одни беспокойства и потребовала от меня немало трудов, чтобы спасти ее от более многочисленной и гораздо лучше организованной вражеской флотилии. Пришлось направить волонтеров для укомплектования основной части экипажа этой флотилии, главным образом — матросов; волонтеры должны были также занять побережье озера и защищать его после злополучной битвы при Кустоце и отступления нашей армии. Целый полк пришлось

оставить в Сало исключительно для несения службы безопасности и охраны порта, примыкающего побережья и постепенно воздвигавшихся оборонных укреплений. Для этой же цели был оставлен в Сало генерал Авеццана с соответствующим числом офицеров и сильным отрядом волонтеров-моряков, прибывших из Анконы, Ливорно и других морских портов.

Австрийская флотилия на озере Гарда насчитывала восемь военных судов, вооруженных сорока восьмью пушками, имевшими полагающийся экипаж, обеспеченный всем необходимым. Итальянская же флотилия, в момент моего прибытия в Сало, располагала лишь одной боеспособной канонеркой с пушкой; пять других моторных канонерок были также вооружены, как первая, но одна совершенно непригодная валялась на берегу, а у остальных четырех машины были не в порядке. Правда, мы сразу же взялись за починку этих четырех, чтобы они могли двигаться, но лишь к концу военных действий удалось привести в боевую готовность эти пять канонерок, имевших каждая по одной пушке 24 калибра, т. е. всего пять 24-калиберных пушек, меж тем как вражеская флотилия насчитывала 48 пушек 80-го калибра и еще более крупного. Было также начато сооружение и оснащение плотов, которые смогли бы оказаться весьма полезными, но из-за отсутствия необходимых материалов и медленного темпа работ не удалось получить даже одного плота, готового для действия на озере.

Глава 3
Битвы. Сражения

Собрав на западном берегу озера Гарда все наши полки и получив приказ развернуть военные действия в Тироле, я направил свой второй полк и второй полк берсальеров в сторону Каффаро, чтобы захватить мост и сильную позицию у Монте Суэлло, что было выполнено мастерски и с молниеносной быстротой; после успешного сражения австрийцев прогнали.

Наша кампания начиналась очень удачно, и я с оставшимися полками уже приготовился вступить в Тироль вслед за нашим доблестным авангардом, когда произошло роковое сражение 24 июня[371].

Получив от генерала Ламармора извещение о злополучном исходе битвы 24 июня, а также приказ прикрыть Брешию (не рассчитывая уже на поддержку нашей армии, отступившей за Ольо), я отозвал из Тироля свой авангард и тут же решил, что необходимо сосредоточить возможно больше наших сил в Лонато, т. е. в пункте, который позволял одновременно решить тройную

задачу: прикрыть Брешию и Сало, дать возможность собраться там всем рассеявшимся частям и стянуть туда военное снаряжение и все необходимое. Так я и поступил. Наши доблестные волонтеры, обладавшие в большом количестве одним лишь патриотизмом и энтузиазмом, по моему приказу форсированным маршем двинулись в сторону Лонато, но принимая во внимание, что они были вооружены малопригодными карабинами и лишены основных предметов первой необходимости, которые им приходилось добывать по пути, трудно было рассчитывать, что они быстро придут на место, особенно южные полки.

В первые же дни после злополучного 24 июня, мы заняли Лонато и Дезенцано, выдвинув аванпосты у Ривольтелла и бросив в дело сначала один, а затем несколько полков, которые по мере прибытия занимали боевые позиции, так как не было сомнения, что после отступления нашей армии австрийцы не станут зевать.

Несмотря на все прилагаемые усилия, южные полки не смогли бы вовремя поддержать нас, если бы враг, пользуясь своим преимуществом, бросился на нас. Кажется, что примерно 26 июня, в предполагаемый день появления неприятеля, мы располагали лишь не более чем восьмью тысячами людей, одной горной батареей и одним 24-миллиметровым орудием, взятым с флотилии и водруженным на вершине Лонато. Отсюда следовало, что решение защищать Лонато от победоносной вражеской армии, в случае ее наступления, было до некоторой степени рискованным предприятием, но тем не менее оно принесло большую пользу.

Итальянские волонтеры могут гордиться, а молодежь должна извлечь из этого урок: прежде чем отступать перед врагом, сколь сильным бы он ни был, необходимо по меньшей мере столкнуться с ним, прощупать его и спокойно, хладнокровно подумать о том ущербе и позоре, которые могут принести скоропалительное отступление.

Удерживая Лонато, Дезенцано, аванпосты у Ривольтелла и на правом фланге нашего фронта вплоть до Поццоленго, мы действительно прикрывали Брешию, согласно приказу, Сало с его арсеналом, складами и флотилией, и смогли! К нашей великой радости собрать отставшие части и военные обозы. Мне горестно бить лежачего и не хотелось бы, чтобы мои слова о людях, управлявших армией, истолковали как месть за те несправедливости и вред, которые эти люди нам принесли.

Но следует все же признать, что тогда все ожидали блестящих результатов от прекрасной армии, численно почти вдвое превосходящей вражескую, располагавшей огромными

средствами, лучшей артиллерией мира, храбрыми, полными энтузиазма солдатами. И естественно, что для всех было страшным ударом, внезапным разочарованием видеть, как эта прекрасная армия в полном замешательстве, даже не преследуемая врагом, отступает на 30 миль за реку, оставляя без прикрытия всю Ломбардию — повторяю, что это был страшный удар для всех. Правда, главная армия отступила за Минчо к Ольо только после своего разгрома.

Но почему же отступил ее правый фланг у реки По, почему? Кто преследовал эту армию, насчитывавшую 90 000 человек, имевшую перед самым носом такую реку как По? Ведь неприятель располагал у Минчо армией в 80000 человек, которая, хотя и победоносно вышла из сражения с армией, численно ее превосходившей, не могла не иметь потерь — значит уменьшиться и сильно устать. Зачем было отступать от реки По вплоть до самых Апеннин? Никак не могу этого понять.

Я не знаю австрийского генерала, который в 1866 г. командовал неприятельской армией: но как бы то ни было, это был, несомненно, талантливый полководец, ибо он победил армию, вдвое превышавшую австрийскую, солдаты которой, бесспорно, были не хуже австрийских.

Победа прусской армии на севере, несомненно, остановила наступление австрийцев. Будь у австрийцев побольше твердости, они разгромили бы мои восемь тысяч солдат, даже без артиллерии, с легкостью проникли бы в сердце Ломбардии и Пьемонта, где могли отдохнуть и, по всей вероятности, добились бы мира на выгодных для себя условиях.

Однако среди наших волонтеров не было замешательства, страха или уныния. Всех опечалила эта национальная катастрофа, но ни у кого не зародилось чувство сомнения или недоверия к будущей судьбе родины; не заглох и энтузиазм, с которым эта славная молодежь покинула домашний очаг: напротив, он еще возрос, из-за нашего крайне двусмысленного и отчаянного положения.

Войны! Сражаться! — этого требовали все. Будь хотя бы месяц для организации, для полевого ученья, будь они должным образом вооружены, эти бойцы совершили бы чудеса. Спокойно взвесив причины поражения нашей армии, оставляя в стороне бездарность некоторых командиров и слабую заинтересованность солдат из крестьян к национальным интересам и делу борьбы за свободу и независимость Италии, можно с беспристрастностью историка смело сказать, что с самого начала план кампании страдал многими недостатками.

Мы всегда стремились разгромить наголову врага, пустив в

ход лишь половину нашей армии; меж тем как австрийский генерал разгромил эту половину нашей армии всей своей армией. Такой способ действий всегда приносит победу тому, кто им пользуется, в истории военных сражений можно найти немало тому примеров.

Итальянская армия разделилась на две части: одна в количестве ста двадцати тысяч человек стояла у Минчо, другая в девяносто тысяч — у По; как видно, обе численно превосходили восьмидесятитысячную армию противника, защищенную сильными крепостями. Первая ошибка, допущенная нашим главнокомандующим, заключалась, по-моему, в том, что мы бросали в различные пункты, угрожая врагу, дивизии, или более того корпуса, а затем огромной армией, примерно в 180 000 человек, наносили решительные удары по главным силам неприятельской армии.

Я считаю, что устье реки По было наиболее подходящим местом для переправы нашей многочисленной армии, ибо там можно было найти любое количество пароходов и барж и это нам облегчило бы операцию. Овладев обоими берегами этой широкой реки, можно было бы сразу же за короткое время перебросить и остальную часть нашей армии и всю материальную часть. Тогда наступающий враг, по крайней мере, не имел бы поддержки со стороны грозного четырехугольника крепостей. Воспользовавшись нашими ошибками, австрийский генерал разумно сосредоточил все имевшиеся в его распоряжении силы в окрестностях Вероны и напал на нашу разделенную пополам армию у Минчо, которая первой перешла в наступление. Не так уж много лет прошло с тех пор, как Наполеон I совершил такой же маневр, когда, бросив осаду Мантуи, он разгромил одну за другой обе австрийские армии на обоих берегах озера Гарда. Они допустили тогда ошибку, разбившись на две части, с тем, чтобы атаковать французов с двух сторон озера, меж тем как великий полководец опередил их и разгромил поочередно.

После крупной битвы при Кустоце мы удерживали позиции в Лонато и Дезенцано, пока главное командование армии не приказало нам возобновить военные действия в Тироле, так как армия опять оказалась боеспособной и могла предпринять наступление.

Оставив второй полк для прикрытия Сало, флотилию и важнейшие пункты вплоть до Гарняно под командой генерала Авеццана и установив батареи для защиты западного берега, мы с первым и третьим полками и первым батальоном берсальеров вновь двинулись в сторону Каффаро. Тем временем, после нашего отступления из Каффаро, осмелевший от победы у Кустоцы враг

сильно укрепил Каффаро и Монте Суэлло; тогда я решил внезапным ударом прогнать его, чтобы открыть себе дорогу в Тироль.

Выехав 3 июля на заре из Сало, я в полдень прибыл в крепость д'Анфо, где нашел полковника Корте, командовавшего тогда нашим авангардом, состоявшим из вышеупомянутых трех воинских частей. Он принял уже все меры к тому, чтобы отбросить неприятеля от наших границ.

Корте отправил майора Мосто с пятьюстами солдат в Баголино по горной дороге и по равнине к западу от д'Анфо, с целью совершить диверсию на правом фланге и в тылу противника.

Обнаружив из д'Анфо австрийский аванпост у Сант-Антонио на расстоянии примерно пушечного выстрела от крепости, мы предприняли попытки обойти этот аванпост, направив через горы отряд первого батальона берсальеров в распоряжение капитана Бецци. Вследствие тяжелой дороги и проливного дождя ни одна из посланных в обход частей не смогла выполнить задание. Возможно, что я слишком полагался на воодушевление моих доблестных волонтеров и мне следовало бы отложить атаку на следующий день, поскольку бойцы очень устали, промокли насквозь, а их оружие и боеприпасы находились в весьма жалком состоянии. Но полагаясь на эффект быстрой и внезапной атаки и особенно на энтузиазм людей, которые на моих глазах преодолевали гораздо большие трудности, я решил дать бой.

В 3 часа дня, когда капитан Бецци, дойдя через горную дорогу слева до условленного места, дал установленный сигнал, я приказал выделенной для атаки колонне, которая до этого находилась под прикрытием, чтобы с крепости ее не могли обнаружить, выступить форсированным маршем и атаковать врага. Во главе колонны, вместе со своими адъютантами, шел со свойственным ему хладнокровием полковник Корте, который вел отряд в атаку сомкнутым строем и с энтузиазмом, достойным итальянских волонтеров.

Некоторое время все шло для нас хорошо — враг отступил перед мужеством наших бойцов. Но, когда противник получил подкрепление из резервов, занимавших высоты Монте Суэлло, нашим пришлось преодолевать все более сильное неприятельское сопротивление, бурный натиск волонтеров был остановлен. Большое число раненых, ковыляющих по дороге в тыл с помощью своих товарищей, внесло некоторое замешательство в ряды нашей колонны. В этой операции погиб один из наших лучших офицеров, капитан Боттино, и много других доблестных бойцов. Разумеется, наших раненых было куда больше, чем

неприятельских — обычная награда, которой Королевский совет удостаивает итальянских волонтеров, ибо они всегда вынуждены сражаться дрянным оружием против гораздо лучшего, имеющегося у неприятеля. А в данном случае пришлось иметь дело с тирольскими карабинами, поскольку наши враги все были жителями гор. Но наша армия не спасалась бегством. Страх не обуял наших молодых бойцов, но они были обессилены трудностями предыдущих переходов и атакой столь сильных позиций. Большинство, особенно третий полк, без патронташей, без единого сухого патрона, были вооружены плохими ружьями, часто дававшими осечку, а если раздавался выстрел, то пуля не долетала до врага, вооруженного великолепными карабинами, косившими наших.

В конечном счете исход битвы был неопределенный, и мы остановились на занятых позициях у подножия Монте Суэлло. Будучи ранен в левое бедро, я был вынужден удалиться с поля боя и передать командование полковнику Корте, который мужественно сопротивлялся в течение всего дня и удержал занятые позиции. Полковник Бруццези из третьего полка был его достойным помощником. Когда 4-го на заре враг отступил от горы Суэлло, ее занял наш батальон Кайроли из девятого полка, которому я накануне, встретив его по дороге в Барге, приказал продвинуться вперед. В тот же день мы заняли также Баголино и Каффаро. Остальные отряды волонтеров, не имевшие самого необходимого, продвигались вперед по направлению к Тиролю, но медленно, поскольку они были вынуждены на марше запастись всем необходимым. Ладроне и Дацио были заняты после слабого сопротивления, а затем мы захватили, наконец, Понте Дацио и Сторо, где и расположился мой главный штаб. Сторо, маленькая деревня, где смыкаются две долины Джудикариа и д'Ампола, могла стать важным опорным пунктом для нас. Но для этого нужно было предварительно занять высоты, господствовавшие над ней, особенно Рокка Пагана — высочайший пик, почти вертикально грозной стеной подымавшийся над Сторо. Поскольку нужно было затем проникнуть в Джудикариа, то необходимо было предварительно овладеть фортом д'Ампола, господствующим над долиной того же названия и ведущим в долину Ледро, откуда враг мог нахлынуть и, захватив Сторо и Понте Дацио, отрезать нас от нашего основного плацдарма Брешии. Так как заняв Кондино и западные возвышенности, мы прикрыли наш левый фланг, то теперь все наши усилия и старания были направлены исключительно на то, чтобы овладеть и окружить форт д'Ампола. В эти дни к нам прибыла прославленная 18-я бригада под командованием майора Дольотти с восемнадцатью

великолепными 12-миллиметровыми орудиями. Получив эту прекрасную артиллерию, я, наконец, смог воочию убедиться, что собой представляет наша итальянская артиллерия, которой я горжусь и уважаю, так как она не уступает ни одной артиллерии мира. 16 июля противник попытался прогнать нас из Кондино. Вопреки моим приказам, наши волонтеры ринулись из Кондино вплоть до Чимего и захватили мост через реку Кьезе, не приняв мер для укрепления возвышенностей, крайне необходимых в этой гористой местности для защиты отрядов, стоявших в долине. Противник, имевший превосходящие нас силы и три вида оружия, выбил наших из Чимего, и не получи мы в те дни несколько превосходных артиллерийских орудий, этот день обошелся бы нам дороговато.

К счастью, наши потери не были значительны, но как всегда низкое качество наших карабинов послужило причиной наших потерь — они были куда больше вражеских. Майор Ломбарди, один из наших лучших и отважных офицеров участвовавший во всех сражениях за Италию, пал в этот день на поле боя.

В тот же день, когда я возвращался в карете из Кондино в Сторо, нас из засады обстрелял неприятель у Роккка Пагано, впрочем никого не ранил. В этот день особо отличился полковник Гуасталла.

Наши доблестные офицеры, генерал Хауг и майор Дольотти, которым была поручена осада форта д'Ампола, очень быстро и прекрасно справились со своей задачей. Волонтеры, вскарабкавшись на крутые склоны, господствовавшие над фертом, не дали осажденным возможности даже высунуть наружу голову и со всех сторон окружили форт.

Волонтеры и артиллеристы тащили наверх пушки на своих плечах или на веревках по отвесным скалам; вскоре эти пушки превратили в груду развалин не сами крепкие казематы, а примыкавшие к ним строения.

Много гранат, выпущенных нашими замечательными артиллеристами, попали через бойницы внутрь форта и вызвали у противника большие потери. Одна наша пушка, установленная мужественным лейтенантом Алазиа на дороге, на которой он погиб при этом, вызвала сильное замешательство в рядах неприятеля. Наконец, после нескольких дней осады, артиллерийского и ружейного обстрела, этот небольшой, но чрезвычайно для нас важный форт сдался.

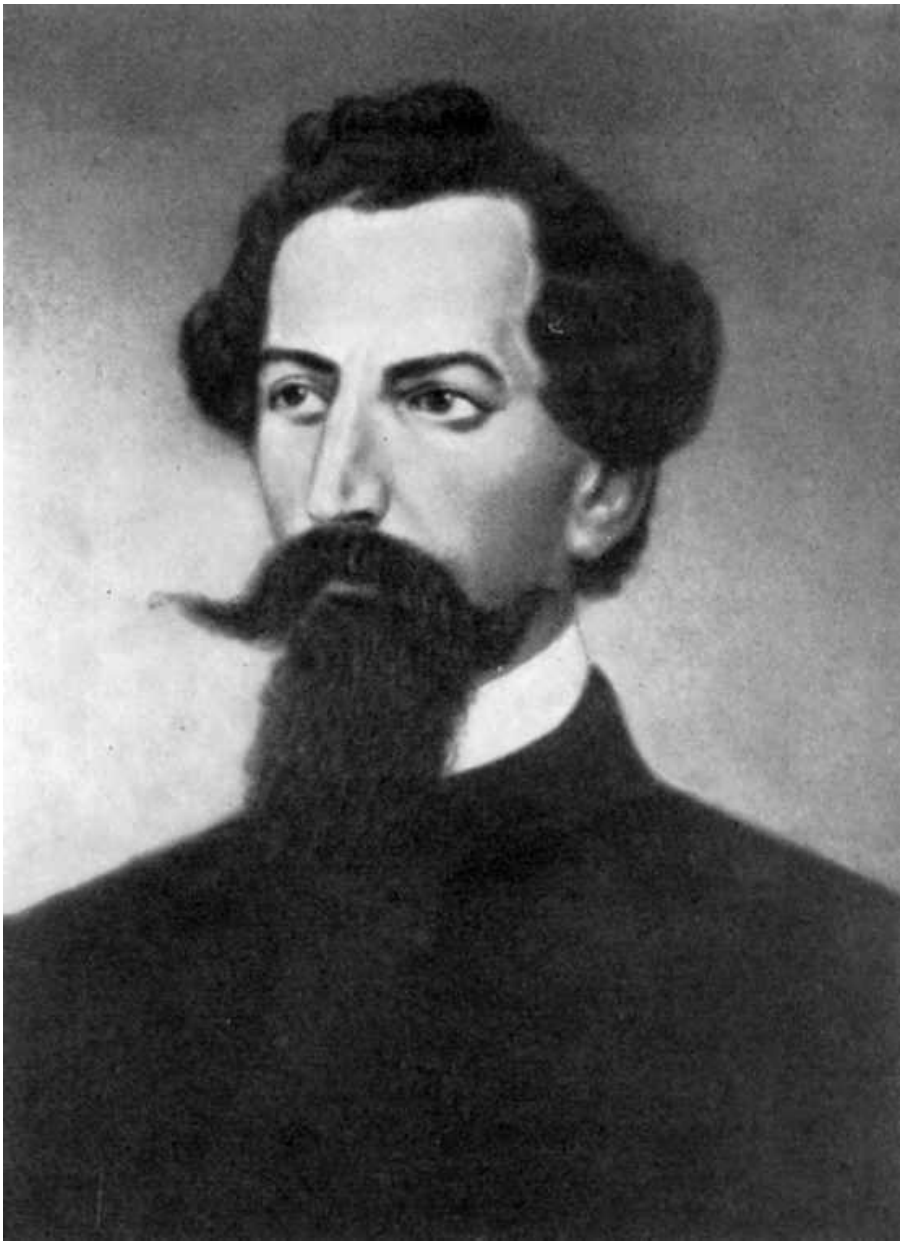
Войну в Тироле, как и во всех гористых местностях, нельзя было вести, не владея высотами. Напрасны все попытки преследовать врага в долина даже при огромнейшем численном превосходстве в людях, ибо первоклассные стрелки противника,

расположившись на вершинах и склонах гор, перебьют ваши войска, наступающие в долине.

Поэтому за исключением одного только боя у Монте Суэлло, где пожалуй, из-за нашего нетерпения мы не придерживались этого правила, в дальнейшем всем нашим горным операциям предшествовал захват близлежащих высот; и хотя тирольские стрелки имели большой опыт в такого рода военных действиях и были вооружены прекрасными карабинами, мастерски стреляли, отличались огромным мужеством, они тем не менее оказывались побежденными, когда мы овладевали господствующими вершинами: наше настойчивое продвижение вперед всегда увенчивалось успехом, несмотря на значительные потери, что всегда сопутствует захвату вражеских позиций, а высот в особенности. «Быть орлами» стало поэтому излюбленным лозунгом волонтеров, т. е. предварительно захватить высоты, а затем уже пойти в наступление в долине. Этого же принципа следует придерживаться и при отступлении, если, конечно, позволяют обстоятельства и характер местности.

Габриэле Камоцци. Фотография.

Музей Рисорджименто. Бергамо



Франческо Нулло. Полковник в отряде Гарибальди, участник польского восстания 1863 г.

Портрет работы художника-гарибальдийца Элеутерно Пальяно.

Капитуляция форта д'Ампола и захват горной цепи, которая тянется от Рокка Пагана до вершин гор Бурелли, Джовио, Кадре и прочих гор, господствующих над обеими долинами Ледро и Джудикариа, легко открыли нам путь в долину Ледро и мы смогли продвинуть авангард нашей колонны с правого фланга вплоть до Тиарно и Бедзекка. Наше продвижение вправо, в долину Ледро, было тем более очень важно, что надо было с этой стороны прикрывать прибытие второго полка, который, вопреки моему приказу идти через долину Лорина к Ампола для участия в осаде, углубился через Монте Нота в направлении Пьеве, Молина и озера Гарда. Этот полк беспорядочно взял слишком вправо, подвергнув себя разгрому неприятеля, несмотря на то, что его отдельные роты мужественно сражались против превосходящего противника.

Выше я сказал, что второй полк был оставлен в Сало для защиты флотилии, арсенала и укреплений. Но потом его сменил десятый полк, а второй получил приказ отправиться через долину Вестоне направо от нас, подняться на этот горный хребет и спуститься через долину Лорина в Амполу. Велики были трудности и лишения в этом походе и немало полк совершил ошибок. Задержись сдача форта д'Ампола хотя бы на день, либо промедли мы с захватом Бедзекка, то этот полк, разумеется, погиб бы, как увидим из дальнейшего.

Я торопился поскорее захватить долину Ледро особенно потому, что стремился обеспечить прибытие второго полка и поэтому приказал генералу Хаугу передать майору Дольотти руководство осадой д'Ампола и отправиться в долину того же названия со всеми силами, которые можно было забрать у войск, осаждавших форт. Это была рискованная задача до сдачи форта и поэтому мой приказ не был выполнен. И действительно, бригаде Хауга, состоявшей из седьмого и второго полков, — причем седьмой был почти целиком занят на работах по осаде, а второй имел мало рот в Ампола, — все это трудно было выполнить. Как бы то ни было, я был обеспокоен судьбой второго полка; но как только форт сдался, я, не теряя ни одной минуты, бросил в долину Ледро пятый полк, единственный, оставшийся в резерве, несколько рот из других полков, способствовавших капитуляции д'Ампола и два батальона девятого полка, занимавшего вершины горы Джовио и других гор. Продвижение через долину Ледро

было своевременным, так как враг стянул шесть тысяч своих лучших солдат в долину Концеи и через эту долину направлялся в Бедзекка с тем, чтобы отрезать от нас отряды второго полка и разгромить их. Долина Концеи, идущая с севера, скрещивается у Бедзекка под прямым углом с долиной Ледро.

20 июля, когда дорога на д'Ампола после сдачи форта стала свободной, авангард нашей колонны правого фланга занял эту деревню и ночью один батальон пятого полка под командованием Мартинелли был выслан на восточные вершины на рекогносцировку.

Этот батальон — не знаю по чьей вине, возможно, что случайно — оказался ранним утром окруженным значительными силами противника и был вынужден отступить, понеся большие потери. Преследуемые врагами, остатки батальона повернули к нашей главной колонне, занимавшей Бедзекка и соседние деревни к северу от него, где разыгрался серьезный бой.

Глава 4
Бой у Бедзекка
21 июля 1866 г.

Враг, упоенный своими первоначальными успехами, продвигался все вперед с бесстрашием, которого мы за ним не знали ранее, и постепенно прогнал наших из всей долины Концеи. Напрасно была установлена перед Бедзекка батарея восьмимиллиметровых пушек, обстреливавшая некоторое время неприятеля, напрасно наши командиры и офицеры во главе волонтеров бросались, не щадя своей жизни, вперед, чтобы остановить натиск врага. Все было напрасно. Все наши позиции вплоть до Бедзекка были захвачены врагом и он не только овладел этой деревней, но продвинулся еще дальше и перебросил одно свое подразделение на наш правый фланг в южной части долины Ледро, с целью атаковать этот фланг.

На рассвете я выехал из Сторо в коляске, так как рана, полученная мною 3 июня[372], еще не зажила; из полученных мною сообщений я никак не ожидал, что мои люди ввязались в такой ожесточенный бой. Однако, покидая Сторо, я приказал седьмому и первому полкам берсальеров выступить в 3 часа дня по тому же направлению, по которому ехал я. Прибыв в окрестности Бедзекка, где гром орудий и оружейной стрельбы известил меня, что разгорелась битва, я вызвал к себе генерала Хауга, чтобы отчитать его, однако из его пояснений мне стало ясно, что дело приняло серьезный оборот. Мы совместно решили занять высоты слева подходившими батальонами девятого полка.

Это решение основательно нам помогло, ибо первое, что нас в этот день спасло, — был захват позиций, совершенный храбрецами этого полка, которым командовал — я это говорю с истинной гордостью — мой сын Менотти. Этими двумя батальонами девятого полка командовали Коссович и Виго Пелиццари, оба из числа «Тысячи», люди вполне достойные и заслуживающие того, чтобы принадлежать к ней. В центре и на правом фланге волонтеры отступили, равно как и вышеуказанная батарея, стрелявшая на ходу при отступлении; поведение волонтеров было мужественным. У одной пушки из этой батареи все лошади были убиты, а весь артиллерийский расчет был перебит или ранен. В живых остался лишь один. Этот храбрец, выпустив последний выстрел по врагу, взобрался на лошадь, впряженную в его пушку, с таким хладнокровием, словно это все происходило во время маневров. Тем временем майор Дольотти уведомил меня, что у него в запасе есть свежая батарея, не участвовавшая еще в бою. «Вперед!» — крикнул я, и через несколько минут эти храбрые бойцы примчались галопом, свернули вправо, расставили на небольшой возвышенности свои шесть орудий и открыли такой огонь по врагу, который по частоте и быстроте был скорее похож на ружейный, чем на артиллерийский обстрел.

К этой батарее вскоре присоединились еще три из шести пушек отступавшей артиллерийской батареи, так что образовалось уже солидное число пушек, извергавших ужасающий огонь. Всем офицерам моего Главного штаба и всем тем, кто мог услышать мой голос, я приказал по возможности собрать всех и отправить вперед. Канцио, Риччотти, Кариолатти, Дамиани, Равини и другие офицеры ринулись вперед во главе небольшого отряда смельчаков и, поддержанные слева бесстрашным девятым полком, отбросили уже дрогнувшего под обстрелом нашей артиллерии врага за Бедзекка и окрестные деревни.

Враг не выдержал такого натиска, началось полное и повсеместное отступление; он покинул все занятые им позиции вплоть до расположенных далеко в долине Концеи и восточнее в горах.

Это сражение 21 августа[373] — самое крупное и кровопролитное за весь поход, стоило нам большого числа убитых и раненых. Одним из первых пал герой полковник Кьясси, шедший всегда впереди своего полка. Были ранены доблестные майоры: Пессина, Танара, Мартинелли; капитаны: Бецци, Пасторе, Антонджина и много других из числа лучших.

Враг тоже понес тяжелые потери; с этого дня он отказался от

мысли защищать итальянский Тироль и принял решение отступить в немецкий Тироль. 22-го[374] я в карете совершил прогулку до Пиеве ди Ледро, где встретил полковника Спинацци с частью его второго полка. Следует отметить, что Пиеве находился на расстоянии ружейного выстрела от Бедзекка. На заданный мною полковнику вопрос — сколько времени он уже находится здесь — он ответил, что уже три дня. Я был ошеломлен и когда спросил его, почему он не участвовал в битве, происшедшей накануне, он ответил, что у него не было боеприпасов. Я оставил полковника и приказал генералу Хаугу арестовать его сразу же после того, как будет собран его полк. Кажется, в поведении полковника Спинацци были обнаружены некоторые симптомы слабоумия, поскольку его предыдущее поведение, насколько мне известно, не было трусливым или подлым. Впрочем, сколь бы трусливым ни был человек, этот (с частью полка, отдельные роты которого доблестно сражались) не мог оставаться равнодушным в тот момент, когда на расстоянии всего одного километра от Бедзекка шел бой, длившийся от зари до двух часов пополудни; на протяжении девяти часов там гремела пушечная стрельба и 12 000 человек с обеих сторон участвовали в битве.

Однако во время процесса над полковником Спинацци выяснилось, что 21-го он не находился в Пиеве ди Ледро, а был на Монте Нота, позиции, господствующей над южной частью местности (это подтверждает мое предположение относительно слабоумия этого несчастного офицера), где он собрал Совет своих офицеров, на котором было решено идти в направлении поля боя, куда они, наконец, прибыли, но уже поздно, ибо следовали слишком медленно. Будь во главе второго полка деятельный командир, полк смог бы сыграть весьма славную роль в событиях этого дня. Он находился как раз в тылу противника, когда тот удерживал Бедзекка, и захвати полк восточные высоты, господствовавшие над этой деревней, он бы завершил победу, которая весьма дорого обошлась бы Австрии: потерей всей артиллерии и многих пленных.

Стоит ознакомиться с местностью, чтобы убедиться в правильности моих утверждений. Получилось же наоборот. Этот прекрасный полк, за спасение которого сражались в Бедзекка, проливая столько крови, бездействовал и ничем нам не помог.

Пусть этот случай послужит уроком молодым офицерам. Там где гремят пушки, там где идет бой с участием товарищей по оружию, туда надо спешить, — для твоего опоздания никаких не может быть оправданий.

Нет боеприпасов? Пусть. Но ведь их можно взять у раненых и

убитых. Повторяю, надо спешить туда, если только вы не получили других указаний или явно противоположных приказов.

Я не стану рассказывать об отдельных, происходивших в горах, сражениях, а там было немало очень славных, в которых я, конечно, не мог принимать участие. Скажу только, что 21-го враг, чтобы замаскировать серьезное наступление на Бедзекка, начал двигаться с солидными силами и на Кондино, где доблестный генерал Фабрици, начальник Генерального штаба, отбросил его при участии бригад Никотера и Корте и с помощью нескольких пушек. Две стычки произошли также при различных обстоятельствах у Молина около озера Гарда, во время которых отдельные роты второго полка мужественно сражались. После 21-го враг больше не появлялся, и я, отправив полковника Миссори с его проводниками за Кондино на рекогносцировку, узнал от него, что враг покинул всю долину до фортов Лардаро.

Целью проведенной маскировочной операции в направлении нашего левого фланга через долину Джудикариа было помешать нашему соединению с колонной Кадолини, которая, оставив долину Камоника, двигалась через долины Фумо и Даоне в нашу сторону.

Одновременно с битвами в Бедзекка и Кондино произошел бой на нашем левом фланге, в горах, где майор Эрба, кажется, с отрядом первого полка удерживал позиции от наступающего с превосходящими силами противника. Это доказывает, что количество австрийских полков, противостоявших нам, было очень велико.

После того как враг очистил долину Джудикариа, соединение с Кадолини стало делом нетрудным, и, зная каковы форты Лардаро, я решил предпринять наступление в правом направлении на Рива и Арко; уже начали принимать меры для усиления войск под командованием генерала Хауга, на которого было возложено командование этим флангом и проведение этой операции. Но приказ от 25 августа[375] — приостановить военные действия — застал нас в момент, когда мы начинали это наступление.

Поход 1866 г. так изобилует всякими злополучными событиями, что не знаешь — проклинать ли судьбу, или злонамеренность тех, кто руководил им. Дело в том, что после того, как было преодолено столько трудностей и пролито столько драгоценной крови, чтобы овладеть долинами Тироля, как раз в момент, когда мы начали пожинать плоды своих трудов, наше победоносное наступление было приостановлено. Такое утверждение не будут считать преувеличенным, когда узнают, что 25 августа[376] — в день, когда нам было приказано прекратить

военные действия вплоть до Тренто, — нельзя было обнаружить ни одного неприятельского солдата, что, уходя из Рива, бросили в озеро крепостные пушки; что в течение двух дней нельзя было найти австрийского генерала, чтобы сообщить ему о прекращении военных действий; что наш девятый полк уже спускался с гор в тылу фортов Лардаро, не встречая, конечно, никакого сопротивления, поскольку весь гарнизон этих фортов состоял из одной только роты, и, наконец, что генерал Кюн, главнокомандующий всеми австрийскими силами в Тироле, объявил в своем приказе, что, не будучи в силах удержать итальянский Тироль, он решил отступить в немецкую часть Тироля и защищать ее.

В этот день генерал Медичи, после блестящих побед в долине Сугана, находился на расстоянии всего нескольких километров от Тренто. Генерал Козенц со своей дивизией следовал за ним, и нет сомнения, что в два дня мы могли соединиться и вступить в столицу Тироля с 50 000 войском.

Возгордившись нашими успехами, численно возросшими, благодаря образованию многочисленных отрядов в Кадоре, Фриули и других местах, мы могли дерзнуть на все. Вместо этого я сижу здесь и пачкаю бумагу для того, чтобы будущие поколения узнали о наших бедах. Приказ верховного командования требовал нашего отступления и очистки Тироля. Я ответил: «Повинуюсь» — это слово дало потом повод мадзинистам обрушиться на меня; они, как всегда, желали, чтобы я провозгласил республику и двинулся на Вену или Флоренцию.

Во время всего похода 1866 г. большой помощью мне были мои высшие офицеры, поскольку я не мог в должной мере наблюдать за передвижением войск, следить за ходом боевых действий, так как был прикован к карете. Кьясси, Ломбарди, Кастеллини и столько других храбрецов, павших в этом походе, своей благородной кровью освободили наших братьев-рабов. Отныне Италия никогда больше не отдаст их в неволю чужеземцам, даже если этого захочет сам дьявол!

И на сей раз мы получили, уже после окончания военных действий, небольшое количество отличных карабинов. Ну, хватит об этом! Из Тироля мы отступили к Брешии, где волонтеров распустили, и таким образом я вернулся на Капреру.

P. S. Здесь я должен напомнить о признательности моих сограждан полковнику Чемберсу, англичанину, который на протяжении всего похода 1866 г. был моим полевым адъютантом.

При сражении у Бедзекка он был рядом со мной в течение всего боя, проявляя исключительное бесстрашие; он, конечно,

принес бы еще больше пользы, знай итальянский язык, ибо все мои адъютанты находились все время в разъездах, выполняя различные поручения.

Его супруга также оказала нам неоценимые услуги, лично заботясь о наших раненых и делая постоянные великодушные пожертвования. Перемежающаяся ужасающая лихорадка лишила меня на некоторое время дорогого мне общества полковника Чемберса.

Глава 5
В окрестностях Рима

Короткий поход 1867 г. в Агро Романо был подготовлен мною во время поездки на итальянский материк и в Швейцарию, где я присутствовал на конгрессе «Лиги мира и свободы»[377]. Поэтому я принимаю на себя большую долю ответственности за этот поход.

Я, генерал Римской республики, облеченный чрезвычайными полномочиями ее правительством[378], наиболее законным из всех когда-либо существовавших в Италии, проводил время в ничегонеделаньи, что всегда считал преступлением, в тот момент, когда еще так много предстояло сделать для нашей родины, я пришел к разумному выводу, что настала пора покончить с шатким папским владычеством и завоевать для Италии ее блистательную столицу.

Ждать инициативы тех, «кому это положено», значило лелеять надежду вроде той, которая была написана на вратах ада[379]. В Риме не было больше солдат Бонапарта[380]. Неужели же несколько тысяч наймитов — отбросы всех европейских клоак — будут держать под угрозой великую нацию и помешают ей воспользоваться своими самыми священными правами?

Итак, я приготовился к крестовому походу: вначале в Венето, а затем в другие наши провинции, расположенные близ Рима. Как и следовало ожидать, ищейки обоих правительств Парижа и Флоренции[381] ходили за мной по пятам. Много людей оказало мне поддержку в этом походе, но было и немало таких, которые противодействовали мне, особенно из числа мадзинистов; они незаслуженно называют себя «Партией действия»[382] и не терпят, когда кто-нибудь проявляет инициативу в деле освобождения страны.

Итак, после того, как я исколесил всю Италию и вернулся из Швейцарии, я пришел к выводу, что нельзя более медлить, и принял решение приступить к действиям, примерно в сентябре. В то время как шла подготовка к восстанию на севере, необходима

была поддержка со стороны друзей в Южной Италии для того, чтобы одновременно начать действия против Рима. Однако я делал свои расчеты без хозяина и, прибыв в одну прекрасную ночь в Синалунга, где меня любезно встретили и приютили, я был арестован по предписанию итальянского правительства и доставлен в Александрийскую цитадель[383]. Из Александрии через несколько дней меня препроводили в Геную, а оттуда уже на Капреру, окружив остров военными судами. Итак, я оказался пленником в собственном доме; за мной наблюдали издали и вблизи — фрегаты, броненосцы, небольшие пароходы, торговые суда, все они были зафрахтованы правительством для этой цели.

Толчок, данный восстанию на континенте, которое я сам, по вышеприведенной причине, не мог начать, продолжал действовать. Мои друзья не были обескуражены моим домашним арестом и продолжали энергично действовать. Генерал Фабрици, начальник моего Главного штаба, вместе с другими благородными итальянцами образовали во Флоренции Комитет помощи. Генерал Ачерби[384] с отрядом волонтеров проник в провинцию Витербо; Менотти[385] с другим отрядом вступил на территорию Папского государства через Корезе, а героический Энрико Кайроли с братом Джованни и семьюдесятью отважными волонтерами переправились в барке через Тибр и доставили римлянам оружие, в котором те нуждались. Доблестный майор Кукки и горстка храбрецов, с опасностью для жизни пробившиеся в Рим, организовали революцию в самом городе, которая при согласованных действиях с наступающими извне должна была наконец свергнуть чудовищную власть папы — эту раковую опухоль на сердце нашей несчастной страны. Находясь под домашним арестом на Капрере, я, естественно, не был в курсе всех подробностей, но на основании того положения дел, которое было до моего ареста, я предвидел дальнейший ход событий. Кроме того, я кое-что узнавал из газет и из распространявшихся в народе слухов. У меня сложилась уверенность, что мои сыновья[386] и друзья уже находятся на римской земле и вступили в бой с наймитами клерикалов.

Предоставляю судить читателю, мог ли я оставаться в бездействии в то время, когда по моему призыву все дорогие мне и близкие люди сражались за освобождение Рима, за прекрасный идеал всей моей жизни?

Велика была бдительность тех, которым было поручено не спускать с меня глаз; они располагали многочисленными судами и средствами охраны, но несравненно сильнее было мое желание выполнить свой долг и присоединиться к храбрецам, сражавшимся за свободу Италии.

В 6 часов вечера 14 октября 1867 г. я оставил мой дом, направляясь к северному берегу Капреры. У берега я нашел «беккаччино», маленькую лодку, купленную в Арно, пригодную лишь для перевозки не более двух человек. Случайно «беккаччино» находилась только в нескольких метрах от берега, восточнее маленького склада товаров, подлежавших погрузке. В этом же месте росло мастиковое дерево, почти совершенно закрывавшее крошечную лодку, так что мои королевские охранники не могли ее заметить.

Молодой сардинец, Джованни, сторож моей шхуны — великодушный подарок моих английских друзей, — стоявшей на якоре в гавани Станьятелло, ожидал меня на берегу. С его помощью я спустил «беккаччино» на воду и сел в нее.

Напевая, Джованни отъехал на шлюпке от шхуны. Точно утка, не производя шума, поплыл я налево вдоль берега Капрера и вышел в открытое море, миновав мыс Аркаччо, где другой преданный мне человек Фрошионте, а также инженер из Капреры Барберини, хорошо разведали местность, опасаясь засады. Ищеек у меня было много. Они заняли крошечные островки в гавани Станьятелло, в которой стоял катер и еще несколько мелких судов, и всю ночь напролет патрулировали по всем направлениям, за исключением избранного мною, чтобы вырваться из их лап. Было полнолуние — обстоятельство сильно затруднившее мой побег, так как по моим расчетам луна должна была показаться из-за горы Теджалоне (гора, возвышающаяся над Капрерой) примерно через час после заката, а за этот час я должен был перебраться в Маддалену, но не раньше и не позже. Раньше меня могло подвести солнце, а позже — луна. Но неожиданное обстоятельство пришло мне на помощь. В тот день мой помощник Маурицио отправился в Маддалену и примерно в этот час возвращался на Капреру. Будучи слегка навеселе, он не обратил внимания на оклик «кто идет» с военных катеров, во множестве крейсировавших по каналу Монета, отделяющему Маддалену от Капреры. Началась стрельба с военных катеров, но к счастью, он ранен не был. По счастливой случайности это произошло в тот момент, когда я осуществлял свой переезд, чему благоприятствовал сирокко[387], поднявший легкие волны, чудеснейшим образом скрывавшие мою «беккаччино», которая едва на ладонь возвышалась над водой. Кроме того, мне очень пригодился мой опыт, приобретенный в американских реках, где приходилось управлять каноэ индейцев при помощи одного только весла.

У меня было одно весло, вернее лопата длиною примерно в метр, которой я мог грести, производя такой же шум, как и

морские жители. Таким образом, в то время как большинство моих охранников спешили к Маурицио, я преспокойно переплыл пролив Монета и причалил к маленькому островку, отделенному от Маддалены только узким каналом, который можно пройти вброд. Я прибыл на северо-восточную сторону островка и причалил среди окружающих его многочисленных утесов, как раз в момент, когда над Теджалоне показался диск луны. Я вытащил на берег лодку и спрятал ее в зарослях; потом пошел к югу, чтобы перейти вброд канал и направиться прямо к дому госпожи Коллинс.

У самого канала меня уже поджидали майор Бассо и мой друг, капитан Кунео, предполагавшие, что именно в этом месте я сделаю переход. Но происшествие с Маурицио и частые выстрелы, которые они приняли за стрельбу по мне, заставили их подумать, что план мой провалился и что я либо убит, либо, по всей вероятности, пойман. Поэтому они решили вернуться в Маддалену. Обессиленный всякими недугами и долгими годами страданий, я, очутившись среди скал и зарослей Маддалены, почувствовал, что у меня не хватает сил передвигаться. К счастью, мне светила луна. На море я боялся ее, но теперь, при столь утомительном переходе, я благословлял ее за свет. Переход был тем труднее, что приходилось идти через канал вброд, не разуваясь, так как дно было усеяно острыми камнями; мои сапоги были полны воды и поэтому звук ног, хлюпающих по грязной жиже, был крайне неприятен. В таком виде, соблюдая всевозможные предосторожности, я, наконец, прибыл в дом г-жи Коллинс, где меня радушно встретили.

Глава 6
Сардиния, переправа через море, континент

Я оставался в доме госпожи Коллинс до семи часов вечера 15 октября 1867 г., где был принят весьма любезно и чрезвычайно гостеприимно. К этому времени верхом на лошади прибыл туда мой друг Пьетро Суцини. Я сел на коня и вместе с этим опытнейшим проводником пересек остров Маддалена и прибыл в Калла Франчезе, находящийся в западной части острова, где меня уже поджидали Бассо и капитан Кунео со шлюпкой и моряком.

В этой шлюпке вшестером мы переплыли небольшой пролив, отделяющий Маддалену от Сардинии. Прибыв на сардинскую землю, мы отправили шлюпку обратно и провели остаток ночи в «conca»[388] около фермы Доменико Н. 16-го около шести часов вечера, раздобыв еще трех лошадей, мы снова двинулись в путь; сначала кое-кто шел пешком, потом все ехали верхом. Мы

миновали горы Галлура, залив и Терронова и на рассвете 17-го уже были на высотах, господствующих над гаванью Сан-Паоло. Не найдя в гавани судна, которое должны были приготовить Канцио и Виджани, мы провели утро на ферме Никола, а капитан Кунео, невзирая на усталость после пятнадцатичасовой верховой езды, поспешил на юг в порт Прандинга, где нас ждали уже друзья, счастливо добравшиеся туда на рыбачьей лодке «Сан-Франческо» после многих перипетий.

Покидая Сардинию, я должен выразить благодарность добрым друзьям, облегчившим мое освобождение.

Капитаны Джузеппе Кунео и Пьетро Суцини с достойными похвалы стараниями всячески помогали мне. Славные люди, смелые и очень Опытные, они были для нас проводниками, советниками, вместе с нами терпели лишения, трудности, шли на риск и не захотели покинуть нас, пока не доставили на «Сан-Франческо». Доменико Н., хозяин первой фермы, снял единственный матрац с кровати, на которой лежала его больная жена и вместе с подушками отнес в грот, чтобы устроить мне приличное ложе. Таково гостеприимство сардинцев. Он проявил много усердия, чтобы обеспечить нас нужным количеством лошадей, без которых было бы немыслимо пересечь горы Галлура. Никола с фермы в Сан-Паоло, узнав меня, несмотря на то, что я был переодет, с выкрашенными бородой и волосами, принял меня с той чистосердечностью и радушием, которыми отличается неотесанный, но благородный и гордый сардинский пастух. Я вообще очень люблю сардинцев, невзирая на все приписываемые им недостатки, и вполне уверен, что при хорошем правительстве, которое станет действительно заботиться о процветании и прогрессе этого славного, но крайне бедного населения, оно могло бы стать одним из наиболее смелых и смышленых народов.

Обширная и чрезвычайно плодородная Сардиния могла бы превратиться в истинный рай; теперь же это пустыня, в которой нищета, грязь и малярия наложили свою печать на характерные лица ее жителей. Ко всеобщему несчастью, правительство, которое управляет и этим островом, вряд ли знает, что существует такая Сардиния, ибо оно готовит позорную реакцию и расходует итальянскую казну на содержание шпионов, полиции, священников и подобных негодяев, деморализуя и разрушая армию, лишь бы выполнять властолюбивые желания Бонапарта, являясь его жалкой префектурой (1867).

17 октября 1867 г. в два часа пополудни я с радостью обнял на «Сан-Франческо» дорогих мне Канцио и Виджани; они выполнили труднейшую задачу, терпели лишения, пренебрегли опасностью, чтобы освободить меня. В тот же день в три часа

пополудни мы отчалили и, лавируя при несильном сирокко, наша лодка уже оставила позади Таволара, устремив нос к северу, держа румб на северо-восток. 18-го в полдень мы увидели Монте-Кристо, а в ту же ночь вошли в пролив Пиомбино. Утро 19-го было грозным. С юга и юго-запада подул сильный ветер с дождем. Эти обстоятельства облегчили нам причал к Вадо, между каналами Пиомбино и Ливорно. Остаток дня 19-го мы провели в Вадо, дожидаясь ночи, чтобы высадиться. Около семи часов вечера мы сошли на берег, поросший водорослями, в южной части Вадо. Нас было пятеро: Канцио, Виджани, Бассо, Маурицио и я.

Некоторое время мы блуждали, пока не нашли дорогу. Шагая по сильно заболоченной местности с друзьями, помогавшими мне идти в самых трудных местах, я дошел до деревни Вадо, где, к счастью, Канцио и Виджани сразу же нашли два двухколесных кабриолета, в которых мы поспешили в Ливорно. Здесь мы зашли в дом Сгареллино, где оказались одни женщины, принявшие нас очень радушно. Туда явился Лемми, который уже несколько дней поджидал нас и приготовил карету, чтобы отвезти во Флоренцию. Усевшись в карету, мы к утру 20-го уже прибыли в столицу, тут нас гостеприимно встретила семья Лемми. 20-го друзья и население Флоренции, от которых нельзя было скрыть мое прибытие, встретили меня с глубокой радостью. Хотя дело шло о завоевании Рима, столицы Италии, следовательно о лишении прародительницы Галилея и Микеланджело примата столицы страны[389], благородный народ Флоренции ликовал. Поистине это была великая и подлинная манифестация патриотизма, которая при подобных обстоятельствах произошла и в Турине, и Италия не должна об этом забывать.

Я всей душой рвался к моим братьям по оружию и к сыновьям, которые стояли лагерем на виду у противника, поэтому мое пребывание в столице было коротким. 20-го и 21 октября я еще пробыл во Флоренции, но 22-го, сопровождаемый специальным эскортом, я направился к римской границе вплоть до Терни, а оттуда в карете к лагерю Менотти на перевале Корезе, куда и прибыл 23-го. Так как Корезе представлял собой очень невыгодную позицию, трудную для обороны, особенно сильно измотанными частями, такими, как наши бедные волонтеры, мы двинулись в направлении Монте Маджоре, а оттуда в ночь с 23-го на 24-е отдельными колоннами к Монтеротондо, где по нашим сведениям было около четырехсот неприятельских солдат с двумя орудиями. Колонна под командой майоров Кальдези и Вальсаниа должна была выступить 23-го в 8 часов вечера, прибыть к полуночи к Монтеротондо и пробиться в город, атакуя его с запада, где предполагалось — так оно и оказалось — самое

слабое место неприятельских позиций, ибо там была разрушена крепостная стена и там стояли дома, наружные двери которых выходили за эту стену, так что в город нетрудно было проникнуть.

Однако наша правая колонна, состоявшая большей частью из храбрых римлян, вследствие всяких затруднений, неизбежных для плохо организованного, усталого отряда, лишенного самого необходимого, да к тому же не имевшего хорошо знающих местность проводников, только днем подошла к крепостной стене Монтеротондо, почему и сорвалась ночная атака.

Едва ли можно себе представить, до какой степени отупения и боязни довели священники этих потомков древних легионов Мария и Сципиона. Я это уже испытал еще в 1849 г. при отступлении из Рима, когда ни за какие деньги нельзя было найти проводника. То же повторилось и в 1867 г. Подумать только, что в таком итальянском городе, как Монтеротондо, где двери домов выходят за городскую западную стену, нельзя было найти ни одного человека, который рассказал бы нам, что происходит внутри города. А ведь мы все, черт возьми, итальянцы, боровшиеся за освобождение родины! Меж тем как внутри города подлые охранники — чужеземные наемники — угодливо прислуживали лжецам и лицемерам.

«Свободная церковь в свободном государстве»[390] — изрек один выдающийся государственный деятель, хитрый как лиса. Ну и предоставьте же полную свободу этим черным плевелам и вы получите те же результаты, что и Франция с Испанией, которые по милости своих пастырей докатились ныне до последней ступени своего падения.

Левая колонна под командованием Фригези подошла с востока к Монтеротондо и заняла к десяти часам утра монастырь капуцинов с прилегающими к нему неприятельскими позициями. На левую сторону были высланы несколько рот, чтобы соединиться с нашими отрядами на правом фланге, чего невозможно было добиться в течение всего дня 24 октября, ибо неприятель открыл с этой стороны убийственный огонь. Центральная колонна под командой Менотти, при которой я находился, направлявшаяся из Монте Маджоре прямо к цели, также задержалась в пути, из-за трудно проходимой дороги на Молетта, и, несмотря на это, первой на рассвете подошла к позициям, окружающим Монтеротондо с севера. Я приказал этой колонне, которой командовал Менотти, состоявшей большей частью из доблестных генуэзских берсальеров майоров Мосто и Бурландо, захватить упомянутые сильные позиции на севере, но не начинать атаки города, рассчитывая повести атаку совместно с

другими колоннами, которые должны были вскоре подойти.

Но слишком велик был энтузиазм волонтеров; вместо того, чтобы ограничиться захватом указанных выше позиций, они, невзирая на убийственный огонь, открытый из всех домов этого района, ринулись в атаку на ворота Сан-Рокко.

Удалившись от центральной колонны, чтобы обнаружить колонну Фригези, которая должна была подойти с этой стороны, я с болью и изумлением заметил, что генуэзские берсальеры проявили излишнюю отвагу, и, рискнув на атаку, слишком дорого нам обошедшуюся, мы потеряли большое число убитыми и ранеными. Но вместе с тем эта атака помогла нам закрепиться в близлежащих к воротам Сан-Рокко домах и расположить там несколько сотен волонтеров, которые позднее, поддержанные свежими ротами из других частей и с их помощью, подожгли эти ворота. Это позволило нам вступить в город и занять его.

Итак, весь день 24 октября ушел на то, чтобы окружить город Монтеротондо нашими силами. Гарнизон, состоявший из папских зуавов, вооруженных прекрасными карабинами, и имевший также два орудия, беспощадно обстреливал нас. Мы не могли отвечать должным образом на огонь врага, имея по обыкновению дрянное оружие, да к тому же враг находился под хорошим прикрытием и нельзя было обнаружить ни одного неприятельского солдата.

Над Монтеротондо высился дворец князей Пиомбино. Молодой представитель этой семьи воевал вместе с нами. Этот дворец, вернее замок, представлял собой огромное и крепко сбитое сооружение. Враг превратил его в крепость с бойницами и брустверами на восточной площадке, куда он поставил свои два орудия, одно двенадцати-, а другое девятимиллиметровое.

Среди павших во время атаки на ворота Сан-Рокко были: тяжело раненный доблестный майор Мосто, смертельно раненный капитан Уциель, мой дорогой славный Виджани, положивший столько трудов для моего освобождения из Капреры, которому я многим обязан? — был убит. А сколько еще пало смертью храбрых!

Ниже я перечисляю имена доблестно павших в 1867 г. за освобождение Рима, и так как я, разумеется, не могу вспомнить всех, поручаю моему штабу выполнить этот священный долг:

Убиты

Акилле Кантони — майор

Виго Пелиццари, Уциель — капитан

Виджани Антонио — ст. лейтенант

Латини Эрколе Акилле Борги Аннигини Антонио Ломбарди Пио Перми Джузеппе Граф Болис ди Луго Андреуцци Сильвио —

лейтенант

Этторе Моразини Бови — сын майора

Бортулаччи Джиронимо Ленари Санте Джордано Этторе Шолей Джон из Лондона

Ранены

Бецци Эджисто — майор Мосто Антонио Сталло Луиджи Гавитани Винченцо Галлиани Джакомо* Манара Доменико Сгарби Антонио Майер из Ливорно Сгареллино Пэскуале Капуани Паоло Галлиани Джакомо.

Найдены раненными и истерзанными папскими зуавами на станции Монтеротондо

Глава 7
Атака на монтеротондо

Эта атака является лучшим доказательством высокого морального состояния людей, которыми я командовал; они не подверглись влиянию мадзинистской пропаганды, рекомендовавшей волонтерам разойтись по домам и провозгласить республику.

Как уже сказано, весь день 24 октября ушел на то, чтобы окружить Монтеротондо, приготовить хворост и серу для поджога ворот Сан-Рокко и предпринять все необходимые для атаки меры.

Все три колонны под командованием Саломоне, Кальдези, Вальсаниа и Менотти, за исключением небольшого отряда, выделенного для наблюдения за римской дорогой, откуда могли подойти подкрепления неприятелю, соединились для решительного штурма ворот Сан-Рокко.

Фригези должен был одновременно атаковать город с востока и по возможности также поджечь ворота замка.

Штурм был назначен на четыре часа утра 25 октября. Наши бедные, разутые и раздетые, промокшие и изголодавшиеся волонтеры расположились по обочинам дороги, которую проливной дождь последних дней превратил в густую грязь, и она стала почти непроходимой. Падая от усталости, эти доблестные юноши повалились прямо в грязь, чтобы немного поспать. Должен признать, меня охватило отчаяние, когда я подумал, что в час атаки придется поднять этих мучеников; я решил разделить их жалкое положение, находясь среди них до трех часов утра. В это время окружавшие меня друзья просили меня, чтобы я зашел ненадолго в монастырь Санта-Марии, расположенный всего в нескольких шагах от нас, чтобы хоть немного посидеть в сухом месте, и провели меня в исповедальню, единственное место, где

была скамья. Я провел там несколько минут. Но не успел расположиться и прислониться, усталый от долгого стояния, к стенке, как шум, словно рев бури, и торжественные крики огромного количества наших людей, ринувшихся в горящие ворота, заставили меня вскочить и со скоростью, на какую я был способен, побежать к месту действия с криком: «Вперед!». Горевшие ворота, обстрелянные двумя нашими мелкокалиберными пушками, казавшимися издали двумя подзорными трубами, превратились в груду пылающих, но постепенно догорающих развалин. Но враги пытались вновь забаррикадироваться, тащили повозки, громоздили столы и всякое другое барахло, подходящее для этой цели. Это пришлось не по душе нашим, которым с таким трудом и риском удалось зажечь ворота. Первый предмет, появившийся у ворот, который подкатили туда зуавы, была повозка, но они не успели даже придвинуть ее. Героизм охватил патриотов. Точно электрическая искра пробежала по рядам и словно одержимые бросились они с быстротой молнии на горящие ворота. Куда девались усталость, голод, изнеможение! Разве я не был свидетелем того, как эта итальянская молодежь совершала чудеса?! Не доверять ей было бы сущим преступлением. На это способен лишь старый, отживший человек.

Ни поставленная на дороге повозка, ни груды горящих обломков, валявшихся при входе, ни град выстрелов, сыпавшихся со всех сторон, ничего не могло остановить их. Они напоминали мне бурный поток, прорвавший шлюзы и плотины и ринувшийся на равнину. В несколько минут город был наводнен нашими, а весь гарнизон оказался запертым в замке. В шесть часов вечера началась атака замка, когда мы уже овладели всеми улицами, ведущими к нему. Забаррикадировав всех в замке, мы подожгли конюшни, пустив в ход хворост, солому, повозки и всевозможные воспламеняющиеся предметы, которые удалось раздобыть. В десять часов утра незначительным обстрелом удалось отбросить около двух тысяч человек, направлявшихся из Рима на помощь осажденным.

В одиннадцать часов утра гарнизон, задыхаясь от дыма, опасаясь взлететь на воздух, если огонь перебросится на пороховой склад, поднял белый флаг и безоговорочно сдался.

Храбрый майор Тестори, который незадолго до сдачи неприятелю вышел из укрытия и поднял белый флаг, предлагая сдаться, был вопреки всем правилам ведения войны зверски расстрелян этими наемными бандитами. Видя много подобных варварских актов молодчиков инквизиции, наши горели ненавистью к ним, и мне стоило величайших усилий спасти им

жизнь. Я был вынужден самолично вывести их из Монтеротондо и приказать под конвоем сорока человек доставить к перевалу Корезе в распоряжение майора Маррани.

В Монтеротондо произошло то, что обычно бывает в атакуемом городе, нанесение которого не пользуется симпатией завоевателей, ибо оно проявляет к ним равнодушие и почти отвращение. Так случилось и с нами. И тут, я должен сказать, тоже не было недостатка в беспорядках. Это затруднило организацию нашей милиции должным образом. В этом смысле мы мало могли сделать в городе за те немногие дни, что мы там находились. Надеясь, что за стенами города нам скорее удастся организовать людей, если их изолировать от происходящих в городе беспорядков, особенно, когда мы будем на марше и приблизимся к Риму, мы 28 октября оставили Монтеротондо и заняли высоты Санта-Коломба. Находясь в авангарде, Фригези занял Марчильяна и выдвинул свои аванпосты до Кастель Джубилео и Вилла Спада.

Вечером 29-го, когда я был в замке Джубилео, прибыл гонец из Рима, родственник которого был в нашей колонне, поэтому мы знали, кто он. Он уверял меня, что римляне решили попытаться поднять в эту же ночь восстание. Это меня несколько смутило, так как не все наши люди были у меня под рукой. Тем не менее я решил на рассвете 30-го пройти с генуэзскими берсальерами до виллы Пацци, отстоявшей на два ружейных выстрела от моста Номентано.

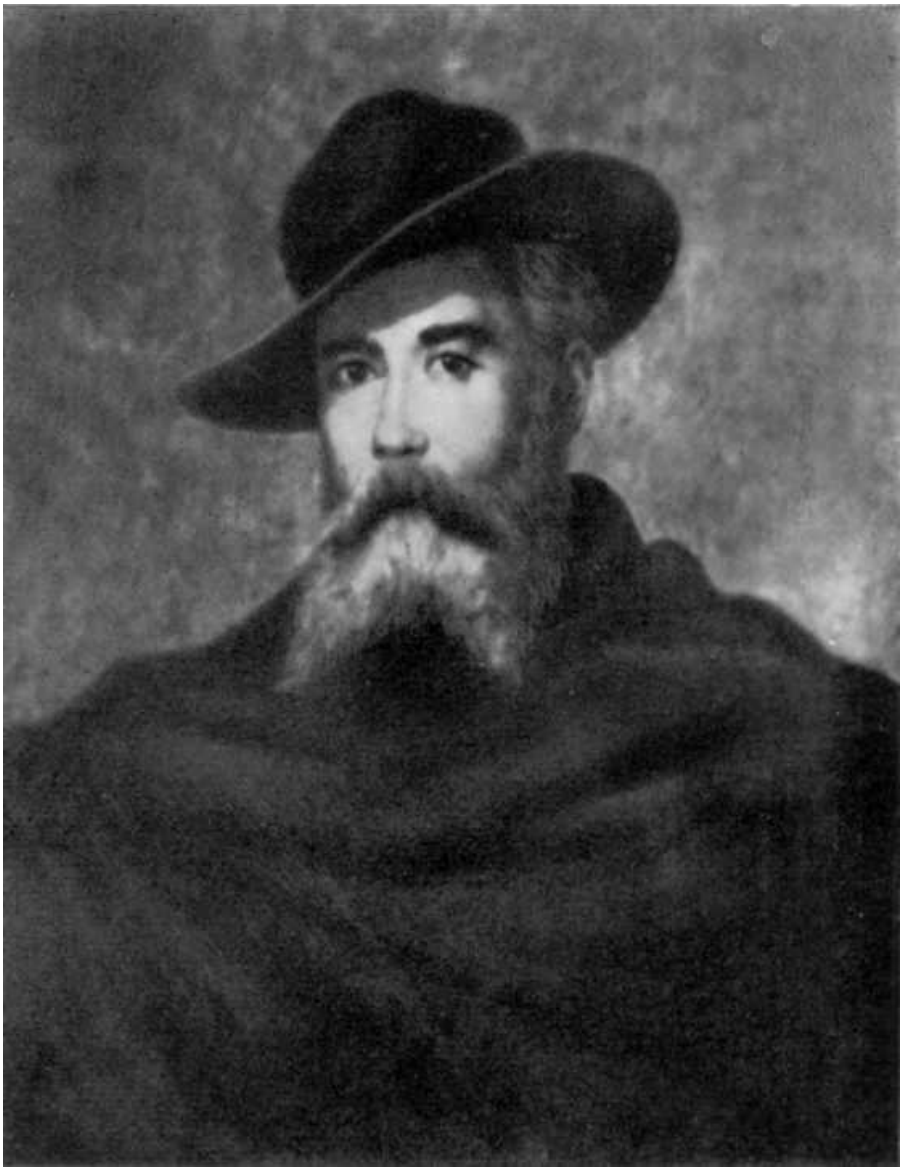
Один наш проводник и офицер, прибывшие первыми на виллу, натолкнулись на небольшой неприятельский отряд и между ними произошла перестрелка из револьверов. Проводник был легко ранен в грудь, и так как число врагов преобладало, наши отступили и выстрелами в воздух дали мне знать, что в этом месте находятся папские солдаты. Все это было ими проделано спокойно, хладнокровно и мужественно. Мы повернули назад навстречу обоим батальонам, двигавшимся к Риму, и как только они подошли, мы заняли виллу Пацци и дома Чеккина для пастухов, находившиеся на расстоянии дальнего ружейного выстрела к северу от виллы и дороги, защищенной стеной сухой кладки — от виллы до домов. Здесь мы оставались весь день 30 октября, ожидая услышать какое-нибудь движение в Риме или получить извещение от друзей из Рима, но напрасно.

Около десяти часов утра появились две неприятельские колонны, посланные на рекогносцировку: одна шла от моста Номентано, другая, немного погодя, от моста Маммоло. Папские солдаты подошли справа на ружейный выстрел и, выдвинув вперед стрелков, обстреливали нас весь день. Но согласно

полученному приказу, наши не отвечали на огонь, ибо это все равно было бы бесполезно, так как генуэзцы не имели своих отличных карабинов, а с нашими никудышними ничего бы не получилось. И только, когда, осмелевшие или раздраженные нашей сдержанностью, зуавы подошли ближе, лежавшие в засаде у виллы Пацци волонтеры убили четырех из них и ранили многих.

Энрико. Козенц. Командир гарибальдийской дивизии и военный министр революционного правительства в Неаполе. Портрет работы Франческо Ларуссо.

Центральный музей Рисорджименто. Рим



Джузеппе Тирони. Горнист «Тысячи»

Портрет работы Альчиде Педзоли.

Музей Рисорджименто. Бергамо

Наши позиции, расположенные в нескольких шагах от Рима, где была сосредоточена вся папская армия, находились в опасности, и поэтому, когда я увидел, что из города вышли две колонны, силы которых нельзя было точно установить, я потребовал от Менотти[391], находившегося в арьергарде, выслать нам на помощь несколько батальонов, что он немедленно исполнил, и сам прибыл с ними.

Убедившись, что в Риме ничего не произошло и более того — ничего и не произойдет, когда туда прибудут французы, о чем уже было объявлено, — и французы действительно появились — я приказал отступать в Монтеротондо, оставив на месте горящие костры, чтобы ввести в заблуждение противника. Этим воспользовались мадзинисты, чтобы сеять смуту и недовольство среди волонтеров. «Если не идти на Рим, — говорили они, — то уж лучше разойтись по домам!» Еще бы! Ведь дома сладко ешь и пьешь, спишь в тепле, да, наконец… и шкура у тебя в безопасности!

Позиции, которые мы занимали — замок Пацци, Чеккина, замок Джубилео и другие, — были чересчур близки к Риму, их трудно было защищать против превосходящих сил противника. Поэтому надо было занять более выгодные, более сильные и более отдаленные позиции. Монтеротондо удовлетворял всем этим требованиям и помимо всего там можно было легче достать провиант.

Глава 8
Ментана, 3 ноября 1867 г.

31 октября все волонтерские части вернулись в Монтеротондо и оставались там до 3 ноября. Это время было использовано для того, чтобы, насколько возможно, обуть и одеть наиболее нуждавшихся, вооружить и сорганизовать их. Три батальона под командой полковника Паджи заняли сильные позиции Сант-Анджело, Монтичелли и Паломбара. Тиволи занял

полковник Пианчиани с одним батальоном; Витербо занял генерал Ачерби с отрядом в тысячу человек, а с другой тысячей генерал Никотера занял Веллетри. На правом же берегу Тибра действовал майор Андреуцци с отрядом в двести человек.

До 31 октября усилился приток волонтеров в колонны Менотти, так что их численность достигла шести тысяч. Следовательно, положение волонтерских частей, если и не было блестящим, то его нельзя назвать плачевным, будь мы в состоянии с помощью родины улучшить вооружение, экипировку наших бедных бойцов и снабдить их всем необходимым. Папская же армия была деморализована; часть ее мы разгромили в Монтеротондо, а остальные сосредоточились в Риме и обескураженные не осмеливались выйти из города.

Но угнетенное население Рима, жестоко наказанное за свои попытки восстать, взывало к отмщению и, возглавляемое Кукки и другими смелыми и доблестными людьми, готовилось с воодушевлением и мужеством присоединиться к своим освободителям извне и вместе с ними покончить раз и навсегда со священниками и наемниками. Словом, все говорило, что падение папства, врага человеческого рода, неминуемо.

Но гений зла бодрствовал и все еще покровительствовал своему главному помощнику: верховному жрецу лжи[392]. С берегов Сены, где, к несчастью Франции и всего мира, злодей[393] этот правил, он угрожал берегам Арно[394], упрекал в трусости трусов и взывал к мужеству объятых страхом обманщиков. На зов своего хозяина, люди, столь недостойно правящие Италией, под прикрытием обычной маски патриотизма, обманывая нацию, вторглись в Римскую область, заявляя при этом: «Мы здесь! Мы сдержали слово; при первых выстрелах, раздавшихся в Риме, мы поспешили на помощь своим братьям!»

Ложь! Ложь! Да, вы поспешили, но чтобы уничтожить своих братьев на тот случай, если окончательная победа будет за ними. Вы поспешили лишь тогда, когда уверились, что римские патриоты разбиты, погибли!

Ложь! Ложь! Вы и Ваш великодушный союзник заняли Рим и его область[395] для того, чтобы войско папских наемников — свободное, невредимое, оправившееся от своих поражений, со всей своей силой, превосходством своего оружия и военных средств — могло одержать победу над горстью плохо вооруженных и лишенных всего необходимого волонтеров, к уничтожению которых вы стремились! А на случай, если одного папского войска не хватит, — как это и было в действительности, — стояли наготове солдаты Бонапарта, и я содрогаюсь при мысли, что вместе с ними были и те, кто имеет

несчастье вам повиноваться[396]. А разве в 1860 г. они не выступали, чтобы нас разгромить?[397] Так почему же не делать то же самое в 1867 году? (Депеша Фарини Бонапарту).

На холмах Ментаны лежат вперемежку или рядом трупы доблестных сынов Италии и чужеземных наемников, как это было семь лет назад на равнинах Капуи. А дело, за которое сражались бойцы, — я имел честь ими командовать, — было для всей южной Италии столь же свято, как то дело, которое привело нас к стенам древней столицы мира.

Здесь я должен с болью упомянуть также и о другой причине неудачи под Ментаной. Я говорил уже, что мадзинисты развернули свою разлагающую пропаганду с момента нашего отступления от виллы Пацца; мотивы их пропаганды были насквозь пропитаны безрассудностью. Обладающий здравым смыслом легко увидит, что с появлением французов мы не смогли бы удержать наши позиции под стенами Рима. Боевые силы, которыми я командовал, терпели недостаток во всем необходимом, не имели ни артиллерии, ни кавалерии, словом, не выдержали бы серьезного столкновения даже с одними папскими войсками и не продержались бы и двух дней в случае нападения на нас.

А став хозяевами Монтеротондо, расположенного на виду у Рима, мы, наоборот, находились в центре наших небольших боевых сил, занимали позиции, господствовавшие над окрестностью и на таком расстоянии, чтобы вовремя заметить врага, когда он станет приближаться. Однако для мадзинистов это были лишь предлоги. Видимо, недостаточно было вероломного и остервенелого сопротивления правительства, мощи клерикализма и поддержки Бонапарта. Нет, они еще должны были, как всегда, дойти до того, чтобы нанести последний удар тем, у кого не было других чаяний, кроме освобождения из рабства своих братьев. «Мы сделаем это лучше», — говорили мне в 1848 г. в Лугано члены этой секты, ставшие сегодня сторонниками монархии[398]. Как видите, война при помощи булавочных уколов ведется мадзинистами против меня уже давненько. «Пойдем домой провозгласить республику и строить баррикады», — говорили мои бойцы в окрестностях Рима в 1867 г. В самом деле, было куда удобнее для моих бедных юношей, сопровождавших меня, вернуться домой, нежели оставаться со мной в ноябре, без необходимой одежды, терпя недостаток во всем, имея против себя итальянскую армию, вместе с папскими наемниками и французами, с которыми предстояло сражаться.

Результатом таких мадзинистских интриг явилось

дезертирство около трех тысяч юношей с момента нашего отступления от виллы Пацца до битвы при Ментаны. Но если в частях, насчитывающих около шести тысяч, половина дезертирует по уважительным причинам, как они об этом прямо заявляли, — то можно себе представить, каково было моральное состояние оставшихся волонтеров и как сильна была их вера в успех предпринятого дела.

Вред, нанесенный мне мадзинистами, безграничен, и я бы мог забыть об этом, если бы речь шла об ущербе, причиненном лишь мне одному. Но Ведь нанесен он был национальному делу! Как же я могу забыть об этом, как могу не указывать на это избранной части нашей молодежи, сбитой ими с пути. Сам Мадзини был, конечно, лучше своих приверженцев. В письме ко мне от 11 февраля 1870 г. он, касаясь Ментанского дела, писал: «Вы знаете, что я не верил в успех у Ментаны и был убежден, что лучше собрать все силы для восстания в Риме, а не вторгаться в римскую область; но раз дело было начато, я помогал, насколько мог». Я не сомневаюсь в правдивости его слов, но вред был уже нанесен: одно из двух, либо Мадзини уже успел предупредить своих сторонников, либо они предпочли продолжать наносить вред.

План, полностью отвергнутый нашими друзьями в Риме.

Риччотти не удалось достать в Англии те средства, на которые мы рассчитывали, так как среди наших тамошних друзей также пошли разговоры вроде: «зачем свергать папство и заменять его правительством еще худшим?»

Как я уже говорил, в Агро Романо сторонники Мадзини сеяли среди бойцов уныние и вызвали массовое дезертирство, что, бесспорно, явилось главной причиной поражения у Ментаны.

С высоты башни дворца Пиомбино в Монтеротондо, где я проводил большую часть дня, наблюдая за Римом, за упражнениями наших молодых воинов на равнине, а также за каждым движением в округе, я увидел процессию наших людей, шедших к перевалу Корезе, иначе говоря, расходившихся по домам. Своим товарищам, сообщавшим мне об этом, я говорил: «Да нет же, те, что уходят, не наши люди, вероятно, это крестьяне, они не то идут, не то возвращаются с работы». Но в душе мне было стыдно за этот позорный поступок, я пытался скрыть или умалить его значение, сославшись на чрезвычайные обстоятельства — обычное поведение людей в таких случаях.

В связи с вышеописанным моральным состоянием наших

людей и вследствие того, что северная граница была для нас крепко накрепко закрыта частями итальянской армии, и мы были не в состоянии добывать все для нас необходимое за пределами границы, нам пришлось искать другое поле действия, другую базу, чтобы просуществовать, продержаться и выждать событий, которые должны наконец разрешить римский вопрос. По этим соображениям решено было пойти влево к Тиволи, оставив в тылу Апеннины, и продвигаться к южным провинциям.

Наше выступление было назначено на утро 3 ноября, но так как пришлось ждать, пока не будет роздана обувь, мы могли сняться с места лишь к полудню.

Мы уходили из Монтеротондо по дороге на Тиволи. Порядок нашего марша был следующий. Колонны под командованием Менотти продвигались в полном порядке с авангардом берсальеров впереди — примерно на расстоянии в одну — две тысячи шагов; перед авангардом — пешие разведчики, предшествуемые конными проводниками; по всем дорогам, ведущим из Рима, на нашем правом фланге находились пешие и конные отряды, которые должны держаться по возможности ближе к Риму, по этому же правому флангу; а на господствовавших над окрестностью высотах расположатся сторожевые посты, которые смогут своевременно уведомить нас о любом движении неприятеля.

Арьергард будет подталкивать отстающие части с тем, чтобы никто не оставался позади. Артиллерия — в центре колонн. Обоз с имуществом — в хвосте каждой колонны. Примерно в таком порядке мы двинулись в путь из Монтеротондо в Тиволи.

Однако, к несчастью, наши конные разведчики — а их у нас было маловато — попали в руки неприятеля, так что папский отряд на дороге Номентана напал врасплох на наш авангард и завязался бой. Начавшаяся стрельба оповестила меня о присутствии врага, когда мы миновали деревню Ментана. При таком положении вещей, когда схватка началась, отступление было бы равносильно бегству, поэтому не было другого выхода, как принять бой, заняв поблизости сильные позиции. Я послал приказ шедшему в авангарде Менотти занять эти сильные позиции и оказать сопротивление. Затем я послал вперед остальные колонны, развернув их справа и слева для поддержки первых, а несколько рот оставил в резерве правой колонны. Дорога, ведущая из Ментаны в Монтеротондо, ставшая в тот день театром наших действий, дорога удобная, но она лежала в низине и была слишком узкой. Поэтому я был вынужден искать на нашем правом фланге подходящие места, чтобы установить оба орудия, отбитые нами 25 октября у врага. Это было выполнено с большим

трудом по причине нехватки в людях, знающих хорошо местность, и лошадей, да и сама местность была неровной, пересеченной изгородями и виноградниками. Тем временем жесточайший бой кипел по всему фронту. Мы заняли позиции, не уступавшие и даже лучше позиций врага, так как в течение всего дня он не смог ввести в действие свою артиллерию; некоторое время мы удерживали наши позиции, несмотря на огромное превосходство неприятеля как в вооружении, так и в численности. Я должен, однако, признать, что волонтеры, деморализованные массовым дезертирством из наших войск, не были в этот день на высоте своей былой славы. Доблестные офицеры и горсточка следовавших за ними храбрецов проливали свою драгоценную кровь, не уступая ни пяди земли; но наша масса не отличалась той отвагой, что прежде. Она уступала превосходные позиции, почти без сопротивления, на которое я был вправе рассчитывать. Битва началась около часа дня, а к трем часам, примерно, постепенно овладевая одной позицией за другой, враг отбросил нас на один километр к деревне Ментана. Наконец, к трем часам мы смогли разместить наши орудия на нашем правом фланге на выгодных позициях и обстрелять с успехом врага. Штыковая атака всей нашей линии и стрельба наших в упор из окон домов в Ментане усеяли землю трупами папских солдат. Мы оказались победителями, враг бежал, потерянные позиции были нами вновь заняты. До четырех часов победа улыбалась сынам итальянской свободы и мы стали хозяевами поля боя. Но я повторяю, в наши ряды проникла роковая деморализация. Да, мы вышли победителями, но мы не захотели завершить нашу победу, преследуя врага, покинувшего поле боя. Среди волонтеров поползли слухи о якобы двигающихся на нас французских колоннах; у нас не было времени узнать, кто распустил этот слух; конечно, это работа наших врагов в черных сутанах или дьяволов. Все знали, что итальянская армия — против нас: на границах она задерживает наших, перехватывает то, что нам предназначено, срывает связь с нами, словом, итальянскому правительству, священникам и мадзинистам удалось посеять в наших рядах уныние. А ведь не каждый настолько закален, чтобы не упасть духом и решительно идти вперед, выполняя свой долг.

Около четырех часов дня слух, что французская колонна в количестве двух тысяч солдат Бонапарта напала на нас с тыла, нанес последний удар стойкости наших волонтеров, но это был ложный слух. В действительности, это был экспедиционный корпус Де Фальи, прибывший на поле боя для поддержки обессиленных и разбегавшихся папских солдат. Итак, столь доблестно вновь занятые нами позиции мы опять оставили, а

толпа бегущих запрудила дорогу. Напрасно мой голос и голоса моих отважных офицеров призывали их остановиться. Напрасно! Мы охрипли от крика и брани. Напрасно! Все бежали по направлению Монтеротондо, бросив одно орудие, которое лишь на следующий день попало в руки неприятеля, оставив на произвол судьбы горсточку мужественных волонтеров, продолжавших из окон истреблять врага. Когда противник отступает, любой становится храбрым — так случилось и с нашим неприятелем. Папские вояки, ранее улепетывавшие от нас, теперь, поддержанные французскими колоннами, осмелев, снова двинулись вперед. Мы отступали, а они жали нас и своим отличным оружием наносили нам большие потери убитыми и ранеными.

Французы, которых мы сначала приняли за папских солдат, также перешли в наступление со своими эффективными ружьями «Шасспо»[399], осыпая нас градом пуль, к счастью больше нагонявших страх, чем причинявших смерть. О, если бы наши юноши вняли бы моему голосу и удержали бы позиции, — это легко было сделать без особого риска, — которые мы вновь заняли в Ментане и ограничились бы их обороной, тогда, пожалуй, день 3 ноября стал бы одним из самых славных дней итальянской демократии, невзирая на отсутствие столь многого и на такое незначительное число людей, какое было у нас в Ментане[400].

Во многих предыдущих сражениях мы до самого конца дня были в роли проигрывающего бой, но благосклонная к нам судьба вновь бросала нас на победный путь. 3 ноября в четыре часа пополудни мы были в Ментане хозяевами на поле боя и если бы мы сохранили еще хоть один час стойкость, тем более, что надвигалась ночь, весьма вероятно, что наши враги отступили бы к Риму, поскольку им трудно было бы оставаться на своих позициях вне Рима, зная, что ночью мы не дали бы им ни минуты покоя.

Около пяти часов пополудни все наши части, за исключением защитников Ментаны, находившихся в домах, в беспорядке отступили к Монтеротондо; едва удалось занять с несколькими сотнями бойцов сильную позицию капуцинов. Уже не было орудийных боеприпасов; в небольшом количестве остались патроны для ружей. Все склонялись к тому мнению, что отступление к перевалу Корезе неизбежно.

С высоты башни замка в Монтеротондо я убедился, что весть о двух тысячах французов, якобы идущих на нас по римской дороге, чтобы напасть с тыла, была ложной, а ведь об этом сообщали мне многие во время сражения. Кажется невероятным,

что нечто подобное может случиться, и все же такое случается. Даже многие из моих офицеров, заслуживающих полного доверия, убеждали меня, что слышали об этом. И в пылу сражения такой слух распространялся. Попробуйте в таких затруднительных обстоятельствах узнать, откуда идет этот слух, от которого веет черным предательством. Тем временем этот слух распространялся с быстротой молнии, приводя бойцов в уныние. Людская злоба! О, сколько же еще таких коварных и злобных людей в итальянском обществе, столь развращенном духовенством и его приспешниками, от которых надо Италию очистить.

Любое воинское подразделение должно иметь свою полевую жандармерию. Однако у волонтеров столь сильно презрение ко всякого рода полиции, что весьма трудно и, пожалуй, даже невозможно, ее организовать.

3 ноября с наступлением темноты мы отступили к перевалу Корезе[401]. Остаток ночи мы провели на римской территории, расположившись в остерии и вокруг нее. Несколько командиров сообщили мне, что одна часть бойцов не хочет бросать оружие, а готова снова испытать судьбу, но утром я убедился, что таких не существовало. Утром 4 ноября бойцы сложили на мосту оружие, сдав его, и безоружные перешли через мост на территорию, не принадлежавшую Папскому государству.

Моей благодарности заслуживает генерал Фабрици, мой начальник штаба, которому я поручил принять необходимые меры по разоружению. Этот доблестный ветеран, борец за независимость Италии, проявивший на поле боя у Ментаны обычную свою храбрость, сломленный усталостью и долгими годами сражений, в сопровождении бойцов был перевезен в Монтеротондо после того, как словом и своим личным примером воодушевлял наших людей исполнить свой долг. Полковник Карава, командовавший у Корезе полком итальянской армии, бывший в предыдущих походах подчиненным мне офицером, проявил к нам достойное похвалы отношение. Он принял меня очень дружественно, сделал для меня и волонтеров все, что было в его силах, и предоставил железнодорожный конвой, чтобы доставить меня во Флоренцию. Но указания правительства были иными.

Депутат Криспи, который вместе со мной находился под присмотром конвоя, полагал, что нет никаких оснований подвергать меня аресту. Я держался противоположного мнения, зная с кем имею дело. Приняв к сведению мнение своего друга, поскольку ничего иного не оставалось в обществе конвоиров, я продолжал путь к столице. В пути пришлось столкнуться с

обычными неприятностями, на которые власти были мастера: карабинеры, берсальеры, страхи и т. д. Меня везли на всех парах и наконец водворили на мое старое место заключения в Вариньяно[402], откуда мне разрешили вернуться на Капреру.

Книга пятая

Глава 1
Французская кампания, 1870–1871 гг.

Тем, у кого хватит терпения читать эти строки, я укажу на одно обстоятельство, которое покажется необыкновенным, но оно действительно имело место, и предоставляю самому читателю делать свои заключения.

Если я после своего возвращения в 1848 г. в Италию из Америки не заслужил милости Савойской монархии — это понятно; то, что я вызвал неприязнь к себе со стороны всех ее прислужников — начиная от премьер-министра, генералов армии и до последнего швейцара, тесно связавших свою судьбу с этой монархией, — это тоже было нормальным явлением, учитывая положение вещей и этих людей.

Но я не могу объяснить себе, чем вызван немилостивый прием, оказанный мне людьми, которые по праву называются светочами новейшего периода итальянского Рисорджименто, чьи заслуги в этой области общепризнанны, как например, Мадзини, Манин, Гуеррацци и некоторых их друзей[403].

Такая же участь постигла меня и во Франции в 1870 и 1871 годах. И тем не менее, подобно Италии, я и во Франции встретил со стороны населения восторженный прием, конечно, далеко превосходящий мои заслуги.

Правительство национальной обороны, состоявшее из трех честных людей, вполне заслуживающих доверия страны, правда, приняло меня, навязанного ему в силу событий, но холодно и с явным намерением, как это неоднократно бывало в Италии, лишь использовать мое бедное имя, а по существу лишить меня необходимых средств и возможностей, которые могли бы сделать мое содействие полезным. Лично Гамбетта, Кремье, Гле-Бизуан[404] были со мной приветливы, но как раз Гамбетта, от которого я должен был ожидать, если не личной симпатии, то по меньшей мере активной и энергичной помощи, в течение долгого, столь драгоценного времени, забыл о моем существовании.

В первых числах сентября 1870 г. было провозглашено временное правительство Франции. Уже 6-го я предложил свои услуги этому правительству, которое всегда стыдилось открыто

объявить себя республиканским. Целый месяц я не получал ответа от французского правительства; драгоценное время, в течение которого можно было многое сделать, было потеряно или сделаны пустяки. И здесь уместно повторить: народы, являющиеся хозяевами своей судьбы, как это произошло во Франции и Испании в сентябре[405], последовательно допускают огромную ошибку, не ставя во главе правительства одного честного человека — пусть его именуют диктатором или еще как-нибудь. Но обязательно одного, единственного; не следует прибегать к правительству со многими избранниками, особенно учеными мужами, которые большую часть своего времени тратят на резолюции, вместо того, чтобы быстро действовать, как того требуют обстоятельства.

Во Франции дело обстояло еще хуже: вместо одного правительства, с участием многих лиц, было два[406]. И все знают, каковы были результаты этой порочной системы. Будь избрано одно правительство, то, несомненно, оно и генеральный штаб действовали бы согласованно, т. е. дело обстояло бы так, как у пруссаков, что дало им огромное преимущество над противником. И вместо Вавилона[407] Франция имела бы сильное правительство.

Лишь в начале октября я узнал, что Франция приняла мое предложение; этим я обязан одному только генералу Бордону, приехавшему за мной на Капреру на пароходе «Вилль де Пари», где капитаном был Кудрей. На этом пароходе я отправился в Марсель, куда прибыл 7 октября 1870 г.

Эсквиро, префект этого прославленного города, и восторженное население устроили мне торжественный прием; меня уже ждала телеграмма временного правительства из Тура, вызывавшая меня немедленно туда. Приехав в Тур, я нашел там Кремье и Гле-Бизуана — оба они очень симпатичные и, полагаю, честные люди, но не того калибра, однако, чтобы спасти Францию от того ужасного несчастья, в которое вверг ее Бонапарт; к тому же они были приверженцами порочного образа правления, при котором, даже обладая способностями и желанием сделать что-либо хорошее, это совершенно невозможно. Гамбетта, прилетевший на следующий день на воздушном шаре, привел в движение инертную до этого правительственную машину, оживил ее, раздобыл огромные средства. Но и ему оказались не по плечу имевшие место события — то ли по причине порочного правительства, ошибочно доверившего руководство создающейся новой армией тем же деятелям империи, которые погубили прежнюю армию; то ли из-за отсутствия должного опыта в столь ужасающих обстоятельствах.

В Туре я потерял много времени из-за нерешительности правительства и намеревался уже вернуться домой, так как понял, что оно, как я уже говорил, хочет только использовать мое бедное имя и ничего более.

Мне собирались предложить заняться организацией нескольких сотен итальянских волонтеров, находившихся в Шамбери и Марселе. В конце концов, после долгих пререканий с этими синьорами я, наконец, отправился в Доль, чтобы собрать представителей многих национальностей, которые должны были образовать ядро будущей Вогезской армии.

После Седана пруссаки наступали на Париж, и вполне понятно, что они на своем левом фланге, куда просачивались французские солдаты Новых призывов, должны были держать фланговые отряды, которые неоднократно появлялись в окрестностях Доля, где было размещено небольшое количество собранных мною плохо экипированных и вооруженных людей, находившихся еще в стадии организации. Тем не менее, у нас не было недостатка в энергии и решительности. Мы заняли позиции сначала в Мон-Роллан, а затем в лесу Серр, так что пока мы там находились, Доль был в безопасности. Поскольку вражеская армия двигалась на Париж, то, конечно, следовало держать ее под угрозой по крайней мере вдоль всего фронта от Рейна до столицы Франции. Это поняло правительство Национальной обороны, которое направило в Вогезы значительную часть французских стрелков и генерала Камбриеля с тридцатью тысячами солдат нового призыва, подвижные войска, затем несколько батальонов старой армии и несколько орудий.

Но все эти воинские силы были отброшены из Вогезов к Безансону превосходящими силами противника, когда мы находились еще в Доле. Ординер, префект Безансона, дважды телеграфно просил меня прибыть к нему с тем, чтобы принять необходимые меры для предотвращения развала этих воинских частей.

Синьор Ординер намеревался собрать под моим командованием остатки войсковых частей всего департамента. Все они, равно как и население Безансона, приняли меня с тем же восторгом, как и в Италии. Но прибывший вскоре Гамбетта решил, что необходимо объединить командование всеми силами и доверил генералу Камбриелю командование всеми частями восточного фронта. Нужно заметить, что генерал Камбриель настаивал на предоставлении ему отпуска для лечения полученного им ранения в голову, которое его сильно беспокоило. В ноябре я получил из Доля приказ передислоцироваться с моими людьми в Морван, которому

противник угрожал так же, как и металлургическому предприятию Крезо. Я избрал Отен для моего главного штаба. Жители были сильно напуганы приближением пруссаков, почему и решили бросить в речушку Арру единственные два орудия.

С прибытием итальянцев под командой Танара и Равелли, небольшого числа испанцев, греков и поляков, а также нескольких батальонов мобильных отрядов постепенно наметился рост численности ядра наших частей.

Формирование нашей артиллерии началось с нескольких гаубиц, затем мы получили две батареи, каждая из четырех полевых орудий. Мы сформировали несколько конных проводников, в основном итальянцев, число которых все увеличивалось, а к концу войны дошло до двух полных кавалерийских эскадронов. Точно так же обстояло дело с французской кавалерией — вначале она насчитывала всего один отряд конных стрелков из тридцати солдат, а к концу войны она уже составляла целый эскадрон.

Были организованы три бригады: первой командовал генерал Бозак, второй — полковник Дельпеш, который потом был передан в распоряжение полковника Лоббиа, а третьей — Менотти[408].

Несколькими ротами вольных французских стрелков командовали: одной — подполковник Удолине, другой — подполковник Браун, третьей — подполковник Груши, четвертой — подполковник Лост, пятой — майор Ординер; все эти роты, за исключением роты Брауна, были подчинены Менотти и входили в состав его третьей бригады.

В период организации наших воинских частей все эти роты действовали среди неприятельских колонн, непрестанно и весьма основательно беспокоя противника.

Четвертая бригада под командованием Риччотти[409] состояла вначале лишь из рот вольных стрелков, оперировавших подобно другим летучим колоннам, а к концу кампании эта бригада численно выросла за счет нескольких батальонов мобилизованных солдат.

Начальником генерального штаба армии был генерал Бордон, который очень много сделал для моего приезда во Францию, за что его сильно недолюбливали. Я тоже не считаю, что он был совершенством, а о его прошлом знаю только, что он принимал участие в южно-итальянской кампании 1860 г., явившись к нам вместе с мужественным Дефлоттом; был он честным воином. Во имя истины надо сказать, что при организации армии, снабжении ее всем необходимым, он принес нам величайшую пользу, равно как и на поле боя, где проявил себя отважным офицером. Из-за моего частого нездоровья он меня замещал в любых случаях.

Весьма ценным моим сотрудником был полковник Лоббиа, второй начальник моего генерального штаба. Начальником моей штаб-квартиры был полковник Канцио[410], пока он не стал командующим пятой бригадой, к которой была присоединена и первая после смерти генерала Бозака.

На посту начальника штаб-квартиры Канцио сменил майор Фонтана. Командующим нашей артиллерии был полковник Оливье. Майор Бонде, скончавшийся после того, как перешел в армию на Луаре, командовал нашим первым кавалерийским отрядом из тридцати солдат. К концу войны кавалерийским полком командовал майор гусарского эскадрона, фамилию которого я запамятовал.

Оба наших эскадрона проводников сформировал майор Фарлатти. Врач Тимотео Риболи возглавлял нашу санитарную часть. Заместитель интенданта Боме занимал пост интенданта, пока не прибыл назначенный на эту должность офицер, имя которого я забыл. Казначеем был полковник Мартине; начальником телеграфной службы — полковник Луар; начальником инженерных войск — полковник Гэклер; начальником гарнизона при штаб-квартире — подполковник Демей. Не помню фамилию председателя военного суда.

Сорганизованные несколько импровизированным образом, мы выступили в середине ноября через Арней-ле-Дюк и долину Ош, которая спускается к Дижону, где находилась прусская армия Вердера, угрожавшая долине Родано. Ее аванпосты, доходившие до Доля, Нюи, Смобернова, вторгались в окрестностные местечки и накладывали дань на население.

Итак, так называемая Вогезская армия, насчитывавшая всего шесть — восемь тысяч солдат, выступала против победоносной армии Вердера численностью примерно в двадцать тысяч, с многочисленной артиллерией и кавалерией. Несколько незначительных стычек проходило с участием наших вольных стрелков, не считая блестящей вылазки Риччотти и Ординера у Шатийона на Сене.

В первой операции французские вольные стрелки вызвали переполох в стане врагов. Об этом говорит следующий приказ по армии:

> «Вольные стрелки Вогезов, стрелки Изеры, альпийские егеря из Савойи, батальон Дубса и стрелки Гавра, принимавшие участие в операции у Шатийона под командой Риччотти Гарибальди, заслуживают большую благодарность Республики. Будучи в количестве четырехсот человек, они атаковали тысячу врагов,

разгромили их, взяли в плен 167, в том числе 13 офицеров, захватили 82 оседланных лошади, 4 повозки с оружием и боеприпасами и почтовую карету. Потери наши составляют 6 убитых и 12 раненых, противника — гораздо больше. Поручаю пленных великодушию французов. Арней-ле-Дюк, 21 ноября 1870 г. Дж. Гарибальди».

Словом, можно сказать, что с каждым днем вольные стрелки внушали все больше страха противнику. После занятия пруссаками Дижона в первый раз, в то время, когда мы еще находились между Долем и лесом Серр, мы намеревались атаковать врага ночью, так как, согласно нашим сведениям, население города готово было оказать ему сопротивление. Если учесть состояние людей, которыми я командовал, то наше решение помериться силами с превосходящим нас численно противником, выигравшем столько сражений и полным воинственного пыла, было чистым безумием. Но нам сказали, что население Дижона сражается с прусскими оккупантами и мы поспешили на помощь, чтобы разделить с ним опасность.

Мы уже были на расстоянии нескольких миль от столицы Бургундии, когда прибывший из Дижона ганец сообщил нам, что город сдался, а городские власти запретили дальнейшее сопротивление. Пришлось отойти обратно на наши позиции.

Была уже середина ноября, а мы, не считая вольных стрелков, все еще не участвовали в военных действиях; среди наших солдат, жаждавших поскорей сразиться с врагом, стали раздаваться недовольные голоса. Вдобавок слышались жалобы на нашу бездеятельность и со стороны тех самых людей, которые отказывали нам в необходимых средствах для решительных действий. Поэтому нам нужно было что-то предпринять. Атаковать днем и сразиться с армией Вердера, занимавшей Дижон, было бы безрассудством; это значило бы идти на верную гибель. Но можно было бы попытаться атаковать ночью. Ночью различие в оружии исчезает (во Франции нас тоже снабдили какой-то ржавой дрянью) и в темноте наши ружья могли сойти за неприятельские игольчатые винтовки. Кроме того, я убежден, что при ночной атаке не следует стрелять, особенно, если атакуют новички.

Покуда маленькая Вогезская армия двигалась через долину Ош на Дижон, все отряды вольных стрелков, находившиеся большей частью на нашем левом фланге вместе с первой бригадой, спешили присоединиться к нам, чтобы принять участие в этой операции. Утром 26 ноября, сев у Лантеней на лошадь,

чтобы хорошенько исследовать горное плато, я как раз находился вместе со своим генеральным штабом и штаб-квартирой на этом плато, когда колонна пруссаков численностью в несколько тысяч человек всех трех видов вооружения вышла из Дижона, направившись по главной дороге к нам. Позиция Лантеней у реки Ош очень выгодная, однако со стороны плато, в направлении Пак и Пренуа, она полностью уязвима и ее трудно удержать от наступающих превосходящих сил противника. Исходя из этого, я приказал всем нашим отрядам, находившимся в деревне, подняться на плато и, когда подойдут к месту, занять боевые позиции с правой и левой стороны дороги, по которой шли, оставив на дороге в качестве резерва несколько батальонов. Если же враг продвинется к нашим боевым линиям, идти в решительную атаку.

Преобладающая часть третьей бригады, являвшаяся основой наших сил, занимала левый фланг, раскинувшийся на краю рощи, причем цепь стрелков стояла лицом к врагу на гребне холма, господствовавшего над этим лесом. Оставленные на дороге резервы также входили в состав третьей бригады.

Генуэзские карабинеры были размещены на крайнем северном фланге, а наша артиллерия, насчитывавшая одну полевую батарею из четырех орудий и две горные батареи, расположилась по левую сторону генуэзцев, поскольку эта позиция господствовала над всеми остальными. На нашем правом фланге разместились вольные стрелки под командой майора Лоста, подкрепленные позднее стрелками Риччотти и другими полками.

Небольшой эскадрон кавалерии, состоявший из тридцати стрелков и нескольких проводников, расположился фронтом в центре наших сил, в низменной части. Как видно, основные наши силы составляла третья бригада; она одна представляла наш центр, левый фланг и резервы, — в общем всего было около трех тысяч человек. Что касается так называемой четвертой бригады, состоявшей лишь из одних вольных стрелков, то она насчитывала в этот день не более 400–500 человек, а вместе с остальными вольными стрелками их число достигало примерно двух тысяч, В общем, всего было не более пяти тысяч человек. 26 ноября 1870 г. в сражении у Лантеней первая и вторая бригада участия не принимали. Первая бригада накануне участвовала в схватке у Флери, в результате которой отступила к Пон-де-Паны; вторая же была на марше и 27-го прибыла в Лантеней. Полк третьей бригады под командой Равелли, состоявший ив одних итальянцев, когда двигались на Ош, также отсутствовал.

Глава 2
Битва при Лантеней и Отен

Наша боевая линия на плато Лантеней на краю рощи была почти целиком вне поля зрения неприятеля, кроме вольных стрелков Лоста, находившихся на нашем правом фланге. Этим, пожалуй, объясняется то, что враг направил один батальон для занятия деревни Пак, расположенной вблизи нашего левого фланга, меж тем как главные неприятельские силы заняли Пренуа и расположились в боевом порядке на высотах, господствовавших над деревней. Будь у нас хотя бы сотня кавалеристов, весь батальон, посланный занять Пак, был бы нами взят в плен. Когда неприятель захватил Пак, я приказал выкатить вперед два наших орудия, которые несколькими залпами, при поддержке ружейной стрельбы, изгнали его оттуда. Покуда это происходило, пруссаки выставили напоказ свои силы, торжественно расставив их на господствующих высотах Пренуа. Их батальон поспешно отступил и они его поддержали лишь несколькими залпами, не бросив для его защиты великолепную цепь, находившуюся в резерве. «Значит, их уж не так много», — подумал я сразу. «Не придут? — рассуждал я вслух. — Ну, ладно, тогда мы застукаем их».

Итак, я решился на атаку — мы двинулись на противника в том же боевом порядке, в котором поджидали его на наших позициях. На нашем правом фланге вольные стрелки энергично атаковали левый фланг противника, угрожая ему окружением.

Третья бригада двигалась в образцовом порядке; впереди шла цепь стрелков, за ней сомкнутые колонны батальонов — такому порядку могли позавидовать испытанные солдаты.

Я возгордился, что командую такими людьми, и важничал, созерцая такой образцовый порядок на поле боя, не имеющем препятствий, наблюдая бесстрашие моих молодых братьев по оружию.

Неприятельская артиллерия, стоявшая на высотах Пренуа, методически обстреливала наши наступавшие ряды так, как это умеют делать пруссаки, и тем не менее в рядах наших не наблюдалось ни малейшей заминки, ни малейшей растерянности — поведение наших бойцов вызывало восхищение. Решительность, стойкость и спокойная отвага республиканцев потрясли невозмутимых и бесстрашных великолепных победителей Седана. Когда они увидели, что их гранаты не страшны и мы смело и быстро идем в атаку, они начали отступать к Дижону. Против атакуемой нами деревни Пренуа вилась дорога, сворачивавшая налево от въезда в эту деревню, поскольку

последняя была расположена на возвышенности. Наши, атакуя деревню, в которой еще находился неприятельский батальон, не заметили, что дорога идет зигзагом, или просто не хотели обратить на это внимание и наступали быстро прямо на дома, но наткнулись на очень высокую ограду фруктового сада, прилегающего к деревне; преодоление этого неожиданного препятствия отняло у наших немало времени и принесло немало потерь. Одна только наша рота фланкировала деревню справа, прикрывая нашу немногочисленную кавалерию, вместе с которой она атаковала прусский резервный батальон, оставленный с двумя орудиями, чтобы прикрыть отступление. В этом наступлении отличились полковник Канцио и майор Бонде, у которых были убиты лошади. Вообще большинство кавалеристов лишилось лошадей, которых убили или ранили.

Я очень сожалею, что не могу вспомнить фамилию капитана пехотной роты, которая в этом наступлении очень хорошо себя показала.

Высокая ограда, помешавшая нашей лобовой атаке, что вызвало такую большую потерю времени, и другая, не столь высокая, повстречавшаяся на пути, когда мы шли с атакой на правый фланг, оказались сущим спасением для неприятеля. Не будь этих двух оград — в наши руки наверняка бы попал прусский батальон с двумя орудиями.

Происшедшая 26 ноября стычка на плато Лантеней не дала особенных результатов, но она была блистательной с точки зрения поведения наших бойцов перед лицом закаленных солдат Пруссии. После этой стычки враг прекратил всякое сопротивление и продолжал свое отступление к Дижону, преследуемый нами до самого города. Признаюсь, что атаковать с пятью тысячами человек, со слабой артиллерией, корпус Вердера, окопавшийся в столице Бургундии, было безрассудством. Днем я ни за что бы не рискнул на такую отчаянную операцию. Но таков был задуманный план — нанести внезапный удар! Да, кроме того, нам в тот день так везло!

И действительно, только успешный отчаянный удар, нанесенный внезапно, мог улучшить положение несчастной республики в этой части Франции и возможно даже принудить неприятеля снять осаду Парижа, поскольку его главные коммуникации оказались бы под угрозой. Но какие средства предоставило в мое распоряжение правительство национальной обороны? Когда я об этом вспоминаю, я содрогаюсь от ужаса. Боевой дух моих бедных бойцов был изумительный — все шли на штурм города с необыкновенным подъемом. Было слишком самонадеянным рассчитывать на победу. Однако, в случае

неудачи, в ноябрьскую дождливую ночь было достаточно времени для отступления. Я не раз видел, как паника охватывала многочисленные и закаленные войска, и, как я узнал впоследствии от самих жителей Дижона, в ту ночь среди победителей Бонапарта царило сильное замешательство. Многочисленная прусская артиллерия, не имея направления, переходила с места на место и в конце концов очутилась неизвестно где. Заградительные отряды армии Вердера, хотя и лучше дисциплинированные, нежели французские, поспешно рассыпались по дорогам, где происходило отступление — одни под предлогом опасения казны, другие под предлогом поиска боеприпасов. Ясно одно — произошло настоящее столпотворение. Однако, к чести Германии, следует оказать, что многочисленные пехотные войска, стоявшие в Дижоне, расположившись на сильных позициях Талан, Фонтен, Отевиль, Дэ и других, встретили нас таким огневым дождем, подобного которому я никогда в жизни не видывал, и нужно было обладать чем-то иным, а не только бесстрашием, чтобы при такой буре выставить голову.

Мои юные бойцы сделали все, что только было возможно в таком положении. Наружные посты пруссаков подверглись один за другим атаке и были уничтожены, несмотря на упорное сопротивление. Утром мы увидели трупы наших, нагроможденные на неприятельские, большинство которых было проткнуто штыками, так как приказ гласил — не стрелять. Мы добрались до хорошо укрепленного осиного гнезда пруссаков под Таланом; вражеский огонь был настолько чудовищным, что о преодолении его нельзя было и думать, поэтому мы взяли вправо и влево от главной дороги, чтобы избежать прямых попаданий, ужасно изрывших самую дорогу.

Наша атака на позиции Дижона началась около семи часов вечера. Было темным-темно и шел дождь, обстоятельства весьма благоприятные для операций подобного рода. До десяти часов вечера я очень верил в нашу удачу. Наши части шли бодро, сомкнувшись, насколько могли, одна за другой — система, которой, я полагаю, следует отдать предпочтение при ночных атаках, если только возможно завязать в других пунктах той же цепи небольшие стычки, чтобы отвлечь внимание неприятеля. Но я был лишен возможности это сделать, учитывая незначительное количество людей и характер местности. Около десяти часов вечера командиры авангарда известили меня, что бесполезно продолжать атаку, поскольку враг оказывает жесточайшее сопротивление и наши части, наступающие на деревню с обеих сторон шоссе, не в состоянии более продвигаться. Я неохотно

согласился с мнением и выводами преданных мне друзей и сразу же подумал о нежелательных и тяжелых обстоятельствах, неизбежных при отступлении. К счастью, была ночь и ноябрь месяц. Враг не двинулся со своих позиций, и мы смогли беспрепятственно отступить. После победоносного сражения и неудавшейся атаки, когда наши части с раннего утра и до десяти часов вечера были на марше, отступление не могло пройти в полном порядке, особенно с усталыми и голодными новичками, которыми я командовал. Поэтому приказ об отступлении на Лантеней был выполнен неточно. Одни взяли путь на Сомбернон и Арней-ле-Дюк и, не останавливаясь, шли до самого Отена. Однако большинство пришло все же в Лантеней, и так как туда прибыли еще ранее полк мобильных войск, полк под командой Равелли и большая часть второй бригады, то там очутилось достаточное количество частей, с которыми можно было еще кое-что предпринять.

27 ноября после полудня, пруссаки числом поболее, чем накануне, достигли высот Лантеней, что доказывает, что в Дижоне их было очень много и что Вердер, отбросив нас от города, хотел использовать свои преимущества. Выдержать первый натиск неприятеля пришлось новым частям, так как те, которые накануне сражались, слишком обессилели. А поскольку прусские войска были внушительной силой, а отступление через леса не представляло трудности, мы решили не ввязываться в серьезную битву и продолжали двигаться к Отену, где также надеялись собрать бойцов, отступавших по различным дорогам. Среди потерь того дня была одна весьма чувствительная: погиб майор Шапо, марселец, блестящий и доблестный офицер.

В некоторых случаях с человеком-скотом приходится обращаться как с настоящим быком. Крушит, пусть все крушит, пусть мчится куда хочет. Горе вам, если попытаетесь преградить ему дорогу: он вам опрокинет коней, всадников, как это случилось со мной в 1849 г. в Веллетри, когда я только чудом спас свою черную от контузий шкуру.

Крушит, ну и пусть крушит, пусть несется куда хочет! Отойдите в сторону или станьте позади: не беспокойтесь, он наткнется на преграду, его преградой будет река, гора, голод, жажда или новая непосредственная опасность — сильнее той, которая заставила его уносить ноги. Тогда придет ваш черед. Наведите порядок, насколько возможно, в рядах этих людей, смахивающих на скотов, накормите, напоите их, дайте отдохнуть, а когда они вдоволь насытятся, наберутся сил и поднимется их душевное состояние, они вспомнят о своем позорном бегстве, о растоптанном долге и о славе! Говорю вам, это худший вид

человеческого безумия! То же случается и с быками, только на наше счастье, разница в том, что эти грубые животные не думают о славе. Вот к примеру, когда быков ведут верховые, малейшее обстоятельство может вызвать их испуг: гром, молния, буря или что-либо в таком роде; тут они пускаются вскачь с быстротой, на которую только способны дикие звери. Разумный вожатый не настолько глуп, чтобы заставить своих людей остановить их, преграждая им путь: это привело бы безусловно к гибели. Но он направится следом за ними, будет двигаться сбоку или позади, не теряя, однако, быков из виду, пока на пути мчащихся животных не встретится какое-либо препятствие: река, лес, гора, и тогда голова колонны остановится и сразу же повернет в обратную сторону и вслед за нею остановится и повернет вся вереница. Тупые животные вернутся под господство своего тирана — человека, который, по правде говоря неизвестно стоит ли большего, чем скот. И в этот момент опытный вожатый приказывает своим верховым окружить стадо быков, вновь ставшими покорными как овечки.

В Отене были сосредоточены все отступавшие части так называемой Вогезской армии, за исключением немногих, которые по различным причинам убежали гораздо дальше: тут и целые отряды, и одиночки солдаты, отставшие от своих частей, видимо не желавших более сражаться. В числе последних был некий полковник Шене, командир гвэрильи с востока, которого «пастыри» причислили к лику святых мучеников, вроде Сан Доменико Арбюе и подобных ему негодяев; пожалуй из него сделали бы великомученика, дай я согласие привести в исполнение смертный приговор, вынесенный ему военным судом Отена. А Шене совершил столько военных преступлений, столько постыдных дел, что этот тип сто раз заслужил смерть. В 12 часов дня должны были расстрелять Шене, а около одиннадцати часов, по ходатайству нескольких офицеров, я его помиловал, с условием, что он, однако, будет публично разжалован, а это, по-моему, хуже смертного приговора.

В штаб-квартире в Отене нас дружелюбно встретил префект Марэ; с его помощью нам удалось организовать и привести в порядок Вогезскую армию и сильно увеличить нашу артиллерию, в которой мы так нуждались. Однако 1 декабря обнаглевший вследствие нашего отступления враг обнаружил наши позиции в Отене и нежданно-негаданно нагрянул. Я употребил выражение нежданно-негаданно, но не будет преувеличением, если скажу, что он захватил нас врасплох.

Это произошло примерно в середине дня. Я, как обычно, выехал в коляске на прогулку. Каждое утро высылались конные

разведчики по всем направлениям, и на всех наших постах, обращенных в сторону неприятеля, стояли усиленные отряды. Рано поутру при моем первом выезде, я осмотрел все эти аванпосты, и убедившись, что там все в порядке, предупредил офицерский состав этих постов быть начеку.

Эти аванпосты состояли из восточной гвэрильи под командой Шене и марсельской гвэрильи, которой после смерти Шапо командовал доблестный офицер, фамилию которого я запамятовал. Эта гвэрилья прибыла к монастырю Сен-Мартен, центру наших аванпостов, когда я выезжал оттуда и, наконец, из батальона нижнепиренейских солдат, расположившегося на левом фланге в монастыре Сен-Жан. Аванпосты на правом фланге были размещены в другом монастыре, Сен-Пьер (по божьей милости!). Во время моей дневной прогулки, будучи уверен, что наши аванпосты бдительно стоят на страже, я взобрался на развалины древнего храма Джуно Романо, поднимающегося над Отеном, и не преминул поглядеть в бинокль на окружающую равнину. Но, видимо, я навел бинокль на слишком дальнее расстояние; так ничего и не заметив с того места, откуда наблюдал, я вернулся к своей коляске, любезно поддержанный, как обычно, моими адъютантами, помогавшими мне подняться в нее. Стоя одной ногой на подножке и собираясь уже сесть, я вдруг повернул голову в сторону Отена и увидел в нижней части города, в предместье Сен-Мартен, голову неприятельской колонны, медленно приближавшуюся.

Если бы дать ей двигаться дальше, то безусловно город Отен стал бы легкой добычей пруссаков — я краснею от стыда при одном воспоминании об этом — и произошел бы такой разгром Вогезской армии, от которого можно содрогнуться.

«Скорее, — крикнул я своим конным адъютантам, — скачите к Бордону, к Менотти, ко всем: пусть хватают оружие и начинают бой!» Меня больше мучили стыд и презрение к себе самому, чем страх, — отдав распоряжение, я, погоняя коляску, спешно спустился в Отен, проехал через весь город, направляясь, как можно скорее, к маленькой семинарии, где на одной из площадок этого духовного заведения была сосредоточена наша артиллерия, занимавшая, к счастью, позицию, господствовавшую над неприятельскими колоннами.

Тогда наша артиллерия состояла из двух батарей по четыре полевых орудия каждая и из одной горной батареи — всего было 18 орудий. Но не было орудийного расчета. Канцио и Бассо занялись первым орудием батареи. Эти мои храбрецы, уцепившись за колеса, быстро подкатили орудие к огневой позиции. На помощь им тут же подоспели другие адъютанты,

прибежавшие один за другим и, наконец, артиллеристы, которые поспешили из своих помещений и храбро взялись за дело.

Наше счастье, что враг не подозревал, в какое состояние поверг он нас, напав врасплох; повсюду царили тишина и безлюдье, и враг, вероятно, как я думаю, решил, что мы приготовили ему засаду. Не останови он голову колонны у Сен-Мартен и поспеши вступить в Отен, враг не встретил бы никакого сопротивления и захватил бы наших людей, находящихся еще по квартирам.

Вместо этого пруссаки расставили свою артиллерию на высотах Сен-Мартен и принялись обстреливать наши позиции. Такое распоряжение врага спасло нас. Наши 18 орудий, установленные на позициях, господствовавших над вражескими, усердно и с рвением обслуживаемые нашими молодыми артиллеристами, несколько смущенными, что их застигли врасплох, осыпали врага снарядами и после нескольких часов орудийного обстрела принудили его отступить вместе с артиллерией. Несколько рот вольных стрелков и несколько батальонов подвижных войск, брошенных на левый фланг пруссаков, довершили успех дня и враг был вынужден отступить по всей линии. Тяжелые потери понесли наши артиллеристы, офицеры и солдаты; как я припоминаю, некий майор из Ниццы, Гвидо был ранен и ему ампутировали бедро. Вольные стрелки, как обычно, проявили большое мужество.

Оба итальянских полка оставались в городе в качестве резерва и лишь небольшая часть бойцов участвовала в этой операции, если не считать генуэзских карабинеров, которые наступали в центре и доблестно способствовали отступлению неприятеля.

Три позиции, занимаемые аванпостами, которые в Отене должны были прикрывать нашу небольшую армию, и кстати сказать не выполнили эту задачу, были: Сен-Мартен — в центре, Сен-Жан — слева и Сен-Пьер — справа (пусть французы не глумятся над обилием святых, которые, как и у нас, видимо не в состоянии защитить их). Сен-Жан располагал батальоном подвижных войск из Нижних Пиренеев, который входил в состав третьей бригады. Этот батальон пользовался особой симпатией Менотти и моей; он кстати ее всегда заслуживал, особенно в последнем сражении, так как вел себя безупречно и внушил неприятелю уважение к себе.

Несколько отрядов подвижных войск удерживали также позиции в Сен-Пьер. Однако в центре сильную позицию Сен-Мартен по приказу этого труса, полковника Шене, оставили две гвэрильи — с востока и из Марселя — всего около семисот

человек. Все это произошло, кажется, еще до прибытия врага, из-за чего он мог преспокойно занять эту важную для нас позицию. Если это не называется изменой со стороны этого полковника Шене, то не знаю, какое еще слово можно придумать взамен.

Что бы ни говорили и какое оправдание ни придумали бы для него французские клерикалы, поступок офицера, который без приказа оставляет нашу самую важную позицию, подвергая этим армию риску быть разгромленной, а город разграбленным, поступок офицера, который, спасаясь бегством, тянет за собой полк, чьим командиром он был, и еще другой, поверивший, из-за неопытности своих офицеров, его клеветническим измышлениям и бежавший за 40–50 километров в тыл, это — неслыханный поступок, ему нет названья. Никогда за всю мою военную жизнь я не слышал ничего подобного. Нет такого наказания, которое могло бы искупить подобную вину. И тем не менее, этот полковник Шене, которого я, по своему (простодушию, вырвал из рук смерти, ибо он был приговорен военным судом, этот подлец стал архигероем клерикалов и шовинистов, которого они чуть не причислили к лику святых; реакционные газеты, не жалея красок, расписывали его биографию и расточали ему чрезмерные похвалы за самый подлый и мерзкий в мире поступок.

Вот таков наш век цивилизации, в основе которой лежит коррупция и ложь!

Не могу закончить эту статью[411] не упомянув о славном и мужественном корреспонденте «Дейли ньюс», молодом Дзиккителли. Он не сражался с пруссаками, о, нет! — не в этом состояла его задача. Но он был моим чудесным адъютантом в то время, когда я имел счастье видеть его среди нас.

При сражении у Лантеней, я много часов провел в седле, а так как у меня не было собственной лошади, то мне подсовывали первую попавшуюся. В начале сражения это бедное животное, не знаю уж по какой причине, поскакало во весь опор, сбросив меня наземь, причем я ощутил невероятную боль в левом бедре. Благодаря тут же окружившим меня друзьям, я быстро справился с этой неприятностью, а находившийся около меня Дзиккителли любезно предложил мне своего великолепного белого коня, на что я согласился и проскакал на нем весь остаток дня.

Итальянцы Вогезской армии будут с любовью и благодарностью вспоминать имя Марэ, субпрефекта Отена. Этот честный республиканец дружелюбно и благожелательно встретил нас, когда мы прибыли в Отен, и те же чувства проявлял за все время нашего пребывания в этом городе.

1 декабря, в день, когда нас атаковали пруссаки, субпрефект Маре покинул префектуру и с оружием в руках примкнул к

мужественным борцам в качестве рядового стрелка.

Глава 3
21, 22 и 23 января 1871 г.

Победа при Отене немного подняла упавший было дух наших молодых бойцов; а те же пруссаки, которые отбросили нас от Дижона, оказались сами отброшенными и в беспорядке отступали. Будь у нас свежие, пусть и немногочисленные, части, отступление врага превратилось бы в повальное бегство и ему пришлось бы по меньшей мере оставить нам орудия и значительное число пленных. Я напрасно к этому стремился. Но то, что не довелось выполнить нам, сделал у Бона генерал Кремье, который с несколькими тысячами хороших бойцов, перевалив через горы из Бона в Блиньи, атаковал врага с фланга в направлении Венденесс и полностью разгромил его. Большую часть декабря мы провели в Отене, организуя новые части; немного увеличили свою артиллерию и сформировали несколько эскадронов кавалерии. Но мы все еще ждали шинелей, столь необходимых в это суровое время года, и другие предметы экипировки, а также ружей, для замены нашего устаревшего дрянного оружия. Дело при Отене подняло престиж нашего маленького воинского подразделения, и жители, которым эта победа принесла спасение, благословляли нас, — состязаясь в присылке нам разных шерстяных вещей для бойцов и денег для наших раненых.

В Отене мы служили заслоном и защитой двух фланговых операций, которые осуществляли: генерал Круза — от Шаньи до Орлеана, и большая Луарская армия под командой генерала Бурбаки, двигавшаяся в направлении к востоку.

А из-за снега и льда, которыми была покрыта вся местность, операция эта была исключительно трудна и мучительна — люди и лошади выбивались из сил. В результате этого флангового движения генерала Бурбаки прусская армия оставила Дижон, а мы заняли его вместе с несколькими ротами вольных стрелков. Мы смогли бы занять город немедленно всеми нашими частями, если бы все железнодорожные составы не были бы заняты генералом Бурбаки. В конце декабря и начале января очень похолодало. Снег превратился в лед и передвижение стало крайне трудным, особенно для артиллерии и конницы. Враг, располагавший опытным, закаленным и прекрасно экипированным войском, был в ореоле своей славы; солдаты его, чувствуя себя победителями в чужой стране, где все им дозволено, не только отбирали у бедных жителей все

продовольствие и предметы домашнего обихода, но и прогоняли их с кроватей, чтобы улечься самим. У этого врага, повторяю, было много преимуществ перед неопытными, только что сформированными, нуждающимися в самом необходимом, французскими солдатами. План генерала Бурбаки был хорошо задуман, но по упомянутым причинам трудно выполним, особенно из-за плохого интендантского обслуживания.

Кавалерийский генерал из армии Бурбаки, проходивший со своей дивизией через Отен, навестил меня и утверждал, что армия находится в весьма плачевном состоянии. «Я, правда, могу еще, — сказал он, — заставить лошадей пройти маршем несколько километров, но они, конечно, не в состоянии участвовать в боях и с каждым днем сдают все больше и больше». То же можно было сказать и о лошадях артиллерии и о любом виде оружия; тогда уже можно было этой армии предсказать много всяких бед. Если бы этой многочисленной, молодой армии дали бы лишних пятнадцать дней на отдых, на приведение частей в порядок и миновал бы этот период январских холодов — она могла бы поднять дух истощенной и поверженной Франции.

Но, к сожалению, армия эта была наголову разгромлена и уничтожена.

Я знал о фланговом движении Мантейфеля, параллельном армии Бурбаки, предпринятым, чтобы усилить боевые силы Вердера и осаждающих Бельфор, и будь желание правительства, я сделал бы, конечно, все возможное, чтобы задержать фланговый марш Мантейфеля. Одному богу известно, как я страдал, что не мог провести такую операцию, которая, безусловно, помогла бы восточной армии. Один раз я попытался это сделать и выступил из Дижона с основными своими силами, чтобы напасть на врага в Из-сюр-Тиль, передав генералу Пелиссье с пятнадцатью тысячами мобилизованных командование городом. Но сильные неприятельские колонны, стоящие фронтом к нам, заставили меня вернуться на прежние позиции. Все же две из моих четырех бригад, вторая и четвертая, совместно со всеми ротами вольных стрелков, действовали на неприятельских коммуникациях. Решив защищать Дижон, я позаботился в первую очередь о продолжении фортификационных работ, начатых ранее пруссаками и генералом Пелиссье.

Позиции у Талана и Фонтена, господствующие над магистральной дорогой, ведущей в Париж, являются самыми высокими и весьма важными; расположены они в двух километрах к западу от города. Они были первыми, пожинавшими плоды наших трудов. Мы разместили: в Талане — две батареи полевых 12-миллиметровых и 24-миллиметровых

орудий; в Фонтене — одну четырехлинейную полевую батарею и одну горную батарею того же калибра.

Несколько 12-миллиметровых батарей, которые впоследствии правительство направило генералу Пелиссье, были размещены на укреплениях, воздвигнутых в Монмюзар. Мон-Шапе, Беллен и на других наиболее выгодных позициях в поясе Дижона, чтобы на случай атаки не допустить обстрела противником города, а этого мы ждали со дня на день.

На войне господствует синьора Фортуна, поистине в этот день она к нам благоволила, ибо 21 января враг напал на нас со стороны запада и можно, пожалуй, сказать, что он атаковал быка в лоб, пытаясь схватить его за рога.

Поскольку мы тщательно изучили эту местность, располагали сильными позициями, прикрытыми стенами и крутым краем обрыва, а по обоим сторонам главной дороги стояли стрелковые цепи и на грозных позициях Талана и Фонтена, господствующих над всем вокруг, торчали дула 36 орудий, то наша оборона блестяще удалась.

Памятник Гарибальди в Риме.

Работа скульптора Эмилио Галлори 1895 г.

Да, и было от кого обороняться; чудовищную вражескую колонну, наступавшую по главной парижской дороге, — можно было смело назвать стальной! Нам едва хватило 36 орудий, обстреливавших дорогу, многих тысяч наших лучших солдат, залегших за защитными сооружениями, чтобы остановить эту колонну.

Мы были уверены, что атака последует с этой стороны, и сконцентрировали здесь основной кулак своих войск, не ослабляя северной и восточной части оборонного пояса, где, как я предполагал, развернется главное наступление, меж тем как атака с запада будет ложной. На деле, однако, все произошло по-иному. На наше счастье, атака была предпринята только с запада, одновременно произошли атаки с левого неприятельского фланга фланкирующими частями в направлении Отвилль и Дэ, а с правого фланга в направлении Пломбьер в долине Ош.

Атака была ужасающей. Лучших солдат, чем в тот день (неприятельских), я в жизни не видывал. Колонна, двигавшаяся на наши позиции в центре, изумляла своей храбростью и хладнокровием. Она двигалась на нас сомкнутыми рядами, точно туча, медленно, не ускоряя шага, но с такой размеренностью, спокойствием и в таком порядке, что становилось жутко. Обстрелянная всеми нашими орудиями ураганным огнем, а также всей пехотой, стоящей перед Таланом и Фонтеном по обеим сторонам дороги, эта колонна усеяла поле трупами, но вновь и вновь перегруппировываясь в ложбинах, она продолжала те же действия и двигалась в том же порядке и с тем же спокойствием. Это были замечательные солдаты! Но и наши проявили в этот день чудеса храбрости и они были, бесспорно, достойны атаковавших нас врагов. Лишь на один миг наши дрогнули, ибо атака на наш правый фланг со стороны Дэ была ужасна и стоила нам многих отважных воинов. Наши гнали неприятеля вплоть до деревенского кладбища, где он укрылся за его стенами, потом вскарабкались на стену и бросились на пруссаков, стараясь вырвать у них штыки. На нашем левом фланге неприятель был осыпан убийственным огнем нашей сильной цепи стрелков, причем ему угрожало быть отрезанным от своего правого фланга в Пломбьере.

Этот правый неприятельский фланг также был атакован и обстрелян частями полковника Пеллетье и вольных стрелков Брауна, которые, спустившись с Беллер в долину Они, принудили его к поспешному отступлению. Битва эта длилась с утра до заката с большим ожесточением с обеих сторон без явного преимущества для кого-либо. К моменту заката мы оставались на своих дневных позициях, а враг на своих. Но тут произошло то,

что я не раз наблюдал при подобных обстоятельствах, когда с одной стороны находятся солдаты — новички, а с другой — опытные, закаленные. Последние строго придерживаются полученных приказов, первые же под предлогом добыть боеприпасы, утолить голод, жажду и т. п., стремятся уйти с боевого поста, чтобы подкрепиться или же похвастать своими дневными подвигами. Это происходит особенно в том случае, если вблизи город. Поэтому я не перестану увещевать моих молодых земляков проявлять в битвах как можно больше стойкости, упорства и настойчивости.

С наступлением ночи наши солдаты, вместо того, чтобы оставаться на позициях, которые они так храбро защищали в течение целого дня, под разными предлогами стали уходить в город. Они скопились на шоссе под Таланом. Произошла такая неразбериха, что ничего нельзя было понять и невозможно было ни отдать, ни получать приказ. Я сам, спускаясь с Талана, где находился в продолжение всего сражения, очутился в такой густой толпе, что не смог больше управлять своим конем.

Меж тем, как наш противник более коварный и опытный, обнаружив при разведке, что наши передовые позиции оголены, продвинулся вперед и обстрелял нас яростным огнем именно в тот момент, когда происходило описываемое; к счастью, мы находились в ложбине, а между нами и противником подымалась возвышенность, благодаря чему пули летели над нашими головами.

Толпа меня так грубо толкала со всех сторон, что я чуть не очутился на земле вместе с конем.

Отход наших с передовых позиций и продвижение врага заставили меня провести скверную ночь, которую еще ухудшило следующее обстоятельство. Было 11 часов вечера. Страшно усталый, я растянулся в префектуре Дижона на койке, в это время ко мне явилась депутация, состоявшая из генерала Пелиссье, мэра города, нескольких членов муниципального совета и магистрата, и сообщила, что враг проник внутрь нашего расположения, захватил Талан, а возможно и Фонтен, и что неприятельский полковник от имени генерала, командующего прусскими силами, заявил присутствовавшему там случайно чиновнику, что если до утра Дижон не капитулирует, он будет бомбить город. Имея 64 года от роду и кое-что повидав на свете, не так-то легко дать себя провести. Мне сейчас же стало ясно, что это просто насмешка со стороны неприятельского генерала, упоенного громкими победами прусских армий, одно лишь бахвальство. Однако нельзя было пренебрежительно отнестись к известию, переданному мне авторитетными лицами; тем более, что присутствовавший

чиновник, сообщивший указанное известие, по его словам, вечером направился к месту битвы в поисках своего сына, которого считал раненым, натолкнулся на прусского полковника, о котором говорилось выше.

Тут уж моему отдыху настал конец. Я приказал сейчас же запрячь свою карету и отдал всем, кому только было возможно, распоряжение выслать разведчиков, чтобы проверить достоверность полученного известия. Дороги подмерзли, стало скользко, шел снег; для такого инвалида, как я, осмотреть линию форпостов было крайне смелым предприятием. Но иного выхода не было. Разве можно было при таком известии, имея истощенных солдат и столь предприимчивого и отважного врага, оставаться спокойно дома? Собрав в сильное ядро лучших моих людей, что потребовало немало времени, я приказал быть всем наготове к бою еще до наступления дня, а сам спозаранок направился в Моншаппе, нашей первой позиции в сторону врага, где стояли два 12-миллиметровые орудия под защитой батальона мобилизованных солдат. Здесь я не нашел ничего нового; все было в полном порядке. Я немедленно поспешил далее в Фонтен и, наконец, в Талан, но там не было и следа врага. Значит угроза обстрела была со стороны пруссаков пустым хвастовством.

Зато 22-го мы не только не были ими обстреляны, но к вечеру, после еще одного дня сражений, нам посчастливилось прогнать их с позиций, занятых ими накануне вечером, и обратить их в бегство.

Стойкость и упорство в сражениях — вот один из ключей к победе! «Но ведь люди устали, мы все устали и голодны!» — «Да! Ну и что же, идите, ищите себе питание и отдых. А враг будет продвигаться, отнимет у вас пищу, что вы собрали, даст вам отдых… прикладом винтовки». Упорство, стойкость и особенно бдительность — эти качества всегда нужны. Сколько можно сегодня насчитать таких генералов, которые только потому, что они генералы, генералиссимусы, или еще чином повыше, считают, что им излишне наблюдать за ходом сражения вблизи, и довольствуются тем, что получают сведения лишь находясь вдали от огня, отдают приказы своим подчиненным. Ошибка это! Не подвергая себя безрассудно опасности, главнокомандующий должен столь близко, сколь возможно, подойти к центру или объекту поля боя; пусть он поднимается повыше, чтобы его взору открылось большее пространство и он мог бы обеспечить драгоценную срочность, столь необходимую при рассылке приказов и при получении сведений. Впрочем, острый взгляд руководителя боя стоит часто гораздо больше, чем любая информация. День 22 января 1871 г. доказал, что если мы устали

от битвы, происшедшей накануне, 21-го, то пруссаки устали еще более и куда больше обессилены, чем мы; хотя они и во второй день были столь же храбры и бесстрашны, как в первый, но начали уже сдавать и это вселило в меня надежду, что 23-го мы сможем отдохнуть от напряжения двух предыдущих дней. 22 января мы потеряли очень заслуженного офицера, майора Лоста, из отряда объединенных вольных стрелков, насчитывавшего более восьмисот человек и внесшего большой вклад, когда накануне удалось отразить неприятельскую атаку на правый фланг, а также и при победе, одержанной 22-го. Его заменил на посту командира этого доблестного отряда подполковник Батино, офицер, подававший большие надежды.

Фаланга пруссаков (прибегаю к словцу, пущенному одним моим заслуженным офицером) была столь велика и сильна, что нам и 23-го грозила опасность быть ею уничтоженными. В середине дня враг угрожал нам атакой на Фонтен, куда были направлены несколько батальонов для ложной атаки; но немедленно вслед за этим на севере, по дороге на Лангр, появились густые колонны пруссаков и другие — фланкирующие, уже двигающиеся с востока в направлении Монмюзар и Сен-Аполлинер. Атака на дороге в Лангр была ужасна и достойна того грозного войска, которое стояло против нас. Почти все наши части, за исключением четвертой бригады, дрогнули; последняя стояла влево от дороги на фабрике, окруженной, к счастью, стеной, в которой мы и устроили бойницы. Несколько сот бойцов организуемой пятой бригады, понесшей большие потери в битве 21-го, также выдержали натиск, находясь на соседней, несколько далее расположенной фабрике, а затем присоединились к четвертой бригаде. Эти части были некоторое время окружены врагом, так как наш правый фланг отступил. Враг установил свою артиллерию на правом холме, господствующем над Пуилли и Дижоном с северной стороны, и метко стреляя, к чему пруссаки нас уже приучили, он за короткий срок заставил нас убрать все орудия центра, установленные на дороге по обеим ее сторонам, получив в ответ от нас лишь несколько залпов: из двух орудий в Монмюзаре, трех в Моншаппе и еще двух, стоящих на окольной к шоссе дороге и справа от шоссе.

На это пришлось пойти, ибо стало очевидно, что эти орудия нельзя оставлять на передовых позициях, которые неприятельская артиллерия безжалостно обстреливала. К заходу солнца наше положение стало критическим, и пруссаки, победители поля, угрожали атакой городу. Нашим отступающим частям мы старались обеспечить позиции за полосой окружения, у крепостных стен, часть которых имела бойницы. Некоторые

трусы, дезертировавшие со своих постов, или же те, кто спешил спасти свои денежки, успели уже поднять в городе тревогу и повсюду посеяли страх, требуя как можно скорее поездов для эвакуации.

Наш крайний левый фланг, состоящий в основном из третьей бригады, занимавшей позиции в Талане и Фонтене, видя отступление центра наших войск, бросил своих вольных стрелков на правый неприятельский фланг, чтобы решительным наступлением поддержать своих. Когда стемнело, некоторые отряды мобилизованных частей на нашем правом фланге решительно ринулись на Пуйлли — главная цель сражения, — вновь прогнали врага с захваченной им территории и принудили его отступить за этот замок[412]. Таким образом четвертая бригада, первая, которой принадлежит честь этой битвы, была вырвана из плотного неприятельского кольца, в котором она некоторое время находилась; ей удалось отбить повторные атаки 61-го прусского полка и в рукопашном бою отнять у врага знамя, похороненное под горой трупов.

Я видел немало кровопролитных сражений и, конечно, редко созерцал такое огромное количество трупов, нагроможденных на небольшом пространстве, как тогда на севере от того места, на котором находились позиции четвертой и отчасти пятой бригад. Говоря о четвертой и пятой бригадах, выдержавших натиск прусского полка, надо помнить, что это были не полностью укомплектованные бригады, а лишь ядро формирующихся бригад — четвертая насчитывала около тысячи человек, а пятая — менее трехсот.

В первые часы ночи началось окончательное отступление врага. Наконец-то на много дней противник оставил нас в покое в Дижоне, очистив и прилегающие деревни, которые мы заняли. Большинство наших вольных стрелков, которые с честью сражались в этих трехдневных боях, были снова брошены по всем коммуникациям врага в разных направлениях от Сомбернона до Доля, а вторая бригада, оторванная в течение многих дней от наших главных сил, блестяще воевала на севере в окрестностях Лангр.

Не могу закончить свой рассказ о славной битве при Дижоне, не упомянув моего любимого друга и храбрейшего брата по оружию, генерала Бозака.

Утром 21 января этот герой, выходец из Польши, известил меня, что поскольку ходят слухи о приближении пруссаков, двигающихся из долины Сюзон, он намерен лично отправиться в разведку. Взяв с собой несколько человек, он направился в сторону неприятеля, чтобы произвести рекогносцировку

местности и обнаружить численность врага. Но увлеченный своей необузданной храбростью, он хладнокровно ввязался в бой с неприятельским авангардом, желая самому прикинуть, какое же нужно количество войск, чтобы было точное соотношение сил; однако увлеченный боем, считая позором бегство, он пал жертвой своей храбрости.

Много дней я не имел никаких сведений о нем и все решили, что он ранен и лежит в каком-нибудь деревенском домике. Больше того, в штабе знали об этой тяжелой потере и из деликатности от меня скрывали.

Я надеюсь, что когда во Франции будет лучшее правительство, она несомненно усыновит сирот этого доблестнейшего Бозака, который отдал за нее свою жизнь.

Глава 4
Отступление. Бордо. Капрера

Известия, сначала о перемирии, потом о капитуляции Парижа, и, наконец, о переходе армии Бурбаки в Швейцарию, изменили положение вещей. Паника и неуверенность овладели населением, которое надеялось, что одержанный нами успех внесет улучшение в положение Франции. Надо сказать, что большинство было настроено оптимистически, ибо появилась надежда на близкий конец этой ужасной войны.

Как это всегда бывало и в Италии, с приближением конца войны правительство Национальной обороны Франции щедро снабжало нас всем необходимым и численно увеличило войска всех видов оружия. Наша маленькая армия с передачей нам примерно пятнадцати тысяч мобилизованных солдат генерала Пелиссье разрослась до сорока тысяч. Однако враг, освободившись от осады Парижа и от войск восточного фронта, перешедших в Швейцарию, начал скапливать против нас огромные силы и, несмотря на все принятые нами оборонительные меры и наш численный рост, он в конце концов разгромил бы нас и окружил, как это произошло с французскими армиями у Меца, Седана и Парижа.

Пруссаки со своими огромными преимуществами по сравнению с нами были — в положении волка среди овец; в то время как перемирие сказалось в Париже и повсюду во Франции, мы его и не почувствовали. Демаркационная линия была неточно установлена, что заставило нас пройти Бургундию, ибо нейтральная полоса между вражескими и нашими линиями была плохо определена, во всяком случае, нам пришлось покинуть Дижон и все позиции, которые мы до этого занимали: словом,

враг отбрасывал нас к югу. Повторяю, враг, выступая в роли волка, по мере получения подкреплений, прибывавших каждый день, становился все более дерзким. Под тем или иным предлогом он неоднократно пытался окружить наши передовые части и взять их в плен, что ему, правда, не удавалось, так как он имел дело с людьми, которые были всегда начеку. По приказу правительства из Бордо нужно было вести переговоры с пруссаками о перемирии, установлении демаркационной линии и т. д. Генерал Бордон, начальник штаба, несколько раз по этому поводу побывал в неприятельском лагере. Но как я уже говорил, дело кончилось тем, что перемирие на нас не распространялось.

От 23 января до 1 февраля мы как могли удерживали столицу Бургундии от напористого врага. Из урока, полученного им в трехдневных сражениях, он понял, что небольшими силами нас не возьмешь, поэтому, правда под сурдинку, он накапливал огромные силы, так что к концу января его колонны заняли наш фронт и начали растягиваться, чтобы окружить наши фланги.

Армия Мантейфеля, освободившись от нашей восточной армии, спускалась к долине Роны и поставила под угрозу наше отступление.

31 января в направлении нашего левого фланга начались бои, длившиеся с утра до поздней ночи. Враг прощупывал нас в разных пунктах, занимая позиции вне Дижона для генеральной атаки. Несколько прусских частей появились в долине Соны, угрожая смять правый фланг и обойти нас с тыла. Нельзя было терять ни минуты.

Мы представляли собой последний кусок, на который с жадностью нацелилась огромная армия, победившая Францию; она несомненно хотела, чтобы мы дорого заплатили за дерзость позволить себе хотя бы на миг оспаривать ее победу. Я отдал приказ отступать тремя колоннами: первая бригада, которой после смерти генерала Бозака командовал Канцио, вместе с пятой должна была двигаться параллельно лионской железнодорожной линии, защищая тяжелую артиллерию и всю нашу материальную часть, следовавшую в поездах. Третья бригада во главе с Менотти взяла направление на долину Ош и на Отен. Четвертая бригада пошла по дороге в Сен-Жан де Лон по правому берегу Сены в сторону Вердена. Штаб-квартира отступала по железной дороге и расположилась в Шаньи — центральный сборный пункт, установленный для всей нашей армии. Другие отряды и части вольных стрелков, отставших от бригад, также направлялись на новую базу. Насколько было возможно, соблюдался известный порядок, благодаря оперативности начальника штаба, командующего всей артиллерией, полковника Оливье и других

командиров частей. Враг нам не докучал и суматохи было меньше, чем можно было ожидать от новичков, да еще отступающих ночью.

Итак, отступление произошло в ночь с 31 января на 1 февраля — в 8 утра враг занял Дижон.

Из Шаньи штаб-квартира была переведена в Шалон-сюр-Сона, потом в Курсель, в замок, расположенный вблизи города. После того, как капитуляция Парижа стала совершившимся фактом, а перемирие свелось к прелиминарному миру, я, будучи избран депутатом Ассамблеи[413], решил 8 февраля направиться в Бордо, где она должна была открыться, с единственным намерением проголосовать за несчастную республику. Во главе армии я временно оставил Менотти.

Все знают, как меня встретило большинство депутатов Ассамблеи[414]. В сознании, что я уже ничего больше не могу сделать для этой несчастной страны [Франции], которой я прибыл служить, когда она очутилась в беде, я уехал в Марсель, а оттуда на Капреру, куда прибыл 16 февраля 1871 г.

Вогезская армия, состоявшая из крайне республиканских элементов, естественно, вызывала ненависть у правительства Тьера и она была распущена.

Приложение к моим мемуарам Чивита Веккья, 15 июля 1875 г.

Сражение при Кустоце, план которого лежит передо мной, похоже на все древние и современные битвы, когда одна сторона превосходит другую своими талантами. От битв Эпаминонда[415] у Левктры и Мантинеи[416] и до сражений прусских генералов 1870 г. обходные операции являлись неоспоримым методом и всегда приводили к победе. В Росбахе Фридрих II со всем своим войском, маневрируя с необыкновенной быстротой, напал на французскую армию с флангов и разгромил ее. В Мантуе Наполеон I. узнав, что австрийцы спускаются с обоих берегов озера, оставил свою тяжелую артиллерию и со всей армией бросился вперед, чтобы раздельно и поочередно разгромить обе неприятельские части, обойдя врага с фланга.

В Америке генерал Пас, узнав, что генерал Эшаг затеял битву позади «каппао» (остров деревьев), выставил перед врагом параллельную линию войск, отдав приказ ослабить правый и усилить левый фланг. Таким образом левый фланг Эшага столкнулся лишь с немногими кавалерийскими эскадронами на правом неприятельском фланге, которые отступали бешеным галопом. Меж тем левый фланг генерала Паса, подкрепленный лучшими частями его армии, разгромил правый неприятельский фланг и таким образом была одержана блестящая победа.

Я сожалею, что вынужден хвалить австрийского генерала, но все же, в целях воспитания нашей молодежи, которой, возможно, еще придется сражаться с иностранными солдатами, я должен правдиво изложить ход событий. Эрцгерцог Альберт был единственным настоящим генералом в сражении у Кустоцы. Воспользуясь ошибкой, допущенной итальянской армией — переход Минчо на таком растянутом отрезке, как от Мантуи до Пескьеры, — он предпринял ложные атаки на наш центр и правый фланг, а основной удар соединенными силами трех своих корпусов нанес нашему левому флангу и с 80 000 солдат, которыми он командовал, разгромил один корпус Дурандо.

Наши части в центре и на правом фланге, которых отвлекли ложные небольшие атаки неприятельской кавалерии, с опозданием узнали о поражении на нашем левом фланге и в результате ошибок, допущенных с самого начала этой кампании, шесть или семь отличнейших дивизий отступили, кусая себе губы от досады, что не смогли участвовать в сражении. Я сказал «допущенных ошибок» с начала кампании, и поистине это было

так. Зачем было разбивать армию на две части? Ошибка, которую осуждали во все времена. Может быть, чтобы угодить блестящему генералу Чальдини, не желавшему повиноваться генералу Ламармора, начальнику генерального штаба?

Разве недостаточно было одной дивизии, чтобы угрожать переходом через реку По, не бросая в действие 90 000 человек из отборнейших частей, которые служили лишь для того, чтобы отступить и покрыть пятном позора наши доблестные войска?

Я с гордостью рассказываю о нашей доблестной армии. Мне крайне больно, что среди нас нет превосходных генералов: Говоне, Биксио, Куджа, Сиртори, которые столько положили сил в тот день, будучи во главе доблестных наших бойцов, и будь им оказана должная поддержка, они прославили бы это поле боя победными гимнами. Вот как было дело, молодые офицеры; вам может быть еще суждено встретиться на полях сражений с деспотами и тиранами; вот таковы были ошибки, совершенные нашими военными.

Весь корпус Куккиари, насчитывавший три дивизии, к тому же дивизия Биксио, дивизия Умберто, дивизия Пьянель и дивизия Козенца — т. е. семь дивизий не вступали в бой, меж тем как три неприятельских корпуса сражались против нашего левого фланга и разбили его наголову.

Это было следствием мудрой тактики неприятельского генерала.

Помимо семи дивизий, еще тридцать артиллерийских батарей, находившихся в резерве, бездействовали и отступили, не выпустив ни одного залпа!

Всех этих не пущенных в ход сил было достаточно, чтобы обратить в бегство неприятеля, обессиленного и обескураженного боем, длившемся целый день, будь эти силы своевременно использованы.

Приложения

Джузеппе Гарибальди и его эпоха

Гарибальди! Это имя волновало умы нескольких поколений; с этим именем шли в бой за свободу и национальную независимость народы Европы и Америки; это имя стало на долгие годы знаменем, символом борьбы против всякой тирании. По зову Гарибальди десять раз за тридцать пять лет брались за оружие народные массы раздробленной и порабощенной Италии — рабочие и ремесленники севера и батраки и крестьяне юга, студенты городов Центральной Италии, врачи, художники, писатели и ученые…

Народные массы многих стран справедливо видели в Гарибальди мужественного и благородного защитника свободы и демократии. Миллионы трудящихся считали его рыцарем гуманности, борцом за высшую социальную справедливость. Гарибальди был известен как талантливый революционный полководец и как бесстрашный партизанский вождь. В сотнях битв за свободу и независимость народов Европы и Южной Америки участвовал Гарибальди в течение своей славной, полной приключениями и опасностями жизни. Каждый народ, независимость которого была попрана, обращал свои взоры к Гарибальди. Помощи народного героя Италии ожидали борцы за свободу в Ирландии и в Польше, в Венгрии и на Украине. Его звали французские республиканцы на защиту возродившейся республики от нашествий монархической Пруссии, его просили о помощи коммунары Парижа, избравшие его заочно своим главнокомандующим.

«В течение целого полустолетия, — писал известный русский писатель-демократ С. М. Кравчинский (Степняк), — Гарибальди наполнял громом своего имени два полушария. Все, что было в старом поколении свободолюбивого и благородного, с трепетом и замиранием сердца следило за подвигами этого полусказочного героя»[417].

Каковы причины такой огромной притягательной силы и неувядаемой славы Джузеппе Гарибальди? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить взор в глубь истории и внимательно изучить действительные факторы, обусловившие деятельность народного героя.

Девятнадцатый век в Западной Европе, до 1871 г., это — «эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения

буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику…»[418]

Эта ленинская характеристика эпохи, в которой протекала деятельность Гарибальди, объясняет многое. Ленин подчеркивает массовость и всеобщность движения. Это был период бурных волнений, восстаний, революций и освободительных войн; время, когда народ сам выдвигал своих вождей и горячо их поддерживал. В другой своей работе Ленин характеризует этот период как эпоху восходящей линии буржуазии, и говоря об особенностях Италии в период национально-освободительных войн, отмечает, что часть итальянской буржуазии была тогда не только прогрессивной, но даже революционной[419].

И вполне понятно, что народные массы и революционно-демократическая буржуазия поддерживали тех вождей, которые в наибольшей мере проявляли мужество и стойкость, героизм и самопожертвование в борьбе с абсолютистско-феодальными порядками, с засилием «своих» и иноземных властителей. Одним из таких несгибаемых революционеров был Гарибальди.

Сын народа, тесно связанный с ним в продолжение всей своей жизни, Гарибальди воспринял свободолюбивые традиции и патриотические чувства своих соотечественников. В измученном нуждою и политическим гнетом народе Гарибальди встречал волнующие проявления патриотизма. Народ воспитал в Гарибальди качества самоотверженного революционера.

Что же собой представляла Италия, когда Гарибальди начал свои легендарные сражения, восхитившие весь мир?

В течение нескольких столетий конца средневековья и начала нового времени на территории Италии почти непрерывно бушевали захватнические войны иностранных государств. Отдельные области Италии много раз завоевывались иноземными феодальными деспотами. Крупные европейские державы (Испания, Франция и Австрия), боровшиеся за гегемонию в Европе, рассматривали Италию как разменную монету, которую после победы делили между собой.

В результате господства феодального строя и многолетнего иностранного владычества на Апеннинском полуострове Италия долгие годы оставалась раздробленной. Великий русский революционный демократ А. И. Герцен, который с глубоким сочувствием относился к борьбе итальянского народа за свободу и независимость, в своих знаменитых «Письмах из Франции и Италии» с горечью говорил об исторических судьбах Италии до ее объединения. Италия, — писал Герцен, — это «страна, потерявшая три века тому назад свое политическое

существование, униженная всевозможными унижениями, завоеванная, разделенная иноплеменниками, полтора века разоряемая и, наконец, совсем сошедшая с арены народов как деятельная мощь, влияющая сила, — страна, воспитанная иезуитами, отставшая, обойденная…»[420]

Ко времени Великой Французской буржуазной революции 1789 г. Италия была разделена на десять государств. С началом наполеоновских войн почти вся Италия была занята войсками Наполеона. В период 1796–1814 гг. Наполеон несколько раз перекраивал карту Италии. Вначале Италия покрылась «республиками-дочерьми», подчиненными французскому владычеству; затем Наполеон создал на севере Итальянское королевство под управлением своего пасынка Богарне, на юге — Неаполитанское королевство под властью генерала Мюрата и почти всю остальную Италию присоединил к французской империи.

Бурная эпоха французской революции и наполеоновских войн оставил глубокий след в истории Италии. В период французского господства были подорваны феодальные устои на Апеннинском полуострове, пробудились национальное самосознание и демократические стремления всего итальянского народа. Наполеон I был врагом единства и независимости Италии. Он рассматривал эту страну как военно-стратегический плацдарм для осуществления своих захватнических целей. В результате наполеоновских войн почти вся Италия оказалась фактически полуколонией Франции — рынком сбыта для французской промышленности и источником сырья для нее. «…Французская политика по отношению к Италии, — писал впоследствии Ф. Энгельс, — всегда была ограниченной, эгоистичной, эксплуататорской… Достаточно хорошо известно, как Наполеон, его наместники и генералы в период с 1796 по 1814 г. вытягивали из Италии деньги, продовольствие, художественные ценности и людей»[421].

После крушения наполеоновской империи, в результате побед союзных держав над Францией в Италии начался период восстановления феодально-абсолютистского строя. Решением Венского конгресса в 1815 г. Италия была раздроблена на восемь государств. На севере из Ломбардии и бывшей Венецианской республики была образована Ломбардо-Венецианская область, которая находилась под господством Австрии; рядом — Сардинское королевство (Пьемонт), которое включало собственно Пьемонт и остров Сардинию; в Центральной Италии были расположены герцогства Парма, Модена, Тоскана и Лукка, а также Папское государство; на юге полуострова приютилось

королевство Обеих Сицилий, которое включало Неаполитанское королевство и остров Сицилию.

Герцогства находились под влиянием Австрийской империи и управлялись ее ставленниками. В королевстве Обеих Сицилий господствовала испанская ветвь французской династии Бурбонов и лишь в Сардинском королевстве правила «чисто итальянская» Савойская династия.

Австрийское господство в Италии усилилось, оно распространилось на большую территорию, чем прежде. Наступил один из наиболее мрачных периодов реакции в истории Италии. Полицейский произвол и жестокий террор свирепствовали как на севере, так и на юге страны.

Один из главных вдохновителей европейской реакции, австрийский премьер князь Меттерних открыто издевался над национальными чувствами свободолюбивого народа, заявляя что «Италия — не государство, а географическое понятие».

Восстановление феодально-абсолютистских порядков, закрепление государственной раздробленности и иноземного гнета пагубно отразились на экономике итальянских государств. В 20-х годах XIX в. Италия находилась в состоянии глубокого экономического застоя, была одной из отсталых стран Европы.

Национальный и социальный гнет вызывали почти непрерывное брожение среди широких слоев итальянского общества.

Уже в детские и отроческие годы Гарибальди знал о существовании тайных революционных обществ, был свидетелем вызванных ими волнений. То было движение карбонариев. Уже тогда подросток с героическим характером[422] стремился связаться с борцами за освобождение родины. Вспоминая об этом, Гарибальди писал в своих «Мемуарах»: «С ранних лет горячо любя свою страну и ненавидя ее рабство, я страстно желал проникнуть в тайну ее возрождения. Поэтому я повсюду искал книги и сочинения, в которых шла речь о свободе Италии, и старался найти людей, посвятивших себя борьбе за эту свободу»[423].

К началу 1820-х годов в итальянских государствах усилилось стремление к независимости страны и ее объединению; карбонарии подготавливали восстание.

Союз карбонариев («угольщиков») возник еще в 1808 г. на юге Италии. Это было тайное общество, ставившее своей целью свержение феодально-абсолютистского режима и иностранного господства.

В 1820 и 1821 гг. карбонарии возглавили революционное движение, стихийно начавшееся в королевстве Обеих Сицилий и в Пьемонте. Во главе этого движения встали офицеры и

представители буржуазии, связанные с карбонариями. В некоторых городах королевства Обеих Сицилий и в Пьемонте восстали гарнизоны и дело дошло до гражданской войны. Монархи этих государств вынуждены были пойти на уступки и провозгласить конституции. Но как в королевстве Обеих Сицилий, так и в Пьемонте революция вскоре была подавлена с помощью австрийского войска, а конституции отменены.

Революции в итальянских государствах в 1820–1821 гг. носили характер военных заговоров, народ в них почти не участвовал, крестьяне их не поддерживали. Карбонарии боялись привлечь к движению широкие народные массы. В этом заключалась основная причина поражения движения.

Несмотря на некоторое затишье, начавшееся после подавления революции, деспотическим правительствам, прибегавшим к свирепому террору, полностью остановить революционное движение в Италии не удавалось. То здесь, то там вновь вспыхивали восстания, которые приводили в смятение правящие классы. Так, в 1831 г. восстания охватили герцогства Парму и Модену, и Папское государство. В Парме и Модене были даже учреждены временные революционные правительства. Но в этих движениях проявились лишь «судороги» надвигавшегося революционного подъема, что характерно для 30-х годов. Как и в 1820–1821 гг. дело решило австрийское оружие, при помощи которого восстания были подавлены.

К этому времени относится вступление Гарибальди на революционное поприще. Большое значение для него имела встреча в 1833 г. с основателем тайного общества «Молодая Италия» Джузеппе Мадзини.

Характеры этих двух замечательных людей, ставших впоследствии вождями демократического крыла национально-освободительного движения, были различные. Мадзини — человек республиканских политических убеждений, железной воли, непреклонный в достижении намеченных целей. Несмотря на свои демократические убеждения, он никогда серьезно не интересовался положением угнетенных народных масс, в частности итальянского крестьянства. Основные требования созданной Мадзини подпольной организации — объединение Италии в единое независимое государство и установление республиканского строя. Хотя в программе «Молодой Италии» отрицалось заговорщичество как метод борьбы, на практике Мадзини не отказывался от заговоров. В качестве идеала общественного устройства в государстве будущего Мадзини выдвигал теорию объединения труда с капиталом и равномерного распределения продуктов труда. Как отмечал В. И. Ленин,

идеология мадзинизма, как и прудонизма, относится к непролетарскому, домарксовому социализму[424].

Гарибальди был мягким, чутким и отзывчивым человеком. Он понимал народ, его чувства и стремления и всегда был ему верен. Политические взгляды Гарибальди ко времени его встречи с Мадзини еще не сформировались, и Мадзини, выдвигавший подробно разработанную социально-политическую программу, не мог не оказать сильнейшего влияния на этого страстного патриота и революционера. Правда, уже тогда Гарибальди не все нравилось в Мадзини, слишком различны были их характеры. Тем не менее встреча с Мадзини сыграла большую роль в формировании политических взглядов Гарибальди.

В том же году Гарибальди познакомился с социалистами-утопистами, идеи которых его очень заинтересовали. Группа изгнанных из Парижа сенсимонистов отправилась на Восток — в Константинополь. Случилось так, что они сели на судно, капитаном которого был Гарибальди. Среди изгнанников оказались некоторые видные представители утопического социализма: Фелисьен Давид, композитор, будущий творец оды-симфонии «Пустыня»; Фердинанд Лессепс, уже тогда мечтавший о прорытии Суэцкого канала и впоследствии осуществивший эту идею; и Эмиль Барро — один из теоретиков утопического социализма во Франции. Сен-симонисты познакомили молодого Гарибальди со своими идеями, посвятили его в свои планы уничтожения несправедливости на земле. Молодой патриот был пленен их идеями; перед ним открылся новый, неведомый ему доселе мир с новыми понятиями. Тридцать лет спустя Гарибальди писал о своих беседах с сен-симонистами: «они заронили в мою душу искру тех чувств, которые я еще не совсем ясно понимал… я возвращался полный энергии, жадный до новых дел»[425].

Знакомство с идеями утопического социализма, как и с республиканской программой «Молодой Италии», имело огромное определяющее значение в политической деятельности Гарибальди. Он проникся республиканскими идеями и с тех пор считал, что республика является наилучшей формой государственного устройства, способной обеспечить осуществление гуманистических идей утопического социализма.

Гарибальди хотелось скорее ринуться в бой за родину, за ликвидацию ее униженного и порабощенного состояния. Он с радостью принял предложение Мадзини участвовать в Савойской экспедиции, подготовка к которой началась вскоре после его встречи с основателем «Молодой Италии». Известно, что это первое политическое выступление Гарибальди кончилось весьма печально: оно привело к смертному приговору. И вот — первый

побег. Первый, но не последний…

В жизни Гарибальди начался период длительного изгнания — с 1834 до 1848 года. Но это не было для него периодом бездеятельного ожидания «лучших времен». Это было время самоотверженной борьбы за свободу угнетенных народов, борьбы, выковавшей его революционную отвагу и обучившей партизанскому искусству.

В конце 1835 г. Гарибальди отправился в Бразилию. В страны Южной Америки в то время охотно направлялись итальянские политические эмигранты. Молодой, полный кипучей энергии Гарибальди представлял себе эти страны, где в то время не утихали непрерывные национально-освободительные войны, как поле сражения, где он сможет приложить свои силы в борьбе во имя свободы. И действительно, именно здесь, на широких просторах Южной Америки, произошло боевое крещение Гарибальди. Создавая партизанские отряды, он впервые проявил свой организаторский талант и беззаветной борьбой за свободу и независимость местных народов он вскоре приобрел мировую славу.

Двенадцать лет Гарибальди прожил в Южной Америке. Восемь из них он почти беспрерывно сражался — вначале во главе партизанских отрядов за независимость Риу-Грандской республики, затем во главе Итальянского легиона, боровшегося за независимость Уругвайской республики.

С большой искренностью и с пафосом Гарибальди рассказывает в своих «Мемуарах» о сражениях на полях Южной Америки, уделяя внимание мельчайшим подробностям. Говоря об этой тяжелой и продолжительной борьбе, Гарибальди пишет, что она велась «за народ — во имя чести, против тиранов»[426]. Великий итальянский патриот подчеркивает, что он гордится своим участием в течение нескольких лет в доблестной борьбе уругвайского народа[427].

Партизанский вождь особо гордится победами возглавляемого им Итальянского легиона[428]. Действительно, этот Легион не знал поражений. В труднейших условиях он всегда побеждал армию противника, которая намного превосходила его численностью и вооружением.

За битвами Гарибальди в Южной Америки следила вся революционная Италия. Его имя стало здесь самым популярным, и угнетенные народные массы ждали его как избавителя. Совершенно правильно отметил русский писатель С. М. Кравчинский (Степняк), что «американские походы подготовили не только Гарибальди для Италии, но и Италию для Гарибальди»[429]. Сам же Гарибальди рассматривал свои

американские походы как подготовку сил к будущей борьбе за освобождение Италии.

Сражениями в Южной Америке заканчивается первый период деятельности Гарибальди; второй этап — его участие в революции 1848–1849 гг. в Италии. В середине 40-х годов в Италии начался новый подъем национально-освободительного движения. Движение все больше охватывало широчайшие общественные слои Италии — от либерального дворянства до революционных городских низов. Развитие капиталистических отношений вызвало активизацию политической борьбы со стороны буржуазии и обуржуазившегося дворянства, которые теперь больше, чем когда-либо, чувствовали, что феодальные порядки и раздробленность страны мешают ее дальнейшему экономическому росту.

К тому времени ненависть итальянцев к чужеземному владычеству достигает наивысшей степени. Как отмечал Ф. Энгельс, в течение 30-летнего владычества Австрия проводила в Италии терроризм осадного положения. Ее многочисленные шпионы и полицейские, разбросанные по всей стране, жестоко расправлялись с итальянскими патриотами. Погибали сотни лучших сынов итальянского народа. Но кровавый террор не мог остановить борьбу за свободу и независимость Италии. Наоборот, он способствовал превращению Италии в огнедышащий революционный вулкан.

В этих условиях правители некоторых итальянских государств, чтобы удержаться на своих тронах, вынуждены были прибегнуть к реформам. Первым в Италии начал проводить в своем государстве реформы папа Пий IX, занявший римский престол в июне 1846 г. Либеральный жест папы произвел сильное впечатление на итальянскую буржуазию и послужил толчком к усилению борьбы за реформы в других государствах Апеннинского полуострова. Энгельс иронически писал о реформах Пия IX, который по его выражению, играл тогда роль «первого буржуа Италии»:

> «В Италии мы являемся свидетелями удивительного зрелища: человек, занимающий самое реакционное положение во всей Европе, представитель окаменевшей идеологии средневековья — римский папа — стал во главе либерального движения»[430].

Незначительные уступки Пия IX и других монархов были использованы умеренными либералами для того, чтобы внушить народу мысль, будто сами государи выступают за освобождение и объединение Италии. Массы жене довольствовались этими

реформами. По всей Италии прокатилась волна демонстраций и стихийных выступлений городской бедноты и мелкой буржуазии.

Вести о событиях в Италии дошли до далекого Уругвая и застали Гарибальди в Монтевидео. Партизанский вождь вместе со своими сподвижниками из Итальянского легиона стал готовиться к отъезду на родину. Гарибальди вспоминал позже о своих чувствах в те дни:

> «Мы вступили на путь исполнения нашего пламенного желания, обуревавшего нас всю жизнь. Свое славное оружие, защищавшее чужие страны, мы спешили предоставить в распоряжение всей родины… Наши сердца бились в нетерпеливом ожидании»[431].

К моменту отплытия Гарибальди из Уругвая, 15 апреля 1848 г., Италия, как и вся Европа, была охвачена вихрем революции. Точных сведений о положении в Италии Гарибальди не имел, но уже ставил перед собой вполне четкие и ясные задачи:

> «содействовать восстанию там, где оно было в разгаре, и распространять его в тех местах, в которых его еще не было»[432].

Прибытие Гарибальди в Италию превратилось в настоящий народный праздник. Весть о его приезде быстро распространилась по всему полуострову. Казалось, что вся Италия знала в лицо героя. Всюду, где ни побывал Гарибальди, его радостно встречали, к нему беспрерывно подходили все новые и новые люди, пожимали руку и тепло обнимали. Но народный вождь спешил ринуться в бой. Он направился в Главную ставку пьемонтской армии к Карлу-Альберту — к тому самому королю, суд которого в 1834 г. приговорил его к смертной казни, — чтобы предложить ему свою шпагу «на служение делу Италии».

Нельзя без грусти читать те места воспоминаний народного героя, где он описывает, как стремился он из города в город — Геную, Милан, Ровербеллу, Турин, — чтобы договориться об организации волонтерских отрядов, а власти чинили ему в этом препятствия. Гарибальди считает, что эти люди «придерживались либерализма больше из страха перед народом, чем из внутреннего побуждения»[433].

С горечью рассказывает Гарибальди, что не лучше обстояло дело и в тех местах, где были созданы правительства, во главе которых стояли демократы, в частности в Тоскане; им также отряды Гарибальди казались «слишком революционной силой» и

они старались от них избавиться. Гарибальди иронически пишет по этому поводу:

> «Италия, оказывается, нуждалась не в бойцах, а в говорунах и торгашах… Чтобы перехитрить и усыпить народ, деспотизм передал на некоторое время бразды правления болтунам, зная почти наверняка, что эти попугаи расчистят путь ужаснейшей реакции…»[434]

Свою революционную страсть, полководческий талант Гарибальди особо проявил во время обороны Римской республики 1849 г.

Римскую республику все — и сторонники ее и враги — рассматривали как центр распространения республиканского правления по всей Италии. Поэтому для защиты Республики в Рим стекались демократы со всех концов страны, а для ее подавления объединилось все, что только было реакционного. Республика в Риме была провозглашена, когда европейская революция переживала уже период упадка. Во Франции была установлена жестокая диктатура генерала Кавеньяка, подавившего июньское восстание парижских рабочих; реакция поднимала голову в Германии и Австрии. И вот, когда в дакабре 1848 г. Луи Наполеон, будущий император Франции, был избран президентом, он решил организовать интервенцию против итальянской революции, боясь распространения революционного движения из Италии во Францию.

> «Единение Италии, — писал Гарибальди по поводу этой интервенции, — напугало автократическую и иезуитскую Европу, особенно наших западных соседей (Францию и Испанию. — В. Н.), политики которых объявили господство в Средиземном море своим законным и неоспоримым правом»[435].

25 апреля 1849 г. французская военная эскадра под командованием генерала Удино высадилась в приморском городе Чивита-Веккья и в конце месяца подошла к стенам Рима. Удино уверял, что его войско прибыло «защитить землю Папского государства от притязаний австрийцев и неаполитанцев». Учредительное собрание Республики раскрыло его обман и решило «отразить силу силой». Гарибальди было поручено организовать защиту стен Рима, кольцом окружавших город. В ночь на 30 апреля войска Удино, вооруженные первоклассной техникой, начали атаку Рима. Как львы дрались волонтеры, возглавляемые Гарибальди, и в упорных боях с интервентами они

отстояли столицу Республики. Французская армия была наголову разбита и обращена в позорное бегство.

Эта победа слабо вооруженных и малообученных волонтеров над столь сильным противником могла быть одержана лишь благодаря решительности и патриотизму масс, благодаря умению Гарибальди воодушевлять массы, благодаря его личной самоотверженности и мастерскому маневрированию. Во время боя Гарибальди никогда не покидал поля сражения и всегда находился на решающих участках. Генерал Удино вынужден был заключить перемирие, но его войска не покидали Республику. Он ждал подкрепления из Франции. Когда прибыли новые военные силы численностью в 30 тыс. человек, Удино, нарушив перемирие, снова начал атаку.

Нельзя без волнения читать описания Гарибальди битв за отдельные форты, высоты и виллы «Вечного города». Целый месяц длились эти кровопролитные бои, во время которых Гарибальди и его сподвижники десятки раз бросались в атаку, проявляя неописуемую храбрость и героизм. «Какие имена!», — восклицает Гарибальди, перечисляя своих выдающихся сподвижников, которые пали смертью храбрых в борьбе за Родину. В письме к своей жене и боевому товарищу Аните, Гарибальди, рассказывая о подвигах неустрашимых волонтеров, писал: «Один час нашей жизни в Риме стоит жизни целого столетия»[436].

Отряды Гарибальди и другие подразделения Республики не могли сломить первоклассно вооруженного противника, намного превосходившего их численностью. Осажденный город изнемогал и не мог больше сопротивляться. 1 июля в Учредительном собрании решался вопрос продолжать оборону или прекратить ее? Был вызван Гарибальди, чтобы выслушать его веское слово. Он пришел в зал заседания прямо с передовой линии, весь в поту и в грязи.

«Когда я появился в дверях зала, — рассказывает Гарибальди, — все депутаты поднялись со своих мест и приветствовали меня аплодисментами. Не понимая, что могло вызвать в них такой необыкновенный энтузиазм, я стал искать причины его вокруг себя. Я весь был покрыт кровью, моя одежда была пронизана пулями и изодрана штыками; согнувшаяся сабля только на половину входила в ножны. Все закричали: „На трибуну! На трибуну“»[437].

«Возможно ли продолжение обороны?» — спросили у Гарибальди триумвиры.

«Мы сможем продержаться всего лишь несколько дней, и то при условии полного разрушения половины города», — последовал ответ Гарибальди.

На другой день Собрание решило прекратить оборону, обнародовав при этом конституцию Римской республики, окончательно разработанную во время осады. Армия Удино вступила в Рим под французскими и папскими знаменами, и последние депутаты, оставшиеся в Капитолии, были разогнаны силой оружия.

Но Гарибальди все еще не хотел сдаваться. Он решил пробраться сквозь неприятельский строй, чтобы попытаться еще раз изменить судьбу родины. 2 июля Гарибальди собрал своих волонтеров на площади св. Петра и заявил им: «Солдаты! Тем из вас, кто хочет следовать за мной, предлагаю голод, холод и зной; никаких вознаграждений, отсутствие казарм и запасов, но форсированные марши и штыковые атаки. Словом, кто любит Родину и славу, пусть идет за мной!»[438]

Таких нашлось четыре тысячи человек. С этим отрядом Гарибальди двинулся на помощь Венецианской республике, в продолжение восьми месяцев упорно сопротивлявшейся австрийцам. Этот поход мог предпринять только такой беззаветно преданный революции человек, легендарный герой, каким был Гарибальди. Теперь, когда революция подавлена почти по всей Италии, чтобы добраться до Венеции, нужно было пройти всю Центральную Италию, занятую австрийцами, сам Гарибальди и его волонтеры измучены и почти безоружны, их преследовала французская армия, но Гарибальди все же решился на этот поход. В течение месяца Гарибальди десятки раз вырывался из железного кольца трех армий, приводя неприятеля в изумление ловкостью своего маневрирования и отвагой.

Однако отряд Гарибальди постепенно уменьшался, и он не мог устоять против преследовавших его войск. Достигнув Республики Сан-Марино, Гарибальди распустил отряд, но не сдался неприятелю и достиг территории Пьемонта.

К. Маркс и Ф. Энгельс, которые с напряженным вниманием следили за битвами Гарибальди, дали высокую оценку его героической обороне Рима и отступлению в Сан-Марино. «… Австрийцы, — писал Энгельс о Гарибальди, — недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его походы из Рима в Сан-Марино, то они признали бы в нем человека незаурядного военного таланта, безгранично смелого…»[439] Воздавая должное военному таланту партизанского вождя и его отваге, Маркс подчеркивал, что Гарибальди — «герой Монтевидео и Рима»[440].

Революция 1848–1849 гг. в Италии была задушена при помощи австрийского и французского оружия. Победа

контрреволюции в Австрии и во Франции дала возможность интервентам расправиться с очагами итальянской революции. Когда же европейская контрреволюция открыто перешла в наступление против итальянских республик, особенно ясно проявилась внутренняя слабость революционных сил Италии. Буржуазия проявляла колебания и нерешительность. Она относилась к крестьянству с недоверием, недооценивала его как одну из движущих сил революции; она не решилась связать борьбу за национальное объединение с аграрной революцией. Поэтому в большинстве итальянских государств крестьянство не поддержало революцию. Несмотря на свое поражение, революция 1848–1849 гг. в Италии имела большое значение в деле объединения страны. Гарибальди показал себя в этой революции одним из лучших руководителей борьбы за объединение Италии «снизу», за установление демократической республики.

В жизни Гарибальди начался период второго изгнания. Правда, это изгнание было непродолжительным — всего четыре года с небольшим.

«Я должен был исчезнуть, даже если бы мне пришлось броситься в море», — пишет Гарибальди по поводу его вынужденного отъезда из «либерального» Пьемонта[441]. Но великий итальянский патриот не хотел уезжать далеко от родины. Гарибальди решил вначале поселиться на севере африканского материка — в Тунисе. «Надежда на лучшее будущее моей родины заставила меня предпочесть место, находящееся неподалеку», — объясняет Гарибальди выбор места изгнания[442]. Действительно, от Туниса до западной оконечности Сицилии не более двухсот километров.

Однако тунисский бей запретил Гарибальди поселиться в своих владениях. Народному герою пришлось скитаться, прежде чем найти себе пристанище. Он снова переплыл океан и, наконец, поселился в Нью-Йорке, где ему удалось поступить на работу на свечной фабрике в качестве простого рабочего. Затем несколько лет Гарибальди плавал по морям и океанам в качестве капитана торгового судна, а весной 1854 г. он вернулся в Италию и поселился на крохотном островке Капрера.

Периоду второго изгнания и первым годам после возвращения на родину до 1859 г. Гарибальди уделяет мало внимания в своих мемуарах, так как считает, что этот период в его жизни «не представляет никакого интереса». Действительно, это было время политического затишья на Апеннинском полуострове и во всей Европе.

* * *

Надежды Гарибальди и других деятелей демократического движений на возобновление борьбы в ближайшие годы осуществились. Приближалось революционное двухлетие 1859–1860 гг., которое привело к объединению Италии.

Конец 50-х и первая половина 60-х годов характеризуются развитием мощных национально-освободительных и революционно-демократических движений в Европе и на других континентах. Движение за национальное освобождение переплеталось с борьбой за социальную справедливость. Такие многонациональные державы как Османская, Австрийская и Российская империи переживали глубокий политический кризис. Восстают народы Балканского полуострова, томившиеся под турецким гнетом. Самоотверженная борьба румынского народа приводит к созданию единого румынского государства. Поднимается на восстание польский народ во имя восстановления расчлененной Польши. На Западном полушарии разгораются битвы, которые держали весь мир в напряженном внимании: гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки и освободительная война мексиканского народа. На просторах Азии в конце 50-х годов мужественно сражался индийский народ, восставший против господства английских колонизаторов.

В этот период бурных волнений и восстаний, потрясавших Европу и весь мир, в бой за независимость и национальное объединение вступает и итальянский народ.

Уже в 1858 г. в Италии начался новый подъем национально-освободительного движения. Стремление к войне против Австрии по-прежнему было популярным в итальянском народе. Стараясь играть роль гегемона в Италии и объединить ее под своей эгидой, Пьемонт уже давно готовился к войне и для этой цели заключил тайный союз с императорской Францией. Спекулятивный бонапартистский режим шел на союз с Пьемонтом потому, что был заинтересован в вытеснении Австрии из Италии и стремился заменить австрийское господство французским.

Заключив тайно сделку с Францией, пьемонтское правительство стремилось одновременно привлечь на свою сторону и итальянских республиканцев, используя настроения той их части, которая верила в Пьемонт как в знамя освобождения и объединения Италии. И вот Кавур, премьер-министр Пьемонта, приглашает к себе Гарибальди и предлагает ему вербовать волонтерские отряды. Хотя народный герой подозрительно отнесся к планам Кавура относительно войны против Австрии, он все же принял это предложение. «Я привык подчинять любые свои принципы цели объединения Италии,

каким бы путем это ни происходило», — так объяснял Гарибальди принятие предложения Кавура[443]. И великий патриот Италии пишет дальше, что этот его тактический шаг отнюдь не означал отказ от республиканских принципов, ибо он считает республику лучшей формой правления. «Я могу с гордостью сказать: я был и остаюсь республиканцем», — подчеркивает Гарибальди[444]. Соглашаясь сражаться в рядах пьемонтской армии, Гарибальди, очевидно, тайно надеялся, что в этой войне вместе с другими падет и сардинская монархия. Если король Виктор-Эммануил и его первый министр Кавур стремились использовать Гарибальди и всю революционную демократию в своих интересах, то Гарибальди надеялся, что ему удастся использовать хорошо вооруженную пьемонтскую армию в интересах итальянской революции.

Предположение Гарибальди, что Кавур хотел воспользоваться его именем лишь «для приманки» волонтеров, оправдалось. Кавур не доверял партизанскому вождю. Вначале он не дал ему даже командование самостоятельным подразделением; Гарибальди был назначен офицером в часть генерала Чальдини. С горечью Гарибальди пишет в своих «Мемуарах» по этому поводу, что ему пришлось «призвать волонтеров в возможно большем количестве для того, чтобы потом командовать меньшим их числом…»[445]

Позже Гарибальди все же получил командование корпусом альпийских стрелков из трех тысяч человек, состоявшим из одних добровольцев — таких же храбрых и бесстрашных, как и их предводитель.

Начавшаяся в конце апреля 1859 г. война вызвала всеобщий патриотический подъем в Италии, так как народ связывал с ней надежду на освобождение страны от иностранного гнета и ее объединение. Первые значительные победы над врагом одержали волонтеры Гарибальди, среди которых было много убежденных республиканцев. В 1848 г. Гарибальди последним покинул Ломбардию, в 1859 г. он первым вступил в нее. После нескольких блестящих победоносных сражений с австрийцами, Гарибальди вступил в ближайший город Ломбардии — Варезе. Жители Ломбардии приветствовали освободителя от австрийского ига восторженными возгласами. После победы при Варезе последовали победы при Комо, Бергамо, Паладзоло, Брешии и др. Гарибальди занимал город за городом, а австрийцы панически отступали. К началу июня отряды альпийских стрелков очистили большую часть Ломбардии от неприятеля. Это был первый триумфальный марш Гарибальди в революции 1859–1860 гг. Вести о победах Гарибальди разнеслись далеко по всей стране. Следует подчеркнуть, что Гарибальди побеждал австрийцев

несмотря на скудное оружие, которым его снабжало пьемонтское правительство. Партизанский вождь сообщал в Генеральный штаб о недостатке оружия, просил прислать ему боеприпасы, но он ничего не получал, и ему приходилось довольствоваться лишь теми запасами, которые удавалось захватить у неприятеля.

Одержанные Гарибальди победы, привлечение им на свою сторону широких народных масс напугали Кавура и Виктора-Эммануила II, приводили в ужас Наполеона III. Поэтому, мало того что ему не давали оружия, его вдобавок еще посылали на наиболее опасные позиции, а иногда — на верную гибель.

Недоброжелательное отношение главного командования к Гарибальди заметили военные обозреватели того времени, об этом с негодованием писали Маркс и Энгельс. «Возможно, — писал Энгельс 30 мая 1859 г., — что, направляя Гарибальди в Ломбардию, Луи-Наполеон и Виктор-Эммануил рассчитывали погрубить его и его добровольцев — элементы, пожалуй, слишком революционные…»[446] Почти то же самое писал Маркс: «По-моему мнению, Гарибальди нарочно посылают на такие позиции, где он должен погибнуть»[447].

Эти замечания Маркса и Энгельса впоследствии получили подтверждение самого Гарибальди. В своих воспоминаниях он рассказывает, что его корпус умышленно ставили в тяжелое положение; был даже случай, когда главное командование пьемонтской армии послало его с 1800 добровольцами против австрийских войск (в Лонато), заранее зная, что в этом районе расположена многотысячная армия противника. «Это была западня, чтобы погубить горсть храбрецов, действовавших на нервы некоторым большим воякам», — пишет Гарибальди[448].

Одной из причин неприязни главного командования к Гарибальди и тайной борьбы против него пьемонтского правительства явилась проводимая им социальная политика в освобождаемых районах. Гарибальди не мог заниматься только военными делами, жизнь заставляла его решать и социальные вопросы, из которых аграрный был наиболее острым. Этот вопрос снова стал перед представителями буржуазно-демократического лагеря, к которому принадлежал и Гарибальди. Разработанной аграрной программы у него не было, однако он понимал, что для национально-освободительного движения крестьянство представляет огромную силу. В одном из воззваний он обращался к землевладельцам с призывом отдать часть своего излишка зависящим от них людям. Сам он старался, чем только мог, облегчить участь крестьян. В занятых им районах он освобождал крестьян от непомерных налогов. Так, например, придя в Бергамо, Гарибальди узнал, что неприятель обложил деревни

Бергамской долины податью. Он тут же издал распоряжение об отмене всех налогов и податей и «спас, — как он говорил, — многих бедных селян от разграбления»[449].

Такая политика Гарибальди имела следствием стремление широких народных масс стать под его знамена. Но увеличить численность его отряда ни Кавур, ни главное командование не разрешали.

Победы Гарибальди, его популярность среди итальянских патриотов вызывали зависть и опасения пьемонтского командования и, особенно, бонапартистских вояк. За действиями народного героя была установлена полицейская слежка. К. Маркс писал по этому поводу:

> «…Парижский корреспондент „Times“ пишет сегодня, что бонапартисты уже сильно ворчат насчет „славы“ Гарибальди и что в его отряд проникло „несколько отборных полицейских агентов“, посылающих подробные донесения о нем…»[450]

Как бы то ни было, австрийская армия, которой командовали бездарные военачальники, терпела поражение за поражением. В июне 1859 г. союзная армия одержала победу над австрийскими войсками при Мадженте, а французы разбили их при Сольферино.

Успешная борьба против австрийцев на фронтах дала новый толчок развитию революционного движения. Народные волнения вспыхнули в Тоскане, Парме, Модене, в Папском государстве. Национально-освободительное движение принимало широкий размах и могло привести к созданию единой и независимой Италии. Это уже не входило в планы Наполеона III. Поэтому он, решив, что после одержанных побед сможет добиться от австрийского императора нужных ему уступок, поспешил за спиной своего союзника закончить войну. Наступило Виллафранкское перемирие (11 июля 1859 г.).

Гарибальди был полон гнева и не признавал перемирия. Но он был рад тому, что это перемирие, наконец, даст ему и всем итальянским патриотам свободу действия: закончилась королевская война и начнется настоящая народная война.

Это позорное перемирие, которое закрепило раздробленность Италии и дополнило австрийский гнет французским диктатом, вызвало взрыв возмущения в душе каждого итальянца. Это перемирие оскорбляло национальные чувства народа, поднявшегося на решающую борьбу с иноземным притеснителем и готового на любые жертвы, чтобы достигнуть объединения своей страны. «Возникновение итальянской нации, — писал К. Маркс по поводу Виллафранкского договора, —

сопровождается изощренным оскорблением…»[451] Демократические силы Италии не признавали этого перемирия. По всей стране поднялось могущественное движение народных масс. Подытоживая свою статью о Виллафранкском договоре, Маркс писал, что «в дело может вмешаться итальянская революция, чтобы изменить картину всего полуострова»[452]. Произошло так, как предвидел Маркс. В течение лета 1859 г. массовые выступления с каждым днем все расширялись, накал революционной энергии усиливался. Особенно сильным было негодование широких масс в Центральной Италии. В результате народных восстаний в герцогствах Тоскана, Модена, Парма и в Романье в сентябре 1859 г. были образованы временные правительства и Ассамблеи этих территорий приняли постановление об их присоединении к Сардинскому королевству.

Только на юге Италии в королевстве Обеих Сицилий — наиболее деспотическом государстве на Апеннинском полуострове — почти все осталось без изменений. Но революционная волна бурлила и здесь.

«Вести из Центральной Италии побуждали к военным действиям», — писал впоследствии Гарибальди о событиях тех дней[453]. Он двинулся в столицу Тосканы — Флоренцию — на помощь восставшему народу. Однако, прибыв туда, Гарибальди убедился, что ему придется иметь дело со сторонниками Кавура, уже успевшего захватить руководство движением в свои руки.

Либералы, ставшие во главе временного правительства Тосканы, вместо того, чтобы принять меры против организовывавшейся контрреволюции, просили Гарибальди «успокоить народ».

К Гарибальди вновь стекались толпы добровольцев со всех концов страны, и массы требовали поставить его во главе всех вооруженных сил Центральной Италии. Но трусливые либералы разрешили ему командовать только одной дивизией, а добровольцев отправляли обратно домой. Всеми этими интригами руководили из Пьемонта.

За Центральной Италией восстал и юг. В конце 1859 г. Сицилия вновь поднимается против гнета испанских Бурбонов. 4 апреля 1860 г. под руководством вождя сицилийских республиканцев Розалино Пило началось восстание в Палермо. Восстание было подавлено через несколько дней самым свирепым образом, и повстанцы ушли в горы. Но выступление бедноты Палермо послужило сигналом для нового подъема национально-освободительной борьбы за пределами Палермо. К концу апреля восстание охватило всю Сицилию.

Республиканская партия Мадзини решила взять руководство

движением в Сицилии в свои руки. Для оказания помощи повстанцам в Генуе был организован так называемый «Сицилийский комитет». Он начал готовить экспедицию в Сицилию с расчетом захватить остров, а оттуда с помощью восставших предпринять поход на материк и овладеть всем Неаполитанским королевством. В качестве руководителя этого похода был приглашен Гарибальди. Когда друзья Гарибальди впервые обратились к нему с этим предложением, он ответил: «Но Наполеон, но Кавур?». Он помнил уроки прошедшего года. Он знал, что Кавур действует заодно с Наполеоном III и что именно эти две фигуры будут преграждать путь к полному освобождению Италии.

После некоторого колебания Гарибальди согласился принять руководство экспедицией, решив сломить любые преграды. Так был задуман знаменитый поход гарибальдийской «Тысячи» краснорубашечников, сыгравший крупнейшую роль в объединении Италии.

Приготовления к экспедиции начались в конце апреля. Большие затруднения Гарибальди испытал в обеспечении экспедиции оружием и денежными средствами, хотя и то и другое имелось в достаточном количестве в фонде «Миллион ружей», подписку на который Гарибальди организовал еще в 1859 г. Дело в том, что оружие указанного фонда хранилось в Миланском арсенале и, когда помощники Гарибальди прибыли в Милан за оружием, им сообщили приказ Кавура не давать ни одного ружья, несмотря на то, что пьемонтское правительство никакого отношения к этому оружию не имело.

Весть о том, что Гарибальди согласился возглавить экспедицию в Сицилию быстро распространилась среди патриотов Италии. Особо рады этому были демократические деятели, которые начали вербовать волонтеров для отряда. В Геную стали стекаться борцы за свободу почти со всех итальянских государств. Больше всего здесь было патриотов из Ломбардии. Много представителей прибыло из Венеции, Пьемонта, Тосканы, Романьи и других мест. В первые дни мая 1860 г. Генуя являла собой удивительное зрелище. Гостиницы были переполнены приезжими, улицы — многолюдны. Здесь можно было увидеть людей, одетых в разнообразную одежду, и услышать речь почти на всех итальянских диалектах[454].

Еще в дни подготовки к экспедиции Гарибальди заявил, что ему нужно лишь немного, но зато хороших солдат и что он возьмет, приблизительно тысячу человек[455]. Такое ограничение численности экспедиции диктовалось еще и затруднением с вооружением отряда. Но так как в Геную прибыло намного

больше добровольцев, чем предполагалось включить в экспедицию, то часть из них Гарибальди был вынужден отправить обратно по домам[456].

Хотя само название экспедиции — «Тысяча» — как будто определяет ее численность, до сих пор число ее участников точно не известно. Обычно в литературе указывается, что в Марсале высадилось 1089 человек, — в соответствии с уточненным списком, опубликованным в «Gazzetta ufficiale» 12 ноября 1878 г. Но и этот список, исправивший ошибки нескольких предыдущих, не точен. В него включены имена некоторых лиц, которые не отправились из Кварто с экспедицией; вместе с тем пропущены имена волонтеров, которые с первого дня были в отряде Гарибальди[457]. Ближе к истине указание, что из Кварто отправились 1170 человек[458].

«Тысячей» отряд стал называться после победы в Палермо. Вначале, в приказах и обращениях к своим сподвижникам, Гарибальди их называл «корпусом альпийских стрелков». Действительно, ядро экспедиции составляли волонтеры из отряда «альпийских стрелков», проявивших себя как храбрые солдаты и самоотверженные патриоты во время ломбардской кампании Гарибальди в 1859 г.

Социальный состав «Тысячи» был разнообразный, но большинство составляли трудящиеся. Почти половину экспедиции составляли пролетарские слои — рабочие, ремесленники, городская беднота; много было студентов, представителей мелкой буржуазии и интеллигенции[459].

В «Тысяче» была всего одна женщина — Розалия Монтмассон, жена Ф. Криспи.

Возрастной состав экспедиции был довольно пестрый, но преобладала молодежь в возрасте 18–25 лет. Много было людей зрелого и пожилого возраста («бородачи» и «усачи»). Среди них были борцы, вспоминавшие старые битвы: защитники Рима и Венеции в 1849 г., участники восстаний в 1831 и, даже, 1820–1821 гг. Здесь были и сподвижники Гарибальди в его битвах в Южной Америке. Самым старым в «Тысяче» был 69-летний генуэзец Томмазо Пароди. В экспедиции участвовали и юноши, не достигшие 18-летнего возраста, и даже одиннадцатилетний ребенок — Джузеппе Маркетти, — которого отец взял с собой, так как его не с кем было оставить дома[460].

В последние дни перед отплытием «Тысячи» Гарибальди написал в Вилле Спинола ряд прокламаций, обращений и писем. В прокламации к неаполитанцам (от 30 апреля) Гарибальди призывал южан последовать примеру сицилийцев и «восстать против наиболее злодейской тирании», чтобы взамен

«отвратительного знамени Бурбонов водрузить славное трехцветное знамя — символ независимости и национального объединения, без которого невозможна действительная и долговечная свобода»[461].

Направляясь в Сицилию, Гарибальди думал не только о свободе этого острова: он не забывал и Рим. В прокламации к римлянам от 30 апреля Гарибальди выразил уверенность, что и для них «придет день, когда будет свергнута двойная тирания — иностранца и священника», и подчеркнул, что предпринятый поход является «делом всех итальянцев»[462].

В прокламации «К итальянским солдатам» Гарибальди призывал их «сплотиться вокруг своих офицеров», храбрость которых «может быть ослаблена трусливыми советниками»[463]. В последних словах имеется тонкий намек на трусливую политику Кавура в момент подготовки к экспедиции.

Двух своих сподвижников — Агостино Бертани и Джакомо Медичи, — которые вместе с Нино Биксио сыграли главную роль в подготовке этого изумительного похода, Гарибальди посчитал необходимым оставить в Генуе. Перед отплытием он написал им 5 мая письма. В письме к Бертани Гарибальди просил его собирать, сколько будет возможно, средства для экспедиции и широко пропагандировать необходимость помощи не только сицилийскому восстанию, но везде, где есть враги[464]. В письме к Медичи Гарибальди писал, что лучше, если бы он остался в Генуе и что он должен напрягать свои усилия не только для того, чтобы посылать в Сицилию людей и вооружения, «но делать то же самое в Марке и Умбрии и т. д…, где скоро разразится восстание, которое надо распространить всюду»[465].

5 мая Гарибальди обратился с прокламацией «К итальянцам». Она написана с большой искренностью:

> «Итальянцы! Сицилийцы сражаются с врагами Италии за Италию. Долг каждого итальянца помочь им словом, деньгами, оружием и больше всего — собственной рукой…
>
> Предоставленные самим себе, отважные сыны Сицилии сражаются с наемниками не только Бурбона, но и Австрии, и римского Первосвященника… Пусть же Марке, Умбрия, Сабина, Рим и Неаполь восстанут, чтобы раздробить силы врагов наших…
>
> Храбрый везде найдет оружие… Не слушайте трусов…
>
> Отряд смельчаков из бывших моих товарищей в прежних боях за Родину идет со мной на помощь. Италия

их знает: это те, кто становится в строй, как только появляется опасность — хорошие, великодушные товарищи, посвятившие жизнь свою Родине, отдающие ей до последней капли кровь свою, не ожидая других вознаграждений, кроме чистой совести…

К оружию же!..»[466]

Перед отъездом Гарибальди написал письмо также и Виктору-Эммануилу II. Он писал королю, что тревожный крик, который раздался в Сицилии, дошел до его ушей и взволновал и его сердце, и сердца нескольких сотен его старых товарищей по оружию, поэтому он решил пойти на помощь сицилийцам. Сообщая ему, что экспедиция проводится под лозунгом — «Италия и Виктор-Эммануил», — Гарибальди пишет, что если будет одержана победа, — он «с гордостью украсит корону Его Величества этой новой сверкающей драгоценностью, однако, при одном лишь условии, что Его Величество будет сопротивляться попыткам своих советников передать эту провинцию иностранцу», как «это было сделано» с его родным городом[467].

И в этом документе, и в других Гарибальди намекает на антинациональную политику Кавура по отношению к Ницце, отданной Франции. Гарибальди опасался, что и освобожденную Сицилию Кавур использует как разменную монету при переговорах с Неаполитанским королем, стремясь отговорить его от союза с Австрией в предстоящей войне за Венецию[468].

Лозунг «Италия и Виктор-Эммануил» вытекал из политики Партии действия, проводившейся ею еще до начала второй австро-итальянской войны 1859 г. Первым выдвинул этот лозунг бывший глава Венецианской республики Даниэль Манин в 1856 г., когда он вместе с Лафариной создал «Национальное общество». Гарибальди пишет в своих воспоминаниях, что когда ему на Капрере сообщили об этом лозунге Манины, он «уже придерживался таких же политических взглядов»[469].

В письме теоретика и вождя Партии действия Дж. Мадзини к Виктору-Эммануилу также содержался призыв к королю встать во главе национальных сил Италии. Однако не все демократы были согласны с этой политикой. В Партии действия была оппозиция — так называемые «непримиримые республиканцы», которые сопротивлялись проведению нового курса, отвечавшего национальным интересам страны в создавшихся условиях.

Гарибальди оказался более дальновидным, чем многие другие руководители демократических сил. Проводя поход «Тысячи» под лозунгом «Италия и Виктор-Эммануил», он тем самым придал официальный характер экспедиции. Как бы Кавур

ни отмежевывался от экспедиции, поспешно заявляя всем дипломатам о своей непричастности к ней, как бы он ни бранил Гарибальди в письмах к своим друзьям — этот лозунг, пусть временно, связал ему руки. Этим лозунгом Гарибальди сплачивал вокруг знамени объединения Италии все национальные силы. Как и многие другие республиканцы, он считал, что Пьемонт в то время являлся основной военной силой Италии, без которой невозможно вести освободительную войну. Выдвигая этот лозунг, Гарибальди полагал, что Виктор-Эммануил со своим войском присоединится к начатой борьбе за освобождение Южной Италии и Папской области и тем самым вопрос об объединении страны будет решен. «С гордостью могу сказать, — писал Гарибальди по поводу этого лозунга, — что я был и являюсь республиканцем…, и когда представилась возможность объединить полуостров — потребность первая и главная — при помощи комбинации, „Виктор-Эммануил и Италия“, я к ней полностью присоединился»[470].

Своей дальнейшей деятельностью Гарибальди доказал, что выдвигая лозунг «Италия и Виктор-Эммануил» по тактическим соображениям, он отнюдь не отказался от своих республиканских убеждений и до конца своей жизни остался горячим приверженцем демократии и противником монархии.

5 мая все приготовления были завершены. Теперь отправка экспедиции ни для кого уже не была секретом. Казалось, что об этом знала вся Генуя, народ которой вышел на улицы. Один из сподвижников Гарибальди — Джузеппе Банди — пишет в своих мемуарах, что от Генуи до Кварто «тянулась сплошная непрерывная процессия». Здесь были не только родные и близкие смельчаков — женщины, дети, старики — весь город провожал их[471]. В 10 часов вечера волонтеры сели на барки, чтобы с них перейти на пароходы «Пьемонт» и «Ломбардия», за которыми еще раньше направился Нино Биксио с тридцатью моряками. Лишь в три часа ночи пароходы появились в море перед деревней Кварто. Началась посадка людей, погрузка угля, продовольствия и ружей, которая длилась более трех часов. На рассвете 6 мая пароходы отплыли[472].

Экспедиция была плохо вооружена. Отправляясь из Кварто, она располагала лишь 1019 ржавыми ружьями. Но Гарибальди и его соратники были глубоко уверены в высоком патриотизме и беззаветной храбрости волонтеров. Вспоминая о готовности своих сподвижников к решающей битве за объединение Италии, Гарибальди писал, что они «отправились, не спрашивая, много ли тех, с кем нужно сражаться, достаточно ли число славных, хватит ли средств для отчаянной кампании», но «поспешили, невзирая

на тяготы и опасности, которыми враги и кажущиеся друзья усеяли путь»[473].

Начиная поход с тысячью бойцами, Гарибальди был уверен, что к этой «Тысяче» «присоединятся миллионы». Эта уверенность объяснялась не только правильным учетом обстановки в Италии, но и осознанием того факта, что в подавляющем большинстве «Тысяча» состояла из представителей народа, из трудящихся, и поэтому неминуемо к ней должны были присоединиться народные массы. В своих воспоминаниях Гарибальди с гордостью писал о социальном составе «Тысячи», подчеркивая, что в ней были широко представлены трудящиеся.

До сих пор в научной литературе ведутся дискуссии и спорят по вопросу об отношении Камилло Кавура к экспедиции «Тысячи». Спорящие стороны иногда выдвигают новые доводы, приводят неизвестные документы. Однако эти документы не могут опровергнуть известные уже факты, установленные при исследовании деятельности Кавура: они лишь дополняют и уточняют наши знания о нем. Весь спор сводится лишь к различной оценке тех или иных фактов. А встречающаяся неправильная оценка политики Кавура является, на наш взгляд, результатом отсутствия объективности или скоропалительности.

Кавур не только пытался заставить Гарибальди отказаться от экспедиции, но и намеревался арестовать его, чтобы сорвать отправку «Тысячи». Гарибальди писал по этому поводу в своих воспоминаниях, что правительство Кавура с самого начала стало окружать волонтеров «сетью проволочек и задержек, которые преследовали экспедицию до последнего мгновения»[474].

Пренебрегая давно опубликованными и широко известными документами, традиционная буржуазно-либеральная историография утверждает, что Кавур не мог не содействовать более или менее тайно экспедиции в Сицилию. Некоторые, более осторожные в своих формулировках, авторы утверждают: да, возможно, что Кавур и не содействовал отправке экспедиции, но заслуга его состоит в том, что он не помешал ей. На самом деле Кавур не помешал отправке «Тысячи» лишь потому, что не был в состоянии сделать это, будучи вынужденным считаться с общественным мнением. Об этом писал сам Кавур, об этом свидетельствуют многие мемуаристы, в том числе и Гарибальди. Вот письмо Кавура от 12 мая 1860 г. послу Пьемонта в Париже К. Нигра: «…Сожалею об экспедиции Гарибальди, и я делаю и буду делать то, что возможно, чтобы она не вызвала новых осложнений. Я не помешал Гарибальди провести в жизнь свой проект, так как для того, чтобы это сделать, пришлось бы применить силу. А ведь правительство не может пренебрегать

тем, что попытка остановить Гарибальди вызвала бы огромное недовольство… Желая рассеять интриги оппозиции накануне выборов… я не могу применять насильственные меры, чтобы помешать помощи, предназначенной для Сицилии». Далее Кавур пишет, что он никогда не думал, что Гарибальди «будет столь сумасшедшим», чтобы попытаться вторгнуться в пределы Папского государства (а этого он больше всего боялся, так как неприкосновенность владений папы охранялась Наполеоном III), и сообщает, что, получив известие о высадке небольшого отряда в Таламоне, он приказал адмиралу Персано остановить судна Гарибальди в водах Сардинии и «всюду, где бы они ни находились»[475].

Известно, что после того как папская армия рассеяла отряд Дзамбьанки, высадившийся в Таламоне, остатки его были задержаны пьемонтскими властями, а Дзамбьанки был арестован и длительное время содержался в заключении. Если бы Кавур был более уверен в своих силах, он послал бы вооруженный отряд на виллу Сиинола и волонтеры были бы рассеяны. Но он вынужден был считаться с духом времени, с патриотическим подъемом, который царил по всей Италии в революционный 1860 г.[476] Совершенно правильное объяснение отношения кавуристов к экспедиции «Тысячи» дал сам Гарибальди: «Люди Кавура, — писал он в своих воспоминаниях, — не могли открыто сказать „Не хотим экспедицию в Сицилию“ — общественное мнение народа осудило бы их…»[477] Но, как отмечала туринская газета «Il Diritto», Кавур делал все возможное, чтобы помешать экспедиции Гарибальди: он остановился лишь перед опасностью гражданской войны[478]. «Насильственно удержать Гарибальди было бы опасно», — писал Кавур Риказоли 16 мая 1860 г.

На протест посла королевства Обеих Сицилий против подготовки экспедиции Кавур ответил, что невозможно помешать Гарибальди без того, чтобы не скомпрометировать правительство[479].

Таким образом пьемонтские власти не смогли воспрепятствовать отплытию экспедиции «Тысячи». Неаполитанские же суда, сторожившие в Тирренском море, не сумели помешать высадке ее в Марсале 11 мая.

Нельзя без волнения читать рассказ Гарибальди о битвах за освобождение Сицилии и Южной Италии. С искренним пафосом повествует он в своих «Мемуарах» о сражениях, которые, по словам Энгельса, носили печать военного гения. Калатафими, Палермо, Милаццо, Реджо, Вольтурно — каждая из этих битв зажигала энтузиазмом итальянских патриотов, изумляла современников. Подробно изучая поход Гарибальди из Марсалы в

Палермо, Энгельс отметил, что это — «один из наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия, и он был бы почти необъясним, если бы престиж революционного генерала не предшествовал его триумфальному маршу»[480].

Гарибальди действовал в Сицилии в тесном контакте с повстанческим движением. Посоветовавшись с местными руководителями республиканской партии, партизанский вождь выработал общий план действий. К Гарибальди начали стекаться повстанцы, вооруженные кто чем мог — пиками, саблями, ножами, дубинами, топорами[481]. Уже в Салеми, находящейся близ Марсалы, к отряду Гарибальди присоединились 4 тысячи вооруженных крестьян. Под Палермо Гарибальди уже имел в своем распоряжении 8 тысяч человек. Но в столице Сицилии находилась 20-тысячная, хорошо вооруженная армия и сконцентрированный королевский флот. Рассказывал о мужестве и отваге краснорубашечников и присоединившихся к ним повстанцев, штурмовавших Палермо, Гарибальди пишет, что «все были готовы похоронить себя под развалинами прекрасного города»[482]. Из этой битвы, как и из всех других, гарибальдийцы вышли победителями.

Во всех операциях Гарибальди давал лишь общие указания, остальное предоставлялось инициативе низших командиров. В чинах гарибальдийцы повышались очень часто, в особенности после битвы. Возведение в тот или иной чин проводилось по требованию самих волонтеров, выдвигавших своих лучших товарищей, отличившихся в боях, Гарибальди лишь утверждал эти решения. Гарибальди уделял много времени воспитанию своих солдат. Часто во время отдыха части можно было увидеть его у палаток или на поле беседующим с бойцами. Сам беззаветно преданный общему делу, самоотверженный, храбрый и дисциплинированный, он старался такие же качества воспитывать и у своих бойцов. Вне военного строя, Гарибальди — брат и товарищ каждого бойца. Такое отношение к бойцам вызывало к нему их любовь и преданность. Вне боя он такой же, как и все волонтеры: сам ухаживает за своей лошадью, спит на голой земле с седлом под головой и наравне со всеми переносит трудности и лишения походной жизни. Он часто повторял своим друзьям: «Великих подвигов не пугаюсь и скромными не брезгаю».

Гарибальди оказывал сильное влияние на всех соприкасавшихся с ним, благодаря своему исключительному обаянию. Герой суровой жизни, он любил красоту во всем: в манерах обращения с друзьями и солдатами, в своих мечтах, в костюме. Он очень любил природу и не уставал восхищаться ее красотой.

«Гарибальди…, — говорил Маркс, — с огненной душой соединяет частицу того тонкого итальянского гения, какой можно обнаружить в Данте…»[483]

* * *

На острове Сицилия возникла новая власть в форме революционно-демократической диктатуры, и Гарибальди принял звание диктатора Сицилии. Сам Гарибальди следующим образом определил свое отношение к диктатуре: «Пошли разговоры о диктатуре. Я принял ее без возражений, ибо в известных случаях и при затруднительных обстоятельствах, в которых могут находиться народы, всегда считал ее якорем спасения»[484]. Он понимал необходимость диктатуры хотя бы на время, нужное для окончательного подавления контрреволюции и закрепления революционных завоеваний.

На освобожденном острове Гарибальди провел некоторые социально-экономические преобразования — он освободил десятки тысяч политических заключенных, томившихся в тюрьмах Палермо и других городов; принялся за организацию школ и приютов для беспризорных детей. Гарибальди позаботился также о семьях, пострадавших от военных действий. Чтобы предоставить средства существования для нуждающихся слоев населения, он организовал общественные работы; Гарибальди издал декрет об отмене налога на помол.

Легендарная эпопея славной «Тысячи» в революции 1859–1860 гг. подходила к концу. 6 сентября гарибальдийская армия вступила в Неаполь, тем самым власть династии Бурбонов была уничтожена навсегда. Целую неделю после вступления Гарибальди в Неаполь длились народные торжества.

В освобожденном королевстве было образовано революционно-демократическое правительство, и Гарибальди был провозглашен диктатором Обеих Сицилий.

Во время своего пребывания в Неаполе Гарибальди провел в жизнь много важных преобразований. Здесь он также прежде всего освободил из тюрем всех политических заключенных. Затем им был издан декрет о запрещении иезуитских корпораций — очагов контрреволюции. Принадлежавшие Бурбонам земли были национализированы. Был издан декрет о раздаче государственных земель крестьянам.

Имущие классы Южной Италии, видевшие в гарибальдийоком движении угрозу своим интересам, не дремали. Помещики, крупные буржуа обращались к Виктору-Эммануилу с

петициями о присоединении Южной Италии к Пьемонту. Кавур наводнял Неаполь своими агентами, также агитировавшими за присоединение к Пьемонту.

Виктор-Эммануил двинулся с 20-тысячной армией в Папское государство, а затем вступил в Неаполитанское королевство. Он опубликовал воззвание «К народам Южной Италии», в котором призывал к примирению с монархией и объявил «конец эры революции».

В этой обстановке Гарибальди решил назначить плебисцит по вопросу о присоединении к Пьемонту. Плебисцит был проведен 21 октября, когда пьемонтская армия во главе с Виктором-Эммануилом уже приближалась к столице. Он кончился победой сторонников присоединения юга Италии к Сардинскому королевству.

6 ноября 1860 г. в Неаполь прибыл Виктор-Эммануил. Гарибальди сложил с себя диктаторскую власть и объявил о передаче власти в освобожденной им Южной Италии королю Виктору-Эммануилу. Вскоре декреты, изданные Гарибальди, были отменены, а его армия распущена.

После того как Виктор-Эммануил узурпировал у Гарибальди завоеванную им власть, партизанскому вождю ничего не оставалось, как уйти на время от политической жизни. «Я стремился вернуться к своему одиночеству (на Капреру. — В. Н.)», — заканчивает Гарибальди свой рассказ о славном походе «Тысячи».

А. И. Герцен с глубокой горечью писал об отъезде Гарибальди: «…он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довез до станции»[485].

Экспедиция Гарибальди на юг Италии явилась самым крупным выступлением народных масс в их борьбе за объединение Италии революционным путем. В этом походе объединились антифеодальные, демократические силы всех итальянских государств.

В результате войны и революции 1859–1860 гг. объединение Италии было в основном завершено. Решающую роль в объединении страны сыграл не Кавур, не Виктор-Эммануил, которых буржуазные историки называют «освободителями Италии», а борьба народных масс, руководимых революционной частью буржуазии, наиболее выдающимися представителями которой были Гарибальди и Мадзини. Давая итоговую оценку роли Гарибальди и народных масс в революции 1859–1860 гг., Энгельс писал:

> «…в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить и действительно творившего чудеса. С тысячей волонтеров он опрокинул все Неаполитанское королевство, фактически объединил Италию, разорвал искусную сеть бонапартовской политики. Италия была свободна и по существу объединена, — но не происками Луи-Наполеона, а революцией»[486].

Однако необходимо подчеркнуть, что недостаточная организованность демократических сил, слабое участие крестьянства в революции, колебания вождей республиканской буржуазии обусловили незавершенность революции 1859–1860 гг. в Италии. Создалось такое соотношение сил, при котором пьемонтская монархия сумела воспользоваться плодами завоеванных революцией побед и присоединить к Пьемонту уже освобожденные государства.

Была создана не демократическая Италия, не та Италия, борьбе за которую Гарибальди посвятил свою славную жизнь. Было образовано конституционно-монархическое государство, закрепившее блок крупной буржуазии с обуржуазившимися помещиками.

В 1861 г. королем Италии стал Виктор-Эммануил II. Но вне пределов Итальянского королевства все еще находились Папское государство и Венеция. Завершение объединения Италии могло быть достигнуто лишь в результате ликвидации светской власти папы и освобождения Венеции из-под австрийского господства.

И вот Гарибальди снова бросается в бой. В 1862 г. он предпринимает поход под лозунгом «Рим или смерть!». Виктор-Эммануил II, который воспользовался плодами побед народного героя и узурпировал у него почти полкоролевства, объявил народного героя «мятежником» и направил против него свою армию. Этот поход Гарибальди закончился безрезультатно. У горы Аспромонте Гарибальди был ранен. Это была самая тяжелая из всех десяти ран, полученных Гарибальди за всю его жизнь.

Но в 1866 г. он снова сражается в рядах итальянской армии в войне против Австрии, в результате которой Венеция была присоединена к Италии.

Последнюю попытку освободить Рим Гарибальди предпринимает в 1867 г. На этот раз отряд Гарибальди был разбит объединенными силами французских и папских войск (в битве при Ментане). А король «освободитель» поспешно арестовал народного героя.

Однако Рим уже не мог долго оставаться отделенным от

Италии. Летом 1870 г. в Риме произошли народные волнения, грозившие перерасти в открытую революцию. По поручению Гарибальди один из его помощников — Биксио — сформировал отряд добровольцев и направился в Папское государство. Вывод французских войск из Рима в связи с началом франко-прусской войны облегчил продвижение к Риму повстанческого отряда гарибальдийцев. После крушения наполеоновской империи (2 сентября 1870 г.) и Виктор-Эммануил решился послать свою армию в Рим, стремясь опередить гарибальдийцев. 20 сентября добровольцы и королевские войска вступили в Рим; светская власть папы была свергнута, территория Папского государства присоединена к Итальянскому королевству. В 1871 г. Рим был провозглашен столицей Италии. Этим завершилось создание итальянского национального государства.

* * *

Каково было отношение русского общества к национально-освободительному движению в Италии? Какие отклики вызывали битвы Гарибальди у различных общественных классов России XIX в.? Эти вопросы являются весьма интересными, и чтобы их осветить, мы должны перейти к так называемой «русской гарибальдиаде». Русская прогрессивная интеллигенция всегда была связана с демократическим крылом итальянского национально-освободительного движения. Связь передовых людей России с итальянскими республиканцами особенно усилилась в период борьбы за объединение Италии. Русских революционных демократов роднила с итальянскими революционерами периода Рисорджименто общность идей. И те, и другие боролись против деспотической власти монархии, за создание демократической республики. Уже в период революции 1848–1849 гг., когда демократическое движение в России еще было слабо развито, русская демократическая интеллигенция проявляла большой интерес к деятельности Мадзини и Гарибальди и выражала свое глубокое сочувствие борьбе итальянского народа против иностранного гнета, за национальное единство, за свободу и демократию. В своих «Письмах из Франции и Италии» Герцен отмечал, что с 1848 г. он «следил шаг за шагом» за деятельностью Гарибальди[487].

Гарибальди очень рано ознакомился с социальными и политическими условиями в России — во время неоднократных плаваний в Россию в годы своей матросской жизни. Хорошее знание русской действительности, русских людей способствовало

тому, что Гарибальди быстро сходился с русскими революционерами. Из русских революционных демократов А. И. Герцен был первым, кто сблизился и подружился с Гарибальди и другими деятелями освободительного движения в Италии. Герцен встретился с Гарибальди в феврале 1854 г., когда последний прибыл в Лондон из Америки в качестве капитана корабля. Как только Герцен, живший тогда в Лондоне, узнал о приезде Гарибальди, он попросил своего старого друга, итальянского революционера Ф. Орсини познакомить его с ним. Герцен писал позже о первом впечатлении, произведенном на него великим героем:

> «…Гарибальди, целиком взятый из Корнелия Непота, с простотой ребенка, с отвагой льва»[488].

Эти разные по характеру люди почувствовали такую глубокую взаимную симпатию, что уже через несколько дней после первого знакомства Гарибальди в письме к Герцену называл себя его другом «на всю жизнь[489]». В дальнейшем Герцен не раз посещал Гарибальди, встречался с ним в разных городах Италии. Гарибальди также неоднократно бывал на квартире у Герцена. В своих статьях и письмах Герцен посвятил много вдохновенных страниц описанию героической борьбы Гарибальди и его славных сподвижников.

Уже во время революции 1848–1849 гг. Гарибальди заслужил славу героя и был хорошо известен читающей публике России. Особенно популярным в России Гарибальди стал в 1860 г., когда он начал свой славный поход со знаменитой «Тысячей» волонтеров. Победоносное шествие Гарибальди с небольшим партизанским отрядом вызывало восхищение борцов за свободу в России и одновременно внушало ужас господствующим классам. По-разному отнеслись к революционным событиям в Италии и к Гарибальди различные общественные слои России, о чем свидетельствует периодическая печать того времени. По вопросу об оценке гарибальдийского движения шла острая и упорная борьба между революционно-демократической печатью, с одной стороны, и либеральной и консервативной — с другой.

Большой интерес к национально-освободительному движению в Италии проявляли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Почти в каждом номере журнала «Современник» появлялись яркие статьи Чернышевского, уделявшего особое внимание походам Гарибальди. Добролюбов посвятил итальянским событиям ряд специальных статей, содержавших глубокий анализ освободительного движения в Италии. Чернышевский и Добролюбов восхищались мужеством и

отвагой гарибальдийцев. «Дивная энергия, выказанная волонтерами Гарибальди, была выражением народных сил Италии», — писал Чернышевский по поводу походов Гарибальди в 1859 г.[490] Наши великие революционные демократы сумели разобраться в расстановке политических сил в Италии; в своих статьях они показывали гарибальдийское движение как движение народное, а противостоявшее ему движение либералов — как стремящееся обуздать народ. Обсуждая вопрос о революции в Италии, популяризируя партизанские методы ведения войны, применяемые волонтерами Гарибальди, Чернышевский и Добролюбов имели в виду в то же время положение русского народа и перспективы революции в России. М. А. Антонович, деятель некрасовского «Современника», друг Чернышевского и Добролюбова, хорошо знавший, как и почему писались статьи для журнала, справедливо утверждал, что в статьях Добролюбова об Италии «заметны даже довольно прозрачные кивания на домашние дела»[491].

Самоотверженная борьба Гарибальди и его храбрых сподвижников за независимость своей родины вызывала не только восхищение различных слоев русского общества. Подвиги народного героя Италии привлекали в ряды гарибальдийцев представителей молодежи разных стран, в том числе и России. Так, во время ломбардской кампании Гарибальди 1859 г. в ряды гарибальдийцев вступил прибывший в Италию для обучения у знаменитого музыканта профессора Реппео будущий артист оперы Ф. П. Комиссаржевский. Такое решение «вполне отвечало духу русского человека и личному свободолюбию Комиссаржевского», писала в своих воспоминаниях дочь знаменитого артиста Н. Ф. Скарская. Она рассказывает далее, что сочувствие ее отца «делу Гарибальди выходило далеко за пределы только увлечения, хотя бы пылкого и искреннего… Он не покинул товарищей по отряду, пока не выполнил общего с ними долга перед итальянским народом»[492].

Мы не знаем имен всех русских, участвовавших в отрядах Гарибальди. Это установить почти невозможно. Но совершенно достоверно, что среди гарибальдийцев были даже двое русских детей — сыновья «разжалованного» предводителя дворянства Саратовской губернии И. И. Бернова.

Некоторые сведения об участии представителей молодежи России в отряде Гарибальди в 1859 г. мы находим в произведениях русских писателей.

В. Г. Короленко в «Слепом музыканте» с большой теплотой рисует фигуру «забияки из Волыни» — «Дяди Максима», который в молодости «рассердился на австрийцев», уехал в Италию и там

«примкнул к такому же забияке и еретику — Гарибальди»[493].

М. Е. Салтыков-Щедрин, настаивая на необходимости воспитывать молодежь в патриотическом духе, в одном из своих политических обзоров в «Современнике» не без гордости писал:

> «Служили же многие из наших компатриотов в качестве солдат у Гарибальди»[494].

Н. В. Шелгунов, известный публицист и общественный деятель, также вспоминает, что в «армии Гарибальди было немало русских — не только мужчин, но и женщин»[495].

Участие представителей передовой молодежи России в гарибальдийском движении объяснялось умонастроением широких слоев русской интеллигенции того времени.

Об участии русских в отряде Гарибальди писал также известный путешественник и журналист Н. В. Берг, бывший корреспондентом «Русского вестника» с театра военных действий во время ломбардской кампании Гарибальди в 1859 г. В одной из своих корреспонденций Берг писал, что в отряде Гарибальди была русская женщина, «чистая москвитянка», фамилию которой он не сообщил[496]. В отряде Гарибальди Берг пробыл до конца военных действий.

Перед отъездом на родину Берг зашел к Гарибальди попрощаться. Заговорили о России, о ее настоящем и будущем… Гарибальди вспомнил свое посещение Одессы и Таганрога, назвал Россию «лучшим кусочком вселенной», «дивной страной», а русский народ — «одной из лучших наций в мире»[497].

На прощание Гарибальди произнес «пламенную речь о русском мужике, которому и не снится, что об нем так много думают в Европе», и заметил, что народ России наделен «самыми необыкновенными способностями» и «имеет все залоги для великого будущего»[498].

Свою последнюю корреспонденцию из Италии Берг заканчивает словами восхищения народным героем: «…Какая любовь, надежда и доверенность к одному человеку! Именем его наполнены все ущелья, паллацо и все норы, где только живет и движется хоть одна простая душа»[499].

Н. А. Добролюбову посчастливилось быть в Италии во время похода «Тысячи» Гарибальди. В мае 1860 г. по настоянию Чернышевского и Некрасова он поехал лечиться за границу. Пройдя курс лечения в Швейцарии и на юге Франции, Добролюбов переезжает в Италию. Он побывал повсюду, где происходили революционные события. С большим вниманием следил он за каждым шагом продвижения «Тысячи» и радовался успехам гарибальдийцев. Он написал ряд статей для

«Современника» о происходивших событиях. Свои статьи Добролюбов писал не как посторонний наблюдатель, а с глубокой страстностью революционного борца. О том, как ратные подвиги народного героя действовали на умонастроение Добролюбова, показывают следующие строки о Гарибальди в его письме к Некрасову:

> «…вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею… Очевидно, этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь, и должен быть счастливее нас с вами…»[500]

Много трогательных слов сказано Добролюбовым о Гарибальди, особенно в его статье «Отец Александр Гавацци и его проповеди». В этой статье Добролюбов указывает, что Гарибальди побеждал благодаря его неразрывной связи с народом. Статья Добролюбова о Гавацци носит характер яркого памфлета, направленного против реакции и деспотизма, и на примере подвигов Гарибальди призывавшего к таким же выступлениям и русский народ.

Политическая деятельность Добролюбова в Италии до сих пор остается неизученной, но предположительно можно сказать, что он был там не только посторонним наблюдателем. Его связь с итальянскими демократами весьма вероятна. Подтверждением этому могут служить слова достаточно осведомленного Ф. М. Достоевского, который в некрологе писал, что в Италии Добролюбов «весь погрузился в ту кипучую жизнь, которою тогда жила соединявшаяся Италия, познакомился со всеми тамошними деятелями, принимал живое участие в их делах и прениях»[501].

Н. Г. Чернышевский в политических обозрениях для «Современника» уделял много внимания военной тактике Гарибальди, внимательно следя за продвижением волонтеров, начиная с ломбардской кампании 1859 г. Великий русский революционный демократ радовался успехам гарибальдийцев и огорчался по поводу их временных поражений. Когда в мае 1859 г. во время австро-франко-итальянской войны командование пьемонтской армии поставило отряд Гарибальди на особенно тяжелый участок фронта в Лонато и в Трепонти, не обеспечив его ни оружием, ни продовольствием, Чернышевский писал, что Гарибальди специально ставят в такие условия, чтобы его погубить[502].

Интересно отметить: такую же оценку этому факту дали Маркс и Энгельс. По многим другим вопросам национально-освободительного движения в Италии и деятельности Гарибальди мнение Чернышевского и Добролюбова совпадает с мнением

Маркса и Энгельса.

С большой теплотой и гордостью Чернышевский отзывался о гарибальдийской «Тысяче»:

> «…эти тысяча человек — люди, закаленные в битвах, отборнейшие солдаты, каких только можно найти… ни один из них не отступит шага, ни один не сдастся в плен, каждый будет сражаться до последнего дыхания и дорого продаст свою жизнь»[503].

В своих обзорах Чернышевский не раз отмечал глубокую разницу между политикой Кавура и политикой Гарибальди в борьбе за объединение Италии: «…вражда Кавура и Гарибальди — это вражда двух партий, из которых одна полагает, что для создания итальянского единства и величия надобно действовать революционным путем, другая надеется держаться только с разрешения императора французов»[504].

Будучи целиком на стороне Гарибальди, Чернышевский все же сумел подметить слабости движения, возглавляемого им, прежде всего недостаточное участие народных масс[505] как следствие ошибочной политики республиканской партии по аграрному вопросу. В случае поражения движения, указывал Чернышевский, «страшная судьба ждет патриотов Италии» от мести реставраторов. «Победить реакцию… вы можете только усвоив себе стремление массы низших бедных, темных соотечественников поселян и городских простолюдинов, — писал он, как бы обращаясь к Мадзини и Гарибальди. — Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на погибель от реакции»[506].

В этих словах заключается основное в критике русскими революционными демократами Гарибальди и республиканской партии.

Свою точку зрения об итальянских событиях Чернышевский и Добролюбов отстаивали в спорах с русскими либералами, которые всячески превозносили дипломатию Кавура и порицали Гарибальди, республиканцев. Либеральные публицисты вели резкую полемику с Чернышевским и Добролюбовым по поводу их статей о событиях в Италии. Так, М. Н. Катков упрекал Чернышевского за одобрение им деятельности Гарибальди, а М. Капустин, стараясь принизить роль Гарибальди, писал, что последний — «только орудие в руках» Кавура[507].

Последовательное отстаивание демократических интересов, правдивое освещение итальянских событий русскими революционерами-демократами дали свои плоды. По свидетельству известного издателя и общественного деятеля

Л. Ф. Пантелеева, Гарибальди «быстро завоевал себе популярность во всех концах необъятной России»[508].

Интересный факт о популярности Гарибальди среди русского народа приводит Герцен в письме к Гарибальди от 21 ноября 1863 г., ссылаясь при этом на сборник «Материалы к истории освобождения крестьян». Один извозчик в Петербурге, услышав о предстоящем освобождении крестьян, усомнился в этом и сказал своему седоку: «разве уж когда приедет господин Гарибардов». Герцен указывает, что на Украине и в Польше народ ждал Гарибальди[509].

Об аналогичном суждении простых людей о Гарибальди рассказывает в своих воспоминаниях известный русский революционер П. А. Кропоткин:

> «„Если Гарибалка не приедет, ничего не будет“, — говорил как-то в Петербурге один крестьянин моему товарищу, который толковал ему, что скоро „дадут волю“. И так думали многие…»[510].

Популярность Гарибальди в России побудила либеральную и консервативную печать изменить свое отношение к народному герою. Н. Г. Чернышевский подверг резкой критике тех писак, которые ранее называли Гарибальди разбойником, а после его славных побед на юге Италии начали преклоняться перед ним[511]. Вот как вынуждены были сообщать о Гарибальди даже реакционные «Санкт-Петербургские ведомости», считаясь с настроением широких читательских кругов:

> «Вся Европа с нетерпением смотрит на одного человека в ожидании, чем кончится задуманное им дело. Гарибальди приковывает в настоящую минуту к себе взоры всех, в его руках не только судьба Сицилии и Неаполя, но и всей Италии и — как знать — может быть, значительной части Европы»[512].

Одним из выдающихся русских гарибальдийцев являлся Л. И. Мечников, известный ученый-географ и общественный деятель. Во время похода «Тысячи» Мечников находился в Италии. Но он не успел попасть в первую экспедицию, отправившуюся из Генуи 6 мая, и примкнул к одному из дополнительных отрядов, организованных помощниками Гарибальди в разных городах Италии. Мечников вступил в отряд полковника Дж. Никотера, который вышел из Ливорно 30 августа и прибыл в Неаполь в начале сентября, уже после взятия города. Когда наш соотечественник был представлен Гарибальди,

последний отдал приказ о зачислении его в штаб и назначении его своим личным адъютантом[513].

В битве на Вольтурно 1 октября 1860 г. Мечников был тяжело ранен[514]. Участие Мечникова в революционном движении Италии не ограничилось чисто военной деятельностью. Он занимался революционной пропагандой в городах Италии, был организатором кружка молодежи, мечтавшей приобрести земельный участок для устройства трудовой коммуны[515]. Восторженный гарибальдиец, Л. Мечников с радостью отмечал симпатии крестьян к гарибальдийскому движению и огорчался тем, что Гарибальди не успел ничего сделать для улучшения их быта[516].

Авторитет и способности Гарибальди Мечников хотел использовать для оказания помощи польскому освободительному движению. Через М. Бакунина польские эмигранты обратились к Мечникову с тем, чтобы он попросил Гарибальди оказать им содействие в организации экспедиции в Польшу. Мечников ездил за этим к Гарибальди, который обещал ему свое содействие. Экспедиция сорвалась лишь потому, что была плохо организована[517].

Бакунину — идеологу анархизма — импонировала самоотверженная борьба Гарибальди против деспотизма, за свободу народов. Бакунин еще в иркутской ссылке с напряженным вниманием «следил за Гарибальди, за полуостровом, выступавшим все ярче и ярче на свете свободы…»[518]

Л. И. Мечников. Фотография.

Музеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Москва

О глубоких симпатиях передовых людей России к гарибальдийскому движению свидетельствует следующий, весьма характерный факт. Вскоре после начала похода «Тысячи» русские изгнанники из Одессы и Таганрога — города, где Гарибальди бывал, — проживавшие в Константинополе, организовали подписку «в пользу итальянского дела». К ним присоединились изгнанники других стран. Об этом с радостью сообщили

сподвижнику Гарибальди А. Бертани его друзья из Константинополя[519]. Документ хранится в архиве Бертани в Милане.

Гарибальди снискал себе симпатии не только среди широких демократических кругов России. Известный военный деятель Н. Н. Обручев, посетивший Италию в 1861 г., был в Милане как раз в те дни, когда там отмечалась первая годовщина освобождения Неаполя и устраивалась иллюминация в честь Гарибальди. В письме к Н. П. Огареву Обручев выразил глубокие симпатии к Гарибальди, иронизируя над стремлением итальянского Короля использовать популярность Гарибальди в своих интересах. Автор письма выражал надежду, что итальянскому правительству не удастся превратить гарибальдийское движение в свое орудие[520].

Осенью 1860 г. в Италии побывал молодой Менделеев. Здесь он впервые завидел Гарибальди. Менделеев не мог удержаться, чтобы не написать восторженное письмо о победоносном движении гарибальдийцев и Гарибальди.

> «Где… был когда-нибудь такой человек, как Гарибальди? Он все сделал для Италии, он колотил австрийцев, он освободил Сицилию… Он всех и каждого очаровывает, заставляет бросить личные цели для общих… Счастлива страна, которая может назвать, может производить таких людей, как Гарибальди…»[521]

В архиве Менделеева сохранилась целая коллекция фотографий Гарибальди. Менделеев встречался и беседовал со многими гарибальдийцами. По воспоминаниям сына Менделеева, его отец в преклонном возрасте любил рассказывать своим детям о встречах с ними.

Другой русский ученый, К. А. Тимирязев, также восхищался героической борьбой Гарибальди. Когда Тимирязеву было девятнадцать лет, он опубликовал статью «Гарибальди на Капрере», в которой воздавал должное «величию и простоте» Гарибальди.

Тимирязев сравнивал Гарибальди с Дарвином и указывал, что они «оба вели борьбу за свободу — один мысли, другой — жизни, и против того же общего врага — клерикализма, опирающегося на невежество народов»[522].

Не мог остаться безразличным к гарибальдийскому движению и выдающийся естествоиспытатель, основоположник русской физиологической школы И. М. Сеченов. В своем знаменитом труде «Рефлексы головного мозга» (1863 г.) — тема, весьма далекая от политики — он посчитал необходимым

упомянуть и Гарибальди. Под свежими впечатлениями преследования народного героя после похода на Аспромонте Сеченов пишет, что Гарибальди «гонят за излишнюю любовь к родине» и иронически отмечает, что герой на это отвечает лишь улыбкой…[523]

Интересны отклики на гарибальдийское движение И. С. Тургенева. По поводу похода Гарибальди в 1862 г. Тургенев писал Герцену, что он «с невольным трепетом» следит «за каждым движением этого последнего из героев» и что у него «душа замирает» при мысли о том, что восторжествует реакция. Тургенев был глубоко огорчен, узнав о неудаче похода, и написал А. А. Фету, что услышав об этом, он «не мог более писать»[524].

Безуспешность похода 1862 г. больше всех огорчила русских революционных демократов, а пленение Гарибальди вызвало их негодование. Писатель-демократ Д. И. Писарев, с гневом отмечал:

> «Гарибальди сначала подстрелили при Аспромонте, а затем вылечили и простили»[525]. Писатель указывал, что «амнистия» Гарибальди после его ранения «смешна до последней степени»[526].

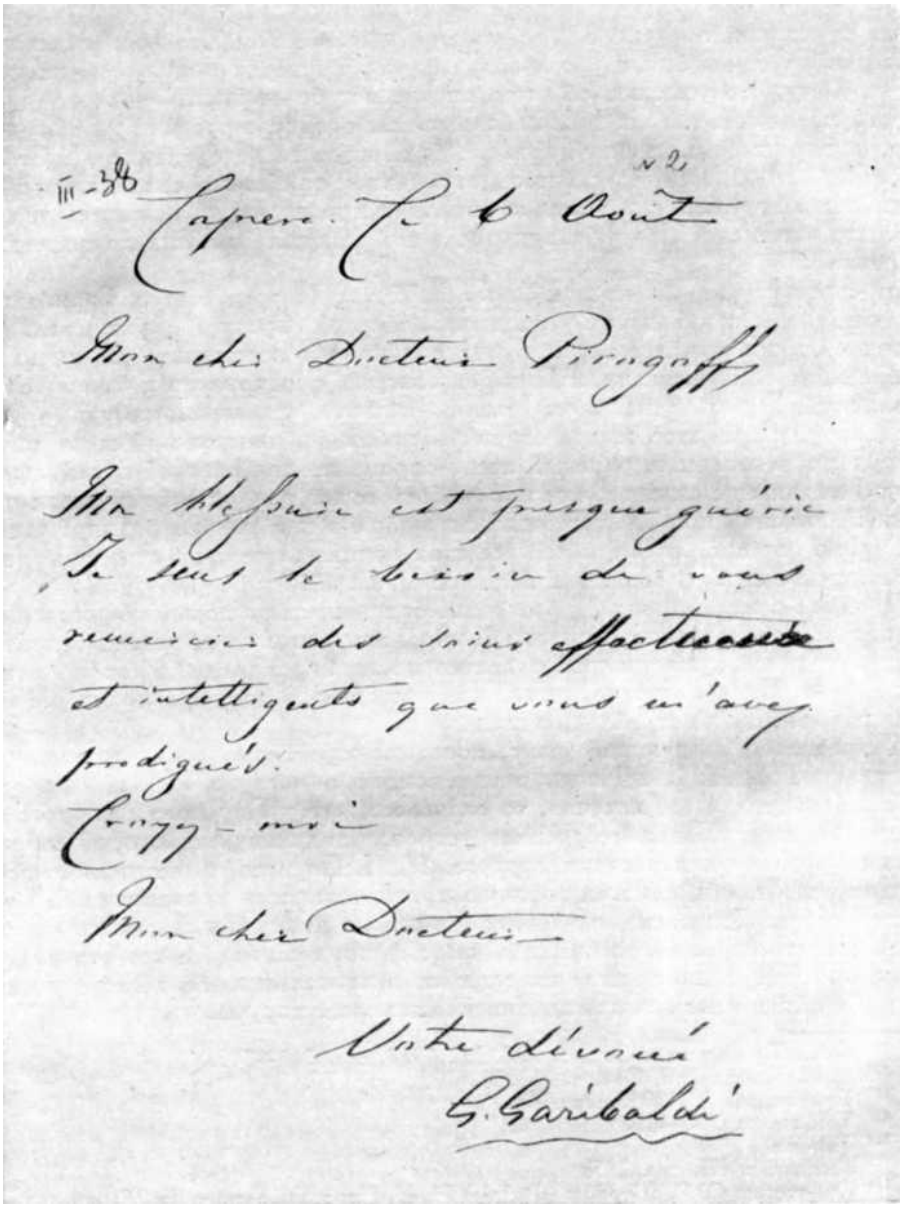
В своей статье «Мыслящий пролетариат» Писарев ставил Гарибальди в один ряд с социалистом-утопистом Робертом Оуэном и указывал, что народы мира в течение веков будут с любовью вспоминать их имена[527]. С большим воодушевлением Писарев говорил о патриотизме героя, о его подвигах: «Гарибальди любит Италию сильнее, чем какой-нибудь другой итальянец, и наверное теперь старик Гарибальди, износивший свою жизнь в трудах и в изгнании, раненый при Аспромонте итальянской пулей, любит свою Италию еще сильнее, чем мог любить ее лет тридцать тому назад пламенный юноша Гарибальди; тогда он любил в ней только родину; теперь он, кроме родины, любит в ней все свои подвиги, все свои страдания, всю блестящую вереницу своих чистых воспоминаний»[528].

Русские революционные демократы, боровшиеся за новый общественный строй, за установление социальной справедливости и общества без войн, отметили самое существенное в деятельности Гарибальди, в его политике. Так, Д. И. Писарев подчеркивал, что «все дело в том, что подвиги Гарибальди клонятся к истреблению войны»[529].

Характерен следующий факт, показывающий отношение русского общества к Гарибальди. Когда встал вопрос о поездке Н. И. Пирогова к Гарибальди для его лечения, то оказалось, что у Пирогова для этого недоставало денег. Тогда его ученики устроили подписку, по которой собрали тысячу франков для

поездки хирурга. Н. И. Пирогов, вылечивший народного героя Италии, снискал горячую признательность прогрессивной молодежи России. Один из его учеников писал по этому поводу:

> «Все русские были в восторге от Пирогова, ибо к этому примешивалось кое-что политическое»[530]. Не удивительно, что царское правительство после того усомнилось в «политической благонадежности» великого хирурга[531].



III-38 N 2

Capren. le 6 Août

Mon cher Docteur Pirogoff

Ma blessure est presque guérie
Je sens le besoin de vous
remercier des soins effectueux
et intelligents que vous m'avez
prodigués.

Croyez-moi

Mon cher Docteur

Votre dévoué
G. Garibaldi

Факсимиле письма Гарибальди к Н. Я. Пирогову

Отдел рукописен фундаментальной библиотеки Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова

Фонд Пирогова

Популярность Гарибальди в России была настолько велика, что она вызывала беспокойство в правящих кругах. Цензура запрещала печатать не только брошюры и книги о Гарибальди, но и его портреты. В 1860 г. один цензор в своем заключении на анонимную рукопись о Гарибальди писал, что эта брошюра может вызвать «возбуждающие чувства у народонаселения»[532].

Шеф жандармов, генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков, в январе 1861 г. прочитав в газете «Санкт-Петербургские ведомости» о том, что в книжных магазинах Петербурга самым большим спросом пользуются портреты Гарибальди, не замедлил выписать это сообщение и препроводить его в Цензурное управление. Этого было достаточно, чтобы на цензора, отвечающего за газету, наложить взыскание[533].

В менее значительных, чем поход «Тысячи», кампаниях Гарибальди 1860-х годов также принимали то или иное участие русские люди. Правда, во время этих походов находились и такие, которые, по образному выражению нашего великого сатирика Салтыкова-Щедрина, хотели только «потереться» вокруг Гарибальди[534]. Это были состоятельные туристы, художники и другие лица, случайно оказавшиеся в Италии и поспешившие в штаб Гарибальди лишь для того, чтобы «посмотреть на него» или получить его автограф. Многие из них хвастали затем автографом героя и распространяли всякие небылицы о нем в периодической печати. Этих охотников за сенсациями Щедрин метко называл «гулящими людьми».

Иные же действительно принимали хоть и кратковременное, но весьма активное участие в гарибальдийском движении. К ним, например, относится известный ученый-палеонтолог, участник революционного движения в России В. О. Ковалевский, который состоял в отряде Гарибальди, наносившем ошеломляющие удары по австрийской армии[535]. Корреспонденции В. О. Ковалевского о сражениях гарибальдийцев, где он подвергал резкой критике политику итальянских либералов, печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях»[536].

Походы Гарибальди привлекали к себе внимание и такого выдающегося революционного деятеля, каким являлся Г. А. Лопатин — один из первых социалистов в России, впоследствии член Генерального Совета I Интернационала, автор первого перевода «Капитала» Маркса на русский язык. Как-то в октябре 1867 г. Лопатин прочитал в газете, что Гарибальди бежал с Капреры для похода на Рим. Вечером того же дня Лопатин покинул Петербург и нелегально отправился за границу, чтобы встать в ряды Гарибальди. Он прибыл во Флоренцию 3 ноября,

когда отряд Гарибальди потерпел поражение в битве при Ментане. Лопатину так и не пришлось участвовать в походах Гарибальди.

Ореолом славы среди русской интеллигенции 60-х годов окружена была известная писательница, редактор детских журналов А. Н. Толиверова-Якоби. Находясь в Риме во время последнего похода Гарибальди в Италии в 1867 г., она приняла активное участие в борьбе римских гарибальдийцев. А. Н. Толиверова с глубоким волнением следила за каждым сражением и регулярно вела дневник событий. Она прославилась выполнением важного задания Гарибальди. Тогда в Риме очень опасно было высказывать открыто свое сочувствие гарибальдийскому движению, особенно для русского. Панские власти питали ненависть к освободительному движению 60-х годов в России и всячески преследовали русских: им запрещалось говорить на родном языке на улицах и в общественных местах, запрещалось богослужение в русских церквах. Но отважная «шестидесятница» не испугалась папского террора и рисковала своей жизнью ради торжества революционного дела. Она собирала для раненых гарибальдийцев продовольствие, одежду и деньги, а затем посвятила себя уходу за ранеными пленными гарибальдийцами, хотя ей с трудом удалось получить разрешение военного министра поступить на работу в один из военных госпиталей в качестве сестры милосердия[537].

После неудачного сражения при Ментане был арестован адъютант Гарибальди Луиджи Кастеллаццо. Он содержался в самой страшной тюрьме Рима. Гарибальди разработал план его побега и подыскивал наиболее подходящего человека, который мог бы проникнуть в тюрьму для передачи Кастеллаццо записки. Зная храбрость А. Н. Толиверовой, Гарибальди решил поручить это опасное дело ей. Через своего друга, известную немецкую писательницу Шварц, Гарибальди передал Толиверовой письмо и записку к Кастеллаццо с планом его побега, которые она сумела ему передать.

Известный публицист и общественный деятель Н. В. Шелгунов, хорошо знавший настроение русской интеллигенции, считал, что поступок Толиверовой отражал «общее настроение того времени»[538].

В июле 1872 г. Толиверова лично познакомилась с Гарибальди и прогостила у него целую неделю на Капрере. Она привезла Гарибальди в подарок из России две красные рубашки. На Капрере Гарибальди подарил ей фотографию со своим автографом. Толиверова в течение всей жизни хранила реликвии, привезенные из Италии. В квартире у нее на стенах висели

портреты Гарибальди и красная рубашка, залитая кровью, подаренная раненым гарибальдийцем. В 1872 г. Гарибальди написал Толиверовой теплое письмо, полное симпатии к русскому народу:

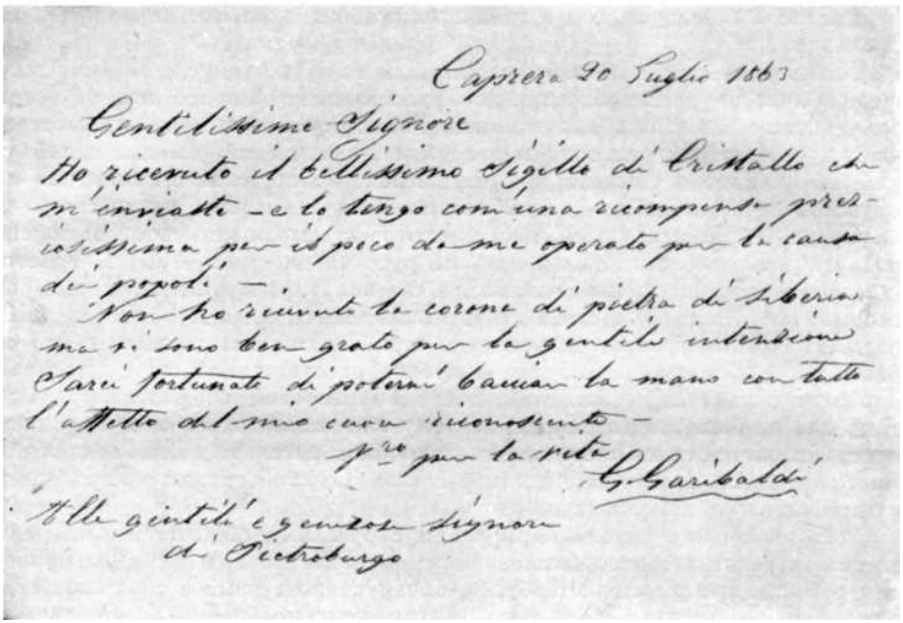
> «…Через Вас я шлю сердечный и искренний привет Вашему храброму народу, который будет играть столь большую роль в грядущих судьбах мира. Всегда Ваш Дж. Гарибальди»[539].

Толиверова-Якоби не забывала друзей гарибальдийцев. Н. С. Лесков в своих литературных воспоминаниях рассказывает об одной лекции о гарибальдийском движении, прочитанной Толиверовой-Якоби в Художественном клубе в Петербурге; сбор от нее предназначался для раненых гарибальдийцев. По словам Лескова, лекция вызвала «оживление и симпатии» и о «русской гарибальдийке» тогда говорили «очень много интересного»[540].

Среди передовых людей России, которые выражали свое восхищение подвигами Гарибальди, был и великий русский писатель — Л. Н. Толстой. Описывая свое посещение Толстого в его квартире в Москве, Толиверова вспоминает, что первые слова Льва Николаевича были о Гарибальди. Он знал, что Толиверова участвовала в гарибальдийском движении, что она была у Гарибальди на Капрере и просил рассказать об этом. Расспросы Толстого оказались неожиданными для Толиверовой и к разговору на эту тему она не была подготовлена, поэтому она хотела отделаться короткими ответами, но писатель настаивал на подробном рассказе и стал задавать ей много вопросов. После окончания рассказа Толстой сказал о Гарибальди: «Большая историческая фигура!»[541]

Для выяснения связей Гарибальди с русскими общественными деятелями интересны его неопубликованные письма к князю П. В. Долгорукову и к русским женщинам Петербурга, обнаруженные нами в советских архивах. П. В. Долгоруков — опальный князь, эмигрировавший из России. Занимаясь генеалогией дворянских родов, он опубликовал компрометирующие высших сановников материалы. После отказа вернуться в Россию, он был заочно осужден к пожизненному изгнанию и лишению княжеского звания и прав. П. В. Долгоруков опубликовал за границей много статей, разоблачавших деспотизм царского правительства и произвол государственного аппарата России. Он выдвигал требование освобождения крестьян и сотрудничал одно время в «Колоколе» Герцена. Свои обличительные мемуары Долгоруков послал Гарибальди, который сообщил ему, что прочтет их с удовольствием[542].

А из ответного письма Гарибальди русским женщинам (1863 г.) видно, какие глубокие симпатии питало русское общество к гарибальдийскому движению, оно дает представление о широких связях Гарибальди с передовыми людьми России[543].



Caprera 20 Luglio 1863

Gentilissime Signore

Ho ricevuto il bellissimo sigillo di Cristallo che m'inviaste – e lo tengo come una ricompensa preziosissima per il poco che ho operato per la causa dei popoli –

Non ho ricevuto la corona di pietra di Siberia ma vi sono ben grato per la gentile intenzione

Sarei fortunato di potervi baciar la mano con tutto l'affetto del mio cuore riconoscente –

Vostro per la vita
G. Garibaldi

Alle gentili e generose Signore
di Pietroburgo

Факсимиле письма Гарибальди русским женщинам

Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград

Гарибальди очень интересовался революционной борьбой в России и польским освободительным движением. Через Герцена и других своих русских друзей он получал подробную информацию о положении дел в Польше и России и живо откликался на нее.

После манифеста об «освобождении» крестьян, в Польше усилилось движение за независимость. 9 апреля 1861 г. в Варшаве произошла грандиозная демонстрация, расстрелянная царскими войсками, хотя часть русского гарнизона отказалась стрелять в народ. По поводу этих событий Гарибальди уже 15 апреля 1861 г. опубликовал в «Je Diritto» («Право») открытое письмо к Герцену, в котором говорил о «негодовании европейских народов против виновника гнусной бойни» (Александра II —

В. Н.) и призывал поднять «голос проклятия на совершивших отвратительное злодейство». Гарибальди приветствовал поддержку Герценом освободительного движения в Польше. Заканчивая письмо, Гарибальди просил передать «слово сочувствия от итальянского народа несчастной и героической Польше и слово благодарности храбрым воинам русским, которые сломали свою саблю, чтобы не обагрить ее в народной крови».

Этим Гарибальди выразил свои симпатии к братанию и дружбе польского и русского народов.

Письмо Гарибальди нашло широкий отклик в европейской печати.

Герцен ответил ему:

> «Любезный Гарибальди, я передам Ваши симпатические слова полякам и русским офицерам. По счастью, мы поступили согласно с вашим советом, прежде чем получили его…
>
> Пользуюсь сим случаем, любезный Гарибальди, чтоб вам повторить то, что вам говорит весь свет, — что мы удивляемся вам со всей полнотой симпатии и любви»[544].

Дружба между Герценом и Гарибальди способствовала сближению их взглядов по многим вопросам. Герцен оказал бесспорное влияние на формирование политических взглядов Гарибальди.

В 1864 г., во время пребывания Гарибальди в Лондоне, Герцен устроил банкет в честь народного героя у себя на квартире. На банкете присутствовало много русских и итальянских революционеров. Произнося тост в честь «великого русского революционера Герцена», Гарибальди заявил, что он поднимает бокал «за юную Россию, которая страдает и борется, за новую Россию, которая, раз одолев Россию царскую, будет, очевидно, в своем развитии иметь огромное значение в судьбах мира!»[545]

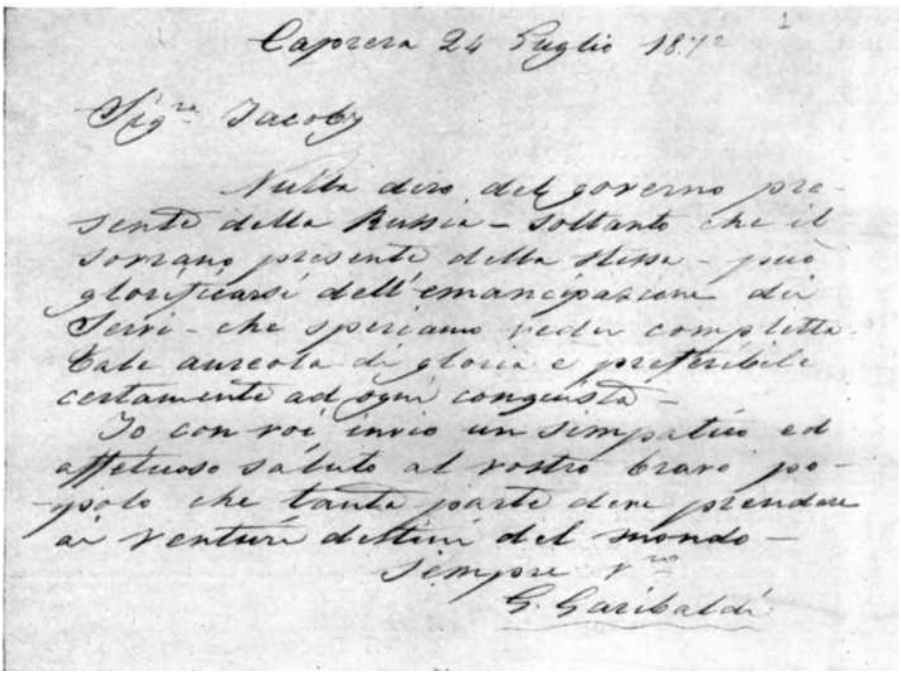
А. Н. Толиверова. Портрет работы В. П. Верещагина 1867 г.

Институт русской литературы (Пушкинский дом)

АН СССР. Ленинград

Глубокие симпатии к Гарибальди в нашей стране проявлялись не только во время его славной деятельности, но сохранились надолго и после его смерти. В 1907 г. в связи со 100-летием со дня рождения Гарибальди некоторые видные русские ученые и общественные деятели написали статьи для юбилейного итальянского сборника, изданного Римским университетом. Среди них был и А. М. Горький. В своей статье наш великий писатель рассказывает, что в первый раз он услышал имя

Гарибальди на пароходе, когда ему было 13 лет. Простой крестьянин с большим пафосом говорил о геройских подвигах Гарибальди в борьбе за народное дело. Затаив дыхание, пассажиры слушали вдохновенный рассказ. Горький пишет, что этот рассказ человека из народа ему запомнился больше, чем все прочитанные им позже книги о Гарибальди[546].



Caprera 24 Luglio 18[illegible]

Sig[r] Jacoby

Nulla dirò del governo presente della Russia – Soltanto che il Romano presente della stessa – può gloriarsi dell'emancipazione dei Serfi – che speriamo veder completta [illegible] cabe ancora di gloria e prosperità certamente ad ogni conquista –

Io con voi invio un simpatico ed affettuoso saluto al vostro bravo popolo che tanta parte deve prendere ai venturi destini del mondo –

Sempre t[o]
G. Garibaldi

Факсимиле письма Гарибальди к А. Н. Толиверовой 1872 г.

Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Ленинград

Известный русский ученый М. М. Ковалевский в своей статье в упомянутом выше сборнике приводит такой интересный факт: один редактор провинциальной газеты в Полтаве рассказал ему, что на собраниях сторонников независимости Украины он много раз слышал упоминание о Гарибальди. «Все движение как в Польше, так и в Малороссии воодушевлялось примером Гарибальди», — писал Ковалевский[547].

Джузеппе Гарибальди. Фотография 1872 г. с его автографом,

подаренная А. Н. Толиверовой.

Образ народного героя Италии воодушевлял многих известных деятелей нашей Родины и после Октябрьской революции. Подвигами Гарибальди восхищались герои гражданской войны. Об этом свидетельствуют Д. А. Фурманов в своей книге «Чапаев» и Н. А. Островский в романе «Как закалялась сталь». Фурманов рассказывает, что наравне с книгами о Разине и Пугачеве, Чапаев увлекался брошюрами о Гарибальди, Павел Корчагин восхищался Гарибальди, говоря: «Эх, если бы он теперь был, я к нему пристал бы». К. Т. Свердлова в воспоминаниях о Якове Михайловиче Свердлове рассказывает, что выдающийся организатор Советского государства восхищался «мужеством и беззаветной храбростью Гарибальди».

О популярности Гарибальди в нашей стране появляются все новые и новые свидетельства. Автор воспоминаний Р. Б. Борисова пишет о восхищении чапаевцев подвигами Гарибальди: Чапаев рассказывал солдатам «истории про Гарибальди», вычитанные им в книгах, а слушателям казалось, что «итальянец Гарибальди был удальцом-богатырем, таким же, как наш Чапаев»[548].

В годы гражданской войны отдельные части Красной Армии с гордостью носили наименования гарибальдийских. Высоко почитал память Гарибальди выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе. При формировании Южной группы Восточного фронта его приказом № 1 от 17 марта 1919 г. имя Гарибальди было присвоено кавалерийскому дивизиону 1-й бригады стрелковой дивизии № 22[549].

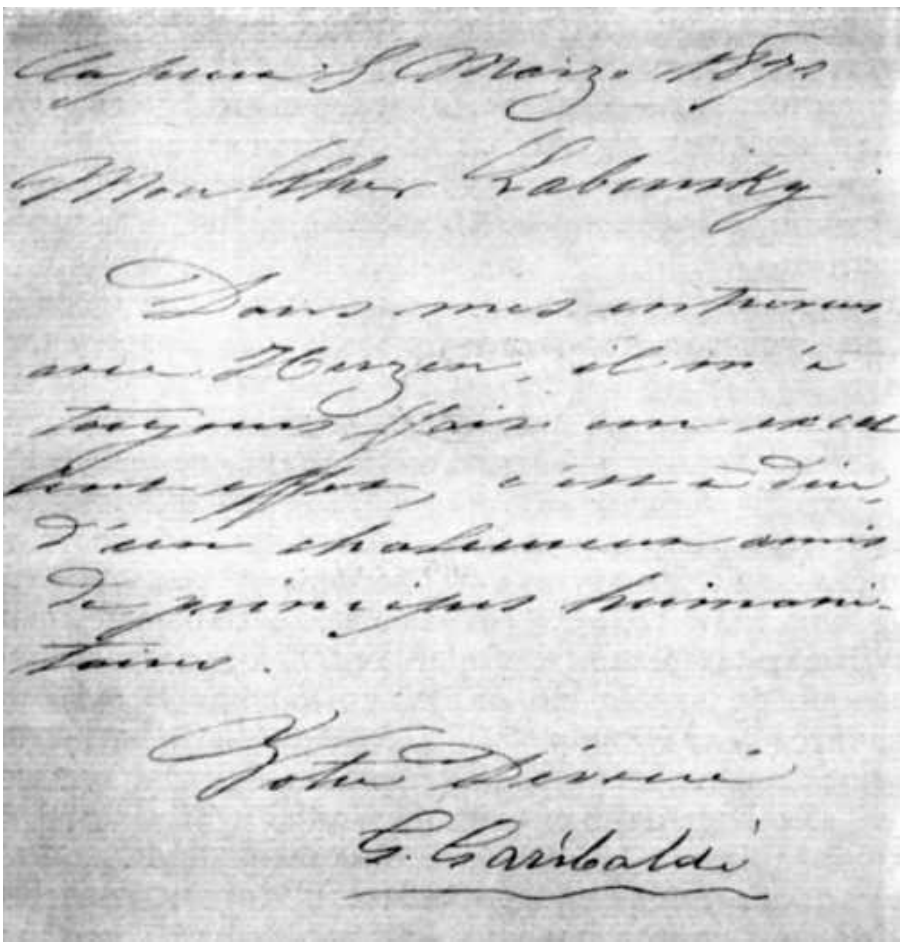
И в наши дни народы Советского Союза произносят имя Гарибальди с любовью. Ибо это имя является не только символом самоотверженной борьбы за свободу народов, но и символом дружбы между русскими и итальянскими революционерами, между передовыми людьми России и Италии.

* * *

После завершения объединения Италии Гарибальди не прерывал свои широкие связи с демократами и революционерами многих стран, в том числе и России. В этот период перед прогрессивным человечеством встают новые важные проблемы.

В 70-е годы с особой силой — начинают проявляться

реакционные тенденции капитализма: активизируется колониальная экспансия, усиливается милитаризм, применяются жестокие репрессии против молодого, не окрепнувшего еще рабочего движения. Буржуазия европейских стран была перепугана Парижской Коммуной, которую французской реакции, при помощи германских интервентов, удалось утопить в крови. Перед прогрессивными деятелями встала задача объединить демократическую общественность для борьбы с реакционными силами. И вот, Гарибальди снова вступает в бой. Но теперь он проводит уже не военные битвы, а политические.



Факсимиле письма Гарибальди 1870 г. польскому революционному демократу Николаю Лабинскому.

Институт марксизма-ленинизма. Москва

Несмотря на свои многочисленные военные походы, Гарибальди не любил военного ремесла, глубоко ненавидел военную бюрократию и уже в то время умел разбираться в том, что такое справедливые и несправедливые войны. Воин, проведший почти всю свою сознательную жизнь на полях сражения, он всеми силами своей души ненавидел войны из-за горя и страданий, которые они причиняют народам. Великий партизанский вождь мечтал о времени, когда войны исчезнут и народы будут жить в мире и братстве. Гарибальди был убежденным борцом за мир. В 1867 г. он участвовал в работе Международного конгресса мира, проходившего в Женеве, где выступил с тезисами против войны и реакции.

Гарибальди любил часто повторять:

> «Я не люблю войну, это слезы угнетенных заставили меня взяться за оружие»[550]. На предложение Виктора-Эммануила стать генералом регулярной армии после объединения Италии Гарибальди ответил отказом. «Я питаю отвращение к солдатчине, — писал он в своих воспоминаниях. — Правда, я должен был несколько раз выступать в роли солдата потому, что родился в рабской стране, но я всегда делал это с внутренним отвращением…»[551] Герцен приводит слова Гарибальди: «Я видел мой отчий дом, наполненный разбойниками, и схватился за оружие, чтоб их выгнать»[552].

Особо интересно отметить борьбу Гарибальди против гонки вооружения. С гневом он указывал, что государства Европы «растрачивают миллиарды на машины для разрушения, вместо того чтобы использовать их на развитие промышленности и уменьшение людской нужды»[553]. В одном из обращений к итальянским рабочим Гарибальди говорил, что гонка вооружений «ведет к всеобщей бойне»[554]. Гарибальди горячо поддерживал борьбу I Интернационала за разоружение и ликвидацию постоянных войск.

С гневом писал он по поводу милитаристских устремлений капитализма:

> «ветры еще не очистили воздуха, отравленного зловонием трупов, а уж начинают подумывать о реванше. Люди страдают от всевозможных бед голода, наводнений, болезней. Но разве это важно? Все

вооружаются до зубов, все становятся солдатами!»[555]

Революционный полководец хорошо понимал великое значение единства рабочего класса для борьбы с силами реакции, и он неустанно выступал с призывами к объединению трудящихся в национальном и международном масштабе. Давая высокую оценку деятельности Интернационала, Гарибальди указывал, что трудящиеся должны сплотиться для того, чтобы «противопоставить фронт нашим противникам и победить их»[556].

Когда в Германии был принят исключительный закон против социалистов, Гарибальди выступил в защиту германской социал-демократии, указав, что ее программа отвечает и его убеждениям и что «осуществление ее необходимо для улучшения материальных и моральных условий народов»[557].

Старый борец за независимость и свободу малых и слабых наций. Гарибальди резко осуждал колониализм и выступал против национального угнетения народов Африки, которое особо усилилось с начала 80-х годов. И сейчас еще нельзя читать без волнения его гневные строки, написанные весной 1882 г. в связи с вторжением французских войск в Тунис. Когда Гарибальди прочитал в газетах сообщение о бесчинствах французских колонизаторов в Тунисе, он был глубоко возмущен и выразил свой гнев в письме к редактору французской прогрессивной газеты Леону Таксилю. В этом письме от 9 марта 1882 г. Гарибальди писал:

> «Итак, кончено! Ваша республика больше никого не обманет. Любовь и почтение, которое мы к ней чувствовали, сменились презрением. Ваша тунисская война-позорна… Ваши знаменитые генералы, которые позволили пруссакам впихнуть себя в вагоны для скота и возить по Германии после того, как покинули и отдали врагу полмиллиона своих храбрых солдат[558],— сейчас эти генералы хвастливо проявляют свою „доблесть“ в отношении слабого тунисского народа, который ничем им не обязан и ничем их не оскорбил. Читали ли Вы их телеграммы, торжественно возвещающие: „Главнокомандующий генерал такой-то завоевал, генерал такой-то совершил блестящую облаву — разрушил три деревни, срубил 1000 финиковых деревьев, похитил 200 быков, зарезал 1000 овец, реквизировал 2000 кур“ и т. д. Недоставало еще, чтобы они имели бесстыдство поместить эти телеграммы в прекрасную историю Франции, откуда пришлось бы

выметать их грязной кухонной метлой»[559].

* * *

Престарелый Гарибальди пользовался огромной любовью и авторитетом в народных массах. Тесная связь с народом, любовь к нему и понимание его нужд помогли Гарибальди в последние годы своей жизни понять историческую роль рабочего класса, первые самостоятельные политические организации которого начали оформляться в Италии во второй половине 60-х годов.

В 70-е годы различные рабочие организации Италии избирают Гарибальди своим почетным членом. К Гарибальди приезжают рабочие делегации не только из городов Италии, но и других европейских стран[560]. Гарибальди ведет большую переписку с рабочими. Несмотря на свой преклонный возраст и болезнь, он разъезжает по Италии, выступает на митингах, выпускает прокламации и воззвания, отстаивающие республиканские идеи.

Последние годы своей жизни Гарибальди провел в тихом уединении на острове Капрера. Он писал свои воспоминания, пытаясь запечатлеть в художественной форме все пережитое им. Обдумывая события прошлого, он понял, что после объединения Италия стала буржуазной монархией, власть в которой принадлежит блоку торгово-промышленной буржуазии с помещиками. Та цель, которой он посвятил всю свою жизнь, не была достигнута: свободной и демократической Италии не существовало. С большим гневом Гарибальди выступал против тяжелого положения народа в объединенной Италии, против стремления итальянской буржуазии к колониальным захватам, против коррупции и подкупа депутатов итальянского парламента. Он призывал народ продолжать борьбу за демократию.

Гарибальди был одним из немногих, кто в свое время понял и оценил великое значение героической Парижской Коммуны. Он горячо сочувствовал Парижской Коммуне и поддерживал ее. Еще до провозглашения Коммуны руководящие деятели Национальной гвардии обратились к Гарибальди с просьбой возглавить революционные силы Парижа, и, не дожидаясь ответа от него, третье общее собрание делегатов батальонов 15 марта заочно избрало Гарибальди главнокомандующим Национальной гвардии. Избрание прославленного партизанского вождя главой революционной армии Парижа вызвало восторг среди прогрессивных сил Италии и Франции. Когда мадзинисты после падения Парижской Коммуны всячески осуждали ее решительные

действия и позорили героических коммунаров, Гарибальди написал Петрони, редактору мадзинневской газеты «Рома дель пополо», резкое письмо: «Кто дал вам право бросать грязью в павших?.. Вы предаете Париж анафеме, но за что? За то, что он разрушил домик Тьера? За то, что опрокинул Вандомскую колонну?»[561] В своем письме Гарибальди решительно стал на защиту Парижской Коммуны и ее героев, которые, по выражению Маркса, «штурмовали небо», он сумел оценить подвиги масс, несмотря на их поражения.

Благодаря своему революционному инстинкту Гарибальди понял также значение I Интернационала как международной организации рабочего класса, хотя он не вполне ясно представлял себе его цели. Как только в Италии начали создаваться секции Интернационала, Мадзини начал борьбу против них. Гарибальди же пишет письма многим политическим деятелям, конгрессам мадзинистов, стремясь склонить их на сторону Интернационала. Свой взгляд на Интернационал Гарибальди высказал одной фразой: «Интернационал — солнце будущего»[562]. Эти слова Гарибальди неоднократно повторял. Он видел в Интернационале организацию, способную добиться освобождения трудящихся.

Гарибальди выступал против бакунистов, которые вели разлагающую деятельность в Интернационале, особенно в его итальянских секциях. Всеми способами бакунисты старались привлечь гарибальдийцев на свою сторону и хотели воспользоваться именем Гарибальди в борьбе против сторонников Маркса. Но Гарибальди указывал, что поддержка бакунистов в Интернационале является главной ошибкой итальянских секций. Парижская Коммуна пала потому, писал Гарибальди, что в Париже не было централизованной власти, а была только анархия. Энгельс в статье о положении в Интернационале, цитируя слова Гарибальди, с одобрением отмечал:

> «Старый борец за свободу, который в одном 1860 г. сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине…»[563]

2 июня 1882 г. телеграф разнес по всему миру печальную весть — умер Гарибальди. Вся Италия облеклась в траур: итальянский народ потерял лучшего из своих сынов. На остров Капрера со всей Италии съехались представители демократии и различных рабочих организаций. Приехали делегации и из-за границы.

В день похорон во многих городах Италии состоялись демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч человек.

Рабочие шли с красными знаменами, портретами Гарибальди и пели «Гарибальдский гимн».

Еще при жизни Гарибальди складывались песни, былины о его великих подвигах, их авторы в большинстве остались неизвестными, другие произведения принадлежат перу лучших итальянских писателей революционной демократии. Некоторые из них, как например Ипполито Ньево, складывали свои стихи под свист пуль и ядер, сражаясь в рядах гарибальдийцев. Из произведений крупных итальянских писателей и поэтов, посвященных Гарибальди, в Италии особой известностью пользуются: «Песни гарибальдийца» Ипполито Ньево, «Гимн Гарибальди» Луиджи Меркантини, «Семеро солдат» Алеардо Алеарди, «После Аспромонте» Джозуэ Кардуччи. Большинство других произведений этих писателей также связано с национально-освободительным движением и с именем Гарибальди.

Народ сложил много легенд о своем герое. Так, согласно одной из них, которая была особенно распространена в южной Италии, Гарибальди был убит презренными австрийцами во время осады Гаэты. Но у него есть двенадцать братьев — все белокурые, прекрасные и храбрые, как дядя Пе (уменьшительное от Джузеппе). Они-то и действуют после его смерти на благо итальянского народа…

В сборнике народных сказаний о Гарибальди, собранных С. Морино, мы находим много песен, которые через десятки лет после смерти героя женщины Юга пели своим детям у колыбели. После смерти Гарибальди ему были воздвигнуты памятники во многих городах. Первый памятник был воздвигнут в Лекко в 1884 г. Затем были установлены памятники Гарибальди в Венеции, Вероне, Ницце, Риме и в других городах.

Итальянский народ любил и любит Гарибальди потому, что он был выразителем желаний и чаяний широких масс народа и беззаветно боролся за их осуществление. Об авторитете Гарибальди, о его неразрывной связи с народом очень ярко и взволнованно сказал в одном из своих выступлений выдающийся французский писатель Виктор Гюго: «Кто такой Гарибальди? Человек, не более, — но человек во всем великом значении этого слова. Человек, борющийся за свободу; человек, воплощающий в себе все человечество. „Vir“[564],— сказал бы его соотечественник Вергилий.

Есть у него армия? Нет. Всего лишь кучка добровольцев. Военное снаряжение? Почти никакого. Порох? Несколько бочонков. Пушки? Те, которые он отбил у неприятеля. Так в чем же его сила? Почему он побеждает? Что ему помогает? Душа

народа. Он мчится, несется вихрем, его продвижение — огненный полет, горсточка его соратников приводит в оцепенение целые полки, его убогое оружие обладает чудодейственной силой, пули его карабинов сильнее пушечных ядер врага; с ним — Революция»[565].

* * *

Демократические убеждения Гарибальди, его ничем не запятнанная героическая борьба за дело народа приближали его к пролетариату. Однако, когда Гарибальди стал ближе общаться с пролетариатом, он был уже стар, и почти весь жизненный путь его был позади. Гарибальди был свидетелем борьбы между социальными классами, но думал, что при «разумной» организации государства ее можно изжить еще в классовом обществе. До марксистского понимания классовой борьбы Гарибальди не дошел.

На общественные воззрения Гарибальди оказали влияние идеи утопического социализма: избавление общества от зол он представлял путем имущественного уравнения всех граждан. Причем осуществить это уравнение должно будет «честное и разумное правительство» будущей республики. Однако ясной социальной программы у Гарибальди не было. Основатель Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши, говоря о политических взглядах Гарибальди, указывал на их несистематичность.

Республиканская партия, отражавшая интересы мелкой и средней буржуазии, не была вполне последовательной в борьбе за демократию. Она проявляла нерешительность и колебания, свойственные мелкой буржуазии, делала недопустимые уступки либеральной буржуазии. Все эти слабости партии и ее колебания были присущи и Гарибальди. Главная беда Гарибальди состояла в том, что он не был вооружен стройной революционной теорией. Но, несмотря на все свои колебания, революционный демократ в Гарибальди всегда брал верх.

Маркс и Энгельс поддерживали связи с Гарибальди, посылали ему на Капреру свои издания, и, подвергая критике отдельные его политические ошибки, давали высокую оценку его деятельности. В письме к своему другу Теодору Куно Энгельс писал, что выступление Гарибальди в защиту принципов Интернационала «представляет для нас громадную ценность»[566]. Известно, что у Маркса на квартире бывал сын Гарибальди Риччотти, которому Маркс передавал материалы для отца. В 1871 г., как бы подводя

итоги деятельности Гарибальди, Энгельс писал, что в «моменты всех больших кризисов» он проявлял «правильный инстинкт»[567].

Велики заслуги Гарибальди перед итальянским народом и народами многих стран мира. Национально-освободительное движение, руководимое Гарибальди, оказало огромное влияние на освободительное движение во многих странах в период революции 1848 г. и в 60-х годах XIX века.

Образ великого героя итальянского народа оказывает большое влияние на освободительное движение и в нашу эпоху. Выдающийся деятель болгарского и международного рабочего движения Георгий Димитров отмечал вдохновляющее значение героического образа Гарибальди для борьбы народных масс против войны и фашизма. Когда лучшие представители рабочего класса и демократии Италии сражались в Испании в 1936–1939 гг. на стороне республиканцев против фашистских мятежников, они присвоили своей бригаде имя Гарибальди; когда Итальянская коммунистическая партия и шедшие за ней другие прогрессивные силы в годы второй мировой войны организовали движение Сопротивления против немецких захватчиков и их итальянских фашистских пособников и создали первые партизанские отряды, этим отрядам присвоено было имя Гарибальди. Это имя означало борьбу за свободу, демократию и национальную независимость.

* * *

Весьма интересной была литературная деятельность Гарибальди, и необыкновенной была судьба его мемуаров. Литературные произведения народного героя — яркие, образные, искренние; они написаны с огромным пафосом и проникнуты высокой революционной романтикой. Глубокий патриотизм в них сочетается с чувством дружбы и братства между народами, а гневное осуждение тирании и реакции чередуется с воспеванием свободолюбия и гуманизма. Произведения Гарибальди — исторические романы и автобиографическая поэма, воспоминания и воззвания., личные письма и военные приказы — отличаются лаконизмом, написаны в народном стиле.

Правда, слог народного героя вызывал нарекания, а иногда и резкую критику, особенно со стороны эстетствующих буржуазных литературоведов. Однако итальянский поэт Джозуэ Кардуччи и многие другие писатели-демократы высоко отозвались о литературных произведениях партизанского вождя, и он вошел в итальянскую литературу (как один из выдающихся писателей.

Гарибальди написал три романа: «Клелиа, или Правительство священников» (1870); «Доброволец Кантони» (1870); «Тысяча» (1874)[568]. Первый из иностранных (переводов романа «Клелиа…» был издан в России[569] через несколько месяцев после его опубликования в Италии — свидетельство того, что в нашей стране проявлялся большой интерес не только к политической деятельности Гарибальди, но и к его литературным произведениям.

Примечательно объяснение Гарибальди причин, побудивших его писать романы. В предисловии к «Клелии…» он говорит: «Не имея возможности сделать, что-либо другое, я решил приняться за перо, чтобы напомнить Италии о многих из ее доблестных, которые оставили свою жизнь на полях сражения для нее;… чтобы побеседовать с итальянской молодежью о делах ею свершенных и о священном долге, который она должна исполнить в будущем, подчеркивая, с сознанием истины, подлость и предательство правителей и священников».

Все литературные произведения великого патриота Италии — его романы, стихотворения, воспоминания — глубоко реалистичны; с темпераментом убежденного бойца он отстаивал в них свои идеалы. Он писал о том, что видел, прочувствовал, пережил[570]. И, конечно, его произведения оказали и оказывают огромное влияние на воспитание итальянской молодежи.

Романы Гарибальди написаны в манере исторических романов А. Манцони, М. Д'Адзельо и Ф. Д. Гуеррацци, которые в то время были очень популярны в Италии.

«Мемуары» Гарибальди — выдающийся исторический памятник. Они написаны с большой страстностью и увлечением. Но бесхитростный автор их, человек высокой чести, старался быть объективным, нигде не отступать от исторической правды в своих суждениях о людях и событиях. Гарибальди был даже слишком объективным: он умалчивает или упоминает лишь мимоходом о своих славных делах, но зато с большой подробностью и пафосом рассказывает о подвигах волонтеров, простых людей из народа, руководимых им. Работая над завершением последнего варианта «Мемуаров», переписывая их и уточняя факты, Гарибальди писал своему другу писательнице Э. Шварц:

> «Нет ничего романтического в моих воспоминаниях; чувствую необходимость подчеркнуть это после того, как и я написал романы»[571].

Гарибальди начал работать над воспоминаниями осенью 1849 г., вскоре после своего второго изгнания. Он писал понемногу во время пребывания на острове Маддалена, потом в

Танжере и завершил их в Америке. Это был самый первоначальный, черновой вариант мемуаров, доведенных до падения Римской республики. Эти записки Гарибальди впоследствии передал своим друзьям, которые литературно обработали их, в ряде случаев дополнили и затем издали. Он их передал американцу Т. Дуайту, французскому писателю Александру Дюма-отцу, своему близкому другу — немецкой писательнице Э. фон Шварц (она писала под псевдонимом Э. Мелена) и итальянскому генералу Ф. Каррано. В 1859–1861 гг. воспоминания Гарибальди вышли на английском, итальянском, французском и немецком языках под различными заглавиями и, поскольку литературная обработка и дополнения производились разными авторами, с неодинаковым содержанием[572].

Больше других переводчиков и издателей воспоминаний Гарибальди дал волю своей фантазии А. Дюма. Наиболее близко к оригиналу — издание Э. Мелены.

В 60-е и в начале 70-х годов Гарибальди продолжал работать над своими мемуарами и завершил их летом 1872 г., доведя изложение до окончания кампании во Франции (1870–1871 гг.).

В тех местах «Мемуаров», которые Гарибальди считал особо важными, он в скобках делал помету с указанием года, когда это было написано.

Остались два варианта воспоминаний Гарибальди: редакция до переработки их в 1871–1872 гг. и окончательная редакция 1872 г. Переработанные и дополненные воспоминания народного героя при жизни его свет не увидели. Лишь в 1888 г. были изданы воспоминания Гарибальди в их окончательном варианте, причем и этот вариант подвергался изменениям и исправлениям издателем книги А. Лемми (друг Гарибальди), сделавшим это по совету сына героя Менотти[573]. Исправив некоторые существенные описки, инициаторы издания сделали стилистические исправления, произвольно изменили некоторые имена и названия и т. д. О характере исправлений, внесенных редакцией, говорит следующий факт: всего один раз Гарибальди упоминает имена двух великих итальянцев — Микеланджело и Галилея, и лишь потому, что контекст сказанного о них непонятен, — их имена зачеркнули. Издание вышло без комментариев, и много неясных мест остаются непонятными читателям.

Впервые воспоминания Гарибальди в окончательном варианте без редакционных исправлений были опубликованы в Италии в 1907 г.[574], а затем перепечатаны в Национальном издании сочинений Гарибальди в 1932 г.[575] Поскольку в незавершенном варианте мемуаров Гарибальди имеются важные

материалы, опущенные автором в окончательном варианте, в Национальном издании опубликован отдельным томом также и незавершенный вариант[576].

Редакция Национального издания опубликовала текст со всеми явными описками и случайными ошибками, допущенными автором мемуаров; при этом редакция не сделала никаких примечаний.

Следует напомнить, что Национальное издание сочинений Гарибальди (всего издано шесть томов) было осуществлено в годы господства фашизма. Тогда в Италии проявляли мало заботы о науке, и фашистские историки, как и зависимые от них авторы, не стремились дать исторически правдивую оценку деятельности Гарибальди. Наоборот. Документы для включения в собрание сочинений Гарибальди подбирались тенденциозно, а ряд документов подвергся фальсификации[577]. Эти обстоятельства явились одной из причин публикации Национальным изданием сочинений народного героя без комментариев.

До сих пор в Италии и в других странах отсутствует комментированное и критическое издание «Мемуаров» Гарибальди. Между тем, ввиду особенностей его воспоминаний (автор часто прибегает, к историческому экскурсу, упоминает деятелей и события во многих странах, начиная с древнейших времен, и т. д.), читать их без комментариев крайне затруднительно.

Наша публикация — первое комментированное издание «Мемуаров» Гарибальди. Перевод сделан с окончательного варианта Национального издания. Редакция стремилась сохранить все особенности стиля автора. Никакие изменения или исправления не делались. В случаях описки, явной ошибки или неточности автора — сделаны редакционные примечания в комментариях. Примечания автора воспоминаний отмечены звездочкой и даются в подстрочном тексте.

Настоящее издание — первый полный текст воспоминаний Гарибальди на русском языке. В 1931 г. издательством «Молодая гвардия» был издан их сокращенный текст. Редактор книги М. Левидов, полностью опустил первую книгу мемуаров, исключил ряд глав из других частей, выбросил отдельные абзацы и т. д. Таким образом текст был сокращен больше чем на половину. Однако отдельные главы или части книги переведены удачно и редакция посчитала возможным воспользоваться частью этого перевода при публикации настоящего издания, внеся необходимые исправления.

Автографы писем Гарибальди, часть из которых публикуется впервые, найдены автором этих строк.

Научное редактирование перевода осуществлено *В. Е. Невлером.*

Указатель имен

Абба (Abba), Джузеппе Чезаре 268, 388, 454

Абреус (Abreus), де, Франсиско, по прозвищу Моринг (Куница) 41–44, 76, 78, 80

Авеньо (Avegno), Джузеппе 148

Авеццана (Avezzana), Джузеппе 177, 180, 183, 185, 214, 296, 300, 301, 314, 439

Авиццани (Avizzani) ди Кастроджованни 309

Агацци (Agazzi), Альберто 288

Агуйяр (Aguiar) 95, 96

Агуяр (Agujar), Андреа 182, 440

Адзельо, д’ (Azeglio, d'), Массимо 241, 242, 424, 443, 444

Акунья (Acunha) 60

Алазиа (Alasia) 320

Алеарди Алеардо 421

Александр II, император России 412

Алессандро (Alessandro) 143

Аллеман (Alleman) 35

Алмейда (Almeida) 37

Альбанезе (Albanese), Енрико 12, 311, 314

Альберт (Alberto) эрцгерцог 367

Альфьери (Alfieri), Витторио 171, 439

Амеро (Amero, d. Graffigna) по прозвищу Граффинья 134, 144

Амичи, де 266

Анастазио (Anastasio) 200

Ангуиссола (Anguissola) 284

Андреа (Andrea) 54, 60

Андреуцци (Andreuzzi), Сильвио 334, 337

Анита, см. Гарибальди, Анита Аннигини (Annighini), Антонио 334

Антонджина (Antongina) 323

Антонини (Antonini), Стефано 148

Антонио (Antonio) 86

Антонио, прозванный «тридцать один» (Antonio d. Trentuno) 144

Антонович. М. А. 399

Антунья (Antuna) 101

Анцани (Anzani), Франческо 83, 94, 103, 104, 113, 115, 116, 120–122, 126, 130, 131, 135, 136, 143, 145, 147, 149, 150–152, 229,

433, 435, 442
Апорти (Aporti) 237
Аранья (Aranha) 60, 61, 65
Ардуино (Arduino) 216, 223, 238
Арена (Arena) 16
Аристогитон 438
Армеллини (Armellini), К. 183, 440
Арольди (Aroldi) 162
Артигас (Artigas) 145
Архимед 253
Арчони (Arcioni) 180
Аспрони (Asproni) 250
Ассанти (Assanti) 299, 300
Ауслей (Ouseley) 147
Аццалино (Azzalino) 144
Ачерби (Acerbi), Джованни 261, 275,327, 337, 450
Бадано (Badano) 143
Базиле (Basile) 12, 311
Байрон, Джордж Ноэль Гордон 16
Бакунин. М. А. 6, 404, 405
Бальони (Baglioni), Малатеста 90
Банди (Bandi), Джузеппе 391
Баньяско (Bagnasco) 307
Баралис (Baralis) 205
Барберини (Barberini) 328
Барро (Вагго), Эмиль 376
Басси (Bassi), Уго 174, 196,197,226,235, 439, 441
Бассо (Basso) 288, 291, 329, 331, 355
Батино, подполковник 362
Батталья (Battaglia) 87
Бауза (Bauza) 102
Баццани (Bazzani) 166, 167
Баэс (Baez) 122, 126, 128, 130–133, 135, 145
Безана (Besana) 256
Беккариа (Beccaria), Чезаре 70, 168, 432, 438
Бенедетти, де, майор 334
Бенто Мануэль, генерал 60, 65
Берг. Н. В. 400, 401
Бернов. И. И. 400
Бертани (Bertani), Агостино 12, 281, 286, 389, 405, 447
Берутти (Berutti), Джованни Батиста 144
Берутти (Berutti) 134, 144
Бецци (Bezzi), Эджисто 279, 288, 318, 323, 334
Бианчиарди (Bianciardi), Л. 388–390, 393

Биксио (Bixio), Джероламо (по прозвищу Нино) 181, 189, 222, 228, 230, 231, 239, 240, 255–257, 260, 266, 279, 281, 284–288, 290, 296, 297, 299–301, 303, 368, 389, 391, 397, 442, 443, 445, 448, 454
Бильбао (Bilbao), Игнацио 43, 54
Бискоттини (Biscottini), А. 424
Бисмарк, фон Шенгаузен, Отто Эдуард Леопольд 449
Биффи (Biffi), Адольфо Луинджи 288, 454
Блан, Луи 452
Бланки, Луи Огюст 447
Бланко (Blanco) 145, 146
Блинджини (Blingini) 76
Бобадилья, де, Ф. 433
Бови (Bovi), Паоло 208, 295
Бови, сын (Bovi figlio) 295, 334
Богарне, Евгений 373
Бозак (Bosak) 347, 364, 365
Боливар (Bolivar), Симон 210, 441
Болис ди Луго (Bolis), граф 334
Боме, интендант 347
Бонапарт, см. Наполеон III Бонде (Bonde) 347, 351
Боннэ (Bonnet), Гаэтано 440
Боннэ (Bonnet), Нино 167, 180, 197, 198, 440
Боннэ (Bonnet), Раймондо 440, 441
Борги (Borghi), Акилле 334
Бордон (Bordon) 345, 354, 365
Бордоне (Bordone) 252
Борегар, капитан 21
Борелла (Borella) 205
Борисова. Р. Б. 416
Борсо ди Карминати, Гаэтано 90, 433
Бортулаччи (Bortulacci), Джиронимо 334
Борцоне (Borzone), Джузеппе 89
Боско (Bosco) 272, 276, 281, 282
Боттино (Bottino) 319
Браун (Braun), адмирал 87–89, 104
Браун (Braun) генерал (англичанин) 83
Браун (Braun), подполковник 347, 360
Бриньоне (Brignone) 240, 241
Бронцетти (Bronzetti) 231, 232, 235, 237, 283, 302, 304
Брофферио (Brofferio) 205, 250
Брунетти, Анджело (прозвище — Чичеруаккьо— Ciceroacchio) 196, 226,235,441
Бруско, см. Минуто, Джакомо Брут, Марк Юний 168, 438
Бруццези (Bruzzesi) 319

Бурбаки 357, 358, 364
Бурбоны 195, 262, 265, 278, 279, 285, 293, 307, 373, 387, 389, 395, 437, 447
Бурландо (Burlando) 237, 333
Буэно (Bueno) 158, 161, 174
Бэтл 111, 112, 115
Валерио (Valerio) 205, 245, 246
Валлерга (Vallerga) 86, 87
Вальсаниа (Valsania) 332, 334
Вашингтон (Washington), Джордж 66, 173
Векки (Vecchi), Аугусто 255
Вельден (Welden), Франц, барон, фон 437
Вентура (Ventura) 36
Вергара (Vergara) 126, 128–131, 137, 138
Вергилий, Публий Марон 421
Вердер (Werder), Август 348, 349, 351–353, 358
Верещагин В. П. 413, 455
Верита (Verita), Джованни 200, 201, 203
Виале (Viale) 183, 290
Виворинья (Vivorigna) 113, 115, 116
Виго 265
Видаль (Vidale) 83, 90, 98, 99, 101
Виджани (Vigiani), Антонио 330, 331, 333, 334
Виктор Эммануил II (Vittorio Emanuele ID король Пьемонта и Италии 215, 219, 245, 248–250, 252, 304, 314, 383, 384, 390, 391, 396, 397, 417, 418, 443, 444, 448–450, 453
Виктория, королева Англии 11, 427
Виллагра (Villagra) 118
Виллаграм (Villagram) 146, 147
Виллегас (Villegas), Хосе Мария 91, 145
Витторио (Vittorio), Рикьери 144
Виченте (Vicente), Луиджи 144
Волконский. А. Н. 400
Вольта, Александр 32
Вольтер, Франсуа Мари 432
Гавацци (Gavazzi), Алессандро 167, 401, 438
Гавитани (Gavitani), Винченцо 334
Газан (Gazan), Франческо 21
Гайдебуров. П. П. 400
Галапини (Galapini) 193
Галилей, Галилео 331, 425, 450
Галлеано (Galleano), Джакомо 20
Галлеано (Galleano), Джузеппе 20
Галлегос (Gallegos) 116, 124, 146

Галлетти (Galletti), Бартоломео 180
Галлиани (Galliani), Джакомо 334
Галлиани (Galliani), Джакомо 334
Галлино (Gallino), Гаэтано 152, 198, 436, 453
Галлори, Эмилио, скульптор 359, 454
Гамбетта (Gambetta) 344–346, 451, 452
Ганнибал 215, 296, 442, 446
Гарибальди (Garibaldi), Анджело 16
Гарибальди (Garibaldi), рожд. Рибейра да Сильва, Анита 45, 52, 53, 55, 58, 59, 75, 76, 79, 150, 189, 190, 192, 193, 195–198, 380, 431, 436, 441, 453
Гарибальди (Garibaldi), Аугусто 205
Гарибальди (Garibaldi), Доменико 14, 18, 19, 428
Гарибальди (Garibaldi), мать героя 15, 18, 150, 151
Гарибальди (Garibaldi), Маурицио 25, 26, 29–31
Гарибальди (Garibaldi), Менотти 75, 76, 79, 310, 311, 323, 327, 332–334, 337, 338, 340, 341, 347, 354, 355, 366, 425, 432, 449, 450, 452
Гарибальди (Garibaldi), Риччотти 198, 323, 340, 347–349, 422, 450, 452, 453
Гарибальди (Garibaldi), Тереза 205, 452
Гармодий (или Армодий) 168, 438
Гарсиа (Garcia) 139
Гарсон (Garcon) 120–122, 128
Гаццоло (Gazzolo) 149
Гвидо (Guido) 355
Гелиогабал, Марк 269, 446
Герцен. А. И. 6, 373, 396, 398, 399, 403, 406, 411–413, 418
Геселевич. А. 407
Гизальберти (Ghisalberti), А. М. 426
Гизо (Guizot), Франсуа Пьер Гильом 112
Гио (Ghio) 288, 290
Гиппарх 438
Гиппий 438
Гле-Бизуан (Glais-Bisoin) 344, 345, 451
Говоне (Govone) 368
Гомес Сервандо (Gomez Servando) 135, 138, 143, 146
Гонсальвис (Gonsalves), Анна 40
Гонсальвис (Gonsalves), Антония 40, 42, 44
Гонсальвис (Gonsalves), Бенту да Силва 22, 37, 38, 40, 67, 68, 72, 77, 80, 429, 431
Горчаков А. М. 400
Горький А. М. 5, 413, 414
Градениго (Gradenigo) 237

Гракх, Гай 230, 442
Гракх, Тиберий 230, 442
Грамши, Антонио 422
Григг (Griggs), Джон 38, 42, 50, 53, 59
Гриффини (Griffini) 159
Грициотти (Griziotti) 231, 262
Груши (Grouchy) 347
Гуалтерио, министр внутр. дел 451
Гуальди (Gualdi) 235
Гуасталла (Guastalla) 320
Гуегуайя, матреро 121
Гуерра (Guerra) 95
Гуеррацци (Guerrazzi), Франческо Доменико 165, 166, 203, 267, 344, 424, 437, 446
Гуерцони (Guerzoni) 219
Гуэльфи (Guelfi) 203
Гэклер, полковник 347
Гюго, Виктор 421, 422, 452
Д. Джованни (D. Giovanni) 49
Даверио (Daverio), Франческо 157, 160, 161, 174, 180–182, 186, 189, 229, 430, 437, 439, 442
Давид (Davide), Фелисьен 376
Давиде (Davide), 153, 186
Дамиани (Damiani) 323
Дандоло (Dandolo) 186
Данте (Dante), Алигьери 28, 169, 215, 254, 445, 450
Данус (Danus) 104, 110
Дарвин, Чарльз 406
Даулинг (Dawling) 252
Де Абреу 46
Деандреис (De Andreis), Раффаэле 17
Дебенедетти (Debenedetti) 302
Дейдери (Deidery) 205
Делла Монье 453
Деллацоппа (Della Zoppa) 148
Дельпеш (Delpech) 347
Демаэстри (Demaestri) 162
Демей (Demay) 348
Денегри (Denegri) Педро 214
Денегри (Denegri) Пьетро 210
Денегри (Denegri), семья 210
Денч (Dench) 119
Дерозо (Desroseaux) 136
Де Фалья, см. Фалья, де Дефлотт (Deflotta), Поль 252, 290,

347, 447
Дефранкис (Defranchis) 334
Деффоди (Deffaudis) 147
Джанелло 148
Джауме 16
Джачинто, майор 61
Джервнно (Gervino), Джузеппе 19
Джисмонди (Gismondi) 144
Джованни (Giovanni) сардинец, сторож шхуны 328
Джонсон, капитан 209
Джордано, Этторе 334
Джорджини 259
Джорджио, генерал 67–71
Джусти 161
Дзамбеккари 22
Дзамбьянки 181, 259, 393
Дзанетти, профессор 311
Дзаннини, доктор 197
Дзиккителли 356
Диас (Diaz) 110, 146
Дидро (Diderot), Дени 432
Димитров, Георгий 423
Добролюбов Н. А. 399, 401–403
Долгоруков В. А., кн. 409, 411
Дольотти (Dogliotti) 320, 321, 323
Домингес (Dominguez), Хосе 121, 138
Дон Карлос (Карл Мария) 433, 438, 439
Достоевский Ф. М. 402
Дуайт (Dwight), Т. 424, 425
Дуниоу (Dunyow) 300
Дурандо (Durando) 159, 367
Дюма-отец (Dumas), Александр 376, 378, 380, 424, 425, 431, 444
Дюнне (Dunne) 283
Жоан (Joan), Антонио 6*)
Изабелла II, королева Испании 452
Инглфильд (Inglefield) 147
Ингхэм (Ingham) 261
Индуно, Джероламо 190, 267, 453, 454
Кавеньяк, Луи Эжен 379
Кавур (Cavour), Камилло Бензо, граф 215, 219, 220, 241, 248, 249, 251, 256, 257, 292–295, 383–385, 387, 389–393, 396, 402, 403, 427, 434, 441, 443 448, 450, 453
Казабона (Casabona), Антонио 20

Казана (Casana) 134
Казанна, лигуриец, капитан 144
Казати (Casati), Габрио 153, 436
Казелла (Casella), Джакомо 123
Кайроли (Cairoli), Аделайде 226, 227, 442
Кайроли (Cairoli), Бенедетто 227, 279, 307, 319, 442
Кайроли (Cairoli), братья 302
Кайроли (Cairoli), Джованни 327
Кайроли (Cairoli), Энрико 274, 279, 327
Кайроли (Cairoli), Эрнесто 226, 442
Кальви (Calvi), Пьетро Фортунато 26, 429
Кальвино (Calvino) 255
Кальдарелли (Caldarelli) 290
Кальдези (Caldesi) 332, 334
Кальдерон (Calderon) 67, 68, 70
Камбриель (Cambriels) 346
Камилл (Camillo) 234
Камоцци (Camozzi), братья 207
Камоцци (Camozzi), Габриэле 153, 154, 233, 234, 454
Кампелло (Campello) 170, 219, 243
Кампо (Сатро) 257
Канабарро (Canabarro) 42, 45, 50, 51, 56–60, 68, 69, 77, 80
Кандидо (Candido), С. 430
Каневарро (Canevarro) 212
Кантони (Cantoni), Акилле 334
Канцио (Canzio), Стефано 237, 279, 288, 291, 323, 330, 331, 347, 351, 355, 365, 452
Канцио (Canzio), Стефано, младший 8, 388, 393
Каорси, Дж. 429
Капаче (Capace), князья 269
Капелло (Capello) 307
Капотто (Capotto) 58
Каппони, Джино, маркиз 437
Капуани (Capuani), Паоло 334
Капурро (Capurro), Дж. Баттиста 148
Капустин М. 403
Карава (Carava) 343
Каракалла, Марк Аврелий 269, 270, 446
Карбалло, майор 139, 142
Карбоне (Carbone) 150
Кардуччи (Carducci), Джозуэ 421, 423
Карини (Carini) 255, 279
Кариолатти (Cariolatti) 323
Карл Альберт (Carlo Alberto), король Пьемонта 152, 153, 378,

435, 436, 449
Карнилья (Carniglia), Луиджи 30–33, 39, 44, 48, 49, 52, 431
Кароне (Сагопе) 127, 139
Карпанетто (Carpanetto), Франческо 206, 207, 209, 210
Карпенето (Carpenetto), Джан Баттиста 206, 208
Каррано (Саггапо), Ф. 216, 237, 424, 425
Картелльери (Cartellieri) 230
Касерес, полковник 109
Кастальди, Леонардо 250
Кастеллаццо Луиджи 410
Кастелли (Castelli), Педро 90, 205, 433
Кастеллини (Castellini), Наполеоне 36, 82, 326
Кастилья (Castiglia) 255, 257
Катков М. Н. 403
Каттабене (Cattabene), Тит 295
Каттабене (Cattabene), Ченчо 311
Каттонео К. 435
Квинтини 228
Кинтана, Мануэл Хозе 28, 430
Клавелли (Clavelli) 105
Ковалевский В. О. 409
Ковалевский М. М. 414
Козенц (Cozenz), Энрико 216, 223, 225, 228, 230, 231, 235, 236, 238, 281, 282, 284, 290, 325, 368, 443, 448, 454
Коллегари, сержант 144
Коллинс (Collins) 329
Колтеллетти (Coltelletti) 250, 255
Колумб, Христофор 21, 32, 90, 189, 210, 433
Кольоло Леджеро 127, 161, 162
Комаккьо (Comacchio) 167
Комиссаржевский Ф. П. 400
Коране 134
Корбоне, Паскуале 36
Кориолан, Гней Марций 98, 433
Короленко В. Г. 400
Коррао (Соггао), Джованни 255, 269, 270, 307, 445
Корте (Corte) 216, 250, 281, 282, 284, 318, 319, 324
Коссович 323
Коста (Costa) 75
Коу 83
Коччелли (Coccelli) 149, 158, 162, 180, 181, 189, 206, 208
Кошут, Людвиг 443
Кравчинский (Степняк), С. М. 372, 377
Крезо (Creuzot) 346

Кремье (Cremieux) 344, 345, 357
Кретьен 276
Крешенцио (Crescenzio) 68
Криспи (Crispi), Франческо 255, 262, 280, 343, 388, 391, 446, 447, 451
Кристофорис, де, Карло 179, 219, 222, 229, 230, 440, 442
Кропоткин П. А. 403
Кроче (Croce) 237
Круза (Crusa) 357
Крус Ледесма (Cruz Ledesma) де ла, Хуан 115, 117, 121, 123–125, 131
Куджа (Cuggia) 368
Кудрей, капитан 345
Кукки 279, 327, 338
Куккиари (Cucchiari) 368
Кунео (Cuneo), Дж. — Баттиста 21, 36, 82, 428
Кунео (Cuneo), Джузеппе 329, 330
Куница, см. Абреус, де, Ф.
Куно, Теодор 422
Кьюзи (Chiusi) 191
Кьясси, полковник 323, 326
Кюн (Khun) 325
Кэсс 188
Лабатту (Labattue) 77, 80
Лабинский, Николай 417, 455
Лавалле (Lavalle) 84, 98
Лаваллеха (Lavalleja) 121–123, 125
Ламаза (Lamasa) 255, 271, 272
Ламармора (Lamarmora), Альфонсо 204, 218, 242, 314, 315, 368, 449
Ламберти (Lamberti), Джованни 30
Ламос 128, 130, 131, 137, 138
Ланди (Landi) 231, 232
Ланца (Lanza) 276
Ларуссо, Франческо 454
Латини (Latini), Эрколе 334
Латур (Latour) 166, 167
Лафарина (Lafarina), Джузеппе 215, 256, 257, 390, 442, 445
Левре (Levre) 197
Леджеро (Leggero) 197, 199, 201, 206, 208
Лемми (Lemmi) 331, 425
Ленари (Lenari), Санте 334
Ленин В. И. 372, 375
Леон Бранди, см. Мечников Л. И. Леопольд II, Иоганн Иосиф,

вел. герцог тосканский 437, 438, 444, 448
Лесков Н. С. 411
Лессепс, Фердинанд 376
Летиция (Letizia) 276–278
Лещева Ф. Н. 406
Линней, Карл 32, 430
Липари (Lipari) 237
Лоббиа (Lobbia) 347
Лодола (Lodola), Паскуале 30
Ложье, де, К., генерал 438
Ломбарди (Lombardi), Пио 320, 326, 334
Лопатин Г. А. 409, 410
Лоренцо (Lorenzo) 53
Лост, подполковник 347, 349, 350, 362
Луар, полковник 347
Луи Бонапарт, см. Наполеон III Луи Наполеон, см. Наполеон III Луини (Luini) 163
Людовик Филипп (Луи Филипп), король Франции 112, 168, 438
Лукулл, Люций Лициний 265, 446
Лэнэ, адмирал 147
Магалланес (Magallanes) 121
Мадарьяга (Madariaga) 122, 136, 137
Мадзини (Mazzini), Джузеппе 6, 7, 151, 155, 157, 160, 163, 175, 182–184, 187, 188, 285, 339, 340, 344, 375, 376, 387, 390, 396, 398, 403, 420, 428–430, 433, 435–437' 440–443, 445, 447, 449–451, 453
Мазини (Masini), Анджело (по прозвищу Мазина) 166, 167, 169, 180, 181, 185, 186, 189, 438, 440
Майео, интендант 247
Майер (Mayer) 334
Макиавелли (Machiavelli), Николо ди Бернардо деи 215
Малагрида (Malagrida) 210, 211
Маленкини (Malenchini).241–243, 247
Мальтези 30
Мамели (Mameli), Гоффредо 179, 180, 186, 189, 440
Манара (Manara), Лучиано 26, 181–183, 185–189, 229, 430, 442
Манаро (Manaro), Доменико 334
Манди 276
Манин (Manin), Даниэль 215, 344, 390, 441, 445
Манискалько (Maniscalco), Сальваторе 270, 446
Мантегацца (Mantegazza), Лаура 158
Мантейфель (Manteuffell) 358, 365

Мануэла 40
Манцони А. 424
Манчи (Manci) 307
Манчини (Mancini), Анджело 102, 104, 110
Марэ (Marais) 354, 356
Мариа (Maria), Хосе 127, 133
Марий, Гай 269, 332, 446
Марио (M&rio), Альберто 291
Марио (Mario), Джесси Уайт 388, 389
Маркетти, Джузеппе 389
Маркс, Карл 373, 378, 381, 384–386, 394–396, 402, 404, 420–422, 430, 436, 445
Маррани (Marrani) 336
Марроккетти (Marrocchetti), Джузеппе 124, 133, 134, 144, 158, 170, 180, 181, 189, 224, 231
Мартине (Martinet) 347
Мартинелли (Martinelli) 322, 323, 334
Мартини (Martini), адвокат 202, 203
Мартини (Martini). 203
Маскарелли В. 429
Массера (Mfassera) 148
Массимо (Massimo) 76
Маурицио (Maurizio) 328, 329, 331
Медзакапо, генерал 246–248
Медина (Medina) 130, 131, 136–138
Медичи (Medici), Джакомо 159, 163, 184, 187, 216, 219, 221, 223, 224, 227, 228, 230, 238, 240, 280–284, 296, 300, 301, 325, 389, 435, 437, 443, 448, 454
Мекель, фон (Mechel, von) 272, 276
Мелара (Melara) 186
Мелло (Mello, Melo) 60, 61, 62, 65
Менделеев Д. И. 406
Мериуэзер (Mieryweather) 237
Меркантини, Луиджи 421
Меттерних, Клеменс Лотарь Венцель, кн. 374
Меуччи (Meucci), Антонио 207, 208
Мечников И. И. 404
Мечников Л. И. (псевд. Леон Бранди) 404, 454
Мечникова О. Н. 404
Микеланджело 331, 425, 450
Микка (Micca), Пьетро 135, 434
Миллан (Millan) 34, 35
Мильбитц (Milbitz) 298, 299, 301
Мильявакка (Migliavacca) 284

Мингетти (Minghetti), Марко 248, 249, 444
Минуто, прозванный Бруско (Minuto detto Brusco), Джакомо 103, 150, 158, 180, 186
Миранда (Miranda) 116
Миссори (Missori) 274, 283, 285, 291 301, 303, 307
Молина (Molina), братья 174
Молинари (Molinari) 108
Монтальди (Montaldi) 150, 179, 180, 189
Монтанари (Montanari) 265
Монтанелли (Montanelli), Джузеппе 165, 241–243, 437, 438, 443, 444
Монти (Monti), братья 209, 289
Монтмассон, Розалия 388
Моразини (M'orasini), Этторе 334
Морелли (Morelli) 290
Моринг (Куница), см. Абреус, де, Ф. Морино, С. 421
Моро (Мого) 250
Морозини (Morosini) 186
Морье (Morier), Ипполит 119
Мосто (Mosto), Антонио 237, 263, 272, 298, 318, 333, 334
Мундель (Mundell), Хосе 115, 117, 121–125, 131
Муссолино (Mussolino) 285
Мутру (Mutru), Эдоардо 39, 43, 47, 49, 52, 431
Мюрат, Иоахим 373
Мюррей (Murray) 206, 208
Н. А. 251
Н., Джованни 110
Н., Доменико 330
Н., Лоренцо 43
Н., Мануэль 61
Наполеон I 318, 367, 373, 430, 436
Наполеон III (Луи Бонапарт) 16, 103, 150, 177, 185, 187, 188, 240, 241, 244, 248, 249, 251, 252, 290, 293, 304, 312, 313, 327, 331, 338, 339, ˆ42, 345, 351, 379, 384, 386, 387, 393, 396, 402, 419, 432, 434, 439, 440, 442–444, 448–452
Невлер В. Е. 8, 426
Нейра (Neira) 107
Некрасов Н. А. 401
Нелатон (Nelaton) 12
Нельсон (Nelson), Горацио 264
Неттлау Макс 5
Нетто (Netto) 68, 69
Нигра К. 393
Никола (Nicola) 331

Никотера (Nicotera), Джованни 285, 324, 337, 404, 447
Нино, см. Биксио, Джероламо Нулло (Nullo), Франческо 265, 274, 291, 301, 307, 454
Нунцианте Алессандро 448
Нуньес (Nunez) 103, 109, 110
Ньево, Ипполито 421
Ньекко 274
Обручев Н. Н. 406
Огарев Н. П. 406, 450
Оджие 255
Ожие, Паоло 214
Оливье (Olivier) 347, 366
Ординер (Ordinaire) префект Безансона 346
Ординер (Ordinaire), майор 347, 348
Орибе Мануэль, генерал 84, 86, 95, 97–99, 101, 107, 108, 111, 121, 143
Орландо (Orlando) 255, 257
Орсини (Orsini), Ф. 255, 263, 272, 278, 398
Островский Н. А. 415
Оуэн, Роберт 407
Паджи, капитан 239
Паджи, полковник 337
Паджи (Paggi) Натале 144
Паж (Page) 112, 113
Паллавичини (Pallavicini) 309, 310
Паллавичино (Pallavicino) Тривульцио, Джорджо 215, 307, 442, 445, 448
Пальмерстон, Генри Джон Темпль, виконт 448
Пальяно, Элеутерио 454
Пане Джузеппе (Pane Giuseppe), псевдоним Гарибальди 209
Паницци (Panizzi) 186
Пантелеев Л. Ф. 403
Паоло (Paolo) 138
Паркер (Parker) 264
Пароди (Parodi), Томмазо 389
Пароди (Parodi), Чезаре 17, 196
Пас (Paz) 99–101, 107, 108, 122, 123, 136, 137, 367
Пастакальди (Pastacaldi), Микеле 207, 214
Пасторе (Pastore), доктор 12
Пасторе (Pastore), капитан 323
Патета (Pateta) 144
Патридж 12
Пачеко (Pacheco) 98, 99, 102, 103, 107, 109, 110
Пегурини (Pegurini), Анджело 158

Педзоли, Альчиде 454
Педотти (Pedotti) 230
Пезанте (Pesante), Анджело 18
Пезенте (Pesenie) 36
Пейксотто (Peixotto) 62, 63
Пелиссье (Pelissier) 358, 361, 365
Пелиццари (Pelizzari), Виго 274, 323, 334
Пеллетье (Pelletier) 360
Пелопид 168, 438
Перальта (Peralta) 150, 180, 186, 189
Перла (Perla) 274
Перми (Permi), Джузеппе 334
Персано (Persano) 204, 314, 353
Пессина (Pessina) 323
Пета (Peta), барон 272
Петракки (Petracchi) 164
Петрарка (Petrarca), Франческо 28, 215
Петрони (Petroni) 420
Пианчиани (Pianciani) 337
Пиери (Pieri), П. 451
Пизистрат 438
Пий IX (Pio IX), папа 149, 166, 170, 252, 338, 378, 393, 432, 437, 439, 451
Пики (Pichi) 247
Пило (Pilo), Розалино 253, 269, 270, 307, 387, 445, 454
Пиомбино (Piombino), князья 333
Пирд, полковник 252
Пирогов Н. И. 12, 407, 408, 427, 449, 454
Писарев Д. И. 407
Пиччинини (Piccinini) 307
Плутино (Plutino), Антонио 255, 287
Поджи (Poggi) 274, 284
Покароба (Pocaroba) 84
Портиньос (Portinhos) 60, 65, 66
Прандина (Prandina) 12
Прокопио (Procopio) 43, 49
Пугачев, Емельян 416
Пуччи (Pucci), Бартоломео 204
Пьянель (Pianell) 368
Пьяццони (Piazzoni) 207
Пэрвис, комодор 106
Равелли (Ravelli) 346, 350, 352
Равини (Ravini) 323
Радецкий, фельдмаршал 436

Разин С. Т. 416
Рамбо (Rambo), Жозеф 21
Рамон дель Арка 33
Раморино (Ramorino), пьемонтец, мл. лейтенант 144
Раморино (Ramorino), капитан 127, 134, 150, 156, 170, 180, 186, 189, 196
Рассел, Джон 293, 448
Раттацци (Rattazzi), Урбано 249, 250, 251, 444
Раффаэле (Raffaele), мулат 43, 49
Раффаэле (Raffaele), офицер 106
Ребелла (Rebella), Луиджи 144
Репео, профессор 400
Рибейра да Сильва (отец Аниты Гарибальди) 431
Рибера (Ribera, Rivera), Фруттос 84, 94, 99, 100, 110, 126, 130, 136, 137, 145, 146, 435
Риболи (Riboli), Тимотео 12, 347
Риказоли (Ricasoli), Беттино 243, 244, 393, 444
Риккьери (Richieri) 178
Рини (Rini) 94
Ринкона, матреро 117
Рипари (Ripari) 12, 311
Риссо (Risso), Антонини 82
Риссо (Risso), Джованни 82
Риссо (Risso), Томмазо 157, 170, 171
Ровелли (Rovelli) 229
Роди (Rodi) 134, 144
Родригес (Rodriguez), Мануэль 49, 55, 91
Родригес (Rodriguez), Педро 89, 103
Розагути (Rosaguti) 237
Розелли (Roselli) 248
Романо, Либорио 448
Росас (Rosas), М. 83, 84, 86, 97, 98, 105, 119, 122, 136, 137, 145, 147, 433
Росселли (Rosselli), Пьетро 181, 183, 184, 440
Россетти (Rossetti), Луиджи 22–25, 36, 38, 44, 50, 52, 77, 78, 429
Росси (Rossi), Пеллегрино 164, 168, 169, 437, 438
Росси (Rossi), сын 168
Руджеро (Ruggiero) 174
Савини 199
Савойская династия 373
Саенс (Saenz), де, Мануэлита 209, 210
Сакки 134, 144, 149, 150, 151, 181, 189, 224, 240, 296, 299, 301, 303, 304

Саласко (Salasco), К. 157, 436
Саломоне (Salomone) 334
Салтыков-Щедрин М. Е. 400, 404, 409
Сальтенье 136
Самби (Sambuy) 236
Сан Доменико Арбюе (San Domenico) 354
Санто Н. (Santo, N.) 143
Санфронт (Sanfront) 248
Саффи (Saffi), А. 183, 440
Сачердоте (Sacerdote), Густаво 292, 380, 389, 390, 428, 429, 431, 436, 440, 444, 453, 454
Свердлов Я. М. 416
Свердлова К. Т. 416
Сгарби (Sgarbi), Антонио 334
Сгареллино (Sgarellino), Паскуале 331, 334
Семериа (Semeria), Карло 20
Семидеи (Semidei), Паоло 82
Сен-Симон, граф 75
Серафини (Serafini), Камилло 203
Серторио (Sertorio) 265
Сеттимо, Руджеро 164, 437
Сеченов И. М. 406
Симонетта (Simonetta), Франческо 221, 224, 298, 301
Синео (Sineo),250
Сиртори (Sirtori), Джузеппе 261, 276, 285, 295, 296, 299, 301, 303, 368, 445
Скарская Н. Ф. 400
Скиаффино (Schiaffino) 265, 266
Скопини (Scopini) 274
Собреро (Sobrero), Карло 153, 219, 436
Совего, Луиза 20
Сократ 210
Сольдан 117
Соннац (Sonnaz) 219
Спангаро (Spangaro) 303
Спарвьери (Sparvieri) 232
Спегаццини (Spegazzini) 232
Спекки (Specchi) 237
Спинацци (Spinazzi) 323, 324
Сталло (Stallo), Луиджи 237, 334
Стадерини (Staderini), Луиджи 49
Станьетти (Stagnetti) 291
Стеклов Ю. 405
Степняк С. см. Кравчинский С. М. Стефанелли (Stefanelli) 248

Стиавелли (Stiavelli), Дж. 424
Стокко (Stocco) 255, 303
Суцини (Suzini), Антонио 127
Суцини (Suzini), Никола 223
Суцини (Suzini), Пьетро 329, 330
Сципион, Публий Корнелий (младший) 230, 266, 332, 442
Сципион, Публий Корнелий (старший) 230, 266, 33,2, 442, 446
Таварес (Tavarez), Сильва 37, 38
Тадеи (Tadei) 265, 274
Таксиль, Леон 419
Танара (Тапага) 323, 346
Тартабул (Tartabull), Лука 33
Тахес, полковник 109, 146
Тейксейра (Teixeira) 50, 51, 57, 60–62, 65, 67
Терезе (Terese), Клаудио 21
Терсите 214
Тестори (Testori), Луиджи 334, 336
Тимирязев К. А. 406
Тимони (Timoni) 20
Тирони, Джузеппе 454
Толиверова-Якоби А. Н. 410, 411, 413, 455
Толстой Л. Н. 411
Торквемада (Torquemada), Томас 191, 441
Тортаролло (TortaroIIo) 144
Траверсо (Traverso) 134
Тревелиан (Trevelyan), Дж. М. 454
Тревизани (Trevisani), Дж. 419
Трекки (Trecchi) 237, 250
Тургенев И. С. 406, 407
Тьер (Thiers), Луи Адольф 168, 251, 420, 438, 452
Тюкери (Tuckery) 265, 274, 279, 300
Тюрр (Tiirr), Иштван (Стефано) 236, 237, 250, 261, 281, 284, 296, 300, 301, 443, 448, 454
Удино (Oudinot) 178, 180, 185, 379, 380, 381, 433, 439, 440
Удолине (Udoline) 347
Уллоа (Ulloa) 218
Умберто (Umberto) 368
Урбан (Urban) 223–225, 230–234
Уркиза (Urquiza) 125–128, 137, 145
д'Утра (d'Utra), Дзеффирино 45
Уциель (Uziel) 274, 333, 334
Фабий, Максим Квинт (Кунктатор, т. е. медлитель) 266, 446
Фабрици (Fabrizi), Николо 312, 324, 327, 343, 449

Фабрици (Fabrizi), Паоло 161, 164
Фалья, де 342, 451
Фанти (Fanti), Манфредо 234, 244–248, 444
Фарини (Farini), Луиджи Карло 243–245, 248, 249, 293, 304, 338, 444
Фарлатти (Farlatti) 347
Фаусто Н. (Fausto) 139
Федриани 205
Фердинанд II (Federico II), Бурбон, король Обеих Сицилий (прозванный «королем-бомбой») 174, 181, 182, 293, 439, 448
Феррандин (Ferrandin) 145
Феррари Дж. 435
Феррё (Ferre) 88
Феррейра (Ferreira), Паоло 40
Фигари (Figari) 214
Филопанти (Filopanti), Квирико 63, 241, 242, 432, 443
Финци (Finzi) 256
Фиорентино (Fiorentino) 30, 31
Фонтана (Fontana) 347
Форбес (Forbes) 189, 192, 194, 252
Форести (Foresti) 207, 214
Фосколо (Foscolo), Уго 31, 430
Фоше (Foche) 256
Франки (Franchi) 180
Франки (Franchi), Мартино 334
Франклин (Franklin), Вениамин (Бенджамен) 32, 430
Франсиско (Francisco), помощник Гарибальди 106
Франсиско (Francisco), боцман-мулат 43
Франциск II, Мария Леопольд, Бурбон (Francesco II di Borbone), король Обеих Сицилий 253, 254, 276, 284, 293, 296, 448,
Фраполли (Frapolli) 249
Фратта (Fratta), А. 388, 389
Фригези (Frigezy) 332–334, 336
Фридрих I Барбаросса («рыжебородый») 442
Фридрих II 367
Фрошионте (Froscionte) 328
Фрунзе М. В. 416
Фурманов Д. А. 415
Хасинто, Андреус 33–35
Хауг (Haug) 180, 320–323, 325
Христос 210
Хуансито Отеро Галлега, 145
Цаккарелло (Zaccarello), лейтенант 127, [134]
Цаккарелло (Zaccarello), младший 144

Цинцинат, Луций Квинкций 269, 446
Цукки (Zucchi), Карло 154, 164–167, 436, 437
Чальдини (Cialdini) 216, 218, 219, 238–241, 368, 384
Чапаев В. И. 416
Чеваско (Cevasco) 151
Чемберс (Chambers) 326
Ченни (Cenni) 125, 189, 216, 227, 237, 238
Чентурион (Centurion) 139
Чернышевский Н. Г. 399, 401–403
Чиприани (Cipriani) 12
Чиприани (Cipriani), Леонетто 244–249, 444
Чичеруаккьо (Ciceroacchio) — прозвище, см. Брунетти, Анджело
Шапо (Chapeau) 353, 354
Шварц (Schwarz) фон Э. (псевд. Э. Мелена, E. Melena) 410, 424, 425
Шекспир, Вильям 433
Шелгунов Н. В. 400, 410
Шене (Chenet) 353, 354, 356
Шолей (Scholey), Джон 334
Штрайх С. Я. 407
Шутто (Sciutto), семья 210
Эбер (Eber) 284
Эберард (Eberard), Карл 286, 288, 299–301, 447
Эдоардо 48
Энгельс, Фридрих 373, 377, 378, 381, 384–386, 394–396, 402, 404, 420–422, 436, 445
Энрике (Enrique), Хуан 59
Эпаминонд (Epaminondas) 367, 452
Эрба (Erba) 325
Эсквиро (Esquiros) 345
Эспартеро, генерал 433
Эстебес (Esteves) 96
Эстер, синьора 208
Эстибао (Estivao) 109
Эчагуэ (Echague), Паскуале 33, 35
Эшаг, генерал 367
Юлий Цезарь 438
Якоби А. см. Толиверова-Якоби А. Н.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Джузеппе Гарибальди (1807–1882). Фотография 1860 г.

Фронтиспис

Анита Гарибальди, рожд. Рибейра да Сильва — жена героя. Иллюстрация из кн.:

Прибытие «Тысячи» в Марсалу. Иллюстрация из кн.: G. C. Abba. Da Quarto al

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

МЕМУАРЫ

Утверждено к печати редколлегией серии «Литературные памятники» Академии наук СССР

Редактор издательства Л. А. Катанская. Художник Б. И. Астафьев Технические редакторы В. Г. Лаут, Ф. М. Хенох

Сдано в набор 8/1V 1966 г. Подписано к печати 24/VIII 1966 г. Формат 70 X 90'/ie. Печ. л. 29,25 + 7 вкл. (0,87 печ. а.). Уса. печ. а. 35,24. Уч. — изд. л. 32,6 (32,0 + 0,6 вкл.) Тираж 23 000. Изд. № 1136/66. Тип. зак. 661

Цена 2 р. 21 к.

Москва. К-62, Подсосенский пер., 21

Издательство «Наука»

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинскии пер., 10

notes

Примечания

1

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 7. М., 1950, стр. 517.

2

А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 20.

3

Стефано Канцио — правнук Гарибальди, известный итальянский историк-марксист; он написал много работ о Гарибальди и объединении Италии, в которых отстаивает традиции своего славного прадеда (прим. ред.). Перевод «Предисловия» — В. Е. Невлера.

4

Виктория (1819–1901) — королева Англии в 1837–1901 гг. В 60-е годы, когда <в Англии усилилось республиканское движение, стремилась выказать свою «благосклонность» к либералам, идя навстречу требованиям об усилении роли парламента. В буржуазной литературе был даже пущен в оборот термин «эра Виктории». Гарибальди и намекает на заигрывание Виктории с республиканизмом.

5

Это замечание Гарибальди не является преувеличением. Не только во многих местах его мемуаров рассыпаны жгучие строки ненависти к духовенству: с гневом упоминал он клерикалов в письмах и литературных произведениях, в прокламациях и военных приказах.

6

Намек на лозунг «свободная церковь в свободном государстве», выдвинутый лидером итальянских умеренных либералов К. Б. Кавуром в период борьбы за объединение Италии.

7

29 августа 1862 г. на горе Аспромонте в Калабрии (Южная Италия) Гарибальди был тяжело ранен.

8

Тяжелое состояние Гарибальди после его ранения на горе Аспромонте вызвало опасение за его жизнь у многих прогрессивных деятелей. Для лечения и консультации его в Италию приехали знаменитые врачи многих европейских стран. В числе их был известный русский хирург Н. И. Пирогов, который прибыл к Гарибальди в Специю в конце октября 1862 г. В своем отчете о лечении Гарибальди Пирогов писал, что в день его приезда на консультации у больного было семнадцать врачей. Долго и почти безрезультатно его лечили лучшие врачи того времени. Некоторые настаивали на ампутации ноги. Талантливый русский хирург не согласился с этим советом, он предложил оригинальный способ обнаружения пули и свой метод лечения. Благодаря вмешательству Пирогова пуля была обнаружена и извлечена, а лечение доведено до благополучного конца. После своего отъезда из Специи Пирогов продолжал письменно консультировать Гарибальди. Кроме благодарности, выраженной в предисловии к мемуарам, Гарибальди написал Пирогову два письма, которые были обнаружены автором этих строк несколько лет назад в Архиве Пирогова в Ленинграде. В одном из них народный герой писал: «Мой дорогой доктор Пирогов, моя рана почти залечена. Я чувствую потребность поблагодарить Вас за сердечную заботу, которую Вы проявили ко мне, и умелое лечение. Считайте меня, мой дорогой доктор, Вашим преданным Дж. Гарибальди». (Отдел рукописей Фундаментальной библиотеки Военно-медицинской академии. Архив Н. И. Пирогова, III—38, л. 2).

9

«Война — истинная жизнь мужчины!». (Гарибальди имеет в виду революционную войну народных масс за свое освобождение. Партизанский вождь был страстным противником войн, происходивших между капиталистическими странами, но он горячо поддерживал национально-освободительные войны и восстания трудящихся против своих эксплуататоров. Наиболее четко свое отношение к войнам Гарибальди сформулировал в тезисах, представленных Международному конгрессу мира, который состоялся в Женеве в сентябре 1867 г. В одном из этих тезисов говорилось: «Только раб имеет право воевать с тираном: это единственный случай, когда война разрешается» (см. G. Garibaldi. Scritti e discorsi e politic! c militari. Vol. II (V). Bologna, 1935, p. 412).)

10

Отец героя — Доменико Гарибальди родился 9 июня 1766 г. в Кьявари и около 1780 г. переселился в Ниццу. О предках Гарибальди известно, что не только его дед, но и прадед был морским капитаном и судостроителем.

11

Речь идет о широко распространенном в то время в Италии обычае — начальное воспитание детей доверять духовенству.

12

В марте 1860 г. Ницца отошла к Франции — в соответствии с тайным соглашением[1] между Пьемонтом и Францией, заключенным накануне австро-франко-итальянской войны 1859 г. Передача Ниццы — родины Гарибальди — французскому императору вызвала резкий протест Гарибальди и других демократических деятелей. Для узаконения этой уступки в Ницце был проведен плебисцит, который, по существу, был фальсифицированным.

13

Cimele dei romani («Реликвия римлян») — распространенное название Ниццы.

14

Название корабля, на котором я совершил свое первое плавание. (Все подстрочные примечания принадлежат Гарибальди. — Ред.).

15

Лигурия — побережье Лигурийского моря на севере Италии; Сан-Ремо — порт на этом побережье.

16

Он скончался несколько лет назад. Когда я приступил к моим мемуарам, он был еще жив.

17

Рим был не только столицей Папского государства, являвшегося основным препятствием к объединению Италии, но и центром католицизма.

18

Это было написано в 1849 г.

19

Я всегда придерживался этих мыслей, записанных в 1849 г. и повторенных ныне, в 1871 г.

20

Левант — часто употреблявшееся в то время название стран Ближнего Востока на восточном побережье Средиземного моря.

21

Война между Россией и Турцией в 1828–1829 гг. Порта — употреблявшееся в литературе и в дипломатических документах официальное название правительства Оттоманской империи (Турции). Иногда этот термин ошибочного относили к самой; Турции.

22

В Таганрог Гарибальди прибыл в 1833 г. во время одного из плаваний на Восток. В литературе принято считать, что молодым лигурийцем, которого Гарибальди здесь упоминает, был Дж. Б. Кунео (1809–1875) — пламенный революционер, член тайного общества «Молодая Италия», основанного Мадзини в 1831 г. Для этого утверждения нет прямых доказательств и сам Кунео в своей «Биографии Гарибальди» об этом не пишет (см.: G. B. Cuneo. Biografia di Giuseppe Garibaldi. Genova, 1876, p. 16; G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi. Milano, 1933, p. 80–82). Во всяком случае, в Таганроге — небольшом городке южной России — Гарибальди, зайдя в один из трактиров, где обычно собирались итальянские моряки, впервые услышал зажигающую речь патриота, узнал о существовании в Италии тайной революционной организации и решил посвятить себя делу освобождения своей Родины.

В том же году Гарибальди, во время своей поездки в Марсель, встретился там с Джузеппе Мадзини и вступил в общество «Молодая Италия», приняв имя «Борель».

23

Здесь Гарибальди пропускает важное событие в своей жизни — участие в подготовке восстания в Генуе (королевство Пьемонт). 26 декабря 1833 г. по предложению Мадзини Гарибальди поступает на службу в сардинский военный флот, чтобы вести там агитацию среди матросов и обеспечить поддержку Савойской экспедиции, подготовлявшейся Мадзини, хотя бы некоторой частью королевского флота. Восстание в Генуе, куда должна была прибыть через Савойю экспедиция итальянских эмигрантов из Женевы, должно было послужить сигналом к выступлениям в других городах. На фрегате «Euridice», где Гарибальди служил матросом, он быстро привлек на свою сторону экипаж и подготовил его к восстанию. 3 февраля 1834 г., когда все уже было подготовлено к началу действий, Гарибальди перешел на военный фрегат «Ammiraglio de Geneys», который стоял на рейде в генуэзском порту. В назначенный день, 4 февраля 1834 г., Гарибальди ожидал на фрегате условленного сигнала. Однако отряд экспедиции был разгромлен и восстание подавлено пьемонтской армией, и Гарибальди, не дождавшийся сигнала, добрался на лодке до Генуи и на следующий день бежал.

24

Речь идет о французской газете «Peuple son verain», выходившей в Марселе, где Гарибальди прожил несколько месяцев после своего побега из Италии. Газета сообщала о приговоре Генуэзского военного дивизионного суда от 3 июня 1834 г. В приговоре указывалось, что Гарибальди и его товарищи Дж. Каорси и В. Маскарелли «были организаторами заговора… и стремились вызвать в королевских войсках восстание для свержения правительства его величества… и поэтому суд приговорил их к наказанию позорной смертью и публичному отмщению как врагов отечества и государства… и бандитов первой категории» (см.: G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 96–98).

25

В то время в Марселе было запрещено зажигать на судах даже ночные огни.

26

Все географические названия Южной Америки даются в современной транскрипции за исключением тех, которые не удалось найти в справочных изданиях (прим. переводчика).

27

Луиджи Россетти — участник революционного движения в Италии, эмигрировал в Южную Америку в 1827 г. и включился в активную борьбу за независимость республики Риу-Гранди. Вскоре после приезда Гарибальди в Рио-де-Жанейро 26 января 1836 г. написал Мадзини письмо, в котором сообщил, что встреча с Борелем (т. е. с Гарибальди) явилась для него счастьем и что он с радостью принял предложение Гарибальди примкнуть к «Молодой Италии» (см.: G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 116–117).

28

См. об этом в главе 28 первой книги.

29

Селение Виамао расположено в нескольких милях от Порту-Алегри, в провинции Риу-Гранди-ду-Сул. Республиканцы назвали эту деревню Сеттембриной в память об одержанной ими в сентябре победе.

30

Гонсалвис, Бенту да Силва (1788–1847) — генерал и политический деятель Бразилии. Один из вождей революции фаррапос («оборванцев»). В 1837 г. был избран президентом республики Риу-Гранди — его родины. Подробную (и верную) характеристику его деятельности Гарибальди дает в главе 12 первой книги.

31

Гаропера — рыболовное судно, предназначенное для ловли гаропе, вкусной бразильской рыбы.

32

Barrancas — прибрежные отвесные скалы, по-французски — falaise.

33

Румб — единица угловой меры равна 1/32 доле окружности, т. е. 11 1/4° например: 4 румба влево = 45° влево.

34

Кварта — одна тридцать вторая часть окружности компаса.

35

Морские волки — таких морских животных нет; возможно, Гарибальди имеет в виду морских лисиц — акул из семейства Lamnidae, которые встречаются в тех местах; но они питаются рыбой и для людей не опасны.

В просторечьи «морским волком» иногда называют зубатку (Anarrhichas) — рыбу длиной до двух метров из семейства морских собачек, с широкой пастью и сильными зубами, которая водится у берегов Европы и Америки; но эта рыба, внушающая страх своим видом, на поверхность почти не всплывает.

36

Pampero — самый сильный ветер, дующий у левого берега реки Ла-Плата. Его название происходит от Пампы, необъятной наносной долины на правом берегу реки.

37

Траверсия — ветер, который дует к берегу в перпендикулярном к нему направлении.

38

Государством Монтевидео — Гарибальди называет страну по ее столице Монтевидео; официальное название — Восточная республика Уругвай.

39

Речь идет об Аргентине; Буэнос-Айрес — ее столица.

Главам 7, 8 и 9 Гарибальди не дал названий.

41

Я видел последнюю семью исконных здешних обитателей, она выпрашивала кусок мяса из нашего провианта.

42

Лощина между холмами.

43

Высокая и жесткая трава.

44

Калъви, Пьетро Фортунато (1817–1855) — итальянский революционер. В период революции и освободительной войны 1848 г. возглавил легион альпийских стрелков.

По поручению Джузеппе Мадзини был одним из организаторов восстания в Ломбардии в феврале 1853 г. После неудачи этого восстания, летом 1853 г., тайно пробрался в Ломбардию, но был схвачен австрийцами и в 1855 г. осужден к смертной казни. Отказался просить помилование и в тюрьме написал патриотическое воззвание; перед виселицей провозгласил — «Да здравствует Италия!»

45

Манара, Лучиано (1825–1849) — итальянский патриот. В период революции 1848 г. был организатором сооружения баррикад в Милане; тогда же организовал крестьянский батальон, который назывался его именем. Героически сражался при обороне Римской республики в 1849 г., командуя полком берсильеров. Был назначен Гарибальди начальником штаба отрядов легионеров, заменив на этом посту павшего Даверио. 30 июня 1849 г. был убит в сражении у Виллы Спада в Риме.

46

В этих странах жеребцы никогда не приручались.

47

25-летним корсаром — неточность. Выше (в главе 6) Гарибальди говорит о своем возрасте более точно — 28 лет. Он родился 4 июля 1807 г. и к моменту описываемых событий ему было более 29 лет (Гарибальди поселился в Южной Америке в январе 1836 г.).

48

Estancia — животноводческое хозяйство, соответствует сардинскому «stazzo».

49

Настойка из листьев дерева того же названия. В Южной Америке ее добавляют в кофе и чай.

50

Кинтана, Мануэл Хозе (1772–1857) — испанский поэт-демократ, участник борьбы против Наполеона I, был популярен среди народов Южной Америки, борющихся за свое освобождение.

51

Rez — зарезанная и разделанная корова.

52

Локоть — старинная линейная мера, равна 0,5 м.

53

Напомню читателю, что Ла-Плата достигает в самом широком месте ста миль.

54

Положение парусов, при котором судно остается почти неподвижным,

55

Маневр с целью заставить судно двинуться вперед.

56

Верхняя часть бортов или защитная часть кормы.

Брасы — веревки, служащие для поворачивания рей.

58

Старшее лицо на судне после капитана и офицеров.

59

Река, впадающая в Ла-Плату.

60

Фосколо, Уго (1778–1827) — выдающийся итальянский писатель и поэт, демократ; воспевал борьбу за национальное объединение страны и освобождение от иностранного гнета. Принимал активное участие в национально-освободительном движении. Был любимым поэтом Гарибальди.

61

См. прим. 2 к гл. 6 первой книги.

62

Крокодил.

63

Линней, Карл (1707–1778) — выдающийся шведский естествоиспытатель и натуралист. Получил мировую известность благодаря созданной им систематике растительного и животного мира в трудах «Система природы», «Философия ботаники», «Виды растений» и др.

64

Франклин, Вениамин (Бенджамен) (1706–1790) — выдающийся американский политический деятель и ученый — физик и социолог. Буржуазный демократ. Родился в Бостоне в семье бедного ремесленника. К. Маркс высоко ценил его исследования в области политической экономии. Боролся против рабства негров.

65

В порт Гуалегуай, расположенный на одноименной реке, Гарибальди прибыл 26 июня 1837 г. (см.: S. Candido. Giuseppe Garibaldi corsaro riograndense (1837–1838). Roma, 1964, p. 151).

66

Гарибальди был освобожден из тюрьмы в первых числах марта 1838 г. (см.: там же, стр. 152).

67

Речное судно средней величины.

68

Гарибальди ошибается: Бенто Гонсалвис родился в 1788 г., а познакомился с ним Гарибальди в 1838 г., следовательно Гонсалвесу было тогда 50 лет.

69

Буканеры — испанское наименование морских разбойников, корсаров.

70

Панчо — род плаща, ставший затем традиционной одеждой Гарибальди во время: всех его военных походов.

71

Так называют провинцию Риу-Гранди.

72

Серра-ду-Эспиньясу — главный горный хребет Бразилии. Горы тянутся параллельно ее восточному побережью, вдоль которого раскинулся один из самых прекрасных и самых огромных лесов мира.

73

Фок-мачта — передняя мачта на судне.

Ванты — канаты, которые придерживают с боков мачты.

75

Мои действия во время катастрофы могут показаться невероятными тем, кому не приходилось бывать в море. Моряк же сочтет их вполне реальными, учитывая, что во время бури после трех мощных валов бывает, как правило, момент затишья; в это-то время я и пытался помочь товарищам.

76

В лагуне Санта-Катарина находился город, называвшийся также Лагуна.

77

Речь идет о Луиджи Карнильо и Эдоардо Мутру.

78

Это место из воспоминаний Гарибальди не ясно, и оно вызвало много споров и различных толкований у друзей и биографов героя. На таинственность этих строк первым обратил внимание Александр Дюма-отец, которому Гарибальди доверил свою рукопись и который был редактором и издателем первоначального варианта его мемуаров. (1860). Когда Дюма заметил это место в рукописи, он сказал Гарибальди: «Прочитайте, дорогой друг, — это фраза, мне кажется, не очень ясна». Гарибальди прочитал и со вздохом ответил: «Надо, чтобы это так осталось» (см.: A. Dumas. Memorie di Giuseppe Garibaldi. Milano, Ed. Sonzogno, 1957, p. 89).

Никто не смог с достоверностью сказать, кто же такой был этот отмщенный. Одни считают, что речь идет о муже Аниты, от которого Гарибальди, якобы, оторвал свою любимую; другие полагают, что Анита до встречи с Гарибальди замужем не была, но у нее был жених и что в воспоминаниях речь идет о нем; некоторые допускают, что Гарибальди имел в виду отца Аниты, который, якобы, сопротивлялся уходу дочери в отряд героя. Но никто не приводит бесспорных доказательств для подтверждения своей гипотезы.

Гарибальди встретился с Анитой в 1839 г. Самоотверженной бразильянке, проявлявшей впоследствии чудеса храбрости и героизма в борьбе за свободу, тогда было 18 лет.

О различных толкованиях указанного места мемуаров Гарибальди см.: G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 184–198.

Эти три судна были названы в честь тех местностей, где республиканцы одержали победы.

80

Большой голет с квадратным носом.

81

В Национальном издании окончательного варианта мемуаров Гарибальди допущена явная описка — пропущена частица «не» (том II, стр. 84). В первом издании этого же варианта воспоминаний, а также в одном из вариантов до их пересмотра в 1872 г. частица «не» имеется, (см.: G. Garibaldi. Memorie autobiografiche. Firenze, 1888, p. 61; G. Garibaldi. Memorie. Vol. I. Bologna, Ed. nazionale, 1932, p. 49).

Мы говорим об описке, так как в предисловии редакции к Национальному изданию указывается, что текст мемуаров воспроизводится по рукописи без исправлений описок или явных ошибок. Но возможно, что здесь типографская опечатка, поскольку в упомянутых выше двух других изданиях этой описки нет.

О различных вариантах мемуаров Гарибальди и о принципе, принятом при их публикации, смотрите в статье к настоящему изданию.

82

Ганадо — стадо быков или коров, предназначенных для пропитания войск, которые двигаются без всякого обоза.

83

Кавальядос — запасные лошади, необходимые в этих странах, где основную часть войск составляет кавалерия; так как лошади содержатся на подножном корму, то каждому необходимо иметь трех лошадей; одну под седлом и двух запасных.

Мато — лес.

85

Ныне из превосходного сочинения профессора Филопанти «Вселенная» [1] я вижу, что эти две реки — самые большие на земле; до этого я полагал, что величайшей рекой на свете является Миссисипи.

[1] Филопанти, Квирико (1812–1894) — писатель, ученый и деятель демократического движения. Член секретариата Учредительного собрания Римской республики в 1849 г. Сражался в рядах Гарибальди в 1866 и 1867 гг. Первый том его труда «L universo», на который ссылается Гарибальди, вышел в 1871 г. Видимо Гарибальди здесь имеет в виду многоводность реки Амазонки: по многоводности бассейн этой реки является самым большим на Земле (более 7 млн. км^2), по длине же она занимает третье место на земном шаре. Длина реки Миссисипи равна 3950 км; вместе со своим притоком Миссури — Миссисипи является длиннейшей рекой в мире — около 7000 км.

86

Генерал Бенто Мануэль впоследствии предал республику и перешел на сторону имперских войск.

87

Это название обширной и прекрасной провинции Риу-Гранди-ду-Сул дали, вероятно, первооткрыватели, поскольку на севере Бразилии есть провинция с таким же названием.

88

Говядина, служащая основным продуктом питания американских воинов, зажаривается кусками, надетыми на ветки деревьев, с тем чтобы ее легко было унести с собой.

89

Сторонники императора называли республиканцев farrapos (оборванцами), а те в свою очередь окрестили своих противников сагашиги, что означает на местном диалекте — пожарники.

90

Хороши склонности у последователя Беккариа [1], противника войн! Но что поделаешь, я столкнулся на своем жизненном пути с австрийцами, священниками и деспотизмом.

[1] Беккариа, Чезаре (1738–1794) — итальянский юрист и буржуазный просветитель. Автор известной книги «О преступлениях и наказаниях» («Dei delitti e delle pene», 1764), в которой выступал за освобождение личности от феодального гнета, за смягчение наказаний и отмену пыток и смертной казни. Эта книга была смелым выступлением против реакционных порядков, ее комментировали Вольтер и Дидро.

91

Станете столь же нетребовательными… — речь идет об умеренности в образе жизни, в потреблении, пример о которой Гарибальди привел несколькими строками выше.

92

Гарибальди, Менотти (1840–1903) — старший сын Джузеппе Гарибальди, генерал и политический деятель. Сражался в добровольческих отрядах отца начиная с 1859 г. Под командованием Джузеппе Гарибальди участвовал в австро-итало-французской войне 1859 г., в экспедиции «Тысячи» в 1860 г., в походах на Рим в 1862 и 1867 гг., в австро-итальянской войне 1866 г. и франко-прусской войне в 1870–1871 гг. (на стороне Франции). За отвагу и преданность Французской республике Менотти Гарибальди заслужил большое уважение коммунаров Парижа: он был избран членом Парижской Коммуны, хотя участия в ее работе не принимал. В 1876–1900 гг. был депутатом итальянского парламента.

93

Сеттембрина — деревня неподалеку от Порту-Алегри, названная так республиканцами в честь месяца, в который была провозглашена Республика. До этого она именовалась Виамао (вижу реку), потому, что с этого места были видны пять рек, образующих Риу-Гранди.

94

Республика не платила своим воинам, но их служба от этого не становилась менее ревностной.

95

О чем ведет переговоры с Англией.

96

«Опоясаться чужим мечом…» намек Гарибальди на защиту войсками Наполеона III светской власти папы.

«Актом самоубийства» Гарибальди называет закон «О гарантиях прерогатив папы и святого престола и о взаимоотношениях государства и церкви», который был принят итальянским парламентом 13 мая 1871 г. в связи с ликвидацией светской власти папы. Этот закон предоставлял католической церкви в Италии широчайшую свободу действий: государство гарантировало неприкосновенность личности «верховного первосвященника»; папе была гарантирована свобода сношений с католическим миром и предоставлено право принимать представителей иностранных государств с сохранением за ними всех привилегий, которыми пользуется дипломатический корпус; папе были оставлены Ватиканский и Аатеранский дворцы; кроме того, итальянское правительство обязалось выплачивать Папскому престолу ежегодно 3 225 000 лир.

«Закон о гарантиях» не осуществил полностью отделение церкви от государства и отражал половинчатую политику либеральной буржуазии, не желавшей обострять конфликт с Ватиканом. Но папа Пий IX решительно отказался от примирения с итальянским государством и предал анафеме всех тех, кто участвовал во взятии Рима.

Уступки и привилегии церкви, предусмотренные законом, огромная денежная рента, назначенная папе при тяжелом финансовом кризисе в стране, вызвали мощный протест демократических кругов; и Гарибальди, который всю свою жизнь боролся с церковным мракобесием, не мог без гнева упоминать «Закон о гарантиях».

Так как в этих странах едят только мясо, добываемое с помощью коня и аркана, то естественно, что во время неурожая одни лишь кавалеристы бывают обеспечены пропитанием, пехота же часто страдает от голода.

Taquara — громадный тростник.

100

Анта — это животное, как говорят, имеющее сходство с ослом; мясо этого чрезвычайно смирного животного очень вкусно, а кожа идет на изготовление очень прочных и элегантных вещей. Я видел только его кожу и никогда его самого.

101

Говоря об этом времени, я вспоминаю с любовью и благодарностью о великодушном отношении ко мне Дж. Б. Кунео, всегда остававшегося моим верным другом, о братьях Антонини и Джованни Риссо.

102

Анцани, Франческо (1809–1848) — сподвижник Гарибальди, деятель демократического крыла национально-освободительного движения. Сражался за свободу в Греции, Португалии и Испании. В 1838 г. эмигрировал в Южную Америку, где встретился с Гарибальди и стал одним из наиболее близких его друзей.

103

Речь идет об Аргентине, диктатор которой М. Росас стремился подчинить себе Уругвайскую республику и вел против нее войну.

В частности был убит один храбрый итальянский офицер по имени Покароба, из Генуи; ему оторвало ядром голову.

105

Кавалло Гуатья — Белый конь

106

Здесь память изменяет Гарибальди: в действительности это случилось 15 августа 1842 г.

107

Т. е. 16 августа 1842 г.

108

Дублон — старинная золотая испанская монета; содержала около 7,5 г чистого золота.

109

Открытие Колумба не оправдало надежд испанского правительства, рассчитывавшего сделать из него немедленно источник огромных доходов. После третьего плавания (1498 г.) против Колумба ополчились придворные круги. Посланный на Гаити для проверки его действий Ф. де Бобадилья отправил Колумба, закованного в цепи, в Испанию. Хотя Колумб и был освобожден, но его лишили привилегий, которыми он пользовался как человек, сделавший великие открытия.

110

Кастелли, Педро (1801–1839) — полковник, борец за свободу и независимость Аргентины, внук выходца из Италии (Ниццы). С юношеских лет посвятил себя военной деятельности, самоотверженно сражался против диктатуры Росаса. В ноябре 1839 г. после разгрома революционных сил, был схвачен сторонниками Росаса и обезглавлен. Для устрашения народа голова его была наткнута на специально сделанную длинную пику, которую укрепили на центральной площади в Буэнос-Айресе, где она стояла длительное время.

111

Борсо ди Карминати, Гаэтано (1799–1841) — участник освободительного движения в Италии (Пьемонте). После подавления революции 1821 г. бежал в Испанию, где сражался на стороне конституционалистов. Затем эмигрировал в Англию, потом во Францию, где участвовал в июльской революции 1831 г. Был связан с Джузеппе Мадзини и вступил в тайную революционную организацию «Молодая Италия». Потом снова эмигрировал в Испанию, где сражался на стороне противников претендента на престол — Дон Карлоса. За участие в заговоре против диктатуры генерала Эспартеро был арестован и в ноябре 1841 г. расстрелян.

112

Здесь Гарибальди имеет в виду Францию, пославшую в 1849 г. в Италию экспедицию генерала Удино для уничтожения Римской республики в «благодарность» за то, что многие итальянцы, в том числе упомянутый двумя строками выше Борсо ди Карминати, проливали свою кровь за Французскую республику.

113

В русле больших и малых рек существуют фарватеры, в которых более глубокое дно и более быстрое течение.

114

Кориолан, Гней Марций — по древней римской легенде — патриций, изменивший своему народу. Прозвище Кориолан получил за взятие города племени вольсков — Кориола (493 г. до н. э.). Изгнанный из Рима в ходе борьбы с плебеями, он перешел на сторону вольсков — врагов Рима — и повел их армию на Рим, осаду с которого снял только по просьбе матери.

Легенда о Кориолане послужила сюжетом драмы В. Шекспира «Кориолан».

115

Лавалле был одним из храбрых аргентинских генералов, непримиримым противником тирана Росаса.

116

Серро — гора примерно в шести милях к западу от Монтевидео, основание которой, омываемое рекой, образует западную границу гавани.

117

Сражение произошло 10 июня 1843 г.

Это было в марте 1844 г.

119

Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выставленный вперед с носа корабля у парусных судов. Служит для вынесения вперед носовых парусов, для улучшения маневренных качеств судна.

120

Альбион — древнейшее название Англии.

121

Это сражение произошло 17 ноября 1843 г. Здесь, как и в ряде других случаев, Гарибальди рассказывает о событиях не в хронологическом порядке.

122

Бахада — название места переправы через реку Пантаносо.

123

24 апреля 1844 г.

Pantanoso (исп.) — болотистый, топкий.

125

После боя генерал Пас пожал мне руку и сказал: «Сегодня я убедился, что итальянцы действительно бесстрашны!»

126

Это было 28 марта 1844 г.

127

Крепость Серро расположена на очень высоком месте, на белокаменном холме. Увидев его с носа впервые появившегося здесь корабля, юнга-португалец воскликнул «Monte vide eu», т. е. «Вижу гору»; так возникло название Монтевидео.

Гарибальди здесь не точен: это было в августе 1845 г.

129

Напомню читателю, что Монтевидеоская республика называется Восточная Республика Уругвая (Republica Oriental dell'Uruguay), так как она расположена на восточном берегу этой реки; отсюда народ этой страны носит название восточного.

«Brigands d’iialiens» (франц) — итальянских разбойников.

131

Для одного из этих обитателей южноамериканских степей самой необходимой и вкусной пищей было жаркое, приготовленное им из мяса отличного молодого быка. Я видел, что он улыбается с сожалением, наблюдая, как я ем куропаток.

132

Гауччо — житель степей.

133

Ganados manso — Одомашненный рогатый скот.

Majada — отары овец.

135

Ganado chucro или alzado — дикие животные.

136

Речь идет о реке Итапеби — притоке реки Уругвай.

137

Балленера — небольшая барка.

138

В окрестностях этого города много порогов, и один из них — самый крупный в верховьях реки между Эрвидеро и Сальто — испанцы, как известно, и называют Сальто.

139

Cavallada — табун лошадей.

140

Центавр — мифическое существо у древних греков — получеловек-полулошадь. Здесь Гарибальди называет «центаврами» переплывающих через реку всадников.

141

Carona — кусок грубой кожи, которую кладут под седло. Когда нужно — связывают четыре угла этой кожи так, что образуется маленькая лодочка, способная вместить оружие и вещи; эта лодочка, плывущая за конем, к хвосту которого ее привязывают, и называется pelota.

«Ah che по?» — «Что же вы не подходите?»)

143

Микка, Пьетро (1677–1706) — итальянский солдат, совершивший героический поступок. Он служил в пьемонтской армии во время осады французами Турина (столица Пьемонта). Когда французские солдаты проникли в галерею, ведущую в Цитадель, которую Микка, вместе с другими солдатами, охранял, он взорвал мину, похоронив себя под руинами галереи и не допустив французов в Цитадель.

144

«Черные дела предателей… и чванливых соседей…» — здесь Гарибальди имеет в виду лидера итальянских либералов графа К. Кавура и Наполеона III; он напоминает о тайной сделке между Кавуром и Наполеоном III на свидании в Пломбьере летом 1858 г. На этом свидании было решено начать войну против Австрии. Согласно договоренности, после победы над Австрией Пьемонт должен был получить Ломбардию и Венецию, а в виде компенсации уступить Франции Савойю и Ниццу. Эта тайная сделка, которую Гарибальди здесь расценивает как торговлю родиной, вызвала глубокое негодование народного героя сразу же, как только он узнал об этом.

Позже, в апреле 1860 г., когда открылся Субальпийский парламент (так стал называться парламент, в который были избраны депутаты не только от Пьемонта, но и от Ломбардии и Центральной Италии), Гарибальди явился в парламент и, как депутат от города Ниццы, произнес страстную обличительную речь по поводу этой сделки, называя Кавура предателем и изменником и требуя отставки правительства, которое Кавур возглавлял тогда.

145

Битва Итальянского легиона под командованием Гарибальди у Сант-Антонио — одна из наиболее славных в борьбе Уругвайской республики за свою независимость. За эту битву правительство наградило Легион знаменем с надписью: «За сражение 8 февраля 1846 года — Итальянскому легиону под командою Гарибальди», а в зале заседаний правительства на стенах были выгравированы имена убитых в этом сражении.

146

Здесь Гарибальди дает не точное определение событиям, происшедшим в Монтевидео, хотя ниже он правильно оценивает их: речь идет не о революции, а о военном перевороте консервативных сил, группировавшихся вокруг Риберы.

147

Los gringos — итальянцы.

Эти дивизии по своей численности значительно уступают европейским и состоят главным образом из кавалерии.

149

Maciega — затвердевшая трава.

150

Болас представляет одно из самых страшных видов оружия американской кавалерии. Оно состоит из трех железных шаров, как правило, обшитых кожей, которые связаны тремя ремнями (тоже из кожи), чьи концы соединены. Кавалеристы — эти подлинные центавры Южной Америки — обращаются с этим оружием следующим образом: держа один шар в руке, они вращают другие в воздухе над головой, несясь на бешено мчащемся коне. Если болас обовьется вокруг ног животного, оно останавливается и чаще всего падает. Таким способом многих захватывают в плен. Горе тому, чей конь устал после боя. Мне приходилось видеть, как с помощью болас останавливают также страусов.

151

Каре — линейный строй пехоты в форме четырехугольника; применялся главным образом для отражения кавалерийских атак.

Сбережения у итальянских патриотов были незначительные. Для того, чтобы собрать сумму, необходимую для найма корабля, многие легионеры продали часть своей одежды.

153

Франческо Анцани скончался в Генуе вскоре после прибытия в Италию — 5 июля 1848 г.

Плавание до берегов Италии длилось 67 дней.

155

Город по-итальянски женского рода (la citta); говоря «сто городов-сестер» совершили революцию, Гарибальди тем самым подчеркивает, что революция охватила всю Италию.

156

Ниццу, которую наши современные великие люди продали иноземцу как лоскут, лоскут, им не принадлежащий (См. прим. 2 к гл. 45 первой книги).

Гарибальди здесь не точен: они высадились в Ницце 21 июня.

158

Речь идет о героях обороны Римской республики 1849 г.

159

Минчо — река в северной Италии, где в то время проходили бои между пьемонтской и австрийской армиями.

160

В марте 1848 г., после того, как в результате народного восстания австрийская армия была изгнана из главного города Ломбардии Милана, началась австро-итальянская война. Народные массы всех итальянских государств требовали объявления войны Австрии. Пьемонтский король Карл Альберт первым объявил войну: он стремился присоединить Ломбардо-Венецианское королевство к своему государству. Гарибальди и многие другие деятели демократического крыла национально-освободительного движения добивались в первую очередь объединения всех национальных сил в борьбе против австрийского гнета, поэтому Гарибальди и его соратники сразу же объявили о своей готовности участвовать в составе пьемонтской армии в войне против Австрии. Вождь республиканцев Мадзини также готов был сотрудничать с Карлом Альбертом, но при условии, что король торжественно объявит, что будет добиваться объединения всей Италии. Некоторые друзья Мадзини, например такие видные деятели демократического движения как К. Каттонео, Дж. Феррари и др., выступали против сотрудничества с Карлом Альбертом в освободительной войне, так как считали, что борьба за демократические институты должна предшествовать борьбе за независимость и единство Италии.

161

Как только Гарибальди приехал в Италию он сразу же публично заявил — как в Ницце, так и в Генуе — что он является сторонником республиканцев, но добавил, что в настоящий момент обязанность итальянцев — присоединиться к Карлу Альберту в войне против Австрии. Но были среди друзей Гарибальди и такие, как Дж. Медичи, который считал себя «непримиримым республиканцем» и уговаривал Анцани, чтобы тот посоветовал Гарибальди отказаться от участия в составе пьемонтской армии в войне против Австрии. Известно, что Медичи впоследствии стал монархистом. На этот факт с горечью и намекает Гарибальди, говоря о слугах монархии.

Собреро, Карло — пьемонтский генерал; был назначен Временным правительством Ломбардии военным министром.

163

Красная рубашка — форма гарибальдийцев, она возникла в Монтевидео в 1843 г. при организации Итальянского легиона. Красная рубашка стала впоследствии символом революционно-демократического движения в Италии. Краснорубашечники Гарибальди вызывали любовь и уважение широких народных масс и внушали страх врагам революции. Существует много объяснений идеи Гарибальди при выборе красного цвета для формы легионеров. Некоторые объясняют это случайными обстоятельствами: коммерческая фирма в Монтевидео предложила правительству Уругвая готовые красные рубашки по удешевленной цене; другие полагают, что мысль о выборе красного цвета для формы внушил Гарибальди художник Г. Галлино — тот, который сделал портрет Гарибальди и его жены Аниты. Некоторые авторы считают, что Гарибальди выбрал красный цвет, так как этот цвет являлся символом ряда революций в Европе и он импонировал Гарибальди— революционеру и республиканцу по своим взглядам (см.: G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 264).

164

Город «пяти дней» — речь идет о революции в Милане, длившейся пять дней с 18 по 22 марта 1848 г. Пятидневные упорные баррикадные бои героических миланцев привели к изгнанию австрийской армии во главе с фельдмаршалом Радецким не только из Милана, но из всей Ломбардии. 22 марта в Милане было образовано Временное правительство во главе с либералом Г. Казати. Ф. Энгельс писал, что своей героической борьбой народ Милана совершил «самую славную революцию из всех революций 1848 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 259).

165

В сражении при Кустоце 25 и 26 июля 1848 г. пьемонтская армия потерпела сильное поражение; после того она беспорядочно отступала к Милану. В ночь с 5 на 6 августа Карл Альберт покинул Милан и вместе с остатками своей армии вернулся в Пьемонт. 9 августа начальник генерального штаба пьемонтской армии генерал К. Саласко подписал капитулянтское перемирие, которое вошло в историю под его именем. Весть о поражении и капитуляции настигла Гарибальди 4 августа в Монце. 13 августа Гарибальди опубликовал прокламацию, в которой резко осудил капитулянтскую политику Карла Альберта и призывал к продолжению освободительной войны.

166

28 марта 1872 г. Теперь его нет в живых. К нему я, по обыкновению, не питаю вражды, — особенно, когда речь идет о покойном. Однако, описывая исторические события, я считаю себя обязанным спокойно отмечать несправедливости, которые он проявлял ко мне в разных обстоятельствах.

167

Гарибальди здесь неправ в своей критике Мадзини: Мадзини не требовал в то время немедленно провозгласить республику, иначе он не присоединился бы к отряду Гарибальди. Мадзини выпустил в те дни прокламацию, под которой он с гордостью подписался: «Джузеппе Мадзини, боец Легиона Гарибальди» (см.: G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 393).

168

Цукки, Карло (1777–1863) — итальянский генерал и политический деятель либерального направления. В молодые годы служил в наполеоновской армии. Был произведен Наполеоном I в генералы и получил титул барона империи. В 1831 г. возглавлял отряд волонтеров в Романье (Папское государство); за что и был арестован папскими властями и осужден на смертную казнь, замененную ему пожизненным заключением. Освободился в начале революции 1848 г. и в сентябре того же года был назначен военным министром Папского государства.

169

Шанец — земляной окоп, общее название полевых или временных укреплений.

170

Согласно условиям шестинедельного перемирия демаркационная линия между воюющими армиями становилась границей; пьемонтские войска должны были покинуть все занимаемые ими в Ломбардии, Венеции и в герцогствах крепости, пьемонтский флот должен был уйти из Адриатического моря.

171

Я должен воздать здесь похвалу достопочтенной госпоже Лауре Мантегацца. Еще не окончился бой, как появилась эта великодушная женщина, которая, переплыв озеро на лодке, стала собирать всех без различия раненых и отводить в свой дом, где заботилась о них. Будь она благословенна!

172

Даверио, Франческо (1815–1849) — итальянский революционер, друг Мадзини. В августе 1848 г. Мадзини его направил из Швейцарии в отряд Гарибальди. Самоотверженно сражался при обороне Римской республики в 1849 г. Был назначен начальником штаба Легиона Гарибальди. Пал смертью храбрых 3 июня.

173

Одной из главных трудностей подобной войны в Ломбардии тех дней, столь мало привычной к военным действиям, были большие скопления неприятельских сил; жители повсюду видели неприятеля и запугивали им наших молодых воинов.

174

Саламандра — в средневековых поверьях — «дух», якобы живущий в огне и олицетворяющий стихию огня.

Это заключение Гарибальди не обосновано: Мадзини не давал Медичи никаких указаний для ответа; это было мнение самого Медичи. Но замечание Гарибальди является одним из доказательств того, что натянутые отношения между ним и Мадзини в большой мере зависели от окружавших Мадзини людей, среди которых были лица, способствовавшие созданию недружелюбной атмосферы. Одним из них в то время был Медичи.

Речь идет о герцогствах Парма и Модена.

177

Видимо Гарибальди имеет в виду Джино Каппони (1792–1876), который возглавлял в то время (август — октябрь 1848 г.) кабинет министров Тосканы. Предположение, что Гарибальди говорит здесь именно о нем, а не о великом герцоге тосканском Леопольде II, подтверждается тем, что всего двумя страницами ниже он упоминает герцога, отмечая, что хотя герцог находился в тосканской столице, но бразды правления держал в своих руках первый министр Монтанелли (о нем см. ниже), возглавлявший кабинет Тосканы с конца октября 1848 г. Тем самым Гарибальди подчеркивает, что в создавшихся условиях в герцогстве главную роль играл не Леопольд II, а глава кабинета министров. Маркиз Дж. Каппони был одним из лидеров либерально-монархического дворянства и буржуазии. Хотя во время его пребывания у власти он не именовался диктатором, но он провел ряд чрезвычайных мероприятий реакционного характера. Правительство Каппони издало закон об осадном положении, закрывало клубы, арестовало многих патриотов — видных деятелей демократического движения. Антидемократическая политика Каппони вызывала резкие протесты трудящихся и привела к восстанию рабочих и ремесленников города Ливорно.

178

Росси, Пеллегрино (1787–1848) — итальянский политический деятель, юрист. Перешел на французскую службу и с 1845 г. был послом Франции в Папском государстве. Оказывал значительное влияние на политику Пия IX. Стремился укрепить власть папы при помощи компромиссов с правыми либералами. 15 сентября 1848 г. Пий IX поручил ему сформировать правительство, имевшее своей основной целью расправу с патриотическим демократическим движением. Росси возглавлял правительство в течение двух месяцев — до убийства его 15 ноября 1848 г.

О Цукки — см. прим. 1 к гл. 3 второй книги.

179

8 августа 1848 г. вооруженные народные массы, преимущественно рабочие и ремесленники, оказали героическое сопротивление вступлению войск австрийского маршала Вельдена в Болонью (Папское государство).

180

Речь идет о Сеттимо, Руджеро (1778–1863), который был председателем Генерального комитета, созданного в Палермо вскоре после начала революции в январе 1848 г., а затем — главой Временного правительства Сицилии. Сеттимо был участником сицилийской революции 1820 г. Семидесятилетний адмирал в отставке бурбонского военно-морского флота, он в период революции 1848–1849 гг. пользовался большим авторитетом. Он был аристократом и придерживался умеренно-либеральных взглядов. Пытаясь ставить себя выше партийных интересов, он был противником решительных действий против Бурбонов и делал уступки правым силам.

181

Гуеррацци, Франческо Доменико (1804–1873) — итальянский писатель и политический деятель, умеренный буржуазный демократ. Играл видную роль в период революции 1848–1849 гг. в Тоскане. Вошел в правительство Монтанелли в октябре 1848 г.; в феврале 1849 г., после бегства Леопольда II, был избран членом Временного правительства Тосканы; в течение двух недель — с 27 марта по 11 апреля 1849 г. — был диктатором Тосканы.

182

Монтанелли, Джузеппе (1813–1862) — итальянский политический деятель, буржуазный демократ; профессор права. В 1848 г. участвовал в освободительной войне против Австрии во главе отряда волонтеров. В октябре 1848 г. возглавил правительство Тосканы. Выдвинул требование созыва итальянского Учредительного собрания; в феврале 1849 г. был избран членом Временного правительства Тосканы.

183

Куртатоне — коммуна в провинции Мантуя (северная Италия). 29 мая 1848 г. здесь произошла кровопролитная битва между австрийскими войсками (ок. 20 000 чел.) и тосканской дивизией (5400 чел.), которой командовал генерал К. де Ложье. Тосканцы оказывали героическое сопротивление австрийцам, затянули битву на целый день, чтобы их удержать и тем самым дать возможность пьемонтскому войску сосредоточиться на реке Минчо. Почти третью часть своего состава потеряла тосканская дивизия, из них около 700 человек убитыми и ранеными. Был тяжело ранен и взят в плен Монтанелли. Но тосканскому правительству удалось добиться его освобождения, так как он был депутатом Генерального совета.

184

Мы отказались от земель, предложенных нам президентом Республики Монтевидео.

185

Мазини, Анджело (1815–1849), по прозвищу — Мазина. Итальянский патриот, с юношеских лет участвовал в освободительном движении; с 1831 г. — в эмиграции; сражался в Испании против сторонников Дон Карлоса. В 1843 г. вернулся в Италию, где несколько раз подвергался аресту. Участвовал в освободительной войне 1848 г. Героически сражался в рядах Гарибальди при обороне Римской республики; был произведен в полковники. Убит у Виллы Корсини 3 июня 1849 г.

186

Гавацци, Алессандро (1809–1889) — священник, приобщившийся к патриотическому демократическому движению. Выступал с пламенными речами против тирании, папства и иностранного гнета. В период революции его выступления оказывали революционизирующее воздействие на народные массы. Был главным священником народной армии Римской республики в 1849 г.

187

«Властительница Адриатики» — Венеция.

Этими словами следовало бы украсить новый словарь в этот век воров, и поставить их рядом с Французской республиканской республикой.

189

«Удар римского кинжала» — убийство П. Росси в Палаццо делла Канчеллерия (15 ноября 1848 г.) неизвестным из толпы волонтеров, встретившей его возгласами негодования у входа в здание парламента.

190

О Беккарие — см. прим. 1 к гл. 25 первой книги.

191

Брут, Марк Юний (85–42 до н. э.) — римский политический деятель, один из убийц Юлия Цезаря. Впоследствии образ Брута идеализировали: в нем видели борца за республику против тирании.

192

«Министр-карлик» — Тьер, Луи Адольф (1797–1877). В годы июльской монархии во Франции Луи Филиппа неоднократно занимал министерские посты, принимал участие в подавлении рабочих восстаний в Париже и Лионе. В 1871 г. — палач Парижской Коммуны.

193

Гармодий (или Армодий) — афинский юноша (VI в. до н. э.), который, вместе со своим братом Аристогитоном, организовал заговор против тиранов Гиппия и Гиппарха (сыновья Пизистрата), оскорбивших его сестру. Гиппарха удалось убить, но стража, окружавшая его, схватила Гармодия и изрубила, а после пыток был казнен и его брат. Впоследствии на двух погибших юношей афиняне стали смотреть, как на освободителей от тирании, их прославляли поэты.

194

Пелопид (IV в. до н. э.) — греческий политический деятель и полководец, демократ. Организатор заговора против фиванской олигархии; заговорщикам удалось проникнуть в Фивы и убить тиранов, после чего в городе была восстановлена свобода.

195

В Ломбардии вместе со мной служил сын Росси, достойный и храбрый офицер. Некоторые хотели бы изобразить его отца как гения. Но гений и достойный человек обязаны служить своей родине, а папство тогда предавало ее.

196

Экзархат — наместничество византийского императора в Италии с резиденцией наместника или экзарха в Равенне, расположенной в Романье (северной части Папского государства) недалеко от побережья Адриатического моря. Равенский экзархат был установлен в 555 г. и длился около двух столетий. В 752 г. Равенский экзархат был завоеван лангобардами.

197

В ночь с 24 на 25 ноября 1848 г. папа Пий IX, который испугался развертывавшихся революционных волнений в Риме, переодевшись, бежал в пограничную неаполитанскую крепость Гаэту.

198

Алъфъери, Витторио (1749–1803) — итальянский поэт, создатель классической трагедии («Виргиния», «Заговор Пацци» и др.); выступал против тирании, был сторонником объединения Италии.

199

Холм Джаниколо — в Риме; наиболее высокий из римских холмов. На Джаниколо установлен памятник Гарибальди.

200

Форум — площадь в древнем Риме перед Капитолием, на которой проходили народные собрания и совершался суд и где сосредоточивалась общественная и политическая жизнь Рима.

201

О Даверио см. прим. 1 к гл. 4 второй книги.

202

Басси, Уго (1801–1849) — итальянский патриот, монах-проповедник Ордена барнабитов, бывший капеллан папской армии, ставший затем республиканцем; присоединился к Легиону Гарибальди и героически сражался при обороне Римской республики. Был схвачен австрийцами во время отступления отряда Гарибальди из Рима и, после мучительных пыток, расстрелян (8 августа 1849 г.).

203

Под давлением революционных выступлений в королевстве Обеих Сицилий Фердинанд II Бурбон вынужден был уступить требованиям народа и согласиться на отправку в северную Италию волонтерских соединений и небольших контингентов регулярных войск для участия в войне против Австрии. Однако 15 мая 1848 г. Фердинанд II совершил контрреволюционный переворот, организовал кровавые оргии для расправы с восставшим народом и вскоре после того отозвал свои войска с театра военных действий.

204

Выборы в Учредительное собрание состоялись 21 января 1849 г. Собрание открылось 5 февраля. На первом же заседании Гарибальди потребовал немедленного провозглашения республики, как «единственной формы правления, которой заслуживает Рим». Лишь 8 февраля, после длительных обсуждений, Собрание приняло декрет о провозглашении Римской республики.

205

Здесь Гарибальди славит гений народа древнего Рима, который мужественно боролся против тирании.

206

Гарибальди имеет в виду шовинистические элементы во Франции.

207

Речь идет о вооруженной интервенции Франции против Римской республики.

Шутовской император — Наполеон III.

209

Первые контингенты французского экспедиционного корпуса под командованием генерала Удино высадились в Чивита-Веккье 25 апреля. Интервенция имела целью подавление Римской республики и восстановление светской власти папы. Французское правительство скрывало от народов Франции и Италии действительные цели интервенции, и заявило, что экспедиция предпринята, чтобы воспрепятствовать австрийско-неаполитанской интервенции против Римской республики и содействовать посредничеству между Пием IX и римлянами.

210

Авеццана, Джузеппе (1797–1879) — итальянский генерал и политический деятель. За участие в революционных выступлениях части офицерства пьемонтской армии в 1821 г. был приговорен к повешению. Но ему удалось бежать за границу. Участвовал в борьбе против Дон Карлоса в Испании и в освободительном движении в Мексике.

В Италию вернулся в 1848 г. Короткое время служил в пьемонтской армии. Поддерживал демократов; в конце марта и в первых числах апреля 1849 г. участвовал в восстании генуэзцев, требовавших продолжения войны против Австрии. Не был амнистирован пьемонтским правительством и to апреля 1849 г. бежал в Римскую республику.

211

Мамели, Гоффредо (1827–1849) — итальянский поэт-демократ, сторонник Мадзини, автор патриотических стихотворений и песен, призывавших к борьбе за освобождение родины от тирании и ее объединение («Братья итальянцы», «Военный гимн» и др.). Пользовался любовью народных масс. Героически сражался при обороне Римской республики и умер от заражения крови при ампутации ноги после тяжелого ранения.

212

Де Кристофорис, Карло (1824–1859) — итальянский писатель, военный и политический деятель, социолог. Сражался на баррикадах во время пятидневной революции в Милане (1848 г.); участвовал в войнах против Австрии в 1848 и 1859 гг. и в миланском восстании 1853 г. Был убит в сражении при Сан-Фермо в мае 1859 г.

213

Гарибальди здесь, ошибается, упоминая имя одного из трех братьев революционеров Боннэ: в обороне Римской республики участвовал не Нино, а два его брата — Гаэтано и Раймондо (Нино Боннэ был послан Мадзини с поручением за пределы Рима). Гаэтано был адъютантом Мадзини и пал вместе со своим храбрым командиром при сражении у Виллы Куаттро Венти, а Раймондо был ранен при обороне Рима и следовал за Гарибальди при его отступлении из Рима в Сан-Марино (см.: G. Sacerdote. La vita di Ciusseppe Garibaldi, p. 485–486).

Агуяр — негр; он сражался в Легионе Гарибальди в Уругвае и вместе с ним поехал в Италию, чтобы бороться за ее свободу.

Я буду писать о Мадзини в спокойном тоне, однако я не хочу обманывать самого себя; говоря о Мадзини, я имею в виду римское правительство, ибо Мадзини на деле был диктатором Рима. Он не хотел взять на себя ответственность, связанную с этим титулом, но всем известно, что он обладал властью, которую мог бы дать такой титул, если учесть благородный и обходительный характер триумвиров Саффи и Армеллини [5]. Итак, диктатор Мадзини, чьей тенью были Авеццана и я, сослал первого в Анкону, меня оставил оборонять ворота Сан-Панкрацио. Главнокомандующим был назначен полковник Росселли, который, я убежден, великолепно выполнил бы свои обязанности, командуя своим полком; однако у него не было достаточного опыта, чтобы возглавить командование армией республики [6].

[5] Лидер итальянских демократов Джузеппе Мадзини стремился превратить римскую революцию в основную движущую силу итальянской революции и считал необходимым установить временную революционную диктатуру. Несмотря на поражение пьемонтской армии в марте 1849 г. при Новаре, Мадзини, Гарибальди и другие руководители демократического движения считали необходимым продолжать войну. 29 марта Учредительное собрание приняло решение об образовании триумвирата, которому предоставлялись «неограниченные полномочия для ведения войны и спасения республики». В триумвират были избраны: К. Армеллини, Дж. Мадзини и А. Саффи. Мадзини был «душой» триумвирата и вдохновителем всех мероприятий правительства Римской республики.

[6] Замечание Гарибальди справедливо: полковник Пьетро Росселли, который правительством Республики был произведен в генералы, не был талантливым офицером и не имел опыта ведения военных действий. Назначение его главнокомандующим армией Республики было ошибкой правительства.

216

Здесь речь идет о Мадзини. Утверждение Гарибальди, что Мадзини побуждал его легионеров дезертировать не обосновано; о разногласиях между Мадзини и Гарибальди см. также прим. 1 к гл. 5 второй книги.

Хотя Гарибальди преувеличивает возможный исход войны при изменении военной тактики, его критика Мадзини имеет свои основания. Мадзини совершил большую ошибку, когда стягивал все военные силы республики на оборону Рима, оставив без защиты Даже границы государства. Гарибальди же совершенно правильно считал, что на оборону Рима надо поднять народные массы всей республики и что защищать столицу Надо не только у ее стен, но и боевыми действиями в тылу у противника.

218

Тиран с берегов Сены — Луи Бонапарт, будущий император Франции; в то время он еще был президентом.

219

Речь идет лишь о военной диктатуре; Гарибальди ее потребовал для осуществления своего стратегического плана, который, по его мнению, мог обеспечить разгром врага.

220

Гарибальди не принял по, ст главнокомандующего и продолжал возглавлять свой Легион.

221

Генерал Удино обманул, заявив, что 4 июня прекращает перемирие: на самом деле он в ночь на 3 июня начал бомбардировку города.

222

Некромантия — в древнем мире вызывание «духов умерших», якобы предсказывающих будущее: в средние века перешла в магию, а позднее проявлялась в форме спиритизма.

223

Здесь Гарибальди намекает на то, что Мадзини не следовал его советам.

224

2 июля Учредительное собрание Римской республики приняло решение прекратить оборону, «ставшую отныне невозможной», как говорилось в декрете.

225

Анита Гарибальди прибыла в Рим 26 июня, пройдя через линии фронта австрийцев и французов. В оставшиеся дни обороны Рима она геройски сражалась, участвуя в боях в качестве адъютанта Гарибальди.

В отряде Гарибальди было около четырех тысяч человек.

227

Намек на политику Франции и Наполеона III по отношению к Италии.

Торквемада, Томас (1420–1498) — испанский инквизитор, фанатичный и жестокий; сжег около 10 000 человек.

229

Сан-Марино — маленькая независимая республика вблизи Адриатического моря.

Из этого видно, что число моих спутников было значительным — около двухсот человек. Они поступили благоразумно: ведь многие из наших, попав в руки австрийцев, подверглись побоям, не говоря уже о расстрелах. Пусть помнят об этом итальянцы.

231

Чичеруаккьо (прозвище; действительная фамилия — Брунетти), Анджело (1800–1849) — итальянский патриот, римский ремесленник. Возглавлял народные демонстрации и выступал с пламенными речами в Риме в период революции 1848–1849 гг. Героически сражался при обороне Римской республики и отступил из Рима с отрядом Гарибальди. Был схвачен австрийцами и вместе со своими двумя сыновьями и другими патриотами расстрелян 10 августа 1849 г.

О Басси— см. прим. 2 к гл. 7 второй книги.

Гарибальди запамятовал имена трех братьев Боннэ: во время защиты Рима был ранен Раймондо. См. прим. 3 к гл. 8 второй книги.

233

Речь идет о правительстве Папского государства.

234

Остерия — трактир в Италии.

235

Здесь речь идет об итальянском народе и его предках.

236

Город Рим расположен на семи холмах.

237

Сбир — полицейский стражник в Италии.

238

Шпилъберг — австрийская тюрьма, где томилось много борцов за свободу и независимость в Италии.

239

Сан-Хуан дель Норд — порт в Никарагуа.

240

Боливар, Симон (1783–1830) — один из крупнейших руководителей освободительного движения против испанского господства в странах Латинской Америки.

241

Игра слов: райская долина, по-итальянски — «вале дель парадизо», — звучит, как «Вальпарайзо».

242

Бризы — ветры, возникающие от неодинакового нагревания суши и моря: днем влажный ветер дует с моря на сушу, а ночью — сухой ветер с суши на море.

243

Муссоны — ветры, дующие шесть месяцев с одной стороны и шесть — с противоположной.

244

Кавур, Камилло Бензо (1810–1861) — граф, лидер итальянской умеренно-либеральной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, государственный деятель Пьемонта (Сардинского королевства) и Италии. С 1852 г. возглавлял правительство Пьемонта; после создания Итальянского королевства (1861 г.) стал первым премьер-министром Италии.

245

Манин, Даниэле (1804–1857) — деятель национально-освободительного движения в Италии, республиканец. В 1848–1849 гг. возглавлял республиканское правительство Венеции. После подавления революции отошел от республиканцев и сблизился с либералами Пьемонта.

246

Паллавичино-Тривулъцио, Джорджо (1796–1878) — деятель национально-освободительного движения в Италии. В молодые годы был членом ломбардской организации карбонариев; узник Шпильбергской тюрьмы. Вместе с Лафариной и Маниным в 1856 г. организовал Национальное общество, которое стремилось объединить Италию под эгидой Пьемонта. В 1860 г. был продиктатором в правительстве Гарибальди в Неаполе, где проводил политику, угодную либералам.

Гарибальди имеет в виду Наполеона III.

248

Речь идет о поражениях, нанесенных римлянам в 218–216 гг. до н. э. карфагенским полководцем Ганнибалом (247–183 гг. до н. э.). Но после того римские полководцы взяли реванш, одержав победу в Сицилии и в Испании (211–209 гг. до н. э.). Перенеся военные действия в Африку, римляне разбили Ганнибала.

249

Так называется место на реке, где находится большой паром для переправы людей, скота и снаряжения.

250

«Либералами» паписты называли всех, кто боролся за свободу и независимость Италии.

251

Капитан Франческо Симонетта командовал небольшими кавалерийскими эскадронами, которые ему удалось собрать и которые, как обычно у нас, еще были в штатской одежде и испытывали во всем нужду. Симонетта умер, не получив чина генерала по моей беспечности.

252

Речь идет об Австрии.

253

Понтида — район в провинции Бергамо (Ломбардия). Согласно преданию в 1167 г. делегаты ряда коммун (Бергамо, Мантуи, Брешии и др.), собравшиеся в Понтиде для создания оборонительной Лиги, дали клятву самоотверженно бороться против захватнических устремлений германских феодалов, совершивших во главе с Фридрихом Барбароссой походы в Италию.

254

Кайроли, Аделайде (1806–1871) — итальянская патриотка, благословившая своих сыновей на ратные подвиги. Из пяти ее сыновей четыре отдали свою жизнь в борьбе за свободу и независимость Италии, сражаясь в рядах Гарибальди. Сама Аделайде Кайроли была одной из тех шести тысяч женщин, которые откликнулись на призыв Мадзини в 1849 г. и принимали участие в обороне Римской республики, ухаживая за ранеными и организуя снабжение армии продовольствием, одеждой и боеприпасами.

255

Гарибальди ошибается: Эрнесто не был самым молодым, он — второй по рождению в семье Кайроли.

256

Бендетто (]825–1889) — единственный из семьи Кайроли, переживший все битвы за объединение Италии, был участником эпопеи гарибальдийской «Тысячи», командуя одной из рот. Впоследствии он стал премьер-министром Италии.

257

О Манаре и Анцани смотрите примечания, к главам 7 и 29 первой книги; О Даверио и Де Кристофориса — к главам 4 и 8 второй книги.

258

Сципион Старший, Публий Корнелий (ок. 235–183 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. Во 2-й Пунической войне нанес поражение карфагенской армии и покорил карфагенские владения в Испании. В 202 г. в Африке разбил Ганнибала (при Заме). Сципион Младший (ок. 185–129 гг. до н. э.) — приемный сын Сципиона Старшего — закончил 3-ю Пуническую войну взятием и разрушением Карфагена в 146 г. до н. э.

259

Братья Гракхи — Тиберий (163–133 гг. до н. э.) и Гай (152–121 гг. до н. э.) — два римских народных трибуна, боровшиеся за проведение аграрных законов в пользу малоземельных крестьян и за ограничение прав Сената в угоду демократическим элементам.

260

Вечпро или «Сицилийская вечерня» — народное восстание в Палермо 31 марта 1282 г. против французских феодалов, завоевавших Сицилию. По преданию, восстание началось по звону колокола, призывавшего к вечерней молитве. Вскоре движение охватило всю Сицилию, и в результате продолжительной войны Сицилия освободилась от ига французских феодалов.

261

Леньяно — коммуна в Ломбардии (Северная Италия), где 29 мая 1176 г. произошла битва между армией императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, стремившегося захватить Северную Италию, и войском Ломбрадской лиги (см. прим. 8 этой главы). Войскам Барбароссы было нанесено поражение.

262

Биксио, Джероламо, по прозвищу — Нино (1821–1873) — деятель национально-освободительного движения в Италии; участвовал во всех трех австро-итальянских войнах (1848–1849, 1859, 1866). В конце 1848 г. вступил в легион Гарибальди и отличился при героической обороне Римской республики в 1849 г. Был одним из организаторов похода гарибальдийской «Тысячи» в 1860 г. Однако в этот период на него оказывали влияние сторонники Кавура.

263

Козенц, Энрико (1820–1898) — деятель национально-освободительного движения в Италии, генерал. Героически сражался при обороне Венецианской республики в 1848–1849 гг. Участник похода «Тысячи», был назначен Гарибальди командиром дивизии Южной армии (1860 г.).

Медичи, Джакомо (1817–1882) — военный и политический деятель Италии. С молодых лет был связан с Мадзини и Гарибальди. Возглавлял отряд при обороне Римской республики и проявил героизм в битве у Вашелло (3 июня 1849 г.). В 1860 г. организовал дополнительные контингенты в помощь гарибальдийской «Тысячи» и был назначен Гарибальди командиром дивизии Южной армии. Однако в этот период находился под влиянием Кавура. После объединения Италии — депутат парламента, сенатор и адъютант Виктора Эммануила II. В 1876 г. ему был присвоен титул маркиза («маркиз Вашелло»).

265

В сражении при Мадженте, 4 июня 1859 г., франзско-пьемонтские войска разбили австрийцев.

266

Галлы — племена, населявшие древнюю страну Галию. Цизальпинская Галия включала территорию северной Италии, которая в III–I веках до н. э. была завоевана римлянами.

267

Терсит — мифологический герой древней Греции, синоним болтуна, дерзкого, неуживчивого человека.

268

Тюрр, Иштван (Стефано) (1825–1908) — венгерский офицер, друг Кошута; был офицером австрийской армии, эмигрировал в Италию, которую считал своей второй родиной. Участвовал в организации миланского восстания в феврале 1853 г. и в экспедиции Гарибальди в 1860 г. Был назначен Гарибальди командиром одной из дивизий Южной армии.

О Козенце — см. прим. 18 к гл. 11 второй книги.

В таких случаях колеса на пароходе вращаются в обратную сторону, а весла на катере — в обратном направлении.

Сражения при Сольферино между австрийской и французской армиями и в Сан-Мартино между пьемонтскими и австрийскими войсками произошли 24 июня 1859 г. В этих упорных и кровопролитных сражениях австрийские войска были разбиты.

Виллафранкское перемирие было заключено 11 июля 1859 г. между Францией и Австрией, сепаратно от Пьемонта. Основные пункты перемирия, которые впоследствии были подтверждены на конференции в Цюрихе, сводились к следующему: должна быть создана итальянская конфедерация под почетным председательством папы римского; Австрия уступает свои права на Ломбардию Франции, а Франция должна передать эту территорию Пьемонту; Венеция остается под верховной властью Австрии; в герцогствах Тоскана и Модена восстанавливаются на своих тронах их бывшие правители.

Виллафранкский договор, согласно которому Италия оставалась раздробленной, вызвал недовольство широких масс итальянцев. Гарибальди был разгневан перемирием, которое, по его словам, «поставило альпийских стрелков в положение, мало отвечающее их нраву» (см. ниже). Его замечание, что перемирие ему казалось «благом» имеет иронический смысл. Гарибальди знал о корыстных целях Наполеона III в этой войне, и он обрадовался, что Италия, наконец, избавляется от «помощи» французского императора и сможет действовать самостоятельно. Гарибальди знал о патриотическом подъеме народных масс, их возмущение перемирием; он и не думал сложить оружие, а рвался в Центральную Италию, — туда, где бурлила революционная волна.

273

Д'Адзельо, Массимо (1798–1866) — итальянский писатель, живописец и политический деятель умеренно-либерального направления. Автор ряда патриотических произведений, в которых выступал против тирании и иноземного гнета в Италии. Стремился к объединению Италии «сверху» под главенством Савойской династии. В 1849–1852 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел Пьемонта.

О Филопанти см. прим. 1 к гл. 23 первой книги, о Монтанелли — прим. 8 к гл. 5 второй книги.

Монтанелли одним из первых выдвинул требование создать всеитальянское Учредительное собрание.

275

«Николо дей Лапи» — патриотический роман д’Адзельо.

276

В северной части Папского государства — Романье и в Легатствах — весной и летом 1859 г. произошли народные восстания, в результате которых папская власть была низвергнута, а австрийцы изгнаны.

277

Вскоре после начала войны за независимость были свергнуты правители герцогств Тоскана, Парма и Модена. Затем герцогства и Романья объединились, образовав Лигу Центральной Италии, которая сформировала общее войско.

Риказоли, Беттино (1809–1880) — политический деятель Италии, лидер умеренных либералов Тосканы. В 1859 г., после бегства герцога Леопольда II, возглавил Временное правительство Тосканы. После объединения Италии несколько лет был премьер-министром.

279

Фарини, Луиджи Карло (1812–1866) — итальянский политический деятель умеренно-либерального направления и историк. В 1851–1852 гг. — министр пьемонтского правительства. В 1859 г. возглавлял Временное правительство Модены. После Виллафранкского перемирия он стал диктатором Эмилии, объединявшей Модену, Парму и Романью.

280

Здесь, видимо, Гарибальди называет неточное число своих сподвижников: в главе 1-й второй книги «Мемуаров» указывается, что из монтевидеоской гавани в Италию отплыло 63 человека, здесь же Гарибальди пишет, что в Италию прибыло 73 человека. В «Мемуарах Джузеппе Гарибальди», отредактированных и изданных Александром Дюма, автор пишет, что при отплытии в Италию на борт парохода вначале сели 85 человек, но 25 покинули корабль. Таким образом, более правдоподобно число 63 (см.: A. Dumas. Memorie di Giuseppe Garibaldi, p. 167; ср. G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 364).

281

Имеется в виду Римское государство (прим. переводчика).

282

Фанти, Манфредо (1806–1865) — политический деятель Италии умеренного направления, генерал; участник революции 1848 г. В 1859 г. был поставлен во главе военных сил Центральной Италии.

283

См. прим. 1 к этой главе.

284

Полковник Леонетто Чиприани, друг Наполеона III, был губернатором Романьи, временная правительственная хунта которой находилась в Болонье.

285

Речь идет о Викторе Эммануиле II.

В 1862 г. Гарибальди предпринял поход на Рим, который еще находился во власти папства. Против гарибальдийцев были посланы войска Виктора Эммануила, бывшего уже в то время королем Италии, а не Пьемонта; и у горы Аспромонте народный герой был ранен.

287

Мингетти, Марко (1818–1886) — итальянский политический деятель умеренно-либерального направления; в 1859 г. был генеральным секретарем министерства иностранных дел Пьемонта. После Виллафранкского перемирия вместе с Кавуром ушел в отставку. В сентябре 1859 г. был избран президентом Ассамблеи Романьи. В объединенной Италии занимал пост министра и премьер-министра,

288

Раттацци, Урбано (1808–1873) — итальянский политический деятель. В период революции 1848 г. был «левым» либералом; занимал разные министерские посты в Пьемонте. В 1859 г., после отставки Кавура, стал премьер-министром Пьемонта. В объединенной Италии неоднократно был главой правительства.

Не знаю, когда осуществится эта мечта моей жизни и Италия станет первостепенной державой без влияния духовенства.

Тьер, Бонапарт, шовинизм — вот основание нелепых претензий клерикальной Франции, господствующей над Италией; это, несомненно, будет вечной причиной для взаимных обид этих двух наций, которые могли бы жить в дружбе.

Я не хочу закончить эту, вторую, часть моих воспоминаний, не остановившись на двух относящихся ко мне фактах, доказывающих коварство «человека 2 декабря» [12], на его сообщниках и на его вмешательстве в наши дела.

В Гавардо, где я перешел Кьезе, чтобы двинуться в Сало в вышеописанном походе, ко мне явился знакомый Н. А., посланный из Главного штаба императора со следующей миссией: «Мне поручено, — сказал он, — предложить вам и вашим людям все, в чем нуждаетесь: деньги, всевозможные вещи будут доставлены в ваше распоряжение. Вам следует лишь потребовать. Император знает о нуждах ваших и ваших бойцов и хочет вам помочь. Он сильно обеспокоен, что вы оставлены без помощи и в столь тяжелом положении».

Я ответил: «Мне ничего не нужно…». Это был отменный торг. Речь шла о продаже Ниццы, но она уже была продана. Теперь им захотелось еще одного сообщника: уроженца Ниццы…

В 52 года, — чёрт возьми! — когда ты столько скитался по свету, не так-то легко обвести тебя вокруг пальца. Однако столь велик был цинизм человека, скатившегося под откос, и так трусливы были те, кто простерся перед этим подобием всякой мерзости!

Второй факт следующий. После того, как произошли события в Центральной Италии, о которых я рассказал, я подал в отставку с поста командующего этими войсками. Следующее письмо Бонапарта к папе подтверждает, что он приложил руку ко всем этим махинациям: «Все мои усилия привели лишь к тому, чтобы не допустить восстания и к отставке Гарибальди. Это избавило Марке и Анкону от неминуемого вторжения».

[12] «Человек 2 декабря» — Наполеон III, совершивший 2 декабря 1851 г. контрреволюционный переворот, а 2 декабря 1852 г. провозглашенный императором.

291

Вечерня — «Сицилийская вечерня» — см. прим. 15 к гл. 11 второй книги.

292

Два сицилийских мальчика, не старше четырнадцати лет, недавно в несколько минут извлекли в уме алгебраический корень из 32, поистине феноменальная операция.

293

Тринакрия — древнее название Сицилии.

294

Певец Беатриче — Данте Алигьери. Беатриче воспета Дэнте в произведениях «Новая жизнь» и «Божественная комедия».

295

Вилла Спинола — дом в Куарто, вблизи генуэзской гавани, где размещался штаб Гарибальди по организации и подготовке экспедиции «Тысячи».

Я хотел бы, чистосердечно говоря, прибавить: и крестьянина; но не хочу грешить против истины. Этот класс — крепкий и трудолюбивый — в руках у священников, которые держат его в невежестве. Никто не видел хотя бы одного крестьянина среди волонтеров. Они служат в армии, но по принуждению, и являются самым действенным орудием деспотизма и духовенства [8].

[8] Здесь необходимо уточнение: в экспедиции «Тысячи» действительно крестьян не было. Но едва только экспедиция высадилась на остров — к ней присоединились тысячи восставших крестьян, вооруженных кто чем мог (пиками, дубинами и т. д.). На этот факт обратил внимание Ф. Энгельс, указав, что он имел важное значение в победах Гарибальди (см.: Ф. Энгельс. Гарибальди в Сицилии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 64).

Два парохода, перевозившие «Тысячу» в Марсалу.

297

Пило, Розалино (1820–1860) — итальянский патриот, демократ, родился в столице Сицилии Палермо. В 1848 г. был одним из руководителей восстания. Играл большую роль в революционных событиях в Сицилии в 1860 г., был инициатором экспедиции гарибальдийской «Тысячи». Возглавлял повстанческий отряд на острове и пал смертью храбрых во время боя с королевскими войсками у Монреаля в мае 1860 г.

298

Коррао, Джованни (1822–1863) — итальянский патриот, активный участник революции 1848 г. Сторонник Мадзини. В 1860 г. вместе с Р. Пило тайно высадился на остров Сицилия, чтобы объединить разрозненные повстанческие силы. Затем присоединился со своим отрядом к Гарибальди, в рядах которого сражался в течение всего похода, включая битву на Вольтурно. Участвовал в походе Гарибальди в 1862 г.

299

О Биксио — см. прим. 17 к гл. 11 второй книги.

300

Лафарина, Джузеппе (1815–1863) — итальянский политический деятель и историк. Один из руководителей либеральной буржуазии в Сицилии в период революции 1848–1849 гг. В 1856 г. вместе с Маниным и Паллавичино создал просавойское Национальное общество. В 1860 г. был эмиссаром Кавура в Сицилии, в июле того же года был выслан Гарибальди из Сицилии за его закулисные интриги против революционного правительства.

301

Пароходы захватить силой не пришлось, хотя такое намерение было вначале: организаторы экспедиции договорились с представителями Общества Рубаттино о фрахтовании пароходов, но чтобы отвести всякие подозрения в связях Общества с революционерами было условлено, что официально будет заявлено, что корабли были захвачены пиратским способом.

302

«Пиччиотти» — повстанческие отряды в Сицилии состояли главным образом из крестьянских элементов, в большой части — из крестьянской молодежи.

303

Гоцци — название шлюпок, применяемых в Генуе для перевозки людей и товаров.

304

Маретимо — небольшой остров к западу от Сицилии.

305

Сиртори, Джузеппе (1813–1874) — итальянский патриот, участник революции 1848 г. В эмиграции познакомился с Мадзини. Пользовался большим уважением Гарибальди. Во время похода «Тысячи» был несколько раз ранен. Был начальником штаба войска Гарибальди и продиктатором в Неаполе. После роспуска гарибальдийской армии был назначен дивизионным генералом в регулярной армии.

306

Криспи, Франческо (1818–1901) — итальянский государственный деятель, в молодые годы был буржуазным республиканцем; участник революции 1848–1849 гг. Одни из инициаторов похода «Тысячи», играл большую роль в революционном правительстве Гарибальди. Но уже в то время проявил свое враждебное отношение к крестьянству; в 1860 г. был одним из инициаторов карательной экспедиции против тех крестьян Сицилии, которые захватывали земли баронов (Бронте и другие местности). В середине 1860-х годов отошел от республиканцев и стал ярым защитником монархии, впоследствии не раз подавлял крестьянские движения и, будучи главой правительства Италии, организовывал колониальные захваты итальянской буржуазии в Африке.

307

Молва утверждает, что в этом месте римляне были разбиты в кровопролитном сражении аборигенами острова в первое время его оккупации.

Таким наименованием почтили нас враги.

309

В битве при Копенгагене Паркер, английский адмирал, главнокомандующий, дал сигнал Нельсону, участвующему в битве, об отступлении. Офицеры обратили внимание Нельсона на сигнал. Победитель Нила приставил монокль к слепому глазу и сказал: «Ничего не вижу». Битва продолжалась, И Нельсон ее выиграл.

310

Лукулл, Люций Лициний (106–56 гг. до н. э.) — римский полководец и консул; славился не только своими блестящими победами, но и несметными богатствами и огромными пирами, устраиваемыми им для своих приближенных. «Лукулловы пиршества» вошли в поговорку.

311

Фабий, Максим Квинт (Кунктатор, т, е. медлитель) (ум. в 203 г. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. В борьбе с Ганнибалом придерживался крайне осторожной тактики, стараясь затягиванием войны добиться истощения противника.

312

Зама — город, где в 202 г. до н. э. армия римского полководца Сципиона разбила армию Ганнибала, после чего Карфаген вынужден был принять тяжелые условия мира.

313

О Гуерраици — см. прим. 7 к гл. 5 второй книги.

*«Золотая котловина» — название палермской долины, которая кажется золотой. когда созревают апельсины, растущие здесь в изобилии.

315

Марий, Гай (156–86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. представлял интересы сословия всадников; обещанием свободы привлек на свою сторону рабов и захватил власть.

316

Цинцинат, Луций Квинкций (род. ок. 519 г. до н. э.) — римский политический деятель и полководец; был консулом и диктатором. Согласно традиции считался образцом простоты и доблести; государственную деятельность сочетал с работой в своем огороде за сохой, как простой крестьянин.

317

Гелиогабал, Марк — римский император в 218–222 гг. Свое царствование прославил безумным расточительством, необузданным развратом и деспотизмом.

318

Каракалла, Марк Аврелий (186–217) — римский император, отличался исключительной жестокостью, убил своего брата и соправителя с целью усиления своей власти; установил режим военной бюрократии.

319

Манискалъко, Сальваторе — глава полиции в Палермо, свирепо расправлявшийся с патриотами.

Не имея возможности вспомнить тех, кто был в этом благословенном отряде, я решил, что приведу здесь хотя бы некоторые имена славных мучеников «Тысячи», которые пришли мне на память, но должен оговориться, что не все они были из этого отряда.

321

«Пиччиотти» — люди из деревень; они объединялись в отряды, которые носили название «сквадре».

Хотя, когда Гарибальди писал свои мемуары, он и не имел в своем распоряжении материалов, показывающих двуличную политику пьемонтского правительства по отношению к экспедиции «Тысячи», это его замечание справедливо. Впоследствии было опубликовано много документов разного характера, в том числе переписка Кавура, из которой видно, что вначале премьер-министр Пьемонта Кавур всячески пытался помешать экспедиции, давал указания задержать ее, а после того, как Гарибальди занял Палермо, он послал ему поздравление и, одновременно, попытался захватить движение в свои руки, чтобы придать ему угодное пьемонтским либералам направление.

323

Красные рубашки, которых было мало в начале нашего похода, приобрели важное значение; они внушали уважение и веру в победу друзьям и ужас врагу. Парламентеры Бурбонов просили, чтобы красные рубашки сопровождали их на улицах Палермо. Я заказал максимальное число этих рубашек и велел раздать их, чтобы поднять престиж этого цвета.

Гарибальди имеет в виду Римскую империю.

325

В первое революционно-демократическое правительство Гарибальди входили представители республиканцев и сицилийских умеренных либералов. Криспи, бывший в то время одним из лидеров демократов, сохранил за собой руководство наиболее важными ведомствами — внутренних дел и финансов.

326

Бертани, Агостино (1812–1886) — деятель национально-освободительного движения в Италии, демократ; по профессии — врач. Участник «пятидневной революции» в Милане (1848 г.). Принимал участие в обороне Римской республики и в походах Гарибальди в 1859, 1860 и 1867 гг. Сыграл большую роль в организации снабжения «Тысячи» и в гарибальдийской Южной армии. Был назначен Гарибальди генеральным секретарем революционного правительства, созданного им в Неаполе.

Бронцетти — трентинец

[1] Трентинси, — житель области Трентино (северная Италия).

328

Монти — римлянин.

329

Среди убитых в этой славной битве был Поджи, офицер генуэзских карабинеров нашей «Тысячи», так отличившейся при Калатафими; Мильявакка из корпуса Медичи — тоже храбрец. Были ранены при этом Козенц и Корте.

Этому пароходу мы дали имя «Тюкери» — в честь нашего доблестного командира авангарда при занятии Палермо, где он геройски погиб.

331

Генерал Тюрр уехал на континент по состоянию здоровья и оставил командование Эберу.

332

Никотера, Джованни (1828–1894) — деятель национально-освободительного движения Италии. Участвовал в обороне Римской республики (1849 г.). и в экспедиции Пизакане в Сапри (1857 г.). Был схвачен австрийцами и осужден к пожизненному заключению. Освободившись с падением династии Бурбонов, он во главе отряда присоединился к Гарибальди. После объединения Италии был избран депутатом; в 70-е годы стал министром. Подвергался резкой критике своих бывших друзей, республиканцев, за переход на позиции монархии.

Это предположение Гарибальди не обосновано: Мадзини и его сторонники не отказывались подчиняться революционному правительству; подготовка ими экспедиции имела целью оказать содействие Гарибальди, чтобы быстрее завершить разгром династии Бурбунов, а также сокрушить Папское государство.

334

Карл Эберард — участник революции 1848–1849 гг. в Венгрии. После подавления революции эмигрировал в Турцию, где служил офицером в турецкой армии. В 1859 г. приехал в Италию и был принят в пьемонтскую армию в чине полковника. В 1860 г., вскоре после начала похода «Тысячи», уволился со службы, чтобы иметь возможность сражаться под знаменем Гарибальди. В августе 1860 г. возглавил бригаду дополнительных сил, отправляемых в Сицилию, и присоединился к армии Гарибальди.

335

Фалла — пробоина или отверстие, дыра, щель в пароходе, через которую проникает вода.

336

Коровий навоз или какую-либо другую грязь погружают в воду под кораблем при помощи шеста в то место, где предположительно имеется пробоина, которая, естественно, всасывает воду, а также грязь и солому, и таким образом отверстие, хотя бы частично, закупоривается.

337

Дефлотт Поль (1817–1860) — французский морской офицер, деятель революционного движения, демократ и социалист; приверженец Бланки; участник июньского восстания 1848 г. в Париже; присоединился к «Тысяче» и был назначен Гарибальди командиром флотилии.

Партенопеи — древнее название Неаполя.

339

Сын народа — так называли Гарибальди деятели освободительного движения и широкие массы итальянцев.

Миссори, Нулло, Бассо, Марио, Станьетти, Канцио.

341

Эмблема Неаполя.

Партия умеренных либералов, возглавлявшаяся Кавуром, делала все, что могла, чтобы не допустить дальнейшего развития демократического движения, пыталась подавить его. Когда Кавур убедился, что ему не по силам удержать Гарибальди в Сицилии и не допустить его переправу через пролив, он попытался организовать в Неаполе заговор умеренных, с целью захвата ими власти до прихода туда армии Гарибальди.

Будучи не очень щепетильным в выборе средств для борьбы с демократическим движением, Кавур попытался организовать переворот при помощи деятелей бурбонского правительства: дяди короля Леопольда Бурбона, его министра Либорио Романо, генерала Алессандро Нунцианте и др. Когда идея заговора провалилась, пьемонтское правительство приняло решение о вторжении армии в Папское государство и направлении ее в пределы Неаполитанского королевства с целью воспрепятствовать продвижению Гарибальди на север (см. сб. документов: «L'unita d'ltalia». 1859–1861. A cura di P. Alatri. Vol. II, Ed. riuniti, 1959, p. 199, 209).

343

Великодушный хозяин партии Кавура — Наполеон III.

344

Расселл, Джон (1792–1878) — английский государственный деятель. В 1859–1861 гг. был министром иностранных дел в правительстве Пальмерстона. Расселл и английское правительство придерживались политики благожелательного нейтралитета по отношению к походу Гарибальди не из-за симпатий к демократическому движению, а исходя из соображений соперничества с бонапартистской Францией, которая, после крушения австрийского господства в Италии, стремилась подчинить Апеннинский полуостров своему влиянию.

345

Гарибальди имеет в виду Джорджо Паллавичино, генералов Биксио, Медичи, Козенца, Тюрра и др.

Франческо II — свергнутый король Обеих Сицилий.

347

Т. е. посла Пьемонта.

Битва на Вольтурно 1 и 2 октября была последним и решающим сражением гарибальдийцев.

349

Т. е. — Франческо II.

350

20 октября — так в тексте. Здесь явная описка: битва на Вольтурно закончилась 2 октября.

Т. е. присоединение Сицилии к Пьемонту. Гарибальди же и думать не хотел о присоединении, рассматривая Сицилию как базу для накапливания сил и как надежный тыл для развертывания революционно-демократического движения: ведь он и не думал остановиться до освобождения Рима и Венеции.

352

Изерния — город в провинции Кампобассо (расположен у реки Кавальера, притока Вольтурно). В средние века несколько раз был разрушен и сожжен (в 880, 1199 и 1223 гг.).

353

Гора, которая господствует над равниной Капуи.

354

Речь идет о короле Обеих Сицилий Франческо II, которому было тогда 24 года. Он занял трон 23-летним после смерти своего отца Фердинанда II, прозванного «королем-бомбой» за жестокую расправу с восставшим народом в период революции 1848 г. и разгром города Мессина.

Тюрр, Тюкери, Эберард, Дуниоу были венгерцами; в этой бригаде было много наших славных братьев по оружию, всадников и пеших.

Я надеюсь, что южане окажутся достойными быть свободными и процветающими, когда перечеркнут все эти противные названия. Надо учесть, что позиция Маддалони называется также Сан-Микеле — следовательно, все — имена святых.

357

Майор, командовавший этими славными солдатами, вызвался сопровождать меня, и я охотно на это согласился.

Намекается на письмо Фарини Бонапарту.

В другие времена можно было бы созвать Учредительное собрание, но в те времена это было немыслимо — ибо привело бы только к потере времени и к смехотворному развитию событий. Тогда были в моде аннексии при помощи плебисцита [1]. Народы, обманутые этими кликами, все надежды возлагали на правительство, ожидая, что оно наведет порядок.

[1] В Неаполе и Палермо умеренные либералы, заодно с монархистами, вели подрывную работу против правительства Гарибальди. Они устраивали демонстрации с требованием немедленного присоединения к Пьемонту. Гарибальди вынужден был согласиться на назначение плебисцита по этому вопросу. Плебисцит состоялся 21 октября и кончился победой сторонников присоединения. 6 ноября в Неаполь явился Виктор-Эммануил и Гарибальди объявил о передаче ему власти в освобожденной Южной Италии.

360

27 июня 1862 г. Гарибальди отправился с Капреры в Палермо для похода с краснорубашечниками на Рим.

Шпилъберг — см. прим. 2 к гл. 10 третьей книги.

В походе 1862 г. участвовало около трех тысяч человек.

363

О Менотти Гарибальди — см. прим. 1 к гл. 27 первой книги.

364

О лечении Гарибальди Н. И. Пироговым после этого ранения — см. прим. 5 в «Предисловии к моим мемуарам».

365

Австро-прусская война началась 16 июня 1866 г. Еще в 1865 г. между Италией и Пруссией было заключено соглашение, по которому Бисмарк обещался помочь Италии приобрести Венецию за ее участие в войне против Австрии. Виктор Эммануил II, чтобы успокоить возбуждение широких масс итальянцев, решил воспользоваться именем Гарибальди, пригласив его участвовать в войне во главе отряда волонтеров.

К участию в войне против Австрии призывала также республиканская партия и ее лидер Мадзини. Видя, как обстоит дело, Гарибальди дал свое согласие.

Пригласив Гарибальди участвовать в войне, правительство Виктора Эммануила одновременно опасалось его. Поэтому главное командование итальянской армии поручило Гарибальди второстепенный участок — Южный Тироль. Но и на этом участке гарибальдийцы наносили по австрийцам ошеломительные удары.

В результате Австро-прусской войны (она же одновременно была и третьей Австро-итальянской) Венеция с ее областью была присоединена к Италии.

Фабрици, Никола (1804–1885) — деятель национально-освободительного движения в Италии, был членом тайного общества «Молодая Италия». Участвовал в восстаниях 1831 г. и в революции 1848–1849 гг., был одним из организаторов сицилийского восстания в 1860 г.; в рядах Гарибальди он сражался также в 1866 и 1867 гг. В 1861–1865 гг. — депутат «левой» в итальянском парламенте.

367

2 декабря 1852 г. Луи Бонапарт был провозглашен императором и принял титул Наполеона III.

Т. е. превращением Франции из республики в империю.

369

При Кустоце итальянцы дважды потерпели поражение, нанесенное им австрийской армией: 25 июля 1848 г. — пьемонтская армия; 24 июня 1866 г. — итальянская армия.

При Новаре 23 марта 1849 г. была наголову разбита пьемонтская армия под командованием Карла Альберта.

Итальянской армией командовал генерал Альфонсо Ламармора.

Т. е. битва при Кустоце, где итальянская армия была разбита.

Описка Гарибальди: он был ранен 3 июля, а не июня. См. гл. 3 четвертой книги.

21 августа — также описка; речь идет о сражении 21 июля, 26 июля уже был подписан прелиминарный мир.

22 июля.

375

Телеграфный приказ от генерала Ламармора о прекращении военных действий Гарибальди получил 9 августа. Вне себя от ярости Гарибальди телеграфировал в ответ только одно слово: «Повинуюсь».

Описка Гарибальди: не 25 августа, а 9-го.

377

Международный конгресс мира, созванный буржуазной пацифистской организацией «Лига мира и свободы», открылся в Женеве 9 сентября 1867 г. Конгресс представлял собой причудливую смесь буржуазных пацифистов, социалистов, анархистов и, даже, клерикалов (последние выступали за «евангельский мир»). Гарибальди принял приглашение участвовать в работах Конгресса с расчетом, что он использует трибуну Конгресса и встречи с различными деятелями для поднятия римского вопроса. Народный герой был встречен участниками Конгресса бурными аплодисментами; его избрали в Президиум Конгресса. Вместе с Гарибальди в Президиум был избран его друг — русский революционный демократ Н. П. Огарев. Гарибальди зачитал на заседании свои тезисы о мире и свободе. Один из тезисов гласил: «папство, наиболее вредная из сект, объявляется низверженным». Этим тезисом Гарибальди хотел подготовить общественное мнение к предстоявшему походу на Рим. В тезисах говорилось, что «все нации — сестры» и что «только демократия в состоянии уничтожить бич человечества — войну» (о Конгрессе см. также прим. 6 в Предисловии к моим мемуарам.).

378

Гарибальди говорит о чрезвычайных полномочиях, предоставленных ему Мадзини от имени триумвирата 3 июня 1849 г.

379

Гарибальди намекает на строфу из «Божественной комедии» Данте: «Входящий сюда — оставь надежду навсегда» («Ад», песнь 1-я).

380

После подавления Римской республики в Риме осталось французское войско для «охраны светской власти папы». В сентябре 1864 г., в соответствии с соглашением между Францией и Италией, французские войска эвакуировались из Рима, а Виктор Эммануил II обязался «не покушаться» на Рим и Папское государство.

381

В 1865 г. раболепствующее перед Наполеоном III итальянское правительство, в доказательство того, что оно отказывается от всякой мысли о Риме, перенесло столицу Италии из Турина во Флоренцию.

382

В 1850–1860 гг. республиканская партия, возглавлявшаяся Мадзини, официально именовалась «Партией действия».

383

Александрийская цитадель расположена в северной Италии (в Пьемонте). Гарибальди был арестован 22 сентября 1867 г. и освобожден из заключения через четыре дня.

Ачерби, Джованни (1825–1869) — итальянский патриот, участник обороны Венеции; сражался в рядах альпийских стрелков и участвовал в походе «Тысячи».

385

Речь идет о Менотти Гарибальди.

В этом походе участвовал и младший сын народного героя Риччотти Гарибальди (1847–1924). Первый раз под командой отца он сражался на полях третьей австро-итальянской войны в 1866 г. Позже он вместе с отцом участвовал в франко-прусской войне 1870–1871 гг., командуя четвертой бригадой добровольцев Вогезской армии.

387

Сирокко — знойный ветер, дующий в средиземноморских странах.

388

«Сопса» (лат.) — грот, образованный из гранита, который часто используется сардинцами под жилье, а иногда служит пристанищем для бандитов.

Так в тексте: два лица с одинаковыми именами и фамилиями (прим. ред.).

389

«Прародительница Галилея и Микеланджело» — Флоренция. Микеланджело (1475–1564) родился в небольшом городке Капрезе, неподалеку от Флоренции. Свои детские и юношеские годы он провел во Флоренции. Галилео Галилей (1564–1642) родился в Пизе (Тоскана), но вскоре его семья переехала во Флоренцию, где он учился и провел свои детские и юношеские годы. Говоря о лишении прародительницы Галилея и Микеланджело примата столицы, Гарибальди имеет в виду перенесение столицы Италии из Флоренции в Рим (.см. прим. 5 к гл. 5 четвертой книги).

390

Этот лозунг выдвинул лидер умеренных либералов граф Кавур.

391

Речь идет о Менотти Гарибальди.

392

Подразумевается римский папа Пий IX.

Гарибальди имеет в виду Наполеона III.

Т. е. угрожал столице Италии — Флоренции, расположенной у берегов Арно.

395

Для оказания помощи папским войскам в подавлении восстания в Риме и для уничтожения отряда Гарибальди 28 октября был отправлен французский экспедиционный корпус (около 2500 человек) под командой генерала Де Фальи, который 30 октября вступил в Рим.

Итальянские войска в Рим не вступили, но перешли границу Папского государства.

396

Речь идет о солдатах итальянской армии.

397

Гарибальди намекает здесь на истинные мотивы вступления в 1860 г. пьемонтской армии в Папское государство и в Неаполитанское королевство: преградить путь гарибальдийской армии, а если не подчинится — разгромить.

398

Автор мемуаров здесь (и ниже) несколько преувеличивает отрицательную роль, которую сыграли некоторые республиканцы во время похода 1867 г. Действительно, среди мадзинистов тогда были люди, которые считали, что надо все силы сконцентрировать для восстания в Риме и там провозгласить республику. Гарибальди же более реалистично оценивал обстановку. Однако его утверждение, что дезертирство среди волонтеров явилось следствием пропаганды мадзинистов, не обосновано. В литературе высказывается мнение, что причиной дезертирства волонтеров явилась разлагающая пропаганда королевских эмиссаров, проникших в их ряды (об этом см.: P. Pieri. Storia militare del Risorgimento. Torino, 1962, p. 778).

Сам Гарибальди приводит немного ниже письмо Мадзини, из которого видно, что лично он содействовал походу и автор мемуаров не оспаривает этот факт.

Вполне понятна горечь воспоминаний Гарибальди о некоторых республиканцах, ставших сторонниками монархии после 1860 г. Среди них особо выделился Криспи, который стал призывать всех к объединению вокруг монархии, заявив в 1864 г., что «республика нас разъединяет, а монархия объединяет».

399

«Шасспо» — игольчатое ружье, принятое в 1866 г. на вооружение во французской армии и названное так по имени изобретателя. После сражения при Ментане хвастливый генерал Де Фальи телеграфировал Наполеону III, что ружья «Шасспо» чудесно действовали.

400

В битве при Ментане общая численность папских и французских войск составляла девять тысяч, гарибальдийцев было четыре тысячи.

401

Мост у Корезе отделял тогда Римскую область от остальной Италии.

402

Гарибальди во второй раз был заключен в крепость Вариньяно, первый раз — в 1862 г. Его продержали там с 5-го по 25 ноября. Все эти три недели правительство Италии искало способ как избавиться — если не навсегда, то надолго — от народного героя; были предложения судить его и… амнистировать. Министр внутренних дел Гуалтерио требовал от Гарибальди, чтобы тот официально заявил, что никогда не покинет Капреру. Разумеется Гарибальди отклонил такое обязательство. Лишь мощный протест представителей различных слоев итальянского общества заставил правительство освободить героя.

403

Об этом автор подробно говорит в пятой и восьмой главах второй книги.

Гамбстта, Крсмье и Гле-Бизуан. представляли собой так называемую правительственную делегацию в Туре. Правительство же, состоявшее из двенадцати человек, находилось в осажденном прусской армией Париже. Правительственная делегация была послана в Тур для организации обороны сражающейся Франции, так как правительство

Парижа было оторвано от провинций и не могло обеспечить руководство обороной. Это правительство Национальной обороны, которое, по меткому замечанию Гарибальди, стыдилось объявить себя республиканским, было создано 4 сентября 1870 г. после поражения французской армии при Седане и взятия в плен Наполеона III.

405

Гарибальди имеет в виду буржуазную революцию в Испании в сентябре 1868 г., в результате которой королева Изабелла II бежала и было создано временное правительство.

См. прим. 2 к этой же главе.

Вавилон — аллегория неразберихи, суматохи (по библейскому сказанию — попытка построить в Вавилоне башню до небес).

Менотти Гарибальди.

409

Риччотти Гарибальди — младший сын героя.

410

Канцио, Стефано (1837–1909) — деятель национально-освободительного движения в Италии. В 1859 г. сражался в рядах альпийских стрелков; участник экспедиции «Тысячи» и всех других походов Гарибальди в 60-х годах. В ноябре 1860 г. последовал за Гарибальди на Капреру, где женился на его дочери Терезите.

411

Закончить эту статью… — так в тексте; видимо описка: автор хотел сказать «закончить главу».

412

Замок Пуйлли, оставленный нашими в начале битвы, расположен на расстоянии пушечного выстрела от Дижона.

Французский народ остался глубоко благодарным Гарибальди за его бескорыстную помощь в борьбе против немецких захватчиков. По нескольким департаментам народные массы выставили кандидатуру Гарибальди на выборах в Национальное собрание Франции. Он был избран депутатом по департаменту Сена, куда входил Париж, а также в Алжире. По количеству полученных голосов (более 200 тысяч) Гарибальди занял четвертое место после таких крупных деятелей Франции, как Луи Блан, В. Гюго и Гамбетта.

Реакционное большинство Национального собрания, открывшегося 13 февраля, встретило Гарибальди диким ревом. Раздавались возгласы, что Гарибальди не является французским гражданином и поэтому «незаконно» избран депутатом. Ему не дали даже выступить. Тьер и его клика, будущие палачи Парижской коммуны, готовы были растерзать революционного полководца.

В тот же день Гарибальди написал письмо Национальному собранию об отказе от депутатского мандата.

415

Эпаминонд — один из крупнейших греческих полководцев и политических деятелей (IV век до н. э.). Впервые в истории военного искусства применил тактику «косого клина» — т. е. более сильное и более глубокое построение одного фланга боевых подразделений. В 371 г. до н. э. он, во главе фиванского войска, наголову разбил спартанцев в сражении у города Левктры, применив указанный выше способ построения армии.

416

Мантинея — город в древней Греции, где в 362 г. до н. э. войска фиванского блока под командованием Эпаминонда разбили армию афино-спартанского союза; но в этой битве Эпаминонд был смертельно ранен.

417

С. Степняк. Джузеппе Гарибальди. Биографический очерк. СПб., 1906, стр. 3.

418

В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 264.

419

См. В. И. Ленин. Под чужим флагом. — Полн. собр. соч., т. 26, стр. 143, 144.

420

А. И. Герцен. Собр. соч., т. V. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр 98.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 279.

422

Гарибальди было восемь лет, когда он спас тонувшую женщину.

423

G. Garibaldi. Memorie. Vol. II. Bolognia, Ed. nazionale, 1932, p. 27.

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

A. Dumas. Memorie di G. Garibaldi. Milano, 1957, p. 34.

G. Garibaldi. Memorie. Vol. II, p. 139.

427

См. там же, стр. 152.

428

См. там же, стр. 169.

429

С. Степняк. Джузеппе Гарибальди, стр. 27.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 463.

G. Garibaldi. Memorie. Vol. II, p. 233.

A. Dumas. Memorie di G. Garibaldi, p. 266.

G. Garibaldi. Memorie. Vol. II, p. 239.

Там же, стр. 271–272.

435

Там же, стр. 278.

G. Sacerdote. La vita di Giuseppe Garibaldi. Milano, 1933, p. 406.

Это письмо от 21 июня 1849 г. Анита не получила: она была уже в пути в Рим, куда прибыла 26 июня и приняла участие в боях до конца обороны города.

A. Dumas. Memorie di G. Garibaldi, p. 260.

G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. I. (IV). Bologna, Ed. naz., 1934, p. 148.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 379.

Там же, стр. 170.

G. Garibaldi. Memorie. Vol. II, p. 324–325.

Там же, стр. 324.

G. Garibaldi. Memorie. Cit., p. 341.

Там же.

G. Garibaldi. Memorie. Cit., p. 342.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 380.

Там же, т. 29, стр. 360.

G. Garibaldi. Memorie. Cit., p. 380.

449

Там же, стр. 375.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 362.

451

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 442.

Там же, стр. 445.

G. Gariibaldi. Memorie. Cit., p. 388.

454

См. G. C. Abba. Da Quarto al Volturno. Bologna, 1960, p. 15; A. Fratta. Garibaldi. Passioni e battaglie. Napoli, 1961, p. 160.

J. W. Mario. Vita di G. Garibaldi. Vol. I. Milano, 1910, p. 209.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. I (IV), p, 291,

Cm. L. Bianciardi. Da Quarto a Torino. Milano, 1960, p. 36.

Cm. S. Canzio. II Risorgimento italiano. Milano, 1962, p. 662.

459

Cm. L. Bianciardi. Da Quarto a Torino, p. 33–34. В «Тысяче» не было ни одного крестьянина, как это отмечал с большим сожалением сам Гарибальди (см.: G. Garibaldi. Les Mille. Paris, 1875, p. 4).

См. L. Bianciardi. Da Quarto a Torino, p. 31, 33–34; A. Fralla. Garibaldi, p. 164–165.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. I (IV), p. 235–236.

Там же, стр. 237–238.

463

Там же, стр. 242.

G. Sacardote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 645; J. W. Mario. Vita di G. Garibaldi, vol I, p. 214.

465

G. Garibaldi. Lettere e proclami. A cura di R. Zangheri. Milano, 1954, p. 49.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. I (IV), p. 239–241.

См. G. Sacardote. La vita di Giuseppe Garibaldi, p. 633.

Cm. L. Bianciardi. Da Quarto a Torino, p. 25.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. I (IV), p. 228.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. I (IV), p. 228–229.

См. F. Crispi. I Mille. Milano, 1911, p. 114.

См. F. Crispi. I Mille. Milano, 1911, p. 114.

473

G. Garibaldi. Memorie autobiografiche. Firenze, 1888, p. 332.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. I (IV), p. 289.

«Il carteggio Cavour-Nigra, dal 1858 al 1861». Vol. III. Bologna, 1928, p. 294–295.

См. Canzio. II Risorgimento italiano. (Milano), 1962, p. 663.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. I (IV), p. 289.

Cm. L. Bianciardi. Da Quarta a Torino, p. 16.

479

Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1860, д. 122, л. 136

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 63.

G. Garibaldi. Memorie. Cit., p. 441.

482

Там же. стр. 448.

483

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 190.

G. Garibaldi. Memorie. Cit., p. 424–425.

485

А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI, 1957, стр. 257.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 430.

487

А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI, стр. 256–257.

Там же, т. X, 1956, стр. 72.

489

См. журн. «Былое», 1907, кн. V, стр. 207.

Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1949, стр. 326.

491

М. А. Антонович. Воспоминания. М. — Л., 1933, стр. 171.

492

Н. Ф. Скарская, П. П. Гайдебуров. На сцене и в жизни. Страницы автобиографии. М., 1959, стр. 108.

493

В. Г. Короленко. Собр. соч., т. II. М., 1954, стр. 93–94.

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VI. М., Гослитиздат, 1941, стр. 146.

495

Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М. — Пг., 1923, стр. 85.

По данным русского посланника в королевстве Обеих Сицилий А. Н. Волконского, в волонтерских отрядах Гарибальди в 1860 г. насчитывалось «около 50 русских» (см. его зашифрованное донесение А. М. Горчакову от 30 сентября (12 октября) 1860 г. — АВПР, ф. Канцелярия, 1860, д. 122, л. 467–468).

496

Н. Берг. Поездка в отряд Гарибальди. — «Русский вестник», т. XXII, М., 1859, отдел Современная летопись, стр. 173.

497

Н. Берг. Вторая поездка к Гарибальди. — «Русский вестник», т. XXII, отдел Современная летопись, стр. 284–285.

Там же, стр. 285.

499

Там же, стр. 287.

500

См. журн. «Книга и революция», 1921, № 2 (14), стр. 72.

501

См. журн. «Время», 1861, № 11, стр. 31. Некролог помещен без подписи, но принадлежит Ф. М. Достоевскому.

502

См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI,стр. 264.

503

Там же, т. VIII, 1950, стр. 182.

Там же, стр. 294.

505

Там же, стр. 312.

506

Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 370.

507

См. журн. «Русский вестник», 1860, № 7, стр. 6; 1861, № 7–8, стр. 70.

508

Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, М. — Л., 1934, стр. 570.

509

А. И. Герцен. Собр. соч., т. XVIII, 1959, стр. 22.

510

П. А. Кропоткин. Записки революционера. М. — Л., 1933, стр. 89.

511

См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 143.

512

«Санкт-Петербургские ведомости», 20 мая 1860 г.

513

См. Л. И. Мечников. Записки гарибальдийца. — «Русский вестник», 1861, № IX (т. 35), стр. 155 (статья помещена за подписью «М»).

См. там же, стр. 179, 189.

515

Об этом рассказывает О. Н. Мечникова в своей книге «Жизнь Ильи Ильича Мечникова». М. — Л., 1926, стр. 38.

516

См. Леон Бранди (псевдоним Л. Мечникова — *В. Н.).* Капрера. — «Современник», т. 92, март, 1862, стр. 10.

517

См. воспоминания Л. И. Мечникова в «Историческом вестнике» за 1897 г., № 3, стр. 824–825 и письмо Мечникова к Щедрину — «Литературное наследство», т. 13–14, 1933, стр. 361–362.

518

См. Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. I. М., 1921, стр. 547.

519

Museo del Risorgimento di Milano. Le carte di A. Bertani. Cartella № 50, Plico XVIII, № 209.

«Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 418.

521

Письмо к Ф. Н. Лещевой от 25 ноября 1860 г. — Дом-музей Д. И. Менделеева, I-А, 1-й альбом, док. 13.

К. А. Тимирязев. Соч., т. IX, М., 1939, стр. 416–417.

523

И. М. Сеченов. Избранные труды, Л., 1935, стр. 234.

И. С. Тургенев. Соч., т. XII. М., 1958, стр. 348–349.

Д. И. Писарев. Соч., т. III. М., 1956, стр. 70.

Там же, т. IV, 1956, стр. 44.

527

Там же, стр. 18–19.

Там же.

529

Там же, т. III, стр. 293.

530

См. статью С. Я. Штрайх: «Письмо Н. И. Пирогова о ране Дж. Гарибальди». — «Русский врач», 1916, т. XV, № 10, стр. 217–218.

531

См. А. Геселевич. Научное, литературное и эпистолярное наследство Н. И. Пирогова. М., 1956, стр. 192.

532

Центр, гос. историч. архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 772, 1860, оп. 1, д. 5450, л. 7.

533

ЦГИАЛ, ф. 772, 1861, оп. 1, д. 5587, л. 1.

534

См. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VI, стр. 126.

535

См. «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 266.

536

«Санкт-Петербургские ведомости», № 196–206 за 1866 г.

537

См. А. Якоби. Между гарибальдийцами (из воспоминаний русской). — Журн. «Неделя», 1870, № 22, стр. 723.

538

Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 86.

539

Подлинник письма хранится в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский дом), ф. 227, ед. хр. 52, л. 1.

540

Н. С. Лесков. Дама и фефела (из литературных воспоминаний). — Собр. соч., Т. IX. М., 1958, стр. 461.

541

См. «Воспоминания А. Толиверовой». — «Толстовский ежегодник». М., 1912, стр. 90.

542

ЦГИАЛ, ф. 931, оп. 2, дело 21, л. 1.

543

Отдел рукописей Гос. Публ. биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Общее собрание иностр. автографов.

А. И. Герцен. Собр. соч., т. XV, 1958, стр. 83–84.

Там же, т. XVIII, 1959, стр. 116.

546

См. А. М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 7. М., 1950, стр. 517.

См. сб. «Garibaldi». Roma, 1907, p. 18.

Р. Б. Борисова. Незабываемые встречи. М., 1957, стр. 20.

549

См. «Гражданская война в Оренбуржье. 1917–1919». Документы и материалы. Оренбург, 1958, стр. 262–263.

G. Garibaldi. Scritti…, Vol. V, p. 4.

G. Garibaldi. Scritti…, vol. II, стр. 393.

552

А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI, стр. 262.

G. Garibaldi. Scritti…, vol. V, p. 152.

Там же, т. IV, стр. 411.

Там же, т. II, стр. 14.

556

G. Garibaldi. Epistolario. A cura di E. Ximenes. Vol. II. Milano, 1885, p. 51–52.

557

G. Garibaldi. Lettere e proclami. A cura di R. Zangheri. Milano, 1954, p. 127.

558

Имеется в виду сдача в плен французской армии во главе с императором Наполеоном III после битвы при Седане в сентябре 1870 г.

G. Garibaldi. Epistolario… Cit., vol. II, p. 329–330.

См. G. Trevisani. Appunti sulla influenza della tradizione Caribaldina al movimento operaio italiano. — «Rivista storica del socialismo», 1961, № 13–14, p. 650–651, 654–656.

G. Garibaldi. Lettere e proclami, p. 101–102.

562

Там же, стр. 118.

563

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 456.

Доблестный муж (лаг.).

565

В. Гюго. Собр. соч., т. 15. М., 1956, стр. 348.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 272.

Там же, стр. 272–273.

«Clelia. II governo del Monastero (Roma nel Secolo XIX), romanzo storico-politico», Milano, 1870;

«Cantoni il volontario». Romanzo storico. Milano, 1870;

«I. Mille». Torino, 1874.

569

Дж. Гарибальди. Иго монахов, или Рим в XIX столетии. М., 1870.

О литературной деятельности Гарибальди и о его влиянии в этой области см.:

G. Sti avell i. Garibaldi nella letteratura italiana. Roma, 1901;

A. Biscottini. Poeti del Risorgimento. Livorno, 1932.

Cm. G. Garibaldi. Memorie. Vol. II, p. 635.

T. Dwight. Garibaldi the soldier, the soilor, patriot and hero. Written by Himself. With Sketches of his Companions in Arms. New York, 1859

F. Carrano. I CacciatorL delle Alpi comandati dal Generale Garibaldi nella guerra de 1859 in Italia. Racconto popolare preceduto da alcuni cenni sulla vita del generale Garibaldi, scritti da lui medesimo. Torino, 1860;

A. Dumas. Memoires de Garibaldi, traduits sur le manuscrit original. Paris, 1860;

E. Melena. Garibaldis Denkwtirdigkeiten nach Handschriftlichen Aufzeichnungen desselben und nach authentischen Quellen bearbeitet und herausgegeben. Hamburg, 1861. Издание А. Дюма сразу же было переведено на русский язык и издано в С.-Петербурге: «Записки Иосифа Гарибальди», Ч. I–II. СПб., 1860–1861.

G. Garibaldi. Memorie autobiografiche. Firenze, 1888.

G. Garibaldi. Memorie. Ed. diplomatica dall'autografo definitivo. A cura di E. Nathan. Torino, 1907.

G. Garibaldi. Memorie. Vol. II. Bologna, Ed. nazionale, 1932.

G. Garibaldi. Memorie. Vol. I. Bologna, Ed. nazionale, 1932.

См., например, об этом в работе крупного итальянского прогрессивного ученого А. М. Гизальберти; A. M. Ghisalberti. Introduzione alia storia del Risorgimento. Roma, 1942, p. 108; G. Garibaldi. Lettere e proclami. Acuradi R. Zangheri. Milano, 1954, p. XVI.